

Всё,
как ты
захочешь

Юлия Злёва

Иногда накатывает такое замечательное настроение, что не хочется отвлекаться на суету вокруг, и стоит просто закрыть глаза, сидя в плетёном кресле, вдохнуть свежий воздух, окружающий тебя, и мир вдруг меняется. Сразу думается о чём-то хорошем, о семье, счастье, светлом будущем с заботливым мужчиной рядом. Тем самым, которого сама выбрала, который сейчас сидит и смотрит, как ты мечтательно улыбаешься. Но разве бывает будущее без прошлого? Ведь прошлое есть у всех, даже если ты хочешь, чтобы его не было, даже если твоя жизнь только начинается. А ещё есть мужчина. Тот, которого ты не выбирала, но который выбрал тебя. Тот, который так же смотрит, но издали, не решаясь нарушить покой. А ещё этот мужчина хочет владеть. Вниманием, временем, тобой... И остановить это желание может только он сам.

Пролог и Глава 1

Пролог

Я готовилась раскрыть глаза и увидеть яркий лучик солнца, который уже несколько минут пытается ослепить меня через закрытое веко. Но не торопилась. Ещё минутку, ну, может, две. Лежала и чувствовала, как губы расплываются в блаженной улыбке, как я поджала их, чтобы усмирить бурную фантазию в предвкушении. Да, сегодня у меня день рождения. День, который из года в год начинается с яркого солнечного лучика. Это как необходимый ритуал. Как залог успеха на весь будущий год. Бабушка говорила, что дождливый день обязательно будет приносить судьбоносные изменения в мою жизнь, и я ей верила. Например, такие, как рождение. Я родилась в грозу. Самую настоящую июньскую грозу, с громом и молнией. Мама рассказывала, что град барабанил в окно родильного дома, пытаюсь до меня достучаться, чтобы позвать на прогулку. Глупо конечно, но в детстве это казалось вполне правдоподобно. Я вообще любила слушать сказки, особенно те, в которых говорилось про прекрасную принцессу и храброго принца. Был, правда, ещё один дождь... но его я вспоминать не хочу.

Лежу и отсчитываю: десять, девять, восемь... Мои биологические часы никогда не отстают. Семь, шесть, пять... Я жду звонка от бабушки. Она всегда поздравляет меня первой. Раньше, когда мы жили вместе, это было естественно и очень волнительно. Я просыпалась, но, так же, как и сегодня, не спешила открывать глаза — мне было важно, чтобы первое, что увижу в этот день (за исключением солнечного лучика), были её глаза, говорящие о том, что всё будет хорошо. Всегда было так. Вот и сегодня я отсчитываю: четыре, три, два...

Только звонка не последовало. Я тут же подскочила, дабы убедиться, что не потерялась во времени. Глянула на часы: нет, всё верно, ровно семь утра. Без единой секундочки, но бабушка не звонила. Позвонила она на одну минуту позже, но в этот момент, нажимая на кнопку принятия вызова, я смотрела уже не на телефон, а на серое небо за окном, на частые капли дождя, которые покрывали асфальт влагой. Оглянулась, нахмурившись, выключила ночник, который горел всё ночь и ввёл меня в заблуждение с утра. Да... сегодня поистине необычный день. Почему-то я в этом уже уверена.

— Галочка, с днём рождения, дорогая. — Уже вещала в трубку тёплым и таким родным голосом бабуля. — Желаю тебе счастья, здоровья и обязательно удачи. Думаю, сегодня она тебе пригодится.

Я услышала, как бабуля улыбнулась и сама улыбнулась ей в ответ, несмотря на то, что сейчас нас разделяло как минимум полгорода. Она знала о моих суевериях и наверняка попыталась сделать свой голос как можно бодрее.

— Спасибо, ба, я уже видела погоду. Сегодня приеду.

— Не стоит. Заедешь завтра. Сегодня твой день и ты должна провести его так, как хочется. А общественный долг можешь выполнить в любой другой день.

— Что ты говоришь, какой ещё общественный долг? Ты же знаешь...

— Знаю, знаю, нет для тебя никого дороже. — Засмеялась она, намеренно перебивая. — Только пора бы тебе обзавестись другим самым важным человеком в жизни. Ну-ка, поделись, что там, на любовном фронте?

Я присела на подлокотник дивана, пытаюсь уместить на него обе стопы. Тоже что-то вроде ритуала: загадываешь желание, садишься так, и нужно обязательно досчитать до

десяти пока не свалилась, иначе оно не исполнится.

— Галочка, что там у тебя? — Забеспокоилась бабуля, пока я пыхтела, пытаюсь сесть ровно.

Но сегодня мне не везёт особенно, и я свалилась даже не на диван, а на ковёр, хотя прежде такого не случалось. Кое-как расправив волосы, которые так и намеревались влезть в глаза, широко улыбнулась.

— Всё хорошо, ба.

— Только не говори, что ты снова упала со своего дивана! — С притворной грозностью в голосе пыталась она меня отчитать.

— Ба, это важно. Ты же спросила, что там, на любовном фронте, вот я и загадала получить хоть какую-нибудь развязку с Антоном в ближайшее время. Возраст всё-таки... наверно, уже пора определяться.

— Возраст здесь вообще ни при чём! Выходить замуж нужно по любви. Ну, в крайнем случае, по расчёту, а не когда возраст у тебя, видите ли... Тебе всего двадцать четыре!

— Да, почему сразу замуж-то? А если и так... у тебя на этот момент было уже двое детей и муж.

— И что? Было бы, чем гордиться. И вообще, диван-то тут причём? Хоть бы подходящий выбрала. А на этом подлокотнике даже чашку не пристроить, не то, что бы...

— Не выражайся, ба... — Засмеялась я, вставая.

Прошла на кухню, включила чайник, посмотрела на банку с кофе, которая опустела как раз вчера, тяжело вздохнула. Мысленно убедила себя, что всё хорошо и распаковала зелёный чай, купленный ещё в прошлом году. Как раз тогда, когда решительно принялась за здоровое питание. Хватило меня всего на пару пучков приготовленного на пару брокколи. Интуиция подсказывала, что я не с того начала, но, в общем, до чая так и не добралась. Ничего, начну сегодня.

— Ну, чего смолкла? Небось, кофеин на кухне закончился. — Хитро хихикнула бабуля.

Послышался звонок в дверь.

— Иди, открывай. — Подначила она и подозрительно замолчала.

Конечно же, я поспешила. Курьер мило улыбнулся, как я спустя секунду поняла, оценив мою весёленькую маечку для сна, но краснеть не стала, даже наоборот, выпятила грудь вперёд, благо похвастаться было чем. Расписалась в ведомости, поблагодарила одними губами, только он не на них смотрел, а на соски, которые приняли весьма соблазнительный вид, почувствовав разницу температур квартиры и подъезда. Пока распаковывала коробку, бабуля молчала, признаться, на секунду я забыла, почему до сих пор держу телефон в руках и собиралась отложить его в сторону, но увидела повязанную бантиком чашку с кофе и рассмеялась, в миг всё припоминая.

— Ещё раз спасибо, ба, что бы я без тебя делала...

— В крайнем случае, осталась бы без кофе. — Оптимистично заметила она и поспешила попрощаться, ссылаясь на необходимость и всех остальных близких людей поздравить именинницу.

По ходу дела, я имею в виду, поздравления, которые посыпались уже с восьми часов, (наверно, дали мне время на душ) я успела накраситься, высушить волосы, переодеться, даже чулки натянула, умудрившись не сделать ни единой затяжки. Приняла ещё парочку ценных бандеролей от бывших однокурсников, которые по злему року судьбы оказались в какой-то Тмутаракани, и не могут поздравить лично. Поставила букет от Антона в воду. Сам он,

естественно, ещё спал — прислал курьера, который едва ли не серенаду по заказу спел, но всё равно приятно. И отправилась на работу.

По случаю праздника и с целью остаться сухой, даже такси себе позволила. Не то, чтобы недостаточно зарабатывала, но и тратить деньги на подобные излишества в планы никогда не входило. К тому же, я уже год как сдала на права и копила на подходящее авто. Только вот, то ли подходящее авто стоило слишком дорого, то ли я действительно плохо коплю, но до желанной цели было ещё года два как минимум.

На самом деле, жизнь мою плохой не назовёшь. Да, отца я никогда не знала, могла только догадываться, что тот кареглазый красавец, который обнимал маму на одном из фото, он и есть. Мама давно умерла, но это судьба, а предъявлять ей претензии не имеет никакого смысла. Судьбе стыдно не станет, да и время вспять не повернёшь, поэтому я её всегда благодарила. За то, что оставила мне бабулю, которая была в той же машине, что и мама, в день аварии, за то, что даёт ей здоровье, за то, что сама жива, здорова и каждый день могу вступить в очередную схватку с ней же (судьбой-злодейкой). В общем, я оптимист, каких мало. Антона, вот, встретила два года назад. Отличный парень, интересный, целеустремлённый, одним словом, достойный. Чего достойный, сказать затрудняюсь, точнее, мне стыдно сказать, что он достоин меня, вроде как, не самокритично это. Поэтому сошлюсь на общепринятое выражение и повторюсь, что он действительно достойный. Характер, что у меня, что у него, не сахар. И это если учесть, всё мою оптимистическую направленность. Двум сильным личностям, к коим я бессовестно причисляю и себя, всегда сложно ужиться. Нужно учиться уступать, а учиться мы устали в школе, университете и на работе. Так что, справляемся, как можем. До совместного проживания ещё не дожили, да и старомодна я в этом плане.

Закончила филфак по профилю нашего великого и могучего, по распределению работаю в редакции одного из ведущих издательств города. В обязанности входит редакция текстов перед изданием. Мне нравится. Есть в этом что-то творческое, что-то волшебное. Из обычного текста сделать настоящее произведение. Казалось бы, буквы и буквы, слова и слова, а нет. Попробуй поменять местами парочку и всё меняется. Я даже не о смысле говорю, о восприятии. Работы много всегда, разной. Интересной и не очень. Но обязательно попадают так любимые мною сказки о принцах и принцессах. В переводе на современный лад, разумеется. Не скажу, что Золушки в цене, так ведь и она принцессой никогда не была...

— Привет, именинница, поздравляю.

Первой подбежала ко мне бывшая однокурсница, а ныне непосредственный начальник и, по совместительству, лучшая подруга, Лизка. Не сказать бы, что она умнее или перспективнее, но когда папа главный редактор это даёт тебе некоторые шансы на успех. Завидовать я ей — не завидовала, а вот уважать за стойкость могла смело. И опять же, здесь маячит папа главный редактор, который возлагает на тебя не только надежды, но и груз ответственности. Так вот, этот груз, как, впрочем, и пакостные выпады завистников, Лиза несла достойно, иногда даже слишком достойно: нос грозился взлететь к небу или, на худой конец, упасть в грязь. Потому что с задранной носом недолго споткнуться и угодить в лужу.

Лиза вручила мне подозрительный цветастый конвертик, букет миниатюрных непахнущих цветов и поцеловала в щёку.

— Ох, не знаю, что и сказать. — Покосилась я на букет.

— Можешь отделаться банальным спасибо и с остервенением распечатать конверт. Ну же, давай!

Она и сама рот открыла, словно не знала, что дарит, но это так заразительно выглядело со стороны, что я сдалась и отбросила в сторону все сомнения. Букет, правда, бросать не стала, аккуратненько положила на край рабочего стола.

— Т-Р-Р-Р, па-ба-ба-бам... Ну, где же твой радостный клич, подруга?! — Торопила она меня, выглядывая из-за плеча, а я, с взлетевшими вверх бровями, таращилась на путёвку на замечательный остров Бали на двоих, в ближайшие выходные.

— Спасибо, Лизка! — Взвизгнула я, резко развернулась и бросилась ей на шею. Даже букетик омрачить этот момент не смог.

— Тише, тише, задушишь. — Засмеялась она. — А если вдруг Антоша как всегда на выходные будет занят и поехать не сможет, ты уж, уважь, вспомни обо мне. Я, конечно, супружеский долг не исполню, но развлекься помогу. — Глядя на идеальный маникюр, якобы отстранённо произнесла она, и тут же лукаво зыркнула в мою сторону, расправила по губам яркую помаду.

— Обязательно вспомню, только мне кажется, что ради поездки Антон сможет отказаться от воскресного футбола.

Лиза нахмурилась и расстроено вздохнула.

— Если честно, мне тоже так кажется. — Тут же широко улыбнулась, обнажая идеально ровные белые зубы. — Но тогда я претендую в первые ряды на просмотр отпускных фоток.

Она издала несколько неприличных звуков, которые сопровождались столь же неприличными жестами, и засмеялась понятным только нам двоим смехом.

Лиза вообще была особенной. Не такой как все. Красивая. Куда сейчас без этого?.. Я тоже ничего, но моя внешность была какой-то кукольной, слишком идеальной, что ли, миловидной. Волосы светлые, длинные, ложились в ту сторону, куда нужно мне. Сколько себя помню, они такие. Губки бантиком, бровки домиком. Мне даже не приходилось часами их выщипывать, добиваясь идеальной формы. Они и без того были идеальными. Следовало только чуть-чуть подправить снизу и подвести карандашом. Румянец естественный, в нужном месте, глаза достаточно выразительные, приятного небесно-голубого оттенка. Не вызывающего, а такого, расслабляющего. В детстве я его обиженно называла мутным, сейчас, видимо, свыклась. Фигура не подкачала, рост тоже ничего. Выше среднего. И каблуки можно, и без них сойдёт, да ещё и Антон высокий, так что не обязательно тормозить бурную фантазию. Короче говоря, всё у меня было хорошо.

Вот у Лизы было не так. Точнее, не совсем так. Да, она тоже была с правильными чертами лица, красивая и фигуристая. Только, как бы это сказать... живая. Да, это самое верное слово. И в глазах у неё всегда огонь, и душа нараспашку. Да так широко нараспашку, что иногда хочется эту душу хотя бы шалью прикрыть, чтобы из бюстгальтера не вывалилась. Она яркая, энергичная, вся из себя. Люблю я её. Что ту ещё скажешь... Я блондинка, она шатенка. На каждую находилась свой любитель. Её парень тоже удачно вписался в нашу дружную компанию. И такие мы обе замечательные дружили давно, и, казалось бы, бесповоротно. Опять же, она меня в издательство пристроила, чтобы не мытарствовалась. И сейчас, на правах лучшей подруги, смело предложила поездку, которую я всегда откладывала на потом, потому что не была уверена, что Антону нужно что-то подобное. Да, он не давал мне повода, но за левым плечом обязательно селились пару чертят, которые нащёптывали всякие непотребные глупости.

— Это всё, конечно, хорошо, — я оглянулась по сторонам и перетянула букет за сумку, пытаюсь прикрыть, — только вот что мне с этой красотой делать?

Говорила я шёпотом, хотя окружающим и так всё было понятно.

— Да что хочешь! — Смело заявила Лиза. — Это же твои цветы, в конце концов.

— Ну, ты же знаешь, у нас с этим строго, а выбросить жалко, да и неприлично.

— Глупости! Мужчина дарит женщина цветы не для того, чтобы...

— Мужчина?!

— Конечно. Не я же тебе его подарила! От меня, вон, путёвка. — Уверенно плела она свою паутину, пока я пыталась успокоить разбушевавшееся сердечко. — Да ладно тебе. — Совсем не церемонясь, она хлопнула меня по плечу. — Это папа тебе подарил. Так что можешь быть спокойна. Он знает, что делает. Там эти цветы обрабатывают каким-то особенным образом, на них нет пыльцы, и они совсем не пахнут, но выглядят отпадно.

Про внешний вид букета не согласиться было нельзя, действительно, красивый. А вот косилась я на него неспроста: все знают, что у главного редактора жуткая аллергия на запахи, поэтому мы даже духами в издательстве не пользуемся. А тут вдруг цветы. Кто захочет так подставить любимого руководителя? Вот уж точно не я.

Когда меня поздравили и остальные члены небольшого, но дружного коллектива, и мы с Лизкой остались наедине, можно было расслабиться. Хотя все и так знали о наших отношениях, но всё же не хотелось говорить при посторонних. А посторонними для меня являлись многие. Нет, я компанейская девчонка и всё такое, но были моменты, в которые не хотелось допускать никого лишнего. День рождения как раз к таким и относился, считался глубоко личным праздником, который мы отмечали в достаточно узком и давно сформировавшемся кругу

— Признавайся, что подарил любимый. — Подмигнула мне подруга, а когда я решила оставить этот вопрос без комментариев и села за рабочий стол, пытаюсь прикрыться монитором компьютера, самым наглым образом села на этот же стол передо мной. — Колись, иначе мне придётся тебя пытать. — Пригрозила она и вытянула из стопки несколько конвертов с корреспонденцией.

— Лиза, перестань, это по работе. — Не понятно для чего пыталась пояснить я, хотя кому как не моему непосредственному начальству знать, что за конверты могут лежать на столе? Даже выхватить их попыталась, но ловкие ручки с идеальным маникюром вовремя взмывали вверх, не позволяя пытку закончить.

— Нет, ну, так не честно. Признавайся! — Показательно надулась она и с обидой бросила конверты на стол. Руки перед собой скрестила, подпирая пышную грудь, смотрела в одну точку где-то позади меня.

— Просто мне пока не в чем признаваться. — Примирительно пробормотала я, но Лиза и ухом не повела. — Так смотришь сейчас, словно за моей спиной что-то интересное. — Сказала, уже сама раздражаясь.

— Там паук.

— Что?

Лиза перевела на меня ясный взгляд.

— Паук, говорю, и если не будешь шевелиться, он тебя не съест. — Добавила, паясничая, а я уже с визгом подскакивала на месте, пытаюсь сбросить с себя отвратительное существо.

— Сними! Сними с меня! Скорее! — Взывала, шевеля, казалось, абсолютно всеми своими рабочими мышцами, подскакивая на шпильках, разбрасывая неудачно лежавшие на столе бумаги.

— Да тихо ты! Вон он!

Я всё ещё не могла остановиться, когда Лиза начала тыкать пальцем на стену позади жалюзи.

— Да не прыгай! Сейчас испугается, убежит, и обязательно заберётся в твою сумочку. — Строго пригрозила она. Не сказать бы, что убедила, скорее уж, наоборот, но сзади послышалось громкое покашливание. А как же ему громким не быть, если я пою и танцую?

— Галина Анатольевна, надеюсь, это не мой букет привёл к такой бурной реакции? — Точным движением наш главный редактор Григорий Степанович поправил дужку очков справа, старательно скрывал рвущуюся на свободу улыбку и уголки его губ едва заметно дрогнули.

— Даже не знаю, что сказать, спасибо, цветы просто замечательные. — Промямлила.

— Ага, были. — Кивнул он на мою руку, в которой я со скорбью не только во взгляде, но и в душе, обнаружила избитый жизнью в целом и мною в частности, букет. Как он там оказался?.. — И причёска... была. — Улыбнулся он сильнее. — Лизавета Григорьевна, за мной. Вас, Галина Анатольевна, — он выразительно глянул на мою голову, — жду через две минуты.

Лизка удивлённо скривилась, как бы говоря: «Понятия не имею, что взбрело ему в голову», при этом активно пожимала плечами, а взглянув на мою голову, прикрыла рот ладошкой. Коза!

Паука, кстати, на месте не обнаружилось, хотя сейчас я не очень-то уверена, что он там вообще был...

Приведя себя в порядок, смогла смело шагнуть в кабинет главного редактора, где уже сидела притихшая и заметно заскучавшая подруга.

— И ты присаживайся, радость моя. — Кивнул на соседний от Лизки стул Григорий Степанович и сам опустился в редакторское кресло, которое давно стало легендой в издательстве. Все обсуждали его невероятную стоимость.

Григорий Степанович смерил нас труднопереводимым на русский язык взглядом, устало вздохнул, поджал губы.

— Ох, и не знаю даже, что с вами, девочки, делать... Вроде и накосячили...

— Да где?! — По банальной привычке спорить везде и во всём, встрепенулась Лизка и выпятила свою грудь вперёд. Под взглядом отца немного осела, а потом и вовсе сдалась. — Да они сами виноваты! Когда нам текст представили, когда? За два дня до сдачи в печать? Пап!

— На это у нас есть юридический отдел, Лизавета Григорьевна, который и занимается подобными нюансами. Ты же, в свою очередь, не поставила их в известность, а значит, взяла всю ответственность на себя. Вот и держи удар.

— Много чести. — Надулась она и повернулась ко мне. — Галк, ну, вот ты ему скажи, что...

— Даже слушать ничего не хочу! — Перебил её глав. ред. и посмотрел уже на меня. — В общем, на первый раз...

— Прощаешь? — Засияла Лизка, совершенно забыв о том, что она вроде как обиделась, тут же вспомнила, но было уже поздно. Григорий Степанович непреклонен.

— На первый раз отделаетесь лишением премии. И это только на первый раз. Урок, думаю, для вас хороший. Что же касается...

— Папа! У меня всё копеечка в копеечку было рассчитано! Давай следующую премию, а?

— Никому хоть не рассказывай, дочь, что копейки считаешь. — Усмехнулся он. — Засмеют ведь. А в качестве морального ущерба вот вам. — Положил на столе два красивых голубых конверта. — Краткосрочный отпуск с начала следующего часа прилагается.

Лизка тут же распаковала конверт, я с эмоциями не торопилась, к тому же, она через секунду поделится своими впечатлениями.

— Ладно, прощён. — Великодушно глянула она на отца поверх конверта, потом удержала расплывшуюся на лице улыбку, встала, обошла стол, клюнула его в щёку и крепко обняла. — Как хорошо, что ты у нас есть, пап.

— Григорий Степанович. — Напомнил глав. ред. и улыбнулся.

— Спасибо. — Поблагодарила я, стягивая такой же конверт со стола и для себя. — Мы можем идти?

— Конечно. Только не вздумайте вихрем нестись из издательства. Я вас отпустил только с десяти.

— Помним, помним, папочка. Целую. — Тут же, в подтверждение слов, отослала воздушный поцелуй и вытолкала меня за дверь. — Ху-у, нет, ну, ты представляешь, премии лишил! Да я с этого Ядвинского всё стрясу, пусть даже не надеется легко отделаться! — Возмутилась она. — Надо же, каков наглец! Я его по доброте душевной не сдала, так вот чем он меня отблагодарил! Отцу пожаловался!

— Скажи спасибо, что не стряс неустойку. А я говорила, что не стоит его детектив принимать так поздно. Но ты...

— Да ладно тебе, пронесло ведь! — Хлопнула она меня по плечу. — Зато теперь у нас есть неограниченный по лимиту день в лучшем спа-салоне города! Я говорила тебе, что у отца с его владелицей роман, нет? — Тут же понеслась она во все тяжкие, обсуждая, как же удачно Григорий Степанович выбирает себе любовниц.

Лизка тоже росла без матери, только по другим причинам. Та их бросила ради нахлынувшей любви с каким-то альфонсом. Потом, правда, вернулась, но Григорий Степанович не принял. Не приняла и Лизка, правда, я думаю, это она только напоказ так говорит, потому что иногда ей всё же звонит какая-то женщина. Но это не моё дело. А ко мне так по-простецки Григорий Степанович относится потому, что я все пять лет обучения просидел в их квартире. Лизка всегда любила мою компанию, да и лабораторные работы, и контрольные я всегда готовила лучше. Так и справлялись. А потом он занял пост главного редактора, и не воспользоваться такой возможностью было попросту глупо. Так я и стала Лизкиной подчинённой. А она моей начальницей.

День в салоне прошёл, мягко говоря, незаметно, Лиза со своей ненасытностью явно намеревалась опробовать всё из предлагаемого ассортимента, но времени катастрофически не хватило, пришлось закругляться и наводить марафет. Зато к вечеру мы были абсолютно готовы.

Глава 1

— Двенадцать пропущенных. — Констатировала, глядя на телефон. — Галка, твой сколько раз звонил?

— Учитывая, что мы с тобой шесть часов были вне зоны доступа... — Умно закрутила я, на что Лиза тут же руки в бока упёрла.

— Нет, Галь, ты такая правильная, что у меня иногда даже волосы дыбом от

раздражения стоят! Какая разница? Мы на территории, куда мальчикам вход воспрещён. Пусть волнуются. Им это полезно. — Хохотнула напоследок, а сама бросилась перезванивать и мило щебетать в трубочку.

— Да, Зай, да, заработались. — ... - Нет, нет, заезжать не нужно, мы сегодня на моей. — ... - Да нет проблем, на стоянке у клуба оставим. — ... - Синий. Нет, Антону тоже синий Ну, что ты... Хорошо, его сам успокой, у нас с Галей ещё есть свои секретки. Целую. Всё. Пока, пока.

Нажав на кнопку отбоя, ещё пару секунд погримасничала перед телефоном и на меня посмотрела.

— Ну, вот, а ты волновалась. Да они даже и не искали нас. Звонили, чтобы спросить, что надеть. Представляешь?! Детский сад.

— Конечно, особенно если вспомнить, как ты их отчитывала в прошлый раз, так вообще проблем нет.

— А что ты хотела? — Вспыхнула Лиза и надулась как мыльный пузырь. — Я в платье пришла, а он в шортах. И это на встречу выпускников! Он бы ещё плавки нацепил!

— Была пляжная вечеринка, его шорты оказались более уместны, нежели твоё платье.

— Однако когда я сказала, что работаю зам глав. ред., они ахнули, а по поводу того, что мой парень имеет свой бизнес, многие усомнились.

— Ну и что? На его заработной плате их мнение не отразилось. Не так ли?

— И всё равно неприятно! — Упиралась она. — Да что ты теребишь свой телефон? Валера сказал, что они уже встретились, так что всё твоему благоверному передаст. Как думаешь, что Антон подарит тебе на день рождения? — Без должного перехода оживилась Лиза, и я сжала телефон в своих руках сильнее.

— Откуда я знаю? — Возмутилась, недовольно хмуря брови.

— Мне кажется, в этот раз будет что-то глобальное. — Мечтательно причмокнула она губами, улетающая в мир фантазий, я же, культурно промолчала. Но была с ней согласна. Антон затаился, а значит, что-то всё же подготовил.

Вспомнить только предыдущий праздник: он купил мне новомодный ноут с множеством функций и различных наворотов, хотя для работы достаточно простейших программ, минимум памяти и выход в интернет для развлечения. Но о подарке я знала задолго до торжественного момента вручения. А как тут не знать, если у меня десять раз спросили, какую я модель предпочитаю и всё в таком духе. В общем, секрета из всего этого не делалось. Сейчас же, всё держалось в строжайшей тайне, и даже поверенный во все преступления друг Валера, не мог ответить на этот вопрос.

— Вот бы машину подарил, да? — Отвлекла меня от раздумий Лиза, и я от неожиданности дёрнулась. — Да что с тобой, в самом деле? Вся на нервах сегодня.

— Дождь. — Не вдаваясь в подробности, ответила я и двинулась к выходу. Лиза нагнала меня по дороге.

— Сейчас ко мне поедет, — повисла на моём плече, — потом к тебе заскочим, чтобы и ты переоделась.

— В самом деле? Можно? У кого вообще праздник, подруга? Кто должен быть на высоте? — Невежливо стряхнула я её локоть и ускорила шаг. — Давай сначала ко мне. Так по дороге будет, да и собираюсь я быстрее. А тебя вечно нужно в рамки ставить, чтобы не распускалась. И давай активнее, — я посмотрела на пасмурное небо, которое вот-вот грозило возобновить потоки воды, — боюсь, как бы старания все насмарку не пошли.

Смотри, как затягивает.

— На машине нам не страшен ни дождь, ни снег! — Оптимистично ответила Лиза и согнула мой указательный палец, который так и застыл, указывая на набежавшие тучи.

Уже в квартире Лизы, я поняла, что приняла абсолютно правильное решение, переодевшись первой: мы уже битый час не могли выбрать платье, которое, как она обещала, давно висит в шкафу. Разглаженное и надушенное. К слову сказать, именно в таком виде оно и висело... среди десятка аналогичных изделий. Поэтому выход затягивался.

— Лиз, нас все ждут. — Который раз за вечер пропыхла я, устав листать модные журналы, пить кофе и, условно говоря, ковырять в носу.

— Да кому там ждать?! Мы звёзды вечера. — Выглянула она и наткнулась на удивлённо приподнятые брови. — Ну, ты. И я с тобой вместе. — Поправила козе хвост, но была уже в платье, что значительно утихомирило рвущееся наружу раздражение.

— Шесть человек приглашены, если ты забыла.

— Да... вот если бы ты шесть мужиков пригласила, я бы ещё поняла, а так... Валера мой, твой Антон и четыре бесприданницы. Оно тебе надо? Верка, того и гляди, на шею Антоши повиснет. А ты всё с рук спускаешь!

— Я считаю, что если он меня любит, то...

— Ой, только не нужно вот этой лирики. Любит, не любит, — как обычно принялась кривляться Лиза, поправляя и без того идеальный макияж. — Любовь, это, конечно, хорошо, но ничто так не разряжает обстановку, как жаркий секс с утра.

— Лиза!

— А что я такого сказала? Нет, вы посмотрите на неё! Словно и сама не знаешь, что им всем надо. Свадьба, свадьба, кольца, кольца! А потом налево при первом удачном стечении обстоятельств. А наша задача таких обстоятельств не допустить! — Наставническим тоном проговаривала она, тыкая в меня кисточкой от блеска для губ. — И чем чаще мы будем напоминать своим мужчинам, какие замечательные девушки им достались, тем быстрее они это запомнят. Как рефлекс у собаки Павлова. Понимаешь?

— Поехали уже, а, собака... Павлова.

Я, наконец, поднялась с кресла, расправила подол коротенького платьица и первой вышла. Из подъезда мы уже бежали вприпрыжку, потому, как дождь всё же начался, а до машины нужно было ещё добраться. В итоге опоздали минут на двадцать, ссылаясь на пробки, которых в нашем городе не так и часто увидишь. Что очень даже удивительно, учитывая развитую инфраструктуру, растущие потребности граждан и масштаб нашего старинного города. Ребята уже собрались за столиком и бурно обсуждали меню. В общем, появились мы в самый подходящий момент.

— Ну, привет, моя красавица. — Слащаво улыбнулся Антон, хоть и знал, что я такого обращения не люблю. — Всё в порядке? — Шепнул на ухо, поласкав щёку губами, помог присесть.

— Да, всё хорошо. Надеюсь, недолго ждали.

— Всю жизнь. — Он со значением посмотрел в мои глаза, пока я не отвернулась, словно предчувствуя неладное. — Но сегодня минут десять. — Быстро исправился, понимая, что на нас уже смотрят.

Торжественные речи подруг и даже Лизы, можно опустить, потому как они очень похожи и в пожеланиях, и в глупых улыбках, которые их сопровождали, а вот Антон подозрительно отмалчивался, и для себя я поняла, что это либо очень хорошо, либо очень

плохо. Мы несколько раз выходили на танцпол, как в медленных композициях, так и для того, чтобы заставить кровь бежать по венам быстрее, но нехорошее предчувствие не отпускало. Да ещё и дождь не успокаивался, о чём свидетельствовали проходящие в клуб гости, на счастливых лицах которых, нет-нет, да и мелькнёт капелька недовольства и капелька свежих осадков.

Вернувшись за стол в очередной раз, отметила на нём явные изменения. И дело здесь было отнюдь не в чистых тарелках. Что-то странное было в лицах присутствующих, так же не понравилась бутылка дорогого шампанского, которое при мне никто не заказывал... и Антон. Да, очень уж странно он засуетился вокруг. Не плюхнулся в глубину уютного дивана, как любил делать обычно, а остался стоять. И меня придержал за руку, не давая присесть.

— Минуточку внимания. — Глупо улыбнулся он, у меня, что ли, внимания просил? Все и так молчали.

Я поджала губы, задержала дыхание, а на сцене заиграла мелодия, которую, на американский мотив, Антон называл «нашей». Очаровательная ресторанный певица брала высокие и низкие ноты, а все в зале почему-то пялились на нас. Но я надеялась, что всё это только кажется. Тщетно. Допев, она широко улыбнулась и, не дожидаясь заслуженных аплодисментов, так же посмотрела в нашу сторону.

— Сегодня один мой хороший друг решил на самое важное в своей жизни признание. Он за пределами волнуется, поэтому очень просил вашей поддержки. Антон, тебе слово. — Кивнула в нашу сторону, и он встал на одно колено, бережно придерживая мою ладошку, которую до этого сильно и весьма собственнически сжимал. Я даже на шаг отступила, чтобы не мешать ему делать такое важное признание. Ненавижу показухи, а романтиком мой парень не был никогда, но сейчас, меж тем, сверкал глазами и широкой улыбкой.

— Галя, я давно понял, что ты именно та женщина, которую хотел бы видеть рядом с собой каждый день, каждое утро и, надеюсь, каждую ночь. — Вдохновенно начал он под всеобщие «ахи» и «вздохи». Кто-то из особо бесцеремонных, даже присвистнул, подбадривая, потому как его речь в абсолютной тишине не услышать было просто не возможно. — Ты самая красивая, самая желанная, самая дорогая. Ты настоящая, чем подкупила с первой же встречи. И я буду благодарен, если ты согласишься скрасить мою жизнь своей улыбкой, своей теплотой, которой мне так не хватает, если тебя нет рядом. Будь моей женой.

А потом, как по заказу, в его руке оказалась красивая квадратная коробочка, открыв которую, я смогла увидеть не менее красивое кольцо. Антон, меж тем, продолжал стоять, припав на одно колено, с придыханием наслаждался моей наигранно счастливой реакцией, фальшивой нерешительностью и тем, как непослушные губы едва слышно произнесли «да». Всё как по сценарию излюбленной комедии. Затем последовал обязательный в таких случаях поцелуй двух любящих людей, громкие овации и поздравления, как друзей, так и случайных свидетелей душещипательной сцены. А когда я присела за стол, мне уже не хотелось ничего.

— Детка, не обижайся, мне кажется, получилось красиво. — Абсолютно не смущаясь своего поступка, улыбался Антон, поцеловал кончики моих пальчиков, которые я тут же из его захвата вытянула.

— Не нужно было всего этого. — Пояснила мягко, не желая обидеть его и как-то продемонстрировать недовольство. Только все и так поняли, что не рада такому вниманию. Не понятно было лишь то, почему я не радуюсь самому предложению. Ведь о таком можно было только мечтать.

Красавец с правильным настроем на жизнь, хорошей наследственностью и уважаемой в городе семьёй, давно считался завидным женихом. И, когда, казалось бы, весь мир у моих ног, сердце почему-то бьётся часто-часто, не желая замедлить ритм. Антон довольно улыбался, откинувшись на спинку широкого дивана, и подмигивал мне, поймав неосторожный взгляд, Лиза же, подвинулась поближе.

— Вот это мужик! Вот это уважаю! — Возбуждённо говорила она мне на ухо. — Надо же! А я всё машина... машина. Вот он. Настоящий поступок!

— Так говоришь, словно он не предложение мне сделал, а вошёл в клетку с тигром.

— Кто знает, насколько ты у нас дикая, кошечка... — Неоднозначно потянула Лизка и выгнулась наподобие пушистой проказницы. — Мраур... — Мурлыкнула и тут же залилась смехом.

Праздник продолжался, музыка не стихала. Антон, кинув на меня несколько неоднозначных взглядов, приблизился и пригласил на танец. Естественно я согласилась — сказать мне было что.

— Не дуйся! — Первым делом выдохнул он в мои волосы, прижимаясь в танце всем телом, блуждая тёплыми губами по лицу. — Знаю, ты всегда говорила, что не любишь этого пафоса и громких слов, но моя мама убеждена, что в душе все девушки остаются маленькими принцессами и жаждут красивых поступков. Как тебе такой аргумент?

— Аргумент, может, и правильный, но не для меня.

— Глупости. — Улыбнулся Антон, отстраняясь лицом, чтобы увидеть мою ответную улыбку. И она появилась незамедлительно. — Ну, вот видишь, всё не так страшно, как казалось ещё минуту назад. Всё хорошо. Да?

— Да.

Кивнула я, скорее, чтобы его успокоить, не высказанное мнение можно было оставить при себе.

— Ты самая красивая и самая замечательная из всех девушек, с которыми я был знаком. Я действительно хочу, чтобы ты стала моей женой. Я так хочу. — Выделил специально. — И сделал это не потому, что моя мама называет тебя удачной партией. Не потому, что отец видит в тебе будущую мать своих внуков, правда. Я хочу быть с тобой, а всё остальное лишняя суета. Ты будешь моей женой?

Я удивлённо уставилась на него, а Антон нахмурился.

— Я же сказала «да». — Пояснила с примирительной улыбкой, которая его ничуть не смягчила.

— Ты растерялась тогда и сказала это для толпы. Для меня скажи, прошу.

Я растерянно смолкла.

— Ты будешь моей женой?

Антон спросил достаточно громко и чётко, настолько мощная энергетика исходила от этих слов, что я на секунду растерялась, словно попала на несколько лет назад, где от меня требовали этого ответа, и по телу от таких воспоминаний прошлась волна дрожи.

— Да. — Ответила, отмахнувшись от всего лишнего, и попыталась спрятаться, уткнувшись лицом в широкое плечо.

— Да... — Эхом услышала его голос и почувствовала улыбку, которая тронула губы, мешая поцелую. Мимолётному, лёгкому, воздушному. Наконец-то получилось расслабиться, и я отдалась во власть танца, во власть мелодии, во власть надёжных мужских рук, которые уверенно вели в этом танце. Которые так же уверенно поведут меня по жизни.

А уж когда вернулись за стол и музыка стала более приглушённой, сложно было отделаться от суетливых насущных вопросов.

— А когда это важное событие?..

— Вы дату уже назначили?..

— А какое будет платье? Я бы посоветовала тебе свадьбу в стиле хебби-шик...

— Ни в коем случае не заказывайте лимузин, на нём потом у памятников не развернуться...

— Ресторан нужно бронировать заранее...

Вопросы и советы сыпались с разных сторон, Антон не успевал отбиваться, я, так и вовсе молчала. Была сейчас в другом месте, наверно, даже в другом измерении. Знала, что завтра должен состояться другой разговор, который я планировала оттянуть ещё на пару лет как минимум.

— Галь, не грусти. — Пьяно улыбнулась мне Лиза и толкнула в бок острым локотком. Пришлось улыбнуться в ответ, а губы прикрыть бокалом с шампанским, чтобы не было видно, как они тут же кривятся. — Станешь ты скоро гражданкой...эм... как у Антоши фамилия?

— Ковалёв.

— Ну, — цокнула она языком, — фамилию мужа сейчас брать не обязательно. Так вот, выйдешь ты замуж, а там и Валера мой зашевелится. Глядишь, в следующем году спиногрызиков нянчить будем. И вообще, жизнь, как мне кажется, налаживается. Эх, жалко ты из издательства уйдёшь, мы бы там с тобой таких дел наворотили...

— Каких ещё дел? И почему это я уйду?

— Ну, как же, — удивилась она и нахмурилась, видимо, переживая пузырьковый взрыв в своей голове, — наверняка Антошин папа возьмёт тебя к себе.

— Ага, в металлургическом бизнесе страх как ценятся филологи русского языка с красным дипломом.

— Твоя правда. — Она подняла бокал, предлагая чокнуться, а меня долго и просить не нужно, тут же ответила. — Одно дело, если бы ты английский изучала... — Потянула мечтательно и на несколько секунд задумалась. — Да, нужно учить иностранный. Пригодится в жизни. Мало ли, я ещё замуж за иностранца выйти могу. — Надула губы, прикидывая в уме, а сможет ли.

— С гражданством определилась? — Хохотнула я, понимая, что подруга зависла.

— Да ну, глупости ты говоришь, зачем это мне?! Лучше наших, русских мужиков, поди, и нет никого. Глянь, сколько счастливых лиц вокруг. — Широким жестом руки, в которой так и держался бокал, Лиза уверенно окинула весь зал. — Сколько позитива, сколько бесшабашности. Ну, в какой такой загранице ты увидишь столько же позитива, а? Нет, буду и дальше Валерика своего окручивать. Глянь, какой замечательный он у меня.

Лиза с блаженной улыбкой уставилась на жениха, а я глянула на Антона. Всем хорош. Красивый внешне, не дурак, уважает меня как женщину и как личность. За два года отношений я даже и вспомнить не могу, чтобы мы по пустяку какому-то ссорились. До него у меня был парень, вот там явно тротиловый эквивалент зашкаливал. Даже Лизка боялась подходить к нему, когда тот не в духе, а с Антоном мне легко и как-то естественно. Наверно, так и должно быть. Чтобы не искрило...

Взгляд плавно прошёлся по другим гостям клуба. За столиком в углу сидела компания во главе с высоким барадачом. Интересный тип, хоть и опасный. Он громко смеётся, а,

доказывая правоту, басит так, что и музыку перекрикивает. Справа потягивают лёгкие коктейли две молоденькие студентки. Студентками я их считаю оттого, что денег нет, иначе с чего бы им эти коктейли крутить в руках вот уже второй час подряд? Они уверенно смотрят и иногда оглядываются по сторонам, видимо, желая познакомиться, но подходящих партнёров пока не нашли. Сразу за девушками мило улыбается друг другу супружеская пара. Мужчина аккуратно придерживает даму за ладонь, едва теребя пальцы, периодически поглаживая кольцо на безымянном правой руки. Мой взгляд тут же вернулся к Антону. Вот, не представляю я его так же сидящим со мной вечером, нежно придерживающим за руки. Чего-то мне в нём не хватает. Стабильности? Возможно. Порой он мне напоминает яркий флюгер, который готов повернуться в ту сторону, в которую его направляет своенравный ветер. Но когда этот флюгер кружится, теряя ориентиры, наступает время для того, чтобы найти точку опоры. На данный момент именно такой опорой себя чувствую я. Он зацепился за меня, пытаюсь удержаться, и моей мощи хватает на это, но иногда я готова и сама сорваться, чтобы не быть опорой, чтобы со мной можно было парить. Взгляд невольно опустился к кольцу. Красивое, гладкое, с россыпью белых камней. Я где-то читала, а, может, слышала, что обручальное кольцо должно быть идеально гладким, такой же гладкой будет и твоя жизнь. А это кольцо в камнях, в ухабах, не видимых глазу, и жизнь будет такая же...

Чтобы сбить грусть, потянула ещё пару глотков вина, взгляд снова принялся блуждать по залу в поисках чего-то особенного, за что можно зацепиться. Я посмотрела за спину Антона, который сейчас так увлёкся доказыванием очередной своей безумной идеи, что совершенно этого не замечает. Там, за его спиной, клуб погружался в полумрак, который не так-то просто разглядеть с моего места, но который позволяет сидящим там наслаждаться происходящим вокруг без преград. За столом двое мужчин. Их фигуры чётко вырисовываются из общей расплывающейся темноты. Один из них сидит полубоком, другой в этот момент может так же свободно разглядывать меня, как и я его. Мне видно недостаточно, чтобы оценить. Мыс идеально начищенного ботинка направлен в мою сторону. Брюки. Это точно брюки, такая редкость среди молодёжи. Правая рука свободно лежит, демонстрируя кипельно белый манжет рубашки, застёгнутый на красивую запонку со странным камнем. Сейчас он кажется мне чёрным, но я практически уверена, что при свете дня это будет что-то уникальное, неповторимое.

Мне нравится рассматривать людей, но вследствие определённого уровня воспитанности, делать это я могу не так часто. Особенно удачно получается забыться после нескольких бокалов вина. И этот мужчина, лицо которого я не вижу, безусловно, притягивает. Он повернулся, делая свою позицию более располагающую к рассматриванию, словно специально подставляется под мой взгляд, но не даёт больше, чем хочет. Сейчас я могу видеть его грудь с расстёгнутым воротом сорочки, из-под которого виднеется массивная цепь из белого металла. На шее, словно поцелуй художника, лепестки неведомой татуировки. Чёрт, даже в животе теплее стало от происходящего! Ещё немного ближе и я могу увидеть острый кадык, который двигается в такт глоткам или словам... Это заводит сильнее. Я не заметила, как начала улыбаться. Абсолютно бессовестно, бесстыдно, порочно. И... руку даю на отсечение: он заметил мой интерес, именно поэтому меня бросает то в жар, то в холод, именно поэтому я не могу оторвать от него своего взгляда.

— И чего он на тебя так смотрит? — Сквозь пелену своих мыслей услышала я напряжённый шёпот подруги. Почувствовав, что я оживилась, Лиза и сама осмелела. — Эй, она уже занята. — Крикнула так, что в ту сторону повернулись все наши друзья, но, не

разглядев ничего подозрительного, отвернулись, Лиза при этом махала моей рукой, на которой отчётливо выделялось кольцо. Я же, пыталась отобрать у Лизы свою руку. Мужчина за столом улыбнулся, повернулся к свету, и теперь можно было отметить его тяжёлый подбородок и улыбку. Красивую. Не смогла сдержаться и улыбнулась в ответ, только потом про Лизу вспомнила и шикнула на неё.

— Да ну, перестань. Тебе теперь нечего стесняться, ты практически замужняя дама. Это я сожительствоваю...? — Посмотрела на меня пьяными глазами и тут же возмутилась. — Ну, нет. Это же невозможно! Смотрит и смотрит!

Она вновь выругалась на таинственного незнакомца, а мне снова захотелось почувствовать какую-то определённую власть над ним. Словно мы две части одной очень маленькой тайны. Притянула к себе бокал, поднесла его к губам, но выпить уже не смогла. Потому что я увидела его глаза. Я разглядела его лицо. И всё внутри похолодело, настолько отчётливо я ощущала этот взгляд на себе.

Забыла, как дышать, забыла, как моргать, да я даже не была уверена, что моё сердце билось в это мгновение. Оно словно остановилось, чтобы вспомнить, как нужно биться в его присутствии.

— Мне нужно выйти. — Прошептала непослушными губами и тут же вскочила с места, не давая ответа на встревоженный взгляд Антона.

Метнулась в туалет, словно могла там спрятаться, несколько раз сжала и разжала кулаки, пытаюсь успокоиться, но паника нарастала. Нужно было сбить жар, огонь, стихию, которая поглощала меня изнутри и, открыв кран с холодной водой на полную мощь, я несколько раз брызнула её себе в лицо. Согнулась, ощущая леденящий холод, а разогнуться боялась, почему-то показалось, что как только увижу в зеркале своё отражение, ОН будет стоять за моей спиной, и стало страшно. Нереально страшно. Как в фильме ужасов. Я уверяла себя, что смелая, что этого нет, просто не может быть, не сегодня, не сейчас... И резко разогнулась, только глаза не смогла открыть сразу же. Прикусив до боли нижнюю губу, посмотрела в зеркало, ровно в то место, где ожидала увидеть его... только за моей спиной никого не было. Белый, аккуратно уложенный кафель. И больше ничего. Я даже рассмеялась, так глупо себя почувствовала. Мокрой рукой стёрла с губ остатки помады, пытаюсь отдышаться. Покачала головой, сетуя на нервы, которые, с чего-то вдруг распались. Бумажным полотенцем промокнула лицо, убирая остатки влаги, вместе с ней с лица исчез и идеальный макияж, оставляя после себя неприятную бледность, которая выглядела едва приличнее того же кафеля. Устало оттолкнулась от бортика умывальника и вышла в зал, где было темно, душно, дымно.

Со стороны уборных комнат того столика видно не было, поэтому я шла достаточно смело. Но по мере приближения, уверенности в моих ногах оставалось всё меньше, а шея так и вытягивалась, пытаюсь вновь увидеть то, чего, как я надеялась, нет. Был плод моего пьяного воображения. Вполне нормально, что мне всё это показалось. Вся эта ситуация... предложение руки и сердца, признание Антона способствовало. Только разглядеть я так ничего и не смогла, Антон подскочил, встречая меня, тут же обнял, усаживая на место, присел рядом, придерживая за плечи.

— Всё хорошо? — Вглядывался он в мои глаза. — Ты так резко убежала...

— Нормально. — Отстранённо отвечала я, пытаюсь разглядеть то, что ускользало. — Просто стало душно.

— Это Галя репетирует роль беременной дамы. — Успокоил его кто-то из девчонок.

— Тоже правильно. — Поддержала Лиза. — Семья — это дети. Галь, а ты бы скольких хотела?

— Я бы не отказался от двоих. — Притянул меня ближе Антон, пристраивая на своём плече, а из такого положения было видно одно плечо моего незнакомца. — Только не сейчас. Сейчас нужно со своим делом определиться.

— А ты ещё не определился?

— Отец хочет, чтобы я вместе с ним работал, только это не моё. Да и не интересно: вести дело, которое тебе преподносят на блюдечке. Мне хочется чего-то своего.

— Так, ты не просто веди, — вклинился в разговор Валера, — ты приумножай и прославляй. Сей великое, могучее, вечное.

— Отец предлагал мне один вариант, правда, в соседнем городе. Молодая и перспективная команда менеджеров. Торговля меня прельщает больше.

— А что Галя думает по этому поводу? А, Галь?

— Я думаю, что Антону виднее. Тем более, заниматься любимым делом полезно для здоровья. Нервная система остаётся в полном порядке. Разве ты об этом не слышал? — Погладила любимого по плечу, тут же в придачу получила благодарственную, поддерживающую настроение улыбку.

— Видишь, она понимает меня с полуслова. — Пригладил мои волосы, приткнулся губами ко лбу, а я видела, как напряжённо сжался кулак незнакомца за дальним столиком. Не могла себя заставить отвести взгляд.

Антон снова отвлёкся, и чтобы было удобно спорить с Валерой по поводу «быть» или «не быть» семейному бизнесу, снова отсел на противоположный диван, мимоходом уточнив, не против ли я. А я была против! Я словно защиту потеряла... И от холода поёжилась, ощущая такое знакомое мне одиночество. Отвернулась. Заставила себя. Не должна смотреть. Не имею права! Попыталась поймать давно упущенную нить разговора и когда мне это практически удалось, Лиза снова приткнулась ближе.

— Галь, он снова смотрит. — С какой-то неприятной паникой в голосе произнесла она и повернулась ко мне лицом. — Может, это какой-то твой знакомый, Галь?

— Нет.

— Сколько ему? Лет сорок, наверное. Ты не разглядела? Интересный такой, я бы с ним замутила.

— С чего ты взяла, что я на него смотрела? — Раздражённо возмутилась я и схватилась за первый попавшийся бокал, чтобы занять руки.

— Может, с того, что ты на него действительно смотрела? Галь, посмотри на него ещё раз. Он явно ждёт этого.

Нервно усмехнувшись, я со звоном поставила бокал на стол, рискуя расколоть его ножку, поджала губы и повернулась, чтобы встретиться с ним лицом к лицу. А вся моя уверенность рассеялась, как утренний туман. Красиво сказано, но неприятно бьёт по нервам. Это был Он. Мужчина, которого я видела всего три раза. И каждый раз после этого моя жизнь менялась, преображалась, а в душе зарождалась надежда. Сейчас её там нет... А он есть. Я узнала его в ту же секунду. Вероятно, он узнал меня раньше, примерно в тот момент, когда Антон делал предложение, и это окончательно растоптало иллюзию.

Он увидел мою растерянность, он с воздухом втянул запах моей паники, хотел подавить одним лишь взглядом и это получалось. Я молчала. Молчала и смотрела, а он демонстративно наклонился вперёд, упираясь локтями в широко расставленные колени,

ладони свободно свисали между ног, и выглядело это жутко и устрашающе. Взглядом приказывая подойти, мучил меня. Я не хотела туда, и он тоже это понимал, оттого и усмехался одним уголком губ. Так, что холодок бежал по спине.

— Галь, ты знаешь его? — Слишком громко прошептала Лиза и услышал Антон.

Услышал, проследил за взглядом и повернулся в ту сторону. Непонимающе уставился на меня.

— Ты его знаешь, Галь? Что случилось?

В этот момент за дальним столиком я отметила резкое движение. Всего одно. Он словно хотел встать, чтобы подойти к нам, чтобы вырвать меня отсюда. Забрать себе. Я уже понимала это и не знала, как объяснить Антону... Лизе, Валере...

— Да, я его знаю. — Удалось выдать из себя и перевести взгляд на Лизу, даже попытка улыбнуться увенчалась успехом. Я неловко поднялась, оправила платье и сделала шаг вперёд. — Старый знакомый. Я подойду. — Проронила на ходу, медленно, но верно приближаясь к намеченной цели. Каждое движение словно вижу со стороны, как негнущиеся колени делают шаг за шагом, как на лице проявляется робкая виноватая улыбка. Эмоции не подвластны мне. И я иду. Но ощущаю не страх. Скорее, какую-то нереальность происходящего, точно и не со мной.

А ОН, по мере моего приближения, медленно расслабляется, выдыхает, откидывается на спинку дивана, поэтому, когда я остановилась, стоя практически вплотную, оказался в весьма вальяжной позе, демонстрируя превосходство.

Стою, и не знаю что сказать. И ОН молчит. Чего-то ждёт. Но теперь не подавляет, теперь позволяет привыкнуть к своему присутствию. Вот так, используя только взгляд, который я сегодня ощущаю слишком остро, чтобы ошибиться.

— Ну, давай лапульку. — Ухмыляется он, а я как под гипнозом протягиваю слегка подрагивающую руку.

ОН не хочет меня пугать, поэтому слегка поглаживает её, лаская кожу, подушечки пальцев. Перебирает каждый из них, пока не останавливается на том, на котором сейчас надето кольцо. То самое. С камнями и ухабами. Так, кажется, я говорила...

Провёл пальцем по металлу, раз, другой, сильно сжал и посмотрел прямо в глаза.

— Красивое. — Я вздрогнула, но он не поддался и не отпустил, сжал сильнее. — Моё лучше было, нет? — Я прикусила губу с внутренней стороны. Знаю, о чём он думает, но даже не могу представить, что сделает. — Почему не носишь?

Спросил вроде и мягко, но с вызовом, слегка приподняв брови.

— Оно очень дорогое. — Понимаю, что я это сказала и испуганно смотрю на НЕГО.

— Снимай. — Тихий и короткий приказ. Без угрозы, без повышенного тона, но у меня волосы на руках встали дыбом от понимания того, что он просит сделать.

— Пожалуйста, не нужно. — Шепчу так, чтобы он услышал. И он услышал, усмехнулся. Его друг, сидящий рядом, хрюкнул, я в панике перевела взгляд с одного на другого и обратно, почувствовала себя в западне. — Не сейчас. Я прошу тебя.

ОН встал, не отпуская мою руку, сделал шаг, который разделял нас до этого, склонился к уху.

— А ты не считаешь, что это не честно? — Отшатнулся, посмотрел в глаза. — По крайней мере, по отношению к нему. — Кивнул в сторону Антона, а я не решалась повернуть голову, стояла в оцепенении, пытаюсь контролировать дыхание.

— Давай, верни кольцо, и поехали со мной.

— Я не поеду. — Проговорила в пол, тут же резко вскинула голову и посмотрела прямо в его глаза. Необыкновенные. Красивые. Которые так безжалостно пытаются раздавить меня своей энергетикой. — Не поеду! — Практически выкрикнула, за что ту же почувствовала его силу: правой рукой он сжал моё плечо, притягивая к себе ближе.

— Тише, родная, тише. Я и так знаю, что ты смелая и сильная. Только речь сейчас не о тебе. — Я сжала зубы сильнее, чтобы не издавать жалостливые всхлипы. — Посмотри на него. Ну же, сейчас, посмотри.

Я закрыла глаза, пытаюсь сосредоточиться на устном счёте, но ОН встряхнул меня.

— Посмотри, я сказал!

— Шах...

Одним лишь взглядом он заставил своего друга не вмешиваться, замолчать.

— Давай же, он ждёт. — Нашёптывал мне, словно искушитель.

Повернувшись, я увидела тревогу, смешанную с заботой и непонятную мне нерешительность. Антон ждал развязки, не двигался с места.

— Молодой, здоровый. — Не унимался ОН. — Вся жизнь впереди. Так, кажется, говорят?

Я не отреагировала, и меня силой заставили повернуться, поворачивая голову широкой крепкой рукой.

— Галя, я сломаю ему ноги, руки, а если этого вдруг окажется недостаточно, то сверну этому парню шею. Но ты всё равно... будешь... со мной. Ты это понимаешь?

Надёжно удерживая рукой за шею, провёл большим пальцем по подбородку, пытаюсь задеть губы. Не сдержался от такого интимного прикосновения, приблизился своими губами к моим, но не коснулся, только выдохнул так, что навзничь падай от тяжести.

Я молчала.

— Ты понимаешь, что я тебе говорю?

— Да. — Выдохнула, но не смогла пошевелиться. На тело навалилась невероятная усталость.

— Тогда просто верни кольцо.

— Зачем?

— Потому что я так хочу.

Я посмотрела на НЕГО. Он необыкновенный. Такого больше нет. Провела рукой по пиджаку, поглаживая грудь, спустилась к рукаву, где зацепилась ногтем за камень, привлёкший моё внимание. ОН изменился. Нет того лоска, который я видела прежде, точнее этот лоск стал иным. А ещё появилась основательность, сила, уверенность. Уверенность всегда была, но сейчас её неимоверно много.

Не дожидаясь и далее решения, ОН отпустил меня и пошёл к выходу. Туда же направился и его друг, предлагая мне идти впереди него.

— Прощу. — Шутовски склонился, и меня перекосило от злости. Наверно, на саму себя злилась. На то, что я не могу, а, возможно, даже не хочу изменить того, что есть.

— Дима, зачем тебе всё это? — Спросила без малейшей надежды услышать ответ, но он повернулся и посмотрел на меня. Его глаза смеялись.

— Потому что я не представляю свою жизнь иначе.

И пошёл дальше. Остановился у столика моих друзей, выдерживая интригующую паузу. Лиза нахохлилась, Антон и Валера поднялись, не зная, чего ожидать. Все ждали меня, и я подошла, а когда идти отказывалась, мужчина, тот друг, который всегда оказывался рядом,

толкал меня сзади.

— Галь? — Пропищала обычно разговорчивая Лиза.

— Не хочешь нас представить? — Усмехнулся Дима и я скривила губы в презрительной улыбке.

Сняла кольцо, подаренное Антоном, резко положила его на стол, не желая что-либо объяснять, но такой вариант не устраивал никого из присутствующих.

— Говори. — Напомнил Дима и стал так, что бы Антон при всём желании не прикоснулся ко мне.

— Антон я не могу выйти за тебя замуж. — Без эмоций пробормотала я, даже в глаза посмотрела. И не думала, что умею так играть.

— Галя, кто это? Что ты несёшь?!

Антон попытался притянуть меня за руку, но Дима в одно мгновение пресёк эту попытку.

— Галя?..

— Я не могу... не могу выйти за тебя замуж. — Пояснила и сделала попытку уйти, но Дима не позволил, притягивая меня к себе за руку.

— Что за бред?! Что это значит?

— А это значит, что ты в пролёте. — Неприятно усмехнулся мужчина за моей спиной, а Дима располагающе улыбнулся.

— Галя не может стать твоей женой, по одной простой причине: она уже замужем.

Пока Антон переваривал услышанное и смотрел на меня в попытке получить опровержение, Дима уже наклонился за маленькой сумочкой.

— Твоя?

Я утвердительно кивнула, не отводя взгляд от уже бывшего жениха. Не билась в истерику, оправдываясь, не пыталась избежать его обвинения, которое читалось в глазах. Обвинение, которое быстро превращалось в отвращение, а внутри было темно и пусто. Опомнилась, когда Дима настойчиво потянул к выходу. Его друг в дверях обогнал нас, видимо, желая подогнать машину. Кислый. Дима так его называл. Я даже имени его не знала, что, впрочем, и не удивительно, имя своего мужа узнала из штампа в паспорте, что уж до друзей.

Кислый был с ним всегда и везде. А если и не рядом, то наверняка поблизости. Он имел непривлекательную внешность: большие габариты, массивный нос, портящий всё впечатление, набитые за многие годы надбровные дуги, которые можно было принять за гигантизм. Но было в нём что-то особенное. Наверно, умение привлекать женщин. Уж, не знаю, чем, может, свисток стоит на тех, которые могут клюнуть, но лично я, в отличие от остальных, всегда терялась, ловя его неприятный взгляд.

На улице было сыро и как-то мерзко, несмотря на свежий ночной воздух.

— Ты в этом пришла? — Неприятно покосился на меня Дима, пока мы стояли на крыльце клуба. От такого тона я тут же обтянула подол коротенького платица. Поймала очередной взгляд, который был направлен на оголённые плечи, обхватила их ладонями, пытаюсь прикрыться.

— Мы на машине приехали. — Оправдалась и отвернулась. Почему-то сейчас как никогда ждала Кислового, только он не ехал.

Дима утвердительно кивнул, резким движением скинул пиджак, накинул его на мои озябшие плечи, заставляя смутиться. Не скажу точно отчего, то ли от этой заботы, то ли

почувствовав его запах так близко. Подумалось, что этот запах я так и не забыла...

— Не нужно. Я не просила...

Дима закурил, оценивая меня долгим пронзительным взглядом, задумался, затянулся сигаретой и почему-то поморщился. Сигарету ту же выбросил в стоящую неподалёку урну.

— Ты забыла. Я не из тех, кого нужно просить. У меня своя голова на плечах есть. Пошли.

Кивнул в сторону подъехавшего автомобиля. Такого же основательного, как и весь его законченный образ. Прежде было что-то более изящное, что-то более лёгкое. Даже его взгляд изменился. Прежде он на меня так не смотрел. А теперь взгляд тяжёлый, со скрытым подтекстом, с опытом за плечами.

Он открыл для меня заднюю дверь, обошёл машину и присел рядом. Кислый молча вёл авто, не обращая на нас внимания. Я как раз согрелась, окружённая его теплом, его запахом, получилось даже расслабиться, но почувствовала лёгкое прикосновение к кончикам пальцев и руку тут же одёрнула, да и сама забилась в угол машины. Дима ничего не сказал. Он и прежде при своём друге со мной не разговаривал. Только наедине. Не разрешал кому-либо приближаться, влезать туда, где были только мы вдвоём.

За окном автомобиля было темно, вскоре и свет уличных фонарей поглотила темнота: мы выехали за город. Даже силуэты деревьев различить не представлялось возможным, а редкие встречные автомобили быстро терялись за горизонтом. Но я настырно смотрела в это окно. Всмотривалась в гладкую, ровную поверхность, а видела там лишь отражение своих глаз. Вспомнилась наша первая встреча.

Глава 2

Мне в тот день исполнилось тринадцать. Четыре года прошло с тех пор, как погибла мама, отчего мой характер приобрёл резкие черты, нежелание подстраиваться. Юношеский максимализм зашкаливал, да и подростковый период напоминал о своём присутствии. Я не делала различий между взрослыми и детьми, общалась со всеми наравне. Наверно, этим хотела показать, что уже не ребёнок, что я повзрослела, что теперь сама за себя в ответе. Понимаю, как по-детски это тогда смотрелось, но на тот момент казалось иначе.

Денег в семье было немного: бабушкина и моя пенсии, но нам хватало. Расстроило только то, что, в отличие от остальных одноклассников, дни рождения которых мы праздновали в детском кафе, свой я отмечала дома. Тогда ещё переживала, что никто не придёт, бабушку ненавидела за жадность, но в итоге всё оказалось лучше, чем у остальных. Вкуснее и веселее. Сосед дядя Толя сыграл клоуна, который был смешнее настоящего и, несмотря на довольно-таки агрессивный возраст, мы восприняли его более чем адекватно. Съели все сладости, выпили апельсиновый сок, девять литров которого бабушка непонятными мне махинациями сотворила из килограмма апельсинов. Пришло время расходиться. Я, как радушная хозяйка, вызвалась провожать всех со двора, где ещё с полчаса мы прощались и обменивались впечатлениями. Особо не шумели, поэтому появление другой, более взрослой компании, заметили сразу.

Человек шесть здоровенных парней. В принципе, их знали все, они часто здесь появлялись, приходили к другому моему соседу, Пашке Головину двадцати лет. Пашку бабушка называла бандитской рожей, я же, любила послушать его байки, когда он курил в одиночестве. Так и говорил мне: «Привет, малая, подь сюда, расскажу чего». И я шла, я слушала, с ним было весело и почему-то не хотелось притворяться. Заливисто смеялась над его рассказами, как он удирал от ментов или хулиганов, а после спокойно прощалась, не боясь, что меня тюкнут по голове и утащат в ближайший подвал.

Так и сейчас, шумные парни ждали его появления, неприлично громко хохотали, привлекая внимание вечно недовольных старушек, которые тут же старались скрыться в подъездах. Зато потом лавочки были в полном распоряжении ребят. Они и детскую площадку сколько раз купировали, но никто не пытался возразить. Боялись. Выглядели парни, надо признать, внушительно, особенно толпой.

Так и сейчас, стали под моим подъездом, говорили о своём, курили. А мы, естественно, окружённые эйфорией от праздника, обнаглели и устали на них, не боясь быть застигнутыми за подглядыванием. Диму я заметила сразу. Тогда, конечно, имени его не знала. Но заметила не только потому, что он был здесь впервые, а потому, что выделялся из толпы. Весь в чёрном, в стильных дорогих джинсах, начищенных туфлях, хотя на улице лето и многие предпочли перейти на более уместные мокасины. Широкая рубашка парашютила при порывах тёплого летнего ветра, а чуть длинные волосы развевались, прикрывая густой чёлкой лоб.

Я засмотрелась. Тогда ещё подумала, что красивый. Да и плохие мальчики всегда привлекали таких правильных девочек, как я, воспитанных в лучших традициях и так далее, и тому подобное. Он стоял к нам полубоком, естественно не замечал, а потом вдруг так

резко обернулся, что все подружки неуместно захихикали. Я и не думала глаза отвести, смело приняла его уверенный, настырный взгляд. Он смотрел всего несколько мгновений, а я успела разглядеть необычный, мягкий цвет глаз. Такой несвойственный всему образу. Радужка была слишком светлая, словно специально замутнённая. Мне вспомнился малахит. Такой же воздушный, мутный цвет, слегка разбелённый, обволакивающий. Он отвернулся и девочки тут же принялись шептаться — не одна я его заметила. Кое-как растолкав их по домам, сама в квартиру не спешила. Да и кроме грязной посуды, которую бабушка вполне заслуженно оставила мне (она ведь готовила), там ничего более не ожидалось.

Я выбрала карусель. Таковую, которая крутится вокруг своей оси, правда, крутить её не собиралась, просто села, отвернувшись от громкой компании. Паша вышел, кивнул мне как раз в тот момент, когда я усаживалась, бросая в ту сторону косой взгляд, неопределённо махнул рукой. Все ребята посмотрели на это и раздался очередной рогат. Не хотелось думать, что смеются надо мной, но оставаться здесь больше не хотелось. Только и идти я не могла — слишком плотно компания облепила дверь подъезда, да так, что пройти мимо не представлялось возможным и, сцепив зубы, я сидела. Когда всё стихло и первые эмоции улеглись, даже улыбнулась своим глупым мыслям. С чего бы им смеяться надо мной, просто совпало. Уже успела задуматься, отвлечься, как вдруг послышался Пашкин оклик:

— Шах, да она же ребёнок совсем...

Обернулась и снова встретилась взглядом с тем парнем, который теперь медленными, но уверенными шагами двигался к той самой карусели. Руки в карманах, на губах полуулыбка. Я нахмурилась, на что он только улыбнулся шире. Отвернулась, решив сделать вид, что не замечаю его, надула губы, но всё равно ждала развития событий. А он подошёл и стал за моей спиной, ничего не предпринимая. Я не выдержала первой и повернулась: он улыбался такой неприятной улыбкой, словно всё-всё про меня знает, пришлось нахмуриться сильнее, а он взял и крутнул карусель. Быстро. Так, что порыв ветра раздул пышный хвост, заставляя волосы взмывать вверх. Улучив нужный момент, на карусель запрыгнул и сел так, чтобы быть точно напротив меня. Как вызов, принять который я посчитала необходимостью, оттого и уставилась на него, демонстрируя свою смелость. Тут же отметила, что он старше Пашки. И вообще, словно из другого мира.

Пока Пашка был младше, бабуля называла его оборванцем, сейчас, конечно, он одевался хорошо, но до того парня, который сидел напротив меня, явно не дотягивал. В уголках глаз расплзались едва заметные морщинки. Нет, старым он не был, но бабушка говорила, что когда кожа постоянно облучалась в неблагоприятных условиях: мороз или, наоборот, высокие температуры, она старела. Бабуля у меня было косметологом. И сейчас клиентов водила, старые связи поддерживала, благодаря её стараниям у меня не было прыщей, и сегодня я вот так смело могла смотреть в глаза незнакомца, которого Паша называл «Шах». Неприятная и какая-то угрожающая кличка, но ему подходила.

Шах загадочно улыбался, глядя на меня в ответ.

— Тебя Галя зовут, ведь так? — Спросил он и я посмотрела на парня как на врага.

— Зачем спрашиваешь, если знаешь это наверняка? — Ответила ему вопросительным вызовом. Он оценил.

— Знаю. Но мне было бы приятно услышать это от тебя.

— Меня зовут Галя. — «Порадовала» его, сопроводив это ядовитой улыбочкой, а сама продолжала разглядывать.

Тёмные волосы, но не чёрные, широкие мужские брови, грубые черты лица, губы чаще

кривятся, словно он всегда остаётся недоволен. Гладко выбрит, держится уверенно. Ещё бы! Быть неуверенным на фоне малолетки это как минимум странно. Словно прочитав мои мысли, он чуть наклонился вперёд, сокращая и без того небольшое расстояние. Я такого не ожидала и, опасаясь, выпрямила спину, пытаюсь отклониться.

— Зачем подошёл? — Спросила грозно, словно могла его этим напугать, а он со мной на равных разговаривал. И не думал таиться, говорил чётко и быстро.

— А зачем ты смотрела на меня?

— Так, все смотрели. — Пожала плечами я.

— Смотрели все, а взгляд не отвела ты одна. Так, что хотела?

— А ты только для этого подошёл?

— А для чего ещё? — Развеселился он, а в глазах вызов. Кому? Мне?..

— Я всегда прямо в глаза смотрю. — Соврала и не заметила. Уже давно перешла все границы дозволенного, и все свои принципы оставила далеко позади.

— Почему? Разве не знаешь, что это многим не нравится?

— А мне не интересно чужое мнение. И скрывать нечего. Как хочу, так и смотрю.

Он мягко рассмеялся, глядя в пол, видимо, если бы на меня смотрел, хохотал бы громко и долго. Взглянул с хитрецей.

— Я жену себе такую хочу... — Подождал, пока я покраснею. — Чтобы ей скрывать было нечего. Как, пойдёшь за меня, когда подрастёшь?

— Когда я подрасту, ты станешь старым никому не нужным импотентом, понял?!

Припомнила я давнишний разговор случайной прохожей с её престарелым любовником. И рада бы язык прикусить, да не успела. Главное на тот момент было страха своего перед ним не показать, а он смотрел с интересом.

— Да понял. — Слишком спокойно ответил, и мне действительно стало страшно от такого его спокойствия. — Только... Нет. Не важно.

С карусели спрыгнул, сделал шаг, а потом вернулся и над моим плечом навис. Сердце вниз ухнуло, и даже глаза от страха закрылись.

— Ладно, Галя, что с тебя взять, ребёнок, но на будущее посоветую с незнакомыми дядями таких борзых разговоров не вести, иначе этот очаровательный носик, — щёлкнул меня по носу, заставляя вздрогнуть, — может ни за что пострадать.

Постоял так ещё, наверно заметил, что я боюсь, что глаза зажмурила и веки сильно сжала. Снова заставил вздрогнуть, когда ногу свою рядом с моей на карусельной площадке устроил. Я на колени, обтянутое чёрной джинсовой тканью уставилась, а взгляд произвольно выше ползёт...

— Не идёт тебе это. — Произнёс он задумчиво и одним пальцем по щеке провёл. Я попыталась отстраниться, а он тогда резко за резинку на моих волосах дёрнул, высвобождая их. Волосы разлетелись от очередного порыва ветра, я пыталась их поймать, а Шах стоял и наблюдал за этим действием, всё так же надо мной нависая.

— Ты не пацанка. И деловитость свою брось. — Заговорил строго. — Образ тургеневской девушки — это твоё.

— Они все некрасивыми были. — Возмутилась я и встретила с ним глазами. На всю жизнь их цвет запомнила. Да. Светло-зелёный малахит с красивыми разводами с виде тёмных прожилок. Задержала дыхание, когда в этих глазах отобразился смех.

— А ты красивая. — Кивнул, соглашаясь. — Только не о том говорю. Когда цель у тебя будет, тогда и беситься перестанешь. А сейчас, — провёл по выбившейся пряди волос, теребя

её пальцами, — сейчас косу заплети. Заревную, если кто ещё увидит всё это великолепие.

И на этом к своим друзьям вернулся. Видеть я этого не могла, потому что так и сидела неподвижно, удерживая в кулаке густые пряди, только по гулу парней и можно было понять, что происходит. А вскоре всё стихло и они разошлись. Я резко обернулась и, никого не заметив, быстрым шагом пошла к подъезду. Там, прямо на входных дверях столкнулась с бабулей, которая, держась за сердце, с непривычно растрёпанными волосами, бежала навстречу. Молча окинула меня взволнованным взглядом, несколько раз открыла рот, набирая в грудь побольше воздуха, а потом прижала к себе, придерживая за голову. Отпрянула, ещё раз оглядела с ног до головы, придерживая холодными ладонями за обе щеки, а уже потом, крепко взяв за руку, повела в квартиру, проигнорировав лифт. Я так поняла, она из окна видела, что я не одна.

Так и вышло: не успели в квартиру войти, как бабуля громко дверью хлопнула и, отойдя от паники, сдвинула брови на переносице.

— Галя, что этот мужчина хотел от тебя? — Вроде и грозно спрашивает, а у самой голос от напряжения звенит.

— Ничего, ба. Он просто так подошёл.

— Ну, конечно, видела я это ваше просто так, — проговорила торопливо и за руку меня к дивану отвела, сама села и меня притянула, — скажи честно, он приставал к тебе?

— Да с чего бы? — Попыталась оправдаться я, но вышло неуверенно, бабуля так точно не поверила. Внимательно смотрела в мои глаза. — Ба, он, правда, не приставал. Не знаю, зачем подходил, он мне ничего не сделал.

— Я видела, как он что-то говорил тебе на ухо. — Едва не плача, умоляюще смотрела бабуля. Только в этот момент я поняла, что она боится. Это я, безголовая, и не сразу поняла, что к чему. А Бабуля знает, чего бояться стоит, поэтому и колотится сейчас, за внучку беспокоясь. — Видела, как волосы трогал... что хотел, спрашиваю я у тебя?! — Едва ли не прокричала, и я сама испугалась. Стала перед ней на колени.

— Ничего не хотел, ба, и не трогал меня, правда. Резинка с волос слетела, а он сказал, что такие волосы в косу надо заплетать. Вот и всё! — Твердила эмоционально, сама уже едва от слёз сдерживалась. — Сказал, чтобы не хамила больше никому, что тургеневская барышня я, а не пацанка. Всё. Не трогал, не приставал, не намекал. Наоборот, сказал, как вести себя, чтобы и другие не приставали.

— Хорошая моя, знала бы ты, как я волнуюсь. — Погладила она меня по волосам. — Иди. Заплетай косу. Раз сказал, что так не пристанут, — вяло улыбнулась, — значит, знал, что делает. Кто это был хоть? Никогда его в нашем дворе не видела. Не похож на рожу эту бандитскую. Видишь, и не приставал...

— Не знаю, кто он, не представился. К Паше с остальными пришёл как раз когда я девчонок провожала.

— И хорошо. Хорошо, что не представился, значит, не планирует больше подходить.

Она медленно встала, расправила фартук, который и снять забыла, побежав меня спасать, оглянулась.

— А на улицу больше одна не пойдёшь. Мало ли, ходит тут всяких...

И всё же я правильно поступила, что не всё бабуле рассказала, иначе домашнего ареста не избежать. И про кличку его умолчала, и про то, что женой предлагал его быть. В шутку, конечно, но ведь бабуле всё равно будет, шутит он или нет. А мне нравилось вспоминать эту встречу. Нафантазировала тогда себе всего. Что могло быть и что не могло. Только наивные

детские мечты так и оставались мечтами. Он больше не появлялся. Те ребята приходили, а его не было. Я часто в окно за их сходками наблюдала, благо летом никуда не уезжала. А потом всё и забылось. Не до того как-то. Только иногда, ночью, если не спалось, перед глазами вставал его образ. Размытый. Потому что забылся. И лишь глаза я помнила наверняка. Красивые глаза.

Время шло, и я менялась. Забыла о своей дерзости, сторонилась подозрительных типов, обходила стороной Пашку. Успокоилось моё девичье сердце, да и взгляды на жизнь изменились. Я уже знала, что мальчики «разводят» девочек на секс. Прежде было всё равно, помню, даже хотелось, чтобы всё произошло скорее, чтобы как у всех. Но как у всех не получалось. К пятнадцати годам я ни с кем не встречалась, ни с кем не целовалась, меня даже на танцы никто так и не пригласил, хотя все дискотеки посещала исправно. И не могу сказать, в чём тут была причина. Просто не клеилось. А потом понятно стало, что есть в жизни и другие ценности, да и секс по неопытности в подворотне или пока родители на работе, как выяснилось, ценностью и не считалось. Да и не может быть отношений между детьми. Это не нормально. Поэтому к пятнадцати, полностью сформировавшись умственно, цели в жизни видоизменились, и больше ни друга, ни любовника я себе не искала. Стала до жути правильной девочкой и всегда слушала бабулины советы.

Исключением стал сам день пятнадцатилетия, когда подружки всё-таки уговорили идти на очередные танцульки, но в модный и, как выразилась одна из них, «взрослый клуб». Нам повезло, и в этот вечер намечалась какая-то тематическая вечеринка, что-то вроде маскарада и наше несовершеннолетие было вполне пристойно прикрыто масками. Мы не стали, уподобляясь ровесницам, надевать ультракороткие юбочки и донельзя открытые блузочки, избрали весьма демократичный стиль в одежде пристойной длины. Где сексуальность была лишь подчёркнута, а никак не выставлена на продажу, согласились на в меру яркий макияж и туфельки на каблуке. А в компании со старшим братом одной из нас, даже документы не спросили. Помню, было весело. Даже слишком. За учебный сезон мы скопили кое-какие деньги, чтобы теперь оторваться, поэтому баловались безалкогольными коктейлями, танцевали и смеялись лишь для себя, не желая подцепить кого-нибудь на стороне.

Всё изменилось, когда я встретилась с ним взглядом. Шах стоял и бесцеремонно пялился на меня. Я узнала мужчину сразу, к тому же, маски на нём не было. В нём что-то изменилось с момента нашей первой встречи, а может, изменилось моё отношение к нему... Я повзрослела. От наглого взгляда захотелось прикрыться и я шагнула прочь из толпы, надеясь прийти в себя, отдышаться, и совсем не ожидала, что Шах это воспримет как призыв к действию. Он пошёл за мной, а в темноте задымленного коридора дёрнул за руку, прижимая к стене всем своим весом.

— Ты вернулась... — Прошептал, внимательно глядя в глаза, а потом был поцелуй. Первый.

Я много читала и слышала о поцелуях, но никто не говорил о напоре, о страсти, о жадности мужчин. О том, как они выпивают всю тебя до дна, только бы насытиться. Да я просто растерялась, не имея ни опыта, ни желания. И вовсе не собиралась ему отвечать, и глаза не закрывались, а даже наоборот, полезли из орбит. Мне не хватало воздуха, вдобавок, я задыхалась от возмущения, да и от банального страха того, что может произойти здесь и сейчас. Его руки... они не придерживали нежно за подбородок, как было написано в пособии по правильным поцелуям. Они бесцеремонно блуждали по телу, впиваясь в него, царапая, останавливаясь на наиболее интересных местах. Его язык, который я так

старательно пыталась вытолкнуть изо рта напоминал змею, всё тело которой является мышечным мешком. И он напролом пробивался в меня, игнорируя любое сопротивление. И однозначно воспринятые мною движения его бёдер, не настраивали на романтический лад и едва ли предлагали серенады под окном и стихи, которые читаешь, провожая девушку вдоль набережной. Похоть. Животная страсть. Вот те слова, которые шли на ум в тот момент. И паника.

Окончательно осознав, что он просто пьян и даже не видит меня перед собой, просто берёт то, что понравилось, отбиваться я начала активнее. Несколько раз хлопнула его по плечам ладонями, прежде чем добилась какого-то внимания. Шах отстранился, посмотрел затуманенными глазами и впился в мои губы до боли новым поцелуем. Ещё более агрессивным. Ещё более настойчивым. И чтобы было понятнее, подхватил руками под бёдра, поднимая выше. Заставляя обхватить его ногами за талию. Ущипнул за ягодицу, когда вместо ожидаемых телодвижений я вновь начала брыкаться, прорычал что-то невнятное в рот.

В голове вдруг всплыл образ бабочки, которую мы так внимательно рассматривали на уроках биологии: её крылышки были расправлены, а тело насквозь проколото специальным удерживающим гвоздиком. К чему бы...

Вырываясь, пользуясь тем, что его руки заняты, пыталась оттащить от себя мощное тело, вцепившись в ворот чёрной шёлковой рубашки. Услышала треск ткани, верхняя пуговица отлетела, а на его шее обнажилась тёмная масштабная татуировка в виде пера. Она переходила с шеи на ключицу таким образом, что легко скрывалась под воротом рубашки. Ощувив такую яркую принадлежность к криминальному миру как тату, да и его руки давали о себе знать, я испугалась не на шутку. Почувствовав мои острые зубы на своём языке, Шах сжал меня сильнее, отстранился, сорвал маску. Только в лице не изменился. Ни понимания, ни узнавания. И зрачки нереально широкие.

— Скажи сколько ты стоишь, и прекрати ломаться. — Гневно прорычал, надавливая одной рукой на моё горло. Обхватил его и несильно потрянул меня, ударяя головой о стену. Только я не думала о боли. Я думала о том, как разрушаются иллюзии.

Я знала кто он. Я знала, чего от него ожидать, но сформированный в детстве образ отступил только сейчас. Я поняла, что бандиты не бывают романтиками. Они прогибают под себя всех окружающих, а кто не умеет прогибаться, будет сломан как ненужная кукла. Именно такой куклой я ощущала себя в его руках.

А пока тихо-мирно размышляла о смысле бытия, Шах впивался губами в шею, так, что я кривилась от боли и заметно шипела, пытаясь отбиться, избежать нежелательных прикосновений. Но что такое настоящий страх, поняла, когда он задрал мою юбку и сжал в кулак бельё.

— Шах, ты охренел, отпусти её! — Прокричал кто-то смутно знакомым голосом, и он этот голос услышал, обернулся, громко выругался, не боясь научить меня плохому.

Открыв глаза, я увидела Пашку, который уже пытался оттащить друга от меня. Да Шах и не особо сопротивлялся, он просто не понял в чём дело. А я вот не терялась и не опадала на пол, как это делают в криминальных телесериалах. Быстрым шагом бросилась к выходу в зал, чтобы найти подруг и поскорее вернуться домой, на ходу расправляла задрванное вверх платье. Только услышав своё имя, оглянулась, и готова была упасть замертво от того, как он на меня смотрел. Теперь он узнал. Оттого и прищурился, пытаясь разглядеть во мне наглуую в словах и такую очаровательную мордашкой девчушку. Но внешне я уже ребёнком не была!

Пашка нагнал нас на стоянке, когда девчонки ловили такси. Увидел, притормозил,

огляделся по сторонам и медленно подошёл, так, точно и не бежал до этого. Я наблюдала за ним со стороны, всё ещё отдышаться не могла, а он подошёл, глянул свысока и за локоть потянул в сторону. Девочки Пашку знали, поэтому и не особо удивились, мы вроде как общались...

— Понравилось хоть? — Ухмыльнулся нагло, на что я могла только отвернуться, нервно закусив губу. Трясущиеся руки намеренно спрятала за спину. — Не понял, а где заслуженное спасибо? — Я зло посмотрела и Пашка широко улыбнулся. — А Шаху понравилось, отвечаю. Взвыл от стояка, как только опомнился. Заводная ты, оказывается, девушка, Галка.

— Чего ты хочешь?

— Да вот... До дома проводить. Шах сейчас не в состоянии. Сама понимаешь, стресс снять нужно. Не каждый раз его баба бросает. А ты, скорее всего, первая.

Хрюкнув от внезапно навалившегося смеха, я посмотрела под ноги.

— Паш, не смешно ведь. Спасибо, конечно. Тебе хоть не влетит?

— Всегда пожалуйста. — Оскалился он, проигнорировав мой вопрос. — Ты что вообще забыла в этом значном месте, а, красотка? Знаешь, какой он там сейчас разнос устроит, что в клуб школьниц пропустили? Никому мало не покажется.

— Паш, а... Шах... — Я на парня посмотрела. — Я ведь правильно запомнила, да? Он кто?

— Золотая молодёжь. — Сплюнул он на асфальт, демонстрируя манеры.

— В смысле?

— Галка... Меньше знаешь — дольше проживёшь, слышала такое? — Беззаботно улыбнулся он.

— Слышала, а всё же?

— А за всё же, получают по роже. — Внезапно визверился Паша и эту тему я предпочла не поднимать. На самом деле, смутно себе представляла, что натворила.

— А зачем за мной пошёл?

— Да уж не из доброты душевной точно. — Отвернулся, по сторонам огляделся, а потом на меня исподлобья глянул. — Шах попросил.

— Приказал? — Нарывалась я в очередной раз, забыв подумать.

— Такие люди как он не приказывают. Они вежливо просят. Так что, считай, у тебя завёлся добрый и заботливый покровитель.

Меня перекосило от этого слова и Пашка засмеялся, махнув рукой.

— Да не в том смысле, дура!

Произнёс слишком громко и девочки посмотрели на парня с опаской.

— Галь, всё хорошо? — Сделала шаг вперёд одна из них.

Я улыбнулась, а Паша меж тем напряжённо выдохнул, внимание привлекая.

— Он на малолеток не западает. Запомнилась ты ему просто в прошлый раз.

— Но он меня не узнал...

— Ещё бы ему тебя узнать! В зеркало перед выходом смотрелась? На соску похожа.

— Мне кажется, он меня за проститутку принял. — Призналась я, густо залившись краской, и активнее затеребила за спиной ремешок малюсенькой сумочки.

— Так и не удивительно.

— Но они ведь другие...

— Ага, такие как в фильмах! — Скривился Пашка. — Ты отстала от жизни, детка, точнее, не знаешь её. Одно дело те, которые на трассе стоят, там, и правда, только плакать

хочется от одного взгляда, и совсем другое клубные тёлки. Только тебе этого знать не нужно. — Посмотрел на меня, проверяя, впечатлялась ли рассказом и, в особенности, последним утверждением. Я понятиливо кивнула.

— Паш, — я увидела как перед девочками остановился автомобиль такси и затараторила быстрее, что-то вроде «эх, была-не-была», — а что он сказал, ну, когда узнал, что это я была?

Пашка посмотрел так неприятно, понимающе, отчего очередной прилив крови задержался на моём лице.

— Если опустить все неприличные выражения, Галка, то, пересказываю дословно: — Эту козу нужно было ремнём по заднице отходить за такие фокусы, а не в углу зажимать. Ещё раз увижу, так и сделаю. Кстати, просил тебе передать.

Я промолчала.

— Галь, поехали! — Крикнули девочки, садясь в машину, я поспешно кивнула, а сама не могла отступить под пристальным Пашкиным взглядом. Он меня рассматривал.

— Он старше тебя в два раза, Галь. И ни разу не романтик.

— Паш...

— Пошли, там твою машину поймали. — Перебил меня, за руку отвёл к такси, заглянул к водителю. — Чтобы довёз в целости. — Приказал неприятным тоном и быстрым шагом удалился.

— Ух, ты, важный какой! — Паясничала Кристина, наша местная заноза, я на это только улыбнулась.

— А чего он хотел-то?

— С днём рождения поздравить. — Тихо ответила я и к окну отвернулась.

— Да-а... А нам показалось, что кто-то кому-то в любви признавался. Недаром ты там так краснела, а, Галк?

— Ну, колись, чего ты, нам же интересно! — Поддакнула Рита, толкнув меня в бок. Я грустно улыбнулась.

— Он сказал, что мы похожи на клубных шлюх.

— Да глупости! Они носят колготки в сетку, дымят как паровозы и вечно помятые. Разве мы такие?

— Вот и я говорю, что не такие. — Отвернулась я к окну и девочки перестали ко мне цепляться, активно обсуждая эту тему.

Водитель такси несколько раз глянул на нашу компанию в зеркало заднего вида, криво ухмыляясь, а потом сплюнул в сердцах и смотрел только на дорогу.

Глава 3

Машина остановилась, послышался лай собак, ворота медленно отползли в сторону, открывая вид на приличный по размерам дом. Наверно, он был похож на замок, но мне казался неприступной крепостью, в которой непременно будет темница.

— Не спишь? — Обратился ко мне Шах и я выпрямилась, не желая подавать голос. Он шумно выпустил из себя воздух, но промолчал.

Вышел из машины. Я наблюдала, как кивком головы приказал Кислому исчезнуть, сам открыл мне дверь и подал руку, предлагая помочь выбраться. Только выйдя на улицу, я почувствовала, как же устала. Затекли ноги и спина.

— Где мы?

— Это мой дом. — Пожал он плечами. Я понимающе кивнула: видно, за то время, пока

мы не виделись, сильно поднялся. — Прошу.

Сделал приглашающий жест и пропустил вперёд, позволяя осмотреться по сторонам.

Страшные, чёрные как ночь собаки, рвались из вольеров, их громкий лай заставлял вздрагивать, оглядываться. Двор широкий, выложенный декоративной плиткой, был хорошо освещён низкими уличными фонарями. Местами, в специально расположенных зонах отдыха, расстиралась газонная трава, чуть в стороне красивая беседка с подсветкой иллюминации. На заднем дворе виднелось приличное по размерам деревянное строение из сруба. Возможно, баня. Стало смешно от той шаблонности, которая буквально сочилась из всего этого великолепия. Столько раз по долгу службы читала романы про таких же богатых и опасных, которых любили делать главными героями книг, так вот, у каждого из них обязательно был построен большой загородный дом. Такой же, как и этот, только название подмосковных посёлков было разное. Я всё время думала, откуда они этого понабрались, а оказывается, так всё и есть. Шах мой странный смешок, опять же, не прокомментировал. Сегодня он вообще был скуп на эмоции, терпеливо выслушивал все несвоевременные насмешки и с пониманием относился к полнейшему игнору.

А вот изнутри дом мне понравился. Я его даже не увидела, только вошла, а уже почувствовала теплоту и душу, которую в него вложили дизайнеры. Работал явно творческий человек, сильный, эмоциональный, словно для себя строил. Красиво.

— Красиво. — Тут же повторила я эту мысль вслух, а Дима странно крикнул за моей спиной, аккуратно подтолкнул к широкой лестнице.

Тут он уже вызвался провожатым, взял меня за руку, повёл на второй этаж. Как я поняла, на первом жилых комнат не было. Так же шаблон, но мне, в принципе, всё равно. Мы прошли в конец коротенького коридора правого крыла, и последнюю резную дверь он открыл, приглашая войти. Я разумно послушалась.

— Это твоё комната. — Пояснил Шах и снова позволил осмотреться.

Красиво, со вкусом. Только комната не была похожа на мужскую берлогу и при этом я имею в виду не порядок, а ощущения в целом. Она едва ли отражала своего хозяина и вообще не говорила о том, что у неё этот самый хозяин есть. Вот для меня она подходила идеально. Даже по тональности стен. И захотелось прикоснуться к мебели, к дизайнерским элементам, к лёгкой ткани штор. Вот, терпеть не могу тяжёлые шторы, я от них задыхаюсь. А здесь было несколько грамотно подобранных оттенков шторной вуали. Нежно и очень светло. Открыла одну полку комода, вторую. Оглянулась на Шаха: он молчал. Подошла к прикроватной тумбочке, там так же оказалось пусто.

— Но здесь нет твоих вещей... — Немного растерянно проговорила я и посмотрела в сторону дверей.

— Ты плохо расслышала? Я сказал, что это твоё комната.

— То есть... ты в ней не живёшь? — Мне тут же захотелось скрыться от его пристального взгляда, который голодным волком прошёлся по моему телу, скрытому под тканью мужского пиджака. Криво улыбнулась, глядя на паркет. — И давно ты решил, что это будет моя спальня? Гостиная?! — Резко взгляд подняла и теперь смотрела с вызовом. Шах даже бровью не повёл.

— Это не гостиная спальня, а твоё комната. Не нужно додумывать то, чего нет. Когда я купил этот дом, сразу определился с расстановкой территорий. Эту комнату оставил для тебя. Если что-то не устраивает...

— Нет, всё идеально, спасибо. — Громче, чем было необходимо, остановила я поток его

слов. — А где твоё окно? В другом крыле? — Хмыкнула, заводясь, раздражаясь от этих мыслей.

— Моя комната находится напротив. Через одну дверь от твоей. И если тебе что-нибудь понадобится...

— Зачем тебе всё это нужно? — Перебила его я. Пытаясь согреться, куталась в ткань пиджака, но она, казалось, только отбирала тепло, ничего не давая взамен. Я поёжилась, а Шах неприятно ухмыльнулся.

— Мне приятно, что ты так расстроилась из-за того, что у нас будут разные комнаты, но, поверь, на данном этапе каждому необходима своя территория. Личное пространство, если хочешь. — Он разводил руками, рассуждая, а я неотрывно за ними наблюдала.

— На данном? А будет следующий?

— Можешь даже не сомневаться. — «Обрадовал» он меня.

— Ну, тогда наверно всё правильно. — Я резко кивнула. — Личное пространство. — Кивнула ещё раз, резче, более нервно. Он это заметил, но предпочёл промолчать. — Не волнуйся, я не собираюсь тебе мешать.

— Разве я хоть раз позволил тебе так думать? — Изящно приподнял он одну бровь, скрестил руки на груди, откинулся назад, прислоняясь спиной к дверному косяку.

— Что ты... Ни разу за те двадцать четыре часа, которые мы были вместе за все шесть лет.

— Я не понял трагизма в твоём голосе: двадцать четыре часа это слишком мало или слишком много? — Откровенно издевался он, забавляясь моими мучениями. Снова ставит меня перед фактом, не интересуясь мнением. Снова...

Присев на кровать, я закрыла лицо руками.

— Я бы предпочла, чтобы их в моей жизни не было. — Проговорила чётко, не замечая, что голос вот-вот сорвётся.

— Я хочу, чтобы ты носила кольцо, которое я тебе подарил. И... обручальное.

Странная заминка сделала его тон мягче, чем обычно. А я промолчала. Упала на кровать, не заботясь о том, как сейчас выгляжу и как могу его разозлить. Хотелось закрыть глаза и понять, что ничего этого нет. И его нет. В ответ услышала тихий звук закрывающейся двери. Он просто ушёл.

Полежав так ещё несколько минут, поняла, что жалеть меня никто не будет. Даже самой не хотелось заниматься подобными глупостями. И чего я добилась этим разговором? Ничего не выяснила. Ничего не поняла. Глупо и бессмысленно. И не хотелось понимать, чего на самом деле я боялась больше: того, что он поставит меня перед фактом супружества или вот так, оставит одну, ни разу не притронувшись...

Раскрыла глаза и посмотрела на белоснежный потолок комнаты с красивым лепным узором. Была уверена, что это не тот пенный материал, которым мы покрывали гостиную в бабушкиной квартире прошлой осенью. Красиво. Мозг мгновенно выдаёт множество ассоциаций. В дальнем углу изгибы напоминают скачущего оленя, прямо над кроватью фантазия отмечает одну из популярнейших по известной книге «кама сутра», позу. Над дверью в коридор что-то отдалённо напоминает рождественские колокольчики. Я улыбнулась... всё ещё так далеко. Повернув голову, заметила замаскированную дверь ванной комнаты, войдя туда, увидела огромное помещение. Наверно, о таком я всегда мечтала. Душевая кабинка, ванна с функцией гидромассажа. Странно ещё, что она не наполнена тёплой водой с плавающими на поверхности лепестками роз. Ха! Для меня он эту комнату

делал. Как же! Так я и поверила. Наверняка каждую из страстей приводит, делая её жизнь забываемой. При мыслях о других женщинах, на душе неприятно потяжелело. Оглянувшись несколько раз, удалось найти небольшой шкаф, в котором вполне разумно находилась стопка полотенец и несколько банных халатов. Быстро сменив на один из них уже привычный пиджак, я почувствовала уют, от которого не хотелось далеко уходить. Вспомнилась последняя встреча, хотя, её с такой же уверенностью можно назвать и первой. Желание улыбаться пропало напрочь, а вот продолжить разговор, начатый в этой комнате, стоило, поэтому пришлось выйти в коридор, чтобы найти ту самую дверь, за которой скрывалась комната моего... мужа.

На стук никто не отреагировал, поэтому я свободно вошла, стараясь не особо шуметь. Из-за такой же закамуфлированной под стену двери доносились звуки льющейся воды и можно было действовать спокойнее. Аккуратно положив пиджак на невысокое кресло, я прошла взглядом по полкам. Идеальный порядок. Допускаю, что у него есть прислуга, но чтобы такая стерильность... Несколько рамок с фотографиями. Фото пожилой пары, наверно, его родители. Они вдвоём улыбаются и кажутся очень добрыми и приветливыми. Так непохоже на Шаха. В тумбы и на полки небольшого кофейного столика я заглядывать не стала, хотя было очень интересно, что же он там может держать. Звуки воды стихли и я запаниковала, не зная, стоит ли мне выйти или можно остаться. Так и замерла в нерешительности.

Дима вышел из ванной с брошенным на голову тёмно-синим полотенцем, оно было свободно накинуто и скрывало лицо, он шёл, всё ещё меня не замечая. Шаг тяжёлый, напряжённый. Босые ступни застыли на пушистом ковре и я услышала удовлетворённый стон, задержала дыхание. А уже в следующую секунду он почувствовал моё присутствие, резко сорвал полотенце с головы и прищурился, несколькими точными взглядами определив, где же я успела пройти. Даже неловко стало. А Шах уже в следующую секунду успокоился, подошёл к кровати, словно меня и нет рядом, присел, упираясь локтями в расставленные на расстоянии друг от друга колени.

Смотрел на меня с интересом, ожидая, что же скажу, а я смотрела на его тело. Оно уже не было идеальным. Всё ещё подтянутое, но более тяжеловесное, чем раньше. Грудь с левой стороны украшала татуировка, которую я прежде не видела. Её не было. Белый медведь. Точнее, сам он был просто картинкой, а вот по контуру, словно только что прихвативший шерсть иней, его украшала белая нить. Медведь мне показался грустным, таким же, как и ворон на левой лопатке, который клевал его сердце. Страшная картинка, меня охватила дрожь, когда я впервые её увидела. Пусть и не цветная, но настолько реалистичная, словно живая. Шах не позволил тогда к ней прикоснуться, а я не посмела перечить. Сейчас он зло смотрел и ждал, когда же я опомнюсь, даже спину распрямил, демонстрируя себя. Мощный торс, широкая кость, напряжённые мышцы. Весь словно готовый вступить в схватку, словно готов наброситься на меня в любую минуту, если я посягну на его свободу.

— Так и будешь молчать? — Не выдержал он и приподнял брови вверх. Губы привычно скривились, демонстрируя недовольство.

Я попятилась назад, успела всего два шага сделать, прежде чем опомнилась. От его взгляда, который с каждым этим шагом темнел, стало холодно, и я тут же принялась растирать озябшие плечи сквозь толстую ткань махрового халата.

— Я спросить хотела. — Решилась я и посмотрела в его глаза, как бы прося разрешение продолжить.

— Спрашивай. — И прищурился.

— Что... — Голос пропадал под этим моральным давлением и приходилось набирать в грудь больше воздуха. — Что теперь будет?

Он странно посмотрел, а потом поднялся, сделал пару шагов в мою сторону, остановился, спрятав руки в карманы широких домашних брюк.

— А что будет? — Спросил, словно не понял, что имею в виду. Вроде и спокойно, но я в каждом звуке, в каждом мимолётном движении читала вызов.

Пожала плечам, не зная, как пояснить и он неприятно улыбнулся.

— Ты моя жена со всеми вытекающими из этого последствиями. Это хотела услышать?

Воздух словно под давлением вышел из меня, а взгляд опустился к полу.

— Но у меня своя жизнь и...

— А разве я в неё вмешиваюсь? — Строго прервал Шах, дождался тишины. — Кажется, даже более чем гуманно отнёсся. Ты так не считаешь? Я даю тебе время привыкнуть ко мне, к новым условиям. Или думаешь, что, стоя здесь в этом халате, под которым наверняка осталось твоё платье, едва прикрывающее задницу, меня не возбуждаешь? Дай угадаю, — склонил голову набок, — я старый импотент. Не так ли?

— Нет... — Активно закивала я, не в силах выдержать его обвинительный тон.

— Я твой муж, Галя. И, хочешь ты того или нет, но так было и так будет!

— Ты не можешь меня заставить.

— Серьёзно?! Считаешь, у тебя есть варианты?

— Ты не можешь меня заставить! — Прокричала, уже не скрывая слёз, пытающихся вырваться наружу.

Я обхватила руками полыхающие щёки, а полы халата разошлись, открывая его взору то самое платье, которое я действительно не сняла.

— Я не собираюсь жить с тобой. Ты понял?!

— Да понял я. Только ты меня не поняла. — Дождался внимания. — Ты не уйдёшь к нему.

— А если не к нему? — Тихо, с надеждой спросила я, а Шах проскрипел зубами.

— Тогда я вообще не вижу смысла в этих манипуляциях. Ты остаёшься со мной и это последнее слово.

— Но ты не можешь...

— Могу. — Твёрдо и уверенно, так, что я не смею ему возразить.

— Я не хочу жить с тобой. — Повторила упрямо, но как-то безжизненно. Он уловил это, поэтому даже отвечать не стал.

Развернулся спиной и полотенце, которое до этого сжимал в руках, бросил на кровать. А я смотрела на полёт куска ткани и снова ассоциировала себя с такой же смятой, использованной вещью, которая вдруг понадобилась снова.

— Зачем ты вернулся?

— Станный вопрос, учитывая, что ты моя жена. Я вернулся к тебе.

— А то, что я не ждала, тебя не смущает?

— Меня смущает лишь то, что ты каким-то образом собиралась снова выйти замуж. А насчёт ждала, не ждала... Я тебя об этом не просил.

Сказал, и словно его самого от этих слов передёрнуло. Шах тут же сбросил все ненужные эмоции, резко двинув плечами.

— Действительно. — Холодно усмехнулась я. — Быть первооткрывателем намного

интереснее. А потом имейте, кто хотите, только не глаза не попадитесь.

Шах, до этого желая выбрать футболку, опирался на высокий комод обеими ладонями, а страшный ворон на его сердце, вырывал мясо когтями и острым клювом. Играющие под кожей мышцы лишь усиливали эффект реалистичности. Я отвернулась, не в силах смотреть на это. Прямая от напряжения спина. Пальцы, сжимающиеся в кулаки.

— Дима, отпусти меня, я ведь тебе не нужна.

— Я женился на тебе не для того, чтобы отпустить. — Проговорил он сквозь зубы и повернулся.

— Но ты сам ушёл! — Снова не сдержалась я, а он улыбнулся. Холодно, жёстко.

— Значит, этот факт тебя всё-таки расстраивает?

Наблюдая за мной, склонил голову набок, облизнул пересохшие губы, улыбнулся чуть мягче, но как-то нереально, играючи. Сам с собой играл.

— Нет, не расстраивает. Просто я никогда тебе этого не прощу.

— А я не прошу прощения, Галя.

— А я не собираюсь тебя прощать. — Проговорила тихо и усталость во всём теле почувствовала. Подошла к кровати, безвольно рухнула на неё, подтягивая согнутые в коленях ноги к груди.

— Просто иногда обстоятельства бывают сильнее нас, Галь.

— Почему ты ушёл?

На несколько секунд Шах замолчал, разглядывая меня, а потом странно вздохнул и громким толчком закрыл комод, так ничего из него и не достав.

— Иногда приходится принимать решения, которые делают нашим близким больно, но эти решения НУЖНО принимать.

— Красиво говоришь...

— А если некрасиво, — хмыкнул Шах и посмотрел исподлобья, — то ты не была готова к семейной жизни. — Добавил после затяжного выдоха.

— А зачем тогда женился?

— Я хотел, чтобы ты была моей женой.

— Зачем?

— Галь, не нужно пытаться узнать то, что я рассказывать тебе не намерен.

Я промолчала и Шах приблизился, легко прикоснулся к моему плечу, пытаюсь провести по нему кончиками пальцев. Я тут же отшатнулась и села на кровати, не позволяя ему снова подойти так близко.

— И не делай из меня врага! — Прокричал, когда понял это.

Я сжалась, от этого крика, а Шах склонился надо мной, больно удерживая за шею одной рукой, не давая отстраняться, смотрел в глаза, как в них зарождаются слёзы, как начинает трястись подбородок, как я до боли закусываю губу, только бы не заскулить от жалости к самой себе.

Отпустил, когда меня начало колотить, но нависать не перестал, позволил лечь, скрутиться клубочком, сам же провёл носом по открытой шее, упираясь кулаками в матрас по обе стороны от моей головы. Мой вой вырвался наружу и я испуганно прикрыла рот ладонями, пытаюсь промолчать, отдышаться, не плакать. Шах разозлился, схватил за ворот халата, намотав его на кулак, рванул, раскрывая меня, больно сжал ладонью грудь. Отпустил. Разогнул руки в локтях, отстраняясь.

— И если ты не хочешь остаться в этой постели на ночь, лучше будет уйти в свою

комнату.

Я не сдвинулась с места, а он улыбнулся так, что это можно было понять даже с закрытыми глазами.

— П-ф-ф... Какие мы смелые. — Потянул не без удовольствия, меня рассматривая. — Ну, давай.

Легонько толкнул в плечо, предлагая перевернуться на спину, я перевернулась. Шах коснулся кончиками пальцев моего подбородка, словно поглаживая, и пришлось стиснуть зубы, чтобы не выдать возмущённого шипения. Сама не знаю, что и кому хотела доказать, но готова была стерпеть его прикосновения. Пальцы спустились к груди, задевая вздёрнутые от страха соски, спустились ниже.

— Ай, какая послушная девочка. — Выдохнул удовлетворённо, спустился рукой по ноге, сжимая бедро, поддевая платье, двинулся выше.

— С-с...

Он шумно выдохнул, ощущая мой страх, а я крепко сжимала веки, боясь увидеть какое-то удовольствие в его глазах. И мы вдвоём не двигались, впитывая эмоции друг друга. Я чувствовала исходившую от Шаха уверенность, и она заставляла меня сжиматься в маленький комочек, забывая о том, что я личность, что я сильная, что я взрослая самостоятельная женщина. С каждой секундой внутреннее напряжение нарастало, я была готова взорваться, сорваться на истерику. Руки, судорожно сжимающие гладкое покрывало, уже дрожали и ныли. А в тот момент, когда он резко вошёл в меня двумя пальцами, не выдержала, заскулила, закусывая губу, закрывая лицо руками. Резко свела ноги вместе, закрываясь, пытаюсь повернуться набок, но его рука настойчиво удерживала позиции, не позволяя отстраниться.

— Вот так, моя хорошая. — Прошептал он, склонившись над ухом, медленно и аккуратно выводя из меня пальцы. — Вот мы и поговорили. А теперь посмотри на меня.

Я упивалась своей истерикой и не хотела слышать, не хотела понимать его слов, тогда Шах, жёстко схватив за подбородок, буквально заставил повернуться.

— Открой глаза, Галя. — Шипел сквозь зубы, не позволяя отбросить его руку. — Открой глаза и посмотри на меня. Давай. — Выговорил едва ли не по слогам, ударил легонько по щекам, приводя в чувства, и веки я подняла, реально не понимая, где нахожусь. Увидела его глаза. Удивительные, светлые, а в них та же уверенность, что и при первой встрече, и он ведёт меня в своей игре. Умело, предугадывая ходы, планируя наперёд, заставляя поверить.

— А теперь слушай, — добившись ровного дыхания, шептал он. — Я не могу быть нежным, и не хочу быть грубым. Всё, на что я сейчас способен — это насилие. Потому что ты меня на него провоцируешь. — Я попыталась издать звук, но он сжал пальцы на подбородке крепче. — Не перебивай! Я не хочу обидеть тебя, не хочу унижить, но сейчас нам лучше разойтись по разным углам. Потому что мы вдвоём на эмоциях. Мы вдвоём на нервах. Ты не понимаешь меня, не хочешь понять, потому что всего не знаешь. А я не уступлю тебе. Не уступлю тебе. Как хочешь понимай, но будь со мной. Рядом. Я ничего не буду требовать, не буду контролировать, не заставлю тебя изменить свою жизнь. Но я хочу знать, что ты меня услышала. Просто услышала и сделала так, как я сказал.

Посмотрел в мои глаза, скривился, не увидев там того, что хотел.

— Послушай, Галь, тебе сейчас трудно, но и мне не легче. Я понимаю, что мы чужие друг другу люди, что у нас не так много общего, чтобы вот так просто взять и тихо-мирно

сойтись, но я ведь и не требую этого от тебя. Ты меня не знаешь...

— Не я в этом виновата. — Проговорила со злом и Шах выдохнул. Устало, тяжело, даже глаза закрыл, чтобы перетерпеть.

— Просто дай мне шанс.

Он меня отпустил, и я тут же с кровати спрыгнула, к двери приблизилась.

— Я не знаю, чего ты от меня хочешь, Дим.

— Я хочу, чтобы ты любила меня...

— Брось... тебе не идёт просительный тон.

— Галь, я ведь могу заставить. Но если есть хоть один шанс добиться тебя...

— У тебя нет этого шанса, Дима. Уже нет.

И пока он втягивал сквозь зубы раскалённый воздух, я выбежала из комнаты, чтобы добраться до своей, чтобы закрыть дверь на замок и разрыдаться. Так, как не могла при нём. Не хотела, чтобы он видел это. Метнулась к душевой кабине, врубила воду на всю мощность, на ходу сбрасывая опостылевшую одежду, вжалась в дальний угол и выла в голос, пытаясь перекричать шум воды.

Не знаю, сколько мне понадобилось времени, чтобы прийти в себя, но из-под душа я вышла с охрипшим голосом, воспалёнными глазами и распухшим носом. Чёрные потёки под глазами вытерла пушистым полотенцем, насухо промокнула лицо, тело. Закуталась в халат, который так и лежал на полу, дожидаясь своей очереди, и с таким видом рухнула на постель, с желанием немедленно отключиться. Только немедленно не получилось, в голову без очереди и порядка лезли мысли, воспоминания, сказанные и не сказанные слова.

Глава 4

Сквозь сон я слышала тихие голоса двух людей, мужчины и женщины, но чем дольше они звучали в моей голове, тем больше я осознавала, что это не сон, не может быть сном, но и заставить себя проснуться не могла, отсыпаясь после первого в своей жизни экзамена. Голоса не удалялись и не приближались, но настойчиво доказывали что-то друг другу.

— Но так нельзя! — Возмутилась женщина, её голос был слишком знаком, чтобы спугать с чьим-то другим.

— Люди придумали эти правила. — Парировал мужчина.

— Она не готова. Нет. Это невозможно. Я никогда, слышите, никогда...

— А разве я спрашивал ваше мнение?

— Вы в своём уме?! — Громкий восклицательный шёпот, который заставлял меня хмуриться.

— Я просто хочу, чтобы вы знали о моих намерениях.

— Но так не делается. Это не правильно. Она ещё ребёнок...

— У меня нет времени ждать, пока она подрастёт.

— Она ни за что не согласится, нет, нет и ещё раз нет!

Бабушка... это точно она. Можно было расслышать, как дружно звякнули браслеты на её запястье. Такое всегда происходит, когда она ударяет кулачком об стол.

— Оставьте этот вопрос мне.

— Что вы собираетесь делать?

— Ничего противозаконного, если вы об этом.

— Покиньте наш дом, оставьте нас в покое...

— Вы же понимаете, что я слов на ветер не бросаю?

— Не нужно мне угрожать!

— И не собирался. Я не прошу помогать, хотя бы не мешайте.

— Что вы мне предлагаете?!

— Вы прекрасно понимаете, что следует за моим предложением.

— Поверьте, я не против, но если это будет по обоюдному согласию.

— Других вариантов я даже не рассматриваю.

— Но вы говорите, что нужно спешить.

— Это вовсе не значит, что я всё брошу.

— Это безумие!

— Всего лишь соблюдение старинных традиций.

— Чего вы от меня хотите? — По голосу стало понятно, что бабуля будто сдалась, и все звуки исчезли.

Проснувшись я от хлопка входной двери. Оглянувшись, словно могла увидеть сквозь стену, что же происходило в соседней комнате, но, опомнившись, выскочила туда в одной пижаме, ничуть не заботясь, что незнакомец может увидеть меня в таком виде. Бабушку я встретила на кухне, она с беззаботной улыбкой взбивала жидкое тесто на тонкие блины.

— Ба, а кто приходил? — Улыбнулась я, макнув палец в белое месиво. — Сладко.

— Брысь! Никто не приходил, с чего ты взяла? — Бабуля отвернулась к плите, выливая

на разогретую сковороду растопленное сливочное масло.

— Я слышала, как ты с кем-то разговаривала.

— Тебе показалось.

Оставалось только пожать плечами. Ну, показалось, так показалось... в конце концов у бабушки тоже могут быть свои тайны. Последнее время стало катастрофически не хватать денег, пенсии слетели на «нет», ей пришлось восстанавливать клиентскую базу для работы на дому. Всем необходимым снабжали любимые ученицы, а умелые руки вряд ли кто-то может заменить. Вот и были у нас посетители едва ли не круглые сутки.

— Ба, а почему ты не спросишь меня, что я хочу на день рождения? — Задорно улыбнулась я, хватая с тарелки горячий блин, только что снятый со сковороды.

— Можно подумать, я не знаю, чего ты хочешь. — Усмехнулась она, наливая очередную порцию теста. — Видела я то платье. Ни к чему тебе его носить.

— Но оно красивое, ба. — Склонила я голову, пытаюсь заглянуть в тёплые глаза.

— Оно неприлично короткое.

— Так все сейчас носят. Мне, между прочим, замуж скоро, а на примете ни одного достойного жениха нет.

— А с этим платьем ты найдёшь его? — Скептически скривилась бабуля. — Тем более достойного.

— Ну, хотя бы обычного. Нужно же с чего-то начинать. — Рассуждала я, размахивая масляными руками. — Ты в свои восемнадцать уже замужем была.

— Нашла, что вспомнить. Так я в свои восемнадцать ещё и ударницей социалистического труда была.

— Ба, ну, какого труда? Так и скажи, что со студ. отрядом на картошку ездили. — Поддела я бабулю и скрыла победную улыбку.

— И не только на картошку. — Строго заметила она. — Я была отличницей...

— Ага, а ещё комсомолкой и просто красавицей. Знаю, ба. Так и мои знания не хромают на обе ноги. Скажи, кстати, почему на меня никто не смотрит?

Я села на стул, подтягивая к себе второй блин, а бабушка укоризненно посмотрела и покачала головой.

— Так уж и никто? — Не стала она комментировать моё до жути неприличное поведение.

— Да говорю тебе! — Не прожевав как следует, бросилась я доказывать. Ещё бы в грудь бить стала.

— А, может, тайные поклонники?

— Да какие тайные? Никто кроме Пашки и платье новое не похвалит.

— Какого такого Пашки? — Глянула на меня бабуля своим фирменным пронизательным взглядом.

— Того самого, ба. Не бандит он, сколько раз тебе говорить?

— Ага, сейчас они, кажется, бизнесменами называются.

— Просто человек умеет зарабатывать себе на жизнь, что в этом такого?

— Я говорила тебе не общаться с ним?

— Да когда это было-то? — Изогнула я брови, но на всякий случай от бабули подальше отошла. Мало ли, блинным половником по голове шмякнет, на него и покосилась.

— Так он вроде не живёт уже здесь. С матерью его разговаривала. Также, надо сказать, не самая приятная особа.

— Ну, да, он в новостройках живёт в соседнем районе. Да ты видела наверно, там они зелёные такие.

Бабушка пристально на меня посмотрела.

— А ты откуда знаешь?

— Не волнуйся. В гостях не была. Он приглашал, конечно, но ты же меня знаешь...

— Скорее, ты знаешь меня. Учти!

Тут она вдруг изменилась в лице и смолкла. Знаю эту её присказку, чтобы я замуж без высшего образования не собиралась. Словно оно там поможет. Хе! Бабуля наивняк!

На сим наш разговор был практически завершён, ну, если не считать ещё десяти минут нотаций. А потом мы пошли примерять то самое платье, которое было до ужаса неприличное, но такое красивое и манящее. Бабуля долго кривилась и плевалась, но характером я, видимо, в неё и удалась, поэтому не уступила. Да и выглядела в нём сногшибательно.

Правда, гроза, та самая, судьбоносная, которая разразилась на следующее утро, не позволила насладиться праздником, вечером... и платьем. Никто кроме троих подружек его и не увидел. Бабуля странно поглядывала за окно и говорила, что, наверно, так и должно быть. Что именно, и как должно, не уточняла, да и я особо не вникала в её старческие странности. Занималась своими делами, которых именно в этот день всегда скапливалось невероятное множество.

— Галя, мне завтра нужно будет уехать. — Сказала она, явно волнуясь, когда поздно вечером вошла в мою комнату.

— Хорошо, а куда?

— Да, — она неопределённо махнула рукой, — Антонина Филипповна приболела, просила, чтобы я пока с Тосей на прогулки походила.

— А-а, тогда конечно. Привет ей передавай.

— Обязательно.

Бабуля странно на меня посмотрела, с долей грусти и беспокойства, но я клятвенно пообещала, что с Пашкой больше на машине ездить не буду, и вроде как её отпустило. Вроде как...

Настойчивый звонок в дверь помешал не только спать, но и настраивать себя на нужный лад при подготовке к следующему экзамену, а если учесть, что два дня, готовясь к своему празднику, я бессовестно профилонила, оставалось у меня ещё пара дней, не больше.

— Привет. — Дружелюбно сказал Шах, стоя на моём пороге.

Я не то, чтобы глазам своим не поверила, вообще не поняла, что он здесь делает, как меня нашёл и, собственно, для чего искал. Но в том, что целенаправленно пришёл, не сомневалась.

— Привет. — Ответила ему с сомнением, переминаясь с ноги на ногу.

— Пустишь?

Это даже не вопрос был, потому как я и не заметила, а он уже сам за собой дверь прикрывает, меня отстранив. Собран, сосредоточен. Смотрит на меня и мягко улыбается.

— Ничего, что я тут похозяйничал?

Я пожалала плечами. Вообще неважно было, что он говорит. Только бы объяснил, что происходит. Поэтому и смотрела ему в рот, пытаюсь уловить даже те слова, которые ещё не сказаны.

— Извини, ты ко мне? — Наконец, уточнила, а он улыбнулся ещё шире. Непривычно.

— Здесь ещё кто-то есть? — Отшутился с явным намёком, неприлично пристально оглядывая моё тело, я покраснела.

— Мы с бабулей вместе живём. Ба? — Крикнула в сторону комнаты, но тут же лицо ладонью прикрыла — Её нет сейчас, она подругу навестить поехала. Ты позже зайди.

Уголок его губ пополз вверх, Шах головой отрицательно махнул и вглубь комнаты посмотрел, напрашиваясь пройти дальше. Я образно махнула рукой, а он не растерялся, тут же шагнул мимо меня.

— Галь, давай поговорим. — Предложил Шах на ходу, прошёл к дивану и присел на него, согнувшись в три погибели. Посмотрел на меня, взглядом говоря, что неудобно.

А я смотрела в ответ с замиранием сердца, давно забыв о былых обидах. В нашей крохотной бедноватой квартире он смотрелся, по крайней мере, нелепо, особенно когда хотел казаться важным и значимым. Но таким красивым и нереальным, ну, прямо как в сказке. Только мозгов с нашей последней встречи у меня меньше не стало и такой визит вежливости настораживал, задавать вопросы я не могла, да и не знала какие. При этом была практически уверена, что он не ответит. Да. Так и выглядел. Сосредоточенным на своём деле.

Шах внимательным взглядом окинул комнату, мою фигуру, когда она снова попала в поле зрения, наконец, посмотрел на пол, после чего прямо в глаза. Да так резко, что я сама взгляд отвести не успела. Стало стыдно, что с такой жадностью его рассматривала, и краснота щёк не заставила себя ждать.

— Так, ты не к бабуле? — Утвердительно спросила я, а он в этот момент поставил на журнальный столик перед собой малюсенькую коробочку. Мне почему-то захотелось улыбнуться, припоминая, что в телесериалах так же делают предложение руки и сердца.

Только моя улыбка вызвала у Шаха какое-то негодование, он поджал губы и едва ли не приказал открыть.

— А что там? — Медленно приближаясь, уточнила я, не понимая, что происходит.

А в коробочке было кольцо. Точнее, это потом я поняла, что кольцо, а сначала увидела нереальной красоты цветок, который был сплетён из тончайших золотых нитей. В его центре сверкал прозрачный, словно капля росы, камешек, а более мелкие были рассыпаны по лепесткам. Я перевела на Шаха растерянный взгляд, а он улыбнулся одним уголком губ.

— Галь, сегодня на три часа назначена роспись. — Сообщил скучающим тоном, я улыбнулась.

— Роспись чего?

— Ни чего, а наша с тобой. Сегодня ты станешь моей женой.

— Да что ты?..

Я повела плечиком, как меня учила подруга и часто захлопала ресницами, разыгрывая умиление.

— Галь, я не шучу. — Предугадывая скорый вопрос, произнёс он и уставился не моргающим взглядом.

— А я и не смеюсь... Давай... Давай, — набрала в грудь побольше воздуха. — Да, конечно, у тебя ко мне всплыло неземное, неестественной силы чувство, — я задумалась, пытаюсь угадать, распознал ли он шутку в моих словах, — но это вовсе не значит, что я так же...

— Галя, у нас в три часа роспись. — Серьёзно и более строго проговорил Шах и моя

улыбка из неверящей стала нервной.

И причин тому было много. Да. Много. А больше всего беспокоило то, что на шутку такое предложение действительно похоже мало. И здравый смысл, если он и был, то оставался мне неизвестным. Сначала я посмотрела с сомнением, потом попыталась улыбнуться, но... кто-нибудь пробовал улыбаться перед гипнотизирующим взглядом удава? Нет? В общем, и у меня не получилось. А потом захлестнуло негодование и возмущение.

— Да с чего ты взял... — Захлебнулась я потоком воздуха, резко собрала мешающиеся волосы в хвост и отошла на приличное расстояние. — С чего ты взял, что я... соглашусь... — Последнее слово произнесла практически шёпотом, чем Шаха повеселила.

— Будем считать, что уже согласилась. — Разогнулся он и с дивана встал. И именно в этот момент я почувствовала исходящую от этого мужчину угрозу.

Вспомнилось, как испугалась его в клубе несколько лет назад. Как шугалась парней, которые рискнули нарушить моё личное пространство, приближаясь ближе допустимого, незадолго после. Тогда он хотел меня. Сейчас он хочет, чтобы я ему принадлежала и никто не посмел одёрнуть. И его непроницаемый взгляд, который темнеет, по мере того, как долго я размышляю над происходящим. Его мощное тело, которое наливается напряжением. Его вздёрнутый подбородок, который угрожающе направлен в мою сторону. И всем своим видом он провоцирует меня на панику. Только я уже не маленькая и не безголовая, потому примерно понимаю, чем может закончиться побег. Медленно киваю, присаживаюсь на подлокотник кресла, стоящего в углу.

— Давай... давай поговорим. — Вытянула вперёд руку в успокаивающем жесте. Шах приподнял брови, вроде как позволяя продолжить. — Ну... ну с чего ты взял, что я нужна тебе? Да ещё свадьба, это ведь такой ответственный шаг и...

— У меня было время всё обдумать.

Не сказать, что я не была удивлена, была и даже очень... думал он! Ха! А моё мнение вроде как...

— Да, конечно, — заправила за уши спадающие с плеч пряди волос, — но, тебе... тебе ведь жена нужна. — Попробовала я найти компромисс. — Ты взрослый, самостоятельный. Ты... Какая из меня жена, а? Я... я не умею ничего, я...

Шах пошловато улыбнулся.

— Всеми необходимому могу тебя научить. А чему не научу я... — Развёл руками, театрально пожимая плечами, — до того и сама дойдёшь. Собирайся, у тебя пятнадцать минут.

— Нет, подожди, — выставила я руки вперёд, теперь уже две, а Шах свои глаза ладонью прикрыл.

— Нет, тебе действительно всё по два раза повторять нужно, Галь?! У тебя пятнадцать минут! — Вызверился и сделал выпад вперёд. Потом, правда, опомнился, отступил.

Я не дышала, не моргала и не понимала, что ему от меня нужно.

— Ты хочешь со мной переспать? — Выказала единственную здравую мысль и сжалась. Раньше мне не казалось это чем-то неестественным, но всё познаётся в сравнении. Лечь под бульдозер осмелится не каждая и уж точно не я, поэтому колени к себе поджала, глубже опускаясь в кресло.

— Я не достаточно чётко выразил свои желания, Галь?

— Это новомодная фишка такая, да? Жениться ради секса? Ты ведь хочешь меня. Просто хочешь.

— Предлагаешь приступить к брачной ночи немедленно? — Довольно оскалился он, но по тому, как я испуганно перестала дышать, понял, что шутка не удалась, что, к слову, ему только на руку. — Вот и славно. — Потёр руки, так спокойно, жизнерадостно, словно и не было этого разговора. — Время пошло.

Я не двигалась, и он посмотрел на меня как на недалёкую.

— Галь, я тебя, судя по всему, разбудил. — Напомнил вкрадчиво. — Думаю, сходить в туалет, причесаться и почистить зубы ты хочешь. Вперёд. Времени не так и много.

— Ты ведь шутишь, да? — Спросила в последний раз, подошла к нему настолько близко, что и сама не ожидала, заглядывая в глаза, но в них не было ни смеха, ни игривости.

— Я жду тебя пятнадцать минут, после чего мы садимся в машину и уезжаем. — Склонился надо мной, прижался щекой к щеке и прошептал, дотрагиваясь тёплыми губами до уха: — И прежде, чем совершишь какую-нибудь глупость, вспомни, что я не тот человек, который играет по чужим правилам.

Довольно проурчал, когда заметил на коже ярко выступающую панику в виде «гусиной кожи». И пропустил, когда с пустым взглядом удалилась в ванную комнату.

Страх всегда приходит потом. Я поняла это, когда в дверь ванной комнаты громко постучали. Руки затряслись только от одной мысли, что там, за тонкой фанерной перегородкой меня ждёт новая жизнь. Только едва ли то, что мне предстоит, называется жизнью. Не иметь собственного мнения, права голоса, являясь, по сути, игрушкой в чужих руках. Шах слишком чётко дал понять, что моего мнения для него не существует и ожидал слепого повиновения.

Вышла я, как только умылась. Прошла мимо него, охраняемая пристальным взглядом. Когда почувствовала, что прозвучит вопрос, бросила на ходу:

— Ты ведь не собираешься везти меня в пижаме?

Из спальни вышла в джинсах и чёрной футболке, которую купила, но до этого ни разу не одевала, так как чёрный, в принципе, не мой цвет. Сейчас же он был как никогда кстати. Шах не стал этого комментировать, только провёл очередным смурным взглядом к коридору.

— Галя, подойди ко мне. — Попросил достаточно мягко, в сравнении с предыдущим тоном, но я даже не повернулась. Он и это пропустил, не акцентируя внимания на моих закидонах. Спокойно подошёл сам.

— Дай левую руку.

Не дождавшись реакции на очередную просьбу, аккуратно, я бы даже сказала, нежно, поддел мою руку кончиками горячих пальцев, подтягивая её к себе ближе. А я застыла, не понимая ни действий, ни целей. Смотрела и не понимала, когда же он настоящий: был ли он настоящим полчаса назад, когда выставил свои условия, или же сейчас, когда его прикосновения вызывают сладостную дрожь во всём теле.

Я всегда считала себя нормальным, здоровым, не приемлющим насилие человеком, у которого вызывает отвращение издевательство над слабым. Сей час же заворуженно смотрю на мужчину, от которого не знаю, чего ожидать. Тогда вдруг подумалось, что первое впечатление, оно навсегда остаётся у нас в душе. И та его уверенность, которая была при первой нашей встрече, то безоговорочное доверие, которое он у меня вызвал, авторитет, сейчас откликнулись слишком громко.

— Ты ведь не сделаешь мне больно? — Прошептала, когда наши взгляды встретились.

— Нам пора идти. — Вместо ответа на вопрос громко и чётко произнёс он, разрушая

эту неоправданную иллюзию.

Я села в машину, пытаюсь закрыться от всего мира, спрятаться в себе, Шах посмотрел в мою сторону и добивался ответного взгляда. Я себя заставить так и не смогла.

— Кислый, выйди. — Проговорил он тогда железным тоном мужчине, сидящему на месте водителя, а тот, хоть и посмотрел как-то осуждающе, но спорить не стал, вышел, захлопнул за собой дверь, закурил.

— Галя, послушай меня сейчас внимательно. Ты обижена и тебе очень не нравится то, что происходит, но изменить этого ты уже не сможешь. Я, в свою очередь, могу обещать, что сделаю всё для того, чтобы этот день тебе запомнился, но многое и от тебя зависит. Посмотри на меня. — Попросил, в отличие от всей остальной речи.

Я стиснула зубы, не желая ни говорить, ни видеть его сейчас, ни сидеть в одной с ним машине.

— Понятно. Тогда может быть и по-другому.

Я не придавала значения той вкрадчивости, с которой он это произнёс, тому сквозившему от его тона холоду.

— У каждого из нас есть близкие люди, Галя.

Вот тогда я на него посмотрела. Испуганно посмотрела. Но он меня уже не видел. Смотрел прямо перед собой так, словно до рези, до боли в глазах. И губы его шевелились незаметно. Точно и не он говорил. Я испуганно притихла, теперь слушая не просто слова, каждый звук, вибрацию его голоса, от которой кровь в моём теле неслась с молниеносной скоростью, финальной точкой больно ударяя по капиллярам пальцев.

— Близкие, родные, любимые. И однажды потеряв их, мы понимаем, как ничтожна жизнь. В тот момент становится нестерпимо больно, но эту боль мы не можем выплеснуть, не можем высказать. Мы можем её только прочувствовать. — Я вцепилась пальцами в кожаную обивку сидений. Глаза наливались слезами. — А в тот момент, когда осознаём, что могли не допустить... Что этого просто могло не произойти, поступи мы иначе...

— Хватит, я сделаю всё, что ты скажешь.

Но Шах словно не услышал, только голос стал мощнее, настойчивее.

— Просто придёт момент, моя хорошая, и ты поймёшь, что я поступил правильно.

— Я же сказала... — Голос окончательно дрогнул и слёзы покатались двумя тоненькими ручейками.

— Ты мой родной человек, Галя, — провёл он костяшками пальцев по моей щеке, поддел подбородок, стирая слёзы, зависшие там за секунду до падения, — и, к сожалению, я уже знаю, что такое терять... А потерять тебя не хочу.

Я смотрела на мертвецки бледное лицо. Словно маска, неживое. Он сумасшедший. Просто сумасшедший и вдруг поймала себя на мысли, что мои губы, пусть, едва слышно, пусть непослушно, но повторяют одну и ту же фразу. «Я согласна, я на всё согласна». Опомившись, замолчала, а он приоткрыл окно и подозвал водителя, сообщив тому, что невеста готова. Мужчина, сев за руль, бросил на меня несколько прямых взглядов, коротко глянул на Шаха и, неодобрительно покачав головой, двинулся с места.

Машина остановилось рядом с магазином, который яркой колоритной вывеской обещал привести нас к счастью. Не особо понимая смысл происходящего, я покорно шла следом за Шахом, и никак не отреагировала, когда услужливые и улыбочивые девицы начали виться вокруг, что-то предлагая, рекомендуя, рекламируя.

— У вас есть четыре часа. — Не понятно, которой из них проговорил он и отошёл,

наблюдая за происходящим со стороны.

Одна из девушек, я бы сказала, самая элегантная, несколько раз бросила на меня внимательные взгляды, что-то тихо проговорила помощницам и те, всё так же мило улыбаясь, отвели меня в сторону примерочной кабинки.

Это был свадебный салон. Остановившись на примерном фасоне платья, девицы принялись подбирать подходящее к нему бельё, аксессуары, принесли на выбор несколько пар обуви. Наверно, в этот момент должно было сквозить какое-то волнение, но я даже не хотела смотреть на себя в зеркало.

— Галя, мне нужно затянуть корсет, ты можешь немного постоять и не тянуться вслед за шнуровкой? — Раздражённо пропыхтела одна из консультантов.

— Могу.

Она снова потянула и я нехотя шатнулась в ту же сторону.

— Ну, что с тобой? Такая красивая девочка, такая умница. Почему в такой день и без настроения? — Спросила она, пытаясь заглянуть в глаза. На самом деле, ей было всё равно, это чувствовалось, но такая работа. Смысл этих двух слов мне знаком.

— Всё в порядке, волнуюсь. — Спокойно отозвалась я, даже не пытаюсь поделиться, поплакаться. Почему-то казалось, что их раздражаю и я, и мой вид. Главное, чтобы согласилась на платье из новой коллекции и на туфли он итальянского дизайнера.

— Кислый, где мастер? — Услышала я голос Шаха и дрогнула. Девочка, помогающая мне с нарядом, замерла, приглядываясь.

— У вас всё хорошо? — Уточнила, правильно расценив мою реакцию.

— Всё хорошо, спасибо. Что-нибудь ещё?

— Ещё причёска и макияж. Но мы ждём своего мастера, девочка застряла в пробке.

— А-а... — Потянула я многозначительно и представитель магазина предпочла исчезнуть, оставив меня одну.

Весёлая со смешной стрижкой девушка буквально влетела в зону примерочной, окинула меня профессиональным взглядом и утвердительно кивнула.

— Будешь у меня куколкой. — Эмоционально причмокнула она губами, и буквально загорелась работой.

В зеркало я так и не посмотрела, не вдаваясь в подробности причин. Мастер, конечно, поджала губы, но, как говорится, у невест свои причуды. А потом... как в добрых фильмах о любви, шторка распахнулась, и меня представили жениху.

Шаха я не узнала: не было больше того хмурого с угрожающим видом мужчины. Был молодой, счастливый, в смокинге и бабочке, которая ему удивительно шла, молодой человек. Светлый взгляд искрился счастьем, и почему-то хотелось в это верить. Он замороженно смотрел в мои глаза, не смея опуститься ниже, порывисто дышал и не решался подойти. На идеально чистом, без единой тени, лице, вдруг мелькнула паника, дыхание стало шумным, губы поджались. Шах прищурился, напрягся всем телом, и я почувствовала, что в этом месте должен быть мой выход. Удивляясь своим артистическим данным, улыбнулась, и протянула ему руку, предлагая помочь. В это мгновение Шах всё же выдохнул и его улыбку не сдержали бы сейчас все беды мира. Я увидела, как человек может быть счастлив. Не знала как, не понимала почему, но верила его счастью, которым он хотел поделиться со мной. Приблизился, становясь практически вплотную, горячее дыхание коснулась кожи.

— Ты необыкновенная. — Прошептал так, чтобы никто кроме меня не смог услышать. И уже громко, радостно, для всех, кто сегодня так старался. — Девчонки, я просто обалдел

от счастья.

Продавцы, стилисты радостно зашуршали, заахали и заохали, едва ли не аплодируя истории любви.

— Кислый, надбавь за старания. — Бросил за плечо своему оруженосцу и эта новость оживила присутствующих пуще прежнего.

И пусть я завтра себя возненавижу за эту слабость, но рядом с Шахом почувствовала себя королевой.

Не оттого, что нацепила дорогие тряпки и цапки, не оттого, что все вокруг глазели, не тая зависти. А за один лишь его взгляд. За то обожание, которое читалось в нём. Просто потому, что одним жестом, подав ему руку, я сказала «Да». То самое «да», которое он, якобы, от меня не ждал.

— Шах, свидетельница. — Напомнил Кислый, возвращая нас в реальность и Шах отвернулся, теряя те эмоции, не желая дарить их другим. Окинул пристальным взглядом всех собравшихся и вдруг остановился на мастере парикмахерских услуг.

— Ты поедешь.

А она и спрашивать не стала, куда и зачем, радостно закивала, странно посматривая в сторону Кислого.

У входа в салон стоял не тот устрашающего вида внедорожник на котором мы приехали, а белоснежный лимузин с услужливым шофёром в фирменной фуражке и пиджаке с лацканами. А дальше всё как в тумане. ЗАГС, регистраторша с фальшивой улыбкой, моё спокойное «да» в ответственный момент, громогласное «да» Шаха. Кислый, который уже спелся с парикмахером, прямо в зале торжественных регистраций, под звучный визг свидетельницы, откупорил шампанское. Кристальные в своём блеске бокалы, наполненные вином, одиночные поздравления, тоненькое кольцо на безымянном пальце правой руки, выполненное классическим золотом, и широкое кольцо на пальце моего мужа.

Оставив свидетелей, мы поехали по красивым местам города, а в машине сопровождения сзади, ехал фотограф, которого я так и не заметила в зале, но который там был и запечатлел все моменты важного событий. Объездив все необходимые достопримечательности, мы пересели в другой автомобиль, более удобный для передвижения и оправились в сторону выезда из города. Я даже не сразу сообразила, куда направляемся, и лишь когда отметила, что пейзаж за окном практически не меняется, посмотрела на Шаха. Он же, не отрываясь, смотрел на меня.

— Куда мы едем?

— Я хочу показать тебе одно место. Там очень красиво. — Проговорил с каким-то надрывом.

— Зачем?

— Хочу, чтобы ты это увидела. — Пожал он плечами, словно растерявшись от этого вопроса и как-то притих.

Всё это время не выпускал из рук мою ладонь, точно я могла куда-то убежать или исчезнуть. Но тревожить его не хотелось, поэтому не возражала. Посмотрела на наши руки, на контраст светлой и тёмной кожи, на его широкую ладонь и мою тонкую, практически прозрачную в ней. По телу разлилось непонятное тепло и ощущение защиты. Я верила ему всё больше и больше, хоть он мне ничего и не обещал. И как никогда понимала смысл слов, в которых говорилось, что главное, приятно ли с человеком молчать. С ним мне было хорошо.

Взгляд съехал чуть ниже и я увидела паспорта и длинную бумагу — свидетельство о

регистрации брака. Не смогла удержаться.

— Это мой? — Спросила удивлённо, не понимая, когда Шах успел его взять.

Потянулась к документу и заглянула внутрь. На нужной странице стояла печать и красивым почерком сделана запись о том, что Шах Дмитрий Алексеевич стал моим мужем. Я недоумевающе посмотрела.

— Так это твоя фамилия, Шах?

Он растерялся и даже не нашёлся, что ответить, потом уже несколько смущённо улыбнулся и пояснил, что это не только фамилия, но и прозвище по жизни. А я поймала себя на мысли, что уже ни разу не страшно.

— И как мне тебя называть? Дмитрий Алексеевич?

— Дима. — Спокойно отозвался он, пропустив мимо ушей сквозившую иронию. Медленно повернулся ко мне, пытаясь удержать невозмутимое выражение лица, которое вот-вот и сменится беззаботной мальчишеской улыбкой. — Ты ведь не хочешь, чтобы я называл тебя Галина Анатольевна, правда?

Не хочу, прав. Я никак не могла уловить причины изменений в нём. словно подменили, не иначе. Только располагающая улыбка, подкупающие слова и жесты, всё то, чего я не ждала.

Машина остановилась на трассе, недалеко от которой располагался лесок, я обеспокоенно оглянулась, но Дима как всегда промолчал. Вышел, подал мне руку, помогая выбраться.

— Ты отведёшь меня в лес? — Улыбнулась, когда он вдруг обернулся. Усмехнулся, глядя как я карабкаюсь по ухабистой дороге, на которой даже тропинки не было.

— А можно идти медленнее?

Он шаг хоть и замедлил, но легче не становилось, приходилось не только идти, но ещё и поддерживать платье. А это ноша не из лёгких.

Уже на подходе к лесу силы меня покинули, и я остановилась как вкопанная.

— Дима! Дмитрий Алексеевич, пошли назад, мне не нравится твоя идея. — Проговорила упрямо и надула губы, отворачиваясь от его улыбчивого лица.

Не комментируя этот протест, Дима легко поднял меня на руки и, только и успевал командовать, когда нужно будет подобрать ноги. Прошли мы прилично, прежде чем у него появилась одышка и яркий румянец на щеках. Сжалившись, я задрыгала ногами, командуя опустить меня на землю.

— Дим, ну, ты устал. Я больше не буду капризничать, честно. — Клянчила, продолжая извиваться в его руках, хотя чувствовать себя пушинкой было безумно приятно.

— Не дёргайся, ты мне мешаешь. — С периодичностью в десять шагов повторял он и отпускать меня не собирался. Заросли стали гуще и я, то и дело, замечала клочки белого материала моего платья, которые оставались на ветках дикорастущих кустов.

Дима тоже слышал звуки рвущейся ткани, к тому же, это нас действительно тормозило.

— Ну, хотя бы не заблудимся. — Вздохнула я, сожалея об утрате.

— Не заблудимся, мы уже почти пришли.

А пока я разглядывала его лицо, которое сейчас было до невозможного близко, остановился, поставил меня на пол и склонился, неотрывно глядя в глаза.

— Мы пришли.

Обернувшись, я увидела озеро. Узкое, удаляющееся за горизонт. Каменистый берег, который смотрелся здесь не совсем уместно и... стаю диких лебедей. Царственно

раскинувших крылья, они проплывали от одного берега к другому, гордо выпячивая вперёд грудь. Не особо понимая свои желания, я пошла к воде, всматриваясь в лёгкую рябь на её поверхности, в прозрачную прибрежную волну, нагоняемую лёгкими порывами ветра. Замерла, остановившись у самого края суши.

— Это действительно красиво. — Прошептала, не оборачиваясь, когда почувствовала его дыхание на своём затылке.

Мужские руки тут же обхватили мою талию, притягивая ближе к теплу. В полной тишине лесного озера, я могла отчётливо слышать глухие удары его сердца и сбитое дыхание, которое выдавало волнение.

— Откуда ты его знаешь?

Помолчав некоторое время, Дима выдохнул. Тяжело, горько, словно с болью.

— Здесь недалеко есть одна деревня. С трасы её даже не видно, сейчас она практически исчезла. Жители переехали в близлежащие центры, а дома медленно, но верно разваливаются, образуя разруху.

— Это место... оно что-то для тебя значит?

— Больше, чем я хочу сейчас вспоминать. — Грустно улыбнулся он и прижался губами к моей шее. — Я хочу, чтобы оно тоже кое-что означало для тебя.

— Чтобы я всегда помнила о тебе?

Он тихо рассмеялся, прижимаясь губами к моему голому плечу. От этого смеха по телу разбегались приятные волны, и можно было свободно прижиматься к надёжному плечу, не позволяя понять, как мне это важно.

— Я не дам тебе забыть обо мне, Галь. А насчёт памяти... Да. Я хочу, чтобы ты помнила о том, что я твой единственный.

Я замерла в его руках, Дима это почувствовал, поэтому прижался сильнее и хватку усилил.

— Знаешь ведь, что такое лебединая верность?

Стоя к нему спиной я повернула голову, пытаюсь рассмотреть то, что сейчас творится в его глазах, а Дима склонился, позволяя мне это сделать.

— Мне никто не нужен кроме тебя, Галя. Мне вообще всегда казалось, что я не умею любить.

— Это такое признание? — Дрогнула, желая чего-то большего.

— Это всё, — посмотрел он, а при этом и в глазах, и в голосе, разлилась такая знакомая жёсткость, — и признание, и предупреждение. Это закон. И я хочу, чтобы ты знала, что я всегда буду рядом. Даже когда ты этого не захочешь.

— Мне иногда кажется, что ты и сам не знаешь, чего хочешь...

— Я хочу, чтобы ты была моей женой несмотря ни на что. Ты понимаешь смысл этих слов?

— Наверно нет. — Призналась я.

— Просто я никому тебя не отдам, что бы с нами не случилось, Галь. Я не могу себе позволить тебя потерять.

— Не знаю, чему верить: твоим признаниям или тому, что видела сегодня утром.

Его тело в одно мгновение приобрело ощутимую жёсткость, тепло угасло, словно заперлось внутри, не подпуская меня ближе.

— Ещё две минуты, Галь. Здесь очень красивый закат, но мы не сможем долго смотреть, иначе не найдём дорогу назад.

Просто стоять в тишине, в которой каждый думал о своём, мы прождали ещё ровно две минуты, после которых Дима молча развернулся и потянул меня за руку за собой. От лестного предложения пронести на руках ещё и назад, я отказалась, согласилась на пиджак, который прятал нежную кожу рук, плеч, груди, от колючих веток, холодных листьев. Я шла и не понимала, что с ним происходит. Теперь, когда могла смотреть на широкую спину, на уверенные размеренные шаги, казалось, что та нежность, которую он показывает мне, даётся словно в награду за правильные ходы в игре. В его игре. Но едва лишь я делаю шаг в сторону, он щетинится, выставляя вперёд колючки. Говорит о любви и тут же умалчивает о том, что будет с нами дальше. Не желает объяснять свои спонтанные решения, которые оказываются продуманными и до безграничности правильными.

На поле, дорога которого была значительно сложнее, он вновь берёт меня на руки, сильно прижимая к себе, не позволяя отстраниться, а я и не хочу. Не хочу бояться. Показываю, что мне нравится, потому и сама прижимаюсь к нему, шаг от шага, дотрагиваясь губами до гладкого подбородка.

К машине мы вышли, когда на улицу опустились ощутимые сумерки и вечерняя прохлада. Водитель стоял у авто, и только лишь открыл дверь в нужный момент, позволяя Диме посадить меня внутрь. Там муж буквально на секунду впился в мои губы. Так, словно украд этот поцелуй. Жадный, резкий, ощутимо болезненный.

— Никогда не смей отдаляться от меня. — Шепнул за мгновение до того, как водитель занял своё место. Быстро обошёл автомобиль и присел рядом, больше не притрагиваясь, полностью погружаясь в свои мысли.

Глава 5

В ресторане было полно людей и каждый с интересом вытягивал шеи, провожая нас взглядом. Я к такому вниманию не привыкла, поэтому очень хотела поскорее раствориться в толпе, что оказалось не так просто. Столик в самом центре обеденного зала на четыре персоны был наполовину пуст, правда, ни Кислый, ни его спутница, особо на наше появление не рассчитывали, поэтому давно приступили к ужину, не заботясь об отсутствии молодых. Правда, заметив Шаха, немного подобрались. Кислый попытался спрятать глупую пьяную улыбку и приветливо махнул рукой.

— А мы уж думали, что вы будете праздновать исключительно на шёлковых простынях. — Неприлично оскалился он и хрюкнул, позабавившись собственной шутке.

Шах промолчал, а вот я вспомнила о важном событии вечера, покраснелась. Правда, не столько от волнения, сколько от возмущения о том, как бесцеремонно об этом отзывался мужчина.

Мы расселись по местам, официанты тут же засуетились, поглядывая на Кислого, который и командовал парадом. Вскоре на столе появились свежие закуски, распечатанная при нас бутылка игристого вина, Кислый привстал, чтобы проговорить поздравительную речь.

— Шах, друг, наверно ты, наконец-то, счастлив, — посмотрел на нас, прищурившись, — думаю, даже больше чем ожидалось. Я очень надеюсь, что молодая жена будет тебя радовать не только чеками из магазинов, но и маленькими женскими хитростями от которых так зависят наши суровые мужские будни. Галя, — повернулся он ко мне и запнулся, видимо, не зная, что сказать человеку, которого видишь едва ли не впервые в жизни, но совладал с эмоциями и продолжил. — Что скучать тебе не придётся, думаю, ты уже и сама поняла. — Посмотрел выразительно, намекая на сумбурность праздника. — А что касается

пожеланий... Желаю я тебе терпения, которое непременно пригодится в жизни рядом с этим параноиком. У Димона, конечно, много тараканов, но есть и неоспоримые достоинства, которые он тебе в ближайшем будущем продемонстрирует.

Сказана последняя фраза была с неприкрытым налётом пошлости, которая заставила меня вернуться к привычному за сегодняшний день окрасу лица, а моего парикмахера глупо захихикать. Но, как бы там ни было, пожелания прозвучали, тост можно считать завершённым, а значит, за это стоит выпить.

Я только и успела, что поднести бокал к губам, когда Дима придержал мою руку своей, не позволяя сделать и одного глотка. Я непонимающе посмотрела, а он этой растерянностью воспользовался и бокал у меня отобрал, поставит на белоснежную скатерть со своей стороны.

— Шампанское хорошо бьёт по голове, — пояснил с улыбкой, налаживая на мою тарелку мясные закуски и салат, — особенно таких впечатлительных барышень, которые с утра ничего не ели.

Я поджала губы, поправляя кончик вилки, уже смотрела в свою тарелку, а он терпеливо улыбнулся, погладил меня по свободной руке.

— Сегодня всё ещё будет. И вино, и фрукты. Только чуть позже.

Я подхватила кончик вилки, которую теребила до этого, но рука дрогнула и она слишком громко ударила по краю тарелки, создавая излишний шум. Дима сжал зубы.

— Я хочу, чтобы ты немного расслабилась, а не уснула. — Добавил недовольно. — Ешь.

Если честно, спроси у меня кто, что я чувствовала в тот момент, о чём думала, я бы наверно и не ответила, так пусто было внутри. Кислый сказал ещё несколько шуток в том же духе, но я больше не краснела, потому что не слышала ни единого звука. Бессмысленно водила глазами от одного к другому. Особенно часто брала слово парикмахер, она открыто и довольно смотрела на меня, успевая подмигивать Кислому.

— Шах, мне кажется, твоя жена заскучала. — Услышала я в тот момент, когда на меня посмотрели все трое одновременно. Кислый как всегда выделился. Тут же вытянул губы трубочкой, прямо глядя на меня. Не отвёл взгляд даже когда Дима окликнул его. Стало неприятно, что его забавляет вся эта ситуация, а меня он словно и вовсе ненавидел. Не понятно только, за что.

А потом было всё, чего я так боялась. Даже не удивительным показалось то, что машина остановилась возле отеля. Достойное завершение столь незабываемого вечера. Секс на казённой, пусть и жутко дорогой кровати...

Не могу сказать почему, но этот момент был для меня важен. Чтобы он в свой дом привёл. Не как шлюху, в гостиницу, а в свой дом! Чтобы я понимала его, чтобы чувствовала настроение. Чтобы читала намерения в поступках. А вся эта показная роскошь больно была по самолюбию. Наверно, это классическое воспитание сыграло свою роль. Бабуля всегда говорила, что если мужчина тебя уважает, то не поведёт в бордель. Познакомит с семьёй, друзьями... А меня познакомили с верным оруженосцем и первой попавшейся девушкой, которая и стала свидетелем краха мечты о светлом будущем с любимым мужчиной. Тут же вспоминались и умные фразы, в которых говорилось о том, что замуж нужно выходить по расчёту. И пусть не будет любви к мужу, зато навсегда останется любовь к его деньгам.

— Номер люкс для молодожёнов, спальня, гостиная, столовая зона. Две ваннные комнаты...

— Хватит. — Недовольно остановил молодого портье Дима и отошёл к окну.

— Если что-нибудь желаете...

— Ты можешь быть свободен. — Грубым, не терпящим возражения тоном повторил он, резким движением всучил парнишке купюру, достоинства которой я не разглядела, но тот остался весьма доволен и пожелал приятного вечера.

Оставшись наедине, мы ненадолго замолчали. Я, оттого, что не знала, что говорят в таких случаях, Дима молчал, боясь спугнуть меня. Осознание неизбежного давило с неимоверной силой и я сделала над собой усилие. Не пыталась играть роль роковой женщины, да и Дима, едва бы поверил. Просто вспомнила об обещанном допинге. Огляделась по сторонам.

— Ты обещал вино и фрукты. — Посмотрела на него в упор.

Дима взглядом не ответил, но каким-то своим мыслям улыбнулся. Постоял ещё пару секунд недвижимо, а потом распахнул дверь в спальню, в которой и находился накрытый столик. Зажжённые свечи к нему прилагались. Мысль о том, что нас ждали и свечи зажгли заблаговременно, развеселила, поэтому с некоторой лёгкостью я шагнула туда следом за мужем.

Дима ловко откупорил бутылку, разлил вино по бокалам, один протянул мне, а я засмотрелась: бабочка уже висела с одной стороны, придавая праздничному виду немного необходимой в данной ситуации небрежности, расслабленности. Пиджак расстёгнут на все пуговицы, рубашка небольшой складкой свисала над поясом брюк. Стильный узкий ремень с классической пряжкой. Дима мне нравился. Я уже привыкла к нему. Я была готова признать его право быть рядом. Улыбнулась этим мыслям, приняла из его рук бокал, тут же сделала глоток. Ни пить, ни выпивать никогда не умела, потому и не усердствовала. Вино было приятным на вкус, но не вызывало должной эйфории, мне было достаточно. Поджала губы, не зная, что следует дальше, а Дима и не давал возможности думать об этом, отставил бокалы в сторону, склонил голову, приближаясь. Аккуратно подвёл руки к моей талии, подтолкнул вперёд, к себе ближе, медленно приблизился к лицу, коснулся губ. Но как бы я себя не убеждала, обычный человеческий страх, то и дело, брал верх. Потому непроизвольно отвернулась, понимая, что на этом он не остановится. Чувствуя, как мышцы Димы напряглись, замерла в его руках, внутренне сжимаясь, а он прижался губами к уху, поддел мочку с каким-то жёстким, остервенелым дыханием. Отметил, как я в панике скривилась и прошептала:

— Если тебе что-то не нравится, — выдохнул, с боков меня сжимая, — кричи, бей меня, но никогда, слышишь, никогда не смей отворачиваться!

Я повернулась, глядя в его глаза, тут же сама коснулась упрямо поджатых губ. Он не отреагировал. Продолжал буравить злым взглядом. Вывернулась из его рук, поворачиваясь спиной, отклонилась назад, прижимаясь к каменной груди.

— Помоги мне с платьем. — Прошептала и замерла, ожидая его действий.

Дима минуту молчал, но не отстранялся, не отступал, потом только аккуратно шагнул назад, придерживая меня за плечи, и быстро расстегнул мелкие застёжки. Резкими размашистыми движениями принялся за плотную шнуровку, которая обнажилась под верхним слоем потайных замков, плавно потянул за бегунок молнии, позволяя мне свободно вздохнуть грудью. И я задохнулась не только этой свободой, но и его откровенной близостью, ощущением тяжёлого взгляда, который упирался в кружевное сексуальное бельё, подобранное грамотным стилистом.

— Не спеши. — Произнёс тихо, подталкивая в сторону ванной. — И... чулки... оставь

их.

От этих слов я как от удара метнулась в ванную комнату, надёжно закрыв за собой дверь. Прислонилась к ней спиной, отдышалась, а потом опустила руки, которыми до сих пор удерживала корсет. Уверенно перешагнула скопившуюся под ногами ткань и привела себя в порядок. Вышла достаточно быстро, но Дима явно устал ждать. Он стоял у окна, придерживая пальцами занавеску. Пиджак был брошен на кресло, рукава небрежно закатаны до локтя, одна рука в кармане брюк. Подбородок привычно приподнят, чтобы была возможность наблюдать за происходящим свысока. Он обернулся и полоснул по мне горящим взглядом, от которого хотелось попятиться. Это потом я поняла, что выглядела сексуально, возбуждающе, а в тот момент прозрачная кружевная грация, пояс для чулок и само белоснежное тончайшее волокно, обтягивающее ноги, казались мне пошлостью.

— Я хочу, чтобы всё было быстро. — Проговорила со всей серьёзностью, казалось, это так по-взрослому, ставить условия.

Глаза Димы сверкнули.

— А я хочу, чтобы всё было красиво.

Это потом я, желая подстегнуть партнёра, могла купить что-то подобное. А в тот вечер мне хотелось провалиться сквозь землю. Дима сделать этого не позволил. Скрыв свой интерес, мягко улыбнулся, плавно приблизился, а я просто позволила вести себя. Он нежно водил пальцами по моему подбородку, вырисовывая круговые узоры, легко касался разгорячённой кожи губами, заставляя то открыть шею, то повернуть голову в сторону, предлагая демонстрировать линию подбородка. Чередовал поцелуи с мягкими прикусываниями кожи, прихватывая её зубами, разглаживая после этого влажным языком. И я терялась в этих ощущениях. Понимала, что сопротивление вызовет жестокость, пусть произвольную, но не нужную нам, поэтому подчинялась, принимая ласку.

Постепенно его пальцы спускались ниже, массируя плечи, спину, поглаживая напряжённые мышцы. Он ничего не говорил, боясь спугнуть, жался к моему телу, приучая к размеренным толчкам бёдер. Подталкивал к широкой постели. Одной рукой придерживая меня под спину, другой порывисто расстёгивал мелкие пуговицы своей сорочки, но вскоре его выдержка затрещала по швам. Как, впрочем, и непослушная рубашка. Вспомнив о своих свободных пальцах, я принялась помогать, оттаскивая его непослушную руку.

Быстро справившись, руки убрала, а он уже успел уложить меня, стараясь побыстрее освободиться от ненужной одежды. Вытянул ткань из-за пояса брюк, не забывая целовать меня. И это уже были не первые свободные поцелуи, не то лёгкое касание губ в ЗАГСе. Это были поглощающие по количеству эмоций действия, поцелуи глубокие, жадные. Он ласкал мои губы, не позволяя перевести дыхание, тут же заполнял мой рот собой, своим языком, резко отстранился, вода по лицу затуманенным взором, коснулся пальцами губ, поглаживая их, оттягивая нижнюю.

В тот момент я заметила татуировку в виде пера, которую когда-то разглядела в суете в клубе. Слишком реалистично. Она шла вдоль ключицы и слегка поднималась к шее, где завёрнутый край чёрного пёрышка, словно щекотал его. От созерцания творения художника, меня отвлекло мимолётное движение его рук по коже между краем чулка и трусиками. Дима улыбнулся, вернув себе моё внимание и медленно, позволяя остановиться себя, опустил губами к груди. Стерпел мой эмоциональный порыв во время которого я неконтролируемо глубоко впиалась ногтями в твёрдую спину, провёл языком по границе белья, иногда просто щекотал дыханием, заставляя меня хотеть большего. А я, ведомая новыми ощущениями,

доверчиво прогибалась в спине, прижимаясь к нему ближе, притягивая его к себе руками. Высвободив один сосок, Дима жадно втянул его в рот, сжал зубами и отпустил, только услышав тихий грудной стон. Навис надо мной, опираясь на выпрямленные в локтях руки и довольно улыбнулся.

— Предлагаю это снять.

И повёл ладонью по линии рёбер, едва ощутимо надавливая на тело. Ощувив голой кожей прохладу номера, я снова растерялась, попыталась прикрыть грудь руками, но Дима, уверенно удерживая запястья, просто прижался ко мне своим телом, скрывая не только от внезапно возникшего смущения, но и от себя самого. Отвлекая поцелуями, отстегнул подвязки чулок, вжимаясь в меня своими бёдрами, позволяя ощутить то, что так нахваливал его друг в ресторане. Но мне уже было хорошо и легко, поэтому я жалась к нему, вдруг осознав, насколько это естественно.

Понимала смысл слов «хотеть», «желать», «отдаваться». Пряжка его ремня звякнула, сползая с кровати, но я уже не придавала значения мелочам, которые только отдаляли меня от желанной развязки, а о том, что я возбуждена, просто кричало ощущение холода от промокшего насквозь белья. Стянув с меня трусики, Дима быстрым взглядом окинул обнажённое тело, прищурился, пытаясь разглядеть сомнение. Не встретил его и решительно снял свою одежду, но не демонстрировал себя, отвлёк очередной порцией нежности.

Я чувствовала себя центром вселенной, встречая его взгляд, не просто откровенный, а сумасшедший, ослеплённый желанием. Спустя годы я пойму, что на меня никто кроме него так не смотрел, но всегда гнала от себя эти мысли, эти ощущения. Они делали меня слабой и уязвимой, позволяя мужчинам причинять мне боль.

Его руки гладили и ласкали, уже не боясь напугать меня откровенными прикосновениями, поцелуи опускались всё ниже, а потом Дима снова остановился и посмотрел оценивающе. Я не знала, что означал этот взгляд, не придавала ему значения, и только лишь когда он отрицательно качнул головой, присмотрелась внимательнее. Дима нависал надо мной, удобно устроившись между раздвинутых ног, не отпуская моего внимательного взгляда, приподнял одну из них, удерживая за лодыжку, повернул голову чуть в сторону и прикоснулся губами. Я дёрнулась, но он ожидал этого, потому и удержал.

— Расслабься, всё хорошо. — Шепнул убедительно, и поцеловал снова.

Поцеловал в то же место, потом чуть ниже колена, не отрываясь, провёл губами по внутренней поверхности ноги, останавливаясь на середине бедра. Низ живота горел и пульсировал, поэтому я непроизвольно двинулась вперёд, и он правильно воспринял этот призыв, отпустил лодыжку, широко развёл ноги в стороны и продолжил это прикосновение выше, пока не потерял возможность видеть мои глаза. Первое, практически невесомое прикосновение, заставило меня резко дёрнуться в попытке отстраниться, но Дима, точно и ждал этого, крепко впился пальцами в ягодицы, удерживая на месте. Тут же прорычал, когда я своё сопротивление продолжила.

— Расслабься.

Не успел сказать, как провёл языком по влажным складкам, чуть дольше задержался на клиторе, вызывая пульсирующую боль.

— Ты очень нежная. — Усмехнулся, понимая, что происходит. — Придётся потерпеть.

И провёл языком в том же направлении, надавливая сильнее, раскрывая меня, расправляя складки, на клиторе снова задержался, слегка вибрируя языком, постукивая, ровно до тех пор, пока не услышал сдавленный стон, который стал для него стартовым

выстрелом.

Больше Дима не останавливался, впиваясь в нежную плоть до боли, чередуя ритмичные движения с успокаивающими, расслабляющими. Мои мешающиеся ноги забросил себе на плечи, не обращая внимания, что я их скрестила, сдавливая голову. Проникал языком вовнутрь, удерживая меня на грани пальцами, добиваясь, чтобы я забыла о стыде, о правильности. Только в этот вечер я о ней и не вспоминала. Никогда не чувствовала себя настолько свободной, удовлетворённой, парящей в пространстве, как с ним, и не хотелось думать о том, что будет уже завтра. Тёмная макушка активно мелькала перед глазами, а когда огонь внутри стал невыносим, а безудержные движения ягодиц просто не спасали, я прижала его голову к лону, уже не прося — требуя.

Оргазм. Я многого о нём не знала. Помню, сразу после школы наткнулась на книжицу с одноимённым названием в библиотеке школьной подруги, не стала скрывать своего интереса и уже вечером смогла узнать много нового о своём теле и об удовольствии, которое оно может получать. Первого удовольствия я добилась совсем не скоро, измучив себя и свою руку. Потом, несколько раз пытаюсь повторить, доходя до онемения в кисти, бросала дело незаконченным. Но те ощущения не идут ни в какое сравнение с тем, что я испытала сегодня. Долго не могла отдышаться... Определённо, Дима подружился с моим телом намного быстрее, чем я сама.

На какое-то мгновение я и вовсе забыла о мужчине рядом, поэтому и пропустила момент, когда он прижался ко мне вплотную и одним плавным, размеренным до миллиметра движением, вошёл, глубоко прогибаясь в пояснице, не особо заботясь о преградах. Мне показалось, что внутри что-то лопнуло, но это не принесло особого дискомфорта, потом ещё на первых толчках было саднящее ощущение, но вполне терпимое, поэтому тихие утешающие слова Димы я хорошо расслышала, хоть они и были предназначены для общей атмосферы. Он проникал глубоко, растягивая меня каждый раз всё больше, упираясь во что-то упругое, но мягкое, потом выходил практически на всю длину и буквально каждая клеточка его тела дрожала. Дрожали и губы, которые нехотя выпускали застоявшийся в лёгких воздух.

Я лежала практически неподвижно, лишь изредка прижимаясь к его груди, инстинктивно подводя бёдра вверх или навстречу, притягивала ближе к себе за шею. Мне было приятно ощущать тяжесть его тела, а Дима упирался, отшучиваясь, что скоро раздавит. Внимательно следил за эмоциями и ускорялся, когда понимал, что всё хорошо. Цеплял мои губы своими, дразня, улыбался, когда я пыталась их поймать и едва сдерживался от смеха, когда разочарованно выдыхала, так и не сделав этого. Только постепенно, по мере приближения к своему оргазму, он растерял ту шутливую лёгкость, переходя к концентрации, сосредоточенности в ощущениях и в своих движениях. Подведя руки под моими лопатками, цепко взялся за плечи, не позволяя отстраниться и двигаться вверх, к изголовью кровати, как я делала, ощущая, что он набрал слишком большую скорость. Теперь же сделать это не представлялось возможным и я замирала, чувствуя его пульсацию внутри себя, с какой скоростью он вдавливался в податливое тело. Разводила бёдра шире, чтобы позволить мужу сделать то, что он хочет и он кончил, прорывав что-то невнятное в мои губы, прикусывая их.

Дима сполз, устраиваясь рядом, практически без сил, бросил на пол презерватив, а я даже не заметила, когда он его раскатал. Посмотрел ещё пристальнее, чем обычно, провёл раскрытой расслабленной ладонью по моему телу, задевая грудь, поглаживая небрежным

движение живот.

— Устала?

— Немного. — Соврала я, потому что едва отступила эйфория, появилось желание закрыть глаза.

— Тогда отдыхаем. — Он улыбнулся, пригладил взъерошенные волосы на моей голове. — Хотя у меня было ещё много планов на эту ночь...

Мечтательно закрыв глаза, широко улыбнулся, а потом приоткрыл один глаз, чтобы посмеяться над моим ошарашенным выражением лица. Уснуть, правда, получилось не сразу, минимум полчаса Дима извлекал из моих волос шпильки, удерживающие причёску, а когда была удалена последняя, я крепко спала и уже ночью, сквозь свои сны почувствовала, как к спине прижимается горячее тело со стальными от напряжения мышцами. Дима снова был возбуждён.

Мне снились сны, разные, короткие, в основном беспокойные, поэтому, когда зазвонил телефон и Дима резко подскочил с кровати, на ходу отбрасывая одеяло, я открыла глаза.

— Да. — Он говорил громко и раздражённо, так, словно ждал этого звонка очень долго, а получив его, разозлился сильнее. — Заткнись, я успею. — Прорычал в трубку.

Я почувствовала как он сел у моих ног, убирая мешающееся одеяло подальше. Поднялась, посмотрела в его сторону и замерла в испуге: на левой лопатке, утрашая своей реалистичностью, располагалась татуировка в виде чёрного ворона. Он безжалостно впился когтями в ещё живое, пульсирующее сердце и клювом выдирает его куски. Крылья ворона были широко раскинуты, словно ещё секунда и он сорвётся с места, застигнутый в неподходящий момент, а глаз, будто прямо на меня смотрел, не позволяя приблизиться.

— Всё, Кислый, — устало выдохнул Дима, выслушав собеседника, — я тебя понял... Ты всё подготовил?

Отключившись, несколько мгновений просидел недвижимо, после чего слегка повернул голову в мою сторону, но так и не посмотрел.

— Проснулась?

Я в растерянности закивала, словно он мог это видеть, Дима повернул голову ещё больше, но так и смотрел на пол, всё его тело выдавало напряжение, натянутость, а я опомнилась.

— Д-да.

Он шумно выдохнул, проводя руками по волосам, втянул в себя воздух через стиснутые зубы, что сопровождалось характерным свистом. И не успела я протянуть руку, чтобы дотронуться до ворона, чтобы убедиться, что он не настоящий, как Дима повёл плечами, словно сбрасывая её и это не случившееся прикосновение. Я так и замерла с протянутой к его телу рукой.

— Галь, иди в душ, я сейчас присоединюсь. — Проговорил другим тоном. Не таким, которым говорил вчера в этой спальне. Таким, каким разговаривал в машине, убеждая не делать глупостей. Поэтому, несмотря на желание поваляться в постели, я решила не спорить.

Дима в этот момент уже поднимался, чтобы подойти к окну, где, отодвинув занавеску, снова разглядывал улицу. Я замерла, не понимая, что происходит, а он неожиданно взгляд на меня перевёл. Тёмный, раздражённый, словно злится, и тут же отвернулся. Только встать и просто пройти до ванной комнаты уже не хотелось и, нерешительно опустив стопы на мягкий прикроватный ковёр, я стянула покрывало, которое до этого было сбито в ногах, и надёжно в него завернулась. Так, чтобы если и захотел развернуть меня, не смог этого

сделать. В такой же нерешительности прошла по комнате, боясь издать лишний звук.

Дима не кричал, не угрожал, никак не выдавал себя, но один его взгляд стоил тысячи устрашающих криков. Мне стало не по себе. В том числе и оттого, что не знаю этого человека.

Я включила воду, шагнула в объёмную душевую, дрожащей рукой попыталась отрегулировать температуру, когда Шах вошёл в ванную. Боковым зрением видела, что он так и ходит голый, сейчас это смущало и заставило посторониться, когда он застыл перед входом.

Невольно я замерла, не зная, чего он ждёт, а через секунду упиралась руками в противоположную стену. Дима толкнул меня к ней, грубо удерживал за шею сзади, приблизившись вплотную, перехватил так, чтобы уже сжимать горло, коленом раздвинул ноги шире и резко вошёл, причиняя ощутимую боль, которая сопровождалась моим криком. Левой рукой сжимал шею, правой прижимал мою правую руку к стенке душевой кабины, а сам чёткими, мощными толчками проникал всё глубже. Так глубоко, что боль разрасталась и превращалась в противный, тянущий вниз ком. Дима не пытался закрыть мне рот, ничего не говорил, и только громко рычал, когда мои крики переходили в слезливые всхлипы. Чуть позже он свою руку опустил, специально для того, чтобы каждый раз, толкаясь в меня, сжимать клитор, кружить вокруг него. До тех пор, пока не накрыл оргазм. Мой оргазм.

Не особо церемонясь, не давая отойти и успокоиться, вышел из меня, а чувство пульсирующей внутри боли осталось. Резко развернул спиной к стене, подбросил вверх, впиваясь в ягодицы и вошёл, толкаясь членом с новой силой. Я перестала кричать, когда горло охрипло, наверно, если бы он меня не держал, повисла бы безвольной тряпичной куклой, но Дима держал. И в глаза смотрел, не отрываясь, и только когда я отвернуться попыталась, больно за щёки схватил, сжимая их пальцами одной руки.

— Никогда не отворачивайся от меня! — Прокричал, оглушая этим криком, и тут же кончил. Проникая так глубоко, что я задохнулась.

— У тебя есть полчаса на то, чтобы привести себя в порядок.

Я стояла, держась обеими руками за стену душевой кабины, пока Дима вытирался полотенцем. Бросив его на корзину для грязного белья, он вышел, не замечая, как я медленно опала на пол, заливаясь уже не сдерживаемыми слезами. Вышла из ванной, закрученная в широкое полотенце, которое не скрывало свежих кровоподтёков — следов от его пальцев, мокрые волосы затянула в тугой жгут. Дима меня ждал, сидя в кресле напротив.

Наверно, я смотрела на него осуждающе, точнее... хотела смотреть, но не поднимала взгляд. Не боялась, не стыдилась, просто не хотела видеть. Не хотела чувствовать. Не хотела показывать как это унижительно.

Поджала налитые кровью губы, ожидая его слов... или приказаний...

— В пакете одежда. Через пять минут нам нужно выезжать. — Бросил он и не двинулся с места.

На кровати я заметила большой фирменный пакет, медленно, не желая доставить себе ещё больше неудобства, прошла, стараясь не задевать при движении натёртых чувствительных мест. В ванную вернулась с этим пакетом в руках, там и обнаружила бельё, светлые брюки и блузку. Переделалась, стараясь не отзывать на свои мысли, которые заглушала порядковым счётом от одного до ста и обратно. Дима в комнате тоже переделался в излюбленную чёрную одежду. В руках он держал небольшую дорожную сумку.

— Ты можешь обуть свадебные туфли, они подходят в твоему костюму. — Бросил на

ходу и пошёл к двери.

На стоянке отеля стояла знакомая мне чёрная машина. За руль сегодня Дима сел сам. Мы ехали настолько быстро, что в один момент я просто закрыла глаза и боялась их открывать, пальцы непроизвольно вцепились в ручку двери. И отвёз меня Дима... как бы не рассмеяться в голос... к моему дому.

Казалось, что я ничего не чувствую, что больше никогда не почувствую. Смотрела прямо перед собой, не желая вникать ни в причины его поступка, ни в доводы разума. Я просто не знала, что происходит!

— Открой бардачок. — Выдал он очередную фразу командным тоном. Я послушно протянула руку вперёд и нажала на небольшой рычажок. Место для хранения открылось, а передо мной оказался белый конверт. За услуги, как я поняла.

— Возьми, — сказал, точно зная, что я конверт заметила, — там адрес и ключи от квартиры. Я купил её для тебя.

Замолчал. Я взяла конверт, ощущая под бумагой ледяной металл. Смотрела на него. Моргать не получалось.

— Мне придётся уехать. — Снова заговорил он, понимая, что ответа не дожждётся. — Скорее всего, надолго. — Нервно выдохнул, глядя на меня в упор, но на удивление мягко и терпеливо уточнил: — Хорошо, Галь?

— Мне всё равно. — На автомате отозвалась я. А что тут не понятно: он спросил, значит, я должна ответить. Дима тягостно вздохнул и сильнее сжал руль.

— Всё, родная... мне пора. — Сочувствие. В его голосе было отрицание своих же слов. Ему никуда не было нужно. Просто... просто я обошлась ему очень дорого. Как говорилось в каком-то юмористическом номере, кажется, Ефим Шифрин рассказывал: так раньше, что же я, дешёвкой была?.. Теперь хоть цену себе знаю...

Дима наклонился и прижался к моей щеке губами. Слишком долго, чтобы я выдержала. Слишком нежно. Поэтому, рванув ручку двери на себя, я выскочила из машины прямо к подъезду, словно он гнался, словно хотел догнать. Обернулась, поймав его взгляд.

— Ненавижу тебя. — Прошептала, сдерживая слёзы, но уверена была, что он услышал. Среди всей уличной суеты, среди гула проезжающих машин, порывов ветра, пения птиц. Он услышал, и от этого мне было хорошо.

Забегала на третий этаж родного дома и заперлась в квартире на ключ. И только там, стоя на коленях у самого порога долго выла, пытаясь заглушить боль. Ведь самой себе врала: боль я всё же чувствовала.

Бабули, к счастью, дома не было, я бы не хотела, чтобы она увидела моё состояние. А там, и об экзаменах вспомнила, и о том, что желудок от голода в узел скрутился. Варила манную кашу, которую ненавидела с детства и подсаливала её своими же слезами. Потом ела эту пресную гадость, положить в которую сахар не посчитала нужным.

Экзамен, к слову, сдала на отлично, а к тому моменту, как вернулась после этого в квартиру, бабуля уже была дома.

— Привет, ба, а я экзамен на пять сдала. — Попыталась я ей улыбнуться, но уголки губ тянулись вниз, нужно было срочно что-то придумать.

Ничего лучшего, как заткнуть рот куском пирога с яблоками, на ум не пришло. Я села, надёжно подперев щёки кулаками, и принялась усиленно жевать. Бабуля несколько раз растерянно моргнула, а потом улыбнулась.

— Молодец. А... а что ещё было?..

— Ничего пока. Ещё один экзамен и пойдём с ребятами сессию отмечать. Лизка всех агитирует. Как раз новое платье надену, хоть будет, кому похвалить. — Попыталась задорно отшутиться, но вышло тухло.

— Ты грустная...

— Настроения нет, ба, — встала я из-за стола, потому как слёзы уже грозились брызнуть из глаз. — Я в ванной полежу. Устала — жуть!

Потом был ещё один экзамен, сессию мы действительно замочили. Дома находиться не хотелось, а выйти было некуда. На время летних каникул приезжие ребята разъехались по домам. Кто был посостоятельнее, уехали на курорты, в том числе и самая моя близкая подруга Лизка, которой и хотелось рассказать, да не было подходящего момента. А кто просто зашился дома, предпочитая отписываться от любых покушений на их свободное время через ставшие в последнее время популярными социальные сети.

А мне не становилось легче, как я уговаривала себя первые дни. Да, днём уже могла сдерживаться, а вот ночью разрывалась. Захлёбывалась слезами, тихо и надсадно завывая в подушку. Я старалась забыть обо всём, что произошло той ночью, тем днём, я спрятала паспорт и два кольца, которые напоминали мне о большой ошибке. Я ненавидела себя за то, что чувствовала, лёжа под ним, и, в тот же момент, скучала. Да что скрывать... от себя-то? Я влюбилась в Диму как последняя дура! И выла не от того, что он сделал мне больно, а оттого, что сначала заставил поверить, а уже потом выбросил как ненужную вещь. Ключи от подаренной квартиры давно уложила в мусорное ведро и вынесла. Теперь они наверняка спрятаны под грудой другого никому не нужного хлама. Туда же выбросила свою оплёванную душу — мне она больше не была нужна. Было противно. А ещё я верила. Продолжала верить в то, что это досадная ошибка, в то, что он обязательно вернётся, попросит прощения. И плакала, плакала, понимая, что этого не случится никогда.

В таком ритме прошёл месяц, а я всё не могла прийти в себя, продолжая рвать на куски остатки гордости. Так же рыдала в подушку по ночам. Уже не от боли. Боль давно прошла. Сейчас мне было жаль себя и именно эта жалость забирала все силы, выпивала все соки. В одну из таких ночей бабуля заглянула в комнату. Включила свет, крикнула в испуге и тут же бросилась к кровати, становясь перед ней на колени.

— Господи, Галочка, что случилось, что... что он сделал?.

Этот вопрос поставил точку. Большую жирную точку в моих догадках и это прояснение перекрыло истерику.

— Это ведь он приходил к нам в дом, ба? — Спросила не своим голосом. Не было в нём ни жизни, ни эмоций.

Бабуля молчала, так же молча немного попятилась назад, встала с колен, и присела на край кровати, переводя дыхание. Здесь и слов не было нужно, так живописно выглядело каждое её действие.

— О чём он просил тебя, ба?

Она качала головой, отрицая.

— Он не просил, он сказал, что так для тебя будет лучше...

— Лучше? — Я выдержала паузу, чтобы бабуля посмотрела на меня. — Ты действительно считаешь, что мне стало лучше? — Голос тихий и безжизненный. Такой же, как и я. — Посмотри на меня, ба, — бросила ей с вызовом, — я похожа на человека, которому хорошо?

Она закрыла глаза руками, пытаясь спрятать проступившие слёзы.

— Он обещал жениться на тебе, он...

— А он женился. — Перебила я. Встала, достала из сумки паспорт, из тайника кольца. Швырнула всё это на кровать.

— Он женился, ба. А потом переспал со мной. А на утро трахнул! Так, что я только неделю назад перестала посещать гинеколога с его грёбанными лечебными ванночками! — Сорвалась на откровенный крик, в бессилии сжимая кулаки, топоча ногами, не понимая, от чего меня так колотит. — Ты довольна, ба? Ты! Довольна?! Что он тебе пообещал за меня? Что сказал?

— Ничего, Галя, не так всё было. — Приложила она руки к сердцу. — Я клянусь. Он... он просто попросил не мешать. Он сказал, что сделает тебя счастливой, что тебе не нужно будет думать ни о чём...

— Что же, в этом он своё обещание сдержал, ба. Больше ни о чём не думаю. — Эмоции схлынули так же быстро, как и накрыли, поэтому я опустилась прямо на пол, глядя куда-то в одну точку. Бабуля медленно сползла и села рядом, уложила мою голову себе на колени, а я, стараясь прижаться плотнее, тянулась к ней, сжимая в кулаках ткань домашнего платья.

— Прости меня, ба, я не считаю так, правда. Ты бы не смогла меня защитить от него, ты всё правильно сделала. Не стоит оно того.

Она продолжала напряжённо гладить мои волосы, плечи, щёки, вытирала набежавшие слёзы.

— Мне так больно, ба, что я даже не могу выразить это словами. Он... я не понимаю его. Он говорил, что будет рядом со мной всегда и тут же отворачивался, когда я спрашивала, что имеет в виду. Он целовал меня с такой нежностью, с такой заботой, что когда сделал больно, я просто не смогла противостоять этой силе.

Слёзы покатались сильнее, губы затряслись, дыхание сорвалось.

— Я чувствую себя грязной, ба. Знаешь, какого это, когда тебе назначают цену?

Я сжалась, погружаясь в истерику, а бабулины руки стали недвижимы.

— Пусть и дорогую, но цену, ба.словно всё в этой жизни можно купить... словно чужие чувства ничего не стоят, словно...

Снова захлебнувшись, я смолкла, продолжая громко рыдать. Мне не хватало этого. Мне нужно было выговориться. Выплакаться, выгнать из себя все эмоции и переживания, которые не давали свободно вздохнуть. Потом я словно улетела, далеко-далеко, а вернулась под тихий бабушкин шёпот. Она снова гладила мои волосы, лицо было уже сухое, стянутое от слёз. И я всё никак не могла уловить смысл тихих слов.

— Ты у меня умница, — приговаривала бабуля, — он ещё локти кусать будет, вспоминать будет, как обидел, прощения просить. Красавица моя. Ты скоро забудешь. Всё забудешь. Начнётся новая жизнь. Будет у тебя любимый человек, мечта, цель. А этот сможет только со стороны смотреть завистливо. Наверно, такие люди просто не умеют любить. — Убеждала она и я хотела верить.

И действительно всё забылось. Жизнь сделала новый виток. Учебный год задавал другие задачи, люди вокруг стали смотреть на меня иначе. И не думалось о дурном, и не вспоминалось. Хорошо было.

Сюрприз случился после нового года. Я пришла из универа, а бабуля сидела на кухне и держала в руках небольшое извещение.

— Галя, это из суда. — Сказала она тогда, для уверенности глянув в бланк ещё раз.

— Из какого ещё суда?

— Не знаю. Сказано явиться...

— Бред какой-то...

— Вот, здесь адрес есть. Штраф.

Чтобы разобраться, я взяла квитанцию в руки и прочитала сама. В принципе, бабуля всё сказала правильно: в извещении было указано, что состоялся суд, вынесен вердикт, по решению которого мне предстоит выплатить задолженность и штраф. Сумма небольшая, но не понятно, откуда нарисовавшаяся. Внизу указан номер телефона, расчётный счёт организации и адрес, где нужно будет предъявить квитанцию об оплате. Чтобы разобраться во всём подробно, я набрала номер знакомого с юридического факультета, вместе с которым и пошла в разведку.

Всё оказалось проще некуда: штраф был за неуплату налога на имущество, взноса обязательного страхования и прочей лабуды за купленную на моё имя квартиру, даже адрес которой мне был не известен. Вот тогда-то я и занялась свалившимся на голову имуществом. Раздобыла адрес в домоуправлении, после предъявления паспорта мне вскрыли дверь, а дальше можно разобраться самой.

Квартира в центре города, в одном из капитальных домов прошлого века. Дорогая. Это не только из-за того, что центр, но и из-за накруток за памятники архитектуры, закрытый двор и общую удалённость от городской суеты. Блатной двор, одним словом, с такими же блатными соседями.

Недолго посоветовавшись с бабулей, заткнув свою гордость за пояс, я переехала туда жить. Первое время было ощущение, что Дима вот-вот вернётся, предъявит свои права. Потом и эти страхи поутихли, уступая место спокойной размеренной жизни.

К слову, именно благодаря этой квартире я и встретила Антона. Золотого мальчика, как его называла Лиза. Он приходил к одному из своих друзей, проживающему в этом дворе и частенько на меня засматривался. К тому моменту я уже была свободна от предыдущих изматывающих отношений и с удовольствием отвечала взаимным вниманием. В одну из таких случайных встреч мы и познакомились. Разговорились, подружились, нельзя было не признать, сколько у нас общего. А потом начали встречаться. Я готова была рассказать о себе всё и только лишь на вопрос, откуда у такой милой девушки как я, такие богатые дарители квартир, отмахнулась, ссылаясь на дальних родственников с широкой душой. Это было единственное, что я так и не смогла объяснить, да, по большому счёту и не верила, что у нас с Антоном что-то выгорит, а тогда и объясняться лишней раз незачем. Только однажды он пригласил меня на семейный ужин, познакомил с родителями, я стала частым и желанным гостем в их доме, да и бабуля моя тоже. Дело набирало нешуточные обороты, и рассказать о той маленькой лжи, которую я обещала себе забыть, становилось всё менее возможным. Момент истины настал в тот вечер, когда Антон сделал мне предложение. Только правду рассказала ему не я, а мой, как выяснилось, всё ещё муж.

Глава 6

Я снова смотрела в потолок, только теперь не видела ни собачек, ни облаков, ни мужчину с женщиной, занимающихся разными непотребствами. Сон не шёл, хотя в глазах начало щипать от усталости. Тишину ночи разрубил громкий рёв мотора, звуки низких ударов колонок, которые постепенно разбавлялись музыкой. В конце концов, в окне мелькнула пара ярких фонарей, и стало понятно, что во двор кто-то въехал. Я приблизилась к окну, стараясь не высовываться. Подъехавших машин было две. Из каждой повалил народ. Минуту назад тихий, спящий двор заполнился не только собачьим лаем, но и криками людей, громким хохотом, шумной клубной музыкой. В подсветке фар танцевали пьяные девицы, выставляя напоказ свои прелести, отклячивая задницы в коротких юбках, выкладывая силиконовые груди на капоты навороченных автомобилей. Спустя пару минут со стороны крыльца появился Дима. Он не казался особо удивлённым, смеялся в такт остальным и только на подходе махнул руками, требуя сделать музыку тише.

— Банда явилась! — Громко фыркнула я, пользуясь тем, что меня не слышно и продолжила наблюдать из-за занавески.

Некоторые из девиц бросились к нему, вешаясь на шею, их он спокойно чмокнул в щёчки и растолкал, и только одна, самая наглая, самая откровенно выставляющая себя, не подходила. Я так поняла, ждала, что он подойдёт к ней. И, знаете, подошёл, останавливаясь в считанных сантиметрах от широко расставленных ног. Что-то сказал. Естественно я не услышала, ведь музыка всё равно играла настолько громко, что даже стука собственного сердца слышно не было. Она ему тоже ответила. Проговорило на ухо, прижимаясь размазёванными губами, а после, дерзко улыбнувшись, провела языком широкую влажную полосу по всей щеке, поддевая и засасывая мочку уха. Меня передёрнуло от такой «ласки» и если бы Дима в тот момент не посмотрел в моё окно, я бы наверно ушла, но он посмотрел. Смотрел долго, пристально, гадая, вижу я его или нет. А я не собиралась подсказывать. Стояла не дыша. И только усмехнулась, заметив, как он стащил сидящую девицу с капота и, удерживая стальной хваткой за плечо, поволок в дом.

Что-то ещё он сказал ночным гостям и те засобирались, разъехались, а в доме снова стало настолько тихо, что собственное дыхание казалось колокольным звоном. Несмотря на страх, я из комнаты вышла, громкие голоса доносились снизу и, стоя у края лестницы, я могла беспрепятственно подслушивать.

— Я не понимаю, что изменилось! — Возмущалась его знакомая. Я видела её ногу: она нервно болталась вверх-вниз, сама девица сидела на кресле в кабинете.

Тут же дверь в него закрылась, и мне пришлось подобраться ближе, чтобы услышать его ответ.

— Я сказал тебе, чтобы ты больше не появлялась?

Она фыркнула. Дима повторил вопрос той самой устрашающей интонацией, которой я так боялась.

— Дима, не прогоняй. Я всё сделаю. Хочешь, лучшей подругой её стану, запудрю мозги так, что будет смотреть на тебя не моргающим взглядом, не переставая восхищаться. Дим, не прогоняй. Я, правда...

— Ты слышала, что я сказал?

— Да плевать мне на то, что ты сказал?! — Взревела она.

Вот бы и мне так же научиться противостоять ему, подумалось вдруг.

Пугающая суэта в кабинете сменилась тишиной, после которой я слышала тихие всхлипы. Верить в то, что он её ударил — не хотелось, да и звука такого не было. Дима и без ударов покалечит, кого хочешь...

— Да кто она, чёрт возьми, такая, что ты в неё вцепился?! — Кричала она сквозь слёзы.

Он что-то тихо проговорил в ответ, а потом телефон в гостиной ожил, издавая тихие плакающие звуки. Он был параллельный. Далее рисковать я не стала и быстро заскочила в свою комнату. Через десять минут приехала машина такси, куда Дима и усадил рыжеволосую девицу с пышной шевелюрой, тоже, кстати, шаблон любовницы: эффектная, яркая, заводная. Что ещё нужно, чтобы скрасить серые мужские будни... так, кажется, звучал первый тост на нашей свадьбе?.. Потом я ещё слышала шаги под своей дверью. Только не верилось, что он войти не решается, а потом эти звуки стихли и наступила очередь опустошающей тишины. В конец измотавшись, я уснула.

А вот утро было суровым. Во всех степенях суровости, которым может быть утро. На часах, которые, к моему счастью, хотя бы не тикали, стрелка только-только переползла восьмичасовой рубеж. Вздохом разочарования я рухнула обратно в подушки. У меня опухло от слёз лицо, я чувствовала это даже не глядя в зеркало. Волосы были похожи на кляксу, после того, как я помылась чужим шампунем, а кондиционера к нему не нашла. А ещё у меня болело всё тело так, словно по нему топтались как минимум десять тайский массажисток без необходимой подготовки.

Встать-то, я встала, а вот стоит ли мне спуститься, не знала. Так и сидела на кровати. Вдруг в голову ударила мысль о том, что я не помню, где мой телефон, к тому же сегодня рабочий день и Лизка, конечно, меня прикроет, если оставит на потом обиду по поводу моих семейных интриг. Но ведь не целый день! Вот на поиски телефона и я пошла. Босиком. В халате на голое тело. И меня это ничуть не смущало. Несказанная радость поселилась в душе, когда я увидела сумочку на банкетке в прихожей, воровато оглянувшись по сторонам, метнулась к ней и, только раскрыв, не сдержала очередной стон разочарования. Второй за сегодняшнее утро. Второй, после стога, который вырвался от одного взгляда на ранний час.

— В ванной комнате были тапочки. — Усмехаясь моим гримасам, отметил Дима, невозмутимо прошёлся мимо и из-под банкетки вытянул серые тапки огромного размера.

Не обращая внимания на мой вопросительный взгляд, шёл в сторону столовой комнаты.

— Ты всегда так рано встаёшь? — Уточнил на ходу, мне пришлось быстро влезть в тапки и семенить следом.

— Наверно, вчера был слишком беспокойный день. — Пробормотала я, глядя как Дима усаживается за стол. Хозяйским жестом предложил мне то же самое.

— Это хорошо, потому что завтрак ещё не готов. Могу предложить кофе.

— Кофе? С утра? Без завтрака? — Возмутилась я, явно веселя муженька.

— Ну, извини, у меня нет такой заботливой бабушки. — Развёл Дима руками, скрывая улыбку. Нет, ему явно было скучно и он приобрёл домашнего клоуна! Я возмущённо отвернулась.

— И, — начал он, улыбаясь так хитро, что я и не глядя на него догадалась, — чтобы ты знала. На будущее.

Я заинтересованно посмотрела, а Диму и это порадовало.

— В доме установлены камеры видеонаблюдения. Думаю, ты меня поняла.

О-о, я очень хорошо его поняла, оттого и покраснела.

— Надеюсь, не моё присутствие помешало тебе получить удовольствие? — Съязвила, и не пытаюсь скрыть свою неловкость.

— Нет. — Ответил Дима, более чем серьёзно. — Я рад, что ты рядом. — Стерпев мой скептический взгляд, улыбнулся. — Правда. К тому же, я их просматриваю по утрам, так что вчера об этой мелкой пакости не догадывался.

— Что же, тогда я тоже рада.

Женщина из прислуги принесла кофейник и две чашки, расставляя приборы на столе. Я внимательно следила за манипуляциями, пока не перехватила взгляд, следящий за мной.

— Дим, ведь мой телефон у тебя?

Он бросил в шашечку с кофе два кусочка сахара.

— Он нужен мне. Не мог бы ты его вернуть?

Дима сделал маленький глоток, глядя на меня поверх чашки и поставил её обратно в блюдце. Из кармана брюк достал телефон.

— Надеюсь, ты не в обиде, что я заглянул? Ты ещё спала, а он звонил и звонил...

— Я забыла сумку в машине?

— Да.

— А кто звонил? — Спросила, потому что телефон мне Дима так и не отдал.

— Сама смотри.

Протянул аппарат, который по неведомым причинам, я не сразу решилась взять в руки. Он тут же зазвонил снова, заставляя вздрогнуть. Так и верещал в его руках, пока Дима не положил аппарат на стол, распространяя вибрацию по всей комнате. На дисплее я увидела фотографию подруги, поэтому набралась смелости и нажала на кнопку приёма вызова. Разумеется, из-за стола не вышла, Дима уже вцепился в меня взглядом голодного хищника.

— Да.

— Чёрт тебя раздери, Галка, ты куда пропала?! — Доносился Лизкин голос из динамика так, что не обязательно было подносить телефон к уху. — Ты знаешь, что вчера было? Что это ещё за новости? Кто он, тот красавчик, который, словно паучок, поволок в уголок?

— Лиза. — Прочедила я, не решаясь посмотреть на Диму, который, конечно же, это слышал.

— Что Лиза? И что это за новости? Муж! Да откуда ему взяться-то, я тебя уже семь лет знаю, села с утра, не поленилась, посчитала. Это когда же ты замуж успела выскочить? В школе? Слушай, не знаю я, что всё это значит, но ваша байка про неземную любовь до гроба до правды явно не дотягивает.

— Лиза... — Снова вставила я своё слово, но Анку-пулемётчицу так просто не остановить.

— Ты учти, подруга, я твоему Антону так и сказала. Что, мол, шутка это какая-то глупая или вообще ошибка. Только не смешно, Галь. Вот, честно, не смешно. Антоша так надрался, я с Валериком его чуть затолкала в такси. Так это он ещё на своей ехать хотел! Так что жду от тебя спасибо в виде моих любимых духов за спасение жениха от смерти и смертоубийства вместе взятых. Я это к тому, что хоть он и оборвал тебе телефон, всё равно можно не перезванивать. Так, а теперь говори, что ты там хотела сказать?

Я так растерялась от предоставленного мне слова, что и забыла, что сказать хотела.

— Лиз, мне нужно пару выходных.

— Что?! — Возмущённо. — Что-что-что-что-что... — Это уже игриво и я понимаю, что краснею. — Это он тебя так заездил, что ты уже ноги передвигать не в состоянии или буквы перед глазами не видишь, а? Ну, не молчи, подруга. Тот ещё жеребец. Мне вообще мордашка знакомой показалась, только я не припомню, где видела, да и не важно.

— Лиза, мне просто нужно время, чтобы прийти в себя. — Сказала на свою голову и новая порция эро-фантазий всплыла у подружки перед глазами.

— Нет, что, правда, муж?! Может, ты по-пьяни на дискаче каком-то замуж выскочила, Галь?

— Лиза, что ты несёшь?!

— А что я могу ещё нести, если абсолютно ничего не знаю? Кто он, кто его друг? Может, нам того, устроить совместный ужин, с целью, так сказать, сближения?

— Лиз, ты прикроешь меня перед главным?

— Да не парься ты! Я уже сказала папуле, что ты замуж то ли выходишь, то ли вышла. Так что всё нормуль. Главное, не забывай хоть иногда сдвигать свои ножки, мне что-то подсказывает, что это та ещё кобелина. Всё, бегу, бегу, целую. Работа.

И отключилась.

Дима раскрыл папку, лежащую на краю стола и достал оттуда два билета, Лизой подаренные, положил передо мной на стол с вопросительным взглядом.

— Лиза подарила на день рождения. — Равнодушно пожала я плечами, делая вид, что не особо переживаю по поводу сорвавшихся выходных на солнышке.

— Вот эта? — Кивнул в сторону телефона, который я тут же благоразумно подтянула ближе.

— Мы работаем вместе. — Пояснила невпопад, а он сказал что-то вроде «сочувствую» и сделал пару глотков кофе.

— Здесь не вписано второе имя. С кем собиралась? Не секрет?

— Догадайся с одного раза. — Пробубнила себе под нос, опустив взгляд. Дима поставил чашку на блюдце чуть громче, чем это допустимо в уединённой компании.

— Ты можешь туда ехать. — Разрешил он, а я посмотрела, не зная, верить мне или просто перекреститься и забыть. — Не с ним, разумеется. С подружкой. Раз уж её так интересуется твоя личная жизнь.

— Спасибо, обойдусь.

— Зря. Там очень красиво. — Развёл он руками, словно не понимая этого протеста.

— А ты там был?

— А почему нет? Это достаточно популярный курорт.

Меня тут же заела жаба. Пока я сводила концы с концами, он развлекался на курорте.

— Не нужно думать о том, о чём ты сейчас думаешь. — Улыбнулся Дима, не понимая чему радуясь.

— А ты знаешь, о чём я думаю?

— У тебя всё на лице написано, Галь. Я ездил по работе.

— Хорошая у тебя работа. Пьянки, гулянки... Не устал за столько лет, нет?

Дима нахмурился и руки перед собой сложил.

— На работу ты не пойдёшь... Чем займёшься? — Перевёл стрелки вместо ответа.

— А почему я должна чем-то заниматься? Сяду тебе на шею и ноги свещу! Такой вариант не рассматривал?

А Дима открыто и заразительно рассмеялся. Не думала даже, что так умеет. Посмотрела

исподлобья, а он аж за бок взялся.

— Прямо сейчас сядешь? Или с завтрашнего дня? Просто у меня ещё дела запланированы, но ради такой цели...

Поклонился, выписывая руками фортеля, а если бы стоял, то исполнил бы и реверансы ногами. Я надулась, а Дима попытался меня по руке погладить.

— Ладно, расслабься. Бог с ней, с поездкой этой. Потом как-нибудь вместе смотаемся. И... я серьёзно насчёт планов... Вещи перевезти не хочешь? Может...

— В смысле?

— В прямом. Я постоянно здесь живу. Надеюсь, ты понимаешь, что теперь тоже будешь здесь жить?

— Дима, ты обещал...

— Я обещал не вмешиваться в привычный для тебя уклад: работа, друзья. Но это вовсе не значит, что у нас будет разная прописка или для тебя это одно и то же?! — Начал он как-то обвинительно. — Ты будешь здесь жить и лучше этот вопрос не поднимать, потому что объяснять по два раза я не люблю.

— Но мне на работу к девяти!

— Не вижу проблемы. Трасса в отличном состоянии. До центра города можно доехать за полчаса.

— На чём? На велосипеде?!

— Я видел в твоей сумочке водительское удостоверение или опять что-то неправильно понял?

Прищурился.

— Да, но... У меня не так много практики.

— У меня есть автомеханик, Женя, иногда он выполняет функцию водителя. Отличный парень. Покагаешься пока с ним. По выходным можно со мной, если такое желание вдруг появится.

— Снова покупаешь? — Грустно подвела я черту и вышла из-за стола. — Ты прав. Мне нужно съездить за вещами.

Чтобы пройти к лестнице, приходилось минут Диму, но грозный взгляд сделать этого не позволил.

— Что значат твои слова?

— Я по-русски сказала, Дима.

— Не права сейчас. — Тихо и внушительно прозвучали его слова, я пожала плечами.

— А мне всё равно.

Водителю и автомеханику Жене я не понравилась с первого взгляда. А, может, наоборот, понравилась настолько, что его возмутило моё положение и он не стеснялся этого выказать. На любую просьбу фыркал, огрызался, смотрел то косо, а то исподлобья. За руль, кстати, тоже пустить отказался. А ещё... он солдафона напоминал, который безукоризненно выполняет все предписания начальства. Общаться был не настроен, а на любую мою попытку наладить контакт, смотрел как на недалёкую. Так и ехали молча. Адрес у меня Женя не спрашивал, и так знал, куда ехать, а когда я попросила заехать по адресу бабули, посмотрел как на пустое место.

— Звони. — Бросил он коротко, а я не поняла, к чему это относится.

— Я говорю, давайте на Кирова... — Повторила на всякий случай, а он хмыкнул,

головой покачал, брови приподнимая. Выглядело это весьма неприлично, но я промолчала.

— А я говорю, Дмитрию Алексеевичу звони. Если скажет тебя возить на Кирова, поедем. Если нет, то... — Цокнул языком, всё больше меня раздражая.

— Я сейчас что-то не поняла, вы водитель или кто? Отвезите меня по названному адресу.

— А у меня в расписании был только один адрес. Там мы уже побывали и теперь едем домой.

— Да что происходит?! — Возмутилась я, а он посмотрел уничижительным взглядом.

— Слушай, замолчала бы ты. Сил нет бабские крики терпеть. Знал бы, что такой истеричкой окажешься...

Он завёл автомобиль, понимая, что звонить я не стану.

— Да почему вы мне тыкаете? Почему оскорбляете?..

— А что мне? Реверансы при встрече выписывать? Буду я перед каждой.

— Остановите машину!

— Ага, щаз-з. — Прошипел, явно издеваясь.

— Я сказала: оставите машину, я больше никуда с вами не поеду!

— Хватит верещать, достала уже! Тоже мне, строишь тут из себя Наталью Ростову, а в нужный момент не забываешь в рот брать, да?! Так если тебя только членом заткнуть можно, приступай, я не откажусь.

Такого я уже не выдержала и, дёрнув за руль, сдвинула машину к обочине. А что? Не могла же признаться, что у меня попросту нет нужного номера телефона. Женя выругался не самым культурным словом, и желание спорить с ним просто пропало.

В дом вошла возмущённая до глубины души, прямым ходом направляясь к кабинету, но, услышав разговор на повышенных тонах, не сдержалась и заняла наблюдательный пост, по ходу дела прислушиваясь к мужской ругани. Складывалось такое впечатление, что ругаться в этом доме не умею одна лишь я.

— Я не понимаю, что ты от меня хочешь. — Упрямо повторял который раз Кислый. Его скрипучий голос я смогу узнать где угодно.

— Просто выясни, что к чему. Я не хочу, чтобы из-за незначительной мелочи, дело пошло не так.

— Дело?! Дело?! Что ты называешь делом, Шах?! Ты как с этой девкой связываешься, видимые и невидимые тормоза слетают! Зачем, ну, зачем ты вообще влез в её жизнь? Тебе мало показалось?! — Отчитывал Кислый Диму, а так как разговор шёл про меня, можно было слушать и слушать. Не просто слова — песня. — Что и кому ты хотел доказать, а? Кто ты вообще для неё?!

— Она моя жена.

— Жена? Я не спросил кто она для тебя, я спросил кто ты для неё. Молчишь? — Как из пулемёта тараторил Кислый. — И молчи, мы оба знаем ответ на этот вопрос. Ты старый заезженный хрен с бугра. Вот ты кто. Она не знает тебя, она боится тебя. Она нашла себе сопливого пацанёнка, который наделал бы ей детишек. Который не за волосы её в ЗАГС приволок, хорошенечко припугнув для полноты эффекта. Он предложение ей сделал, Дим. Ты считаешь, она этого не достойна?

Что тут сказать, беру свои слова обратно, Кислый чуткий, трепетный, аки лань.

— Что ты можешь ей дать?! Деньги твои? Да плевала она на эти деньги! На твою заботу. Ей мужик нужен. Здоровый и живой. Понимаешь? Жи-вой. А ты прошлым живёшь.

Ты не видишь будущего.

— Рядом с ней всё не так.

— Не так, а как? Что изменилось? Что изменилось в твоей жизни с прошлого вечера? Может, ты смог уснуть не натрававшись до потери сознания? Может, тебе жена, — Кислый неприятно хмыкнул, — жена... — Повторил пренебрежительно. — Дала она тебе? Нет? А зачем тогда в дом привёл?

— Я не животное, чтобы трахаться и жрать, Лёх. И я хочу, чтобы она была рядом. Она меня другим делает.

А дальше получилось совсем тихо я половины я не расслышала.

— Ты её что?! — Раскричался Кислый ещё громче. — Ты вообще где слово это услышал, Шах? От очередной своей шалавы? Мало перепортил? Так и эта уж не целка... твоими стараниями. Да тебе через одну в городе показывай, ты их с любого ракурса узнаешь, хоть задом тебе поставь, хоть передом. Не только имя и фамилию назовёшь, а ещё и порядковый номер из блокнотика.

— Кислый, ты утрируешь. — Отмахнулся Дима, но Кислый явно был в ударе.

— Мать моя женщина, — хлопнул в ладоши, — это чем вы тут с ней ночью занимались? Орфографический словарь Ожегова шгудировали? Ладно, ладно, допустим, ты её хочешь. Но, чёрт! Я этого не понимаю. Шах, я понял тебя тогда, когда ты девчущку эту привёл, а она глазами хлопала, смотрела на тебя и дышать боялась. Понимал, когда ты захотел оприходовать её. Кто такую не захочет? Промолчал, когда тебе приспичило сделать всё красиво и жениться, но... какого ты сейчас влез в её размеренную жизнь? А?

— Со мной ей будет лучше.

— Да с чего бы?!

— Зря я тебя, Лёх, слушал, нужно было сразу её вернуть. — Произнёс Дима тихо, а я насторожилась, потому что и Кислый замолчал.

— Шах, только не говори...

— Уже сказал, Лёх. Я уже всё решил. Давно. Не хотел просто твой бред выслушивать.

Непереводимый поток некультурных выражений я пропустила, плотно приткнув ладони к ушным раковинам.

— И какого хрена ты столько лет молчал?

— Так нужно было.

— Кому?

Ответ я не услышала, наверно, Дима совсем распереживался. Вот и Кислый говорит, что потасканный... При мысли о Диме, вспомнила его выходящим из душа вчера вечером. Он обалденный. И смотрит на меня особенно. Прежде я думала, что это было первое детское впечатление, а сейчас, когда его безумный взгляд разглядела, снова чувствовала это. Словно я для него единственная, самая лучшая, других просто не существует. Это ощущение ни с каким другим не перепутать.

Перекинувшись ещё несколькими фразами, мужчины из кабинета вышли, а я так заслушалась, что даже сбежать забыла. Проходящему мимо Кислому улыбнулась, под его задорный отборный мат. А при взгляде на Диму, невинно потупила взгляд.

— Ну, и чего ты здесь сидишь? — Спросил он по-доброму, не понятно чему усмехаясь.

— Не успела сбежать. — Как хорошая девочка призналась я и захлопала ресницами под фырканье Кислого и обворожительную Димину улыбку.

Как там Кислый сказал?.. Каждую вторую?.. Ну, ну. Думаю, тут диагноз намного

серьёзное. Я вот, с высоты своего воробьиного полёта, хоть сейчас готова под танк ради него.

— А зачем подслушивала?

— Так интересно же! Я вас, Кислый, реально зауважала. — Посмотрела на перекошенное от удивления лицо мужчины. — Вы бились с ним как лев за мою девичью честь! Что же ты, Дима, так хило сопротивлялся?

Он подошёл ближе, вглядываясь в мои глаза, присел перед лестницей на корточки, оказываясь буквально на голову ниже.

— Мышка, ты почему не спряталась в свою норку? — Заговорщицки шепнул, прикрывая рот тыльной стороной кисти, а я улыбнулась.

— Ты бы всё равно узнал, что я была здесь.

— Ну да, ну, да. Чего, кстати, так рано? Я тебя только к вечеру ждал.

Кислого перекосило от наших нежностей и он нервно топтался на месте.

— А бедному собраться — только подпоясаться. Мой гардероб уместился в два чемодана и маленькую сумочку.

— Ну, вот, Лёха, только за это в неё можно влюбиться. — Обернулся он на друга. — Ты знаешь ещё одну такую женщину, которая может собраться за полчаса? При этом принести два чемодана и сумочку. Сокровище!

Кислый с досады махнул рукой и ушёл, не прощаясь, а вот мы с Димой остались и лёгкость, с которой общались секунду назад, испарилась, не оставляя следа. Он встал, спрятав руки в карманы брюк, чего-то ожидал и от меня.

— А почему твои люди считают меня шлюхой, Дим?

Не знаю, наверно, дорогой муж ожидал услышать необъяснимое логикой признание в любви, так странно перекосилось его лицо. А вот я так не умею: рассказывать друзьям и товарищам о большом и светлом чувстве, и тут же делать больно. А пока он думал, пояснила:

— В следующий раз, будь любезен, езжай со мной сам или же избавь от общества умственно отсталых слоёв населения вовсе.

— Что произошло? — Всё же уточнил он, когда я уже стояла на последней ступени лестницы, а он так и не двинулся с места.

— Я к бабуле заехать хотела, — пожалала плечами и нервно усмехнулась, — а оказалось, что твоим шлюхам право на такие поездки не давали... Ещё вопросы?

Я изогнула бровь, а Дима поджал губы.

— Завтра я посмотрю, как ты держишься за рулём и только после этого приму решение.

— Договорились.

В комнате меня ожидал шикарный букет. Красиво, неожиданно и очень приятно. Но когда я не понимала смысла, меня такие сюрпризы напрягали. Вот, не понимала, зачем он пытается втереться в доверие, если силой эти вопросы решаются намного быстрее. А может, ломать влюблённую дурочку всегда вкуснее?..

После обеда, видимо, когда Антон всё же проспался, мой телефон ожил и в этот вечер не обещал замолкать. Несколько раз я слышала, как кто-то подходил к двери, но так и не решился войти, помогать Диме не спешила, хотя сердце в такие моменты неприятно замирало. Надо признаться, о нём я думала намного больше чем об Антоне. Наверно, это что-то да значит. Например то, что Антона я никогда не любила... Только вот признаться и себе, и ему самому в этом, не решалась. Да и сам разговор... неизбежный, болезненный для двоих, момент, который я оттягивала, как могла, просто спрятавшись там, где меня никто не

найдёт. Решиться на что-либо сама не могла, а подвести меня к черте пока было некому, поэтому я позвонила бабуле. Судя по всему, она ждала этого звонка и ответила сразу.

— Ну, здравствуй, Галочка. — Произнесла таким тоном, словно я и её предала. Так, между делом.

— Здравствуй ба... Ты уже всё знаешь, да?

— Ну, как тебе сказать, скорее, скандалы, интриги и расследования. Мне звонила Лиза, потом Антон. Потом снова Лиза, а час назад Антон приходил. Я готова выслушать тебя, Галочка. Что скажешь ты?

— У меня не было выбора, ба. — Жалко оправдалась я и замолчала.

— Странно, что всё это говоришь мне ты, но... думаю, Дмитрий Алексеевич может быть убедительным, если ему это нужно. Он, кстати, приезжал с самого утра. Не хочешь узнать, о чём у нас был разговор?

Я захлопала ресницами так, словно на публику работала.

— О-о, я вижу тебе так интересно, что просто слов нет, которыми это можно описать. Да, впрочем, ничего особенного. Мы говорили о тебе.

— Он... он угрожал?

— А знаешь, нет, хотя именно этого я и ожидала, увидев незваного гостя. Он изменился. Внешне. И, надо сказать, не в лучшую сторону.

— Д-да... он немного расправился...

— Боже, о чём ты только думаешь?.. — Захохотала бабуля. — Он стал ещё убедительнее чем был. И взгляд потяжелел. Не думаю, что твой Дмитрий Алексеевич прогулял эти годы. Как ты считаешь?

— Не знаю, ба, мы об этом не разговаривали. Но он ясно дал понять, что лучше будет, если я останусь с ним. Не знаю, что делать. Вот, с одной стороны опасаясь его...

— Вполне оправдано.

— Да, но... с другой... Он не давит на меня. Да, привёз в свой дом и пытается контролировать, понятно, что настойчиво порекомендовал не общаться с Антоном, но при этом тут же предложил съездить отдохнуть с подругой на острова. Я говорила тебе, что Лиза мне путёвки подарила?

— Да? Почему отказалась? Ведь отказалась, я правильно поняла?

— Сейчас же! Я там буду Лизкин бред выслушивать, а он тут девок за ягодицы щипать. Нет!

Не сразу поняла, что же сказала, а когда опомнилась, глаза зажмурила, чтобы дух перевести. Бабуля прокашлялась.

— Думаю, извечный вопрос «что делать?» исчерпал себя?

— Да, но... Антон мне предложение сделал и...

— И ты уже шесть лет как замужем. Не знаешь, что ему сказать — спроси у своего мужа. Он мужчина умный, наверняка уже обдумал этот вопрос.

И бабуля отключилась. Правда, тут же перезвонила.

— Да, ба?

— Я тут подумала, если уж билеты всё равно пропадают... Когда там вылет?

Я усмехнулась.

— Завтра с утра, ба. Я постараюсь заехать или билеты передам.

— Будь так любезна, дорогая. И, удачи.

— Спасибо, ба, пока.

— Пока, золотце.

Реакцию бабули, как и её слова, предугадать я не могла. Более того, была наверняка уверена, что она бросится меня защищать, уговаривать не повторять ошибок. Именно этому учила меня все шесть лет, за время которых бывшие страхи периодически возвращались. Я никогда не забывала о присутствии в своей жизни Димы. Потому что не хотела забывать. Боялась его возвращения и боялась, что больше никогда его не увижу. Даже мои обиды по поводу его грубости вскоре забылись. Точнее, не так уж и быстро, а с приходом своеобразного опыта, когда я уже могла отличить жёсткий, грубый секс от настоящего изнасилования. И все последствия для меня были продолжительными вследствие всё той же неопытности, страха перед происходящим. Сейчас я знаю, что не будь он моим первым мужчиной, я бы вспоминала произошедшее с глупой улыбочкой, с той самой, которая появлялась на губах после встреч с Антоном. И сейчас я сижу и готова простить ему всё. Только боюсь, что ему этого не надо. Потому и кусаюсь. А цветы всё же красивые...

Глава 7

Стук в дверь оторвал моё внимание от букета. Я подобралась, судорожно соображая, какая поза будет более располагающей для беседы, а пока думала, Дима вошёл, мягко переступая по полу, подходя ближе. Сейчас он был иным, не с агрессивной походкой, которая бросала вызов, не с жёстким взглядом, который внушал если и не страх, то заставлял посторониться. Он знал, что идёт ко мне и всего этого не нужно. Причины как минимум две: эффект он произвёл уже очень давно и надолго, а ещё... я уже поняла: когда ему что-то нужно, он умеет быть хорошим. Как, например, наша первая брачная ночь. Он хотел отдачи, он её получал. Поэтому я уже готова была развесить уши для исполнения очередного желания. Дима присел на кровать совсем рядом, одну ногу подмял под себя. Что я там говорила о непринуждённости? Кажется, по этому поводу напрягаюсь только я, у Димы всё свободно и естественно.

— Со всей этой суетой я совсем забыл о подарке. — Улыбнулся он, пытаясь эту улыбку удержать. Поставил между нами маленькую сувенирную коробочку и под моим мнительным взглядом, руки тут же одёрнул.

— Подарок?

— Да. На день рождения.

— А-а, так вот по какому поводу цветы... — Покосилась на букет, Дима же, понимающе вздохнул.

— Нет. Для цветов повода не нужно. Открой.

Предложил, кивнув головой в нужном направлении, потому что дотронуться до подарка я так и не решилась. А потом плюнула на все приличия и подняла крышечку.

— Кольцо... — Вытянула я губы, глядя на неопишуемой красоты изделие. Что, что, а вкус у Димы есть. Или хороший консультант в магазине. Доставать украшение из коробочки почему-то не спешила.

— Давай помогу.

И так быстро кольцо надел, что я и возразить не успела. Красиво, конечно, ничего не скажешь, но я ведь чувствую подвох! На кольцо посмотрела с крайней степенью презрения.

— С тобой я стану похожа на новогоднюю ёлку. — В глаза посмотреть не решилась, а Дима вроде как и не обиделся.

— Это только второе, Галь. Какая ёлка? Почему, кстати, не одела то, которое я дарил на помолвку?

— Ах, это теперь так называется! — Попыталась, было, спорить я, но Дима не шутил. Поэтому мои руки, которые я успела упереть в бока, медленно сползли. — Я обручальное надела, как ты просил. — Ответила вместо запланированного нападения. И руку правую тут же продемонстрировала.

— Я вижу. — Кивнул он. — Только я просил тебя надеть два.

— Да, но... Второе жутко неудобное и я всё время им цепляюсь, и... — Снова свой пыл умирила и договорила тише. — И оно очень дорогое, боюсь потерять.

— С нами происходит как раз то, чего мы так боимся. Надень его. Для меня это важно. К тому же, ты не вагоны разгружаешь, чтобы цепляться, а уж на запасные чулки я заработаю.

— Я носила, правда, только все завидуют, а я боюсь сглаза. — Выкручивалась из последних сил. На самом деле, у меня сердце начинает биться быстрее, когда это кольцо вижу. Оно словно магической силой обладает. И к Диме меня тут же тянуть начинает. Поэтому и сняла. С ним связаны едва ли не самые приятные мгновения моей жизни. А может быть и самые.

— Не говори глупостей.

— А я и не говорю!

— Давай я помогу. Где оно?

Вот тут-то я губу и прикусила. Ни за что не признаюсь, что вшила его в малюсенького плюшевого медвежонка.

— Я сама надену. Потом.

Спас от немедленной расправы очередной звонок Антона. Дима в этот момент внимательно глянул на дисплей, приторно-сладко улыбнулся и подтолкнул телефон ближе. Я не отреагировала, так как подобная картина для меня не нова. Аппарат вибрировать перестал, Дима посмотрел вопросительно.

— Не ответишь?

Я недовольно отвернулась, тогда как он уже просматривал журнал вызовов.

— Неужели столько раз позвонил? — Спросил, задумавшись, но я продолжала держать молчаливую оборону. Дима бросил телефон на кровать, когда он снова завибрировал.

— Долго ещё собираешься прятаться? Мне помнится, в понедельник ты собиралась на работу. Ещё на что-то надеешься? Думаешь, он не захочет тебя увидеть?

— Я подумаю об этом завтра! — Обозлилась и рыкнула, только это не возымело никакого эффекта.

— Хороший ответ, но, к сожалению, не оригинальный.

— Да уж, в оригинальности мне тебя не переплюнуть. — Скривилась я, Дима наоборот, держался спокойно, взгляд был ровный.

— Тебе всё равно придётся с ним встретиться и всё объяснить. Или ты считаешь, что будет правильным, сделай это я?

— Я этого не говорила! — Вскрикнула. — И я так не считаю... Я поговорю с ним. Только не нужно меня подгонять, хорошо?

— А ты считаешь, что неведение лучше? Я имею в виду парня этого.

— Нет, но...

— Тогда ты сама себе противоречишь.

— Я не люблю, когда на меня давят!

— Так подними трубку и скажи ему это.

— Что?!

— Что ты не любишь, когда на тебя давят... — Окончательно развеселился супруг.

— Ты давишь на меня! — Прокричала с обвинением, а Дима настолько искренне удивился, что его игре можно аплодировать стоя.

— Я здесь при чём?

— А ни при чём. Ты вообще случайно проходил мимо!

— Ты всё переворачиваешь с ног на голову.

— Я? Знаешь, что, Дима, — процедила сквозь зубы и сжала руки в кулаки, — если тебе вздумалось поиграть в порядочного семьянина, если ты вдруг вспомнил, что у тебя есть жена, это вовсе не значит...

— Я не играю. — Перебил он меня и зубы пришлось сцепить сильнее.

— Я не знаю, сколько эта забава продлится на этот раз, но не собираюсь своими руками разрушать налаженную жизнь.

— Значит, не будешь с ним разговаривать?

— По крайней мере, не о том, что бы ты хотел услышать.

— Тебе просто нужно сказать то, что есть на самом деле, Галя.

— А что есть? Что есть?! — Я подскочила, не зная, куда себя деть, Дима оставался неподвижным и лишь голову в мою сторону повернул. — Ты есть? Семья? Что у меня есть?! — Разрывалась я от крика, не задумываясь, как выгляжу в данный момент.

— Я. И семья. Наша с тобой. — Жестами указал на меня и себя поочередно.

— Я не знаю тебя! Я. Не. Знаю. Тебя. Ди-ма! Что нас связывает? Штамп в паспорте и кольца на правой руке? Что ты знаешь обо мне? Не говоря уже о том, что я ничего не знаю о тебе!

— У нас просто не было достаточно времени.

— У нас его и не будет! Ты это понимаешь?! — Вошла я в раж и не собиралась останавливаться. Дима плотно сжимал губы, а на загорелых щеках проявился едва заметный румянец.

— Перестань кричать, ты ведёшь себя как подросток. — Проговорил строго, и я засмеялась. Истерически. До слёз. А когда остановилась, широко расставила руки, чтобы склонить голову в шутовском жесте.

— Простите меня, дяденька, за то, что я такая засранка малолетняя. За то, что не доросла до ваших седин и не набралась достаточно опыта...

Весь запал вышел с криком и осталась только жуткая усталость. Такая, от которой ноги не получается волочить, поэтому я застыла в прежней позе, только смотрела уже не на него, а в пустоту. Дима неодобрительно покачал головой, за что-то осуждая. Спокойно встал, подошёл, легко и беззаботно уложил мою голову к себе на плечо. И вот это я понимаю: опыт! Тот самый, перед которым остаётся только преклонить голову.

— Дима, я не знаю, что будет завтра. Как я могу ему что-то сказать?

— Скажи то, что уже произошло. — Шепнул он, приглаживая мои волосы широкой ладонью. Мягко, нежно. Непривычно спокойно.

— Я не могу.

— Почему?

— Потому что я не знаю, что произошло. Что происходит сейчас. Я не знаю, наиграешься ты завтра или через год. Будешь ты меня приручать или просто сломаешь... И я не хочу так же болтаться в пространстве.

— Это называется не иметь определённости.

— Пусть так. — Согласилась равнодушно. — Но мне сложно зависеть от обстоятельств.

— Я вернулся, Галь. Вернулся в твою жизнь. — Прижался он губами к моей щеке. — Я хочу построить отношения, создать семью. С тобой. Не брошу, не обижу.

— В прошлый раз ты обещал, что всегда будешь рядом...

— Я исполнил своё обещание.

Захотелось посмотреть в его глаза, а там как на море: полный штиль. Спокойствие и умиротворение. Хочется верить во всё, что он говорит, особенно в обещания, которые не понятно, должны пугать или обнадеживать. Дима придерживал моё лицо ладонями и склонился для поцелуя, но в момент, когда губы должны были соприкоснуться, я впиалась в него взглядом.

— Был рядом?

Дима закрыл глаза, потому что слышал обвинение в моих словах. Слышал угрозу в голосе. Не такую, которая выбрасывалась с криком, с адреналином в кровь, а тихую и хладнокровную. Медленно выдохнул, успокаивая и меня, и себя, а потом скомкано улыбнулся.

— Тебе нужно было нагуляться, Галь. Набраться опыта, если хочешь... Вырасти как личности. Личности, которую никто не ограничивает. Тебе только исполнилось восемнадцать, я не хотел менять тебя, твой характер, мне было важно дать тебе возможность повзрослеть самостоятельно.

— Красиво говоришь...

Я вывернулась из его рук, пытаюсь отстраниться, отошла на пару шагов.

— Но ты бросил меня. Использовал и бросил. И, ох, как повлиял на развитие личности. Знаешь, как долго я чувствовала себя какой-то неправильной, дефектной? Не интересной, пустышкой. Я не понимала, не могла себе объяснить, чего тебе не хватило. Что ты хотел увидеть и не увидел, Дим! Ты можешь понять это сейчас? Что, хотел или нет, но ты просто взял и всё растоптал. У меня не было достаточно сил, чтобы понять, что произошло. Я... я плакала ночами напролёт не потому, что ты унизил своим отказом. Да я себя ненавидела за то, что ты просто воспользовался, удовлетворил свою похоть и ушёл в сторону, а я ждала. Несмотря на то, что больно было, что обидно. Не потому, что...

Задохнулась от эмоций, подступивших слёз и потока воздуха. Я кричать хотела, а у меня еле получалось шевелить губами. Я хотела стучать по его груди кулаками, объяснить, доказать, заставить понять меня и мои сегодняшние страхи. Но он не понимал... Смотрел так же ровно, как и минуту, десять минут назад, как в момент, когда вошёл в мою комнату. Размеренно и чётко шёл к своей цели, не обращая внимания на потери и не тратя себя на сомнения. Его уверенности можно было только позавидовать.

Телефон на кровати завибрировал, я дрогнула, потеряв его контроль над собой, в тот момент, когда взгляд на мгновение метнулся туда. Там, где сейчас лежит граница между моим прошлым и будущим. И, не отпуская взгляд, не позволяя мной манипулировать, нажала на кнопку приёма вызова. Дима напрягся всем телом.

— Да. — Выдохнула в трубку, тут же расплакалась, услышав родной голос, схватилась рукой за голову, пытаюсь этим прикосновением унять пульсирующую боль в висках.

— Галя, Галя, это ты... Галь, родная, ответь, я... я не слышу тебя, Галь! Малыш...

— Это я, Тош...

Дима громко хмыкнул и я отвернулась.

— Маленькая, моя, хорошая, — затараторил он, мгновенно собираясь с мыслями, — где

ты? Ты... ты у него, да? Ты у него сейчас?

— Да.

Вместо ответа тихий всхлип.

— Что с тобой? Ты плачешь? Не молчи, Галь! Он обидел тебя? Кто он? Что за бред нёс тогда в клубе? Это правда?

— Давай встретимся. Нам нужно поговорить. — Выдавила я из себя до невозможности длинную для моих кипящих мозгов фразу и тут же прикрыла рот рукой, заглушая вой безысходности. Мне нечего было ему сказать.

— Ты где сейчас, родная? Я приеду. Только назови адрес, где?

— Я не знаю...

— Не знаешь, где он тебя держит? Не выключай телефон, Галя, я найду тебя по сигналу.

Эти слова вызвали внезапную панику, и я опомнилась, собралась, на некоторое время, пытаюсь забыть о соплях и слезах.

— Завтра. Встретимся завтра.

— Куда мне приехать? — Чётко проговорил Антон, пытаюсь привести меня в чувства.

— На нашем месте. — Произнесла тихо, чувствуя, как лицо наливается краской, горит, пылает. И как напряжение, возрастающее за моей спиной, приближается.

— Галь, скажи, где ты и я заберу тебя.

— Я приеду, Тош. Завтра. В двенадцать.

— Не отключайся, малыш. Где ты? Что он с тобой делает?

— Завтра, Тош. Завтра.

Повисло тяжёлое молчание. Я слышала тихое напряжённое дыхание и просто не могла нарушить его своим голосом.

— Я люблю тебя, слышишь? — Проговорил он тихо, я сжала губы, чтобы не издать ни звука. — Люблю тебя, Галь, я что-нибудь придумаю. Я что-нибудь обязательно придумаю, хорошая моя.

Не в силах и далее выслушивать признания, я отключилась, а когда почувствовала дыхание на своём затылке, дёрнулась всем телом, только Дима это предугадал, сжал меня руками, как железными тисками, не позволяя даже вздохнуть глубже положенного. Прижался губами к шее, ощутимо, но не больно, только я всё равно зашипела, когда по коже прошёлся кончик влажного языка, когда острые зубы впились в неё, лишь напоминая о своём присутствии.

— И я люблю тебя, Галь. Так, как этот пацанёнок просто не умеет любить. — Горячо прошептал он на моё ухо, всё ещё не позволяя набрать в грудь воздуха. — И тебя ему... не отдам.

Руки резко разжал и я рухнула на кровать, дрожа от озноба, стуча зубами от того металлического звона в его голосе. Оттого, насколько я ему верю. Всегда. Что бы он ни говорил.

Ту ночь практически не спала, а если и удавалось ненадолго отключиться, что груз предстоящего разговора навевал не самые лучшие сновидения. В итоге, к утру я была не первой свежести, с припухшим, но оттого с приятной полнотой лицом. Улыбаться самой себе не хотелось, а этой улыбкой ещё нужно как-то внушить жениху, что всё под контролем. Дима встретил меня в холле темнее грозовой тучи. Не думаю, что всё из-за вчерашнего разговора, тут, скорее, это выражение лица было напускным, соответствующим ситуации. Он внимательно осмотрел меня с ног до головы и как только приблизился, сдавленно

улыбнулся. Мазнул поцелуем по губам, на секунду завис, втягивая в себя аромат моих духов, а я растерялась от таких непривычных, но при том интимных моментов. Даже не имея десятка партнёров, опыта, всё оставалось простым и понятным. И если до этого мгновения Антон мне казался идеалом, то сегодня Дима просто заставил сделать открытие. Не нужно шикарных букетов и публичных признаний для того, чтобы продемонстрировать своей женщине её важность. Ничего особенного. Даже не поцелуй. Просто близость, которая показывает его покорность, его чувства при взгляде на меня. И здесь всё: радость, смятение, злость оттого, что проснулась не в его постели...

— Я просил тебя надеть кольцо. — Проговорил с укором, хотя всё так же стоял рядом, прикрыв глаза и наслаждаясь моим присутствием. Мысленно я попросила прощения своего медвежонка, которого безжалостно потрошила вчера вечером, но теперь кольцо было на моём пальце. И чувствовалось присутствие в моей жизни мужчины. Одного. Самого важного.

Кольцо лицевой стороной было повёрнуто к ладони и не видимо издали, поэтому сейчас, я с удовольствием повернула его на пальце, вспоминая весь спектр чувств. Тех, которые хотела забыть, но не могла.

— Оно у меня. — Проговорила мягко, хотя до этого надеялась съязвить. И сама к Диме прижалась, пытаюсь вернуться к уже знакомому чувству защищённости.

— Сейчас мы дождёмся моих людей и выезжаем. Ты как?

— А если я хочу отказаться? Мои желания будут учтены? — Спросила даже без надежды, но Дима только лишь пожал плечами.

— Ты же знаешь, что я могу поговорить с ним. И объясню доходчиво, без истерик с его и с моей стороны. Только тебе это не поможет.

— Предлагаешь расхлёбывать самой то, что заварила?

— Я буду рядом.

Подцепил мои замёрзшие от невроза пальцы, притянул их к своим губам и едва ощутимо прижался.

— Знаешь, когда ты рядом, мир имеет цвет.

Он уверенным движением обнял меня за талию, притягивая к себе ближе, лишьш голова упрямо отворачивалась в сторону, уклонялась назад, пытаюсь избежать неизбежного.

— Я уже поняла, что ты умеешь красиво говорить.

— Я даже умею красиво поступать. — Заверил Дима и отпустил меня, позволяя аккуратно отойти в сторону, отталкиваясь ногтем от широкой груди. — Ты можешь остаться дома или посмотреть за нашим разговором со стороны.

— Ты себе противоречишь. — Улыбнулась я, припомнив вчерашний его укол, а Дима подмигнул, растягивая губы в ленивой улыбке.

— Просто пытаюсь угодить.

— А я не люблю подобного! Будь собой, и это лучше всяких правил.

— Если я скажу «хорошо», ты не воспримешь это как подхалимаж? — Прищурил он глаза, пряча мальчишеский озорной блеск, свободно обнял меня, оставляя за своей спиной все пререкания и недомолвки, довольно смеялся, когда я начала отбиваться и толкать в его плечи маленькую сумочку, которую захватила из комнаты, чтобы занять руки.

— Галь, до двенадцати время есть. Перекусим?

На всякий случай уточнил Дима, уже подводя меня к кухне.

— М-м, — сморщила я нос, зная, что даже так он выглядит аккуратненько, — не буду,

Дим, спасибо. Когда я на нервах, крошка в горло не лезет. Давай потом.

Он так на меня посмотрел, что я начинала понимать, что сказала. Даже не заметила, как мандраж перешёл в беззаботное спокойствие, как вместо озноба по телу прокатывались волны жара удовольствия. Удовольствия от общения и от его близости. А пока так зависала, Дима уже наливал сок в стакан.

— Если баловаться каждое утро, то можно довести себя до язвы, но, тем не менее, — он слегка приклонил голову, предлагая мне стакан.

— Я не понимаю, каким ты будешь в следующую секунду, Дим. Ты непредсказуемый тип. — Усевшись на высокий стул кухонной зоны, прищурилась я, действительно пытаюсь уловить причину изменений в нём.

— Неправда. Просто ты всегда ждёшь подвоха, — стал напротив он, упираясь локтями в барную стойку. — И когда твои ожидания не оправдываются — теряешься. Расслабься и наслаждайся жизнью.

— Ага, чтобы уже на следующее утро тебя окунули в жёсткий реал? Нет, спасибо. Хватит с меня доверия.

Последнее высказывание явно пришлось не по вкусу моему мужу, он посмотрел на столешницу, пытаюсь отыскать хоть один изъян и тут же за это её разрушить, прикусил губу с внутренней стороны, демонстрируя непривычность такой обвинительной ситуации. Медленно поднимал взгляд, пока тот не зацепился за мой, пронзительный. Но я не ждала оправданий.

— Я слишком долго терплю, а потом резко, одним рывком выбрасываю весь свой негатив. Так случилось, что в то утро, — замялся, вспоминая первый день семейной жизни, — тогда моё терпение достигло своего предела.

— И поэтому ты меня изнасиловал?

Он скривился, а я пыталась придать взгляду безразличия, только колени сдвинула вместе до боли в костях.

— Не поэтому.

— Почему тогда? — Вцепилась я в него взглядом, а когда почувствовала, что ещё вот-вот и Дима отвернётся, отмахнётся, вцепилась в его ладонь ногтями, не позволяя отстраниться.

— Шах, ну мы едем, нет? — Послышалось именно в этот момент из гостиной, я впиалась ногтями в мягкую ладонь ещё сильнее, до боли, но Дима уже закрылся. Чуть приблизился, склоняясь над стойкой, облизал губы, сжал зубы.

— Я обязательно расскажу тебе, обещаю.

— Сейчас!

— Нам пора ехать.

— Сейчас!

— Приличным девочкам не престало опаздывать, — улыбнулся он, а я затряслась от напряжения.

— А если от того, что ты скажешь, зависит мой разговор с Антоном?

Дима легко перехватил руку, которая до этого удерживала его, я даже не поняла, как это сделал, обошёл стойку вокруг, приобнял за талию, снимая меня со стула.

— А если на ваш с ним разговор может что-то повлиять, то это уже не любовь, Галь...

И пока я замерла под впечатлением от такого открытия, Дима уже вёл меня к выходу. Кислый, с физиономией подстать своему же прозвищу, ожидал у двери, которую открыл,

пропуская меня вперёд, тут же перекинулся многозначительными взглядами с Димой, но ни слова произнесено не было. Пока я оглянулась на этот их разговор взглядов, успела перешагнуть порог. Яркое летнее солнце ударило по глазам, заставляя прищуриться, а когда удалось проморгаться, во дворе можно было рассмотреть четыре внушительных размеров автомобиля. Двери машин были открыты и от одного взгляда на переполнявшие их рожи, становилось жутко.

— Дима? — Я обернулась на мужа.

— Перестраховка, малыш. Я не хочу, чтобы ты наделала глупостей. — Спокойно подталкивал он меня к свободному авто. Усадил, а перед тем как закрыть двери, недобро ухмыльнулся и склонился, чтобы я услышала. — А когда перед глазами есть яркий образ возможных последствий, глупости просто не совершаются.

Захлопнул дверь, сел за руль, уступая Кислому хозяйское место сзади, а как только загудел мотор, повернулся, скользя взглядом по голым ногам, по плечам, оставалось только облизнуться, что мысленно он, судя по выражению на лице, и сделал.

— Куда?

Опомнившись, я назвала адрес, хотя уже не была уверена, что эта поездка должна состояться. Мы подъехали к просторной стоянке центрального городского парка, «наше место» было как на ладони у стервятников, припарковавшихся поблизости. Антон уже стоял, нервно поглядывая на часы, переступая с ноги на ногу. Вглядывался вдаль, пока его взгляд не остановился на нашей машине, или, может, это действие пресловутой поговорки «на воре и шапка горит»? В любом случае, я буквально на себе ощущала всю тяжесть и колючесть этих карих глаз. Положила руку на переключатель дверного замка, когда Дима заблокировал двери.

— Галь, если вдруг что-то не понятно, поясню: ребята из соседних машин на взводе, поэтому никаких резких движений делать не стоит, не вздумай куда-нибудь уйти с места, не пытайся сбежать, не верь его обещаниям. В любом случае я вас найду. Тебе опасаться нечего, а вот мальчишка может пострадать. Всё ясно?

— Да. — Ответила как можно спокойнее, пытаясь не провоцировать. Кислый как-то странно хрюкнул на заднем сидении, но в это же мгновение блокировка была отключена и я из машины вышла, не желая знать, что же его так рассмешило.

Глава 8

— Нет, Шах, я не понял, что это за концерт, что за угрозы? — Оживился мужчина, как только передняя дверь автомобиля оказалась закрыта.

— Перестраховка. — С лёгкой усмешкой отозвался второй, пристально следя за тем, как хрупкая женская фигурка теряется в ярких солнечных лучах.

— Да ну?

— Да. — Заверил, уже не пряча довольную улыбку. — Однажды я был не осторожен в высказываниях и напугал свою малышку. Только потом понял, что сказал. А сейчас думаю, что это было к лучшему.

Кислый нахмурился, а Шах повернулся, чтобы сидеть к другу полубоком и при этом не терять из виду пару молодых людей. Доверительно наклонился ближе.

— Так случилось, что Галя считает меня криминальным авторитетом или, не знаю, бандитом с большой дороги.

— Тебя? — Уточнил и на лице расплылась улыбка. — Тебя? — Истерически расхохотался Кислый. — Шах, ну, вы даёте. А...

— А разубеждать её в этом я не спешу. — Предупредил он уже висящий в воздухе вопрос. — Да и едва ли это будет так просто. Глянуть только на тебя.

— А я вам чем не угодил, молодожёны?

— А у тебя на физиономии написано, что любому в подворотне череп раскroiшь, если что не так. — Пояснил Шах, приглядываясь, как парочка на тротуаре начинает ссориться.

Активная жестикуляция парня не успела начаться, как тут же успокоилась, видимо, под давлением Галкиных слёз. Он и сам при них терялся, только не показывал, старался просто уйти. А тут сопляк этот... конечно, он не знает, что делать!

— Шах, а она знает, что ты...

— Нет. Не время ещё.

— Но всё равно ведь, говоришь, авторитет...

— Одно дело догадываться, Кислый, а совсем другое знать что-то наверняка. Рано ещё.

— Подожди, подожди, а как ты... — Кислый на секунду прервался, что-то судорожно соображая. — А как ты объяснил ей то, что ушёл? Где был так долго и почему отсутствовал?

Шах посмотрел пустыми потемневшими глазами, заставляя друга замолчать.

— Ты ничего не объяснял ей, так ведь? Ты...

— Хватит полоскать мне мозги!

— А... а почему же она к тебе вернулась? Любая нормальная девушка, а в том, что Галка твоя нормальная, я не сомневался никогда, она бы просто послала тебя к чертям. — А потом неожиданная догадка заставила мужчину холодно улыбнуться. — Дим... она ведь вернулась к тебе?

— Мы в процессе выяснения отношений, если тебе так уж интересна наша насыщенная семейная жизнь.

— Ты заставил её?

— Я объяснил ей, почему стоит поступать так, а не иначе. — Шах холодно улыбнулся. — Такой ответ тебя устраивает?

— Подожди, а ты, вообще, как с ней познакомился? Я удивился, когда ты заявил о свадьбе, но на тот момент сомнений в тебе у меня не возникало...

— Сейчас возникли?

— Дим, ответь мне только... она сама захотела?

— В восемнадцать девочка просто не может знать, чего хочет.

Стало ему ответом и Кислый замолчал.

— Ты поэтому просил не опекать её, да? Потому что она даже не догадывалась, что происходит?

— Лёх, пожалуйста, мне Галя и так все нервы, как молочный коктейль, через трубочку выпивает. Ты хоть не начинай. Как баба, честное слово.

— Скажи спасибо, что моя Лия не догадалась. Она, между прочим, часто спрашивала, помирились вы или нет.

— Привет передавай. И напомни, что я её не боюсь. А что касается моей жизни, то попрошу не вмешиваться.

Дождавшись утвердительного кивка головой, Дима вернулся к наблюдению. Смотрел, как Галя что-то доказывает, бьётся как муха о стекло, пытаясь добиться его понимания. Зачем, зачем она это делает?..

— А знаешь, почему я тогда не догадался? — Оживился Кислый, как только Дима отвернулся.

Мужчина нехотя склонил голову в сторону говорящего.

— Потому что она смотрела на тебя безумными, влюблёнными глазами. Особенно тогда, в ресторане. — Дима молчал. — А ты, значит, женился, развлёкся ночью и квартирой от её любви отмазался, так?

Молчания Шаха была красноречивее слов.

— Я бы на месте её родителей тебя придушил.

— У неё нет родителей. Бабка только. Та ещё змея.

— Ну, в таком случае, как только этот её базар с пацаном закончится, приглашаю вас на дуэль, дорогой друг. Красивая, кстати пара. — Кивнул в сторону. — Была.

Тут Дима не сдержался и оскалился, притягивая друга к себе за ворот дорогой рубашки.

— Сегодня вечером... Друг...

А в тот момент, когда пора было расцепить кулаки, а желания сделать это так и не появилось, Кислый перевёл взгляд за спину Шаха. Сглотнул.

— Дим, кажется, он её сейчас ударит.

Не глядя в сторону и не особо понимая, что сейчас делает, Дима выскочил из машины, и, расталкивая прохожих в стороны, словно бронепоезд двигался к намеченной цели. Из шума улиц, смеха случайных прохожих он с лёгкостью выцепил тонкий, срывающийся от истерики голосок, который вот-вот и дрогнет под давлением паники.

— Что? Что я должна была сказать тебе?! — Вцепившись в свои густые волосы пальцами, кричала она. — Что незнакомый мужик однажды пришёл в мой дом и сказал, что через несколько часов я стану его женой? Ты бы поверил в эту чушь? Ты и сейчас мне не веришь, хотя я всё... всё тебе рассказала!

— Ты бред несёшь, Галя. Какой мужик, какой муж? Ты смотрела на него такими глазами, словно всю жизнь ждала. — Оттолкнул он её руки, если бы мог, плюнул бы в лицо. — Где тебя носило два дня? Трахалась с ним, да? Понравилось? Теперь прибежала прощения выпрашивать? Нельзя заставить человека, Галя. Можно только назвать его

цену. — Схватил её за плечо. Так больно, что девушка вскрикнула, пытаюсь сбросить захват. — Назови мне свою, и я заплачу, Галь.

— Пошёл к чёрту!

— Что, думаешь, у меня не хватит, так не волнуйся, у отца займу. — Притянул её к себе, пытаюсь отбиться от второй свободной руки, получая удары по шее, лицу, по плечам. Но парень уже ничего перед собой не видел, не соображал, хотел впиться в губы, оставить следы на белой коже, подмять под себя то, что холил и лелеял два года, к чему прикоснуться боялся. А теперь оказалось, что ему ничего не принадлежит.

Сантиметр оставался между ними, когда в глазах потемнело от боли и нехватки воздуха. Руки разжались автоматически, а сквозь туманную пелену парень мог видеть, как Галя с испуганными глазами отступает, тут же бросается назад, пытаюсь что-то выкрикнуть. Её пухлые губы это последнее, что он увидел прежде, чем окончательно отключится.

— Не нужно, не нужно, оставь...

Шептала я, пытаюсь оттащить крепкую руку от шеи Антона. Кричать просто не могла. Даже не сразу поняла, что это Дима. Не сразу почувствовала его тепло, когда он прижал меня к себе и, что-то тихо приговаривая, повёл к машине. Не смогла отозваться, когда услышала первый вопрос, второй.

— Ты... ты убил его? — Поборола себя и спросила, не отпуская его ни на шаг. Где-то в стороне уже могла видеть, как мускулистые мужчины оттаскивают Антона с тротуара и пытаются посадить на заднее сидение подъехавшего автомобиля. Как он валится в него и двери закрываются, как машина трогается с места.

— Ты как?

— Дима... Ты убил его? — Повторяю я, игнорируя вопрос, притягиваю Диму к себе за ворот тонкого пиджака.

— Нет. Сейчас его отвезут домой. Всё хорошо. — Спокойно и медленно внушал он мне, понимая, что я в шоке. — Мы тоже поедem домой.

— Он не поверил...

— Ты мне всё расскажешь, а я выслушаю, обещаю. Давай, давай, малышка.

Дима толкнул меня в глубь салона, сгибая ноги, заставляя подобрать их, сел рядом, по ходу стаскивая босоножки, прижимая к своим горящим от температуры бёдрам, мои ледяные ступни.

— Он мне не поверил, Дим. — Прошептала я, понимая, что засыпаю, отключаюсь в его заботе, кажется, Дима хмыкнул.

— Конечно, не поверил. Иначе ему пришлось бы тебя защитить, а на такие подвиги мальчишка ещё не способен, Галь. Обвинить всегда проще.

Он успокаивающе погладил по голени, сжал в ладонях пальцы, закинул голову вверх, желая найти ответы на какие-то свои вопросы, а потом посмотрел на меня, пытаюсь своей улыбкой заставить забыть о происходящем. И в этот раз я не просто верила. Я хотела верить и забывалась от полного убеждения, что всё так и должно быть. Я спала и видела сон. Длинный, запутанный, непонятный и местами страшный. А в конце, словно белый ангел, мелькнуло что-то смутное, расплывчатое. Я помню только тепло, исходящее от странного существа. И я хотела назвать это существо мамой. Открыла глаза плавно, мягко, и ощущала лёгкость во всём теле. Смотрела на Диму, на его нетерпеливый взгляд, на губы, которые не решается тронуть улыбка. На мгновение нахмурилась.

— Где мы? — Попыталась подняться и разглядеть, что творится за пределами машины, и была крайне удивлена, увидев всё тот же центр.

Отобрала у Димы свои ступни, натянула на отдохнувшие ноги босоножки, Кислый притормозил, чтобы, видимо, узнать план действий, а я внимательно смотрела на него.

— Галина. — Протянула руку между сидений, Кислый посмотрел на неё как на змею, но потом пересилил себя, пожал, и даже слегка тряханул по-мужски.

— Алексей. — Представился в ответ, понимая, что пока я этого не услышу, не отступлюсь. Я мило улыбнулась.

— Ну, вот и познакомились, а то всё Кислый, да Кислый. — Я огляделась по сторонам в очередной раз пытаюсь сориентироваться, и улыбнулась напрягшимся мужчинам. — Спокойно, мальчики, — погладила мужа по плечу, — я словно другим человеком проснулась, имею право растеряться на секунду. М-м... туда! — Утвердительно кивнула, и указала пальцем в нужном направлении, заметив знакомые здания.

Пока ехали, сидела вся в нетерпении, словно на иголках. Дима странно посматривал, но молчал, и только когда приказала остановиться у главного торгового центра, оба переглянулись.

— Знаешь, Дим, я уже говорила, что Антон мне не поверил?

Он кивнул, хорошо подумав, стоит ли идти на непонятную провокацию.

— Так вот, очень хорошо, что я узнала его раньше, чем наделала глупостей. Проводишь меня?

Намекнула, что пора бы открыть дверь, он понимающе усмехнулся, из машины вышел.

— Алексей, можно ведь мне называть вас просто Лёша? — Мужчина приподнял брови, а я ему подмигнула. — На Алексея не тянете, и даже не знаю, хорошо это или плохо. — Он сдержал улыбку.

Дверь с моей стороны распахнулась и я увидела Димину ладонь.

— Так вот, Лёша, вы, наверно, езжайте, а мы погуляем. Потом на такси приедем или Дима перезвонит.

Он посмотрел скептически, Дима не мешал.

— Неудобно заставлять вас ждать, а нам с мужем предстоит тяжёлый разговор. И... много покупок.

Я вышла, дождавшись утвердительного кивка мужчины и вместо того, чтобы предложить Диме ладонь, подхватила его под локоть, потянув ко входу.

— Знаешь, когда чувствуешь себя новым человеком, нужно обновляться ещё и внешне. Вообще я часто слышала, что волосы накапливают в себе негативную энергию, поэтому их нужно периодически остригать.

Дима притормозил.

— Я предлагаю отделаться увлажняющей маской. У тебя очень красивые волосы и...

— Да я только чуточку. — Взмолилась и тут же посмотрела торжествующе, слегка обернувшись на отстающего мужа. — Я знаю, что тебе нравятся мои волосы.

— Так заметно?

— Я заметила. Особенно когда ты их на кулак наматываешь.

— Провоцируешь?

— Я бы сказала, дразню. В данном случае одно и то же, но... — остановилась, на месте развернулась и специально к Диме прижалась грудью, — твоё «провоцируешь», слишком правильно звучит. Чувствую я иначе.

— Значит, мы идём в салон красоты? — Охладил он мой бьющий ключом пыл. Смотрел прямо в глаза, шептал прямо в губы, но так откровенно провоцировал!!! Хотелось стонать в голос.

— Да. Идём. — Развернулась, чтобы уйти, но Димины ладонь слишком надёжно удерживала меня рядом, пришлось вернуться, врезаясь в его тело с новой силой. — Кстати, тебе тоже не мешает на висках снять.

Он улыбнулся, хотя понять, что означает эта улыбка, я не могла, и уже шествуя впереди, тянул меня за ладонь, самостоятельно выбирая место и мастера. Умиротворённо смотрел, ожидая, пока меня приведут в порядок, а я не отказалась и от предложенной ранее маски, и от массажа головы, и даже позволила освежить макияж, так как чувствовала себя неуютно. Забежала в ближайший магазин, чтобы сменить всю одежду, Дима к тому времени принёс новенькое бельё. И вот такая обновлённая внешне и внутренне, я потянула его всё в тот же парк, который оказался в паре кварталов от торгового центра.

— Дим, я долго спала? — Спросила, понимая, что уже далеко не двенадцать.

— Не знаю, часа полтора. А что?

— Да вот, думаю, почему ты не повёз меня домой. Почему, Дим?

— Я после подобных встрясок предпочитаю пространство.

— Я тоже. Знаешь, — сжала его ладонь сильнее, прижалась ближе, приподнималась на носочках, чтобы говорить по секрету от прохожих. — Я рада, что ты вернулся.

Он посмотрел непонимающе.

— Именно сейчас. Ты был мне нужен.

Дима приподнял брови, демонстрируя высшую степень внимательности.

— Антон, он хороший, ответственный, в меру взбалмошный, со своими тараканами и всё такое, но я никогда не чувствовала себя рядом с ним спокойно. Помнишь, когда ты отвёз меня на лебединое озеро?

Дима сжал мою ладонь сильно-сильно, и ответа было не нужно.

— Рядом с тобой было уютно. И не важно, где мы: в шикарном доме, в чужой машине или один на один ночью в лесу. С тобой спокойно и хорошо. Я чувствовала себя свободной, несмотря на все твои условия.

— У меня не было возможности узнать тебя ближе и...

— И всё равно, когда ты рядом, всё иначе. Знаешь, почему я уехала с тобой из ресторана, в тот вечер, когда Антон сделал мне предложение? Я и сама ответить могу: ты подумал, что я твоей угрозы испугалась, но нет. Испугалась, точнее, но не только.

— Ты сомневалась. — Спокойно добавил Дима, вычёркивая из моей затянувшейся речи весь сумбур.

— Прав. Я не была уверена, что хочу этого. А моя мама всегда говорила, что если сомневаешься, то это, скорее, «нет», чем «да». Ведь что-то тебя сомневаться заставляет. Что-то не даёт отдаться чувствам, с головой погрузиться в эмоции, в ощущения блаженства. С Антоном никогда блаженства не было.

— Тогда почему?

— Не знаю. — Мы вошли в парк, и можно было замедлить ход. — Меня не покидало ощущение правильности происходящего. Я никому об этом не говорила, даже бабушке... Да, что там, я и себе признаться боялась... Всё было так, как написано в красивых книгах о любви. Где он и она всегда вместе. Где царит мир и порядок. Да мы никогда даже не ссорились толком!

— Дай угадаю, тебе было всё равно, так?

— Да. Я не понимала, зачем упираться и требовать от него синий галстук, если Антону приспичило жёлтый. Если я хочу сходить в пиццерию, а он в суши-бар. И уступала. Всегда. Наверно, подобная покорность его и привлекала.

— Все мужчины любят покорность.

— Да. Его мама называла меня бесхребетной и даже с этим я готова была согласиться.

— А на самом деле?

— А на самом деле я втайне смеялась над их высокомерием и чопорностью. Над этими накрахмаленными салфетками и такими же накрахмаленными улыбками, когда лицо приняло нужное выражение и не изменится, что бы вокруг не происходило. И твоё появление стало как необходимая передышка, как тайм аут перед финальным рывком. Момент, когда я могу принять решение без определённого давления.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— И кто собирался на тебя давить? Мне показалось, что всё шло идеально.

— Давить на человека не обязательно угрозами, думаю, ты специально меня подводишь к нужной теме, ведь слишком умный, чтобы не понять. Они бы улыбались и поздравляли меня. Все. Даже бабуля попыталась бы не терять лицо. Говорили бы, какая мы красивая пара, как подходим друг другу, складывали бы ладони, умиленно глядя в нашу сторону. Отец бы обязательно отдал Антону давно обещанный филиал за городом.

— Чем он занимается?

— А-а, не важно. — Отмахнулась я. — А сегодня... когда вместо того, чтобы понять и что-то посоветовать, он начал меня обвинять — всё стало ясно.

— Что он сказал тебе?

— Не помню. — Пожала я плечами. Мы спускались по покатиистой набережной прямо к реке. — Да и не важна суть его пустых слов. Я просто поняла, что не нужно приносить себя в жертву, этого всё равно никто не оценит.

— И что будешь делать дальше?

— А ты позволишь мне выбирать? — Удивилась я и засмотрелась на его красивые глаза, как они сияли, отталкивая от себя блеск подкатывающих волн.

— Нет. Но было бы интересно послушать. — Засмеялся он и притянул меня ближе, приобнимая за плечо. Поцеловал в висок. Со стороны мы были похожи на романтическую влюблённую парочку, и я не стала портить идиллию, обняла его в ответ, придерживая за талию.

— Я ушла от него и на этом точка. Но это не значит...

— Что ты прибьёшься ко мне, так? — Понимающе кивнул он, перебивая мою умную мысль.

— Ты всегда знаешь, что я хочу тебе сказать?

— Нет. Просто иногда твои ответы очевидны. Пойдём обратно, ветер поднимается.

Мы развернулись, Дима шёл со стороны реки, отгораживая меня от леденящего воздуха.

— Но ты уверен в том, что я буду с тобой, да?

— Я приложу все усилия, чтобы ты приняла такое решение.

— Хочешь приучить к себе?

— Хочу, чтобы ты меня любила...

— Сколько тебе лет, Дим? — Он посмотрел, одаривая скептической улыбкой.

Приподняла брови, борясь с порывом смеха.

— Только не говори, что всё так плохо. Я помню, что Лёша называл тебя старым пнём...

— Тридцать шесть. — Я посмотрела, прицениваясь, а Дима подтвердил ещё раз. — Мне тридцать шесть, Галь. Это много, поверь.

— Да, наверно. Сейчас я так не думаю, но возможно с возрастом... — Присмотрелась пристальнее. — Ты не выглядишь на свой возраст. — Вынесла вердикт и Дима засмеялся. — Нет, правда, ты подтянутый, крепкий, у тебя сильные руки...

— А тебе приходилось видеть много мужчин моего возраста?

— Нет, но...

— Тогда откуда же тебе знать, выгляжу или нет?

— Сосед у нас есть один. Вадим Борисович. Противный дядька, вечно всех достаёт.

— Вадим Борисович Логинов светило науки в области социологии и политологии, он имеет на это полное право. — Засмеялся Дима. — А чаще всего, эти его склоки просто очередной предмет для изучения социума.

— Ты его знаешь?

— Он посоветовал мне ту квартиру. — Кивнул Дима, соглашаясь. — На самом деле, в привычной компании неплохой мужик. Только иногда не видит берегов в своих изумлениях и начинает всех вокруг провоцировать на проявление истинных эмоций.

— Пусть так. Но ему тоже около сорока.

— Тридцать восемь. — Поправил Дима.

— Да. Так вот, он выглядит на все сорок пять, и тут ты уже не поспоришь! — Пригрозила пальцем, не позволяя перебить себя вновь. — А у тебя дети есть?

— Нет. Откуда? — Хмыкнул он вызывающе.

— Не мне тебе рассказывать. — Смирила недоверчивым взглядом. — Но я рада, что их нет. Правда. А родители?

— Родители есть, но они а Америке живут, редко приезжают.

— Так далеко...

— Поверь, познакомившись с моей мамой, ты будешь этому рада.

— Верю на слово. А что у тебя есть? — Дима сжал моё плечо, которое обнимал до сих пор. — А что? Я хочу больше узнать о тебе, это ведь важно для налаживания отношений. — Заверила и улыбнулась, приткнувшись к его плечу, пыталась скрыть эту улыбку.

— А я хочу узнать о тебе. Думал, всё знаю, а ты оказалась тёмной лошадкой. Столько откровений за один вечер, я даже растерялся...

— Не ври. Ты не умеешь теряться. Всё наперёд знаешь, оттого тебе даже жить не интересно.

— Ты наговариваешь на меня. — «Обиделся» он и поджал губы. Видимо, чтобы не рассмеяться, но и я не уступала.

— А мне нравится, как ты при этом выглядишь! — Призналась, бросая вызов. — Ты знаешь, я ведь вспоминала о тебе. Всегда. Помнишь, как подошёл ко мне в первый раз?

— Как-то неожиданно. — Скривился он, улыбаясь.

— С тобой только так и нужно. Так что, помнишь?

— Допустим, — уклонился он от прямого ответа.

— Хм, хорошо, допустим. Так, почему ты подошёл? Только правду говори. Я знать хочу.

— Не надейся, не скажу, что твоя неземная красота поразила меня с первого взгляда. — Предупредил Дима, чем, признаю, но никогда ему не расскажу, расстроил. — Согласись,

было бы странно, влюбись я в тебя в тот вечер. Да, ты была симпатичная девочка, и от этого отрезаться не имеет смысла, но ты была ребёнком. Маленьким, наивным ребёнком. А вот взгляд был особенный. И если уж мы заговорили о пределах памяти, может, и ты помнишь, что я ответил на твой вопрос тогда?

— Ты сказал, что я единственная не отвернулась.

— Вот именно! Именно, не отвернулась. А во взгляде было что-то нездоровое, неправильное для девочки твоего возраста.

— Только не говори, что я ощупывала тебя этим взглядом. — Проговорила с придыханием, пытаясь дотянуться губами до его щеки, Дима, посмотрел свысока.

— Откуда такие мысли, детка? — Взгляд смягчил и растерялся. — Нет, конечно... Ты смотрела глазами человека, которому нечего терять, а так быть не должно.

— Хочешь сказать, что ты спаситель людских душ? — Фыркнула на его непонятный ответ, а Дима меня встряхнул, не позволяя унывать.

— И не сказал. Не знаю, почему подошёл. — Посмотрел вдаль. — Наверно, ты мне действительно чем-то приглянулась. Или у меня был день добрых дел, не знаю. Точно могу только сказать, что не мог пройти мимо. И я рад, что получилось переубедить. Теперь ты смотришь иначе.

— У меня мама умерла. — Нехотя призналась я. — В этот день, в свой день рождения, я всегда её вспоминаю, и хотелось бы побыть одной, но, как говорится, у нас слишком много обязательств. С возрастом привыкла делать вид, что всё в порядке, да и не рассказывала никому. А в целом, да, ты прав и многое объяснил мне в тот день. Спасибо, кстати.

— Кстати, не за что...

Мы уже были на выходе из парка, когда нужные сова закончились, а ненужные произносить не было никакого желания. Я не пыталась найти нужную тему, а Дима и не думал вытягивать из меня фразы силой. И эта черта мне в нём нравилась: он вроде и не давит, но добивается желаемого. Да, в некоторых ситуациях его мнение решающее, но, хорошо пораскинув мозгами, я прихожу к выводу, что он прав. Ярким примером встаёт перед глазами сегодняшний разговор с Антоном. А ведь можно было ещё долго метаться меж двух огней, пытаться найти себе оправдание, а он легонько подтолкнул и верное решение вот оно — на ладони.

Дима ненавязчиво обнимал меня, прикрывая собой, своим телом и от чужих взглядов, и от ветра, который так и норовил поднять вверх тонкую блузку или юбку. В тишине ресторанного зала мы вдвоём пообедали, перебросившись парой стандартных фраз, поехали домой и разошлись по комнатам. В глубине души мне хотелось чего-то большего, чего-то откровенного, сегодня даже и скрывать ничего не стала, но Дима не предложил, не настоял, а навязываться самой, тем самым обнажая душу, не хотелось. Я всё ещё боялась. Только теперь боялась не того, что останусь одна, а того, что не будет его. И это детское чувство, что рядом мужчина, сильный, настоящий, готовый защитить, не зная о тебе ровным счётом ничего — осталось. Это он для меня мужчина, а всё плохое забывается.

Глава 9

В тишине прошёл и воскресный день. Дима сидел в кабинете, а я тенью слонялась по дому, делая вид, будто что-то изучаю, узнаю, проверяю. Кабинет был закрыт и это ужасно мешало просто войти в него под видом того же интереса. Пару раз я засиживалась на кухне, якобы перекусывая, а на самом деле надеялась, что он выйдет. Пару раз пробовала включать телевизор в гостиной, даже звук устанавливала громче необходимого, но Диме моё

присутствие в доме явно не мешало, и к пяти часам я всё же вошла.

— Занят? — Просунула голову в дверь и тут же нелепо улыбнулась, глядя на него, сидящего за компьютером.

Дима тут же скрыл все программы на рабочем столе, отставил ноут в сторону и вопрошающе посмотрел на меня.

— У тебя очки... непривычно...

Промямлила, на ходу замечая, что меня видеть здесь не рады. Дима сложил руки на столе, чуть наклонился вперёд и только потом, словно вспомнив, как нужно отреагировать, скривил губы в подобие улыбки.

— Ты считаешь, что плохим парням не престало использовать подобные аксессуары?

— Нет... просто...

Я растерялась от вызывающего тона, и даже хотела тут же извиниться и закрыть дверь, но Дима встал из-за стола, немного размялся, прохаживаясь по кабинету из стороны в сторону.

— Что-то хотела? — Спросил как бы невзначай, вспомнил о моём присутствии, разминая шею, при этом едва слышно постанывал от удовольствия.

— Нет... То есть да. Хотела. Но если ты занят...

— У меня нет таких дел, которые я не мог бы перенести. — Посмотрел на меня неожиданно, но пристально. — И если девушка просит...

— Девушка просит. — Кивнула я, улавливая его игривые нотки. — Точнее, спрашивает. — Он кивнул, позволяя продолжить, в момент, когда я вопрошающе замолчала. — Мне завтра на работу, — начала неуверенно, Дима улыбнулся. — Я ведь работаю, если ты помнишь. — Делала на этой фразе упор и Дима расплылся в улыбке. — Я хотела сказать, что буду работать, даже если ты по какой-то причине против.

— Я не буду против. — Спокойно ответил он, и это привело меня в лёгкий шок.

Да, пусть он относится ко мне достаточно благосклонно и вполне возможно, что многое будет позволять, но уверена, что его слово как мужчины и главы нашей странной семьи, будет решающим, поэтому мои высказывания напоминали само убеждение, нежели чёткое мнение.

— Да, это хорошо, потому что я не собираюсь сидеть у тебя на шее...

Меня перебил его лёгкий смешок и вполне возможно, что Дима прав. Едва ли моей скромной заработной платы хватит на что-то существенное. Да даже приличную одежду я могла себе позволить, ущемляя остальные потребности.

— И не могу запереть себя в четырёх стенах. — Продолжила, игнорируя весёлость. — Мне нужно общение, деятельность... — Напряглась я, пытаюсь выразить эмоции, Дима же, как всегда объяснил это в двух словах.

— Для творческой природы это нормально. — Согласился, сбивая меня с очередной путанной мысли. — Расслабься, Галь, я уже сказал, что не собираюсь ущемлять тебя в правах и единственное, что меня не устраивало в твоём ежедневном расписании, так это наличие жениха. Хочу напомнить, что с этой проблемой мы вполне успешно справились. — Он посмотрел снисходительно, а я окончательно потерялась. — И отпусти дверь, ты её сейчас пополам согнёшь.

Неодобрительно покачав головой, Дима сам подошёл ко мне и разжал пальцы, которые неосознанно сжимали дверное полотно. Усадил на ближайшее кресло, сам присел на корточки, придерживая обеими ладонями мои колени.

— Я понимаю, что для тебя не совсем комфортно и несколько неожиданно откровенничать и советоваться со мной, но давай начнём с малого: с того, что ты будешь свободно высказывать своё мнение. — Я набрала в грудь побольше воздуха, пытаюсь справиться с пониманием того, насколько наивным и очевидным, как говорил сам Дима, стало моё поведение, а он сильнее сжал мои колени, отвлекая. — Я не обещаю, что буду идти на поводу из желания добиться твоего расположения, но аргументированный ответ почему «нет» ты услышишь всегда. Начнём сначала?

— Что?

— О чём ты хотела поговорить? — Напомнил Дима, и я просто рассмеялась от этих ощущений: моей неловкости и простоты решений, которые он предлагает.

— О том, что мне завтра нужно на работу.

— Ты просто хотела поставить меня в известность или нужна помощь?

— Помощь? — Посмотрела недоумевающе, Дима выжидал правильного решения. — Да. — Утвердительно кивнула я, правда, пока не совсем понимала, чего же он от меня ждёт. — Да. — Повторилась под сиянием его расплывающейся улыбки. — Мне добираться неудобно. Ты обещал машину. Только не вздумай снова подсунуть своего грёбанного водителя! — Проговорила угрожающе, припоминая недавние события, слова сопровождались указательными жестами пальцев и когда Дима рассмеялся в голос, я рассмеялась в ответ.

— Вот уж не думал, что филологи русского языка знают такие нехорошие слова. — Пожурил, поднимаясь. Ещё несколько раз хохотнул. — Я бы с удовольствием сам подвёз тебя, радость моя. Только занят с утра. Ты позже начинаешь, поэтому придётся тебе поездить с Женей. Но ты за рулём.

Я обиженно отвернулась.

— Пока не очень убедительно.

— Ну, я ведь только начал.

Дима вернулся ко мне, потянул за руку, приподнимая, поставил на ноги, а затем плюхнулся на моё место и потянул за руку обратно, предлагая взамен мягкого уютного предмета мебели свои колени. А я, долго не раздумывая, села, да ещё и поёрзала, устраиваясь. Дима понимающе простонал, когда я достигла цели. Знай наших! Собравшись с мыслями и устроив свои ладони на моём теле, посмотрел в упор, ожидая встречного взгляда.

— Я провёл с ним разъяснительную беседу и подобного не повторится. Что касается недопониманий, которые возникнут между вами в процессе общения...

— То, что между нами происходит, общением сложно назвать в принципе. — Возмутилась я, всё больше погружаясь в нахлынувшие неприятные воспоминания.

— В любом случае, теперь он понимает, с кем имеет дело.

— И ты хочешь сказать, что это изменит его мнение обо мне? Дим, ему было откровенно всё равно на моё положение... — Слово подобрала слишком пафосное и замялась, — на то, что нас с тобой связывает. — Поправилась и ещё секунду обдумывала, как это звучит. — Да. Так с чего ты взял...

— Он профессиональный водитель. Увлекался экстремальным вождением и может дать тебе дельные советы в нюансах управления. К тому же, если Женя будет рядом, я останусь спокоен.

— Ты обещал, что согласишься, как я сама вожу. — Надулась как ребёнок, которым, по сути, для него и являлась.

— В этот раз не получилось. — Примирительно улыбнулся Дима и я сделала вид, что поняла. — Попробуем в ближайшее время, к тому же...

— Ты не против, если за мной будут присматривать. — Язвительно добавила я, а Дима и отнекиваться не стал.

— Не против. И, вспомнив реакцию своего друга, ты тоже против не будешь. Мне кажется, он слишком амбициозен, чтобы принять твой отказ. Надеюсь, мы вдвоём с тобой понимаем, что он не смог не прочувствовать твоего облегчения от окончания этих отношений.

— Да, конечно. Но зачем...

— Это не обсуждается, потому что касается твоей безопасности. — Сказал, как отрезал Дима, и резон в его словах был. Спорить я не стала.

— Хорошо, согласна.

— Что-то ещё?

— А ты уже хочешь от меня отделаться? — Чтобы не позволить дать положительный ответ, обхватила его за шею, скрепя пальцы в захвате. Призывно улыбнулась.

— Скорее, хочу, чтобы ты направила свою неуёмную энергию в другое русло. — Он погладил мои бёдра раскрытыми ладонями, чуть сжимая ягодички. Такого развития событий... Нет! Такого быстрого развития событий я не планировала, но сдавать позиции не собиралась, поэтому посмотрела уверенно, губы чуть вытянула трубочкой, демонстрируя заинтересованность в его предложении, ноги перекинула через подлокотник кресла, усаживаясь плотнее.

— Галь, — шепнул мой муж, призывая придвинуться ближе, так, чтобы при всём желании никто подслушать не мог. — Я голодный.

Прошептал на ухо, носом потёрся о висок, чуть прижимаясь. Тут же в глаза заглянул, а там, несмотря на всю интимность его шёпота, веселье и издёвка. Я присмотрелась внимательнее, а Дима уже во всю мою грудь нацеловывал, пользуясь замешательством.

— В смысле?..

Он нехотя от своего занятия оторвался. Я чувствовала его возбуждение, которое с промежутком в пару секунд уверенно упиралось в мою попу, но не могла отделаться от ощущения какого-то подвоха.

— Есть хочу, малыш. — Улыбнулся он, радости своей не скрывая, а я нахмурилась.

— И с чего это ты взял, что я буду тебя кормить?!

Попыталась с колен его спрыгнуть, но Дима как всегда предусмотрительно сжал пальцы вокруг талии.

— Потому что я ласковый и нежный? — Предположил, заискивающе в мои глаза заглядывая.

— А вариант, что я готовить не умею, ты не рассматривал? — Уточнила, явно издеваясь, а он улыбнулся шире.

— Да? И давно разучилась? — Я нахмурилась сильнее. — Нет, я ничего не говорю просто не далее как пару дней назад, твоя бабуля нахваливала мне кулинарные способности моей жены. Не хочешь продемонстрировать?

— Ты разговаривал с ней?..

— Ты ведь не считаешь, что я мог безнаказанно похитить её внучку, нет? С самого утра отправился для мирного урегулирования и, поверь, сделать это было не так просто. — Продолжал веселиться он, а мне уже было не до смеха, поэтому, пытаюсь сползти с колен, я с

силой упиралась в его грудь, на что Дима только посмеивался, то и дело, мои руки перехватывая.

— Не глупи, Галь. Я не бандит с большой дороги и самоуправство не в моих принципах. Да, настоял на том, чтобы ты ушла со мной, но не собирался удерживать против воли, тем более, заставлять твою бабушку нервничать. Перестань! — Прикрикнул он, когда бороться со мной надоело. — Галя!

— То есть, если я захочу уйти, я смогу сделать это прямо сейчас?! — Вцепилась в него взглядом, пытаюсь понять, чего он на самом деле хочет.

— Для этого нужно сначала захотеть. — Строго проговорил Дима, сильно сжимая мои предплечья. — И, нет, ты не уйдёшь ни сейчас, ни завтра, ни через неделю.

Мы замолчали, глядя друг другу в глаза, как обнажённая правда, когда непозволительно солгать... по отношению к самому себе унижительно. Я облизала губы, борясь с желанием закрыться от него, отвернуться, спрятать лицо в ладонях.

— Что тогда?

— Просто попробуй узнать меня получше.

— Я стараюсь, правда, но у меня не получается понять тебя.

— Понимать не нужно. Пока не нужно. Потом, может быть...

— Как тогда?

— Просто верь мне.

— А если я так не умею?

Дима молчал. Слишком долго, как мне показалось.

— Я научу тебя. Покажу, каково это.

— Нельзя открыться человеку настолько, чтобы безгранично доверять ему, Дим. Я так не могу.

— Я оставляю тебе место для собственных секретов. Личное пространство, помнишь?

— А сам? Сам ты так же мне доверишься?

— На всё нужно время, Галь. — Отрицательно качнул он головой, пытаюсь объяснить.

— Тогда не требуй этого от меня!

— Я не требую. Просто предлагаю делать шаги навстречу. Точно такие же, какие делаю я.

Моё напряжение ослабло, сопротивление погасло, Дима почувствовал это и не видел больше смысла удерживать, поэтому руки мои отпустил.

— Почему ты бросил меня, Дим? Только теперь давай, как ты говоришь... сделай шаг навстречу.

— Я хотел, чтобы ты научилась жить самостоятельно.

— Проверка на прочность? — Неприятно даже для самой себя ухмыльнулась я, Дима меня тут же по ладони погладил, успокаивая.

— Нет... Нет! Не так. Я не хотел навязывать тебе свою точку зрения. Зависимость от меня, делать тебя удобной для себя, безвольной. Не хотел, чтобы, как ты говорила про семью Антона, на твоём лице появлялась накрахмаленная улыбка. Ты должна была расти, развиваться, а рядом со мной ты бы просто не знала, как может быть по-другому.

— Зачем тогда так рано вернулся? Я ещё не всё узнала о взаимоотношениях. Или это было случайностью?

— Да. Случайность. В некотором смысле. Только... я объяснить хочу. Маленькая девочка, молодая жена, девушка, она ведь и жизни не видела, поэтому в чём-то как

пластилин, мягкая, податливая, что вылепишь, то и получишь в результате. Тебе нужно было обтесаться, понять, что хорошо, а что плохо, почувствовать границы дозволенного.

— И тебе не противно знать, что твоя жена была с кем-то...

— «Противно» это не то слово, Галь. Я не мог быть рядом и контролировать, я не видел, не знал...

— Сейчас знаешь. — Резко перебила я.

— Да, но всё не так, как может показаться со стороны.

— А как?

— Можешь считать, что я осознал ошибки и хочу построить нашу семью не на смысле «прав тот, у кого больше прав», а на взаимопонимании, доверии. Начать с ухаживаний, признаний. Всё как в нормальных отношениях.

— Кое-что не учёл. — Заметила я, а Дима стиснул зубы. — Ты оставил меня одну в тот момент, когда мне нужна была твоя поддержка. Как сам только что сказал, что вылепили, то и получите. И, что бы ты сейчас не говорил, не могу просто взять и довериться, только потому, что ты пообещал.

Я отвернулась, так как Дима по-прежнему не отпускал, а он носом ко мне между лопаток пристроился и шумно дышал, пытаюсь согреть своим дыханием.

— Ладно. — Расправила плечи, а он и не думает отстраняться, — я тоже голодная, наверно, нужно что-то приготовить...

— Всё найдёшь в холодильнике. — Тихо пробубнил Дима, но сжал меня только сильнее, и я всё же улыбнулась, поддаваясь на его уловку. Обернулась, глянула, как он старается состроить честные глазки и покачала головой.

— А где, кстати, та женщина, которая готовила до этого? Я видела, как она носила чай в твой кабинет.

— Это домработница. Приходит три раза в неделю, убирает, разбирает бельё, следит за домом в целом, а завтраки это что-то вроде жеста доброй воли. — Дима уже устроил свой подбородок на моём плече. — Обедаю и ужинаю, где придётся.

Я обернулась, поглядывая на него подозрительно.

— Не думаешь же ты, что я буду содержать любовницу только ради вкусных обедов?!

— Я думаю, что нет никого коварнее любовницы, которая хочет стать женой. — Изрекла, пытаюсь казаться опытной и умудрённой жизнью женщиной. На что Дима фыркнул.

— Уже женат.

Я кивнула, якобы соглашаясь. Дёрнулась раз, другой.

— Отпустишь? — Приподняла одну бровь, на что Дима тут же зеркально приподнял свою.

— Я женат. — Повторил настойчивее и с явным намерением меня в этом убедить.

— Твоя жена может идти и готовить ужин?

— Только в том случае, если запомнила, что она моя жена.

— А я никогда об этом не забывала. — Гордо выпрямила спину и посмотрела с вызовом. Дима свои руки разжал, помог подняться, и когда я уже нажала на ручку, чтобы открыть дверь, тихо, словно сам себе, сказал:

— Я тоже...

Кухня в доме казалась территорией не тронутой человеком. И это не к тому, что там было грязно, нет, даже наоборот, всё сверкало чистотой, и говорило о том, что это

девственная красота, которую мог видеть лишь производитель и тот, кто первым опробует всю технику. Не то, чтобы я любила готовить, но умела это делать вкусно, быстро и непринуждённо. Могла себе позволить вариации известных рецептов без вреда для конечного результата и при этом получала явное удовольствие (в смысле от того, что получалось, а не от самого процесса). Да, наверно, будь у меня помощник по хозяйству, который сделает всю грязную работу: вымоет и почистит овощи, рассортирует зелень и проверит сроки годности продуктов, то и я бы смогла, как ведущие а канале «НТВ» продемонстрировать свои таланты. Но вот весь процесс от закупки продуктов и до мойки посуды меня прилично утомлял и не хватало времени на основную, любимую мною работу. Приходилось выбирать, и я выбирала в пользу последнего.

Сейчас же, в недвусмысленной форме обращения, Дима предложил мне совмещать первое и второе, а как человеку дотошному, любящему доводить начатое до финального рывка, мне придётся нелегко.

Ужин, к слову, удался, и муж меня похвалил, но, учитывая затраченное на всё время, я приходила к неутешительному выводу, что меня и ограничивать в работе не нужно, я и сама сдамсь, не справившись с двумя делами сразу. Но думала об этом относительно не долго, и если не брать в учёт время сна, то ровно до того момента, как начался рабочий день. Кажется, начальница ждала меня с нетерпением.

Глава 10

— Привет.

— Привет. — Прощедила она, пристально разглядывая, как я подхожу к рабочему столу, раскладываю на нём свои вещи, усаживаюсь в удобное кресло. Я даже компьютер включила и попыталась сосредоточиться на работе, но под таким чутким взором сосредоточиться невозможно в принципе.

— Лиз, если хочешь что-то спросить — спрашивай. — Подказала и перевела на неё прямой взгляд, чтобы лично запечатлеть происходящие на лице подруги метаморфозы. От строгой гримасы, до широкой солнечной улыбочки.

— Коза ты, Галка, надо же такое от меня скрывать! — Взорвалась она, когда все остальные сотрудники устали пялиться на происходящее. — Кто он, как давно вы знакомы, почему я впервые об этом слышу и, конечно же, о, боже, какой мужчина, где взяла?! — Протараторила она на одном дыхании и тут же набрала в лёгкие побольше воздуха, чтобы не задохнуться от переизбытка чувств. — Ну, не молчи, Галь, мне же интересно!

— Я не знаю, что тебе сказать, Лиз. Твои вопросы, они...

— Несколько неуместны и носят глубоко личный характер, — подсказала она мне, — но ты не волнуйся, я подожду до обеда, на котором, поверь моему профессиональному чутью, расколешься как орех. — Она подмигнула и принялась с бешеной скоростью что-то печатать на своём ноуте. Изредка поглядывала в мою сторону и озорно улыбалась, обещая этой улыбкой все круги ада.

А когда момент истины настал, едва ли не за руку потащила из офиса в близлежащее кафе, которое я посещала в случае, когда не собиралась делать грандиозных по стоимости покупок. Заняли столик поближе к стене, в углу, вдалеке от людских глаз, Лиза терпеливо дождалась, пока принесут заказ и уж тогда впиалась в меня взглядом.

— Надеюсь, ты хорошо подумала, прежде чем соврать? — Предупредила на всякий случай и, как пример, наколола на вилку кусочек мяса. Прожевала его с особой тщательностью.

— Напомни вопросы, я не могу поставить их в верную очерёдность. — Улыбнулась я, не особо желая делиться сокровенным.

— Говори всё. А вопросы оставим на закуску. — Махнула она рукой и подпёрла ею подбородок, внимательно слушая.

— Зря расселась, говорить особо нечего. Но... приступим. Его зовут Дима, мы познакомились, когда мне было тринадцать, а он пришёл на сходку к одному из моих соседей.

— Сходка — это что значит... бандит, что ли?

— Насчёт Димы сказать подобное было затруднительно, но!

— Но! — С удовольствием поддакнула Лиза.

— Бабуля называла соседа бандитской рожей, а я верю её опытному глазу.

— Так, и что?

— Да особо ничего. Я в конец обнаглела и глазела на их гоп-компанию, Диме это не понравилось, и он подошёл пообщаться. После недолгих уговоров я согласилась, что моё

поведение не имело места быть. А потом мы долго не виделись (о том, что была ещё одна встреча, я разумно умолчала, да и приукрасить хотелось), а когда мне стукнуло восемнадцать, пришёл и сделал предложение руки и сердца.

— В смысле? И ты вот так согласилась?

— А ты бы не согласилась? Красавец мужчина, весь из себя, при деньгах, квартира, кстати, в которой я жила, — его подарок, и вот он весь такой положительный делает мне предложение. Естественно я согласилась!

— Что-то я не припомню у тебя склонность к авантюрам. — Подозрительно прищурилась подруга, а я кивнула, соглашаясь.

— С одной стороны, да. А с другой... на тот момент мы с тобой ещё слишком плохо знали друг друга, а после такого скоростного замужества, склонность к авантюрам у меня пропала, как и не было. Так что... — Я развела руками.

— Так, допустим, вполне правдоподобно, это объясняет и то, что я не помню у тебя парней такого типа и вообще... А почему расстались-то?

— Ну, а ты как думаешь, Лиз? Сколько может продлиться такой брак? Мы поняли, что такое решение было необдуманное и в крайней степени глупым. А если говорить проще, то ни Дима со своим нравом, ни я, со своей детской уверенностью в светлое будущее, не смогли пережить банального быта. Ты же заешь, как я всё это не люблю.

Пришлось показательно скривиться, чтобы сомнений у подруги не осталось.

— Да, да, наверно, с тех пор и не любишь. Что же... на правду похоже...

— Ещё бы! — Хмыкнула моя оскорблённая подозрениями натура. — Это и есть правда.

— А почему не развелись?

— Даже не знаю. — Вполне естественно задумалась я, потому как всегда думала над этим вопросом, но ответа не находила. — Он наверняка посчитал мою персону не столь значимой в своей жизни, со мной можно было развестись и потом, когда приспичит или выгорит более выгодное дельце. Я же, предпочла о подобном факте просто забыть.

— Ух, Галка, а ещё про дальних родственников и про наследство выдумывала! Я как чувствовала, что здесь что-то не ладное. Кстати, с Антоном вчера разговаривала. Ну, не при встрече, разумеется, а по телефону. Он с Валеркой всё это обсуждал, а когда узнал, что я рядом уши развесила, пригласил внести свою лепту.

Это я уже выслушивала без особого интереса, изредка заедая информацию пищей.

— Но я так ему и сказала: ничего не знаю, не участвовала, не привлекалась. Говорит, виделись вы вчера и что твой лось его чуть не придушил. — Она хохотнула, заправила волосы за уши. — Так кричал в трубку, так кричал, что он вас порвёт, что ты ему врала, а в итоге напридумывала про то, что он заставил. Вот, я и не знаю, кому верить. Ты действительно ему так сказала?

— Про то, что заставил? — Без особого интереса влилась я в беседу, Лиза кивнула. — Наврала. Не знаю почему. Ну, не буду же я рассказывать Антону про любовь с первого взгляда? — Попыталась выгородить Диму не понятно зачем. — Скорее, и сама не хотела выглядеть жертвой, и старинная традиция не выносить сор из избы... Да и не стал бы он об этом слушать.

— Но вы ведь расстались. Как так? Он ведь только предложение сделать успел. Вся жизнь впереди.

— Думаешь, Дима из тех, кто потерпит таких мужчин?

— Вы опять вместе?

— Попытка номер два. Он предложил, я согласилась. Тем более, оказалось, что Антон далеко не идеал мужчины.

— А где ты идеалов-то видала? — Вполне резонно хмыкнула Лизка и я пожала плечами, не вдаваясь в подробности этого жеста.

— Дима стал более взрослым, стал терпимее, он даже предложил мне время на то, чтобы привыкнуть к обстоятельствам. Я думаю, нам есть о чём поговорить. Кстати, в отличие от Антона, ни в чём меня не обвинял. — Акцентировала я на этом внимание и Лизка прислушалась.

— Да, понимание, это, конечно, важно, но мне казалось, что у вас с Антошей любовь...

— Мужчина, которого в двадцать шесть лет повально называют Антошей, причём как родители, так и офисные работники отца, в принципе не готов к семейной жизни.

— Раньше ты так не считала. — Будто бы с обвинением заметила Лиза.

— Раньше я не говорила об этом вслух.

— И всё равно... бандит против перспективного молодого бизнесмена...

— На такое звание Антон пока не тянул. — Довольно грубо оборвала я, а у Лизки прямо глаза заблестели.

— Я сейчас не поняла, ты своего защищаешь или Антошу... — Осеклась и задумалась, чем вызвала мой смех.

— Ага, ты его ещё Антоном Борисовичем назови, Лиз. Антоша он и есть. И никого я не защищаю и, уж тем более, не обвиняю. Просто оно так и есть.

— А я сразу заметила, что ты не рада его предложению. Не твой уровень?

— Скорее, меня не радовала перспектива признания в том, что я уже замужем, Лиза. И не нужно искать какого-то подвоха. Я, кстати, не совсем понимаю, ты для себя узнаёшь или Антону пообещала разведать, м-м?

— А что, это тайна? — «Удивилась» она и похлопала ресницами, не сбавляя тона этого напускного удивления, что стало для меня неприятным открытием.

— Нет, но мне было бы неприятно, если бы ты стала это обсуждать с кем-либо. — Мягко намекнула я, Лиза поморщилась.

— Перестань! Антон пострадавшая сторона, он ещё долго будет полоскать историю со всеми, кто знал тебя хотя бы косвенно. Что уже говорить про меня с Валерой?

— Надеюсь, ты воздержишься от язвительных комментариев?

— Галь, что я могу тебе сказать, когда двое обзлѐнных мужиков спрашивают у меня, правы они или нет, я естественно соглашаюсь.

— Я не о том, что ты скажешь, Лиза. Ты действительно считаешь, что я в чём-то виновата?

— Ну, ты сейчас такие слова говоришь... Про Антошу и про то, что он ещё не дорос так, словно я с другим человеком общаюсь. И не понятно, ты так говорить стала оттого, что теперь не обязана ему, а может оттого, что более выгодную партию почувствовала...

— Мне не нравится то, что ты говоришь. Мы подруги и всегда общались на равных, но сейчас я могу тебе сказать только то, что не появись Дима в тот вечер в клубе, я бы не отказалась от предложения Антона.

— Это мало, что проясняет.

— Но никто не имеет права меня осуждать. Даже если бы я всем и каждому рассказывала о своём замужестве, Дима бы никуда от этого не делся, и точно так же предьявил бы на меня права.

— Но ты не вещь...

— То же я могу сказать и про Антона. Я не вещь. И если так сложились обстоятельства, то...

— И он бы был готов к такому развитию событий. — Продолжила Лиза свою мысль. — А не выглядел обманутым дураком в глазах всех присутствующих. Он не знал, что делать...

— И спасти меня из рук незнакомого мужчины не спешил...

— Ты сама ушла с ним!

— А разве я была похожа на счастливого человека, в чём вчера обвинил меня Антон? Я и сама не ожидала Диму увидеть, и уж тем более не думала, что этот вечер так закончится. И вообще, почему у меня такое чувство, что я сейчас оправдываюсь перед тобой?

Пока царило молчание, я потянула сумку на себя, намереваясь уйти из кафе.

— Может, оттого, что чувствуешь вину? — Скривила Лиза уголок губ, я резко встала, и ей ничего другого не оставалось, как тут же примирительно выставить ладони вперёд. — Ладно, извини, просто я тоже не ожидала и от такого количества информации голова кругом идёт. Сядь, успокойся. Сядь! Можно подумать, нам, кроме как об Антоне и поговорить больше не о чем...

Я недовольно опустила на стул, а Лиза улыбалась так, словно и не ссорились секунды назад.

— Я вот видела, как ты на машине приехала. Тоже твой подарил?

— Наверно, дал покататься. — Задумалась я, с удовольствием отвлекаясь. — Там водитель, жуткий тип, а так... мне нравится ездить за рулём, думаю, это для тебя не новость.

— А он с радостью потакает твоим капризам. Кажется, раньше ты называла это «покупать любовь».

— Нельзя вырывать слова из контекста. В каком-то случае да, в моём — нет.

— А где разница?

— А разница там, где заканчиваются слова и начинаются чувства, которые нельзя объяснить. Он не пытался меня купить, хотя ты намекаешь не только на машину, но и на квартиру, о которой я рассказала. — Я говорила Лизе, а на самом деле и саму себя убедить пыталась. — Дима просто создаёт вокруг меня комфорт. Хочет угодить, только в данном случае это называется заботой.

— А разница-то в чём?

— В том, с какими эмоциями всё это даётся. — Настойчиво утверждала я. — Он не говорит, на вот, тебе, Зая, квартиру, будешь отрабатывать два часа в день, или покатайся на машинке и за это мне от*осёшь.

— Если он не сказал этого тебе сразу, это вовсе не значит...

— Я живу в его квартире, которую он переписал на моё имя, почти шесть лет. — Обрубила я все концы для рассуждений и посмотрела так, что спорить Лизке расхотелось.

— Хорошо, если всё так. Я переживаю за тебя. — Она опустил взгляд и перемешала сахар в остывшей чашке кофе. — Этот твой Дима не внушает доверия. Не говоря уже о его дружке. Знаешь, я сначала подумала, что ты приглянулась каким-то бандитам и они везут тебя в сауну, с таким лицом ты подошла к нам... Потом только, когда молчала так покорно, поняла, будто здесь что-то не так.

— Всё хорошо, правда. По крайней мере, я на это очень надеюсь.

— Я не буду говорить Антону всего этого. В конце концов, ты права и он не заступился, хотя было заметно, что ты и сама не рада уходить из клуба. Да, наверно, он не дорос... а

может, и никогда не дорастёт. Я тоже хочу себе такого мужа, как Дима твой. Чтобы раз! И всё...

— Что всё? — Усмехнулась я, наблюдая за тем, как в Лизке прошёл запал, отпустили первые эмоции.

— Ну, чтобы вообще думать не нужно было. И работать. И быть кому-то обязанной. Хотя я никогда и не говорила, но не люблю независимость. Это делает тебя оторванным от всего мира. А я оторванной быть не хочу. — На несколько секунд она замолчала, а я и правильных слов подобрать не могла, смотрела, поджимая губы. В это момент Лиза вдруг озорно улыбнулась, в глазах забегали черти, а на щеках заиграл румянец. — Я вот, что думаю, подруга, когда ты протавляться за мужа будешь, а?

— Что-о?

— То-о! — Перекривила она меня, как раз в этот момент деньги за заказ отсчитывая. — На помолвке, можно сказать, гульнули, — тут она не сдержалась и хрюкнула, прикрывая рот ладонью, — свадьбу, так и быть, спущу тебе с рук, а вот от девичника не отделаешься!

— Вообще-то, он отмечается до, а не после!

— А у нас всё не по правилам, Галка! Всё, решено! На выходных гуляем!

Мы уже вышли из кафе, как Лизка вдруг остановилась и на меня посмотрела.

— Муж-то как, отпустит?

— Он обещал не ущемлять меня в правах. — Пожала я плечами, надеясь на лучшее. Почему-то Дима и запрет не ассоциировались в принципе. Да и не важно. Пойду!

Вернувшись домой, с небывалым ранее азартом принялась за ужин. Ещё вчера поняла, что Дима любит мясо, сегодня на вечер выбрала овощное рагу со свининой, тем более рецепт бы записан в программу приготовления скороварки. Экспериментировать с домашним хлебом не было времени, да и с механизмом приготовления разобраться не успела. Поэтому не поленилась и зашла в лавку домашнего хлеба напротив издательства, выбрала самый красивый, с хрустящей корочкой, который предварительно можно было продегустировать. И вот так, с готовым ужином под рукой, нарезанным хлебом и заваренным чаем, я проторчала на кухне час. Ещё час просидела в гостиной, а уже в девять, когда я успела сбить свой гнев под контрастным душем, явился благоверный. И то, не поспешил пожелать мне приятного вечера, а сразу обосновался в столовой. Я вошла, громко цокая каблуками новеньких домашних туфель. Дима оценил не только моё настроение, но и эротичный наряд с глубоким декольте между полами свободно повязанного халата. Из-под халата, который через каждые три шага соскальзывал с плеч, виднелись тончайшие бретели, но я совершенно негуманно каждый раз прикрывала оголённую кожу шёлковой тканью. Роль мне удалась и муж застыл в изумлении. Не понятно чему улыбаясь.

— Вкусно, милый? — Спросила, остановившись рядом с ним.

Дима меня понял, из-за стола встал, помог присесть, предложил вина, которое я выбирала по подсказкам популярного браузера интернета. Только после этого сел сам.

— Ты замечательно готовишь. — Ответил на вопрос, который я уже и забыла. Улыбнулся, предложил поухаживать, но о причинах отсутствия аппетита, я ненадолго умолчала.

— Как по соли?

— Прямо под меня. Спасибо. — Не прятал он улыбку и совсем забыл о еде, видимо, возбуждение мешало приёму пищи, а в том, что возбуждён, я не сомневалась.

Я выждала минуту, пока Дима жевал, кивнула в знак благодарности, когда он изобразил

внимание.

— Дима, если ты ещё раз позволишь себе опоздать к ужину, я не буду готовить. — Проговорила совершенно серьёзно и улыбаться супруг перестал.

Вдруг показалось, что со своей властью я переборщила и мне как раз сейчас на это укажут, но Дима как всегда удивил. Задумался, посмотрел на настенные часы, которые как раз отбивали девять вечера, вздёрнул подбородок, что-то по ним прикидывая, а потом перевёл на меня непроницаемый взгляд.

— Хорошо. — Наконец, закончил он раздумья и кивнул. — Предлагаю остановиться на половине восьмого вечера. Такое время тебя устраивает или ты не ешь после шести?

— Устраивает. — Ненадолго задумавшись, кивнула и я, чуть склонив голову в Димину сторону.

— И, дорогая, — выговорил он с особой интонацией, такой, что у меня мороз по коже прошёлся, не говоря уже об откровенном взгляде, — я попросил бы тебя, если ты, конечно же, не хочешь оказаться моим ужином на определённый вечер, — меня бросило в жар и яркий румянец опалил щёки, — выбирай более демократичный наряд, а то я, вот уже несколько минут борюсь с желанием наброситься на тебя, что, поверь, не способствует аппетиту.

На колене, которое тоже оказалось свободным от халата, я почувствовала горячую ладонь: она сжимала, давила и продвигалась выше.

— Я тебя поняла.

— И?

— И, конечно же, воздержусь. Просто сегодня уже не собиралась спускаться.

— Мне приятно, что ты хотела меня увидеть. — Улыбнулся Дима и спрятал эту улыбку, отпивая вино из бокала.

— Не хочешь убрать свою руку? — Я пошевелила коленом под столом и тут же почувствовала, как грубые пальцы впиваются в кожу. Сдержалась от того, чтобы поморщиться.

— Нет.

— Я хочу этого.

На моих словах Дима задышал чаще, на его щеках тоже проступил румянец, правда, едва различимый, румянец возбуждения, а не стыда.

— Чего-то особенного? — Уточнил он, не отвлекаясь от ужина и не отпуская меня. Теперь иногда ослаблял хват, чередуя его с осязательными поглаживаниями.

— Просто, чтобы ты отпустил мою ногу.

— А если я не хочу? Ты ведь знала, на что шла?

— Выходя за тебя замуж? — Схитрила и погладила по удерживающей руке.

— Спускаясь в таком виде со второго этажа, Галя. Ты знала, на что идёшь и чего хочешь этим добиться.

Я покраснела больше. Нет, я буквально вспыхнула от его слов, осознавая, насколько очевидны для Димы мои поступки, но было уже всё равно и, кажется, мой румянец возбуждал его ничуть не меньше, чем полуобнажённый вид. Но отступить не собиралась, поэтому пробралась под манжет тёмной рубашки, слегка поглаживая кожу под ней, одним пальчиком, едва задевая недоступный мне участок, победно улыбнулась, заметив на скулах желваки.

— Ты ведь не собираешься принуждать меня, Дим? Обещал. — Устроила локоток на

краю стола, слишком близко, чтобы он этого не понял, и слишком вызывающе, чтобы не отреагировал, опустила на согнутую ладонь подбородок, и не отвернулась, когда Дима оказался максимально близко.

— А кто сказал, что я буду принуждать? — Разорвал он все возможные пределы личного пространства, когда прикоснулся губами к моим губам, а потом резко прикусил мою нижнюю, слегка оттягивая её, проводя языком по тонкой полоске, доступной ему в таком положении.

Приподнялся, не отпуская, рука соскользнула с колена, чтобы тут же накрыть лежащую на столе ладонь, издал тихий стон, услышав, как моё сердце бьётся в бешеном ритме и только тогда закрыл глаза, наслаждаясь моментом. Зубы соскользнули с губ, но он не отступил, поцелуй продолжил, нежно проводя по губам языком, нерешительно проникая внутрь, дразня, но не наступая, а лишь позволяя наступать мне. Пальцами придерживал за подбородок, но не заставлял, а лишь направлял, помогая сосредоточиться на ощущениях. И я не скрывала удовольствия. От самой себя не скрывала. Осознавала, как мне хорошо и с кем. Отпустив губы, несколькими влажными поцелуями спустился по подбородку к шее, и замер, в миллиметре от горячей кожи. Пока я подставлялась под ожидаемый поцелуй, обошёл меня и стал со спины, прижался губами к шее, казалось, для самого себя болезненно. А потом так же решительно, как и начал, отступил. Я поняла, что продолжения не будет, и глаза открыла, хотя перед ними не особо и прояснилось: всё плыло и качалось, словно после большого количества выпитого вина. Я уже и забыла эти ощущения... Он напомнил.

— Уверен, — шёпот вернул меня к сознанию слишком быстро: я поняла, что Дима всё ещё рядом, — ты возбудилась, как только вошла в зал, как только почувствовала на себе мой взгляд. Но не буду унижать тебя и себя, демонстрируя нам обоим это возбуждение. — Я попыталась повернуть голову, но Дима лбом к моему плечу прижался, не позволяя сделать это. — Ты понимаешь, о чём я. — Улыбнулся, когда почувствовал, как я отступила. — Если захочешь большего — я у себя.

Поцеловал в щёку, разогнулся, оставляя после этой близости неприятный холодок, путешествующий по телу, забрал со стола тарелки и отнёс их на кухню.

— Завтра придёт Мария Васильевна и всё помоеет. — Пояснил для меня оттуда, а когда шёл мимо, на секунду притормозил.

— Спасибо, всё было очень вкусно и... красиво.

На этом поднялся в свою комнату, а я осталась удивлённая, счастливая и возбуждённая. И прав Дима. Во всём прав. И возбудилась я от одного его взгляда, потому что он хотел показать мне своё желание, своё внимание, свой интерес и очень наглядно продемонстрировал его, несмотря на абсолютное отсутствие слов и жестов. Вся его поза, его напряжённые плечи, взгляд исподлобья, которым щедро одаривал и даже напускное безразличие, заводили меня. Захотелось сделать что-то запретное, но до боли в животе необходимое, расслабляющее. Только одна мысль не давала покоя. Та самая, из-за которой мне всё равно придётся зайти к нему в комнату.

— Дима? — Позвала я. В комнате было пусто, вода в душе не шумела. — Дим? — повторила тише и прошла, прикрывая за собой дверь.

Ванная действительно была пуста. Я обернулась, и встретилась с абсолютно серьёзным взглядом, Дима понял, что пришла не на его зов, поэтому отреагировал без тени игривости.

— Что-то случилось?

Прикрыл дверь смежной комнаты, которую я не видела до сих пор, и подошёл ближе,

становясь аккурат по центру. На лице даже пробежала смутная тень беспокойства.

— Нет. Я просто узнать хотела. Ты говорил, в доме камеры видеонаблюдения... — Он не собирался мне помогать, разглядывал, практически улыбался. — В моей комнате тоже?

Долго разглядывал, прежде чем ответить, даже сейчас своей властью наслаждался.

— Твоя комната едва ли не единственное помещение в доме, которое не охвачено всевидящим оком. — Отметил он слишком серьёзно, и я вздохнула. Слишком рано, потому как на его лице тут же расплзлась довольная улыбка.

Я не собиралась выслушивать доводы к ней, поэтому, обогнув мужа стороной, поторопилась выйти, а Дима не собирался удерживать. Повернулся, глядя мне вслед, я даже знала, что он руки скрестил на груди.

— Что ты собралась делать, Галя? — Догнал меня его вопрос в дверях, вопрос, с еле сдерживаемым смехом, а я, как пойманная на месте преступления, стала как вкопанная, не решаясь шагнуть из комнаты.

— Что?

— Что ты собралась делать там, дорогая. Без меня... да так, чтобы никто не догадался? — Получая удовольствие от своих слов и от моей реакции на них, подошёл Дима и сам закрыл раскрытую мной дверь, загораживая выход своим телом, глядя на меня с откровенной насмешкой.

— Ты на что-то намекаешь?.. — Зажевала я губу и скомкала кончик пояса халата, а ему вообще замечательно. Дима просто сияет.

— Наверняка ты хочешь почувствовать себя удовлетворённой, Галь. — Сделал шаг вперёд, чтобы стоять ко мне вплотную.

Только сейчас я заметила, что на нём уже нет пиджака, что рубашка выпущена из-за пояса брюк, а рукава в свободной складке собраны на локтях. Ворот открывает знакомую мне татуировку в виде пера и, как реакция у собаки Павлова, я ощущаю накатывающее возбуждение. Оно набегает волнами, сильным единичным толчком ударяя в промежность. Дима понимает, что происходит, поэтому без какого-либо моего сопротивления прижимает всем своим телом к двери. А у меня перед глазами наш первый поцелуй. Мой первый настоящий поцелуй. Когда он необузданный, дикий, не спрашивает разрешения, а просто берёт. И волны возбуждения усиливаются, учащаются, я не могу скрывать своего быстрого поверхностного дыхания, а Дима просто наслаждается моментом.

— Давай, признайся. — Шептал, улыбаясь глазами, губами, не притрагивался ко мне, держал руки над головой, упираясь обеими ладонями в двери. Только его слова, которые имеют бесконтрольную силу над моим телом.

Я попыталась отстраниться, но Дима ощутимо вжался в меня возбуждённым членом.

— Мне не нужны камеры, чтобы знать о тебе всё, хорошая моя. Хочешь, расскажу, как ты ласкаешь себя? — Мурлыкнул и потёрся носом о мою щёку, шею, пряча лицо в волосы, вдыхая их запах. — Ну?

Пытаясь скрыть очевидное, я отрицательно покачала головой, но этот ответ его не устраивал и Дима прикусил мочку уха, только вместо крика из меня вырвался стон. Он удовлетворённо улыбнулся.

— Ты лежишь на спине, широко раздвинув ноги. Они совсем немного согнуты в коленях, так, чтобы оставалось ощущения пространства. — Я дрожала от его голоса, от его шёпота, а Дима продолжал ровным тоном. — Ты не снимаешь бельё полностью, а оставляешь его на одной щиколотке. Так эротично. Так возбуждающе. Первые движения

неловкие, пробные, ты сомневаешься, задеваешь соски, невесомо, словно это и не ты сделала. Понимаешь, что хочешь, и спускаешься ниже. Проводишь ровную линию, но не смачиваешь пальцы, ты всегда это делаешь, когда уже готова, когда с ума сходишь от желания. — Его губы висают в миллиметре от моей кожи, не касаясь, только опалая и заставляя двигаться навстречу. — Уверенно жмёшь на клитор. Ты любишь балансировать на грани, остро, больно. Отпускаешь, чтобы ощутить собственный жар, всего секунда и снова жмёшь. Так, чтобы содрогаться, но, не доводя до конца. Ты очень чувствительна, я помню... — После этих слов у меня было чувство, что ему даже пальцы не придётся в меня погружать, чтобы почувствовать возбуждение, казалось ещё чуть-чуть и влажными станут не только губы, не только бельё, но и внутренняя поверхность бедра, в которую так уверенно вжимается его колено. — Чтобы подразнить себя, ты начинаешь его игнорировать, гладить, кружить вокруг. Ты не хочешь быстро. Больше не хочешь. И только ощутив, как немеет твоя рука,жимаешь так сильно, как только можешь себе позволить. Движения становятся рваными, неконтролируемыми. Ты кончаешь, повернувшись на бок, чтобы продлить удовольствие. Сильно закусываешь губу, чтобы не издать ни звука, чтобы никто не догадался, как тебе сейчас хорошо, потому что ты никому не доверяешь. Признайся, ты делала так, когда твой парень спал?

— Да! — Отвечаю громко, чётко, со злостью.

— О ком ты думаешь, когда кончаешь? — Я стиснула зубы. — Ну! Я не притронусь к тебе, как бы ты не жалась своими бёдрами, если не ответишь! — Пригрозил он, а я не понимаю почему. Я даже не чувствую, что уже давно схожу с ума и словно кошка после волшебных таблеток сама тянусь к нему.

— Я не дам тебе кончить! — Как угроза и я, наконец, понимаю её суть, потому что чувствую нереальную боль внизу живота, которую невозможно перетерпеть. Его предплечья уже наравне с ладонями прижаты к двери. Высоко. А сам он так близко, что ближе просто не может быть.

Отстранился, и только тогда я заметила покрасневшую напряжённую шею, как птичье перо, украшающее ключицу, покрылось испариной и выглядит перламутровым, волшебным, и только потом его лёгкую уставшую улыбку.

— Когда-нибудь ты покажешь мне это. — Утвердительно заявил Дима и провёл кончиками пальцев по моей груди, чтобы не только видеть, но и чувствовать мелкую дрожь. — И будешь стонать в голос, потому что я так хочу. Потому что мне нравится твой голос. Только он сводит меня с ума. — Улыбнулся, за ладонь оттягивая меня от двери. — Иди, и не увлекайся. — Притянул к себе, чтобы прошептать на ухо «Я хочу тебя», а потом за дверь едва ли не вытолкнул, где без поддержки, я согнулась пополам от всё той же боли, которая лишь на секунду забылась.

Вернувшись в комнату, я закрыла дверь на внутренний замок, на ходу сбрасывая трусики, запрыгнула на кровать и по алгоритму, который только что надиктовывал муж, быстро довела себя до оргазма. Бурного, мощного. Такого, который заставил меня не то, что на бок перевернуться, а на колени стать, содрогаясь всем телом. Только от воспоминания его шёпота. От осознания того, чьё лицо я представляю, закрыв глаза. От запаха этого человека на своём теле и на своей одежде. Тут же вырубилась, не имея сил подняться и дойти до ванной комнаты. Как же хорошо...

Глава 11

— Галя, уже восемь. — Услышала сквозь сон, но не смогла открыть глаза. — Галь, ты

на работу идёшь? — Повторился стук в дверь и я попыталась вспомнить, кого мне следует убить как только глаза всё же откроются. — Галь, у меня есть ключи от твоей комнаты и если через пять секунд ты не откроешь...

Конец фразы я расслышать не смогла, потому как уже подрывалась с кровати, пытаюсь сообразить, куда бежать и что делать. Перед глазами сразу встали картинки вчерашнего вечера, и снова горячий шёпот, словно я выслушивала его всю ночь.

— Уже встала! — Выкрикнула, забегая в ванную комнату и включая душ.

Времени на расслабление не было, поэтому даже волосы не помыла, понимая, что придётся идти на работу с паклей на голове. Кое-как переоделась, отыскав в гардеробном шкафу единственное разглаженное платье, натянула чулки, умудрившись не порвать их, а когда распахнула дверь, Дима стоял и ждал.

— Доброе утро. — Выдала первое, что пришло в голову.

— Бурная ночь? — Видимо, это первое, что пришло в голову ему. Правда, улыбка красивая. — Что, не добежала до кровати, дорогая? — Хмыкнул он, глядя за мою спину, а когда обернулась я, поворачиваться обратно не было желания: чёрные трусики так и лежали на полу посреди комнаты. Дима остался доволен результатом.

— У тебя были все шансы сделать это самому, дорогой.

Он отрицательно покачал головой, не переставая улыбаться.

— Не-а, не дала бы. А я не хочу тебя спугнуть.

— То есть, признаваясь в этом ты не боишься, а я если бы сделал то, что я хотела вчера, то спугнёшь?

— Верно.

— Странная логика.

— Самая обычная. Скоро ты сама мне скажешь, чего хочешь. И тогда я не отступлюсь, поверь.

— Да вы стратег, Дмитрий Алексеевич.

— Да я ещё и практик. Тебе ли этого не знать?

— Муж мой, я на работу опаздываю.

— Ничего. Будет что обсудить сплетницам. Ведь ты в принципе проспать не могла, а наверняка кувыркалась в постели со мной.

Он обнял меня и проводил на кухню, где остывала чашка кофе. Я сморщила нос и вытянула губы.

— Я уже зубы почистила. — Призналась, расстроенная этим фактом. — Но всё равно спасибо. Пахнет вкусно.

— Брось, детка, — подталкивал меня Дима к прихожей, чтобы быстро переобуться и выезжать, — я просто хотел тебе намекнуть, что так приличные жёны встречают мужей по утрам. — Я развернулась и посмотрела со злом, Дима это проигнорировал. — А не с разбросанными по комнате трусами и натёртым клитором.

Достаточно грубо надавил на низ моего живота, ловко забравшись под юбку, и внимательно посмотрел, как я морщусь от этого прикосновения.

— Так не честно! Ты сам спровоцировал меня. И не удивлюсь, если у тебя увижу то же самое. — Ехидно заметила, а Дима прямо на пороге остановился, обалдел от этого заявления.

— Желаете приступить к осмотру прямо сейчас? — Вскинул руки в стороны, голова при этом угрожающе подалась вперёд.

— Нет. — Притихла я. — Но могу поверить на слово, если ты будешь убедительным.

— О, да, детка, я дрочил на тебя всю ночь. — Рассмеялся он в голос, а я огляделась по сторонам, не слышит ли кто. — Достаточно убедительно?

— Я удовлетворена ответом. — Скромно прошла я мимо, не понимая, где моя машина. На Диму обернулась, а он руки сложил, прикрывая кожаным портфелем самое дорогое.

— Сегодня я сам подвезу тебя. Мне как раз в твою сторону.

— Я и так опаздываю, Дим...

— Хочешь сказать, что я вожу хуже тебя? — Усмехнулся он, открывая мне двери, помогая сесть.

— На что ты намекаешь? Это Женя на меня наговаривает?

Дима мой вопрос проигнорировал, завёл мотор. И после минутного прогрева выехал со двора. А я не могла молчать.

— Нет, ты скажи, он что-то говорил? Потому что при мне и словом не обмолвился. Ну, Дим!

— Я вырвал ему язык. Естественно, он теперь молчит. — Серьёзно заметил муж, а у меня у самой рот открылся. Но испуг мгновенно прошёл. Дима получил лёгкий тычок в бок.

— Дурак! Я поверила. А как же он тогда со мной по телефону разговаривал?!

— Значит, шутка.

— И шутки дурацкие!

— Всегда к вашим услугам. — Едва заметно поклонился он, явно издеваясь.

— Ты меня к самой работе подвезёшь?

— Да нет проблем. Какой этаж?

— Слава богу, первый. — Выдохнула я в сторону, потому что с Димой сегодня разговаривать было просто невозможно.

А по приезду на место он на меня смотрел с нескрываемой улыбкой.

— Во сколько забирать?

— Не знаю, давай в шесть. Я вот что хотела тебе сказать, — вспомнила я то, что забыла уточнить вчера и состроила сахарный взгляд. — Лиза, моя подруга, мы вместе работаем. Так вот, она в курсе, что мы с тобой, ху-х... поженись, — самой смешно стало от такого известия, — и предложила нам это дело обмозговать за бокалом чего-нибудь расслабляющего. Мы идём в выходные. Наверно, в субботу, так, чтобы наверняка.

— Наверняка что? — Напрягся законный супруг.

— Расслабиться. — Пискнула я, понимая, что эта идея вдохновляет только нас с Лизкой.

— Ну, раз ты замужняя дама, может, имеет смысл прийти с мужем?

— Лиза тоже одна будет.

— Значит, пусть идёт не одна. Несмотря на приличный семейный стаж, я, знаешь ли, не посмотрелся на свою жену.

— Ага, ненаглядная я. Дим, Валера, Лизкин молодой человек, лучший друг Антона.

— Ты хочешь сказать, что теперь я не могу вступить в ваш комсомол? — Развернулся он полубоком, принимая угрожающую позу. — И что мне? Всю жизнь ждать, пока ты нагуляешься?

— Нет, но в этом конкретном случае мы с Лизой пойдём вдвоём. — Заключила я и из машины вышла. Дима вышел следом, догнал меня на ступеньках и к себе притянул.

— Я не закончил.

— Я закончила... — Насупилась я и пыталась отвернуться в сторону. На самом деле, чтобы не рассмеяться. Глупая ситуация, не думала, что в такой окажусь.

— Давай мы просто не будем сейчас ничего решать, а вечером обсудим дома.

— А что здесь обсуждать, я иду!

— Я сказал, дома обсудим. — Процедил он и меня за плечо к себе притянул. — Галя, я же обещал, что в любом случае смогу аргументировать свой отказ.

— Нет, ну, ты меня этим просто ошастливил! — Вскинула я руки, и отбиваясь, и отмахиваясь одновременно.

— Ой, первая ссора это так романтично! — Вклинилась в наш разговор проходящая мимо Лиза и мы с Димой посмотрели на неё с одинаковым раздражением.

— Я — Лиза. — Протянула она ладошку.

— Дмитрий Алексеевич. — Кивнул муж и дружеский жест проигнорировал.

— А я вас себе таким и представляла. — Не утихала она.

— Детка, представлять себе таких взрослых дядей не нужно. От этого, говорят, морщины появляются.

— Какой же вы грубый. Мы с Галей, между прочим, ровесницы.

— Сочувствую вашим родителям. — Кивнул он и на шаг отступил. — Всё, я уехал. По этому вопросу поговорим дома.

Как отъезжала машина мы с Лизкой газетку не стали, тем более что обе опаздывали. Но как только заняли рабочие места и загрузили компьютеры, она не выдержала.

— Что? Всю ночь, небось, кувыркались? Выглядишь не выспавшейся. — Ожидаемо сострила она, а я как раз припомнила сплетниц, упомянутых в недавнем разговоре.

— Не поверишь, спали как убитые после сытного ужина.

— Признавайся, подруга. Такой темпераментный мужчина... Наверняка и в постели жеребец!

— Ага, ржёт и бьёт копытом. — Улыбнулась я, набирая неизменный пароль.

— Да я серьёзно, как он?

— А если серьёзно, то нашу первую ночь я не мог забыть до сих пор, потому что даже она была лучшей в моей жизни.

— Даже так...

— Да. И давай закроем тему моей личной жизни. Как там Антон, кстати?..

И разговор пошёл в нужном направлении. Поговорить об Антоше Лизка всегда была не прочь, уж, не знаю, почему. Эта тема её расслабляла и забавляла. Валеру она упоминала неохотно и с явной ленцой, раньше мне казалось, что делает так для того, чтобы её не обсуждали, сейчас же, что думать, не знаю, но готова на всё, только бы меня с Димой не полоскали.

К разговору «по душам» дома, я готовилась долго и тщательно, собирала факты, формулировала излюбленные Димой аргументы. А всё оказалось до банальности просто: его слово должно быть последним. Конечно же, он мне идти разрешил. Но это ведь он разрешил, а не я настояла. А это, знаете ли, большая и существенная разница! В общем, одни расстройства. В настолько печальные жизненные моменты так и тянет написать пару-тройку рифмованных строк, и не успела я войти в образ, улыбнуться первой удачной рифме, как в комнату постучали и, без ожидания приглашения, вошёл Дима.

— Чёрт! — Вырвалось из меня вместо лирики о любви.

На скорую руку я захлопнула крышку ноутбука и, поймав неприятный взгляд мужа, даже

флешку из него выдернула, зажав её в кулаке. Перевела дыхание и только после этого тряханула головой в полной готовности принять удар. На Диму посмотрела, а нападать он и не собирался, так и стоит в дверях, открыв рот. И только поза, со скрещенными на груди руками, говорит о том, что без объяснений он отсюда не уйдёт. Пытаясь так же (позой) выразить свой протест, я спустила ноги с кровати, чтобы иметь опору, кулак с зажатой в нём картой памяти благоразумно отвела за спину, заодно выбирая более удобный упор, и максимально вздёрнула подбородок.

— Сейчас голова оторвётся. — Насмешливо, но, тем не менее, не сбавляя угрозы в голосе, проговорил Дима и ногой дверь прихлопнул. Теперь подпирал стену возле неё. — Я буду долго ждать? — Улыбнулся он, стараясь этой улыбкой ужалить. Я растянула губы, но улыбкой это считать было нельзя. Даже сама не почувствовала в этом позитива.

— Мне нечего тебе сказать. Ты неожиданно вошёл и...

— Ты так дёрнулась, словно я первым делом должен был совершить пробежку с целью разузнать твои секреты.

— Да какие секреты... — Попыталась, было, возмутиться, а Дима уже глаза выкатил.

— Вот об этом ты мне сейчас и расскажешь. Только предупреждаю сразу: я физически сильнее, и любые силовые методы с твоей стороны не прокатят. Предлагаю просто вставить флешку в компьютер и вместе посмотреть.

— Не буду! — Отвернулась я с вызовом. Дима на это не обратил ни малейшего внимания, прошёл от двери до кровати и аккуратно приземлился на её край, не пытаясь спугнуть меня.

— Галь, я прекрасно понимаю, что едва ли там пункты плана твоего коварного заговора против меня, поэтому и спрашиваю по-хорошему. В противном случае, вывернуть тебе руку не составит труда. И тогда, поверь, пальцы автоматически разжимаются. Но мы ведь оба понимаем, что делать я этого не буду, так?

— Не будешь... А зачем тогда угрожать?

— Ни в коем случае не угрожаю. — Улыбнулся он. Гораздо мягче, я уже ощущала солоноватый вкус победы. — Всего лишь рассказываю варианты, как может быть, если между нами не будет доверия. Я верю тебе безгранично. — Я упрямо промолчала, хотя его слова были приятны, правда, не подкреплялись действием: он по-прежнему настаивал на полной капитуляции. Пусть и не словами, так взглядом. — И я даже могу предположить, что там что-то вроде твоего дневника или чего-то личного. Не достаточно близко тебя знаю, поэтому не скажу более определённо. Покажешь? — Уточнил вкрадчиво, а меня аж передёрнуло от одной этой мысли.

— Сам же сказал, что личное. С какой стати мне этим хвастаться перед каждым? — На последнем слове прикусила губу, но оно всё равно вылетело. — Ты же не обиделся? Я не это имела в виду. Просто не привыкла к тебе, да и сам ты всё время повторяешь, что это сложно. Вот и вырвалось, но я не хотела обидеть, правда.

— Можешь не тараторить, я так и подумал. Однако всё так же жду.

— Дима, я не буду показывать. Как хочешь понимай!

— Что же, сказано достаточно твёрдо, чтобы я отступил, но извини, я лев и отступать не привык.

— В каком смысле?

— По гороскопу. — Еле сдерживая смех, уточнил Дима. Я надулась.

— Вот что, дорогой мой лев...

— Можно просто любимый.

— Да, да, конечно, любимый. Любимый лев. Но я не собираюсь...

— Ты хорошо подумай. — Он уже улёгся, опираясь на кровать локтем, ко мне стал значительно ближе, но отсесть показалось трусостью, даже наоборот, выпятила вперёд грудь.

— Я хорошо подумала.

— Галя, я не люблю тайны.

— А их никто и не создаёт. Ты просто мешаешь мне работать, а я этого не люблю. И недоделанную работу показывать не люблю, и когда кто-то над душой стоит, тоже. Я понимаю твою скептическую улыбочку, но делать из текстовой портянки интересную историю это дорогого стоит. Я творческий человек и не потерплю ущемлений!

— Красивая речь. Но абсолютно бесполезная. Галь, — Дима провёл ладонью по моему бедру, пытаясь внушить, что не несёт никакой угрозы на интеллектуальную собственность, — я знаю, что ты натура творческая, и понимаю, каково это, когда тебе мешают, но мне интересно.

— Дима, нет.

Один рывок, бросок. И никакой он не лев. Змея он! Самая настоящая. Отобрал флешку и глазом не моргнул, тут же выпрямился, гипнотизируя взглядом, а я сначала растерялась, потом поняла, что произошло, и обиделась. Принципиально унижаться не стала, упрасывая вернуть то, что ему не принадлежит, хотя душа и разрывалась на две части. Я сдержала первый судорожный вздох, второй получился рваным, но довольно чётким, нос мгновенно заложило, но слёзы всё ещё держались, наверно, надеясь на лучший исход. Всё, на что меня хватило, так это на угрозу.

— Если ты... — Палец, которым я указывала на Диму задрожал и пришлось его убрать. — Если ты откроешь её... я не прощу. Считаю, что у тебя больше нет жены.

— И не рискнул бы без твоего ведома. — Пожал он плечами и перед моим носом на раскрытой ладони оказалась маленькая карта памяти в виде булавки. — Просто наглядно продемонстрировал, как просто я могу взять то, что захочу. Но мне будет интересно только если ты откроешь её. Бери. — Подсунул ладонь ближе и я, ещё секунду поломавшись, быстрым захватом вернула драгоценную вещь. Снова сжала в кулаке, но при этом чувствовала себя душой-душой.

— Извини...

— Ничего.

Я отвернулась, а Дима приобнял меня за плечи.

— Мне просто интересно. Может, я могу чем-то помочь...

— Да. Сделать пару дырок.

— Каких дырок? — Не понял он, а я развернулась раздражённая.

— От пулемётной очереди, Дим.

— А-а...

— Ну, чем ты можешь в моей работе помочь?! — Попыталась я возразить на его многозначительное «а-а», а он пожал плечами.

— Наверно, мне было бы полезно узнать тебя с другой стороны...

— Это просто работа. — Стояла я на своём, а вот Дима не верил. И даже не пытался этого скрыть.

— Тогда я вообще проблемы не вижу.

Не знаю, отчего больше: от раздражения или, может, от желания показать ему первому то, что ещё никто не видел, но я бросила флешку к компьютеру, словно ненужную вещь. Слово мне и не важно, посмотрит он или нет, оценит, или засмеёт. Дима не притронулся, так и висел на моих плечах.

— Мне будет приятно, если ты сама покажешь то, что можно посмотреть.

— Вот ещё!

— Стесняешься? — Ударил по больному и я закусила губу. Попыталась сбросить его с плеч. Дима засмеялся.

— Ну, думаю, если ты всё же уступила, то...

Якобы нехотя, он потянулся и прилёг, повернувшись лицом к компьютеру. Послышался звук обнаруженного устройства, Димино ворчание по поводу допотопности техники я не заметила, не до того было. А вот после его тихого «гхм-гхм», насторожилась.

— Галь?.. — Потянул он

— Что? — Всё так же, не оборачиваясь, да ещё и крепко зажмурил глаза, процедила я, на самом деле уже хотела услышать вердикт.

— Это нормально, что на флешке ничего нет.

— Что значит ничего?! — Сориентировалась я быстро, даже слишком, и уже через мгновение лежала рядом, пытаюсь понять, что он имеет в виду. Для полнейшей демонстрации недовольства несколько раз цокнула, подёргала флешку, даже перезагрузила компьютер, хотя нехорошее предчувствие уже громко топало, подступаясь к сознанию.

Когда даже после повторения манипуляции моя роднёнькая флешечка так ничего и не показала, я сорвалась.

— Что ты с ней сделал?.. — Развела руками, не глядя на Диму, но думаю, он понял, к кому обращалась. — Что ты с ней сделал?! Это ты, ты виноват! Зачем полез ко мне, зачем?! Личное пространство, личное пространство! Да что ты вообще в этом понимаешь?! Так и норовишь прикопаться поглубже, чтобы потом ударить посильнее. Ненавижу!

При этом не забывала молотить его раскрытой ладонью по спине, и шипеть как змея, из которой яд цедят. Дима мужественно молчал.

— Галь, нельзя вот так выдёргивать средства памяти, такое неожиданное прерывание работы вполне может вызвать потерю данных. Думаю, ты должна знать.

— Я тебе вообще ничего не должна! — Хлюпала я носом. — Я просила тебя, не лезть! А ты всё равно, как танк, как бульдозер! Нельзя сделать человека счастливым насильно. Нельзя! Что ты молчишь? Ну, вот, что ты молчишь?! Тебе ведь даже не стыдно!

— Если там было что-то настолько ценное, — начал он, а я уже знала, к чему ведёт, поэтому сквозь порывающиеся всхлипы, выкрикнула.

— А я не могу каждую минуту копировать информацию. Не могу! Там месяц работы не сохранённой. Знаешь, что такое месяц? Да это полжизни!

— Вообще, никакие данные не исчезают бесследно. — Задумчиво произнёс он и попытался передвинуть компьютер к себе ближе.

— Хватит! И так уже всё испортил...

— Тогда тем более причин не вижу. — Возмущённо пробормотал Дима и ноут из моих рук буквально выдернул.

Щёлкал что-то, щёлкал, тоже мне, компьютерный гений! На языке у него крутились явно нехорошие слова, а потом он выругался вслух и на меня посмотрел.

— У тебя интернет не подключен, что ли?

— А кто-то сообщил мне код доступа? — Возмутилась я, на секунду забыв о проблеме.

— Чего сразу не сказать?

Дима подскочил с постели, не забыв и про мою флешку, и поскакал вниз. Я следом, бубня.

— А ты не говорил, что там хочешь увидеть. У меня, между прочим, даже номера твоего телефона нет, и адрес нашего дома я не знаю. Спросит кто, где живёшь, даже не смогу направление на трассе указать. — Зудела я, пока мы к кабинету шли.

— Галя, для того, чтобы это узнать, достаточно спросить.

— А сам сказать и не догадался!

— Я не могу держать в голове всё. И вообще, думаю о том, как бы мне тебя не доводить, а ты о каком-то номере. Можно подумать... — На этом он резко остановился, на меня посмотрел, не скрывая смеха в глазах. — Кстати, номер своего телефона я вбил в память твоего в первый же день.

— Да-а?! И под каким же именем?

— Любимый муж! — Язвительно, в тон мне, ответил Дима и уселся в своё кресло. Я оставаться в стороне не собиралась, поэтому повисла над столом, так как ни другого стула, ни, на худой конец, своего колена, Дима не предложил.

В поисковике он вбил вопрос насущный об утраченных файлах с флешки, на что получил кучу ответов и, самое главное, подтверждение: информация бесследно не исчезает. Скачал пару программ, просканировал с их помощью карту памяти, поисковик при этом выдал какую-то ерунду. В её числе несколько файлов, восстановить которые не представляется возможным, несколько удалённых мною лично фотографий, удалены они были, кстати, года два назад и на этом всё.

— Как всё?!

— А вот так. Нет больше ничего.

— Но такого же не может быть!

— Значит, будем искать дальше. — Вроде и обнадёжил Дима, а я не могу сказать, что это меня как-то взбодрило. Да, такая смутная, весьма туманная надежда и зародилась, но слишком, слишком глубоко.

— Не буду я голову ломать...

Вдруг заикнулся он и я вскипела.

— Что значит, не будешь? Сломал — исправляй! Я не выпущу тебя из кабинета, пока не получу всё обратно. Понял?

— Галь, мы можем с тобой всю ночь потратить и ничего не придумать. Вариантов несколько, а программ, так и вовсе великое множество, но будет лучше, если за дело возьмётся профессионал.

— Да откуда он может взяться? Или, может, у тебя есть лампа Аладдина?

— Ирония не уместна. — Скривился он. — А если говорить о профессионалах, то у меня работает целый штат программистов. Реанимировать флешку не составит им много труда. Завтра утром я займусь этим.

— Я не усну, пока не увижу, что всё в порядке. — Упёрлась я ладонью между его рукой, которая уже тянулась захлопнуть крышку компьютера, и непосредственно компьютером. — И могу обещать, что ты тоже не уснёшь!

— Да? Предлагаешь что-то более интересное?

— Пытку на раскалённых углях!

На это Дима не рассмеялся, только едва заметно улыбнулся. Обнял меня обеими ладонями за выпирающие тазовые косточки, немного отстранил и прижался к животу лицом.

— Галь, завтра всё будет на месте, я тебе обещаю.

— Сейчас!

— Люди спят...

— Сейчас!

— Оно никуда не денется...

— Сейчас!

— Господи, надеюсь, в постели моя жена будет так же настойчива! — Выкрикнул Дима, хлопая ладонью по столу, и схватился за телефонную трубку. — Привет, занят? Надеюсь не настолько?.. — Пошловато рассмеялся. — По делу звоню.

Я повела глазами: ну, прям разговор двух интеллигентов в шестом поколении. На самом деле, моё сердце трепыхалось из последних сил: свыкнуться с тем, что всё утрачено бесследно, всё ещё не могла и, только услышав заветное: «буду через полчаса», задохнулась от восторга.

— Он согласился?

— У него просто не было вариантов, я пообещал премию равную месячному окладу. — Похвастался Дима, а я скривилась.

— Может, ты ещё и налоги за него оплатишь?

Дима промолчал. На выходе осмотрел меня и скептически скривился.

— Ты поедешь в таком виде?

— Дорогой, — я плотоядно улыбнулась, придерживая мужа за локоть, — с твоими часами от Картье, нас везде пропустят, даже в случае, если я буду голая.

— Ну, как скажешь.

Уже на улице, когда мы шагали к машине, а точнее, шагал Дима, я же, виляла бёдрами сзади, настраивая себя на какой-то игривый лад, ощущая непонятную лёгкость. Наверно, так на меня производят впечатление настоящие мужские поступки, когда те взваливают на себя проблемы своих любимых женщин. Так вот, только на улице я заметила некоторое несоответствие в наших образах: Дима — в костюме, пусть и без пиджака и в начищенных ботинках и я — в мягком плюше, потому что вдруг замёрзла, и в вельветовых балетках. Хорошо хоть от заячьих ушей на капюшоне отказалась при покупке.

А поехали мы не в злачное подземелье, как я ожидала, а в самый центр города, остановились у стеклянной высотки прошлого года выпуска, наверно, самый крутой дом, который был в нашем городе с того времени. Проехали на ограждённую охранным пунктом и высоким забором территорию, из окна можно было полюбоваться на идеально ровную газонную траву, которая в свете миниатюрных фонарей выглядела ещё лучше, чем днём. Остановились у центрального входа, не боясь помешать подъехать другим, и вошли. Охранник кивнул на Димино сообщение о том, что мы в двенадцатую и указал в сторону лифта. Правда, Дима и без того ориентировался. Видно, здесь уже бывал. В лифте я не сдержалась и, прищулив глаза, уличила благоверного:

— Твои программисты грабят банки?

— Если только в свободное от работы время.

Больше вопросов задавать не хотелось, так как увидела своё отражение: немного растрёпанная, с несвежим макияжем, хотя откуда ему быть свежим в двенадцатом часу

ночи? В общем, неважно я выглядела, и проще было об этом забыть, чем пытаться исправить.

Мы вышли в просторный холл, нужную квартиру можно было заметить уже от лифта, поэтому мне удалось рвануть туда первой.

Тут же нажала на кнопку домофона, подтянула к себе Диму, подставляя его физиономию в камеру, только классического «кто там?», не дождалась: дверь гостеприимно распахнулась, а из-за неё показался красивый во всех отношениях мужчина. Наверно, не помни я, по какой причине мы приехали, засмотрелась бы, но тут сдержалась. Мужчина тоже не растерялся: нахально осмотрел меня, разглядывая явно не плюш и не балетки, оценивающе кивнул. Что-то вроде «зачётная тёлка», если бы ситуация позволяла, но Дима стоял сзади и контролировал эту самую ситуацию.

— Проходите, гости дорогие. — Расстелился он в шутовском поклоне и пропустил нас внутрь.

— Галя, моя жена. — Осведомил Дима, когда я замялась, решая, разуваться или всё же запачкать белоснежный глянецовый пол.

— Олег.

Тут же представился хозяин квартиры, даже руку собирался протянуть, но Дима решительно не допустил таких вольностей, видимо, знал, почему. Олег понимающе ухмыльнулся, очередной раз бросая на меня быстрый взгляд, и уже поплёлся в комнату, приглашая следовать за ним. А мне оставалось только вовремя прикрывать рот, глаза на шикарную обстановку вокруг и сам масштаб постройки. Квартира была просто огромной и, казалось, что одна занимает весь этаж. Олег уже принялся за работу, Дима свободно расселся в кресле, про меня они оба на время забыли, и можно было немного освоиться.

На второй взгляд Олег уже не казался таким неземным созданием, да, действительно красивый, ухоженный, но, приглядевшись получше, я могла точно заявить, что он по возрасту едва ли уступает моему Диме. Тут, скорее, общий ареол его образа. Дружелюбный, душа любой компании, бесконечно молодой в душе и с бьющей ключом энергией, он создавал образ беззаботного шалопа. Задорно щёлкал по клавишам, даже не хмурился, словно каждый день подобные загадки разгадывает. Его внезапная улыбка меня взволновала.

— Олег, а Дима предупредил вас, что если информацию всё же удастся восстановить, то её не нужно читать и копировать?

— Ну, во-первых, что значит, ЕСЛИ удастся? — Он посмотрел на меня поверх компьютера и попытался выглядеть обиженным, но улыбнулся и трагедия не удалась. — А во-вторых... детка, неужели ты думаешь, что мне больше заняться нечем в полдвенадцатого ночи, как твои личные архивы потрошить? Да у меня жена в спальне одна скучает и, представь себе, шампанское, разлитое по бокалам, ни фи́га не охлаждается! — Отметил с особой скорбью и покачал головой, пытаясь пристыдить меня за мнительность.

— Что за файлы?

— В основном текстовые. Я редактором работаю в издательстве. — Пояснила на всякий случай, чтобы избежать лишних вопросов. — Есть несколько фотографий, пару мелодий, возможно, сохранился фильм, но меня интересуют только документы.

— Да нет проблем. — Отмахнулся Олег, компьютер загудел громче обычного, а уже через секунду он изъясил мою флешку и ещё одну, ту, которую вставлял заранее. — Держи, куколка. И больше не теряй. — Я разинула рот, не понимая, что это значит, минуты две прошло от силы. — Иначе в следующий раз так дешёво не отделаетесь.

— Ну и аппетиты у тебя. — Хмыкнул Дима, напоминая о своём присутствии, а Олег тут же скривился, косясь в его сторону.

— А я не с тобой разговариваю. Уверен, в следующий раз мы с Галочкой найдём общий язык. — Он подмигнул и сам подошёл ко мне, отдавая заработанное непосильным трудом.

— В таком случае, язык тебе больше не понадобится.

— Брось. Бог сказал делиться.

Я уже вертела в руках две карты памяти и не особо вслушивалась, но действительно улыбалась их мальчишеским перепалкам.

— Вот я и поделю. Кончик мне, корень — тебе. — Легко согласился Дима и с кресла встал.

— А почему их две?

— А это тебе, Зайка, бонус, чтобы не терялась. Номер моего телефона указан внизу. — Проговорил в сторону, прикрываясь от Димы ладонью.

— Я всё слышу.

— Да пошёл ты!

— Олежа, ну, что ты так долго?..

Из комнаты показалась дева неземной красоты. Да, я, откровенно говоря, засмотрелась, скорее, понимая, как выгляжу на её фоне. Не столько там красоты, сколько любви и заботы о себе, но результат заслуживает потраченных трудов. Олег улыбнулся, словно Чеширский кот, Дима улыбку спрятал.

— Дмитрий Алексеевич, добрый вечер. — Промурлыкала она, Дима потемнел лицом.

— Добрый вечер и... спокойной ночи.

— Да бросьте, с Олегом так не бывает. Добрый вечер, — кивнула она уже мне, не менее дружелюбно, нужно отметить, а я уж, было, испугалась за честь своего мужа. Кивнула ей в ответ, но уже явно чувствовала себя здесь лишней, и топталась, дожидаясь, пока нас с Димой попросят.

Честно, думала, Олег про жену шутил, но теперь могу сказать с точностью: внешне они друг друга стоят. Хозяин квартиры опомнился первый.

— Разрешите расцеловать вас в обе ручки, дорогая, — двинулся на меня, Дима только хмыкнул, проходя мимо, не знаю, как ещё пинка не дал, пока Олег склонялся. А потом Олег вдруг растерял всю свою лёгкость, тело стало одним сплошным напряжённым жгутом, и он разогнулся, глядя на меня как-то иначе, словно приценивался снова.

— С такими украшениями, к жене нужно охрану приставлять. — Крякнул, проводя пальцем по моему кольцу, которое Дима подарил в день свадьбы, я засмушалась, а у мужа уголки губ странно опустились и он замер в таком же напряжении.

— Брось, Дмитрий Алексеевич всегда был щедрым на подарки дорогим людям. — Вступилась жена Олега, а тот только несколько растерянно кивнул и пошёл открывать дверь.

Мужчины вышли, оставляя нас наедине.

— Меня Алла зовут.

— Очень приятно, Галя.

— А ты и правда, жена Шаха? Законная?

— Да, мы официально расписались, если ты об этом. — Не стала я выкать, к тому же, девушка была не намного меня старше.

— Никогда бы не подумала, что он женится. Все считают Шаха однолюбом.

— Очень на это надеюсь.

Все её намёки были мне неприятны. В них так и сквозил подтекст, говорящий о другой женщине. А когда, выходя из квартиры, я увидела, как Олег что-то Диме доказывал, до слуха долетели обрывки фраз.

— Это то самое? Ты рехнулся?

— Нет. — Твёрдо ответил мой муж на два вопроса сразу и я, дабы не доводить себя до белого каления возможными подозрениями, а Диму до нервного срыва к которому он сейчас был очень близок, хлопнула дверью.

Глава 12

— Надеюсь, она не захлопнулась окончательно?

Олег стряхнул наваждение и попытался улыбнуться, но так же беззаботно как и при встрече, не получилось.

— Не беспокойся. Мне пора. — Вспомнил, уловив Димин взгляд. — Надеюсь, к следующей нашей встрече ты не бросишь этого старого маразматика, хотелось бы пообщаться поближе.

— Не думаю, что такое возможно.

Мы с Димой вошли в лифт, а Олег не переставал кривляться.

— Как? Не может быть! Ты о встрече или о вашем возможно расставании? Хотя не говори, молчи, своим отказом ты разбиваешь мне сердце.

Олег собрал в пригоршню несуществующие слёзы и показательно надулся. Это было последнее, что я увидела, пока дверь лифта не закрылась.

— Он всегда такой? — Погладила Диму по плечу, а он на меня засмотрелся, не сразу понял, что я с ним разговариваю. Улыбнулся, отмахнулся, понимающе кивнул.

— Как к специалисту, к нему вопросов нет, а во всём остальном... пустомеля. Не обращай внимания. На самом деле, от юбки Аллы ни на шаг.

— Не удивительно. Наверно, от такой никто бы не отошёл.

— Да брось. Они ещё в студенчестве познакомились. В одной общаге, только в разных блоках похлёбку варили. Это сейчас она королева, а тогда... обычная провинциальная девушка.

— Ты так давно их знаешь? Х-м, надо же, а я подумала, что мы с ней ровесницы...

— Глупости. Просто ты, как и остальные, спасовала перед внешним лоском. Она хорошая жена и хорошая женщина. Думаю, при следующей встрече ты это поймёшь.

— А она будет?

— Что? Встреча?

Я кивнула. Мы уже выходили из лифта, и я не поленилась зацепиться за Димин локоть, пристраиваясь рядом. Он это заметил, но комментировать не стал.

— Встреча. — Кивнула, предварительно подумав.

— Конечно. Мы давно вместе работаем. Праздники вместе встречаем. Несколько раз в год корпоративные вечеринки. Ты ещё устанешь от их общества.

Дима пропустил меня в дверях вперёд, а я не поняла его слов и остановилась, раскрыв рот.

— Что значит корпоративные вечеринки? В каком смысле?

— В самом прямом.

Дима выдохнул, открыл мне дверь, но я опешила, и садиться не собиралась.

— Пояснишь?

— В машине.

Я набрала в грудь побольше воздуха, но Дима перебил.

— Знаю, ты хочешь сказать «сейчас». Всё и так будет сейчас, только наедине и в машине, а не на обозрении. И в этом со мной спорить не нужно! — Прорычал под конец, и я

села. Дверь авто практически бесшумно захлопнулась.

Дима тут же завёл мотор и от дома отъехал, я молчала, он крутил руль. А потом остановился на ближайшей аллее, припарковавшись к бордюру, и у него руки опустились. Я смотрела на это с волнением и сильно сжимала кулаки, чувствуя, что услышу что-то неприятное. И не было важно, что там флешки, которые я могу снова испортить.

— Давно нужно было тебе сказать, да всё не получалось как-то.

— Да ладно, сколько мы вместе... — Попыталась оправдать его, но Дима невесело улыбнулся.

— Долго малыш, очень долго. Помнишь наш разговор в машине? Перед ЗАГСом в день свадьбы?

— Который...

— Когда мы говорили о вечных ценностях, Галь. — Моё сердце сжалось, а Дима прочувствовал это. Только не дотронулся. — Я тогда говорил, как тяжело терять близких людей. Честно, не сразу сообразил, о чём ты подумала, а когда понял, то не стал оправдываться. Точнее, я попытался, но ты меня уже не слышала, да это было и к лучшему...

— Дим... — Я дотронулась до его ладони, она была как всегда горячая, только напряжённая, как и он сам. Дима её не разжал, не позволяя мне взяться крепче, но и я не отступила, продолжая поглаживать мягкую смуглую кожу.

— Ты решила, что я тебе угрожал. — Тихо, но слишком проникновенно произнёс он, и взгляд на меня поднял, правда, я ответить не смогла, потому что тоже помнила всё как вчера. Он это понял, выпустил воздух сквозь зубы, задирая голову вверх. — Только я говорил не о твоих потерях, а о своих. Не хотел тебя терять. Просто не мог поступить иначе. Ты молодая была, импульсивная, могла всё, что угодно выкинуть, и я просто хотел объяснить, а ты не поняла...

— Ты не угрожал?

— И в мыслях не было. — Фыркнул, выбрасывая из груди поток воздуха. — И я не бандит, и не убийца, и не тот, кем ты ещё могла меня представить.

— А кто? — Последовал наивный, но закономерный вопрос.

Дима неловко пожал плечами, вглядываясь в какую-то незначительную мелочь моего костюма.

— У меня своё дело. Владею крупной ювелирной кампанией. Вообще, я дизайнер, — засуетился он, выдавая истинные эмоции, и я уловила что-то непривычно детское и наивное в его взгляде, когда он сказал об этом. Словно это для него важно. — Дизайнер ювелирных изделий. Работаю с металлом и камнями. — Слова неожиданно закончились и я почему-то улыбнулась.

— Надо же...

— Знаю, тебе не верится...

— Почему же. — Наверно, всё ещё прибывая в шоке, принялась оправдываться я. — Это, знаешь ли, куда более реалистично, если судить по твоим сегодняшним поступкам. Я имею в виду не конкретно сегодняшний день, а это время, в целом. Вот, пока мы вместе. Только... твои угрозы... Я сейчас не про то, что было тогда, я сейчас про Антона... всё это было вполне реально...

— А насчёт Антона я и не шутил. — Серьёзно сказал Дима, чем немного охладил мой пыл и романтический налёт в ситуации. — И я не привык отказываться от своих намерений. Ты моя жена и это не обсуждается.

— А я и не обсуждаю... Дима, а все те люди... — Припомнила несколько машин сопровождения при встрече с парнем.

— ЧОП. Наёмный персонал.

— Да. Понятно. Что же... — Надо признать, я растерялась. — Поздно уже... Наверно поехали домой?

Повернулась, села прямо, Дима позы не изменил, продолжал смотреть на меня.

— Алексей говорил, что у тебя было много женщин. — Констатировала я, понимая, что он чувствовал подтекст в моих словах, жестах, в том, что я не всё выяснила, оттого и не спешил соглашаться с заманчивым предложением.

— Я про тот ваш разговор. Когда он кричал на тебя, не понимая, зачем ты снова со мной связался. Это... это правда? Про женщин?

— И давно ты об этом думаешь?

— Да, наверно с того момента, как услышала. Странно это. Если у тебя есть всё, чего ты хочешь... Зачем тебе я? Не в том смысле, что там... для коллекции, у нас уже всё было и... — Я принялась активно жестикулировать, стараясь этой суетой заглушить отсутствие сформулированной мысли, пока не сдалась и просто не уронила голову в ладони. — Просто я не хочу так... быть очередной. Чтобы знать, что ты с другими, а я рядом потому, что так положено. Чтобы было официальное лицо, которое все признают.

— Посмотри на меня, Галь. Можешь не притрагиваться, просто посмотри.

Дима практически шептал, но мне наверно не хватало той его уверенности, поэтому я смогла только повернуть лицо, не в силах сесть ровно и выслушать. Ему хватило. Глаза сверкнули в темноте, рука дрогнула и поднялась, прижимаясь к области сердца.

— Когда здесь пусто, — ладонь в один миг стала мощным кулаком, пробивающим это сердце, — ты начинаешь замерзать. И пытаешься согреться, бросаешься на тепло, которое тебе хотят подарить другие. Попросту начинаешь беситься, в надежде согреться, но становится только хуже. Ты сказала много женщин... — Усмехнулся. — Наверно, это не обо мне. Я не помню, сколько их было. Каждый раз новая. Были женщины, желающие соблазнить, проститутки, отрабатывающие свою цену, были и такие, которые, так же, как и я, искали своё тепло. Женщин в таких случаях называю шлюхами, мужиков кобелями... Неважно! В надежде получить то, что не получил в прошлый раз, я бросался из крайности в крайность но каждый раз оставался ни с чем.

— А как же та, которая приезжала в твой дом? Она ведь не была случайной. Она имела на тебя права, хотела предъявить их.

— Да, с ней я встречался несколько раз. — Он резко замотал головой и стал растирать лицо ладонями, сопровождая всё это рыком. — Она не была похожа на тебя, никто из них не походил на тебя даже внешне, потому что я бесился, осознавая, что это не ты. Что ты сейчас где угодно, но не со мной.

— Тогда почему не я? — Задала вопрос, который просто обжигал кончик языка.

— Я не хотел идти к тебе... — Прошептал он, а с губ не слова слетали — боль и яд. Зажмурился, сцепил зубы, сжал кулаки. — Не хотел прикасаться, привыкать, понимать, что всё может быть иначе. — Глаза он открыл, в один миг расслабился, словно вся жизненная сила из тела вылетела, провёл языком по нижней губе изнутри. — Я не хотел узнавать о тебе, знать, слышать, но мысли просто таранили мозг, взрывали его изнутри. Я с ума сходил в этой бессмысленной борьбе с собой. — Дима откинул голову на подголовник кресла, хотел дотронуться до моей ладони, но опомнился и руку одёрнул, словно мог обжечься. — Я

сказал тогда Кислому, что только посмотрю, что убедиться хочу в том, что ты счастлива. Что тебе хорошо. Без меня. Без моего присутствия в твоей жизни. Знал, где вы столик забронировали и просто ждал. Чуть не сдох, когда увидел тебя, Галь. — Дима зло улыбнулся, пытаясь улыбкой этой боль скрыть. — Кислый в тот момент пистолет с предохранителя снял, сказал, пристрелит, если дёрнусь. Тварь. — Прорычал, тихо, но страшно и угрожающе, ударяя кулаком по рулю. — Только он знал, что я чувствую, что внутри происходит. Стопку за стопкой мне заказывал, зная, что так я не посмею. Просто не посмею подойти в таком виде! — Выкрикнул на середине фразы, успокаиваясь к её окончанию.

— Я не заметила, что ты был пьяный.

— А знаешь, — засмеялся Дима, — я тоже. Тоже не заметил. Весь алкоголь тут же выветривался, оставляя до мерзости трезвый ум, сознание, понимание того, где ты и где я.

— И ведь не подошёл...

— Кислый хорошо меня знает, а я хорошо знаю его. Он бы пол бочки мне снёс, не задумываясь, и всё, что оставалось, так это молиться, чтобы ты подошла сама. И, мать твою, ты подошла! Подошла, Галь! Ты сама!

— Мне казалось, что иначе ты подойдёшь ко мне.

— Испугалась?

— Не знаю. Наверно. Я просто не была готова знать, что ты рядом.

— Даже не представляешь, какая эйфория разрасталась внутри, когда я смотрел на твою неуверенную походку, когда ты готова была развернуться и убежать в ту же секунду, понимая, куда идёшь, только бы избежать этой встречи. Но в момент, когда стала напротив, я понял, что больше не смогу отказаться от тебя. Не смогу снова! Ты нужна мне. Как вода, как воздух. Жизнь приобретает смысл, когда ты рядом. Наверно, только в эти дни за последние два года я реально могу дышать. Спать. Есть, пить и при этом чувствовать вкус. И, знаешь, могу сказать наверняка, что, посмей кто прикоснуться к тебе, удавлю и глазом не моргну, Галь, настолько всё остро. Насколько по-живому.

— Ты сошёл с ума. — Прошептала, а он почему-то улыбнулся, посмотрел в мою сторону, пытаясь отыскать глаза, сразу не получилось и пришлось убрать прядь волос, которая скатилась по плечам, закрывая моё лицо.

— Наверно, это самое прекрасное чувство, которое я когда-либо испытывал в жизни. А рядом с тобой, пусть и сумасшествие. Главное, чтобы у него был цвет... и твой запах.

Он смотрел на меня, а я не понимала, что из его слов правда, а что вымысел. Он не был сумасшедшим, скорее, просто запутался, сомневаясь в себе, в своих силах. А у меня всё так же оставался вопрос «Почему?!».

— Ты не обидишься, если вместо встречного признания я попрошусь спать? — Прошептала, боясь своими приземлёнными потребностями уничтожить созданную вокруг себя атмосферу. Не скажу, что стала больше понимать Диму и его поступки, но теперь была спокойна. Просто спокойна, зная, что всё это не просто так. — Хочу домой. — Пояснила, понимая, что Дима растерялся от моих слов. — К нам домой. В свою комнату. В свою постель. — Стала чередой выпускать ключевые фразы, но Дима не реагировал, только потом, когда я подняла голову, выпрямилась и дотронулась до его лица ладонью. — Дим, не пугай меня...

— Господи, я думал, ты пошлешь меня ко всем чертям с этим бредом. — Закатил он глаза, не зная, что делать, рассмеяться или расплакаться, а я, с чувством выполненного достоинства, задрала нос.

— Вот ещё! Можно подумать, мне каждый день мужчины в любви признаются!

— Ах, только поэтому?! — Всё же улыбнулся он, проворачивая ключ замка зажигания.

— Не только. Но большего я тебе не скажу.

— Я люблю тебя, малыш. — Спокойно и, казалось бы, безэмоционально, на лету, произнёс он, но теперь я знала, что для Димы значит эта простая фраза из трёх слов.

Ехали мы молча и усиленно раздумывая над произошедшим. Я над тем, что мой муж, оказывается, не бандит. Он сказал, что дизайнер. Дима и дизайнер. Да это больше на бред похоже, чем на правду. Для меня эта каста людей была отдельной от мира сего. Люди утончённые, с непереносимостью пошлости во вкусах, со своим чётким взглядом на мир. Изящные и совершенные в своём умении делать этот мир прекраснее. И тут Дима. Глыба. Или, наоборот, ледокол. С разрисованным телом и, судя по всему, с истерзанной душой. Он всё говорил о каких-то сложностях, трудностях. Странно, что ещё не добавлял через слово «когда-нибудь ты меня поймёшь...». А я бы и рада понять, но не могу сориентироваться, в каком мире мы находимся, что никак не получается состыковаться.

Дом за окном обрадовал, в тёплой и уютной постели думается намного лучше, да и уснуть всегда можно, чтобы сделать хоть какую-нибудь попытку расслабиться. Только неловко как-то получалось: он тут передо мной душу наизнанку, а я в свою комнату и дверь на замок... Наверно, нужно было что-то сказать, объяснить, но вот уже виднелась последняя ступенька, а нужные слова никак не находились.

— Дим? — Окликнула я, а он повернулся с понимающей улыбкой. Той самой, которая меня так удивляет и убеждает в том, что муж знает всё лучше меня самой.

— Не нужно насиловать мозг, Галь. Я вижу, что ты думаешь над тем, что я сказал, а это, поверь, гораздо больше, чем могут дать любые слова.

— Спасибо.

Он вскинул руки, шумно хлопая себя по бокам, когда они опустились. И так захотелось обнять его. Именно сейчас. Именно в момент вот этой слабости, на смену которой уже через секунду придёт его решительность и, возможно, жёсткость. Мой нерешительный выпад вперёд, казалось, рассматривался под микроскопом, но когда я приблизилась настолько, что различать его взгляды уже не могла, почувствовала встречные объятия. В отличие от моих — крепкие, надёжные, как и всё, что у меня связано с этим мужчиной.

Думать больше не хотелось, поэтому я только проверила, всё ли в порядке с моими творениями, улыбнулась, увидев необходимое, а уже после этого откинулась на подушку, которая теперь отдавала чем-то родным, уютным. Вдруг подумалось, что так должен пахнуть дом. Место, в котором тебе хорошо.

— Галь, я понимаю, что ты вчера устала, но опаздывать второй день подряд будет занадто. — Услышала я за дверью своей комнаты после короткого предупредительного стука.

Простонала, пытаясь открыть глаза, простонала, когда их уже открыла и поняла, что Штирлиц близок к опозданию, как к самому настоящему провалу.

— Уже встала. — Простонала громче, так, чтобы и Дима услышал.

— Надеюсь, я не от оргазма тебя оторвал. — Тут же прилетел ответ, и запустить подушкой в дверь не казалось такой уж безумной идеей.

Приняв душ, обойдясь макияжем по минимуму, я из комнаты вышла. Дима, как и в прошлый раз, ждал меня у дверей. Пожелал доброго утра, дождался ответа, а потом

невозмутимо спустился на кухню, на которой снова остывала чашечка кофе. Теперь к ней присоединился бутерброд.

— Надеюсь, ты помнишь, что я говорил о завтраках? — Улыбнулся он, пока я этот завтрак и поглощала.

Не особо ударяясь в воспоминания, я головой кивнула, поблагодарила, а уже в прихожей, обуваясь, прикрыла рот, пытаясь заглушить громкое «Ах-х!»

— Ну, теперь я уверен, что вспомнила. Поехали, — подтолкнул муж под попу, — я опаздываю, не хотелось бы нестись сломя голову.

Уже сидя в машине, не желая отвлекать Диму от управления, я всё же вставила свои пять копеек.

— Я не представляю, как так получилось. — Вроде бы и извинилась, а чувствовала себя после этого такой дурой, что продолжать не хотелось. Дима, словно прочёл эти мысли, хмыкнул и неодобрительно головой кивнул.

— Говорят, что если заводить будильник, то вставать по утрам получается куда удачнее. Ты о таком изобретении человечества слышала?

— Я просто никак привыкнуть не могу. Так что о будильнике не думаю совершенно.

На это Дима промолчал, а вот я с интересом посмотрела на него. На гордый профиль, на волосы, которые развеваются от дуновения ветра из приоткрытого окна. В который раз отметила, что мой муж красивый. Интересный, незаурядный, но красивый — это в первую очередь. Я вот всё думала, чем же выделила его из толпы в тот самый первый раз. И пусть он был выше остальных, пусть одет дорого и со вкусом, пусть его взгляд убивал меня наповал, но он был особенный! Может, это и называется любовь с первого взгляда?..

— А, может, мне нравится просыпаться под твой голос? — Казалось, неожиданно для нас двоих выдала я и Дима улыбнулся. Естественно. Не так, когда хочет завести меня в тупик своей улыбкой.

— Я учту, но хотелось бы всё-таки увидеть положенный мне утренний кофе.

— А мне приятно пить кофе, который ты приготовил для меня. — Пропустила я мимо ушей его пожелание.

— Это был кофе, который я приготовил для себя.

— Тогда мне вдвойне приятнее его пить. Дим, а почему ты не используешь кондиционер?

— Для волос?

— Нет, автомобильный, — смутилась я, даже интересно стало, а для волос использует или нет?..

— Потому что это вредно для здоровья. На сегодняшний день погода позволяет от него отказаться. А ты думала из жадности? — Он хитро прищурился, а я снова смутилась. Вот, вроде когда пошлости говорит, не так краснею, как простой разговор на отвлечённую тему. Но эти его многозначительные взгляды...

— А ещё от тебя не пахнет сигаретами. Почему?

— А почему от меня должно пахнуть сигаретами, если я не курю? — Поставил он меня в тупик, уже сворачивал в сторону издательства.

— Не знаю, может, потому что ты куришь? — Подтолкнула я его к правильной версии, Дима засмеялся.

— Нет, не курю.

— Но ты при мне курил!

— Не помню такого. — Продолжал он смеяться, а я любовалась. Наверно, так начинается влюблённость. Только у меня она продолжается. Момент, когда всё в любимом человеке прекрасно. От этих мыслей я покраснела ещё гуще.

— Когда мы из клуба вышли, ты закурил. — Напомнила, чтобы окончательно убедиться в своей правоте. Тогда Дима действительно припомнил и оттого нахмурился.

— Последняя сигарета. Знаешь, так делают, когда бросают. Освобождают пачку, оставляя в ней только одну сигарету на крайний случай. Вот это была моя последняя. Но можешь не беспокоиться, больше не курю.

— А от тебя и раньше не пахло... — Присмотрелась я, как меняется его выражение лица. Дима пожал плечами.

— Я недолго курил пару лет назад. Не пристрастился, но вот идея про последнюю сигарету понравилась. Был в этом какой-то смысл.

— А что ещё я о тебе не знаю?

— О-о, дорогая, проще перечислить то, что ты обо мне знаешь.

— Но ведь ты обо мне знаешь больше. — Вроде как упрекнула я, а Дима притормозил, припарковавшись у центрального входа. Развернулся ко мне всем корпусом, несмотря на мешающийся ремень безопасности.

— Мне приятно тешить себя такой мыслью. Только каждый раз ты убеждаешь в обратном. Так что, думаю, мы в равных условиях. Ты мне — я тебе.

Тут я вспомнила о втором экземпляре моих файлов. Быстро расстегнула сумку, достала из потайного кармашка устройство и протянула Диме на раскрытой ладони.

— Мне будет проще, если ты прочтёшь это без моего присутствия.

— Боишься?

— Чувствую себя уязвлённой. — Пояснила, глядя прямо в глаза.

— Обязательно просмотру. А ты, будь так любезна, освободись пораньше, раз уж у нас вечер откровений, после ужина отведу тебя в мастерскую.

— В нашем доме?!

— В моей комнате. — Улыбнулся Дима моему чрезмерному удивлению и щёлкнул по носу. — А это — продемонстрировал на всякий случай флешку, — ты всё же откроешь мне сама.

Я потянула за ручку, чтобы открыть дверь, когда Дима неожиданно продолжил:

— Я вот о чём хотел поговорить...

— Дима, ты опоздаешь. — Улыбнулась я, а сама уже устраивалась на место. Было приятно, что меня не хотят отпускать, а вот сам он не особо вдохновился своей же идеей разговор продолжить. Посмотрел внимательнее, улыбнулся, выдыхая, прижал мои ладони своими. — Ты только не обижайся, ладно?

— Дим, ты меня пугаешь. — Отшутилась я на подобное предупреждение.

— Я насчёт твоей подруги поговорить хотел.

— Лизы?

— Да.

— Дим...

— Дай мне сказать. — Строго прервал он мой протест. — Она мне не нравится. Только и всего. И... я бы хотел, чтобы ты ограничила с ней общение.

— Ты сошёл с ума. — Фыркнула, не обижаясь на самом деле, просто не люблю обсуждать человека за глаза. Попыталась выйти из машины, но Дима не зря мою ладонь

придерживал. И сейчас удержал, поджал губы, недовольный моим поступком.

— Дима, я не собираюсь запирать себя в четырёх стенах только оттого, что тебе кто-то не нравится. — По мере того, как затягивалось это непонимание, развеивалось и моё терпение. — А что если завтра ты заявишь, что тебе не нравится моя работа? Ты прикажешь пореже выходить в офис и работать на дому? Паранджу мне не одеть, нет?

— Галь...

— Лиза моя единственная подруга, с которой я вместе семь лет. Это время достаточно значит для меня, чтобы принять решение и самой оценить, с кем общаться, а с кем нет.

— Просто это не нормально, когда лучшая, как ты говоришь подруга, смотрит с завистью. — Настойчиво продолжил Дима, а у меня прямо волосы дыбом встали от напряжения.

— Да ты видел её десять секунд! Чему у меня завидовать? Тебе, что ли?

Дима достойно выдержал моё пренебрежение, только зубы сильнее стиснул, отчего желваки на скулах заходили.

— В клубе, когда твой парень сделал предложение, кроме меня в зале был ещё один человек, который остался явно недоволен.

— Я не верю тебе, Дим. — Заявила я и ладонь свою, наконец, вырвала. Посмотрела ему прямо в глаза. — И давай будем считать, что этого разговора не было.

Я из машины вышла, а у самой слёзы на глаза наворачиваются, настолько обидно стало. За то, как Дима, пользуясь восстановившимся шатким доверием, тут же пытался выбить основу из-под меня, предлагая, не задумываясь, броситься в его объятия. Неприятно, глупо. А с моей стороны это крайняя степень идиотизма, поверить человеку, который однажды уже вышвырнул меня из своей жизни. И все его красивые слова... Хмыкнула, вспоминая рассказы о том, что в сердце пусто. Наверно, там никогда и никого не было. И мне места там нет. Попыталась стряхнуть с себя обиду, негатив: спину распрямила и гордой походкой дошла до главного входа, отвернулась от дружелюбного секьюрити, который поздоровался. Словно он хотя бы частично виноват в том, что происходит. Свернула за угол и натянула на лицо улыбку, не желая показывать, что в семейной жизни есть не только пряники.

Глава 13

— О, привет, тихушница. — Тут же подхватила меня Лизка, вытаскивая на центр небольшого холла издательства.

— Привет.

— Ну, что, ты идёшь? Мне уже бежать бронировать столик?

— Конечно! — Бодро ответила я, пока на душе неприятно перекатывалось тихое разочарование. — А кто ещё будет? — Спросила только ради того, чтобы поддержать разговор, а Лизка уже засветилась, намереваясь продемонстрировать свои организаторские способности.

— Да кто... кто... Вон, Натаха из бухгалтерии, — кивнула в сторону милой светловолосой девушки, копирующей документы, — Тань, ты идёшь?

— Я всегда там, где народ!

— Вот, Танька идёт. Валерия Петровна из кадров.

— С чего вдруг?

— Порадоваться за молодых! — Удивилась моему вопросу Лиза, тут же оттащила немного в сторону и зашептала: — Сама же знаешь, от неё просто так не отделаешься. Я секретаря её, Люду, пригласила, а та трепушка и разболтала. Так что Петровна в доле. Глав.

ред, само собой не появится, у него любовница ревнивая. Ой, видела бы ты её... Я бы с такой внешностью за моего лысеющего папашу не держалась, но, — Лиза демонстративно надула губы, уже попутно тащила меня к рабочему месту, — любовь, как ты знаешь, зла. У тебя как? От счастья ты, конечно, не светишься, но и особо страдающей не выглядишь. Вон, принарядилась, — повернула меня одним боком, другим, на шаг отступая, словно рассматривала.

— Лиза, мы вместе это платье выбирали, если ты не помнишь.

— А не помню! — Хохотнула она и на мой стол присела. — Что, не сахар характер-то у муженька? Он, конечно, весь из себя такой представительный, но-о-о... Слишком большое и толстое это его «но». Грубиян он. Я вчера не стала тебя расстраивать, видела, что и самой неудобно стало, а сейчас, раз уж такой разговор зашёл...

— Какой?

— Ну, о супруге твоём... — Раскинула она руками, уже устраивалась удобнее, закинула ногу на ногу, и её активности можно было только позавидовать.

— Это ты затронула эту тему.

— Ну, я, ну и что? Ты же сама стесняешься. Вчера умолчала, думала, я не замечу? Не тут-то было! Давай, рассказывай, как оно.

— Да обычно, Лиз. Нормально всё. Притираемся.

— Небось, всю ночь заставляет ему плечи мять, да ублажать всеми известными способами... знаю я таких кобелей, сначала натрахались, а потом им экзотики подавай, только не вздумай уступить и обязательно поставь себя как личность...

Лизка говорила, говорила, наставляла меня так, словно сама на этом не одну собаку съела. Слушать это наверно было бы даже забавно, если бы не предательские мысли, которые лезли в голову, не спрашивая разрешения. А думала я о Диминых словах. С чего он мог подобное про Лизу взять?.. Вариант с желанием отрезать меня от реальности тоже не отмечаю, но вот если всё же... И понеслось! А как она смотрела на Антона? А как он смотрел на неё? Они ведь встречались и без меня, случайно и целенаправленно. У них было много общего, в том числе и знакомые, о которых я только слышала. Да они вообще и до того как я Антона представила как своего молодого человека, знакомы были. Только вот Лиза о нём никогда не упоминала... Не аргумент! У неё сотни знакомых парней, я же из них не больше десятка знаю... Та-ак... Родители их дружат. Мама Антона о Лизе вспоминала, спрашивала, почему мы не позвали и её на семейный ужин. Я как-то внимания не обращала, потом даже такой же вопрос Антону задавала, а он уже делал круглые глаза и пыхтел, мол, причём тут Лиза к семейному ужину! И правда, ни при чём. И поздравляла она меня после того предложения выйти замуж... наверное и...

— Галь, ну, ты слушаешь, нет?

— Честно говоря, нет. Ты сейчас о чём?

Она надулась и скрестила руки на груди. Если бы мы сейчас не были на рабочем месте, я бы обязательно Лизку защекотала, как делала во время учёбы, а может, даже бросила в неё смятой бумажкой, как делала на важных совещаниях, если у глав. реда случался важный разговор по телефону. Сейчас же, я ей просто обворожительно улыбнулась и увидела такую же улыбку в ответ. Нет! Дима просто ошибся. И, полагаю, что сделал это не намерено. Да. Вот так. И никто не в обиде. Ху! Даже на душе легче стало. И как всё-таки правильно принимать обдуманное решения.

Под конец дня выяснилось, что из нашего издательства идут восемь человек. В том

числе и курьер Лёшка семнадцати лет, которого я в глаза не видела, потому что он только пару дней назад устроился, но и пропустить такое событие не смог. Две девочки из университета, не то, чтобы подруги, но общались мы неплохо, и даже после окончания обучения нам было, что обсудить.

Приехал за мной после работы Женя и, кстати, не дал сесть за руль. Сразу стало понятно, что исходом разговора Дима не доволен. Да что там, и запланированные шаги навстречу друг другу откладывались на неопределённый срок. Ужин прошёл в тишине, после чего муж сухо поблагодарил, не забыв сообщить, что всё было очень вкусно, убрал со стола свою часть посуды и удалился в кабинет. А я просто из вредности не стала налаживать отношения, так же заперлась в комнате, где на ум пришло несколько подходящих ситуаций строк. В таком же темпе прошёл и следующий день, отличием было только заявление Димы, что в субботу он лично отвезёт меня на место встречи и так же, лично, заберёт. Но, в общем, атмосфера была угнетающей. И не исправили её никакие обнадеживающие советы Лизки и даже поддержка Валерии Петровны, женщины хоть и не замужней, но всё-таки опытной.

Вечер субботы наступил несколько неожиданно, и я всё боялась, что Дима окончательно испортит тухловатое настроение, но обошлось. Он ободряюще улыбнулся и сообщил, что работает допоздна, так что можно звонить хоть в два, хоть в три ночи. Но я не стала его обнадеживать и сообщать, что сама такие вечеринки еле выдерживаю до одиннадцати, не говоря уже о том, что собрались мы в пять. Но не рассчитала. Всё не рассчитала. И дозу алкоголя, и способности людей, которые под грамотным руководством могут отмачивать такие номера, что домой мне точно не хотелось. Чего только стоил стриптиз мальчика-курьера на столе и опрокинутые бокалы шампанского на платьях дам, которые готовы были его порвать и за стриптиз, и за платья. Только с разной направленностью энергии.

В целом всё шло неплохо, меня долго и мучительно поздравляли, кто-то даже советовал, как вести себя в первую брачную ночь и у меня закралась мысль, что Лиза не сообщила присутствующим, как же давно состоялось это знаменательное событие. Валерия Петровна к десяти расслабилась, забыла о платье и крепко надела на курьера, который был совсем не против перенять определённый опыт, определённого характера, для чего, собственно, они и удалились в самый разгар веселья. В клуб повалил народ, наших девочек, то и дело, таскали на танцуйки, мы с Лизой держали марку, подавая остальным пример, и не двигались с места без особой на то надобности.

— Вот, смотрю на тебя, и не верится! — Обняла Лиза меня, находясь в крайней степени опьянения. — Какого чёрта ты бросила меня на старте, а? Вот сидишь сейчас такая важная, замужняя, с кольцом на руке. Красивое, кстати. — Она вцепилась в мою левую руку, подтягивая ладонь едва ли не к своему носу, пытаюсь что-то рассмотреть в кромешной тьме, сочетающейся с яркими бликами и вспышками светомузыки. — Двадцать штук такое стоит, я в журнале видела. Можно примерить?

Лиза уже стягивала с моего пальца кольцо, когда я вдруг ладонь в кулак сжала, пытаюсь у Лизки её отнять.

— С ума сошла? Кто же такие вещи мерит?! — Ощетинилась, а Лиза почему-то обиделась.

— Зажала, значит. — Констатировала она и отвернулась, своим демонстративным поведением призывая меня самой толкать в её руки кольцо. Сейчас, прям!

— Не смей! — Вместо этого опомнилась я, кольцо сама разглядывала. — Подумаешь,

цена! У тебя браслет второе больше стоит. Ещё и обижаешься! Закуси лучше, пока тебя совсем не развезло.

— Ты о чём сейчас? — Единственное, что взволновало Лизу в моей речи, и она аж подпрыгнула. — Я тебе говорю, двадцать тысяч оно стоит. Двадцать!

— Долларов? — По наивности переспросила.

Лиза криво усмехнулась, а я глянула на кольцо кривым, но якобы уверенным взглядом.

— Да нет, ты что-то путаешь. За что? Да здесь золота грамм семь, не больше, и несколько камушков... мелких. — Посчитала я необходимым добавить. — Откуда такие бешеные цифры? Бриллиантовое колье дешевле стоит.

На всякий случай я ещё разок на кольцо взглянула и спрятала руку под стол, от греха.

— Я ничего не путаю, тихушница! Сразу его у тебя на пальце заметила, — трезво и практически не заплетающимся языком возмутилась Лиза, — всё ждала, когда похвалишься. А ты молчишь.

— Да не может...

— Там работа какая-то уникальная, очень кропотливая. Запатентованное производство, между прочим. Я тогда только школу заканчивала, с ума по ювелирке сходила, а оно, кольцо это, крупным планом в заграничном журнале. Единственный экземпляр, между прочим!

— Ой, не могу, — глупо захихикала я, не обращая внимания на то, что Лизка уже зеленою в меня бросаться начала, — в школе она училась! Ты бы ещё детский сад вспомнила, Лиз. — Дёрнула её за локоть, Лизка увернулась. — Не маленькая, понимать должна, как быстро в этом мире всё обесценивается. Да и с чего Диме... — Неприятно царапнуло по душе воспоминание о разговоре между Димой и Олегом именно о кольце. — Да просто не может и всё! — В итоге заключила я и тоже отвернулась, на Лизку это действовало бесповоротно. Уже через минуту она снова активизировалась.

— Это очень известный бренд, не помню точно, но мне казалось, что не европейский. Там у них ещё эмблема такая, в виде шахматного короля. Красивая очень...

Тут я из мечтательных воплей подружки выцепила важную информацию и спину выпрямила, прислушиваясь.

— Дизайнер их, юный гений, на весь мир с ним прославился. Бабла наверно сшиб тогда немерено. Представляешь, повезёт кому-то женишка такого отхватить...

— Да ладно, когда это было... он уже давно не молодой и давно не... Чёрт!

Дизайнер. Кольцо. Дима... Он или не он?

— А давай посмотрим, есть на твоём кольце эмблема производителя или нет. Вот, убедимся просто и всё.

Лиза с двойным энтузиазмом отыскала под столом мою руку и снова потянула кольцо на себя, а я в противоположную сторону, пытаюсь увернуться.

— Да ты с ума сошла! Что мы в этой темноте разглядим, Лиза! Не трогай, потеряем! Да прекрати ты!

Я отсела на дальний край диванчика, а кольцо другой рукой прикрыла, на Лизу глядела с опаской.

— Вот так теряют друзей. — Вытянула она губы и активно помахала рукой какому-то парню, который смотрел на наш столик.

Недолго думая, тот подхватил своего друга и поплёлся к нам.

Имена молодых людей я упустила, а вот их плотоядные взгляды не заметить было просто невозможно. И руки, которые слишком быстро с их колен переместились на наши с

Лизой колени, а затем и выше поднялись.

Пользуясь Лизкиной неспособностью нормально сопротивляться, нахал завалил её на диванчик, намереваясь использовать по назначению прямо за столом, слегка отодвинув его в сторону. Парень, сидящий со мной, оказался попроще или не настолько решительным, поэтому только успел провести пальцами по моей шее и раскрытым от увиденного губам. Мысли о том, что он не решительный я отмела, когда эти самые пальцы оказались у меня во рту, имитируя небезызвестный процесс, я отшатнулась, глядя на него круглыми глазами.

— Рехнулся?! Я замужем. И вообще...

— Но его ведь здесь нет. — Аргументировал парень и дёрнул меня за ногу, под себя подминая.

Противные мокрые губы скользнули по шее, зоне декольте, зубами он сильно прикусил сосок, который, видимо, соскучился по ласке и с удовольствием откликнулся на прикосновение, выпирая из-под платья. Я взвизгнула и влепила парню затрещину, за что ту же получила не столько болезненную, сколько неприятную и унижительную пощёчину. Пока ахала и охала, охлаждая ладонью горевшую щёку, парень уже активно насиловал мою ногу, тёрся о бедро и стонал, словно получал удовольствие. Координация пьяных девушек, конечно, нарушена, но не настолько, чтобы не понять, что происходит, поэтому я снова попыталась парня оттолкнуть, но вместо этого, оказалась перед ним в коленно-локтевой. Причём чёртов жеребец не давал ни уползти, ни окончательно упасть, придерживая меня за талию. Его телодвижения приобрели вполне осознанный смысл и тут уже стало не до шуток: из преград на мне только три полоски белья! Бутылка из-под шампанского оказалась как нельзя кстати.

А потом крики, визги. Я так поняла... кровь... Даже испугаться не успела, как меня охранники в сторону отволокли и принялись парня того откачивать... или добивать. По тому, как они молотили его по щекам, так сразу и не скажешь. Я потянула опешившую Лизку к выходу, но предусмотрительные секьюрити быстро пресекли наш побег нецензурной бранью и грубо затолкали в плохо освещённую комнату. Мы обе молчали, пытаюсь понять, что теперь будет. Лизка, так вообще не особо парилась, а минут через десять, когда дверь распахнулась и нас затолкали уже в соседнюю комнату, в которой было слишком много света, стало совсем не по себе.

Это было что-то вроде служебного помещения, но я бы назвала эту комнату допросной, очень уж убедительно выглядели голые тёмно-бежевые стены и редкие стулья по периметру. За столом в дальнем углу сидел взрослый и, как мне сразу показалось, самый адекватный мужчина, он смотрел на нас с неприятной многообещающей полуулыбочкой, а потом принялся потрошить сумочки, которые охрана, как выяснилось, подобрала за столиком. Пострадавший с перемотанной головой сидел ближе к тому мужчине, его друг рядом, поддерживая морально и физически.

— Ну, что, девочки, как договариваться будем? Мирно или полицию вызовем? — После долгого устрашающего сканирования нас с Лизой, уточнил адекватный. Я от его скрипучего голоса готова была попятиться, только некуда было.

Охранники, заполнявшие остальную площадь помещения, от этого откровенно заржали, а я посмотрела на них волком, правда, безрезультатно, они ржать не перестали.

— А что вы имеете в виду под выражение «мирное урегулирование»? — Вступила в дипломатические переговоры Лизка, а меня отчего-то на смех пробрало. Пришлось закрыть лицо рукой.

— Ты чё ржёшь, овца? Знаешь, что тебе за это светит?! — Прокричал раненый в шинель и тут же схватился за ноющую голову.

Меня пробрало ещё больше, а Лизка уже толкала локтем в бок.

— Успокойся! — Говорила одной половиной рта специально для меня, а вот для остальных улыбнулась шире. — Мужчины, ну, с кем не бывает, — продолжила с азартом, — ну, не правильно вот эти милые молодые люди поняли наш скучающий вид. Не развозить же из-за этого войну, правда? Сейчас Галя вежливо извиниться и можно будет считать конфликт исчерпанным.

Я хотела в голос, а Лиза шипела изо всех сил в мою сторону.

— Кажется, красавицы, вы не понимаете, что произошло. — Снова вступил в диалог адекватный и мой смех скончался. Прямо на середине оборвало. Почему-то его слова воспринимались не так как угрозы пострадавших. — Что решать будем, я вас спрашиваю? Идём на мир?

— А что вы имеете в виду под выражением «мирное урегулирование»? — Повторила я Лизкин подвиг и выговорила жутко сложное слово. Посмотрела вполне серьёзно и наверно даже осознанно. Адекватный мужчина в другой ситуации аплодировал бы мне стоя, сейчас же, просто растянул губы.

— А это значит, что ты, тварь, сейчас станешь на колени и будешь долго и упорно отрабатывать наше прощение! — Подскочил пострадавший и силами двоих охранников был усажен на место. Я немного назад отклонилась, к нему полубоком повернулась, нахмурилась, глядя искоса.

— Это вы мне?

— Тебе, тупая курица! — Выплюнул он и снова схватился за голову. На верхний слой бинта просочилась красная точка, которая при ярком свете стала заметной. Его друг скривился, меня затошнило, а пострадавший озверел ещё больше, понимая, что это сейчас произошло.

— А почему это вы мне тыкаете, да ещё и оскорбляете? — Задрала я подбородок и едва сама не стала пострадавшей, чудом минув головой шершавую стену.

— Сейчас поймёшь *ука. — Бросил он телефон на стол к адекватному. — Звони отцу. Он приедет — разберётся!

«Ой, только не нужно этих гнилых пантов!» — Перекосило Лизку, правда, она такими словами бросаться не стала, знала, чем всё это для неё же и обернётся. Хотя в этот раз, как мне кажется, получить ремнём от отца будет меньшим из двух зол. Но я почему-то промолчала.

Адекватный покрутил брошенный телефон в руках, посмотрел на меня.

— Ну, что будем решать, дамы?

— Мне не за что извиняться. — Поставила я точку в этом непростом и пустом диалоге, отвернулась в сторону и случайно пересеклась взглядом с пострадавшим. Одними губами он прошептал: «молись» и ухмыльнулся настолько страшно, что меня заколотило изнутри.

— А мы тоже требуем группу поддержки! — Вовремя выкрикнула Лиза на радость добровольным слушателям: те мило так заулюлюкали.

— Тихо! — Закрыв им рты адекватный. — Кому звонить будем, дамы? — Обратился к нам насмешливым тоном, видимо, понимая, что если уж мы до сих пор молчали, то о помощи нам просить попросту некого.

Лиза смолкла и посмотрела на мой затылок. Им, я, собственно, и почувствовала этот

взгляд. К подруге повернулась, потом на адекватного взгляд перевела и, только увидев в руках телефон, опомнилась, поняла, чего он хочет.

— Мужу звоним. — Кивнула уверенно.

Тот недовольно покачал головой.

— Как мне мужа твоего в телефоне искать: пупсик, зайчик, или, может, хомячок?

На секунду я растерялась, точно зная, что номер Димы в телефон так и не записала, потом, правда, понадеялась, что и он не обманул, поэтому уверенно кивнула.

— Так и записано «любимый муж»

— Я б на месте твоего мужа, испорол бы мелкую задницу вдоль и поперёк. — Послышалось со стороны. Я посмотрела осуждающе, но говорящий предпочёл остаться инкогнито, поэтому вернулась с поражением, но буркнула вполне пристойно.

— Вот будешь на месте моего мужа, тогда и поговорим.

Адекватный же, перебирал найденные на столике вещи.

— Судя по общей цветовой гамме, твоя будет голубая. — Догадался он, намекая и на платье, и на туфли, и даже на браслет левой руки. Уверенно подтянул к себе голубой блестящий клатч и достал из него телефон.

— Такой же голубой. — Констатировал он, глядя на телефон. Поджал губы под смех своих менее воспитанных товарищей.

После пары гудков я услышала бас от Диминого голоса в динамике и стало стыдно за своё поведение. Вот, конкретно перед ним. Попе вдруг стало неудобно и я поёрзала, видимо, понимая, как близко кто-то говорливый был к истине по поводу порки. Ну, не похож Дима на человека, который прилюдно стерпит моё поведение, а меж тем, адекватный растянул губы, оскалившись.

— Нет, это не малыш, но, боюсь, приехать вам всё же придётся.

На несколько мгновений, которые показались мне вечностью, Дима замолчал, а потом только громкое «говори!» услышали все, находящиеся в комнате. Дальше разговор пошёл без слышимых Диминых реплик, я задумалась о своём и только приговор услышала чётко:

— Если под протокол, то это будет нанесение тяжких телесных в состоянии алкогольного опьянения группой лиц. — Отчеканил адекватный и мне совсем нехорошо стало. Снова вернулась тошнота.

Потом адекватный позвонил отцу пострадавшего, спасибо за то, что после моего Димы, а то уж я разволновалась. А уже потом, закончив все переговоры, мы стали ждать неминуемой развязки. Пострадавший просил что-нибудь от головной боли, Лизка от сушняка. Ему принесли анальгин, Лизке стакан простой воды. Я пока не требовала особых условий содержания. Парни из охраны, откровенно говоря, скучали, а адекватный от нечего делать стал просматривать содержимое сумочек. Пролистав мой паспорт, задержался на одной странице и потом с шумом вытолкнул сквозь стиснутые зубы воздух, подозвал к себе одного из охранников жестом. Так же, молча, потыкал пальцем в страницу документа, после чего быстро вышел, на ходу доставая из внутреннего кармана пиджака свой телефон. «Такой же чёрный как и весь его прикид» — подумала я и от этой мысли вновь ненадолго стало весело, но, так как повода никто не знал, то и поддержать меня не пожелали. Вернулся он уже не такой весёлый, а когда следом вошёл Дима, стало ясно почему.

Вот, мне всегда было интересно, отчего русские бандиты считали страх наводящим пределом кожанки со спортивными штанами? По мне, так идеально отглаженный Димин костюм со стрелками на брюках, слегка выступающими из-под рукавов пиджака манжетами

рубашки, которые были скреплены бриллиантовыми запонками, нет ничего более угрожающего и запугивающего. Одним словом, стандартный бандит против Димы, ровно что пролетариат против белогвардейцев!

— Ну и какую тварь здесь моя жена изнасиловала?! — Взревел он, недобро глядя на пострадавшего и его друга.

Вот и правда, друзья познаются в беде, так как «друг» от пострадавшего отсел.

— Вы тут охренели все? — Продолжал он, парни из охраны пока ещё не совсем понимали, что происходит, я, словом, тоже. — Галя, всё нормально? — Шагнул он в мою сторону, пришлось кивнуть. Неуверенно. Чем мужа я точно успокоила. — Запись с камер видеонаблюдения где? — Обратился он к одному из бойцов невидимого фронта, за подчинённого вступился адекватный.

— Там темно и будет плохо видно.

— Я разгляжу. — Пообещал Дима слишком мягким голосом и озноб пробежался по моему телу более ощутимо. Пострадавший совсем поник, да и я понимала, что уж он точно разглядит. А значит, и приятного увидит мало.

— Дим, мы разобрались уже, поехали домой. Лизку вот ещё отвезём.

Только мой наигранно весёлый тон мужа не впечатлил, это он и сказал своим тяжёлым взглядом. Кто-то притканный притарабанил ноутбук и Дима уселся на место адекватного. Тот же, суетился вокруг.

— И молись, гадёныш, чтобы то, что мне тут расписали, правдой оказалось, иначе я лично нагну тебя и отымею во всех известных мне позах.

— Да ты знаешь, кто мой папа?! — Выкрикнул тот роковую для себя фразу и Дима не сдержался, под наш с Лизкой оглушительный визг приложил его ещё раз, слава Богу, только оплеухой одарил. Никто из охраны даже не дёрнулся.

Запись на компьютере пошла, в мозгу памятью откликнулась играющая в тот момент мелодия.

— Который? — Рыкнул Дима, пока ещё с растерянным видом вглядываясь в экран.

— Вот их столик. — Подсуетился спец по технике, указывая пальцем нужное направление. — Здесь крупнее можно сделать.

— Так делай!

Потом он просто смотрел, а я могла отмечать, как меняется выражение его лица. Не в лучшую сторону...

Досмотрел, улыбнулся, захлопнул крышку ноутбука. Повернул голову в сторону пострадавшего.

— Раздевайся. — Развёл руками. — Будем проводить воспитательные процедуры.

Пряжка Диминого ремня звякнула, кто-то даже ахнул, пострадавший вжался в стенку и пытался слиться с ней, под стать хамелеону. Честно, даже я поверила, что он воплотит свои слова в жизнь, настолько натурально вжился в роль. Дверь вовремя скрипнула в очередной раз, и в комнате появился представительный мужчина возрастом за пятьдесят. Дима посмотрел несколько разочарованно.

— Шах, какие-то проблемы? — Щедрой лучезарной улыбкой засиял он и вскинул руки в приветственном жесте. Мы с Лизкой окончательно потерялись в этой Санта-Барбаре и просто ждали, когда нас отпустят домой. Мужчины же, наоборот, развлекались и в свои постельки не торопились.

— Да вот, вызвонили, говорят, жена моя напала и пыталась зверски изнасиловать твоего

ушлёпка. Пришёл лично убедиться, что не убила. В крайнем случае, принёс бы свои соболезнования. Пока могу принести соболезнования по поводу того, что он всё же остался жив. Мозги, правда, потерял частично, но, думаю, они у него были лишние и никто не в обиде. Как, пацан, ты не в обиде?

«Не обиженный» пострадавший что-то промычал в ответ и это бляение Диму вполне удовлетворило. Муж уже в мою сторону посмотрел и хотел, было, рот открыть, чтобы домой позвать, но вот в двери ввалился ещё один участник пьесы, среднестатистический прожигатель жизни: слегка помятый, слегка не выспавшийся, но вполне довольный собой. Приветственную часть можно опустить, он немного почирикал, обращаясь то к Диме, то к отцу пострадавшего, косясь при этом отнюдь не добрым взглядом на сотрудников, всё время потирал свои ладони, а потом и вовсе обрадовался, на нас с Лизой посмотрев.

— Ну, как? Не помяли девку твою? Которая, кстати? А-а, не важно, обе красавицы.

— Что ты мне тут втираешь? — Вдруг спросил молчавший всё это время Дима. — Ты как вообще, нормальным считаешь то, что здесь происходит?

— Что-то всё-таки случилось? — Тихо, склонив голову набок, поинтересовался прожигатель жизни, а Дима не знал, что делать, убить его сразу или сначала растолковать.

— Нормально это, что двух девочек затащили в подвал стадо мужиков и сейчас тут издевались, так? Нормально то, что они тут им предъявляли что-то, даже не догадавшись разобраться? Или теперь у каждой, кто решит в твоём клубе отдохнуть должен быть муж с лужёной глоткой, чтобы её тупо по кругу не пустили?

Дима не стал со мной разговаривать, за локоть подтянул, Лизку таким же образом подхватил другой рукой, толкнул к выходу, видимо, прикрываясь нами, чтобы никого не пришибить.

— Дим, Дим, не начинай. Ну, по какому ещё кругу? Тебе ведь позвонили, так? С бабой твоей проблем нет, валерьяночки на ночь выпьет и завтра ничего не вспомнит. — По-иному запел мужчина, выгораживая работников клуба. Как шептались мои мысли на задворках сознания, охрана вызвала для подкрепления владельца питейного заведения. — А что касается того, как мы решаем вопросы...

— Ты понятия не имеешь, что значит решать вопросы. — Сказал, как отрезал, Дима и вытолкал нас в темноту коридора.

Вышел следом. Владелец клуба плёлся сзади, доказывая свою правоту.

— Дима, думаю, мы сможем договориться.

— О чём? — Рассмеялся муж такой наглости, придерживал нас с подругой под локти.

— Дима, проблемы нет. Девчонкам ужин за счёт заведения и наши двери открыты для вас в любое время дня и ночи. Лопухам своим по ушам настучу, чтобы думали, прежде чем делали.

— Да, чтобы предварительно узнавали, можно сопливых девчонок разводить или у них папики имеются. Не парь мне мозг. Просто как другу говорю: ты когда-нибудь серьёзно попадёшь с такими архаровцами.

На секунду отпустил нас, с владельцем клуба останавливаясь.

— А если бы они выделяться начали, а? Я бы тогда жену свою в больнице опознавал, да? И не вздумай мне заявить, что их тут и пальцем бы не тронули. Я о*уел просто от речи твоего начальника охраны. Он не лингвистов задержал, а двух террористок-смертниц.

— Девушки забыли свои вещи. — Встрял кто-то очень заботливый. Мы с Лизой с радостью прихватили все шесть сумочек, которые остались после набега охраны, обе

установились на Диму, когда он окинул всё это выразительным взглядом.

— Короче... ты меня понял. Гнилое это дело, как ни крути.

— Ладно. — Пожали друг другу руки. — Проехали, буду учить. А вы, дамы, аккуратнее себя ведите в следующий раз.

— Ага, озабоченных не впускайте туда, где люди отдыхают! — Вякнула напоследок осмелевшая Лиза как раз перед тем, как Дима толкнул её к выходу.

Мы и опомниться не успели, как оказались на улице. Женину машину я узнала сразу, в ней же через секунду исчезла Лиза, меня Дима крепко держал за предплечье. Повернул к себе лицом и скривился.

Глава 14

— Дима, он сам пристал ко мне, я не хотела... — Промямлила, а Дима скривился ещё больше.

— Прости меня, знаю, виновата, что не послушала. Ты только не кричи, хорошо? Всё прошло уже. Всё...

— Господи, — схватил он меня своими ручищами за лицо, сотрясая, — ты чуть стоишь, ребёнок... как у тебя сил хватило, чтобы ещё и сделать что-то, а? — Прижал меня к себе так сильно, что в пору было задохнуться. Оттолкнул обратно, всё так же, за щёки с обеих сторон лицо сжимая. — Как... как вообще так получилось? — Вглядывался он в мой блуждающий расфокусированный взгляд. — Ты нормально? — Бегло оглядел открытые участки тела. — Тебя никто не трогал? Ты как? Говорить можешь?.. Ну, не молчи, Галь! — Прокричал на всю стоянку.

А я только сейчас поняла, как же он испугался. Просто испугался за меня. И все его слова... как он говорил, я не помню... «Когда ты мог сделать что-то, чтобы твой родной человек остался рядом, но не смог...», что-то такое, очень подходящее по смыслу. И его взгляд, и его голос тогда... И я только сейчас своим пьяным, отравленным алкоголем мозгом, понимаю, что он говорил обо мне. О своих родных.

Дима снова прижал меня к себе, пару секунд просто раскачиваясь из стороны в сторону, а потом на руки подхватил, направляясь к стоящей где-то неподалёку машине. Согрел своим теплом, окутал своим запахом, своим дыханием. И всё, что я могла на тот момент, так это прижиматься к нему в ответ, пытаюсь прилипнуть, стать его частью.

Перед тем как открыть машину, поставил меня на землю, прислоняя к поверхности всё ещё тёплого от солнечного дня металла. Только в тот момент пришло чувство, что действительно пьяна, потому что ноги не держали и я мгновенно съезжала вниз.

— Не хочу сзади, меня будет укачивать... — Заканючила капризно, неудачно ломаясь в переднюю дверь. — Спасибо. — Послала Диме воздушный поцелуй, когда мне всё же позволили туда сесть, и поймала его улыбку. Он не злится!

Дима сел на водительское кресло, намереваясь отправиться домой, а мне чего угодно хотелось, только бы не домой, только бы не в постель. Не туда, где есть разоблачающий свет и где я легко найду ту себя, которая обижается, боится, смотрит на обстоятельства. А сейчас я другой была: смелой, яркой, уверенной. Такой, какой хочу быть рядом с Димой. Хочу, но не могу по целому списку упорядоченно расставленных причин. Смотрю на него и взгляд не могу оторвать, так мне нравится эта близость. Понимая, что в случае чего, всегда смогу свои поступки списать на алкоголь, дотронулась до его лица. Дима не ожидал и дёрнулся, тут же отвлёкся от дороги, улыбаясь мне.

— Моя девочка напилась, да? — Сказал по-доброму, лаская голосом, а я умилялась этой непривычной и настолько желанной нежности.

— В таких случаях говорят, наступила на пробку. — Соврала я, продолжая одним пальчиком исследовать его щёку, подбородок, дотронулась до нижней губы, едва её задевая.

— Детка, ты накачалась по самые уши, так что давай не будем...

— Дим, а я красивая? — Перебила его, не только словами, но и их тональностью,

нахальностью во взгляде. И было совершенно неинтересно, что он говорит. Хотела знать, что думает.

— Красивая. — Ответил Дима нехотя, но улыбнулся, глядя на дорогу. Ему это тоже нравилось. Моя откровенность, моё желание завлечь.

— А почему ты мне никогда об этом не говоришь?

— Сейчас говорю.

— Сейчас не считается. Я сама спросила. — Завелась от откровения ещё больше, облизнула губы. — Дим, а ты меня хочешь?

— Гхм... Галь, давай поговорим об это дома.

— Я хочу тебя. Сейчас.

Хотелось быть ближе и я отстегнула ремень безопасности, нарушая все границы, прорываясь через глухую оборону. Коснулась носом его щеки, вдыхая аромат лосьона после бритья, ощущая гладкость мягкой кожи, потёрлась, получая удовольствие от этого прикосновения. Не сдержалась и провела языком от мочки уха до центра щеки. Фыркнула, когда Дима недовольно обтёр след от моего языка, и проделала то же вновь.

— Галь, пристегни ремень. — Пробубнил он, не в силах меня заставить, но и не в силах сдержать себя от любопытства, что же будет дальше. Мне тоже было любопытно, как далеко я смогу зайти, поэтому лишь отмахнулась.

— А я тебе доверяю.

Подтянула ноги, растянулась на сидении, прогибаясь под напряжённые руки, которые вцепились в руль, довольная собой, аккуратно опустила голову на его колени, поворачиваясь лицом к крыше машины. Дима выглядел забавным. Довольным моим поведением и недовольный тем, что я его ослушалась. Провела рукой по его груди, раздвигая полы пиджака в стороны, почувствовала порывистый вдох, но этого мне показалось мало. Тут же расстегнула пуговицу рубашки, чтобы кожа к коже, чтобы тепло к теплу и его сердце ответило мне мощными ударами. Я никогда прежде так свободно не прикасалась к мужу. Не могла себе позволить, а сейчас наслаждалась и ощущениями, и тем, что нарушаю его правила. Царапнула кожу ногтем, Димино дыхание вырвалось со свистом.

— Галя, сядь на своё место.

Видимо, тёплый и уютный салон автомобиля неслабо повлиял на мою голову, потому как это предложение, так похожее на приказ, вызвало во мне эйфорию, к лицу бросился жар, а в причинном месте просто горело огнём, оставалось только облизнуться.

— Легко. — Мурлыкнула и, ужасно неловко, до жути неприлично, но так заманчиво возбуждающе, крунулась, прогнулась, перебралась и всё же оказалась сидящей на Диме сверху.

Конечно, всё это сопровождалось его гневным «Галя, что ты творишь?!» «Рехнулась, идиотка? Мы сейчас разобьёмся!», но когда я всё же расправила плечи и, уверенно нажимая на его пах, «проехала» вперёд-взад, крики прекратились, а восставший член уже подпирал ремень брюк. Движение я повторила, заглянула в его глаза, а они сверкнули каким-то непонятным, безумным блеском, угрожающим. Дима отвернулся, выглядывая из-за моего плеча на дорогу, и прибавил газу. Видимо, надеялся доехать до дома раньше, чем я добыю желаемого. Но когда сила и интенсивность моих движений неумолимо возросла, сдался, и остановился прямо посреди широкого проспекта. Фонари в связи с поздним часом уже отключили, а благочестивые граждане едва ли шлялись по центральным улицам города в это время, поэтому мы были наедине. Так романтично со стороны и так порочно, если заглянуть

к кому-то из нас двоих в глаза.

Я опустила на его возбуждённый пах сильнее, с целью добиться стога, понимала, что примерно он может испытывать и желваки на скулах только подтверждали догадки, но вот его глаза... словно неживые, прожигали меня насквозь. А потом в них блеснул уже знакомый азарт и Дима обеими руками подхватил мои ягодицы.

— Ты ведь не думаешь, что я буду тебе помогать? — Прошептал он хриплым, севшим от напряжения голосом.

Дрожь ответила за меня и Дима едва заметно кивнул, соглашаясь. Я не понимала смысла его слов, я слышала только возбуждение и силу, сквозившие в них. Он будто испытывал на прочность, заставляя совершать глупости, и потом уже в эти глупости с удовольствием окунал меня с головой. Так и сейчас, что-то задумал, чтобы проучить за то, что ослушалась, но сходил с ума, понимая, как я его хочу. Пальцы всё сильнее впивались в бёдра, одна рука скользнула дальше и от мимолётного движения его пальцев по возбуждённой плоти я улетела, напрочь откидывая мысли, запрокидывая голову назад, с громким стоном сообщала о его триумфе. Но движение как появилось, так и исчезло, оставляя после себя только приносящую боль пульсацию.

— Справишься. — Услышала я обнадеживающий шёпот в следующую секунду, только теперь между ног был не пульсирующий член, а два его пальца, которые он предлагал взамен.

На мгновение я растерялась, посмотрела в потемневшие от страсти глаза.

— Ты обещала показать, как кончаешь... — С лёгким разочарованием пожал он плечами и кончиком языка коснулся своей верхней губы. А это как мощнейший разряд тока по моим оголённым нервам, как удар, заставляющий двигаться дальше, чтобы не остановиться и не исчезнуть навсегда. Вспомнилась старая, но мудрая поговорка: «видишь цель — иди к ней, не можешь идти — ползи, умираешь и больше не можешь двигаться — ляг и лежи в её направлении», а свою цель я видела в миллиметре от себя, поэтому сделала первое пробное движение.

Напряжённые пальцы оказались слишком жёстким началом для моей набухшей плоти. Вместо удовольствия резанула боль неудовлетворения, но я хотела его. В эту самую секунду просто ничего больше перед собой не видела. Следующее движение было иным. Мягким, плавным, манящим, как бокал белого вина на аперитив. От переизбытка чувств я всхлипнула, Дима тут же укусил меня за плечо, заставляя кричать и начать двигаться в сумасшедшем, безумном ритме. Зубы разжал, только получив желаемое. Ногтями я вцепилась в его плечи, в ткань дорогого пиджака. Бельё, натирающее нежную кожу заставляло стиснуть зубы, а его пальцы были как граница между адом и раем. И я понимала: остановлюсь хоть на секунду, потеряю эту границу. Поэтому двигалась, двигалась... Мышцы дрожали уже не только от возбуждения, но и от напряжения. Дыхание давно сбилось я и, казалось, боролась за право дышать и не терять сознание, а его глаза как канат, удерживающий меня на этом свете, не отпускали.

Жар накапливался в теле, не желая отпустить, не желая вырваться наружу мощным стоном, губы напротив что-то шептали, но я не могла разобрать звуков, в голове давно кроме шума прибоя ничего не осталось. Сильная рука сжималась на талии, угрожая оставить после себя огромный лиловый развод. А губы всё шептали и шептали... «Давая, давая, давай...» получилось разобрать, сконцентрировавшись на этом шёпоте, только сил уже не оставалось, сил двигаться и сил терпеть боль, которая никак не перейдёт в наслаждение. Вместо двух

пальцев я чувствовала между ног широкую ладонь, которая теперь так же двигалась, пытаясь вывести меня на финишную прямую. Но время шло, пиджак и рубашка мужа были похожи на кусок тряпки, намотанный на мои сжатые кулаки, а я сдать была готова или умолять о том, чтобы он помог мне. Что-то изменилось, когда Дима прервал зрительный контакт и посмотрел чуть в сторону. Я тут же почувствовала, как в глаза ударил яркий свет фар машины, остановившейся позади. Предательская дрожь прошла по телу, призывая его сдать, я всхлипнула очередной раз, готовая просто разрыдаться пьяными слезами неудачницы, после чего взгляд Димы резанул, словно по живому. И его голос... наверно, это был крик... а, может, громкий и жёсткий приказ. Свет фар позади стоящей машины пересекла тень, а в этот момент рука, сжимающая мою талию, дёрнула за пышные волосы, заставляя запрокинуть голову назад, мой рот открылся в беспомощном крике, но вдруг удалось вздохнуть.

— Давай, давай! — Шипел он сквозь зубы. — Сейчас, малыш, кончай!

Димино дыхание стало перекрывать моё, ладонь между ног сжалась, образуя мощный кулак, который уже безжалостно давил снизу, двигаясь, натирая... Я даже не сразу поняла, что трясусь, содрогаюсь в крепких объятиях от оргазма. Казалось, ничего не чувствую, просто вдруг стало легко, необыкновенно легко и больше ничего не нужно. Чтобы остановиться, задержаться хоть на секунду, чтобы понять, где нахожусь, скользнула скрюченной в ненадёжный кулак ладонью по стеклу, останавливаясь на середине, и в это же мгновение вокруг ладони распространился яркий белый свет, обнажающий всю нашу внешнюю «романтику».

— Умница, девочка. — Прошептал Дима и тёплые сухие губы скользнули по моему влажному виску. — Давай, малыш, перелазь.

Кажется, на просьбу я так и не отреагировала, потому как Дима вытолкнул из себя воздух, улыбаясь, и аккуратно усадил меня на кресло рядом с собой. Я всё ещё смотрела на него, когда улыбка с лица сползла, а вместо неё появился налёт жёсткости и власти. Пугающий, устрашающий. Дима приспустил окно, через которое не без интереса на нас уставилась пара блестящих глаз.

— Лейтенант ППС Аникеев, ваши документы. — Заученно проговорил он.

Дима сжал губы плотнее, молча достал из бардачка кожаный чехол паспорта и передал его сотруднику полиции.

Вместо того чтобы тут же прочесть с кем имеет дело, лейтенант посмотрел на мои ноги, которые едва прикрывались задранном платьем, благо Дима вспомнил его немного обтянуть.

— Ей восемнадцать хоть есть? — Хмыкнул тут же, Дима прищурился и решительно из машины вышел.

О чём шёл разговор, я не понимала, могла только видеть, как лейтенант похабно ухмылялся, а Дима старался держать лицо. Иногда и его губы расплывались в уверенной, но не дружелюбной улыбке. Никто из мужчин не нервничал, никто не делал резких движений. В руках полицейского так и оставался паспорт, который он и покачивал вверх-вниз, пытаясь Диму чем-то уязвить. В итоге они оба обошли машину, после чего Дима едва слышно стукнул костяшками пальцев по стеклу с моей стороны, призывая его отпустить. Я так и сделала, призывно улыбнулась, всё так же ухмыляющемуся лейтенанту.

— Добрый вечер. — Пропела томным голосом, от которого Дима, стоя чуть позади, сдавленно улыбнулся, а лейтенант сделал вид, что растерялся.

— Лапулю покажи. — Пробасил муж тут же. Я протянула свободную руку.

— Другую, Галь. — Выдохнул он терпеливо. Я протянула правую, на безымянном пальце которой сверкнуло гладкое обручальное кольцо. — Вопросы ещё есть? — Обратился он к лейтенанту, жестом рекомендуя поднять стекло.

Разговор продлился ещё пару минут, прежде чем довольный собой Дима вернулся в машину и завёл мотор, окинув меня насмешливым взглядом.

— Что? — Не стерпела я этой его иронии и насупилась, муж пожал плечами.

— Да, в принципе, ничего... так... Думаю. Выходила из дома — была приличной девушкой. Из клуба я тебя забирал как девицу лёгкого поведения, а только что выслушивал от этого хлыща, что ты похожа на старательниц одной весьма интересной профессии.

— Филолог? — Уточнила я и нахмурилась, не понимая, откуда полицейскому об этом знать.

— Проститутка. — Посмотрел на меня Дима, явно довольный последним высказыванием. Тут же засмеялся. — Прости, детка, но на филолога ты сейчас явно не тянешь!

— Да пошёл ты! Не понимаю, почему ты ему за это в морду не дал!

— Как тебе сказать, дорогая, — всю веселился Дима, даже попытался меня по бедру погладить, — я ему ещё и денег отстегнул за то, чтобы спокойно уехать. Ты вообще в курсе, что мы напротив мэрии стояли?

— К чёрту мэрию! Ты был за рулём!

— О, да, это полностью оправдывает твоё поведение.

— Прекрати издеваться!

— С чего бы?

— Ты спровоцировал меня.

— Чем же? — Посмотрел он, а губы уже готовы трястись от смеха. Я руки на груди скрестила, а машина вдруг снова остановилась. Дима сел в пол-оборота.

Плеча коснулись кончики пальцев. Я обиженно отмахнулась. Через секунду к тому же месту приникли его губы.

— Я не забуду эту ночь никогда. — Прошептал Дима, заставляя влажную от поцелуя кожу покрыться лёгкой дрожью. — Посмотри на меня. — Но я только сильнее отвернулась. Не знаю, наверно, сознание возвращалось, и попытка разрыдаться обещала увенчаться успехом. — Галя?.. Ну же, не дуйся.

Не дождавшись нужной реакции, прикоснулся губами к моей шее, так, чтобы я слышала его тихий шёпот.

— Ты самая красивая. Самая желанная. Необыкновенная женщина. Женщина всей моей жизни. И я люблю тебя такой, какая ты есть. Даже сейчас, когда ты не хочешь смотреть в мои глаза.

Почему-то от его слов я только больше напряглась.

— И то, что сейчас между нами происходит, слишком сложно, чтобы понял кто-то третий, Галь. — Продолжил он, отрезая мне пути к любым мыслям. Дима тяжело выдохнул, проводя носом вдоль моей шеи. — Я просто хочу сказать тебе спасибо за то, что у нас всё это есть.

— Это такой изысканный комплимент моим способностям, да? — Всхлипнула я, потому что пьяные слёзы всё-таки прорвались. И пусть они были единичные, но самые горькие в моей жизни.

— Умные люди говорят, что женщина должна уметь всё. На кухне шеф-повар, в постели лучшая любовница, а с детьми заботливая мать.

— А что всё это время делает мужчина?! — Возмущённо прорычала я, делая попытку обернуться и посмотреть, но теперь моя поза (я была повернута к двери и зажата своей обидой) стала непригодной для этого. В подбородок уткнулся нос, а на открытой шее я почувствовала прикосновение нежных губ.

— Мужчина предназначен для того, чтобы исполнять желания своей женщины.

— А почему ты этого не делаешь?

— Ты просто не хочешь загадывать эти желания, Галя. — Тихо ответил он, замерев. — У нас будет всё, как ты захочешь.

— Нужно только хорошо попросить? — Понимая отведённую себе роль, догадалась я.

— Нужно только это желание загадать. — Нисколько не обидевшись, ответил Дима. Завёл машину и плавно вернулся на трассу. Мы были на подъезде к дому.

На лестнице мирно разошлись в разные стороны, хотя я должна была остаться. Хотела пойти с ним. Чтобы он снова и снова повторял свои слова. И я сама себе врала, что мне не нравилось то, что произошло. Мне нравилось, я этого хотела. И его присутствия рядом хотела. Но алкоголь такое дело... он развязывает нам язык только до наступления полуночи, как в сказке про Золушку. А потом карета в тыкву, платье в лохмотья, а язык в то место, из которого правда не вылетает...

— Галя, уже утро. — В очередной раз услышала я, потому что вставать раньше Димы за всю неделю так и не научилась. И дело здесь не в том, что он ранняя пташка и даже не в том, что я сплю беспробудным сном. Просто я поняла, что мне нравится просыпаться под его голос. И знать, что именно он сейчас стоит за дверью и ждёт.

По выработавшейся за семь дней привычке, я поднимаюсь, выкрикивая «доброе утро» и плетусь в душ. Привожу себя в порядок, наношу макияж, натягиваю рабочий костюм, потому что утро показалось пасмурным, открываю дверь, чтобы увидеть его улыбку.

— Доброе утро. — Несколько растерянно встречает меня муж и оглядывает с ног до головы. — Всё в порядке?

— Эм... да... А что не так? — Глупо улыбаюсь я в ответ, пытаюсь понять, что действительно не так. И только глядя на его домашние штаны, на серую футболку под тёмно-зелёной байкой, ощущаю, как правильные мысли крутятся в голове, но не желают пробиться в нужную зону мозга.

— Сегодня воскресенье. — Улыбнулся в ответ Дима, спасая от мучительных раздумий.

И как водопад на голову обрушиваются не только мысли о том, что я каким-то образом пропустила выходные, но и воспоминания вчерашнего вечера. С особенным звоном отметились завершающие позиции. Да... два пальца, ладонь и кулак. Да. Даже неприятные саднящие ощущения с утра теперь были вполне объяснимы.

— Ну, нет, я не могу смотреть на мучительный процесс твоих раздумий. — Засмеялся Дима, вталкивая меня обратно в комнату. Оттеснил в сторону, прорываясь к гардеробу, раскинул несколько вешалок, открывая обзор.

— Шорты, бриджи и, тем более, джинсы, я полагаю, можно смело исключить. — Утвердительно говорит он вроде и мне, но на самом деле, сам себе. А я, прислушиваясь к неприятным ощущениям, покорно соглашаюсь. — Остаётся вот это непонятное произведение искусства, — скривился он, вглядываясь в «какающие» штаны, как называю их

я и, одновременно, «очень модный тренд» — как обозвала их Лизка, преподнося мне в дар. — Вот это платье. — Швырнул он в сторону кровати длинное платье лимонного цвета, сверху на него налетела белая трикотажная кофточка с рукавом в три четверти. — И, как вариант пара юбок. — Заключил он, дополнительно вынося более или менее приличные блузки.

— Мы куда-то идём? — Догадалась я. Дима кивнул. — Нам нужно выглядеть прилично? — Понимающе утвердила я, и он снова кивнул.

— Только на улице прохладно и я не знаю, что будет к вечеру.

— Ты выгоняешь меня на прогулку на целый день?

— Нет. Мы вместе едем гулять на целый день. Согласись, это важно.

— А куда мы едем ты, разумеется, мне не скажешь. — Он только развёл руками и покаянно склонил голову.

— Тогда мы выбираем вариант, который ты просто не мог бы найти при всём своём желании. — Отодвинула я мужа в сторону и извлекла из гардероба жемчужину, так сказать, коллекции, тёмно-синее платье в пол широкого кроя, из лёгкой непрозрачной ткани, но с чётко обозначенной талией. Покупая его, я представляла себя на краю скалы, а ветер при этом непременно должен был трепать широкий подол, который будет взмывать ввысь и тут же опадать, чтобы быть пойманным новым порывом. Да, и обязательно нужно отметить, что эта самая жемчужина, пока была, в принципе, единственным экземпляром так называемой коллекции.

В комплект я выбрала ту же белую кофточку, которая приглянулась Диме. Человеком была не богатым, а, говоря проще и не совсем культурно, не зажавшимся, и не стала делать вид, что моё бельё идеально подойдёт под новый наряд, хотя оно и подходило. А всё почему? Потому что я с умом вникала в это дело и выбирала универсальное однотонное кружевное бельё. Сегодня чёрное, потому оно и подошло.

Дима, увидев меня, наряд оценил довольно сухо, но большего я и не ждала, уже немного изучив повадки и понимая, что на слова его пробивает редко и в исключительных для этого ситуациях. Вот, так как вчера. Мне понравилось.

На завтрак на столе можно было найти две чашечки кофе и тарелку с творожными оладьями, происхождение которых было весьма подозрительно, потому что не известно, откуда они взялись вообще. Но было вкусно. Почему-то показалось, что Дима вылепил их сам...

Для прогулки он выбрал автомобиль с открытым верхом, правда, в связи с погодой, крыша была разложена, но всё равно шикарно. Ключи от неё муж доверил мне.

— Я не сяду за руль. — Первое, что смогла произнести после двух минутного молчания, а ещё через минуту вжимала педаль газа в пол на пустынной воскресной трассе, сопровождая это громким ликующим криком.

День оказался замечательным, как и идея Димы выехать на прогулку. Ближе к обеду выглянуло солнце и наш, как оказалось, пикник, удался. С несколько романтической настроенностью, мы отправились по магазинам, где муж великодушно разрешил опустошить его карманы. Но, так как я не понимала, на что можно потратить столько денег, в большинстве своём, мы просто смотрели. Иногда дурачились в примерочной. Я бы назвала этот процесс «открывались друг другу». И то, что видела, нравилось мне всё больше и больше.

Ближе к шести, когда ходить просто не оставалось сил, мы приземлились в одном из

ресторанов, который больше походил на уютное кафе. Дима ухаживал, Дима слушал, Дима рассказывал о себе. Дима в этот день был просто идеальным. Идеальным мужем, идеальным мужчиной, внимательным, заботливым, терпеливым. Ни слова упрёка, ни одного звука на повышенных тонах. Словно и не он вовсе. А я не понимала, как можно быть таким разным. А в голове каша: вот он, подходит ко мне в первый раз — я смотрю на него спокойного, свободного, не такого как все. Вот он вжимает меня в стену клуба со словами «ты вернулась...» — я смотрю на него, дерзкого, сильного, переступающего грани, понимая, что он не такой как все. Вот он в день нашей свадьбы не дышит, пока я не сказала заветного «согласна», а потом хрипло и практически из последних сил выдавливает своё «согласен» и нежно прикасается губами к уголку моих губ. Мои глаза не закрываются, я смотрю на него и понимаю, что он не такой как все. Каждый раз. Каждая встреча, словно вчера. Словно впервые. Первый секс, ключи от квартиры в белом конверте и сухое «мне нужно уехать», мои слёзы... «Она не может выйти за тебя, парень, потому что уже моя жена», мои слёзы. И вчера я проплакала полночи, потому что он не позвал меня с собой. Он так далеко, что сквозняк, летающий между нами, грозит превратить меня в ледышку. Вот он, улыбчивый, интересующийся, но есть что-то ещё. То, что я чувствую, то, что есть, но он не говорит этого вслух. Это можно найти только в его глазах. Почему так быстро, почему внезапно? Мы виделись всего два раза, а на третий я его родной человек. Расставание, а через шесть лет «я тебя люблю и никому не отдам». Не понимаю, просто не понимаю. Смотрю, анализирую, пытаюсь отвлечься и просто наслаждаться рядом с ним, наслаждаться им, но не могу. Опасаюсь, что завтра... уже завтра всё это может исчезнуть. Что он исчезнет, так ничего и не объяснив. Это игра? Это любовь? Но почему и в том, и в другом варианте я страдаю?

— Почему не заказала десерт? — Улыбнулся он, пытаюсь развеять внезапную скуку.

Вот уже сам заглядывает в подставленное опытным официантом меню и уверенно чертит взглядом линию до чего-то вкусного. Самого лучшего. Указывает пальцем на выбранное блюдо, улыбается мне, окидывает взглядом зал за моей спиной и меняется в лице.

— Я сейчас. — Сообщает тихо и тут же поднимается из-за стола, точно хочет куда-то успеть. Я заламываю пальцы, чтобы не повернуться в ту же сторону, но когда шум становится очевидным, не выдерживаю.

Глава 15

Бывшего ухажёра своей жены Шах заметил, как только тот вошёл в обеденный зал. Словно датчик металлоискателя, в голове сработал сигнал. Мальчишка тоже увидел их сразу. Сначала Шаха — они встретились взглядом, потом взгляд парня медленно переполз на узкую спину, глаза сощурились и слишком резкие движения выдали его намерения. Пришлось идти, огибая столы.

Шах пытался понять и проанализировать сегодняшней вечер. Галя боится. Однозначно. Без вариантов. Его? Возможно. Хочет открыться. Вон, даже драгоценность свою доверила и не спрашивает, прочитал или нет. А он не честный. Он сразу Олегу сказал, что хочет увидеть копии. Всю ночь не мог оторваться от экрана, вглядываясь в ровные рифмованные строки, пытаюсь уловить настроение, поймать её музу за хвост. Под каждым стихотворением стоит дата. Первое отмечено через месяц после свадьбы. Она плакала. Он словно сквозь экран чувствовал, словно не читает, а слушает её тихий жалобный шёпот. Сам на куски разрывался, пытаюсь понять извечное «за что?..». Зря прочитал? Ведь уже на следующее утро она и сама отдала. Доверилась? Да сейчас! Подчистила! Первые работы датируются через два года после свадьбы. Там настроение другое. Ей грустно, просто грустно. Всё так же больно, но

понять это можно, только прочитав то, что она хотела утаить. И всё в ней есть: и сила, и энергия, уверенности нет. Сам растоптал. Почему? Потому что не мог иначе. Не хотел топтать, но случилось так, как случилось. А теперь она сидит и смотрит на него совиными глазами. Не зная, как поступить. Иногда срывается и её губы только и успевают шевелиться, открывая тайны хозяйки, потом она вздрогнет, опомнится. Шах каждый такой раз может отметить. Практически неуловимо. Она научилась хорошо маскировать свои чувства. Кто был учителем? Он сам.

— Далеко собрался? — Рыкнул в тот момент, когда между ним и Антоном оставалось не более одного шага. Чувствовал себя спокойно, хотя и понимал, что тут горячкой за километр прёт. Парень даже не думает о последствиях.

— Уйди с дороги. Я поговорить с ней хочу.

— Я не хочу, чтобы ты с ней разговаривал. — Проговорил тихо и настойчиво, оглядываясь по сторонам, оценивая ситуацию.

— А кто ты такой, чтобы за неё хотеть?

— Тебе напомнить?

Взгляд глаза в глаза затянулся. Любое движение, случайный порыв ветра может заставить мужчин сцепиться. Шах не боялся. Он знал, что сильнее. Знал, что выйдет победителем, даже если не будет сильнее. Потому что у него есть один благодарный зритель. Та, ради которой стоило пройти и не один такой путь. Парень закипает от негодования, злости, собственнической ревности. Шах спокоен и даже бровью не ведёт в ответ.

— Я всё равно поговорю с ней.

— Не в этой жизни.

— Ты не всегда будешь рядом.

— Действительно так думаешь?

— Она моя.

Шах промолчал.

— Чем ты её держишь? Баблом своим? Силой, властью? Ты просто старый законченный ублюдок! Ты никогда не заставишь её быть с тобой, понял? Думаешь только о себе. Я поговорю с ней. Сейчас!

Антон толкнул Шаха в плечо и стиснул зубы, понимая, что тот не шелохнулся. Он повторил попытку, но в этом человеке не кровь и не мышцы. В нём камень. Он сам камень. И взгляд каменный, и хватка.

— Я. Поговорю. С ней.

— В этом больше нет смысла. Галя со мной. — Так же спокойно, словно и не было ничего. Словно они так и разговаривали. Чувство, от которого становится жутко.

— Антон Борисович, Дмитрий Алексеевич, не здесь, прошу вас. — Подлетел озабоченный метрдотель.

— Всё в порядке. Мы уже уходим. — Улыбнулся мужчине Шах. Антона перекосило так, словно перед ним стояло чудовище.

— Дмитрий Алексеевич, ужин за счёт заведения...

— Я в состоянии платить по счетам.

Развернулся, чтобы увидеть Галю. Она смотрела на него и снова была напугана. Нет, она, скорее, волновалась. За кого из них? Не важно. Он не хочет знать. Она будет его, потому что так должно быть. Так лучше для неё.

Подходя к столику, улыбался, потому что невозможно было не улыбаться, глядя на

яркий румянец.

— Планы меняются, предлагаю приступить к десерту дома. Ты как?

— Только если сварить свой кофе. Кажется, ты подсыпаешь в него что-то наркотическое. Я уже подседа. — Девушка делает круглые глаза, берёт свою сумочку и, улыбаясь, выходит с мужем под руку, не замечая Антона. Не замечая его буравящего взгляда. Она не хочет его видеть. У неё уже есть тот, на кого нужно смотреть.

Дома, как бы оба не старались, лёгкую атмосферу общения поддержать не удалось. Галя всё больше погружалась в свои размышления, Шах то ли не хотел ей мешать, то ли не хотел торопить события. В любом случае, он уже научился ждать её. Осталось совсем немного...

А утром... утром как всегда разбудил стуком в дверь. Сначала такое отношение Шаха напрягало, потом забавлял её виноватый вид, а теперь ему было просто приятно слышать торопливое и суетное «доброе утро», пусть даже через дверь. У него были ключи от этой комнаты. Более того, сколько раз он одёргивал себя от желания не стучать, а войти, чтобы не только услышать голос, но и увидеть светлое заспанное лицо с чуть припухшими губами. Зато на нём отображался мир и спокойствие.

Вместе они встретили лишь одно утро, но Шах помнил его долго. Наверно, каждый день вспоминал и мысленно говорил, что всё бы отдал, чтобы вернуть тот день, те минуты до звонка своего мобильного. И вот так, с предвкушением этого чарующего вида, он и стоит каждый раз под дверью. Десять, двадцать минут. Да он готов простоять под ней вечно! Только бы быть уверенным в том, что Галя выйдет.

— Ещё раз доброе утро. — Галя сегодня улыбалась и мило смущалась. Не оставалось ничего другого как пригласить её на ставший традиционным завтрак.

— Доброе. — Развёл Шах руками, пропуская вперёд.

Сначала Галя шла смело, размашисто виляя бёдрами. У кого-то сегодня настроение?.. Ну вот... не успел помечтать, как движения стали более ровными и спокойными. Девушка вспомнила, что не одна. Что на её попу могут непристойно пялиться и... как она близка к разгадке. Спустившись по лестнице, Шах застегнул пуговицы стильного пиджака, не желая давать малышке лишние подтверждения её догадок. Что сказать... он не привык долго обходиться без женщины. Особенно когда эта самая женщина так завлекает, манит, а потом прячется в дальний угол. Он заводил её и заводился сам, он соблазнял её и отталкивал, чтобы потом, как молокосос, закусывать подушку, кончая. Что его останавливало? Наверно, здравый смысл. Он мог заставить, мог уговорить, мог просто довести до грани и трахнуть так, как давно мечтал. В том, что касалось постели, о любви речи не шло. Шах хотел. До темноты в глазах. Иногда физически ощущая, как боль желания бьёт не только по нервам, но и по всему организму, уничтожая. Но не прикасался. Потому что знал: как только почувствует эту власть, двух путей ни у него, ни у неё уже быть не сможет. Он мог логически объяснить, что с ним Гале будет лучше. Более того, дай он ей шанс спутаться с эти Антоном, уже через год не потребовалось бы много усилий, чтобы затащить её в свою постель, вернуть в свою жизнь. Но он не готов был ждать. Не готов делиться и получать маленькое разбитое сердце с растоптанными надеждами. Поэтому сейчас борется с ней и с собой.

— Ты не голодный? — Отвлекла его лёгкая улыбка жены.

— Я бы мог сказать, что сыт твоей любовью, но... — Снова развёл руками, поджимая губы.

— Но тогда бы я начала халтурить и экономить на ужине. — Подсказала Галя более щадящий вариант концовки. Дима нахмурился.

— Экономить? — Приподнятая бровь не застала Галю врасплох.

— Да. Свои силы, разумеется. Не думаю, что две порции мяса сильно бьют по твоему карману.

— А вдруг я концы с концами еле свожу? — Приблизился Шах, нависая над столом, оттесняя завтрак и подавляя своей энергией любое сопротивление.

— Да, дорогой. — Не желая отступить, Галя приблизилась к нему в ответ. Смотрела в глаза, чуть прикусила губу, аккуратно поддела полы пиджака, поглаживая ткань изнутри. — Твой галстук просто кричит об этом. — Стянула в кулак модный аксессуар, притягивая к себе его обладателя. Пришлось задержать дыхание под испытующим взглядом. И не важно, что самой от такой наглости, дерзости, теперь придётся бежать в комнату женской гигиены, чтобы привести себя в порядок. Потому что Дима был как ледяная глыба, которая надвигается и даже не думает, что через секунду превратит кого-то в такой же лёд, как и сам.

Он смотрел слишком серьёзно, на лице ни тени игривости. Его подобная манера не заводила. И только сам Шах знал, что ещё чуть-чуть и он разложит её прямо на этом столе, обернув на пол и кофе, и свежий бисквит.

— Если не отпустишь, то о работе на сегодня можешь забыть. — Предупредил, а Галя сначала не поняла, потом её кулачок дрогнул, а после и рука разжалась. Горькая улыбка вылезла чуть позже, когда никто видеть этого уже не мог.

— Дима, поехали, мы опаздываем. — Сказала вместо: «мне плевать на работу, я хочу тебя здесь и сейчас», только что-то подсказывало, что это он и так знает, потому и предупредил. Потому и заставил отступить. И, конечно же, он понимающе кивнул, не желая развивать ни тему, ни решать очевидные проблемы. И если бы Галя лично не чувствовала, как стоит его член, уличила бы мужа в импотенции.

По дороге они не проронили и пары слов. Расстались, только условившись о том, что вечером её заберёт Женя.

— Дмитрий Алексеевич, к вам Борис Аркадьевич. — Пропела по коммутатору секретарша Шаха, явно стоя глазки давнему партнёру компании. Шах даже перестал обращать на это внимание. Успокаивало то, что старый друг принципиально секретарш в любовниц не берёт.

— Пригласи. — Пробасил в ответ и откинулся на кресле, отвлекаясь от работы. Ковалёв давно стал одним из немногих, с кем можно было не строить из себя большого начальника.

Статный мужчина возрастом чуть за пятьдесят вошёл и сразу направился к мини бару, расположенном в углу. Удивлённый и заинтересованный взгляд Шаха оставил без внимания. Развернулся, щедро наливая в бокал марочный коньяк, прищурившись, посмотрел на хозяина кабинета, и залпом бокал осушил. Шах подошёл ближе и наполнил второй бокал. Под пристальным взглядом усмехнулся.

— Я так понял, мне халявы не предложат. — Пояснил, раскатав по рту мелкий глоток. — За что пьём?

— За то, что мой друг такая *ука! — Вызверился Ковалёв. Сжал зубы, наблюдая, как меняется в лице Шах, и только после этого швырнул портфель, который до этого не вспомнил выпустить из рук, на угловой диван. — Ты какого хрена к сыну моему полез?! — Прорычал, но желаемого не добился: Шах так и стоял с полуулыбкой. — Молчишь?

— А что ты хочешь от меня услышать? Я пока не понял, о чём ты тут толкуешь.

Объяснишь? — Протянул руку, предлагая присесть, и поплёлся следом, когда Ковалёв махнул гривой и согласился.

— Что это за фокусы, Шах? — Подскочил, не успев толком сесть. — Антон женится собрался... Помню я его девку, два года слюни по ней пускает, только что не пылинки сдувал, предложение сделал, а она, оказывается, уже под тобой побывала? Осталась в этом городе хоть одна тобой неопробованная, а?

— Что?

— Что слышал!

Шах улыбнулся шире дозволенного, внимательно посмотрел на друга, а потом громогласно рассмеялся, свободно запрокидывая голову назад.

— Антон, говоришь? — Хохотнул ещё раз. — Сын?

— Ты чего ржёшь как конь гималайский? Я тебя спрашиваю, что ты девке мозги пудришь? Какого хрена тут вообще у вас происходит?!

Отсмеявшись, Шах затих и даже улыбку спрятал, принимая привычный для себя и окружающих образ, после чего губы и вовсе скривил.

— Я пока так ничего и не понял.

— Что ты не понял? Что ты не понял?! Бабу, говорю, сыну моему верни! Не понял он. — Разворчался Ковалёв, упокоившись. — Нет, это дурдом какой-то! Дим, две недели назад я в командировку уехал, Антон кольцо ей выбирал. На днях жена звонит, говорит, отказала нашему сыночку эта пигалица, приедешь — спусти с неё шкуру. А вчера, не успел я войти в дом, как Антон кричит: спасай мою девушку, какой-то бандит держит её у себя, не отпускает. Нет, я всё понимаю, но почему бандит-то? И вообще, что это за история? Вроде как ты женат? — Последнее Ковалёв выговорил с явным недоверием и каким-то смешливым подтекстом. — Теперь, надеюсь, понял?

— Теперь понял. — Кивнул Шах, но продолжал упрямо смотреть на друга, не спеша пояснять что-либо.

— Ну, и что ты молчишь?

— Не поверишь, — развёл руками, — даже не знаю с чего начать.

— Да уж желательно с начала! Что за бред?

— Нет никакого бреда, Борь. Галя действительно моя жена и она живёт со мной. Поэтому вопрос о том, чтобы я кому-то кого-то вернул не стоит обсуждения. Что касается их отношения с твоим, — на этом Шах странно скривился, словно ему было неприятно, — сыном, то пусть остынет и найдёт себе кого-нибудь попроще. Всё остальное тебя не касается в принципе, поэтому тему можно считать закрытой.

— Что значит не касается и что значит закрытой, Дим? Ты нормально объяснить можешь? Какая жена? С какого бодуна она взялась? Ты мне хоть не втирай, бок о бок баб пёрли столько лет, ты чего?

— Сколько? — Бросил Шах с вызовом, Ковалёв пожевал губами, прежде чем ответить.

— Ну, как ни крути, а два последних года...

— Боря, она моя жена. — Отчеканил Шах, обрезая все пути к отступлению. — Законная. Это не обсуждается. Женаты шесть лет. — Едва ли не по слогам выговаривал, осознавая, что понимания не будет в принципе. — Поссорились. Расстались. Почему начала встречаться с твоим сыном? Потому что была уверена, что я не вернусь. Почему ему обо мне не рассказала? Да потому что вычеркнула из своей жизни. А вот сейчас я увидел её и понял, как много потерял. Она вернулась ко мне и теперь по-другому уже не будет.

— Да ладно, Дим. — Мужчина сделал вид, что расслабился, даже руку на подлокотник откинул, принимая свободную позу. — Ну, не вижу проблем, правда. Ну, жена, ну, законная. Сколько ты с ней вместе прожил и сколько порознь? Я ведь хорошо считаю и, о чём ты говоришь, прекрасно понял. — Спокойно и вкрадчиво продолжил Ковалёв, понимая, что высказаться ему дадут. Говорил, меняя тактику. Шах склонил голову набок. — Что тебе, баб мало? Да любая в нужную позу станет, только кивни. Любовь у них, понимаешь? Молодозелено, и такое бывает. Хочет он её — пусть получит. И Галя тоже неплохая девка, хорошо ему с ней будет, понимаешь? Нужна ему такая. Тебе она зачем? Я же знаю, что ты темпераментных любишь, таких, чтобы искры из глаз, чтобы волосы дыбом. Чтобы кричала под тобой и спину по-живому раздирала. Эта другая. Дру-га-я! Что ты заладил, жена, жена?

— Борь, ты меня сейчас уговариваешь, я что-то не понял? — Подводя итог под этим словесным бредом, скривился Шах и упёрся локтями в столешницу. — Ты реально мне сейчас говоришь эти слова или это слуховые галлюцинации? Лично я больше склоняюсь ко второму варианту. Что значит отдай? Мы не на рынке.

— Дим, любую тебе подгоню. Но эту, — Ковалёв поднял указательный палец вверх, — эту уступи. Это я тебе сейчас как друг говорю.

— Да пошёл ты, друг! Вместе со своим сыном. Вырастил недомужика так теперь и отвечаешь за него, да?

— Дим, давай поговорим по-взрослому, хорошо? Зачем она тебе? — Примирительно выставив перед собой ладони, Ковалёв заговорил тише. — Ты же любую приручить сможешь. А ту, которая не понимает, заставишь понять. Приличную захотел? Не шлюху? Так зайти в любой институт там таких приличных пруд пруди, хоть красивую бери, хоть умную, хоть то и другое вместе.

— Что же ты это сынку своему не посоветовал? — Хитро прищурился Шах, затихая. Снова расслабился и подтянул бокал с коньяком ближе. Сделал ещё один мелкий глоток и, смакуя вкус, погонял напиток между щёк.

— Да дурак он. — Ковалёв беззлобно махнул рукой. — Вцепился в эту, клещами не оттащить. Я не понял сначала, что талдычит. «Украл, заставил, она меня любит». — Перекривил сына. — Только когда имя твоё услышал более-менее пришёл в себя. Знал ведь, что не может такого быть. Так вот не слышит меня Антон. Помоги, говорит, вернуть. Что хочешь сделаю, в бизнесе в твоём останусь, — посмотрел на Шаха исподлобья, — ты же знаешь, что это для меня важно...

— Так, ты сейчас за себя просишь или за сына? — Хмыкнул Шах, не сдержался, слушая откровенную чушь.

— Я сейчас просто прошу. Оставь её. Ну, что ты в чужую жизнь лезешь, а? Смысл тебе её заставлять, если себе другую, в сто раз лучше найдёшь, которая не станет артачиться, а? Подумай.

— Уже подумал и мой ответ от этого не изменился. Борь, я понимаю, что тебе сейчас посочувствовать надо, что такого сына вырастил. Только, знаешь, мне не до сочувствий. Галя моя жена и ею останется. И дело здесь не в хочу-не хочу, и даже не в люблю-не люблю. Я так решил и не буду отчитываться ни перед кем. Ты хотел поговорить по-взрослому? Давай. — Встал из-за стола, обошёл тот стороной и перед Ковалёвым на столешницу уселся. — Ты, когда последнего мужика со своей Дианы снимал, что кричал, не помнишь?

— Ты охренел, Шах?

— А с чего ты решил, что моя жена чем-то отличается от твоей? — Приподнял одну

бровь и чуть подался вперёд, руки при этом держал в карманах. — Она ведь давно не нужна тебе. Отдай. — Проговорил жёстко и получил удовлетворение от перекосившейся физиономии напротив. — Почему нет? — Широко улыбнулся, хотя в ответ не прозвучало ни звука. — Может, потому что она твоя жена и ты её никому не отдашь? Не хочешь же ты мне втирать, что между вами любовь неземная? А какого тогда я должен перед тобой отчитываться, а, Борь?! — Прорычал, выталкивая слова сквозь зубы. Теперь упирался руками в подлокотники кресла, на котором сидел Ковалёв и пытался задавить его своим напором. — И давай прекратим этот бессмысленный разговор. Уважаю за то, что решился всё это сказать, но мой ответ «нет» и его я не изменю никогда.

— А смысл?

— А смысл в том, что она уже моя. Всегда моей была и навсегда моей останется. Кто у неё там был — фиолетово. Сейчас их рядом нет. Вопросы?

— Не противно? — Выбросил Ковалёв свой последний шанс, зная придирчивую натуру и ненависть к низости и грязи. Только Шах и глазом не моргнул.

— Противно сейчас с тобой это обсуждать.

Как ни странно, но они поняли друг друга и даже выпили по примирительному коньячку, правда, каждый так и остался при своём мнении.

Глава 16

— Нет, ну, ты точно меня разыгрываешь! Такого просто не может быть. Он так смотрел, так говорил... И ничего?!

— Я не поняла, тебя это радует или огорчает? — Улыбнулась я Лизе, пятый раз подряд заверив, что муж меня не бил, не пытал и даже не воспитывал. О «разговоре» по дороге, благоразумно промолчала, кажется, сейчас я даже самой себе не могла объяснить такое поведение. Что-то из разряда «есть что вспомнить, да нечего рассказать».

— Я рада. — Торопливо ответила она, оглядываясь по сторонам. — Нет, ну, ты видела, как он с ними разговаривал? Как со старыми друзьями. Всех знает! — А в голосе восторг и восхищение, к которому я готова приревновать прямо сейчас.

— У нас не настолько большой город Лиз, чтобы потеряться. Конечно, он их знает! Наверняка вместе по саунам в молодости шатались.

— Да прям! Ты посмотри на него и на них всех. Он лидер, прирождённый. И все окружающие слушали бы его, говори он хоть полный бред. Я тебе завидую. — При упоминании неприятного для меня слова, я подобралась и глянула на монитор, буквы энного текста расплывались перед глазами, но я продолжила сосредоточенно изучать материал. — Белой завистью, разумеется. Правда, меня он недолюбливает, это точно. Наверняка ревнивый, да?

— Как ты можешь и утверждать, и спрашивать в одном коротком предложении, Лиза? Ты же филолог.

— Да брось! Русский язык велик и могуч. В нём два разных понятия могут означать одно и то же. Так, ревнивый или нет?

— Я не давала повода.

— Значит, не ревнивый, — мечтательно вздохнула Лиза и закатила глаза к потолку. До конца рабочего дня оставалось не больше получаса и можно было расслабиться, но при этом не утратить эффект усердно работающего человека.

— О чём задумалась?

— О твоём муже. — Без доли смущения доложила она и я потеряла любой интерес к работе, захлопнула крышку ноутбука и вопросительно посмотрела в сторону подруги.

— У него ведь должен быть друг, а, Галь?

— Должен. — Медленно кивнула я, взглядом не упуская ни единого её мечтательного жеста.

— А познакомь меня с ним! — Глаза Лизы загорелись адским пламенем, а влажный язык прошёлся по нижней губе. Стоящий в стороне курьер, который за день так и не смог справиться с похмельем, уставился и глядел не моргая.

— С кем?

— С другом. — Заявила Лиза чётко и подскочила на месте. — Как в лучших традициях, Галка. Две пары. Уверена, мы будем классно смотреться вместе.

Я посмотрела с подозрением на вытянутый вверх большой палец, а Лиза потупилась, после чего поспешно заправила волосы за уши.

— Я всегда считала, что взрослый мужчина лучше понимает женщину. Помнишь,

говорила, что Валера мой как ребёнок? Теперь знаешь, как это заметно.

— Сама ты как ребёнок, Лиз, всё ещё веришь в сказки. — Мягко улыбнулась я, понимая, что мне конкретно она не угрожает. Посмотрела на компьютер и всё же решила сложить его в сумку для переноски. — Помнишь громилу из клуба, когда мы Диму впервые встретили?

— Такой хмурый тип, — поторопилась она с ответом, я кивнула.

— Ага, он самый. — Я подавила улыбку. — Это и есть друг Димы. Других я пока не видела. Нет! Был ещё программист Олег, но тот давно и безнадежно женат, да на такой красотке, что нам с тобой и не снилось.

— Скучная ты, Галка. И как только замуж вышла?! — Лиза с досады сплюнула и отвернулась к окну. — Ты ведь ни во что не веришь: ни в любовь с первого взгляда, ни в любовь мужчин в принципе. Так нельзя. Дима с тобой ещё не заскучал, с такой прагматичной особой?

— Дима умеет сделать цирк и без меня. В субботу было одно из таких представлений, а ты и повелась.

— Да, да, ты ещё скажи, что он белый и пушистый! Ни за что не поверю.

Как в старые добрые времена прозвенел звонок, сообщающий о том, что рабочий день закончился, и сотрудники редакции засуетились, пытаюсь в числе первых покинуть свои кабинеты.

— А я и не говорю... — Пробормотала, когда Лиза слышать меня не могла и надула губы, задумываясь, а какой он?..

Дима разный. Непредсказуемый. А чаще всего он меня просто удивляет. Вот, примерно как и сейчас, когда я стою у главного входа в офисное здание, а он, несмотря на то, что утром говорил про какое-то важное дело, стоит с букетом цветов и ждёт, когда же я вспомню, что нужно спуститься.

— Привет. — Прошептала и глупо улыбнулась, пытаюсь удержать букет, Дима же не терялся, провёл языком по моей нижней губе и заглянул в глаза, при этом втягивая голову в плечи, словно присматривался к реакции.

— Соскучился. — Пояснил просто и открыл передо мной дверь. Я так и стояла, не зная, как трактовать такой романтический настрой, а Дима вытянул губы трубочкой, которая медленно разошлась на лице. — Кажется, я хотел показать тебе свою мастерскую. — Напомнил и чуть подтолкнул вперёд рукой, которая придерживала мою талию.

За рулём, удивительно, но был Женя. Прежде казалось, что машина для моего мужа имеет какое-то особое значение, наверно, я как всегда ошибалась на его счёт.

Дома Дима был немногословен, без лишних прелюдий, держа за руку, повёл наверх, в свою комнату, где за потайной дверью и обнаружилась мастерская.

Пусто. Чёрная, абсолютно чёрная комната, казалось, даже стены в ней покрыты какой-то обволакивающей темнотой. В центре комнаты стоит стол со странной полукруглой выемкой и карманом под ней. По периметру стола несколько ламп точечного действия, над столом — одна общая, излучающая белый люминесцентный свет. На столе стоит ноут с опущенной крышкой, рядом стопка белых листов бумаги с набором карандашей в ряд.

— Почему здесь так темно?

Дима притянул меня к себе ближе, прижал к своей груди, губами проводил вверх-вниз по всей длине шеи.

— Чтобы мне ничего не мешало.

— И... чему можно помешать? — Не поняла я, ожидая увидеть золото и бриллианты. Усмехнулась своим мыслям и полуобернулась, пытаюсь увидеть его глаза, только он на меня не смотрел, не обращая внимания на слова, продолжал ласкать шею губами.

— Думаю, не стоит объяснять, что такое вдохновение? — Он чуть прихватил тонкую кожу зубами и я сжала его руки, удерживающие меня за талию, Дима чуть слышно хмыкнул и поток воздуха охладил горящее тело. — В такие моменты хочется ловить удачу за хвост, видеть то, что мелькнуло в твоих мыслях всего на мгновение и тут же исчезло.

Он хватку ослабил, скорее, осознавая, что у меня возникло желание подойти ближе, но сам следом не пошёл.

— Ты рисуешь? — Подтянула пару верхних листов ближе. Рисунок не был абстрактным: чёткий, яркий, с насыщенными оттенками серого... стрекоза. Очень похожа... как настоящая, только на бумаге. Дима на мой вопрос не ответил, а я и забылась, увлеклась, перекладывая один лист на другой, пробираясь всё глубже.

На бумаге один за одним я видела узоры, образы, загадочные в своём исполнении витиеватые линии. Села на стул, потому что хотелось увидеть больше, узнать, прочувствовать. Было красиво. Волшебно. А ещё очень хотелось улыбаться. Улыбка пропала с моих губ, когда на одном из листов я увидела себя. Сердце застучало быстро и сильно, и не хватало воздуха, чтобы вздохнуть полной грудью. Нежность, плавность линий, нега расплзлась по телу. Я не помню себя такой. На губах лёгкая полуулыбка, а взгляд устремлён вдаль. Оголённые плечи, убранные с них волосы. Образ, который придаёт ощущение свободы и бесконечности счастья. Я провела кончиком пальца по серым росчеркам карандаша, боясь, что они могут исчезнуть. Обернулась, чтобы посмотреть на Диму, но не увидела ничего, кроме пустоты.

— Нравится? — Голос напряжён, но не дрожит, скорее, льётся, так же плавно, как и линии карандаша, повторяя контур губ, локонов мягких волос.

— Я не знаю...

Провела пальцем по листу бумаги ещё раз и прикусила губу, когда взгляд остановился на кольце. Моё кольцо. Такое же, как и сейчас. Медленно отвела глаза, чтобы снова взглянуть в пустоту. Дима осторожно, но шумно выпустил из себя воздух. А на следующем листе бумаги я увидела второе кольцо. Объёмный рисунок размером на весь формат. Кольцо, которое я так и не примерила, но не могла ошибиться, что это непременно оно.

— Ты подарил мне его несколько дней назад. — Обернулась резко и тут же вернулась взглядом к рисунку. Датирован днём моего рождения этого года.

Снова обернулась на Диму, но не знала, что хочу сказать, поэтому, закусив губу, стала перелистывать уже просмотренные работы. Что-то было отмечено вчера, что-то две недели назад. На рисунке, на котором он изобразил меня стояла дата двухгодичной давности. Всё внутри сжалось, а свободная рука потянулась к кольцу на пальце левой руки, коснулась металла, который оказался на удивление тёплым, лучи света переплетались в загадочном узоре золотых нитей, освещая сердцевину цветка, играя в гранях прозрачного камня.

— Его сделал ты?

— Я хотел, чтобы ты помнила обо мне всегда. Чтобы у тебя было что-то особенное. Другого такого просто нет.

— Шахматный король... — Прошептала, припоминая недавний разговор с Лизой, слышала, как Дима усмехнулся.

— Глупость, но на момент основания компании, идея показалась мне гениальной.

— И всё это сделала ты? Всё то, что я видела на рисунках?

— Некоторые так и остались рисунками. Многие никогда не станут украшениями. — Дима шагнул ближе, но не подошёл к столу. Зато теперь, оглядываясь, я могла видеть нечёткий силуэт.

— Всё так красиво...

— Но не уникально.

— А ты хочешь, чтобы мир вокруг стал идеален?

— Я хочу, чтобы ты была счастлива, а всё остальное лишь средства к достижению цели.

— Ты здесь сделал моё кольцо? — Отвлеклась я, когда передо мной оказался последний просмотренный рисунок.

В руках я держала эскиз его последнего подарка.

— Эта комната не предназначена для рабочих моментов. Здесь я придумываю, воплощаю идеи в жизнь, моделирую их на компьютере, определяю, возможно ли превратить идею, рисунок, в объёмное, настоящее украшение.

— Но ночью ты был дома, я точно знаю. — Твёрдо повторилась я, на что Дима улыбнулся, при этом чуть шатнулся вперёд. Так, что я могла увидеть эту улыбку, увидеть, как сверкнули его глаза.

— Моя малышка хочет увидеть, что находится за занавесом, да?

— Ты обещал!

— Тогда вперёд.

Дима протянул мне руку, в которую я тот час же вцепилась, не желая отпускать. Внутри порхали бабочки. Прежде это выражение казалось пошлым и насквозь фальшивым, сейчас же я тоже ощущаю их, способных оторвать меня от земли, и нести вверх, щекотя тоненькими крылышками. Шла и не смотрела вперёд. Видела перед собой лишь уверенный профиль, жёсткий разворот плеч, ровную спину, лишь иногда могла поймать брошенный на меня короткий взгляд, который опалял, заставляя отступить. В дальнем углу дома, в котором я, признаться, ещё не была, оказалась простая деревянная дверь, ведущая на огромный по площади цокольный этаж.

— Это подземный гараж? Почему его не видно с улицы?

— Въезд со двора. — Коротко пояснил Дима и стремительно шагнул вперёд. За одним из последних несущих столбов, невзрачная дверь, выкрашенная в цвет стен, вела в святая святых, как мне хотелось сказать изначально, но волшебство закончилось как только мы вошли. Тяжёлый запах дыма и пыли ударил в нос, заставляя отшатнуться.

— Что? — Громко засмеялся Дима, обнимая меня за плечи. — Не похоже на балкон театра, да? — Он издевался, а я уныло оглядывала пусть и прибранное в общем, но грязное по ощущениям помещение.

— Больше похоже на обувную мастерскую. — Пробубнила тихо, делая нерешительный шаг вперёд. Пассатижи разных мастей и размеров, какие-то шлифовальные машинки, как в гараже на автосервисе, единственное, ожидаемое, это газовая горелка. Чем-то напоминала школьную, которой мы пользовались на уроках химии, но всё же крупнее и надёжнее.

— Так уж сложилось, что это примерно одно и то же. Грязная работа.

— Но тебе она нравится.

— Мне нравится, когда то, что было когда-то нарисовано на бумаге, можно взять в руки. А сам процесс... это как раз и есть работа.

— Но ты ей занимаешься? — Я в упор посмотрела на Диму, он выглядел немного

потерянным, таким же, как и его чуть притихший голос.

— Редко. Когда особенно хреново или когда хочу сделать что-то особенное. — Тихо пробормотал он, перебирая пальцы моей руки. Я заметила лёгкое волнение, но не упомянула о нём. — В тот вечер, когда ты вернулась домой, — он тихо вздохнул и грустно улыбнулся, — когда ты приехала сюда, — исправился и посмотрел увереннее. — Вот, веришь, буквально руки чесались. Хотелось сделать что-то особенное, для тебя.

— А почему ты сразу не сказал, чем занимаешься? — Я снова посмотрела на своё кольцо, которое теперь не забирало моё тепло, а отдавало своё. — Я бы никогда не посмела снять его. И ещё... я сказать хотела... Точнее, наоборот, не хотела. — Слова путались, эмоции смешались в одну сплошную растерянность и слабость. Сказать нужно было так много и, в то же время, хотелось промолчать. Повернулась, чтобы стать напротив, чтобы видеть его глаза, чувствовать дыхание. — Я не носила его не потому, что оно может быть дорогим, и даже не потому, что такое красивое и я боялась зависти. — Улыбнулась, осознавая всю бессмыслицу слов и одновременно их необходимость. — Дим, когда оно со мной, я думаю о тебе. Словно какая-то магия, волшебство. Словно ты всегда рядом, но тебя не было. Ты ушёл, ты бросил... — Замерла, не зная, что добавить и вглядывалась в удивительно мягкие черты лица, которые прежде не отмечала, в ровный контур губ, в опаляющий румянец на его щеках. Мне казалось так важно знать, что не одна я сгораю изнутри. — Ты был далеко, а мне хотелось, чтобы рядом. Ты отказался от меня, а я хотела, чтобы смотрел, чтобы просто смотрел и видел, как мне тебя не хватает, как мне хорошо, когда я чувствую твоё тепло. Ты... ты заставил поверить в то, что счастье есть и тут же растоптал эту веру.

— Я...

Дима наклонился, чтобы быть ближе, чуть сжал меня с боков, приобнимая, губы были приоткрыты, а глаза под туманной поволокой, но резкий и громкий звонок заставил нас двоих вздрогнуть.

— Кто-то пришёл. — Сказал он ровным тоном и сделал шаг назад. Я стиснула зубы. Сделал ещё шаг, но всё ещё не отпуская взгляд. Наконец, прищурился, задрал подбородок вверх, глядя чуть надменно, словно только этих слов от меня и ждал. Я замерла, не веря в то, что он сейчас уйдёт.

— Дима?.. — Позвала, но он отрицательно покачал головой. Развернулся, скрипнув каблуками туфель по тёмному полу и, чеканя шаг, из мастерской вышел.

А я осталась. Мне было холодно. И больно.

В гостиной стали слышны радостные крики, шуточный женский визг и грубый мужской смех. «Кто-то действительно пришёл» — подумалось мне, я как раз взялась за ручку двери, ведущей из подземного гаража в дом. Слышала и голос Димы. Скупые на эмоции слова, с явно скользившим в них недовольством. За последние пару дней я научилась различать его интонации, даже пыталась уговорить себя привыкнуть к резким сменам настроения, а больше всего просто бесилась от его показательного равнодушия. Вот и сейчас, мы встретились взглядом, но Дима никак не отреагировал. Только ноздри чуть раздались вширь, выпуская слишком мощный поток воздуха, он отстранённо улыбался женщине, стоящей рядом, не смолкающей ни на секунду, и в пол-уха слушал её эмоциональную речь. Женщина, словно почувствовав, что внимание потеряно, обернулась, глядя на меня, а я и подумать не могла, что у кого-то может быть настолько жизнерадостная улыбка при виде незнакомого человека. Казалось, ещё секунда и она бросится ко мне с объятиями, и, не успев я об этом

подумать, как отшатнулась от мощного напора.

— Привет, я — Лия. — Едва ли не прокричала она, хотя перебивать её никто и не пытался. — Я беспомощно глянула на Диму, затем на глаза попался... Лёха Кислый, тот, правда, улыбался так же жизнерадостно, как и его спутница, и только после этого смогла выдавить из себя вежливое.

— Мне очень приятно.

— Галя — это Лия, она делала причёску для свадебной церемонии. — Пояснил Дима и даже после этого до меня не сразу дошёл смысл сказанного. Я смотрела на эффектную брюнетку с короткими идеально уложенными волосами и не узнавала в ней девушку из свадебного салона, свою свидетельницу на свадьбе, если упомянуть всё.

— Да брось ты, — хлопнула она Диму по плечу от всей души, — Галя только на тебя и смотрела, никого вокруг не видела. Но ничего, мы заново познакомимся. Пойдём, я привезла яичный ликёр, — не останавливая поток речи, Лия уже тянула меня в сторону кухни, — не знаю как ты, а я от него просто балдею.

По-хозяйски усадила меня на стул, поставила перед носом две миниатюрные рюмочки и принялась скручивать пробку с рельефной бутылки. Я даже не предполагала, что в нашем доме такие имеются, Лия же, не терялась. Да и вообще чувствовала себя достаточно свободно.

— Ты изменилась. — Заметила она, буквально влив в меня первую рюмку. — Осторожничать стала, присматриваться, прислушиваться. Раньше такой не была. — Сказала вроде и серьёзно, а сама засмеялась. — Да не бойся ты, не укушу! Знаешь, я ведь тогда не сразу поняла, что происходит, Дима ведь не был твоим возлюбленным, да?

— Лия, извини, но...

— Да ладно тебе извиняться, не хочешь говорить — не говори. — Перебила она моё невнятное бляение. — Сейчас вообще не о том речь. Просто я хотела сказать, что рада знать, что вы снова вместе. Правда. Самая красивая пара, которую я когда-либо видела. И я не о внешности говорю, а о том, что между вами происходит.

— А что между нами происходит? — Сдалась я под её напором, безмолвно подставляя рюмку под ликёр, сделала небольшой глоток. — Может, со стороны виднее...

— Конечно, виднее. Это я тебе говорю. Сохнешь ты по нему. Вот и вся история. Дима долго сопротивлялся, правда, всё оберегал твой покой, как он любил говорить. Не решался вернуться и всё такое... — Замахала она руками, наливая нам по третьей рюмке. — Я злилась на него жутко. Ведь если любишь, прощаешь всё! Вот и ты простила, а он всё сомневается.

— Мне кажется, он уже давно не сомневается...

— Вот именно, что кажется. Это он с виду только грозный такой и уверенный. А на самом деле... — Залпом опустошила рюмку, оглянулась по сторонам, присматриваясь, вытерла губы тыльной стороной ладони и дотянулась до нижнего шкафчика. Извлекла оттуда коробку конфет. — Ешь. — Поставила передо мной. Посмотрела и улыбнулась. — На самом деле хочет знать, что нужен тебе.

Я посмотрела с недоверием.

— А вы...

— Мы общаемся с тех пор, ты права. Но не потому, что он так меня любит. Иногда кажется, Димка и вовсе задушить хочет. Лимончик порезать?

— Нет! — Дёрнула я Лию за руку, когда та уже собиралась метнуться в сторону холодильника.

— Я за Лёшу вышла замуж, а они друзья, поэтому им просто приходится меня терпеть.

— Им? — Не поняла я.

— Да. Им обоим. Лёша тоже иногда из дому уходит, чтобы, как он говорит, отдышаться.

Правда, возвращается всегда с букетом цветов и виноватыми глазами, потому что знает, что его ждёт, если вину не признать.

Я пьяно и недоверчиво усмехнулась.

— Это я тебе, как живой пример предьявляю, как натура человека отличается от его внешности. Разве ты думала, глядя на эту рожу, — она помахала мелькнувшему в дверном проёме Кислому, — что он может декламировать стихи наизусть при этом с выражением. И вовсе не с тем, о котором ты подумала. А он может! И в постели на колени передо мной станет, если это будет нужно. Не унижаясь, Галь, не теряя своего достоинства. Просто потому, что он знает секреты семейного счастья. А когда счастлива жена, как говорится... — Она только развела руками. — Н-да. Давай ещё по одной!

Не дожидаясь согласия, налила полную рюмку.

— Не подумай, я не алкоголичка, просто это моя слабость. — Скривилась, понимая, что это, по сути, одно и то же. — Надеюсь, ты меня поняла. Во-от, — потянула, поглядывая в сторону входа. — Так и Дима твой. Он хочет, чтобы ты была рядом, только не знает, как сказать об этом.

— Может, словами? — Подсказала я, словно на него раздражаясь. Рюмку опустошила и на Лию смотрела уже другими глазами. Как на товарища, друга и брата... в смысле, на сестру.

— Так-то оно, конечно, так. — Замысловато согласилась она, при этом пожимая плечами. — Но мужчины, как бы тебе сказать... они хорошо умеют зарабатывать деньги и ставить условия. Про то, что не умеют просить — это я тебе авторитетно заявляю, а вот поговорить по душам, о-о, для этого нужно довести их как минимум до состояния нестояния. Дима на моей памяти только единожды в нём оказался, тут-то всё и выяснилось. Он хочет тебя до безумия, но при этом не может жить, зная, что ты ему в этом хоть на шаг уступаешь. Знаешь, когда хотят, чтобы отдавались полностью, без остатка.

— А ты его личный психолог?

— Нет. Я единственный человек, которому он не безразличен и при этом разговариваю с тобой на одном языке, потому что мы обе женщины. А кто может понять пьяную женщину, если не другая пьяная женщина? Тебе наливать? — Спросила на ходу, так, чтобы я сориентироваться не успела, но я оказалась прозорливее.

— Нет. — Обиделась, понимая, что меня банально спаивают, и накрыла рюмку ладонью. Лия настаивать не стала и налила только себе.

— У вас был секс, признайся?

— Ты о сексе в принципе или...

— Первую брачную ночь не считаем.

— Тогда у меня был, а у него нет. — Нахмурилась я, не понимая, к чему она ведёт. Лия широко улыбнулась.

— Ах ты, шалунья! — Пригрозила пальчиком и навалилась на барную стойку, которую мы оккупировали. — Я так и поняла, когда его увидела. Мне казалось, сейчас он был не очень рад нас видеть. Наверно, если бы пришёл только Лёша, вытолкал бы его вон, а со мной пустил. Видишь, какая я. Что? Перебили?

— Я как раз признавалась ему в любви. — Смутилась я и отпустила рюмку. Лия

понимающе улыбнулась и наполнила её.

— Мужчины это любят. Дима особенно оценит. Это Лёша у меня парень простой, ему банального «люблю» за глаза хватит, а Дима эстет. Культурный молодой человек, душа поэта и всё такое. Одним словом, дизайнер. — Послышался звук соприкасающихся рюмок, мы выпили и закусили горьким шоколадом конфет.

Я наклонилась к Лие ещё ближе, чтобы затронуть волнующую тему, она это просекла и приложила палец к губам, присматриваясь, не стоит ли кто за углом. Потом согласно кивнула, предлагая говорить.

— Он всё время меня отталкивает. Я уже не знаю, что делать. — К моим щекам прилила кровь, а девушка напротив при этом оставалась невозмутима и абсолютно серьёзна. — Осталось только сказать: «трахни меня». Вот, тебе это о чём говорит?

— Может, о том, что ты хочешь секса, а он этого не понимает?

— Как можно не понять, что я хочу, если сам меня каждый раз до оргазма доводит? Да он извращенец какой-то. Я балдею, а он мучается, представляешь?

— Кажется, для этого поведения есть какое-то название.

— Есть, но сейчас не о том. Я не знаю, как мне его вовлечь.

— Значит, так и скажи.

— Как?

— «Трахни меня». — Пожала она плечами, словно открывает простые истины.

Сначала я присмотрелась, потом недоверчиво прищурилась и только после этого неприлично громко рассмеялась под недовольное выражение морщины этой пьяной дурочки.

— Пошли! — Решительно кивнула Лия и соскочила со стула. Хотя я бы назвала это как «стекла» с удобного сидения, так грациозно у неё это вышло. Теперь становилось понятно, что Лёша нашёл в этой женщине. Да она убила его наповал своей непробиваемой женской логикой.

Мы вышли в гостиную, Дима и Лёша о чём-то шептались в углу, Лия дёрнула меня на себя, удерживая под локоть.

— Смотри, они наверняка сейчас обсуждают работу. — Я повернула голову, не понимая, к чему Лия ведёт.

— Ну и что?

— А то, что это надолго и о своём сексе можешь забыть. Есть только один вариант заставить их оторваться друг от друга. — Проговорила она, кривя рот в мою сторону.

— Да? Какой?..

— А-а-а! — Прокричала Лия вместо ответа и согнулась пополам. — О-о-о! — Продолжила она, ощутимо щипая меня за руку.

Нет, мне её, конечно, жалко и, конечно, я испугалась, но зачем синяки ставить?! Попыталась одновременно не потерять от страха сознание, довести Лию не то, что до дивана, а хотя бы до кресла, и при этом расцепить её руки, которые рвали на мне кожу живьём.

— Лия, что? — Простонал подбежавший Лёша, подхватил жену как пушинку и дотянул до дивана, бережно укладывая.

— Нужно ноги вверх. — Подсказала я, непонятно откуда всплывшую фразу. Дима покосился с неодобрением, а я сжалась от этого взгляда. — Я в кино видела. — Пробормотала себе под нос, пытаюсь понять, что происходит.

Лёша уже проводил допрос с пристрастием, при этом ответы, судя по всему, его

интересовали мало, а вот вопросов было много и очень громких.

— Где болит, Лия, что? Колит? Режет? Тошнит? — При этом старательно ощупывал живот, гладил бёдра и тербил ладони.

— Может, скорую? — Вмешался благоразумный Дима, но Лия от этого сжала ладонь мужа так, что и тот закивал, отказываясь от предложения.

— Не нужно. — Наконец, Лия смогла открыть глаза и простонать что-то похожее на слова. — Мне бы водички... — И так заморгала, что первые мои мысли были о нервном тике.

Как только Лёша смотрел на неё, Лия болезненно и слабенько улыбалась, а когда приклонялся к животу, снова начинала моргать. Я поняла, что это было вроде как того самого единственного способа, о котором она обмолвилась вскользь и собиралась бежать на кухню, как услышала голос позади.

— Галя, принеси воды, ты же видишь, Лия волнуется. — Сахарным голосом проговорил Дима, и мы обе вспомнили о его присутствии. Синхронно повернулись и перестали дышать. — Иди, иди. Лёш, перестань на неё дуть, моргать мешаешь.

— Что?

Лия, кряхтя и постанывая, встала, при этом доигрывала приступ, посмотрела на Диму убийственным взглядом.

— Не чуткий ты человек, Дмитрий Алексеевич. — Выдала, гордо задрав голову. Опираясь на плечо мужа, встала, подошла к ближайшему креслу и стянула с него свою сумочку на длинном ремешке, которую забросила туда, как только пришла. — Идём, дорогой, я так понимаю, нам здесь не рады. Вон, даже стакан воды пожалели. — Проговорила это прямо Диме в лицо. Потом как-то естественно скривилась и выдохнула. — И ликёр этот... зачем ты постоянно мне его покупаешь?! — Огрела мужа сумочкой по плечу. — Идём!

Наконец, вытолкала Лёшу к двери и вставила ноги в густо украшенные цветами вьетнамки.

— Галя, будь другом, проводи. — Икнула, глядя на меня, а я и засуетилась тут же, не имея ни малейшего желания к Диме лицом поворачиваться и уж тем более в глаза смотреть. Стыдно. Уже на веранде шепнула:

— Клиент созрел. — И заржала, оглушая хохотом.

— Без любви виновата Я! Без любви виновата я... Холостого любила тебя одного, полюблю и женатого... — Горланила она песню, пока Лёша спускал её со ступенек, а потом и вовсе взял на руки, чтобы не спотыкалась, за что тут же был вознаграждён поцелуем в лоб. Только красная помада лишняя. Усадил жену на заднее сидение.

— Не стирай, не стирай, тебе красиво... — Заканючила она, когда Лёша принялся тереть след от помады, правда, только растёр её, получив вместо поцелуя красное пятно во весь лоб. Чертыхнулся.

Дима ещё о чём-то с Лёшей разговаривал, Лия пела песни, когда я украдкой принялась рассматривать мужа. Сейчас он выглядел расслабленным. Смеялся над какими-то Лёшиными шуточками и рассказами, я сидела на ступеньках и просто пялилась на него, прожигая дыру. Непринуждённый, раскрытый, с яркими глазами и спокойной улыбкой. Он несколько раз оглянулся, пристально глядя на меня, улыбку при этом прятал, а на её место на лице накладывалась тень задумчивости, сомнения, но тут же возвращался взглядом к Лёше, продолжал разговор. Когда смотрела на Лию, на губах расплывалась улыбка. Она

классная, только пьянеет быстро. Вот, выпили вроде одинаково, а её вон как развезло...

Следующий кадр, который был запечатлён, так это стоящий надо мной Дима. В глазах откровенная издёвка, а ироничная улыбочка не сходила с губ.

— И когда вы успели так нализаться, крошки? Пять минут и в зюю! — Хлопнул он в ладоши, на лице застыло выражение феерии.

— А где Лёша и Лия?

— Уехали они. Ты, видимо, этот момент проспала. Идём в дом.

Дима попытался дёрнуть меня вверх за руку, но я отмахнулась.

— Я не хочу домой. Мне на воздухе лучше... — Надула губы.

Тогда Дима присел на корточки, оказался чуть ниже меня, а улыбка на лице так и оставалась, так и не сходила.

Я ему улыбнулась в ответ и даже по щеке пальцами провела.

— Дим, а ты знаешь, зачем мужчины поят женщин шампанским?

Он ухмыльнулся, встал, мне пришлось задрать голову вверх, чтобы не терять его лицо.

— Ну, ты знаешь?

Он шумно выдохнул и резко подхватил меня на руки, стало тепло и приятно. Ощущение того, как замлела попа сидеть на каменных ступеньках, неприятно аукнулось где-то в области поясницы.

Он был таким сильным, надёжным. Не мужчина, а просто мечта. Пока обнимал меня, можно было беспрепятственно гладить его спину, просовывать ладошку в разрез рубашки между пуговиц и чувствовать биение большого сердца. Короткие волоски, которые щекотали ладонь. Их было немного, совсем чуть-чуть по самому центру груди. А ещё можно было целовать его подбородок. Как бы невзначай дотрагиваясь до него губами.

— А куда мы идём? — Опомнилась я, пытаюсь оглянуться по сторонам, Дима только подбросил меня вверх, чтобы не вертелась. А на периферии зрительной зоны можно было заметить, как мы огибаем дом по периметру, выходя на задний двор.

— Ты хотела подышать, я несу тебя подышать.

— Хочу шампанского! — Выкинула я руку в сторону так, что задела мужа, ударяя по лицу, чуть смутилась, но, судя по его реакции, недостаточно.

— Сколько ты выпила?! — Дима резко остановился, из-за чего меня зашгормило, пришлось ущипнуть его.

— Помнишь, я говорила тебе про пробку? Ну, на которую наступаю. Так вот...

Мы снова остановились, и на этот раз Дима решил избавиться от меня и наклонился, что бы куда-то уложить. Я вцепилась в него мёртвой хваткой.

— Не пу-щу! — Прошептала на ухо, хотелось прикусить мочку, но, думаю, Дима бы не оценил, поэтому удержалась, лишь поддев её кончиком языка.

— Я сяду рядом. Отпусти. — Я закивала головой, не пытаюсь отцепиться. — Давай, я сейчас сяду, а ты положишь голову на мои колени. Давай.

— Я не хочу колени...

— Давай, иначе я уложу тебя на траву.

Я посмотрела под ноги, там действительно была трава. Сочная, зелёная, переполненная здоровьем и красотой. Показательно громко попыхтела, руки в итоге разжала, но не до конца! А так, чтобы Дима мог сесть. Оказывается, мы расположились на мягких уличных качелях. Только несмотря на всю обстановку, думала я вовсе не о романтике, а о зудящем и ноющем желании там, внизу живота, которое заставляло меня поджимать ноги и

периодически потирать бёдрами друг о друга, в попытке задеть сжимающийся в сладостной судороге клитор. Я подняла взгляд. Дима смотрел вперёд, удобно расположив свою руку под моей грудью. И ни тебе интимных поглаживаний, да и просто поглаживаний не было. Ни-че-го! Пришлось подползти выше, весьма чётко концентрируя своё внимание на определённой зоне его тела, по которой я ощутимо сильно проехала головой, вместо того, чтобы приподняться. Он глянул на меня как на мешающегося ребёнка, приподнял руку, пока я устраивалась, а затем тау же удобно пристроил её, только уже поперёк моего живота. Мысленно пришлось взвыть.

— Дим, а ты знаешь, зачем мужчины спаивают женщин шампанским?

Он усмехнулся, снизу мне было видно, как поджался его подбородок, пальцы второй руки погрузились в волосы, и немного помассировали кожу головы. Дима улыбнулся и наклонился, заглядывая в глаза. Это был один из тех взглядов, который заставлял меня краснеть. Кровь прилила к щекам мгновенно, но я предпочла не обращать на это внимание, не смела отвернуться от его озорных глаз.

— Зачем? — Спросил он, а у самого живот заходил чаще, язык пробежался по губам и тут же спрятался, я неотрывно следила за этим действием. Позже опомнилась и покраснела снова. Он всегда будет заставлять меня краснеть, при мыслях о его губах?..

— Потому что пузырьки бьют по голове, быстро отключая сознание, с женщиной можно тогда делать, что угодно.

— Кажется, водка бьёт по голове круче.

— Да, но нужно шампанское. После того, как мужчина сделает с женщиной всё, что хочет, она так же быстро отходит и её можно отправлять домой. Хочу шампанского! — Заявила громче прежнего, Дима выглядел слишком серьёзным, чтобы я посмела улыбнуться. И молчал, чем абсолютно меня запутал.

— Чтобы я сделал с тобой всё, что угодно? — Хрипло уточнил, склоняясь настолько, чтобы касаться своими губами моих губ.

Жёстко провёл ладонью по моему телу, сжимая в ладони грудь, лаская большим пальцем выпирающий из-под ткани летнего бюстгальтера сосок, повёл ниже, забираясь пальцами под ремень тонких брюк. Остановился, казалось, в миллиметре от клитора, ухмыляясь очевидному внутреннему стону. Перевёл взгляд туда, где бёдра уже поджимались, стараясь простимулировать разрядку. Вернулся к глазам и влажно провёл языком по моим губам, оставляя после себя широкий след, обдуваемый тёплым ветром и его собственным дыханием. Поймать губы мне позволено не было.

— Малыш?..

— М-м?

Я даже глаза закрыла от удовольствия, но Дима этого не хотел.

— Галя, детка... — Я на него посмотрела, а у Димы бесы в глазах, и дыхание поверхностное, частое. — Ты вот уже несколько минут лежишь и мастурбируешь, тихо постанывая и доводя меня этими звуками до предела. — Практически рычал он, сжимал мой затылок, не позволяя отвернуться. — Что тебе стоит запустить туда, — кивнул в сторону моих бёдер не отводя взгляд от лица, — свои тоненькие пальчики и быстро кончить, м-м? Порадовать меня?

— Старый мерзкий извращенец. — Процедила я, не зная, отчего заводилась больше: от его предложения или от своих собственных слов. Но между ног было не только влажно, но и больно, я физически ощущала, как стенки влагалища выделяют смазку, и, точно раздражаясь

от этого процесса, пощипывали, горели.

Дима широко оскалился, склонился к моим губам и словно в награду снова провёл по ним языком. На этот раз медленно, надавливая, чтобы проникнуть внутрь, чтобы я пыталась сплести его язык со своим, извиваясь и продляя контакт, чтобы громко стонала в его рот, понимая, что он позволил мне делать это. А потом отстранился. Настолько резко, словно кусок меня потянул с собой, словно вырвал с корнем, оставляя пустоту и крупную дрожь, которая быстро распространялась по телу.

— А я хочу, чтобы это сделал ты.

— Сделал что?! — Мимикой он превратил этот вопрос в провокационный, придал ему остроту и пряный вкус. А я заводилась от его голоса, и неконтролируемо тёрлась о предоставленную мне ладонь.

— Трахни меня! — Прорычала, сжимая ворот его рубашки в кулак, притягивая к себе, и застонала от боли.

— Так?! — Прошипел Дима, резко вставив в меня два пальца, сжимая нежную плоть, заставляя меня выгнуться с громким стоном, а дрожащую руку — отпустить его рубашку. — Так? — Спросил мягче и свою руку ослабил, толкнулся в меня пальцами, задерживая их глубоко внутри.

Я закачала головой, не в силах сказать, но в силах отказаться.

— Нет? — Прошептал недоверчиво, издеваясь. — Что нет? Не так? Или не хочешь? — Нежно пригладил волосы, которые до этого сжимал, фиксируя затылок. — Говори. — Отвернулся от меня, вглядываясь в открывающийся горизонт и тут же усмехнулся, поглаживая пальцем по подбородку. — Смелая, хитрая лиса. Решила обмануть старого волка?

— Мне холодно. — Проскрипел охрипший в один момент голос. Дима в ответ на это несколько раз кивнул и руку свою из моего белья достал, аккуратно расправляя брюки, поправляя блузку, натягивая её на живот. Подхватил меня на руки и быстрым шагом направился к дому.

Больше не говоря ни слова, отнёс в мою комнату, где положил на кровать, поцеловал в кончик носа. Оставалось только пожелать спокойной ночи. Но он ушёл, и не думая встречаться со мной взглядом. Как всегда тихо, позорно ушёл! Заставляя извиваться от желания. Только алкоголь на свежем воздухе выветрился не настолько сильно, чтобы я так и осталась лежать либо довела себя до оргазма сама. Нет. Я приняла душ, внутренне закипая, одела самое откровенное бельё из своего гардероба и вошла в его комнату без стука, сильно толкнув дверь. Дима был в душе. Наверно, я могла бы присоединиться к нему и потерять спинку, но кровать манила куда больше и давала место для манёвров. В голове всплывали приятные воспоминания, которые заставили ныть только что успокоившийся низ живота ещё сильнее и я, имитируя движения кошки на охоте, пробралась к изголовью. Голова была всё тяжелее, желание неумолимым. А когда звук льющейся воды, доносящийся из ванной комнаты, затих, к букету эмоций присоединился ещё и страх, поддерживаемый азартом охоты. Только вот непонятно, кто из нас двоих сегодня будет жертвой. Тяжёлые шаги послышались практически сразу, а я затаилась, словно это могло меня спрятать.

Глава 17

Дверь ванной щёлкнула и в комнату вошёл Дима. Походка жёсткая, движения резкие, как и в прошлый раз голова прикрыта полотенцем. Дошёл до середины комнаты и замер, отдышался. Он почувствовал моё присутствие. Снова. Стянул с головы мокрое полотенце, и

встал в пол-оборота. Вроде и не глядя на меня, а вроде уничтожая этим.

— Я вижу, ты плохо меня поняла? — Повернулся ко мне лицом и приподнял одну бровь. Я не ответила, но посмотрела с вызовом, взглядом говоря, что не признаю его границы. — Галь, — обманчиво нежно заговорил Дима, приближаясь, кончиками пальцев провёл по голени, выше не поднялся, если только взглядом ощупал, — солнышко, моя девочка... ты хорошо подумала?

Присел на кровати, улыбнулся, словно на неразумное дитя глядя, а на меня его слова и взгляды не так действуют. Они меня раздражают, заводят, заставляют представить этот строгий тон дяди учителя в иной обстановке.

— Да, дядя Дима. — Усмехаюсь, когда он отшатнулся от моей ноги, которую я неблагоразумно поставила буквально в паре сантиметров от его паха.

Мягкие штаны, накинутые без белья, не смогли скрыть мгновенно возбуждения. Я победно усмехнулась, приблизилась лицом на опасное расстояние, Дима посмотрел исподлобья. Убил просто этим взглядом, зарождая не просто бурю, а пьяную истерику внутри меня. Одномоментно на поверхность полезли детские обиды, обвинения, и приговор, только отказаться от Димы я уже не могла, поэтому села вплотную, подобрав под себя колени, и просто приткнулась к его шее. Тёплой и всё ещё влажной после душа.

— Я никогда не забывала о тебе. Ты особенный. Ты первый.

— Галя, не говори того, о чём завтра можешь пожалеть. — Жалкая попытка остановить меня. Я только хмыкнула, прогоняя по его коже холод дыхания.

— Мне всегда было интересно, почему с тобой было хорошо несмотря на боль, а с другими плохо, несмотря на все старания и усилия. Знаешь, к какому выводу пришла, нет?

— Я не пытался тебя переиграть.

— Верно! — Обрадовалась то ли его догадливости, то ли тому, что понял меня. — И поэтому ты был со мной всегда. Знаешь, сколько у меня не было мужчины после тебя? Ведь знаешь... скажи. — Шептала на ухо, Дима хотел казаться расслабленным, но я чувствовала напряжение, исходящее от его тела.

— Три года.

— Я просто устала ждать тебя, Дим, понимаешь? Не верила, что вернёшься. Не хотела его. Просто устала ждать. И когда он впервые сделал мне больно, я хотела, чтобы ты защитил меня, но тебя не было рядом. Почему? — Сжала зубы, чтобы не заплакать, но слёзы никуда не ушли, они просто застыли в глазах, ожидая своей очереди. Дима держал марку, держал лицо. Он был просто идеален в своём самоконтроле и этим заставлял желать большего, подражать, научиться, чтобы впитать это. — Я хотела тебя. Всегда. Выла ночами в подушку, проклиная себя за слабость, а тебя за трусость. Потом появился Антон. Красивый, состоятельный, успешный. Казалось, всё изменится, наладится. Я надеялась на то, что с ним забуду тебя. Потому что должна это сделать, потому что ты не достоин моих мучений, потому что тебе всё равно.

От него приятно пахло, тихая уверенность усыпляла бдительность, и только желание, наконец, выговориться, не позволяло отступить.

— Знаешь, так смешно... К первому сексу с ним я наверно месяц готовилась, Антоша грешным делом подумал на мою девственность, а я просто боялась разочарования. И оно произошло. Да. — Вроде и сама этому удивилась. — Надо признать, что в постели парень оказался слабоват. Что это, опыт? Точнее, его отсутствие. Или что-то иное?

— Думаю и опыт, точнее, его отсутствие и нежелание (незнание) необходимости

взаимного удовлетворения. — Я зависла, соображая, а Дима провёл пальцами по моему плечу, переходя на спину, очерчивая лёгкую линию под лопаткой. — Подобрать слова попроще?

— Нет, я поняла. Ему было всё равно кончу я или нет. Он всегда с лёгкостью принимал мои театральные таланты. Благо, я знала, что нужно изобразить. И знаешь, что испытала, увидев тебя снова?

— Кажется, мы это обсуждали...

— Но это не значит, что я сказала тебе всю правду, так? — Немного отшатнулась, чтобы видеть его глаза, чтобы знать, что он меня слышит. — Я потекла. — Прошептала, ощущая горькое послевкусие от своих слов, на губах растеклась дерзкая улыбка. — Как самая последняя шлюха. И было в этом что-то порочное, неправильное. Страх был, куда без него, я не знала, чего от тебя ожидать, но хотела до одури. Или ты думал, что мои колени дрожали от паники? — Я хрюкнула от смеха и захотелось дотронуться. Просто дотронуться до его тела. До прохладной кожи, которая скрывает жёсткие мышцы. Но первое прикосновение лишь разогрело аппетит, и я обняла, прижалась к нему своей грудью, тут же вцепилась ногтями, царапая спину, сгорая заживо от этой близости, пока собственное дыхание не сорвалось.

— А ещё я вспоминала подробности. Всё до мельчайших подробностей той ночи, даже того утра. Только никак не могла вспомнить размер твоего члена. Тогда он показался мне огромным, просто огромным. Потом, гораздо позже, я говорила, что у страха глаза велики, так объясняла это себе, глядя не тех неудачников. Но вот ты передо мной и я понимаю, что всё запомнила верно. — Провела рукой по области паха, сдавливая член сквозь ткань штанов, сжала сильнее, когда он отозвался, прикоснулась губами к шее, но не целуя, не кусая, только наслаждаясь биением его пульса. Бешеным ритмом его пульса!

— Галя, ты устала...

— Вовсе нет. — Возмутилась я громко, но только тогда поняла, что уже откровенно лежу на нём, висну, понемногу сползая. — Ну, или, по крайней мере, от твоего равнодушия. Дим, ты не хочешь меня, да? Что происходит? Почему я тебя хочу, я с ума схожу, а ты нет?

— Я. Тебя. Хочу.

— А знаешь, что я представляла себе в моменты, когда было так плохо, что только выть и оставалось?

Живот поджался от боли, которую я подавила в тихом стоне, а ловкие пальцы чуть оттянули резинку штанов. Налитая кровью, тёмная головка выглянула, распуская густую смазку. Так захотелось прикоснуться, почувствовать эту энергию, этот огонь, что сдерживать себя не было смысла. И, не отводя взгляда, провела рукой по всей длине выступающего члена, сжимая головку в кулаке, ощущая его мощную пульсацию и смазку, которой становилось больше. Тело Димы сейчас напоминало камень. Недвижимый, мощный, заставляющий преклоняться перед своим величием.

— Почему все мужчины так любят оральный секс, Дим? Это что-то особенное? — Я посмотрела в его насыщенно зелёные глаза, прикусила губу, сходя с ума от того, как он на это смотрел, как медленно умирал, понимая, что я рядом, что его, но не позволяя самому себе притронуться. — Ты любишь оральный секс, Дим?

— Есть предложение?

— Я никогда прежде не пробовала. — Призналась тихо, а потом с какой-то невероятной доверчивостью, с надеждой взглянула на него.

Отодвинулась и коснулась большой ладони, ждала её чуть увереннее, чтобы уже в следующую секунду потянуть. Дима теперь не сидел на краю, а полужёжа располагался на кровати, упираясь спиной в изголовье. Не помогал, но и не мешал. Только смотрел на меня. Внимательно. Готовый в любую секунду или скрутить, чтобы не допустить прикосновения, или наоборот, направить.

— С тобой хочу. Потому что не страшно.

— Боюсь тебя разочаровать, малышка, но удовольствие при таком сексе чаще одностороннее.

— Я хочу, чтобы тебе было со мной хорошо. — Прошептала и затуманенным взглядом прошлась по телу.

Нет, он уже давно не знает, что такое расслабиться. Мышцы поджаты, одна рука согнута в кулак, вторую он практически контролирует и та просто лежит рядом. Обнажённый член так и выглядывает, не прикрытый штанами, а у меня рот наполнился слюной от предвкушения. Антон часто просил меня о такой «услуге», то просто предлагал разнообразить нашу сексуальную жизнь, то говорил о том, как важно ему знать, что я готова на всё ради него. А я не была готова, и его отросток вызывал только отвращение. Вроде всё то же самое, а такие разные чувства. Дима не просит, он даже не предлагает, он просто с любопытством наблюдает, решусь или нет. Новая капля смазки выступила на вершине головки и так замерла, а я могла только дрожать, глядя на это. Дрожать и хотеть. Поэтому несмело, нерешительно провела рукой по всей длине. Резинка штанов мешалась и наверняка доставляла неудобство, но как только я попробовала стянуть её ниже, губы напротив поджались и чуть вытянулись вперёд, предупреждая. А мне нравилось быть на грани дозволенного! И иногда дразнить его, запуская свои пальчики чуть дальше. Совсем немного, но так, чтобы он понял, что я не боюсь.

Его ноги были раскинуты в стороны, но недостаточно для того, чтобы я свободно устроилась между ними, поэтому пришлось упираться руками по обеим сторонам его бёдер. А потом было первое прикосновение. Я намеренно убрала руки, чтобы не портить собственное впечатление. Сразу приступить к головке не решилась, начала у основания, где-то на границе с мошонкой, медленно поднимаясь вверх, проводя кончиком языка. Кожа нежная, мягкая, не такая как во всём мужском теле. Необычно и непривычно. А головка упругая, слишком твёрдая, слишком гладкая и влажная. С особенным вкусом, со своим запахом, который меня не отвращает, а заставляет стонать. Я не сразу поняла, что мой стон не одинок, Дима уверенно поддаётся, не скрывая эмоции. И ему нравится то, что я делаю.

— Смелая? — Спросил он, когда я только пробовала обхватить головку губами. Даже не пытаюсь практиковать с длиной, просто узнать, что ему нравится. Я посмотрела прямо в глаза, не прекращая своей забавы, а Дима настойчиво потянул за волосы. — Ты хотела, чтобы я тебя трахнул. Кажется, так ты сказала? — Я испугалась блеска его глаз, меня взволновало напускное равнодушие, с которым были произнесены эти слова. — Хочешь, чтобы мне с тобой было хорошо?

Он говорил, а я щекотала языком уздечку, победно ликуя в душе, когда его голос срывался на нервный дрожащий шёпот.

— На пол! — Не просьба, а команда. Пугающая и заводящая с пол-оборота. Я отшатнулась, но всё ещё не трезвый мозг отказывался подчиняться, ожидая чего-то более острого, чего-то безумного, на грани.

А Дима меня не ждал, слез сам, одним резким движением скинул штаны, отбросил их в

сторону, широко расставил ноги, подзывая меня движением пальца. Член упирался в ямку пупка и влажно блестел, отталкивая искусственный свет двух ночников, хотя комната всё ещё была наполнена дневным светом садящегося за горизонт солнца. Он смотрел на меня, выжидая действий, а я поддавалась. Так же нерешительно, словно всё начинала сначала. Подошла ближе, и ахнула, когда тяжёлая рука надавила на плечо, заставляя опуститься перед мужем на колени. Твёрдый пол неприятно давил на ноги, а маячащий перед носом член поджимался сильнее, поджимался и его живот.

— Я покажу тебе, как люблю, а ты сама решай, нужно тебе это или нет.

Он объяснял спокойно, доступно, приглаживая мои волосы ладонью, а потом, то ли заметив кивок согласия, то ли решив, что хватит нянчиться, больно сжал подбородок, задирая голову вверх, надавил пальцами на щёки, заставляя открыть рот и с силой толкнулся в него, зная, что я задохнусь. Буквально на секунду задержался, толкнувшись до основания, тут же вышел, позволяя откашляться, примирительно поглаживал голову.

— Тише, тише, — приговаривал, одной рукой продолжая гладить, убирать волосы от мокрого лица, вытирал выступившие слёзы, а другой больно сжимал затылок, — вот так хочу, только сильнее, глубже и резче. Сможешь?

— Нет. — Понимала я, что не смогу. И ему не врал.

— Но я уже хочу. — Проговорил Дима с нажимом и сжал распущенные волосы, собирая их в хвост, запрокидывая мою голову. — Попробуем сначала. — Попытался улыбнуться.

Головка члена упиралась в мои губы и естественно я их приоткрыла, почему-то рассчитывая, что Дима злился, а теперь остыл, но когда член снова уткнулся головкой в глотку, и он не отступил, а наоборот, пытаюсь протолкнуться глубже сделал ещё несколько движений и только потом отпустил. Но теперь не вышел до конца, а лишь дал секунду, чтобы глотнуть воздуха. Я упиралась обеими руками в его пах, пытаюсь оттолкнуть, а Дима тянул мою голову на себя, одновременно пробиваясь вперёд. Я вдруг подумала, что он меня за что-то наказывает. В голову полезли абсолютно бредовые мысли, что за измены... но ведь я не изменяла... А он всё толкался и толкался, больно не было, но не было и приятно. Просто движения, просто его член у меня во рту. В ту же секунду как опало моё сопротивление, движения прекратились, Дима из меня вышел и за обмякшие запястья потащил вверх, одной рукой перехватил за талию, другой повернул в свою сторону лицо. Аккуратно касался губ, то ли посасывая их, то ли поглаживая своими губами. Я посмотрел сквозь пелену застывших в глазах слёз, а он только этого и ждал.

— Это хорошо, что теперь ты в полной мере понимаешь значение нехорошего слова «трахнуть», Галь. Это не любовь, это даже не секс. — Нахмурился, впиваясь в моё лицо взглядом. — Это жёстко, это не всегда приятно. Для таких отношений нужен определённый настрой, малыш. И ещё. Я никогда не буду спать с тобой пьяной. Ты меня поняла?

— Почему? — Вырвался глупый вопрос, по сути, мне уже было всё равно, и ответ был не важен, но Дима хищно улыбнулся.

— Потому что я должен быть уверен, что ты хочешь меня не оттого, что сорвалась с цепи, разозлилась или просто тебе стало скучно. И не потому, что я твой муж, и ты ко мне привыкла. Ты должна меня хотеть, у тебя должно быть желание. Настоящее, не затуманенное. И тогда будет всё, Галь. Хочешь меня — буду у твоих ног. Не хочешь — не попадусь на глаза.

Я хмыкнула, пытаюсь сопоставить два и два в его логике, должна хотеть, должна желать... должна... Со всей силы ударила ладонями в грудь.

— А я что, чёрт возьми, тут делаю?! — Прокричала, колотясь от злости в его руках, упираясь в его грудь кулаками. — Что я тут делаю, в твоей спальне, в этом белье?! — Дернула рукой за бретельку бюстгалтера, взбесилась, снова ударила его, хлёсткий звук разлетелся по комнате, на смуглой шее появился красный след от ладони. Дима только разжал свои руки, позволяя мне отступить.

— Я всего лишь объяснил свои правила. — Жёстко окатил меня холодом своего голоса.

— А мне плевать на твои правила! — Прокричала, крепко зажмурив глаза и отгораживаясь от него руками, вцепилась пальцами в своё лицо, чтобы не видеть его, не слышать. Дёрнулась в сторону, пытаюсь прорваться к двери, но он не пустил, схватил за плечи и оттолкнул назад.

— Ты не выйдешь отсюда, пока мы не поговорим.

— Я не хочу. Не хочу разговаривать. — Закачала головой из стороны в сторону, снова шагнула вперёд, и снова он толкнул меня. Не сильно, но я пошатнулась, потому что ноги уже не держали. Слезы покатались по щекам, а внутри слабость и боль, которая опустошает.

— Остановись, и мы спокойно поговорим.

— Не хочу. — Посмотрела на него. — Ты понимаешь, что я не хочу?! — Прокричала, пропищала фальцетом на грани своих возможностей, потому что не могла видеть его осуждение, не хотела знать его мысли, чувства. Я даже не была уверена, что они у него есть.

Дима шагнул вперёд, ко мне, пытаюсь обнять, а я оттолкнула руки. Раз, два, его захват стал жёстче, а хватка болезненнее, а я всё вырывалась и вырывалась, не замечая, что его руки словно удавка, лишь сильнее стягивают меня, забирая, выпивая последние силы. Я всё ещё дёргалась в его объятиях, потому что сопротивлением мои жалкие попытки назвать было нельзя, когда истерика начала отпускать. И я заплакала громко, в голос, уже не зная, хочу ли, чтобы отпустил, или пусть держит. Вот так. Больно. Но я точно знаю, что он со мной.

— Я просто хочу знать, что нужна тебе. — Проскулила куда-то в область шеи, размазывая слюни и сопли. Нет романтики, есть слабая женщина и сильный мужчина, который берёт ответственность за нас двоих. — Знать, что мне есть место в твоей жизни. Не отталкивай, пожалуйста, ты так мне нужен... Всегда хотела быть с тобой, всегда. Даже когда ты ушёл, я ждала. Я надеялась, что вернёшься. Когда в постель с другим шла, о тебе думала, потому что так легче. — Дима медленно раскачивался со мной из стороны в сторону, пытаюсь убаюкать. — А если нет, то отпусти. Отпусти, потому что я не могу так. С тобой и без тебя одновременно. Потому что это больно, унижительно и стыдно видеть, как ты закрываешь передо мной дверь, Дим, пожалуйста, отпусти.

— Всё хорошо будет, Галь. — Хрипло пробасил он, утыкаясь губами в мою макушку. — Я с тобой, я рядом. И никогда, слышишь, никогда не отпущу. Потому что уже не могу. Тогда не мог, сейчас и подавно. Тише, моя хорошая.

Он говорил ещё долго. Долго, тихо, хрипло, словно вместе со мной плачет. Обнимал, прижимал к своему телу и жался ко мне сам. А ещё он целовал меня. Только касаясь губами и задерживаясь ими на коже дольше обычного, втягивал запах волос, моего тела, его дрожь. Я не помню, когда отключилась, но спала плохо. Всё время во сне от меня что-то ускользало, я терялась и никак не могла дотянуться до чего-то важного, нужного, жизненно необходимого. Открыла глаза, когда за окном было уже темно. Дима лежал в одежде, рядом, но не со мной, моё тело укрыл тонким пледом. Его дыхание было тихое и ровное, а моё сбивалось от мысли о его близости. И Дима прав, всё было не так, не правильно. Нахлынуло чувство стыда, отвращения, брезгливости к самой себе. А ещё мне нужен был совет.

Настоящий. Такой, который поможет.

Пока я шлёпала босыми ступнями по коридору, всё время оглядывалась, боясь, что он увидит. Не хотела быть такой рядом с ним. Такой развратной, такой развязной. Ему не нравилось, он не понял и снова оттолкнул. Пока мылась в душе, к стыду присоединилось чувство вины, я ненавидела себя за слабость, за трусость, за то, что не могу поговорить откровенно, а признания выходят только под градусом, в момент, когда я отчаялась. Смывала с себя эти мерзкие ощущения, словно могла их смыть. Мочалка, мыло, не жалко сил и собственного тела. Накинула на плечи платье обёртку, сверху плащ. А потом тихо, чтобы не разбудить, завела машину во дворе и выехала, разобравшись с пультом от ворот.

— Да кто ж там так рано?! — Послышалось за дверью возмущённое ворчание, бабуля посмотрела в глазок и принялась быстро щёлкать замками. — Что?! — Единственное, на что её хватило в первые секунды до того, как я грустно улыбнулась и шагнула в квартиру.

Бабуля заварила травяной чай, словно всегда была такая вот правильная, даже пряники какие-то для меня нашла, перед собой поставила вазочку с абрикосовым вареньем, которое, разумеется, не варила, а купила у соседки за символическую сумму. Облизнула свою ложечку и посмотрела на меня выжидающе.

— Я не знаю, что мне делать, ба. — Вяло улыбнулась я и повесила нос. Она нахмурилась и сложила руки перед собой.

— Та-ак!

Конечно, я всё рассказала, без утайки. Просто не понимаю, как можно всё держать в себе, а бабуля всегда совет даст. Помню, только благодаря её словам я после неудачной свадьбы в себя приходила. И она не отступала, контролировала меня. Теперь же, внимательно выслушивая, хмурилась всё сильнее, постукивала кончиком серебряной ложечки по хрустальной вазочке для варенья и изредка бросала пронзительные взгляды, в остальном же, была несколько равнодушна и даже выдавала некоторую ленцу.

— Игнорирует, значит, — хмыкнула она в итоге после минутного молчания, — интересно. И давно это у вас?

— Что «это», ба? Он всегда таким был. Сам себе на уме. А теперь так и вовсе, поселил в соседней комнате, ходит, дразнит... мне так стыдно... — Закрыла глаза и замотала головой из стороны в сторону, не желая вспоминать прошедшую ночь. — Я как шлюха последняя извивалась, а он смотрел, словно и не я вовсе. Чего хочет? Что всё это значит и когда закончится?

— Даже не знаю, что тебе сказать, моя хорошая. — Потянула бабуля задумчиво, а потом улыбнулась. — Хотя, почему же не знаю? Знаю. И в первую очередь перестань себя обвинять во всех смертных грехах. Подумаешь, — хмыкнула, — перед мужем в белье побегала, я ещё и не такое вытворяла, чтобы внимание своего лежебоки привлечь. Вот видишь, сейчас ты передо мной сидишь, значит, не зря старалась. — Бабуля коротко рассмеялась воспоминаниям своей жизни. — Тогда неприлично было, как это сказать... брать в рот?

Я залилась краской, а бабуля рассмеялась.

— Только мужчины называли этот процесс иначе. Говорили «сделай мне приятно». — Она скривилась. — А я ещё никак признавать этого не хотела. Вот, приятно... что это значит? В чистых носках ходить приятно, есть вкусный суп приятно. А сейчас? Трясут своими достоинствами, хотя там, скорее, недостатки, перед твоим носом и командуют «открывай»? А Дмитрий Алексеевич просто хочет от тебя большего, чем твоё тело.

— Ба, ты ещё скажи, что ему, как и дьяволу, нужна моя душа. Слова это только красивые. Не больше. — Отмахнулась. — Он хочет, чтобы я рядом была. Любая, но рядом. Вот в чём суть. А я не могу сказать «нет», потому что не хочу! И он этим пользуется. Что это — я не знаю, собственнические чувства или что-то подобное... мы десять дней вместе, а он ни разу толком ко мне не прикоснулся. — Бабушка хитро прищурилась, а я покраснела от негодования и кулаком по столу стукнула. — Он мужчина, ба. Они всегда хотят секса. Твой, может, и лежебока, а Дима не такой. К нему тут женщина приезжала, — я посмотрела на бабулю украдкой, не зная, рассказывать или нет, губу прикусила, мучительно размышляя, а потом всё же выдохнула и глаза опустила, — стелилась перед ним, просила не бросать. Что хочешь, говорила, сделаю, только... Она красивая была. — Высказала я жёстко и зажмурилась.

— Ну, а ты у меня не красивая, а?

— Она не такая. Вот, знаешь, говорят, любят одних, а женятся на других, как Антон на мне жениться собирался, потому что я удобна. Я боюсь, что и для Димы так же удобна, а он молчит. И не соглашается, и не отрицает. Наверно, ему всё равно...

— Ну, было бы всё равно, он бы ко мне не приходил. — Рассудила бабуля, и глазами сверкнула, отметив мой интерес. — Да, да, приходил. Буквально на следующее утро после вашей встречи. Ты ведь не думала, что я могу быть спокойной, зная, что ты в беде, не так ли? ... Или думала?

— Приходил? — Вытаращила я глаза, не помня, как вздохнуть. — То есть да, ты ведь уже говорила...

— Да. Так и сказал, что теперь ты с ним. Знаешь, что спросил?

Я не знала, смотрела во все глаза.

— Какие цветы ты любишь больше всего. Какие духи твои любимые, какие песни. Галя, человек, который спрашивает такие вещи, априори не может быть безразличен.

— Что ещё он сказал?

— Сказал, что ты нужна ему, что любит. Я не слушала, в основном кричала. — Призналась бабуля нехотя. — Только когда остыла, смогли нормально поговорить. Честно? Я не хотела, чтобы ты была с ним. Ни с Антоном своим, ни с Дмитрием Алексеевичем. Но между этими двумя мужчинами есть существенная разница. Какая?

— Какая? — Вторила я эхом.

Бабуля встала из-за стола, отошла к окну, нервно дёрнула занавеску.

— Со своим мужем тебе не придётся думать, как жить дальше. Он не будет решать за тебя, он просто знает, что для тебя лучше. Вот и всё. Не знаешь, что происходит? Спроси у него, никто лучше не ответит. Он иногда звонит...

— Дима? Тебе?

Бабушка проигнорировала этот откровенно глупый вопрос.

— Но зачем?

— Полюбопытствовать как здоровье. — Усмехнулась она, подошла к старому серванту, провела пальцами по выступающей поверхности, посмотрела на пальцы, и покачала головой: пора убирать пыль. — От внучки родной не дождёшься, поди. Звонит. — Повторила немного сухо. — Говорит, что с тобой всё хорошо. Спрашивает, не звонила ли ты мне, а если звонила, то что сказала? Он сам не знает, с какого бока к тебе подступиться. Вот и весь секрет. Любит, но боится надавить, заставить. Вот, о чём он мне сказал, когда пришёл. В вашей паре с Антоном каждый бы жил сам для себя. Дмитрий Алексеевич живёт для тебя.

— Но он меня бросил. — Нерешительно встала я, уже сомневаясь в чём-то.

— Иногда нужно потерять, чтобы найти. А иногда уйти, чтобы было куда возвращаться. Это жизнь, Галя. Жизнь, в которой не все наши желания исполняются.

— Ты на его стороне. — Пожурила я, мягко и грустно улыбнувшись. От стола отодвинулась так к чаю и не притронувшись, теперь смотрела на бабулю, слушала её слова и понимала, как много потеряла, не говорив с ней прежде.

— Я на стороне правды! — Отрезала она. — Это большая редкость, когда мужчина находит в себе силы уважать решения своей женщины. Поправка: когда это делает сильный мужчина. Но любому сильному мужчине нужна поддержка. Стань его опорой. Слушай его, вникай в смысл сказанного. Он многое должен тебе рассказать, — она вздохнула, а я подняла взгляд.

— Ты что-то знаешь? — Догадалась, поэтому и произнесла шёпотом.

— Немногим больше чем ты, но это не значит, что я буду бросаться чужими тайнами.

— Даже так? — Я скрестила руки на груди. — Дима уехал не просто так, да?

— Какой дурак уедет просто так от молодой и любимой жены, в которой души не чает?

— И с чего бы это ты так заговорила?

— Я всегда так думала. — Удивилась она моему вопросу. — Только не хотела тебя тревожить. — Призналась бабуля, а я рот открыла от нехватки слов, воздуха, даже мыслей было недостаточно.

— Ты знала, что он вернётся?

— Я не была уверена.

— Но...

— А Дмитрий Алексеевич знает, что ты у меня? — Перебила бабуля, а я и повелась.

— Он спал, когда я уезжала из дома. — Ответила не задумываясь. — А что?

— Телефон в твоей сумочке звонит уже четвёртый раз, думаю, он хочет знать, не ушла ли ты от него. Что скажешь?

— Как я могу...

— Но ведь он этого не знает. — Подмигнула бабуля, а я замерла, понимая, насколько глупею рядом с Димой.

Как заводная кукла, медленно, напряжённо встала со стула, вышла в прихожую, достала телефон, который только перестал жужжать. Посмотрела на тёмный экран, дотронулась до него пальцем, чтобы «оживить» и вздрогнула, когда аппарат завибрировал вновь. Сжала телефон в руке, не решаясь ответить.

— Да. — Коротко и тихо, а на том конце линии полнейшая тишина, даже дыхания чужого не слышно. — Я тебя слушаю.

— Галя? — Удивление, облегчение, какое-то бешеное напряжение в голосе. — Ты... ты всё ещё со мной? — А потом такое чувство, что он зажмурился, спросил резко. Властно. Так, как и должен был: — Где ты? С кем? Я приеду.

— Я у бабули. Соскучилась, заехала выпить чаю, поговорить. — Дима шумно сглотнул.

— Сейчас буду.

— Я на машине. — Прервала так же резко, как и он, но голос спокойный, мягкий. — Поэтому сразу на работу. Я... Я не права была, прости. — Дыхание вырвалось у Димы с свистом.

— Я сейчас приеду.

— Я буду ждать тебя вечером дома. — Улыбнулась в трубку, а Дима и вовсе

растерялся. — А ещё я не хочу на работу. — Помолчала, и только тогда решилась, но не давила, и не просила, старалась быть с ним на равных. — Нам ведь нужно поговорить, так? Ты мне скажешь, что происходит?

— Я хочу, чтобы ты мне доверяла.

— А я хочу знать о тебе всё. Такое возможно?

— Я люблю тебя...

— А я жадная. Мне этого мало. Хочу всего. Ты как?

— Начнём сначала? — Усмехнулся, не пытаясь скрыть облегчения.

— Я предпочитаю продолжить с нового листа.

— Буду вечером.

— Уже жду.

Отключилась и закрыла глаза, пытаясь досчитать до десяти и не сбиться, после мозгового штурма даже это казалось нереальным.

— Тебе можно поаплодировать, внучка.

— Я просто хочу, чтобы у нас всё было хорошо. — Тихо отозвалась я, так и не раскрыв глаза.

В этот день на работе ни о чём другом думать не могла. Даже с Лизой старалась не разговаривать, а в результате, ссылаясь на головную боль, отпросилась пораньше, чтобы было время прийти в себя. А дома, как оказалось, меня уже ждал сюрприз.

Глава 18

Из ворот выехала пустая машина такси, но при въезде во двор ни гостей, ни того, кто мог заказать машину, не обнаружила. Честно говоря, войти сразу не решилась, было какое-то неприятное предчувствие. Такое, которое заставляет пятиться назад, не узнав, что же происходит.

Я остановилась у самых ворот, даже не подъезжая к дому, и нашла в сумочке мобильный телефон, только до Димы дозвониться не смогла. Длинные гудки сменились короткими, а потом и вовсе механический голос сообщил, что абонент вне доступа. В центральном окне гостиной комнаты мелькнули тени и я решилась, подогнала машину к самому крыльцу, вышла, не поставив её на сигнализацию, посмотрела на связку ключей в своей руке... А ведь дом тоже оборудован охранной системой, а значит, это точно не воры. Практически бегом поднялась на ступеньки и резко потянула дверь на себя. В доме было пусто и тихо. И тишина такая отвратительная, прямо до дыбом стоящих волос, благо они у меня длинные, полностью не встанут.

Я не стала предупреждать незваных гостей о своём присутствии и кричать на весь дом, что уже пришла, мол, выходите, кто самый смелый. А, степенно шагая, вышла на центр комнаты, огляделась. Единственное, что заметила, так это женский плащ, небрежно брошенный на диван. Его я подняла и могла отметить только то, что эта вещь принадлежит весьма элегантной особе, которая знает себе цену. Лёгкое платье, в котором стою я, ни в какое сравнение не идёт. В сердце забралась царапающая тревога. Снова глянула на плащ в своих руках, с уверенностью отмечая, что сегодня на улице пекло и этот атрибут абсолютно не нужен, только вот если...

— Кто вы такая?! — Раздался голос за моей спиной, и я резко обернулась, продолжая сжимать ткань в руках.

Увидела перед собой женщину, настроенную весьма недружелюбно, она тут же выхватила из моих рук свою вещь и вернула на диван. Взглядом окинула с ног до головы, криво ухмыльнулась и посмотрела увереннее.

— Я спросила, кто вы такая. Ответите сами или вызвать полицию?

— Я живу в этом доме. — Ответила я спокойно, вглядываясь в незнакомые черты лица.

Женщина, возрастом за шестьдесят, но ухоженная. Высокая, крупная, при этом она оставалась стройной и изящной. Не в чертах лица и не в изгибах тела, скорее, это изящество сквозило изнутри, она была пропитана этим. Припоминая свою работу и, в частности, недавно отредактированный любовный роман, я бы отнесла её к высшему классу общества. Но не по благосостоянию, не только по нему, а по родовому происхождению. Такая осанка, такая гордость, такой взгляд.

— Что значит живёте? Неужели Дима завёл себе приживалку? — Отвлекла женщина с размышлений и я дрогнула, чуть отступая. — В голосе столько надменности, что её наизнанку выворачивает от отвращения ко мне.

— Я работаю и не приживалка. Могу узнать, кто вы такая?

— Я? Я владелица этого дома. — Бросила она с вызовом.

На наши голоса пришёл ещё и мужчина, чуть выше женщины, в очках, с благородной

сединай в светлых волосах. Взгляд и жесты мягче, но смотрел на меня с такой же опаской.

— Алексей, ты посмотри, какие наглые. — Я догадалась, что это родители мужа, но сказать об этом не успела, дама снова обратилась ко мне. — Девушка, если вам позволили остаться здесь на ночь и поимели во всевозможные отверстия, то это вовсе не значит...

— Марго. — Строго и укоризненно перебил её мужчина, потому как я, в буквальном смысле, потеряла дар речи.

— А что я такого сказала? Будто ты не знаешь своего сына. Не думаю, что хоть у одной шлюшки осталось место...

— Марго! — Она засмеялась злым громким смехом.

— Мало мы их гоняли? Эта ничем не лучше. — Разговаривала она так, словно меня и нет рядом, а потом глянула внимательнее, прищурилась. — А что это у тебя в руке? Ключи?

Посмотрела так, словно сейчас же набросится и отберёт их, поэтому я сжала кулак сильнее и отступила на шаг.

— Выбирайте выражения. Я не шлюшка и не проститутка или как там ещё планируете меня оскорбить. Я жена Димы. А кто вы такая...

— Жена-а?! — Женщина изогнула изящную бровь и выдвинула правую ногу чуть вперёд, демонстрируя идеальную, третью танцевальную позицию. — И когда же вы поженились, позвольте узнать? Вчера? — Продолжала она насмешливым тоном. — Потому что не далее как в воскресенье, когда я разговаривала с сыном, никакой жены и в помине не было.

— Маргарита, — процедил мужчина сквозь зубы, она вызывающе повернула голову в его сторону и вытянула губы вперёд. Я невольно отметила, что Дима так же делает, притворно пытаюсь изобразить внимание, — я думаю, как только придёт Дима, он сам всё нам объяснит. Не думаю, что у девушки есть основания всё это придумывать на ходу. Не так ли, юная леди? — Он мягко улыбнулся. Вот мягкость, действительно, у Димы от отца. Я слабо улыбнулась в ответ и сплела пальцы, не зная, что сказать, а вот женщина в этот момент потемнела лицом, нахмурилась, хотя до этого такой явной демонстрации своего настроения не показывала.

— Где ты взяла это кольцо? — Спросила она тоном, на который нельзя не отреагировать. Мужчина тоже нахмурился, когда увидел, куда устремлён её взгляд. Я уличила, как уже поняла, свою свекровь, в жадности, наверняка оно действительно стоит тех денег, о которых говорила Лиза, но вслух не произнесла ни слова.

— Мне его подарил муж в день нашей свадьбы. — Я тоже уступать не собиралась. И тоже умею задирать подбородок. И плевать, что кто-то счёл меня недостойной. Руки скрестила на груди, всё ещё крепко сжимая ключи, но левую, на которой и носила кольцо, демонстративно выставила на обозрение. Мне скрывать нечего. По крайней мере, так наивно я думала в тот момент.

— Но, позвольте, милочка, это кольцо, как бы вам сказать, у таких украшений может быть только одна хозяйка и, увы, так сложилось, что это не вы. Дима просто не мог подарить его вам.

Аккуратно проговорил мужчина.

— Но он это сделал! — Огрызнулась я. — Шесть лет назад. Вы ведь спрашивали, как давно мы женаты? Так вот, мы женаты шесть лет.

Без слов, его мать подошла и вlepила мне пощёчину. Хлёткую, от которой пол лица обожгло. Я схватилась за щёку, чтобы унять боль, а женщина едва ли не плюнула в мою

сторону.

— Тварь! — Процедила. — И ты ещё смеешь об этом так нагло заявлять?! — Столько желчи, ненависти, словно я и не человек, а грязь под ногами. Да её просто перекосило от злости. Отец Димы отвернулся. Я чего-то не понимала.

— Что? Пока он в тюрьме жил, так был не нужен? А сейчас проведала, что вернулся и на тёплое местечко? Да я бы таких сама в подвале гноила! Мерзавка, дрянь, ты не достойна в глаза мне смотреть! Сейчас же выметайся вон! — Я пыталась осмыслить её слова, но чего-то не хватало. То, что я о нём не знала. Тюрьма?.. — Вон, я сказала! — Взревела она и снова ударила меня по лицу. Сама побагровела от злости и ярости, крупная вена выступила по центру лба, на тонкой коже век проявились несколько кровоподтёков от лопнувших после напряжения сосудов.

Женщина всё ещё стояла с вытянутой в направлении входной двери рукой, когда я без слов развернулась и направилась в противоположную сторону.

— Ты куда собралась? — Спросила она сипло и устало. — Эй, ты меня слышишь? Пошла вон из этого дома! — Доносилось вслед, но я уже ничего не хотела знать.

Отсчитывала одну ступеньку за другой, сутулясь и сжимаясь, подобно плотному узлу, который уже был стянут до предела глубоко внутри меня. Закрыла дверь изнутри и легла на кровать. Не плакала, не кричала. Я понимала, кто я. Кто для него, кто для его матери, для его отца. Бабуля говорила об этом... даже она знала, но ничего мне не сказала. Поэтому я и набрала её номер.

— Алё, ба, я только спросить хочу, — проямлила в трубку на её бодрое «Слушаю, дорогая моя!», — а ты знала, что Дима всё это время сидел в тюрьме?

Она замолчала.

— Он, наконец, рассказал тебе?

Теперь молчала я и слышала, как она жуёт губы, подбирая правильные слова.

— Когда он ушёл, тогда ещё, после свадьбы, я никак не могла понять. Он так настаивал на церемонии, на регистрации отношений, на скорой свадьбе. Уверял меня, обещал, клялся, потом даже наступал, обращая моё внимание на угрозу со своей стороны. Да так искренне всё это звучало, что его последующие действия были просто нелогичны. И, конечно, я не могла оставить всё как есть. Твой паспорт... в нём было имя. Я фамилию не знала, поэтому и подсмотрела. Ты же знаешь дядю Стёпу из четвёртого подъезда? Так вот, он же в милиции тогда работал, — она суетилась, слова получались неровные по интонации, — я попросила его узнать мне про Дмитрия Алексеевича. Он узнал. К тому времени, приговор суда уже был оглашён, а он сам направлен на отбывание наказания. Тогда-то я и поняла причину его настойчивости. Ведь он хотел, чтобы всё прошло как можно скорее и, по возможности, тихо. Помнишь, даже никто из соседей не узнал. — Она несмело усмехнулась, но моё молчание дало о себе знать. — Я не оправдываю его, — поторопилась объяснить, — возможно, он был неправ, но всё делалось для чего-то. Ради чего-то. Галь? Галя...

Я отключилась, не желая больше слушать. Никого не винила. Просто не знала, что мне делать.

Вскоре услышала нетерпеливый стук в дверь, а за ним неприятный голос Диминой матери.

— Ты ещё там? Долго сидеть собираешься? Я поговорить хочу, открой.

Я даже голову в сторону двери не поворачивала, лежала, вцепившись в подушку, и слушала пустоту внутри себя.

— Дима всё равно скоро придёт и серьёзного разговора нам всем не избежать. Если у него своих мозгов нет, я ему их вставлю! Слышишь? Ты?

Последний удар по двери пришёлся куда-то в низ, наверно била ногой. А я уже наблюдала за минутной стрелкой, которая медленно, но верно ползла в направлении вечера. За последующие три часа Дима перезвонил несколько раз. Трубку я не брала, а потом и вовсе отключила. Не могла ответить, да и просто сказать было нечего. Чувствовала, что как только голос его услышу — расплачусь. А плакать не хотела. Да и в глазах так сухо, что щипать начинали.

Сквозь открытое окно слышала звук подъезжающего автомобиля. Дима был уже дома. Я не поленилась, с кровати поднялась, чтобы посмотреть на него. На его спокойное и уверенное выражение лица. На едва заметную улыбку, которой он окинул мой криво припаркованный автомобиль. В руках букет цветов... Он ведь знал, какие я люблю, поэтому уже не удивлялась, в другой — портфель с документами. Он всегда возил его с собой. Деловой!

Звуки из гостиной или кухни в моей комнате были не слышны. И только кабинет, окна которого выходили на ту же сторону, при условии, что они открыты, был доступен для сбора информации. Но я всё равно чётко слышала, как они ругались. Кричала в основном мать Димы, Дима отвечал редко, резко и на поражение, потому что после этого она долго молчала. Молчала, а потом снова срывалась на откровенный крик. Дверь в кабинете громко хлопнула два раза, прежде чем я слышала чёткие голоса.

— Мы ещё не договорили. — Голос его матери дрожал, но не терял жёсткости.

— Нам не о чем говорить. — Сказал, как отрезал, Дима, и подошёл к окну. Я слышала, что дёрнул занавеску, испугалась, что окно закроет, но он не закрыл.

— Дима... Я хочу для тебя только счастья. Так получилось, что Сашу не вернуть...

— Я не буду с тобой этого обсуждать.

— Но кольцо... — Оно оборвалась на полуслове. — Это ведь её кольцо? — Услышала голос свекрови чётче. «Это кольцо принадлежало другой женщине?» — замкнуло меня.

— Нет. — Чёткое и твёрдое. Только я ему не верю. Смотрю на тонкие линии, на прозрачные камни и не верю.

Саша? Не слышала этого имени прежде.

— Я не понимаю, допускаю даже, что она могла не знать...

— Спасибо, что навестила, мама, думаю, вам пора.

— Ты выгоняешь нас? Выгоняешь из дома? — Ужаснулась она. — Ради этой?

— Галя моя жена и в подобном тоне о ней говорить не смей. — Голос Димы вибрировал от напряжения.

— Жена? Жена?! Ты хоть знаешь значение этого слова? И то, что она похожа как две капли воды...

— Заткнись! — Взревел Дима, створка окна с силой хлопнула, но его крики всё ещё были слышны. — Замолчи, замолчи, слышишь?! — Сорвался он, а я сжимала свои плечи обеими руками, потягивала колени к подбородку, чтобы зубы не стучали, чтобы боль не вылетала из меня, а плотно пряталась внутри.

Позже слышала, как подъехала машина такси, часа через три, как всё в доме стихло. Видела, как мелькнули фары в темноте двора. Голосов не было. Только тихие хлопки автомобильных дверей и всё затихло. Уже перебралась на кровать, и смотрела в одну точку перед собой. Мне казалось, я понимаю, как люди сходят с ума.

Пару минут Дима просто топтался у моей двери. Слышала его шаги, а сердце сжималось им в такт. Потом провернул ручку до упора, но она, как и прежде была закрыта изнутри. Тихий стук заставил сжаться, и я сцепила зубы, чтобы промолчать, чтобы не раскричаться. Его голос надорвал тонкую струну самообладания.

— Галя, я просто хочу поговорить с тобой. Открой.

Несколько секунд он ждал, наверно, прислушивался к звукам.

— Я не должен был... Я не хотел говорить тебе... сегодня. Сегодня ты обещала меня выслушать... я... Галя, открой, я не могу разговаривать с дверью. — Устало и тихо. Словно и не мой Дима. Такой разбитый и замученный тяжёлым днём.

Я закусила зубами подушку, чтобы не взвыть, так хотела посмотреть ему в глаза. Выдохнула, вдохнула, попыталась успокоиться, когда свет из коридора пополз по тёмному паркету и тут же исчез. В комнате я уже была не одна. Но не дёрнулась, не шелохнулась, да и Дима не стал нарушать покой и требовать внимания. Ему было достаточно того, что я слышу эти слова. Матрац прогнулся с противоположной стороны, хотя шагов я так и не услышала, видимо, моё сердце билось громче. Тихий шорох его одежды и моего постельного белья: он лёг, как показалось, повторяя мою позу, и протянул одну руку вперёд, чтобы быть ближе. Я не видела, не знала наверняка, я так чувствовала. Я хотела так чувствовать и на это надеялась.

— Прости. Я не хотел, чтобы ты всё узнала так. — Прошептал Дима, но в голосе не чувствовалось вины, скорее, констатация факта. — Я...

— Почему ты мне ничего не сказал?

— Я не хотел, чтобы ты думала...

— Почему ты не сказал мне тогда? Ведь поэтому свадьба была... — Я не нашла подходящее слова, поэтому то, что вырвалось, было с презрением и обидой, — была такой... Ты уже тогда знал?

— Шло следствие. У меня ещё были шансы...

— Значит, перестраховался? — Усмехнулась я, понимая, о чём он говорил.

— Я хотел, чтобы ты знала, что у тебя есть я.

— А разве ты у меня был? Ты был у меня после той ночи? Ты всё перечеркнул, Дима. Я одна осталась. Понимаешь? Одна!

— Я не хотел тебя отпускать.

— Наверно, мысль о том, что трахнул, грела? Сколько лет ты отсидел...

— Я не...

— Да ладно... не скромничай. Вчера ты мне чётко, словами и действиями объяснил разницу между любовью, просто сексом и таким понятием как «трахнули». Помнишь, ты именно так сказал?

— Я не хотел...

— Я потом месяц ещё раны зализывала в кабинете гинеколога. Внутренние ссадины и разрывы тканей. Неглубокие, но доставляющие много неудобства. После долго не могла почувствовать возбуждения. Моим парням приходилось увлажнять меня слюной или искусственной смазкой, чтобы не было больно, Дим. Буквально год как отошла! Наверно, психологический аспект... — Сумничала я, причмокнув при этом губами. Почему-то вместо жалости к себе, во мне зарождалась агрессия. Я нападала. — Правда, с тобой проблем нет, думаю, ты заметил. — Жёстко усмехнулась, но губы быстро вернулись в исходное положение, стали плотно поджатыми, натянутыми.

Я потянулась на постели и села, опустив ноги на пол. Не решаясь повернуться к мужу лицом. К мужу... слово-то какое выбрала. Мне приятно было ощущать себя частичкой чего-то большого и тёплого. Его частичкой. Сейчас холодно, потому что снова одна.

— Зачем ты сделал мне больно? Ведь осознанно делал это.

— Я уже говорил, что накапливаю негатив и в определённый момент срываюсь. Утром позвонил Кислый и сказал, что шансов у меня нет.

— А кто он такой? Мировой судья?!

— Он финансовый директор, и хорошо разбирается в юриспруденции.

— Надо же, не компания, а хор мальчиков зайчиков! Ты — сидел, весь в татуировках, с грозным взглядом. Финансовый директор на уголовника похож. Неужели кто-то с вами ещё работает?

— То, что мы предлагаем — лучшее. — Обороняясь, отвечал Дима, и не думал выступать, просто своим спокойствием гасил мою откровенную неприязнь.

— Ах, да, ты ведь любишь всё уникальное. Я тоже уникальная? — Ах, нет! — Не позволила ответить, хотя слышала, как он набрал в лёгкие воздуха, запасаясь терпением. — Я не уникальная, я необыкновенная. Так вот, вернёмся к сути: тебя расстроили и ты решил сорвать злость на своей необыкновенной жене, так?

— Не сорвать, Галь, не сорвать... Я не знаю, что и кому доказать хотел, не контролировал себя.

— А что чувствовала я, имело значение, Дим? Ты не думал о том, что чувствовала я? — Повернула голову в сторону, но с ним взглядом не встретилась. — Или, подарив крутую хату в центре, ты так откупился, да?

— Я просто хотел сделать тебе приятно. Просто подарок.

— А я себя шлюхой считала, которая продаётся, Дима. Дорогой, но шлюхой. Фильм ещё такой был, про гейш, там девственность выставляли на аукцион, не смотрел? Забавно жили: кто больше заплатит, тот и имеет право первой ночи.

— Я хотел, чтобы ты была счастлива...

— А я счастлива, Дим? — Сорвался мой голос и я глубоко вздохнула, чтобы прокричать. — Я счастлива?! Я похожа на счастливую женщину, Дима?! — Резко встала, повернулась к нему лицом, Дима на кровати сел. — Думаешь, мне приятно было сегодня узнать, что я для тебя ничего не значу? Или ты считал, что я, такая тварь продажная, и не стала бы ждать тебя? Да ты за один день стал моим миром! За один час! Ты сказал, что любишь и я поверила, потому что не могла иначе, потому что сама любила тебя! Не знала, видела несколько раз в жизни, а с ума сходила, потому что несколько лет тайно мечтала о тебе! С той самой первой встречи. Строила свой идеал, свою мечту, которая вдруг осуществилась! Я не знала, кто ты и что ты от меня хочешь, но я хотела, чтобы ты был рядом. Просто. Был. Рядом. Чтобы тоже мне доверял! А теперь ответь: это твоя любовь?

— Я не хотел, чтобы ты ждала. — Вместо этого произнёс он и опустил голову, а у меня от бессилия подкосились ноги, и я осела на пол, удерживаясь ладонями за шёлковое покрывало кровати, отвернулась. — В тот день, я не знал ещё, чем всё закончится и, да, ты выбрала правильно слово, перестраховался. Я хотел быть у тебя первым, но не просто переспать, ты не для этого была, поэтому женился. Хотел, чтобы всё было красиво, если бы у меня было хоть немного времени, всё получилось бы иначе, но ты была несовершеннолетняя и...

— Ты ждал? — Задохнулась я от возмущения.

— Ждал. И дождался.

— Что произошло? Почему... почему тебя посадили?

— Авария на производстве, повлекшая гибель человека. Там накладка вышла с документами по проверкам оборудования, вроде и проверено всё, а акты не подписаны. — Сник он, в бессилии сжал кулаки. — Просто кто-то не пришёл на работу и не подписал грёбаные бумажки, Галь! И поэтому я сел. Потому что по этим самым бумажкам получалось, что мы работаем на фэйке!

Дима глаза закрыл, на кровати развалился, головой в спинку упираясь, руки сложил на груди.

— Сесть должен был кто-то из руководящего состава, по сути, им даже было всё равно, кто это будет, представляешь? Сел я. Потому что без меня могли обойтись. Ведь я дизайнер, думать можно и на зоне, что, собственно, и делал. Знаешь, — он усмехнулся, — за четыре года, пока сидел, мои работы на шести выставках представили, на трёх наша компания стала победителем. — Он шумно выпустил воздух, раздувая щёки, оттого звук получался особенным, ни с чем не спутаешь, кажется, провёл руками по волосам, ероша их. — А в тот день, после свадьбы, прокуратура дала категорический отказ на наши документы, которые так никто и не подписал. А я не хотел уходить от тебя!

Неожиданно улыбнулся, словно вспоминая что-то яркое, сладкое. Только улыбка эта быстро исчезла.

— Вот, знаешь, как ребёнок... не хочу и всё. Поэтому сорвался, потому что не мог, не хотел. Потому что ты ещё час назад нежилась в лучах солнца, а я смотрел на тебя, и вдруг, в один момент, терял всё. Всё! Я просто не имел права тянуть тебя за собой. Ты... ты молодая была, красивая, тебе нужен был мужчина рядом, реальный, а не тот, который сидит и не известно, когда выйдет. И тут для меня не было вариантов. Подумал, пусть так, пусть уйду, и ты меня возненавидишь, чем будешь ждать и не дождёшься.

— Какое благородство... кто бы мог подумать... А почему не сказал, что вернёшься? Не поверю, что ты собирался просто так уйти. Что хочешь говори, а я не поверю.

— Сегодня вроде как вечер правды... — Хмыкнул он и погладил себя по груди, я обернулась, а Дима уже ладони рассматривает. А потом он так резко вскинул голову, глядя прямо на меня, что даже увернуться не успела, только глаза раскрыла шире. — Я хотел, чтобы у тебя были другие мужчины. — Я недоверчиво усмехнулась, но он был серьёзен. — Я хотел, чтобы ты знала, как это бывает, чтобы могла сравнить.

— Так в себе уверен? — Покачала я головой, до последнего не веря в эти слова, Дима ухмыльнулся.

— Никто... никто не сможет любить тебя сильнее, чем я. Потому что сильнее невозможно. Потому что сильнее это уже край.

— А за что? За что так любишь? Вот, ты говоришь, говоришь, а я никак не пойму. За что можно любить человека, которого не знаешь?

— За то, что ты есть. За то, что ты такая беззащитная, за то, что веришь мне. Думал, изменишься, зачерствеешь, или пошлешь меня куда подальше. В крайнем случае, будешь спать со мной, чувствуя выгоду. А ты не изменилась. Не изменилась! — Он попробовал засмеяться, но смех застрял в горле. — Стоило посмотреть на тебя, как всё становилось ясно. Стоило посмотреть в твои глаза, как ты снова готова идти за мной, таких больше нет. Ты — моя. Словно для меня создана, понимаешь...

— Не понимаю, Дим. — Перебила, потому что действительно не понимала, не

осознавала, не чувствовала, хотя сама любила так же, за то, что он есть, а в то, что можно любить меня — не верила. — Почему тогда не спишь со мной, если всё так, как говоришь. В чём смысл? — Дима упал спиной на кровать, закрывая улыбку на лице ладонями. — Да, ты уж извини, кто о чём, а вшивый о бане. Говори.

— Я вчера сказал.

— Я пьяная была, не помню. — Говорила, а сама уже чувствовала, как глубоко внутри зарождается маленький лучик тепла под названием «надежда», я снова была готова ему верить. И рядом легла, на бок повернувшись, внимательно наблюдала за жестами, за невидимыми глазу изменениями в нём. На уровне ощущений, на уровне инстинктов.

— Я не хочу сомневаться. — Выдал он и стих.

— Во мне?

— В твоём желании.

— А-а! То есть ты во мне сомневаешься. Интересно! — Потянула, складывая ладони перед собой лодочкой. На самом деле настроение поднималось. Вот такая я непредсказуемая особа. — Чем не угодила, сэр?

— Не ты. Не конкретно ты. Я боюсь давить на тебя, заставлять, не хочу, чтобы ты спала со мной из-за безвыходности.

— А что, так похоже, что я в отчаянии? Мне казалось, что я преображаюсь рядом с тобой. Отлично! Значит, ошибалась.

— Наверно, этой мой комплекс. Не могу поверить, что такого, как я, можно полюбить.

— А я люблю, представь себе. — Уже откровенно издевалась над ним. Подобралась ближе, чтобы можно было подбородок на его груди устроить, Дима одной рукой меня приобнял, ближе притягивая. — И я хочу тебя. Любого. Грубого и ласкового, только бы со мной.

— Ну, просто семейная идиллия. Он любит её, она любит его и они даже могут быть вместе. Казалось, всё так сложно...

— Не обманывай меня. Никогда. И сложно больше не будет.

Наверно это смешно, но даже в эту ночь мы уснули, так и не дойдя до главного, того самого главного, которое ныло у меня и стояло торчком у него. Это ночью я обнаружила недостачу любви и ласки, когда проснулась от очередного смутного ощущения тревоги. Показалось, что Димы рядом нет, но он спал. Мирным сном, во сне чему-то улыбался, так приятно, что не удержалась и дотронулась губами до его улыбки, чтобы выпить хоть часть необходимого малого. От острого желания простонала в его губы, дёрнулась вверх, побоялась, что разбудила. Вернулась, когда не заметила ни единого движения на совершенном теле. Дыхание так и оставалось ровным, только улыбка исчезла, оставив на губах лёгкий след своего недавнего пребывания. Крупная морщина на переносице была разлажена, широкие ладони лежали на животе, чтобы облегчить мужу сон, осторожно расстегнула пряжку ремня, пуговицу брюк, а потом не удержалась и потянула за бегунок молнии. Удовлетворённый такими манипуляциями член благодарно кивнул, удерживаемый тканью ставших узкими трусов, мой стон повторился, но теперь вполне осознанно: я хотела, чтобы Дима слышал, но он спал слишком крепко. А я стонала. Смотрела на него и стонала, даже опустила руку в трусики и провела несколько раз по клитору, хотя тот и без этих движений чаще необходимого напоминал о своём присутствии.

Вспомнился вчерашний стыд. И член во рту. И захотелось ощутить его снова, а Дима спал и казался таким беззащитным, а ещё эта лопнувшая грань вседозволенности сводила с

ума. Я до боли закусила губу, в момент, когда опускала ткань трусов. Остановилась, поднесла кулаки к подбородку, выбирая, с какой стороны лучше подступиться, сгибала, разгибала пальцы, чтобы их не свела судорога, а язык как заводной скользил по губам. Взгляд метался от его лица к паху и обратно. Я словно жребий тянула. Жребий между здравым смыслом и неутолимимым желанием. Когда желание вытеснило здравый смысл практически подчистую, я склонилась над Димой и, тщетно пытаюсь восстановить дыхание, провела языком по вершине головки, стирая каплю выступившей смазки с малюсеньких губок. Чуть прикусила вершину, когда головка потянулась вслед за моими ускользящими губами. От судороги во всём теле согнулась пополам, припадая губами обратно, осторожно приподняла член, чтобы обхватить его губами, чтобы провести языком по уздечке, как мне понравилось в прошлый раз. Дима сдавленно простонал, а я воровато отскочила в сторону, правда, тут же посмеялась над своим нелепым поведением. Обхватила член губами увереннее, снова провела языком по вершине, солоноватая вязкая жидкость скользнула по моему рту и растворилась в обилии слюны. Этого мне казалось так мало, что я взвыть была готова. Опустила пальцы между ног, чтобы просто погладить себя, чтобы только расслабиться, но этого не хватило, рука забегала в бешеном ритме, кружа, растирая, надавливая. Сдвинув трусики в сторону, я погрузила в себя два пальца, а мой рокочущий стон вибрацией прошёлся по члену. Рука Димы соскользнула с живота и он шумно выдохнул, а я, как подросток, которого вот-вот застукают за мастурбацией срывалась на бешеный ритм, вбирая в рот его член и до судороги в руке раздражая клитор. И все ощущения так остро, так сладко, словно впервые в жизни, хотя это для меня и правда, было впервые. Такая наглость, такая похоть, и наверняка сумасшедшие глаза падшей женщины.

Кончить получилось быстро, громко, я стонала и билась в каком-то припадке, борясь со своим телом, не убирая пальцы из себя, не выпуская член изо рта, пока не почувствовала, что задыхаюсь, так глубоко он оказался. Последние судороги оргазма подбросили меня вверх, и только тогда получилось отдышаться. Только тогда я услышала, что моё сердце всё ещё бьётся. Только тогда поняла, что заставляет людей заниматься сексом на лавочке в парке. И готова была кончить от этой фантазии снова, но Дима перевернулся на бок, пришлось его отпустить.

Окончательно придя в себя, поправила его трусы и брюки, хотя и то и другое отказывалось натягиваться на всё ещё возбуждённую область, пришлось постараться и, возможно, чуть надавить. А когда дело было сделано, жуткая жажда, которая накачивает каждый раз после подобного безумия, буквально вытолкала меня из тёплой постели, хотя принять душ тоже не помешает.

Глава 19

Я спустилась на кухню, стараясь не включать основные источники света, да и не знала, где они находятся, только некоторые, которые Дима регулировал при мне, могла опознать. К тому же, по всему дому были расставлены специальные миниатюрные ночники, ввинчены в потолки, стены, предметы интерьера, так что заблудиться сложно. Воды я напилась как лошадь, причём в буквальном смысле, так, что в животе начало булькать, а до икоты оставалось совсем чуть-чуть. Пришлось остановиться.

Странный шум, доносящийся из гостиной, выделился в общей тишине комнат и я, вооружившись лежащей на столешнице газетой, вышла на поиски его источника. Больше всего наверно боялась увидеть мышь или крысу, грызунов я не люблю. А ещё пауков, но такие мелкие создания едва ли осият сдвинуть с места стол или шуршать креслом и

диваном, но в комнате оказалось пусто и это вызвало у меня какую-то растерянность, ведь звук был достаточно отчётливым. Кинула взгляд на пустую лестницу второго этажа дома, но по ней никто не спускался и никто не поднимался, и полнейшая тишина. Но как только я развернулась, чтобы вернуться на кухню и положить не понадобившуюся газету, как меня, буквально говоря, впечатало в стену, хорошенько приложив головой о твёрдую поверхность. Даже испугаться не успела, как услышала громкий напряжённый шёпот.

— Нехорошо, — рокотал над моим ухом Дима, не упуская момент прикусить кожу на нём, — как не хорошо так поступать с незащищённым спящим мужчиной, малышка... — Простонал, сжимая обеими ладонями мои груди, больно стискивая соски, так, что я шипела и пыталась вырваться. Бессмысленно, конечно, но ведь важен не результат, а сам процесс борьбы, азарта, охотничьих инстинктов, стать победителем или проигравшим.

Дима тёрся возбуждённым органом, который, казалось, был ещё твёрже, ещё больше, о мою попу, то и дело, пытаясь проскользнуть между половинок. Если что и мешало, так это моя одежда. Одна рука поползла вниз, жадно ощупывая выступающие участки тела, сжимая, щипая, не больно, но слишком чувствительно для меня сейчас. Губы коснулись шеи, к ним присоединился язык, так нежно, трепетно, волнующе, совсем иначе, нежели то, что творили его руки. Грубо, с животным азартом, с целью добиться, добраться, заполучить. И этот контраст нежности и грубости, дикой необузданной энергии и полнейшего самоконтроля заставлял забыть, отбросить все мысли и сомнения, отдаваться, наслаждаться.

Внезапно поцелуи прекратились, осталось только тяжёлое горячее дыхание, которое блуждало по затылку, шее, плечам. Он меня рассматривал. Руки тоже прекратили исследование, сейчас упирались по сторонам от моей головы. Дима замер, вслушиваясь, всматриваясь, и по громким частым ударам сердца, я понимала, что это приносит ему удовольствие. Вдруг нахлынула паника и страх того, что он вот-вот уйдёт. Снова. Так, как делал всегда, возможно, в наказание, возможно, как очередной урок, и как только я потерялась, перестала ощущать его дыхание на своей коже, так, словно он отстранился, попыталась повернуться, а Дима и не препятствовал. Сначала только чуть повернула в сторону голову, пытаясь оглянуться, не получила никакого предупреждения и оглянулась полностью. Рассмотреть ничего не удалось, но зато я поняла, чего он хочет, поэтому медленными движениями, маленькими шажками, повернулась лицом и перестала дышать, так он на меня смотрел. Словно хочет съесть. Словно хочет разорвать на куски... и ещё были руки, которые в бессилии сжимались в кулаки над моей головой.

— Раздевайся. — Прохрипел и чуть приоткрыл губы, чтобы выдохнуть через рот.

Сказано — сделано. Свободное платье соскользнуло, как только бретельки съехали с плеч, и в одном белье под его взглядом стало неудобно. Дима заметил, как я вжимаюсь в стену и сам он её оттолкнулся, мой взгляд не отпускал, хотя наверно не так. Он удерживал его, запрещая отводить, порывистыми движениями расстёгивал пуговицы, а потом сбросил рубашку на пол, нам под ноги, с правой половины груди на меня угрожающе «смотрел» белый медведь, а чуть выше прожигал взглядом его хозяин. Протянул руку, чтобы дотронуться до лица, а когда я от неожиданности дёрнулась, с силой ударил кулаком по стене.

— Никогда не отворачивайся от меня!

Впился в губы, кусая их, рука сжималась вокруг моей шеи, но не сдавливая, а лишь удерживая, когда боль переходила ту грань, которую я могла терпеть. Это было мало похоже на поцелуй и та жадность, та непонятная зависимость, которая Диму направляла, заставляла

повиноваться, просто вытерпеть, чтобы получить награду. Он прорычал, когда почувствовал, как моё сопротивление ушло, впивался в губы сильнее, словно его заводят такие тихие, жалобные стоны. Рука, которая до этого упиралась в стену, съехала по ней вниз и остановилась на уровне ягодицы. В ту же секунду жадный захват опалил кожу. Я дёрнулась в его объятиях, пытаюсь вырваться, а Дима припечатал меня своими бёдрами к стене.

— Я тебя не отпускал. — Охладил потоком воздуха опухшие губы, посмотрел, с удовольствием любясь на них, отпустил меня, отступая на шаг.

Демонстративно чёткими движениями распустил ремень, вытаскивая его из петлиц, растегнул пуговицу, которую я так старательно застёгивала несколько минут назад, потянул за края брюк, заставляя молнию разъехаться. Изогнул и приподнял одну бровь, глядя на меня с неприкрытым удовольствием.

Его заводили мои огромные от волнения и страха неизведанного, глаза, мои сжатые в кулаки руки, моя грудь, которая ходила ходуном, не справляясь, не успевая насытить кровь кислородом. Наверно именно от этого я ощущала лёгкое опьянение, не слабость, а приятное головокружение, чувствовала как кровь бежала по венам, разнося аромат удовольствия, предвкушение эйфории. Наверно я боролась с собой в эти секунды. Боролась между сложностью выбора: пойти вслед за ним или остаться и позволить собой руководить. Не успела об этом подумать, как его губы расползлись в понимающей усмешке.

— Попытка номер два. — Не без удовольствия мурлыкнул он, несмотря на видимое глазом напряжение во всём теле, и пальцем указал место, где сейчас должны находиться мои колени.

Я даже понять ничего не успела, ничего для себя не решила, когда осознала, что уже иду к нему. Находясь под гипнозом его глаз, его желания, его похоти, которая свозила из каждого движения. Послушно опустилась на колени, чтобы не упасть, вцепилась пальцами в ягодицы, которые всё ещё скрывались под тканью брюк. Тут же потянула, стягивая их вниз вместе с бельём, и в голову ударил запах его возбуждения. Кажется, теперь смогу узнать его из тысячи, при этом надеясь, что других мне узнать не придётся никогда. Крайняя плоть собралась под опухшей от прилива крови головкой, я смотрела на это и секунды казались мне вечностью.

— И запомни, малыш, — заставил Дима посмотреть вверх, несильно сжимая шею, — никогда не оставляй своего мужчину неудовлетворённым. Открой рот.

Последнее слово выбивалось из остальных чёткой приказной интонацией, не успела я разомкнуть слипшиеся от волнения сухие губы, как он толкнулся в них. Но не глубоко, а ровно настолько, насколько я позволяла сделать это себе в спальне, судорожно выдохнул, когда я повторила уже освоенные движения, и пощекотала уздечку языком. Толкнулся глубже и тут же отстранился. Потянул хвост волос назад.

— Сделаешь всё сама.

Я не поняла сначала, но потом кивнула, осознавая, что право выбора остаётся за мной. Попыталась приступить, потому как была настолько возбуждена, что медлить не хотелось, но Дима только недоверчиво покачал головой.

— Ты сказала, что хотела почувствовать меня у себя во рту... Наверно нужно, чтобы ты знала... Я тоже хотел этого. И готов был кончить только от одной мысли, то увижу тебя на коленях.

Немного разжал пальцы, на что я среагировала мгновенно и смогла лизнуть головку, но кулак на волосах сжался в ту же секунду.

— И я схожу с ума, понимая, что ты уже делаешь это.

Подтолкнул вперёд, насаживая на себя, но не заставляя, всего лишь давая понять, что уже можно. Я сделала несколько движений, коротких, но чувственных, когда мы оба поняли, что своё слово он не сдержал. Дима сорвался на бешеный ритм, удерживая мою голову. Одной рукой давил на затылок, другой на шею, заставляя запрокинуть голову, тогда получалось входить глубоко и практически безболезненно. Чтобы не упасть под его напором и не остаться без головы, приходилось вцепиться в ягодицы, раздирая кожу на них, я отчётливо ощущала, как мои ногти впиваются в неё, и слышала его шипение, смешанное со стонами удовольствия. Наверно всё это длилось недолго, кончил он в свой кулак, дорабатывая буквально секунду, находясь под впечатлением, не стал долго раздумывать, шагнул из собравшейся на стопах одежды и вытер ладонь о штанину брюк.

А я всё так же стояла на коленях, пытаюсь отдышаться, когда Дима потянул меня наверх и поцеловал. Мягко, нежно, аккуратно, так бережно и заботливо, что меня повело, голова закружилась сильнее, и можно было полностью отключать сознание, но он не позволил, сжимая с боков так сильно, чтобы я продолжала чувствовать эту близость.

— Надо же, — прошептал он тогда, — а я и не знал, что моя девочка любит жёстко.

— Да-а? — Притворно удивилась я, и провела пальчиком по его щеке, разглаживая складку возле губ. Провела по нижней из них, и ощутила острый спазм внизу живота, когда он прихватил этот палец губами, вырисовывая на подушечке узоры своим языком. На самом деле и сама о себе такого не знала до сегодняшнего вечера, но умолчала. — И оргазм в машине тебя не натолкнул на подобные раздумья? — Я вытянула губы трубочкой, наблюдая как он задумался, и мне стоило бы подумать об этом, потому что такое поведение и отношение к сексу явно не вписывалось в норму общепринятых. Дима ухмыльнулся.

— Всё, что происходит между нами, между нами и останется. Ты только говори, что тебе нравится. Не можешь сказать — покажи. — Склонил голову набок, отступил на шаг назад и прижался ягодицами к высокой спинке дивана, теперь я практически сидела на его коленях. Приятно, уютно и просто хорошо.

— А ты покажешь, что нравится тебе. — Выставила я встречное условие, на которое он коротко кивнул, оттягивая во время поцелуя мою нижнюю губу.

— В сексе нужно уметь расслабляться и забывать о приличиях. Для каждого они свои.

— Судя по многочисленным показаниям свидетелей, у тебя любые приличия отсутствуют напрочь. — Хмыкнула я, припоминая слова его матери.

— Заинтересовало что-то особенное? То, что ещё не пробовала? — С азартом отозвался он, при этом легко поглаживал грудь, живот, массировал плечи. — Что тебя заводит?

— Ты. — Призналась честно, но Дима не поверил, только улыбнулся, ероша мои волосы на затылке. Рука спустилась на шею, по спине, отсчитывая каждый позвонок, кончики пальцев покружили по ягодицам и только тогда скользнули между них, мягко надавливая. Я дёрнулась, подпрыгивая, а Дима притворно разочарованно вздохнул.

— Не будем торопиться. — Произнёс абсолютно серьёзно, а потом широко улыбнулся. — Просто говори, что ты хочешь. — Повторил настойчивее и подтолкнул меня, предлагая встать. Встал сам, крепко удерживая мою ладонь, потянул в сторону кухни.

На мою попытку поднять платье и прикрыться, неодобрительно покачал головой, окинул тело придирчивым взглядом, после чего горячая ладонь скользнула под моей рукой и бюстгальтер разъехался, отпуская грудь. Руки машинально сдвинулись.

— Ты очень красивая, мне доставляет удовольствие видеть тебя.

Я смутилась. Не думаю, что в свете ночников Дима мог это заметить, но слишком хорошо знал меня для того, чтобы этого не понять. Яркий свет кухни придал ещё больше сомнений и я, уже не интересуясь его мнением, обхватила руками свои плечи, пытаюсь отгородиться. То, что кроме груди прикрывать ещё было что, сообразила позже, наверно в тот момент, когда муж с нажимом потянул мои руки на себя.

— Ну же, ты ведь не хочешь сказать, что меня стесняешься. — Отшучивался он, повторяя свою попытку раз за разом. — Минуту назад ты не думала о том, что стоишь передо мной голая, на коленях. И оральный секс тебя не смущал. Что изменилось?

Всё-таки отодрав мои руки, он обвёл их вокруг своего торса, предлагая обнять и прижать к себе, прикрыл своим телом, голову склонил так, чтобы губы могли дотянуться до шеи.

— Я всё ещё жду ответа. — Напоминал, покрывая кожу частыми лёгкими поцелуями. Руками сжал обе мои ягодицы, чуть приподнимая их вверх, подталкивал меня к столешнице кухни.

— Так говоришь, словно мне стесняться нечего. — Недовольно пробурчала я, пытаюсь зарыться носом поглубже, куда-нибудь подмышку, так, чтобы он меня не видел.

— Перестань. Тебе двадцать четыре и ты прекрасна. Будешь так себя вести, я тоже начну прятаться по углам, прикрывая своё достоинство. Представляешь, как комично это будет выглядеть? — Урчал он, не прекращая поцелуев, заставляя открыться, запрокинуть голову и облегчить доступ к своей шее.

— Мужчины вообще стыда не имеют. Машут своими причиндалами, не заботясь о нервной системе окружающих.

— Мои причиндалы тебя напрягают? — Хохотнул он, и вместо поцелуя, случайно прикусил кожу. Я в этот момент очень удачно дёрнулась, едва ли не насаживаясь на уже возбуждённый член. Сплотнула и посмотрела вниз, чтобы убедиться, что не ошиблась. Дима, воспользовавшись ситуацией, всю имитировал движения в сексе. Его и правда, мало что беспокоило.

— Меня напрягает то, что о тебе и сексе с тобой я думаю чаще, чем о работе и обязанностях. — На автомате отвечала я, не зная, чего хочу больше: наконец, почувствовать то, о чём долгих шесть лет тайно вспоминала по ночам, либо спрятаться.

— Твои обязанности быть моей женой, об остальном можешь забыть. — На моё внезапное напряжение Дима чуть отстранил голову и нахмурился. — Что? Неужели то, что я сейчас делаю, нравится тебе меньше, чем работа в офисе?

Чтобы я уж совсем не сомневалась, взял мою ладонь, предлагая обхватить его член, и, крепко её сжимая, несколько раз провёл вверх-вниз. При этом не спускал взгляда с моего лица. Да, наверно на нём было красочно расписано, что для меня значит работа, поэтому Дима мою ладонь, которой водил до этого, отпустил, а без поддержки рука значительно обмякла.

— Понял, не дурак. — Тут же охладел он и отпустил меня. Совсем. Даже в сторону отошёл, словно так просто стоял, спустился кофе выпить.

Под стать моим мыслям, зашуршал пакетами в ящике над головой.

— Тебе кофе или чай?

— Дима, ты ведь не собираешься предложить мне на выбор ты или работа? — Не смея на него посмотреть, тихо уточнила я, и его показательное молчания в ответ говорило о многом. — Я не уйду с работы. Никогда. — Хотела, чтобы голос звучал твёрдо, а получилось

жалко и неуверенно.

Повернула голову, чтобы поймать его взгляд, а Дима, точно и не слышал этих слов, уже кипятил воду, достал чай, чтобы засыпать в заварник, но не засыпал — нужно было ополоснуть керамику кипятком.

Движения не резкие, не нервные, он оставался спокоен, несмотря на моё внимание. Когда понял, что просто так не отвернусь, на взгляд ответил, а чтобы уж совсем не оставалось вопросов, чуть наклонил голову вперёд, по привычке немного вытянул губы, придавая им форму свободной трубочки, да ещё и бровь одну приподнял, изгибая. Так и показывая всем своим видом. «Что? Ты что-то сказала? Повтори...», улыбнулся, понимая, что повторять я не собираюсь, да просто потому, что не могу. Выдохнул и вернулся к своему занятию.

— С сахаром? — Уточнил громко и настойчиво, а я взбесилась от его поведения, скривилась, от столешницы отлепилась, развернулась спиной, точно зная, как он смотрит мне вслед.

Чувствовала себя отвратительно. Оттого, что голая, оттого, что не могу возразить, хотя знаю, что права, оттого, что при движении, когда бёдра трутся друг о друга, внутри зарождается недвусмысленное тепло, а шире расставить ноги и избежать этого трения не могу, потому что ОН смотрит! Смотрит и всё понимает... Хотелось расплакаться, биться головой о стену, да что угодно, только бы легче стало, но узел внутри развязываться никак не хотел. Ни тот, который снизу, заставляет дрожать и двигать бёдрами в такт с этой дрожью, ни тот, который давит на грудь, не давая вздохнуть. Взгляд зацепился за ткань у стены — моё платье, и я, точно отомстить пытаюсь за обиду, кому — не понятно, наверно хотелось показать, что против! Быстро подошла к нему, с остервенением натягивая на всё ещё влажное тело, путаясь, цепляясь за какие-то вырезы, выемки, застёжки. Взыла от первой неудачи, стянула платье через голову и нервно смяла в руках. Наверно если бы Дима не стоял в соседней комнате, просто бы кричала. Не слова, не оскорбления. Хотелось выкричаться, чтобы выдавить из себя негатив, злость на него, на себя и на это грёбанное платье.

Когда злость сменилась жалостью, я так и стояла, сжимая перед собой смятую ткань, горячие слёзы уже поплыли по щекам, раздражая искусанные губы, а от безысходности организм требовал действие, наверно, чтобы отвлечься, забыться. Тогда я снова трянула одежду, выпрямляя, расправляя в руках, разгладила, чтобы точно найти широкий проём для головы, бретели, перевернула платье подолом к себе и с лёгкостью скользнула в него. Ткань разгладилась по спине, бёдрам, ягодицам, а я лишь немного поправила на груди, которая без белья выглядела слишком пошло. Соски выпирали, реагируя даже на такое прикосновение и снова так обидно стало, что я ногой топнула. Не успела понять, помогло или нет, как резкий рывок и мой вскрик заглушил треск рвущейся ткани.

— Я сказал голая! — С нечеловеческим рыком прокричал он.

Схватив платье одной рукой со спины, Дима просто содрал его с меня, в стороны полетела ненужная тряпка. Рывок, толчок в спину, и вот я уже повисла на спинке дивана. Первое проникновение было слишком резким, слишком мощным, я сжалась внутри, поджимая все мышцы, а когда попыталась соскочить, получила обжигающий шлепок по ягодице. Звонкий, хлёсткий, растекающийся огнём по всему телу. Я не испугалась, я была против. Против его грубости и напора, против этого варварства и признания сильнейшего. Поэтому, несмотря на то, что была намертво прижата к спинке дивана, попыталась

сопротивляться. Сильный удар ладонью по второй ягодице только подстегнул меня, я рычала, брыкалась, если бы могла повернуться, я бы царапалась, но Дима наклонился, прижимаясь к моей спине своим телом. Толкался сильно и грубо, движения сопровождались шлёпающими звуками соприкосновения кожи о кожу. Одна рука сжимала талию, удерживая, вторая путешествовала по телу, сжимая грудь, оттягивая соски, намерено сильно, чтобы я кричала, ведь ему нравились мои крики, которые так походили на стоны.

Возможности сопротивляться не было, руки я упирала в диван, чтобы не биться телом о твёрдую мебель, которая успела доставить неудобств в первые секунды. Выступающие косточки таза ныли от тупой боли, именно на них пришёлся первый удар о спинку дивана, а Дима не останавливался, даже когда я откровенно кричала. Не от боли — от бессилия. Постепенно рука пробиралась к шее. Контроль, полный контроль, он заводил его. В первые секунды, когда пальцы сжались, у меня даже в глазах потемнело, из горла со свистом вырвался сиплый стон, хватка ослабла на шее, но усилилась на талии, он буквально разрывал мою кожу сбоку, впиваясь в неё пальцами, короткими ногтями, оттягивая и сжимая в кулаке. Когда солёные пальцы погрузились в мой приоткрытый рот, я с удовольствием сжала их зубами, сильно, со всей присущей мне злостью, с неожиданной ненавистью к своей слабости и к тому, что Дима ею пользуется. Он зашипел, но даже не попытался палец выдернуть. Отпустил талию, с силой сжал плечо, насаживая меня на себя глубже, так, точно насквозь пробить хотел, и тянущейся болью отзывались мышцы живота, подвздошной области, словно что-то лопнуло внутри, разорвалось, нарушилось. Конечно, рот я в ту же секунду открыла, а Диме оставалось только зафиксировать. Больно сжав щёки по обеим сторонам, теперь он мог свободно толкать в него пальцы, в ритме движений члена. А потом в моей голове, словно взрыв какой-то, когда злость вдруг пропала, а желание усилилось. Влаги прибавилось настолько, что, казалось, она уже текла по ногам, Дима довольно простонал, почувствовав это, влажные удары плоть о плоть были настолько громкими, что нам позавидовала бы любая озвучка порно фильма. А ещё я устала, адски устала. Руки, которыми упиралась, дрожали, поддаваясь напору, ещё чуть-чуть и я могла просто повиснуть, забывая о себе и о ударах выпирающими костями о мебель, которыми сопровождался каждый его толчок. Ритм Дима держал, не сбиваясь, по-прежнему вбивался в меня, вколачивался, но, почувствовав обмякшее дрожащее тело, напор ослабил, подтянул к себе, толкая на грудь. Боже, как билось его сердце в эти секунды, казалось, оно пробьёт меня и будет биться уже в моей груди. Дыхание безумное, шумное, порывистое, вылетающее со свистом, а шёпот пробирал меня до костей.

— Тише, маленький, тише... — Повторялся он, а я не понимала, почему успокаивает, с удовольствием упиралась в сильное плечо, ни о чём не задумываясь, — всё хорошо, сейчас всё будет, сейчас... сейчас. — Казалось, без конца шептали его губы.

Теперь много сил уходило на то, чтобы просто удержать меня на ногах, крепкая рука надёжно перехватывала поперёк талии, вторая была где-то снизу, там... там, где сейчас всё плавится от его прикосновений. Нежных и грубых одновременно, сладких, и до боли во всём теле необходимых. А потом я просто потерялась. Не видела и не слышала, а в теле расплывалась свобода. С Димой хорошо. Да, наверно так чувствует себя человек, которому хорошо.

Я не хотела открывать глаза, но настойчивое дыхание врезалась в кожу, от него нельзя было отбиться, нельзя отвернуться, можно было только забрать себе. Тогда я поняла, что это поцелуй. Глубокий, влажный. Широкие лижущие движения языка. Его языка. У меня во рту.

Я даже находила силы отвечать, за что была награждена его громкими стонами, такими похожими на урчание довольного животного.

— Спасибо, родная. — Говорил он между поцелуями, когда я брала передышку, — спасибо, что ты у меня есть. Не могу без тебя, задыхаюсь, погибаю.

А потом так странно... К себе прижимал, как самую любимую игрушку, но игрушкой я себя не чувствовала. Когда открыла глаза, Дима сидел на полу, я на его коленях, он раскачивался из стороны в сторону, улыбаясь, медленно проводя рукой по длинным волосам. Посмотрел на меня и будто смутился.

— Я спросить хотел... Ты будешь чай или кофе?

Так я не смеялась никогда в жизни. «Я буду только тебя» — ответил тогда, обнимая мужа, тёрлась носом о колючую щёку, а он целовал мою шею. Я вдыхала аромат его волос, а он целовал мои плечи. Когда губы опухли настолько, что даже мимолётное прикосновение к ним вызывало дискомфорт, Дима просто отстранил меня от себя.

— Не знаю, как я, а ты на работу завтра точно не пойдёшь. — Довольно улыбнулся.

Я уже хотела возмутиться, крикнуть, стучать кулаками по его груди, а он просто провёл пальцем по саднящим губам и вся истерика прекратилась.

— Ничего, думаю, после сегодняшней ночи, у тебя будет много мыслей, которые стоит записать.

На секунду я смолкла, глядя в его глаза, и лишь потом всё поняла, закрыла лицо руками.

— Ты всё-таки прочитал? — Выдохнула, заливаясь румянцем и пытаюсь спрятать его даже в тёмной комнате, прижимаясь огненной щекой к его прохладному плечу.

— Ты у меня талантище. И я у тебя. Вот, кто-то скажет, просто безумный секс, а я уже знаю, как будет выглядеть моя следующая коллекция. — Прошептал мечтательно. — И ты поймёшь, что она о тебе, для тебя. Ты будешь в каждой линии, в каждом изгибе. — Приткнулся губами к макушке и шумно втянул аромат моих волос. — Даже не представляешь, как выглядишь во время оргазма. У меня никогда такого не было, Галь. — Улыбался он, ощущая, как волны жара вновь и вновь приливают к моему лицу. — Надеюсь, вскоре увидеть несколько строк о диком и горячем мужчине и первобытном сексе.

— От скромности ты не умрёшь...

— Есть такое дело. А теперь пошли пить чай.

Дима бегло огляделся по сторонам, зацепился взглядом за что-то его интересующее и попытался подняться со мной на руках, но со стоном поражения опустился на прежнее место, с силой сжимая мои ягодицы.

— Дорогая, я, может, и козёл, но не молодой и уж точно не горный. — С полуулыбкой начал он и посмотрел на меня исподлобья, пытаюсь не рассмеяться в голос. — Так что давай ты всё же встанешь первая, а потом я отнесу тебя хоть на край света.

— Вот так и доверься вам. Горы золотые обещал, а сам... Эх, ты!

И всё же я поднялась, даже руку своему «не горному козлику» протянула, на что он только фыркнул и бодренько подскочил, даже не прихватившись за поясицу, хотя на полу мы сидели достаточно долго, даже у меня возникало желание покряхтеть. Поднял с пола свою рубашку, накинул её мне на плечи, аккуратно расправив, и принялся одну за одной застёгивать пуговицы. На мой недоумённый взгляд лишь нахмурился, признавая поражение.

— Всё же лучше тебе ходить в одежде. — Недовольно пробормотал, не обращая внимания на мою ироническую улыбочку и на плотно сжатые губы, которые так и порывались расплыться на лице широко, демонстрируя удовольствие. — Но без белья. Оно

меня раздражает. — Пояснил на всякий случай, под мои издевательские кивки головой.

Потом уже действительно схватил на руки, с лёгкостью подбрасывая в воздухе, и понёс на кухню за обещанным чаем. Усадил на высокий табурет возле барной стойки, придержал за бёдра.

— Не упадёшь? — Улыбнулся, облизываясь.

— Не-а. — Отрицала я, хотя готова была тянуться за его руками сама. — Чаю хочу! — Заявила нагло, отправляя мужа к плите, а он не растерялся, подмигнул, а потом наклонился к моему уху и провоцирующе шепнул:

— Если будешь так призывно открывать губы, я наполню этот ротик чем-нибудь более стоящим. — Лизнул мои губы, проводя по ним кончиком языка, и направился туда, где стоял уже остывший чайник. Но ведь закипала я!..

Наблюдать за тем, как Дима пошагово, не раздражаясь, как обычно делаю я, если что-то не получается, снова закипятит воду, сполоснул заварник, избавившись от старого остывшего напитка, который ту же пришёл в негодность, обработал его кипятком и забросил свежие листья. Надо же, а я и не знала, что приготовить чай это такая процедура. Меня обычно (если кофе вдруг заканчивался) хватало лишь на пакетик, да и с ним, казалось, столько возни... Сейчас же, готова была полюбить чай лишь за то, что его приготовил мой муж. Мой обнажённый муж, который возбуждал, заводил и заставлял лоно сокращаться.

Как раз после таких сокращений я и почувствовала, как что-то горячее спустилось вниз и эту вязкую жидкость удерживали только мои сжатые ноги. Паника — это не то слово, которым можно охарактеризовать происходящее. Да я в ужас пришла, зная наверняка, что следующая менструация должна прийти только через полторы недели. Даже встать боялась, так как отчётливо понимала, что через мгновение всё это окажется на ногах, на полу...

— Что? — Замер Дима с пустой чашкой в руках, и вот на его лице точно была паника.

Я попыталась что-то сказать, наверно даже успокоить, но рот открыла, а ни звука не произнесла.

— Не молчи, мать твою! — Взревел он, и метнулся ко мне. — Что? — Схватил лицо обеими руками, заставляя в глаза смотреть. — Болит что-нибудь? Где? — Провёл одной рукой, словно проверяя, не отвалилось ли что, а когда бедра коснулся, почувствовал, как мышцы напряглись, и стиснул зубы. — Чёрт! Здесь? — Резанул грубым голосом.

— Мне нужно в ванную.

— Я посмотрю!

— Дима, мне просто нужно в ванную. Ничего не болит, я просто хочу в ванную! — Твердила одно и то же, как заведённая. И не знаю, что было главенствующим: страх того, что что-то не в порядке или стыд. Я не хотела, чтобы он видел то, что увидеть не должен.

Не споря, Дима схватил меня на руки, ванная комната была недалеко от кухни на первом этаже, но одну он не пустил, зашёл и дверь на замок закрыл, чтобы я вытолкать его не смогла. Влага уже стекала по скрещенным ногам, а я стояла и смотрела на мужа в упор. Отворачиваться он не собирался.

— Я не буду при тебе.

— Галя, я не выйду, пока не пойму, что происходит. Что-то болит?

— Нет.

— Тогда что? — Терпеливо спрашивал он, но голос звенел, обещая вот-вот сорваться.

— Просто выйди.

Он молча сделал шаг вперёд, а я выставила перед собой руки.

— Что случилось?

Уже стоял вплотную, позволь я, тут же развернул бы меня, наклоня, но я не позволяла. Согнутые в локтях руки упирались в его живот, а умоляющий взгляд просил отступить. Я почувствовала, как липкая капля потекла по задней поверхности бедра и плавно опустилась на нежное место под коленом, влага успела остыть, оставляла после себя неприятное ощущение. Не контролируя реакцию, я поморщилась, закрыла лицо руками.

— Наверно у меня кровь... — Прошептала, а Дима спокойно выдохнул.

— Ты боишься крови? — Дотронулся до запястий, но не тянул, предлагал опустить их самой.

Его рука тяжело придержала талию, съехала на бедро, заставляя меня напрягаться сильнее, я задрожала: вторая капля проделала тот же путь.

— У меня сейчас ничего не должно быть. — Попыталась объяснить. — Только через десять дней, понимаешь

— Всё понял, — смял край своей рубашки, пробираясь к голому телу, я попыталась увернуться, но его вторая рука держала меня уверенно, крепко, — я только посмотрю. — Пытался успокоить. Кончики пальцев, медленно касаясь, были на стыке бёдер. — Я не сделаю больно, только посмотрю. — Повторил с нажимом, а я напряглась так сильно, как только могла. Не контролировала себя.

Тогда его рука довольно грубо протиснулась между ног, а несколько пальцев прошлись по промежности. Теперь он чувствовал то же, что и я, потому как замер и напрягся, ощущая тепло на пальцах. Сжал их в кулак и осторожно руку освободил, вдохнул и крепко притянул меня к себе, сжимая шею в локтевом сгибе.

— Просто сперма, малыш. — Прошептал, а я не поняла, что он имеет в виду.

— Ты... ты...

Пересилила себя, руки от лица убрала и посмотрела на его влажные пальцы с белёсой жидкостью на них.

— Ты не использовал презерватив?

— Ну да, — непонятно чему обрадовался он, усмехнулся, и взял моё лицо в руки, ненамного отстраняясь, — всегда при себе в кармане ношу. Галь? Ну? Ну, что ты?

Я смотрела на его голое тело, пытаюсь уловить юмор, даже попыталась улыбнуться, только получилось коротко и как-то сдавленно.

— Но она вытекла из меня... — Вроде бы удивилась, чувствуя, что торможу, но не понимала в чём.

— Ты всегда использовала презерватив, я правильно понял? — Пришлось нахмуриться и посмотреть в глаза Димы, чтобы понять, к чему он ведёт. — Ну, а куда она по-твоему должна была деться? — Он уже лучезарно улыбался, понимая, какой же я ребёнок. Глупый, наивный и немного напуганный.

— Но ведь я могу забеременеть...

По ногам потекла густая жидкость и я снова сжала ноги. Дима перехватил воздуха, терпеливо глядя на мои мучения, отошёл в сторону, придерживая меня одной рукой, второй открыл кран смесителя душевой кабины. Вернулся и принялся медленно расстёгивать пуговицы собственной рубашки. Аккуратно расправил полы, проводя руками по бокам, поглаживая округлую грудь, а я смотрела на него, пытаюсь справиться с круговоротом мыслей в голове.

— Я ведь могу забеременеть, Дим?

— Ты меня спрашиваешь или ставишь перед фактом?

Облизывался, подталкивая меня в сторону душевой кабины.

— Скорее, я ставлю тебя перед фактом. Я могу забеременеть, Дим. — Проговорила уверенно, пытаюсь понять его реакцию, но он лишь активно закивал, соглашаясь. На секунду я потеряла зрительный контакт, но тут же вышла из-под струй воды, наблюдая, как под них становится он, как капли стекают по волосам, падают ровным слоем на кожу, расходятся влажными дорожками.

— Ты хочешь детей? — Почему-то я испугалась этого открытия, получилось с придыханием, но на самом деле просто не хватило воздуха, Дима прижал меня к стенке кабины своим телом и посмотрел абсолютно серьёзно. Слишком серьёзно.

— Я семью хочу, Галя. Ты, я, наши дети. — Я посмотрела круглыми глазами, на что Дима невесело усмехнулся. — Когда-нибудь. — Добавил осторожно. — Возможно, ты ещё не готова. — Прижался к моим губам, в горьком от обиды поцелуе, а я не смогла закрыть глаза, смотрела на него. — А вообще есть таблетки для таких случаев. — Уже беззаботно улыбнулся он, не глядя на меня, эта напускная лёгкость слетела с его лица.

— Я не принимаю таблетки. И не собираюсь этого делать.

— Иногда нам приходится делать выбор. Какой будет твой, зависит от тебя. Я понимаю, для всего нужно время, но... не у каждого его осталось много.

— Я боюсь... — Обронила слово и отвернулась. Дима молчал, давая возможность сказать всё в неизменном виде, без влияния его ответов или вопросов. — Не знаю чего, вряд ли чего-то конкретного. Я вообще никогда не представляла себя в роли матери, не любила общаться с детьми, потому что они кричат, плачут и капризничают. Боюсь растолстеть и стать некрасивой, боюсь потерять время и понимаю, что всё это глупости, но страхи на то они и страхи, чтобы заставлять нас отказываться от чего-либо.

— Ты слишком дорожишь своей свободой, Галя, переоцениваешь её. Не пробовала отпустить тормоза?

— Отпуская тормоза, я могу разбиться. — Ответила резко и отвернулась лицом к стене. Дима сжал мои плечи. — Я тоже хочу семью. С тобой. И, конечно же, буду любить наших детей, но...

Не дав мне закончить перечисление очередных «но», Дима провёл рукой по промежности.

— Ты...

Остановившая мой вопрос, он ввёл в меня сразу два пальца.

— Руки... — Обжёг он волнующим шёпотом и поставил свою свободную на стену чуть выше моей головы. Я повторила движение.

— Выше. — Скомандовал и я подтянула их вверх, упираясь в стену на уровне плеч.

Пальцы внутри меня начали медленные круговые движения.

— Не думай о том, о чём думать ещё рано, малыш. Решай проблемы по мере их поступления. Расслабься...

И я послушалась. Мне нравилось слушать его голос, даже его приказы, команды. Иногда хотелось, чтобы он сказал своё чёткое мужское «нет» и он его говорил. А мне хотелось верить, что это правильно. Я отдавалась на волю эмоциям, чувствам, запрокидывала голову назад, пытаюсь поймать его тело, найти точку опоры, но Дима всегда отступал, даже когда хотел ко мне прикоснуться. Плавные движения сменялись более резкими, ритмичными, а я готова была стонать часами, только бы он оставался доволен. Уже поняла, что Дима любит

смотреть. Надеюсь, только на меня. И сейчас он доставлял мне удовольствие, и получал его сам, глядя как я борюсь с подступающими волнами, как дрожат мои руки, как трясутся ноги, как губы шепчут что-то нужное, необходимое, но такое недоступное в эти мгновения.

— Мне нравится, когда ты такая. — Шептал он, и, казалось, словами заводил больше, чем действиями.

Я смотрела на мощную руку, на широкую ладонь. На устрашающий кулак над своей головой и где-то там заканчивалась реальность. Дальше её просто не существовало. С ума сводил.

— Нежная, податливая, доверчивая. Когда ты сжимаешь ягодицы, и тут же отставляешь попку под мои руки, борешься сама с собой, проигрывая мне. Ты ранимая, как цветок, и если сжать лепестки чуть сильнее, они пропадут, испортятся. Ты доверяешь мне?

Вместо ответа я лишь шире разводила ноги.

— Это можно понимать как «да»?

Сжал пальцами клитор, чуть оттягивая, мой стон ударялся о стены душевой кабины и рассыпался, а я хотела просто лечь, упасть, подтянув колени к подбородку, обняв плечи руками, чтобы никому не отдавать и частичку себя.

Спустя какое-то время поняла, что смотрю в пустоту, та рука, которая была для меня ориентиром, исчезла, другая всё ещё выслушивала пульсацию внутри, Дима не спешил вынимать пальцы. Спустя несколько секунд горячая струя ударила в крестец, грубое тело придавило меня, прижимая к стене, а короткое рваное дыхание говорило за себя. И он защищал меня. От всего. Даже непослушная вода, которая била без разбора по его плечам, до меня долетала лишь мелкими брызгами. И мне нравилось это чувство, когда за моей спиной обязательно кто-то есть. Мне его не хватало...

Глава 20

— Расскажи о себе. — Попросила я, когда молчание утомило, а закрыть глаза, чтобы уснуть, так и не смогла.

Дима лежал на спине, я устроила подбородок на тёплой груди. Мне было хорошо рядом с ним, а он просто не мог отказать. Посмотрел, устало улыбаясь, погладил волосы.

— Что ты хочешь знать?

— Не знаю. Мне всё равно, с чего ты начнёшь. — Ответила искренне, не задумываясь о смысле слов. — Например, что означают твои татуировки?

Погладила ладонью белого мишку, с которым успела подружиться, посмотрела на перо, украшающее ключицу, мысль о чём-то страшном не отпускала.

— Вот это перо, что оно означает? — Пересилила себя и притронулась губами чуть выше, Дима повернул голову так, словно и забыл о его существовании. — Кажется, пером в тюрьме называют нож, я права?

— Права. — Выдохнул, отворачиваясь к окну, задумался, засмотрелся, как ночь сменялась днём, пришло время рассвета. — Перо это символ творческого человека, — начал неожиданно для меня, в момент, когда уже не ждала ответа. — Я учился в художественной школе, кажется, это был последний класс. Хотелось чем-то отличаться, выделяться из толпы, выразить себя, только вот не знал как. А брат моего одноклассника был отличным тату-художником, даже не помню, как они меня уговаривали, я не считал роспись тела достойным занятием. Но когда увидел результат, просто не осталось слов. Это я. Моё представление о мире.

— Просто перо. — Возразила я, всматриваясь в тёмный рисунок, кончик словно шевелился, когда Дима вздыхал, а потом, когда воздух выходил из лёгких, казалось, что перо вот-вот слетит, его унесёт вместе с ветром.

— А я и есть перо. Хочется летать, но не могу. Отбилась от стаи, вылетел, не зная, зачем, а обратной дороги нет.

— А почему чёрное? Ведь можно было выбрать что-нибудь яркое, запоминающееся.

— Хочешь сказать, что ты его не запомнила? — Улыбнулся он, прижимая мои плечи к своей груди. — Не знаю почему... я так чувствовал на тот момент.

— А медведь? Что означает медведь? Сила, угроза? Может, власть? Раньше его не было, а теперь есть.

Дима дышал ровно, а мне хотелось знать о нём то, что не знает никто другой.

— Я слышала, что многие люди, сделав татуировку по глупости, потом мечтают от неё избавиться, а ты новые накалываешь. Значит, не жалеешь?

— Жалеют те, кто сделал рисунок просто так. Без смысла. А тату — как шрам, она должна говорить о чём-то, предупреждать, напоминать. Человек со временем меняется, умнеет, учится делать выводы. Каждая татуировка для меня вывод по истечении определённого времени.

Я осмысливала сказанное, а Дима закрыл глаза, концентрируясь.

— Белый медведь означает одиночество.

— Одиночество? — Повторила я, всматриваясь в его лицо, но Дима глаз не открыл, хотя

знал, что я смотрю. — Почему? Какой это вывод для тебя?

— Я сделал её практически сразу как вышел из тюрьмы.

— От тебя все отвернулись?

— Нет. Мои друзья так и остались со мной. Но ведь иногда, несмотря на количество окружающих тебя людей, ты так и остаёшься одиноким. Я сделал её в то день, когда увидел тебя.

Я поднялась, отталкиваясь от его груди, а Дима отпустил, улыбнулся, зная, что в напряжении жду ответа.

— Лёха сразу сказал, чтобы я к тебе не лез. В чём-то он был прав. Зона меняет людей, какими бы они ни были. И я изменился. Стал жёстче... наверно, более остро научился ощущать реальность, разделять белое и чёрное. Ты была белым... а я чёрным.

— Ты должен был прийти ко мне! — Прошептала с обвинением в голосе, Дима безразлично пожал плечами.

— Должен. Пришёл. А ты была не одна.

— Я не понимаю... — Отвернулась, отдышалась и снова вцепилась в него взглядом.

— Ты ведь не думаешь, что я хотел напугать тебя и встретить в квартире, нет? Так и я не хотел. Не знаю, о чём в тот момент думал, что решал. Я сидел в тени деревьев, которые стояли на детской площадке, недалеко от твоего дома. Терпеливо ждал. Пары уже закончились, а ты всё не шла. А когда у подъезда остановилась машина, я увидел тебя с ним. Наверно так и должно было быть. Так правильно. Только поэтому не пошёл и не убил его к чёртовой матери.

В голосе было столько тоски, усталости, груза ответственности, но при этом тон ровный, спокойный, тихий, а внутри буря. Ураган, который он пытается подавить. И я боялась прикоснуться и почувствовать его напряжение, узнать, каким он может быть. Сидела рядом, прикрывая грудь покрывалом, поникшие плечи давили, заставляя упасть, но я держалась.

— Галя, мне выть хотелось от боли. Сам отпустил тебя, потерял, не имел права ничего предъявлять, да и время нужно было, чтобы просто успокоится. Измучил бы тогда и тебя, и себя, при этом ничего не добившись. Наколот медведя. Тогда почувствовал, что не один, знал, что с ним. А когда напивался, надеялся, что когда-нибудь рядом будешь ты. Теперь ты рядом.

— Ты сам придумывал себе проблемы.

— Сам придумал, сам и решил. — Отрезал он грубо. Глаза открыл и на меня посмотрел — Когда я смотрю на тебя, понимаю, что оно того стоило. Всё дерьмо, которое было в моей жизни стоило твоей сегодняшней улыбки, твоего дыхания рядом, стука твоего сердца. Я жив, пока ты со мной.

— Как в сказке... «Аленький цветочек». — Пояснила, когда Дима посмотрел на меня. Протянула руку к его лицу, Дима не отшатнулся, но напрягся, я не тронула, провела пальцами по волосам. — А ты моё чудовище. Чудовище, которое умирает от тоски...

— Похоже. — Прохрипел, соглашаясь. — Надеюсь, ты когда-нибудь меня простишь, — произнёс Дима задумчиво и сам головой в мою ладонь толкнулся, требуя ласки.

— За что?

— Просто простишь. Наверно за то, что трус.

— Почему так говоришь?

— Потому что так и есть, Галь. Не хочу сейчас об этом. Что там на повестке дня? —

Попытался отшутиться, а я не стала давить, по себе знаю, что не поможет, да и Дима со мной обращался бережно, ничего не требуя, наверно стоило отплатить ему тем же.

— На повестке дня самое страшное. Твой ворон. Зачем такую жуть изображать? Я до сих пор боюсь, что как только прикоснусь или приближусь, чтобы рассмотреть, он выцарапает мои глаза. — Призналась, вспоминая первые впечатления. — Вот уж точно, черта так черта. Ты что, кого-то убил? — Спросила и по вытянутому лицу, поняла, что последние слова были произнесены зря, но Дима выдержал, и быстро с эмоциями справился.

— Не бойся, — взлохматил мои волосы, путаясь в них пальцами, снова уложил лицом на свою грудь, надёжно прижимая голову к ней, почему-то показалось, что не хочет, чтобы видела его глаза. — Бояться просто нет смысла, это мой персональный ворон. Вот уж о нём я никогда не забываю, он всегда со мной.

— Что он означает?

— Сам по себе означает боль... боль утраты. Для меня это боль от потери близкого человека. — Его голос дрогнул, а я вся сжалась, впиваясь ногтями в свои ладони и молясь, чтобы он этого не заметил.

Был ещё один вопрос, который я так и не задала. Побоялась задать. Вопрос о кольце. Наверно, просто не хотела знать правду, обманывать себя иногда легче, чем признаться в чём-то. Я боялась узнать о другой женщине. Женщине из его прошлого. Ворон, разрывающий сердце... Какие могут быть вопросы...

Я пыталась проглотить тугой ком, ставший поперёк горла, и неосознанно спрятала левую руку с кольцом. Оно моё. Принадлежит мне и создано для меня. Я знаю, я чувствую! А всё, что было в прошлом, пусть в прошлом и остаётся! Не хочу ничего знать, не хочу его ни с кем делить... И недобрый взгляд ворона меня не остановит, я буду прижиматься к его телу. Буду требовать его тепло. Потому что Дима мой мужчина, мой муж, мой родной человек.

— С мамой твоей неудобно получилось, — отвлеклась я, не желая развивать тему, казалось, ещё один вопрос, один неверный звук и он сам мне всё расскажет. Наверно, Дима это понял, потому что сжал зубы до скрежета, расслабиться у него так и не получилось.

— Всё в порядке. Она успокоится и поймёт. Просто не привыкнет никак, что я давно вырос.

— Ты говорил, они в штатах живут?

— Живут. Решили сделать сюрприз. Позже... а может быть в следующий раз... я познакомлю вас официально. Они примут тебя, не волнуйся, просто... просто так получилось. Никто не знал...

— Всё хорошо.

— Не сомневаюсь. — Хохотнул он. — Мама умеет преподать информацию в нужной форме. Она всегда была такой резкой, в отца своего пошла. Дед был властным человеком, генералом, воевал на войне. А что касается того, что выгнал... Не на улицу же. У них есть свой дом, есть квартира. Они состоятельные люди, мама до сих пор работает, всё никак не свыкнется с мыслью, что можно просто отдыхать.

— А отец? Кажется, он слишком мягкий для такой женщины, нет?

— Отец? Не-ет... — Дима засмеялся, а потом посмотрел на меня, приподняв одну бровь. — Что он тебе сказал?

— Ничего особенного. Скорее, чего он не дал сказать твоей матери. Вот это вопрос.

— Он никогда не был мягким, даже наоборот. Настоящий глава семьи. Просто, в отличие от мамы, он сначала думает, а потом делает. Три инсульта перенёс, теперь

старается не волноваться.

— Тогда зачем ты с ними ссорился? — Подскочила я.

— Я ни с кем не ссорился. В каждой семье свои манеры общения. У нас каждый хочет доказать, что он прав. Отец задал мне всего два вопроса, я ответил на них честно, это его успокоило. Что же касается матери...

— У неё вопросов было гораздо больше. — Подказала я, и Дима вздохнул, видимо, припоминая разговор этим вечером. — А что, кстати, спросил твой отец, не секрет?

— А вот это действительно секрет, Галь. Всё, спи.

— Скоро вставать...

— Я разбужу тебя, спи. — Заверил Дима и я расслабилась, отвернулась попой, которую он тут же сжал в руке, толкнула его ногой и вот так, до безумия уставшая, буквально отключилась, обещая себе узнать о нём всё. Потом. Когда-нибудь.

Утро для меня наступило ближе к вечеру. Я даже не поняла толком, как так, а рабочий день уже подходил к концу. На прикроватной тумбе мой телефон, стакан воды. Который я, не подумав, проигнорировала. На мобильном всего два пропущенных, на Лизку не похоже: та пару десятков назвонила бы, но звонки были действительно от неё. Огляделась, нахмурилась, перезвонила.

— Ну, привет, подруга. — Начала Лиза без приветствий, предисловий. — Болеешь, значит?

— Да. — Ответила скоро и сухо. Только в этот момент поняла, как во рту всё стянуло, губы потрескались, словно их не целовали, а прессовали всю ночь, хотя в случае с Димой это было одно и то же. Горло драло, но, прокашлявшись, говорить можно.

— И как тебе под новым мужиком? Спится? — Со странной интонацией потянула она.

— Я должна отвечать на такие вопросы? — Уточнила осторожно, ругаться никогда не умела, правда, считала это одним из своих недостатков, могла красиво уйти, но не могла красиво послать.

А Лизка и не ждала, что я начну первая, хмыкнула.

— Да нет, куда уж нам? Ты ведь теперь отчитываться не намерена. Расчёт когда получать будешь? Компьютер казённый сдать нужно и всё такое...

— В смысле?

— Уволена ты, Галина Анатольевна. За прогулы. Как тебе такой вариант? Не ожидала?! — Взвизгнула Лиза и я на кровати присела, скривившись от неприятных ощущений и ломоты в теле.

— Лиза, ты что?

— А что? Достала ты меня, крохи за тобой подбирать. А Антон мой будет, слышишь? Мой!

Она трубку бросила, так ничего и не объяснив. Не долго думая, я перезвонила глав. реду. Он поднял сразу же.

— Слышал я, как Лизок из соседнего кабинета надрывается, думаю, новости ты уже знаешь. — В своей отеческой манере заговорил он, а меня от возмущения на месте подбросило.

— Так это правда? Вы... вы серьёзно? Но я хорошо работаю, я...

— Не стоит оно твоих переживаний, Галь. Ты же знаешь, я дочь люблю больше чем кого-либо другого и здесь выбор был не в твою пользу. Хорошего редактора найти сложно, но вернуть доверие дочери ещё сложнее. Она сказала «нет» и я не стану притворяться, что

его не услышал.

— Но... но это незаконно, это...

— Всё будет оформлено в лучшем виде, и чем раньше ты примешь правильное решение, тем лучше будет для тебя. Пока официальная версия это не соответствие занимаемой должности и несоблюдение трудовой дисциплины. Если мы договоримся, сойдёмся на заявлении по собственному желанию.

— Я не собираюсь уходить вот так. Вы слышите, я не собираюсь...

— У меня сегодня был твой супруг, Галина. — Добавил он и я смолкла. — Представительный мужчина, я тебя понимаю и выбор одобряю. Так вот, чтобы ты лучше понимала сложившуюся ситуацию, — казалось, он набрал в лёгкие воздуха, чтобы высказать всё, — он настоятельно просил, Галя... настоятельно просил! чтобы с увольнением мы не медлили. Это на тот случай, если ты рассчитываешь на его помощь. Не будем друг друга обижать. Уже сегодня ты можешь приехать, сдать служебное удостоверение, техническую поддержку, и передать работы, законченные и незаконченные.

— Но я не понимаю...

— Если честно, то я и сам не очень понял, но на данный момент добавить мне для тебя нечего. Приедешь? Лиза как раз домой собирается, не думаю, что ты захочешь с ней встречаться.

— Я не знаю... я не понимаю...

— Приезжай. Специально Зинаиду нашу попрошу задержаться, рассчитать тебя. Может, это даже к лучшему.

— Не нужно. Скоро буду.

Я не обратила внимание на свой потасканный вид, замазала толстым слоем тонального крема опухшие губы, сверху нанесла яркую помаду, чтобы уж ни у кого не осталось сомнений, что я делала прошлой ночью, волосы скрутила в небрежную гульку. Водолазка скрывала засосы, места, которые «обласкал» Дима, джинсы — отчётливые следы его пальцев. Ставив с полки ключи и документы от доверенной мне машины, решительно шагнула на улицу, встретив во дворе людей из охраны дома. Замерла на месте, не понимая, что это значит. Странно, но прежде я их не замечала, сейчас же отчётливо видела и воспринимала как-то неправильно.

По периметру охрана в спецовке, из вольера на заднем дворе слышался собачий вой, над заборами возвышались колючие пиковидные выступы, как на зоне, честное слово, а в фасаде дома выделялись несколько камер наружного видеонаблюдения.

На меня посмотрели настороженно, один из мужчин пошёл навстречу, но, что он скажет, я слышать не хотела и, не прогревая автомобиль, выжала педаль газа, подъезжая к воротам. Пульт, конечно же, не сработал, на что я лишь усмехнулась, а мужчина, который до этого шёл в направлении дома, не спеша брёл обратно. Приняв максимально расслабленную позу, он сложил руки в кучку, прикрывая самое дорогое и ждал, когда же я открою окно авто, чтобы вежливо попросить его о помощи. А я нервничала всё больше, понимая, что сказка должна быть с плохим концом.

— Вы не видите, я проехать хочу. — Посмотрела на мордovorота, он оскалился.

— Дмитрий Алексеевич не предупреждал о том, что кто-то будет выезжать. — Ответили мне безразличным тоном.

— Я его жена. Откройте ворота.

— Дмитрий Алексеевич не предупреждал, что его жена, — на этом слове уголок его губ

пополз вверх, — будет выезжать.

— Вы издеваетесь? Открывайте ворота, мне нужно в город. — Чувствовала себя каким-то ничтожеством, даже повысить голос толком не получалось.

— Галина Анатольевна, расслабьтесь. Дмитрий Алексеевич скоро будет, поедете куда нужно. А сейчас не стойте на солнцепёке, перегреетесь. — Издевательски посмотрел он на небо и вытянул губы, в сторожке скопились люди, наблюдая, как меня размазывают по стенке.

— То есть о том, что я есть, вы всё же осведомлены? — Догадалась я, он удивлённо пожал печами.

— А разве я утверждал обратное? Я всего лишь пояснил, что распоряжений относительно вашего выезда за пределы посёлка не поступало.

— Так может, я не буду покидать пределов посёлка? — Слащаво огрызнулась я, но ему понравилось, он облокотился в проём полностью опущенного стекла, придавливая меня своим присутствием. Естественно я отклонилась.

— Знаете, у вас прямо на лице написано, что вам плевать на этот посёлок вместе со всеми его жителями. К тому же, минуту назад вы сообщили, что направляетесь в город. Ещё вопросы?

— Какие к чёрту вопросы? Открывайте ворота, мне нужно выехать!

— Мы всего лишь выполняем распоряжение.

— Хотите сказать, что я даже прокладки не могу купить без особого распоряжения?! — Не сдержалась я и в защиту выпустила единственный козырь, который есть в рукаве у каждой женщины: нет такого мужчины, который устоял бы перед ежемесячными трудностями. Но фокус не удался, мордovorот лишь развеселился.

— А интимные подробности вашей жизни меня не интересуют вообще. — Наклонился чуть ближе, так, что голова была уже в салоне автомобиля, пошло облизнул губы, провоцируя. — Шах не любит делиться, крошка. — Шепнул по секрету. — И вообще не терпит пререканий. — Резко дёрнул головой, ухмылку с лица стёр и с оскалом прорычал: — Поэтому собрала ноги в руки, развернула свой упругий зад в обратном направлении и заняла место на широкой постельке. Там, кажется, он потерял тебя сегодня утром?

— Урод!

Только и смогла высказать в спину мужчине, некультурно выругалась при себе, закрывая окно. Но если ругаться я не умею, то поступать по-своему, любила всегда. Кинула уверенный взгляд на металлические ворота, сжала крепче руль, потирая его резко вспотевшими ладонями, перепроверила ремень безопасности, резко сдала назад и тут же, переключив передачу, рванула вперёд, со всей дури врезаясь в ворота. Машину потрянуло, ворота скрипнули и прогнулись, но всё так же стояли, преграждая путь. На шум из сторожки вылетели ребята из охраны и, разинув рты, пытались сообразить, что же произошло. В этот момент я как раз набирала больше расстояние для разгона, чтобы через десять секунд с большей силой и мощностью удара, снова врезаться в неподдающиеся ворота. Они не открылись и на второй раз. Что было с машиной я не знала, но работала она исправно, а вот металлические листы прилично покорежило и теперь был виден приличный просвет. С третьего удара ворота всё же сдались, прогнувшись на сторону улицы, и с жутким скрежетом, царапая полировку всё ещё целой боковины, автомобиль продрался на свободу. Мужики вокруг кричали оскорбления, кто-то хватался за голову, а тот, кто отправлял меня в постельку к своему хозяину, лишь ухмылялся в стороне, спрятав руки в карманы. Не знаю,

что он там мне мысленно обещал, но глаза, именно глаза, выглядели весьма недружелюбно. На выезде из посёлка спорить со мной никто не стал, и на том спасибо.

Осмотреть повреждения, я смогла лишь остановившись напротив своего издательства. Выскочив из машины, оглядела, ужаснувшись, прикидывая, доедет ли она обратно, но всё же пикнула брелоком сигнализации и достаточно возбуждённая, чтобы отстаивать свои права и до предела заведённая действиями мужа, влетела в здание, игнорируя оклики с поста охраны. Уже проходя мимо своего стола, заметила, что личные вещи отсутствуют, а поверхность идеально чистая, шла напрямиком в кабинет глав. реда. Григорий Степанович, к слову, меня уже ждал. Он виновато улыбнулся, после чего тут же поджал губы, посчитав это неуместным, жестом руки предложил присесть, но, глядя на обстановку вокруг, на то, как, вроде бы, близкие люди в одно мгновение превратились в чужих, мне не понятных, желания чай распивать пропало. Я лишь кивнула на коробку, стоящую на табурете в углу.

— Моё?

Григорий Степанович, поправил очки.

— Да, я Ларису попросил, она помогла. Там всё. — Зачем-то добавил. — Галя, надеюсь, ты не в обиде, но наверно так даже лучше.

— Кому как, — заумно потянула я, оглядывая торчащие из коробки, видимо, в спешке набросанные туда папки, канцелярские предметы, рамка с фотографией, которую я по уговорам всё той же Лизки принесла пару месяцев назад. — У меня к вам, Григорий Степанович, только один вопрос. Вы говорили, приходил Дима.

— Да, с утра заехал, признаться, не знал, что у тебя такой... — Он не сразу подобрал нужное слово, а сказать то, которое вертелось на языке, наверно не захотел, — такой состоятельный муж. — Взглянул немного заискивающим, немного виноватым взглядом.

— Что он вам сказал?

— Если дословно, то так и заявил, что ты у нас больше не работаешь. Я, признаться, не сразу понял, но потом Лиза подошла с тем же вопросом, и... в общем, я посчитал, что это будет оптимальный вариант, удобный для каждого. Да и тебе с мужем лучше поддерживать гхм-гхм, доверительные отношения.

— Всегда приятно знать, что вы так озабочены семейными отношениями своих сотрудников. — Громко и выразительно отметила я. На столе глав. реда лежало заявление от моего имени, трудовая книжка, и конверт с отступными.

— Там ещё за неиспользованный отпуск. — Пояснил, когда я внутрь заглянула, прикидывая.

— Спасибо. — Бросила небрежно, швырнула ручку на стол, оттолкнула от себя листок с заявлением. — Вот уж не думала, что настолько ценный сотрудник.

— Ну, мы ведь не чужие, — кривлялся он за моей спиной, пока я примерялась, с какого же бока подступиться к коробке.

— С такими близкими...

Он понял меня без слов, оттого и взгляд опустил. Вот, правда, никогда бы не подумала, что серьёзный, уважаемый человек, пойдёт на поводу у женских истерик. Дверь неэстетично прикрыла ногой, не заботясь о том, что здесь обо мне подумают. Зинаида, проходя мимо, сочувственно посмотрела, но даже не поздоровалась, отвернулась, как только поняла, что я её заметила. Мне даже фыркнуть на это не хотелось. Жалкие прихлебатели, которые трясутся за свою шкуру. Секьюрити сдала пропуск, который по первачку забыла отдать начальству, подтолкнула коробку коленом, чтобы перехватить удобнее и поблагодарила за

распахнутые передо мной двери. На улице просто плюхнула коробку на землю, не боясь ни за её содержимое, которое, казалось бы, мне дорого, ни за то, что испачкаю саму коробку. Справившись с багажником, который, как оказалось, просто открывался, всё с того же пульта, затолкала туда коробку и предпочла о ней забыть. Ещё раз обошла машину кругом, справляясь с эмоциями, чтобы не расплакаться, села за руль и вздохнула с облегчением, услышав ставший мне родным рёв мотора. Бережно погладила приборную панель, чехол руля, обшивку двери, вздохнула.

— Вот так, моя хорошая, — грустно улыбнулась, — только ты на меня не обижайся. Я больше так не буду. Никогда-никогда. — Пообещала как самая настоящая девочка своей самой настоящей подруге и тронулась с места.

Домой ехать не хотелось, а поколесив по городу около часа, просто устала. Устала от обиды, переполнявших эмоций, вчерашней бессонной ночи, в конце концов, а ещё от предстоящего разговора, который, как я понимала, мне не понравится. И чтобы взять хоть малюсенькую передышку, решила отправиться по месту прописки, в свою квартиру. Там у меня будет время отдохнуть, подумать и принять мало-мальское адекватное решение. Но перед дверью своей квартиры я застыла в нерешительности. Она была новой. Дверь, естественно, не квартира. И новый замок в ней, и кнопка сигнализации, которой у меня и в помине не было. Так и хотелось на весь подъезд прокричать, а моя ли это квартира или уже нет. К слову, ключей от старого замка в сумочке тоже не обнаружилось и я, с расшатанными нервами, трясущимися от напряжения руками и вот-вот рвущимися наружу слезами, примчалась домой. Там, где уже ждал Дима и где охранники кувалдой пытались выровнять ворота, чтобы они хотя бы закрыться могли. При моём появлении люди благоразумно расступились, освобождая проезд, а мордovorот, наверно, главный среди остальных, пакостно улыбнулся и проводил меня довольным горящим взглядом. Машина Димы стояла у входа в дом.

— Что всё это значит?! — Влетела я в столовую, швырнула ключи от автомобиля на стол, за которым, с вилок и ножом в руках застыл Дима.

Он посмотрел на меня исподлобья, в столовые приборы упёрся большими пальцами обеих рук, а я скрестила свои на груди и надулась, чувствуя себя ребёнком, с которым не поделились конфетой. На этом, собственно, закончилась и вся моя злость, весь запал, Дима же выдержал паузу.

— И я по тебе скучал, дорогая. — Выдохнул он и я вздрогнула, когда брошенные в тарелку столовые приборы громко звякнули. Дима неторопливо встал и из-за стола вышел. Посмотрел на меня со стороны, чуть склонив голову на бок, руки держал в карманах брюк. — Вижу, ты без меня не скучала. Ужин... приготовила... — Толкнул пальцем полупустую тарелку с яичницей, та со скрежетом проехала по полированному столу. — А я вот завтрак приготовил, несмотря на то, что, так же как и ты, ночь не спал... — Проговорил с неприкрытым укором.

Пока я отворачивалась, не зная, куда деть глаза, заметила небрежно брошенный в кресло букет цветов. Сглотнула, растеряв все доводы и аргументы. Дима в это время уже приблизился достаточно, чтобы ласкать пальцами подбородок, шею.

— Завтрак? — Спросила я тихо, пытаюсь уклониться от его прикосновений. — Ужин? — Подняла взгляд и наткнулась на лёд в его глазах. — Я не могу выйти из дома без твоего личного распоряжения! Может, ты у меня ещё и телефон со шнурками отберёшь, и будешь выдавать по праздникам?

Дима прищурился и плотно сжал губы, руку от моего лица убрал и обратно в карман брюк спрятал, можно было заметить, как напрягся кулак.

— Глупости. — Ответил он на это слишком мягко, не так, как выглядел, не так, как себя чувствовал: пытался сдержаться. — Я обещал, что не буду тебя ни в чём ограничивать и обещание это сдержу. Ты просто погорячилась.

— Я погорячилась?! — Вскрикнула и тут же опомнилась, губы поджала. — Они отказались открыть ворота, когда я их об этом попросила, Дима. Они отказались. Сказали, что по твоему распоряжению никто за ворота не выедет.

— Я даже предположить не мог, что ты проснёшься так рано. Не хотел тревожить, объяснять. Приехал в обед, а тебя нет и ворота раскорёжены. Трудно было позвонить?

— Я должна спрашивать можно ли мне выезжать из дома?! — Взвизгнула, скорее, обороняясь, чем атакая, Дима оставался отстранён, холоден и непреклонен.

— Трудно было позвонить? — Спокойно повторил он, делая на каждое слово чуть больше нажима, чем в прошлый раз. — Не нужно меня ни о чём спрашивать. Но хотя бы поставить в известность можно. Что касается твоей свободы, то на неё никто не посягал. Ребята перебдели, всякое бывает. Они просто выполняли свою работу. А я не подумал, что тебе понадобится так срочно выехать в город, и за это извиняюсь. Виноват. Галь, где ты была?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Где я была? — Вся прогнулась, вспоминая, что меня так взвинтило. — Где была? Ты ещё спрашиваешь?! На работе! — Толкнула Диму в грудь так сильно, что ему пришлось отступить. Сама тут же от стола отошла, чтобы не загонять себя в угол, нервно провела руками по лицу. — Ты сказал, что я могу работать. Ты сказал, что я могу общаться с друзьями, ты сказал...

— Хватит! — Резко оборвал он, и взмахнул рукой, чувствуя, что ещё немного и польются слёзы. Подошёл ко мне, обнял очень сильно, к своей груди прижимая, губами ко лбу приткнулся. — Ты даже не хочешь меня выслушать, а это как-то не по-взрослому. Не находишь? М-м? Давай, давай сядем. Я смогу всё объяснить, только не плач.

— И не думала... — Вскинула голову вверх, грубо отстраняясь от его губ, Дима лишь улыбнулся.

— Вот и отлично, вот и замечательно.

Медленно отвёл меня к дивану, сначала сел сам, меня усадил на колени и настойчиво сжал руки, когда я попыталась отсесть.

— Эти претензии не ко мне, Галь. Я ведь говорил, что твоя подруга не совсем подруга?

— Лиза?..

— Лиза. — Согласился Дима и посмотрел на меня серьёзнее и внимательнее. — Утром я проснулся от звонка мобильного телефона. Она хотела сообщить, что намеревается тебя уволить. Что вы там не поделили мне как-то всё рано, а вот то, что она хотела сделать тебя виноватой — не понравилось. И когда я приехал, чтобы поговорить с вашим начальником, он совершенно случайно оказался её отцом. Ты как? В курсе?

— Не делай из меня идиотку. — Возмутилась, Дима снова улыбнулся.

— Галя, они бы всё равно тебя уволили, не сегодня, так завтра. Я всего лишь ускорил этот процесс. Ведь в этом ты собиралась меня обвинить, не так ли?

— Я не обвинить, я разобраться...

— Охотно верю. — Перебил он, поглаживая мои плечи, чтобы я не особо дёргалась. —

Так вот, как ты поняла, прав у нас получился тот, у кого больше прав. В данном случае я. Но это не значит, что я против того, чтобы ты работала. Понимаешь смысл? Капризуля? Напридумывала себе не пойми что и быстро нашла виноватого.

— Но ты ведь не будешь отрицать, что хочешь меня контролировать?

— Я бы сказал иначе: хочу быть в курсе твоих планов. — Проговорил он осторожно, поворачивая мой высоко вздёрнутый подбородок в свою сторону. — Разницу улавливаешь?

Я снова отвернулась, не желая его понять, а Дима продолжил.

— Если бы просто хотел всё знать, для этого вовсе не обязательно твоё согласие. В машине, если ты вдруг не в курсе, есть отслеживающее устройство, в принципе, я его не использую, но...

Что значило это самое «но» я поняла, поэтому посмотрела на мужа и нахмурилась, он довольно кивнул.

— Та же история с телефоном, — прошептал, касаясь губами моего плеча, спускаясь ниже, к локтю, приподнял кончики пальцев, подтягивая руку вверх, коснулся губами запястья, замер, поцеловав палец, совсем рядом с кольцом, посмотрел мне в глаза, — а для завершения картинки можно вставить прослушивающие устройства и маячки на предметы одежды, в обувь, аксессуары. Как ты понимаешь, знать тебе об этом не обязательно. — Закончил сухо.

Разгладил мои пальцы, выпрямляя их, растирая онемевшие кончики.

— Поэтому всё, что с тобой происходит, я предпочитаю узнавать от первого лица. Что же касается твоей подруги...

— Наверно, уже не подруги, — отозвалась я, с лёгкостью вовлекаясь в другую тему, но Дима не сбавил оборотов.

— Наверно, тебе всё же стоит знать, что те молодые люди, которые приставали к вам в клубе... Они делали это по её просьбе. Ты меня понимаешь?

— С чего ты взял?

Дима нахмурил лоб, растянул губы, судорожно втянул в себя воздух.

— Парень тот, который к тебе приставал, экономический институт заканчивает, по иронии судьбы, именно в моей компании он собирался проходить практику, с последующим трудоустройством, кстати. Сама понимаешь, какие у него были перспективы после скандала. Я, в принципе, ничего против него не имел, кто по-пьяни не куролесил?.. Но он сам однажды нагнал меня в коридоре, всё объяснил. Лизка твоя сказала, что ты не против, только скромная, вот они и поднажали, так сказать. А взбесился и угрожать начал оттого, что отпор получил. Неприятно... — Вытянул губы, а я как-то в его руках расслабилась, не смотря на слова. — Для тебя будет лучше прекратить с ней общение, Галя. — Порекомендовал настойчиво, а я к нему прислонилась, хотя до этого ровно сидела, спину держала, по коротким волосам провела, присмотрелась внимательнее.

— Как у тебя всё гладко получается, дорогой супруг, и ведь не подкопаешься. — Заметила едко, Диму от моего тона передёрнуло.

— Мне незачем тебя обманывать. Если я захочу, чтобы ты сделала так, как мне нужно, я буду более изобретателен.

— Не сомневаюсь. — Потянула неприятным тоном, он изогнул бровь, посмотрел пристально, глаза щуря. — Прости меня. — Сдалась я в это мгновение и лбом к его лбу прислонилась. — Дим, ты появился, и всё перевернулось с ног на голову, а я просто не привыкла доверять другим людям как себе, понимаешь? — Поластилась о его щёку своей

щекой, он не упирался, но и не отвечал. — Я не права была и с машиной этой и...

— Кстати, о машине. Надеюсь, ты понимаешь, что я не стану её ремонтировать просто из принципа? Ты была неправа и вполне нормальным будет самой решить эту проблему.

— Ты оставишь меня без машины?

Не особо заботясь этим фактом, я обняла Диму обеими руками, мгновенно вспоминая, каким он был вчера, какие слова говорил и что шептал перед тем, как я уснула. Когда коснулась уголка его рта, немного улыбнулся и на поцелуй ответил, перехватывая мои губы. А потом устал ловить их, придержал лицо за подбородок, чтобы нежно, практически невесомо касаться в поцелуе, так, что не было боли. Я тонула в мягкости и неге, не перехватывая инициативу, а полностью покоряясь.

— Женя завтра отгонит на сервис, скажет сумму, оплатишь ремонт. — Проговаривал между поцелуями, которые стали более влажными, более насыщенными, с привкусом наслаждения.

— У меня нет таких денег. — Игриво всплакнула я, прижимаясь к нему всё сильнее, ёрзая на коленях, пытаюсь устроиться, Дима уверенно сжимал одну ягодицу.

— Нет проблем. — Поцеловал властно, проникая языком глубоко в мой рот. — Заработаешь.

Я оттянула Диму от себя за уши, обхватила ладонями лицо, уворачиваясь каждый раз, как он пытался поцеловать меня снова. Разгладила широкие брови, щёлкнула по носу.

— Я думала, ты сейчас скажешь «А на что тебе муж?!» А ты... Эх, ты...

— Галь, ты действительно должна отвечать за свои поступки. Этот был глупее некуда. Я не прошу тебя давать мне отчёт, я не заставляю тебя говорить, куда ты едешь, зачем и с кем именно. Но знать, что тебя нет дома, думаю, это не такая высокая плата.

— Я всё поняла, Дим, ты беспокоишься. Но и сам хорош! Обещал разбудить, а сам ушёл и даже записки не оставил.

— Я надеялся вернуться до того, как ты проснёшься. Цветы купил, шампанское...

— Чтобы я снова напилась?

— Чтобы ты расслабилась, глупенькая. Как знал, что взвинтишь себя из-за этой работы.

— Найду новую. Не проблема. Только что, мне моя нравилась...

— Послушай меня, Галь, только обещай не перебивать и не возмущаться раньше времени, хорошо?

— Ты что натворил, муж мой? — Улыбнулась я и сама к нему губами прижалась, пальцами поглаживала затылок, пробираясь под воротник рубашки, призывно тёрлась о него своими бёдрами.

— Завтра тебя пригласили на собеседование. Я договорился.

— Убью! — Гневно прошептала в приоткрытые губы, но, вопреки словам, поцеловала настойчивее, словно сама напрашивалась.

— Редакция модного журнала. Молодой коллектив, и не змеиный, не смотря на то, что женский.

— Как в сказке!

— Почти. Ты будешь помощником редактора одного из отделов, не знаю какого, но, думаю, справишься.

— Дима, ты серьёзно?! — Наконец, опомнилась я и от мужа отстранилась. Всё это время почему-то казалось, что он шутит.

— Вполне. Галь, там работают отличные ребята со многими я знаком лично, зарплата

приличная, но у тебя должность такая, сама понимаешь...

— Не понимаю.

— Тебя никто там держать только за то, что ты моя жена, не будет. Справишься — будешь работать. Нет — и сама уйдёшь. Только не говори сразу «нет». — Предупредил, наверняка по лицу видел, что именно это я и хочу сказать. — Мы просто посмотрим. — Процедил сквозь зубы, перед очередным поцелуем, от которого я так и намеревалась увернуться.

— Мы просто посмотрим. — Мягко согласилась я. В конце концов, гулять, так гулять по крупному: у меня богатый завидный мужчина, который подарил мне квартиру, машину, не экономит на украшениях, чего уж теперь ломаться-то? Хочет устроить на работу — пожалуйста! Главное, чтобы мне нравилось.

С этими мыслями, я с удовольствием подставилась под его ладонь, уверенно скользившую между моих ног.

— Что-то подсказывает, что меня туда сегодня не пустят... — Вздохнул, сожалея, я его по голове погладила.

— А мы быстро... — Шепнула на ухо и к нему прислонилась, чтобы не краснеть под насмешливым взглядом.

— Я не люблю быстро, малыш. — Сильно сжал ягодицу, буквально впиваясь в неё, мышцы напряглись, влаги прибавилось, сердце застучало так, чтобы его услышали. — Люблю с тактом, с чувством, с расстановкой. — Провёл рукой по моему свободному боку, чуть задевая кожу под широким топом. — Секс наспех это вообще не моё. Поэтому и не притрагивался, — потянул игриво, заглянул в разрез декольте, прикусил губу, втягивая её, не хотел пугать своей настойчивостью. — Галь, — заправил за ухо выбившийся из моей гульки локон, улыбнулся, когда я подалась на его ладонь, желая получить ласку, — я голодный как волк. Давай сходим куда-нибудь.

— Я приготовить могу. — Проговорила, чувствуя лень и слабость в своём голосе, Дима этому самопожертвованию улыбнулся, но не повёлся на провокацию.

— Лучше всё-таки сходим. Тебе нужно развеяться. Завтра тяжёлый день, я не хочу, чтобы ты выглядела уставшей.

— А я выгляжу уставшей?

— Да. Так, словно лимон, из которого все соки выжили. Идём, — Подхватил меня на руки, вставая, — приведём тебя в порядок, умоем, смоём эту жуткую помаду, которую я, как ни старался, не съел. — Я рассмеялась, Дима только надулся. — И вообще, тебе лучше держаться от меня подальше, иначе наброшусь и не спрошу, хочешь или нет.

— Да. — Провокационно прошептала я, а Дима зарычал, на ходу пытаюсь сбросить пиджак.

Я очередной раз ловила себя на мысли, что рядом с ним не нужно ни о чём заботиться, напрягаться, думать, а Дима, словно мои желания угадывал. Говорил то, что я хотела услышать, смотрел так, как я бы хотела, чтобы на меня смотрел мужчина. Идеальный муж или слишком хороший актёр. А я была на всё согласна, только бы слышать его голос и ощущать на себе этот нетерпеливый взгляд желания. И сама его хотела. Так, что не выдерживала, дразнила, соблазняла. Не останавливалась, даже когда он буквально взвыл, потянув меня к себе за ноги прямо в ресторане. Укромный уголок и полумрак только благоприятствовал разврату. Хотелось сделать что-нибудь дерзкое, запретное, губы кусала, сгорая о желания, а Дима пил вино и наслаждался моим видом изголодавшейся кошки.

Водила ладонью по напряжённому паху, сжимая член сквозь ткань брюк, рычала и шипела, когда он не позволил расстегнуть ширинку, брыкалась, когда попытался ссадить с себя, чтобы расплатиться по счёту, и больно укусила за нижнюю губу, когда захотел прервать поцелуй.

С такой скоростью, с которой я шла из ресторана, не ходила ещё никогда в жизни, Дима меня буквально силком оттуда вытащил и в машину усадил. Единственное, о чём пожалел в тот момент, так это о водителе, который был рядом.

— Жень, иди, погуляй. — Сказал тогда, не отводя от меня безумного взгляда.

— Что-нибудь нужно?

— Иди! Погуляй! — Прорычал, еле сдерживаясь, чтобы не сорваться на крик.

Женя тогда понял, что гулять лучше подольше и подальше. Из машины сбежал, не забыв щёлкнуть брелоком сигнализации. В ту же секунду Дима схватил меня за волосы и прижал к своему паху.

— И скажи спасибо, что тебе сегодня тупо нельзя. Места живого не оставил бы. — Произнёс выразительно, выбрасывая из себя слова, словно кусочки льда.

Когда мы закончили, он тяжело дышал и даже не пытался прикрыться, точно зная, что никто не приблизится, не откроет дверь. Посмотрел на меня, устало улыбнулся.

— Иди ко мне. — Похлопал по коленям, предлагая присесть, а мне вдруг жутко стало и от самой себя и от ситуации. Неприятно, словно девка какая-то, из обслуживающего персонала, а не жена.

Я от Димы отвернулась и попыталась поправить сбившуюся одежду, а он не понял ничего и хотел потянуть за плечо. Его руку я легко сбросила.

— Я не такая, Дим. — Прошептала, не решаясь повернуть голову. — Ни с кем такой не была, только с тобой. И не хотела так никого как тебя. С тобой всё иначе, как в последний раз, когда надыхаться хочется, когда чувствуешь себя на свободе, в полёте, в мечте. А выглядит всё пошло, грязно...

— Не говори ерунды, ко мне иди. — Повторил он жёстче, но не притронулся. Я слышала, как и себя в порядок привёл, сел ровнее.

— Ты иногда так смотришь на меня...

— Ты иногда так себя ведёшь. — Вроде бы и оправдал, а вроде и обвинил он.

— Ты просто не понимаешь...

— Объясни!

— Мне хорошо с тобой и я отключаюсь, словно и не я.

— Это называется внутренний мир. То, что ты скрываешь от остальных и то, что не спрячешь от самой себя.

— Но я не такая! — Повторила громко и кулаки сжала в бессилии.

— А кто тебе это сказал? Кто знает, какая ты на самом деле? Ты открываешься со мной. Отпускаешь тормоза, забываешься, как сама сказала. И это ты настоящая. И вовсе не та, которую воспитывала бабушка, которую учили в школе. В школе не учат быть собой. Там учат быть как все. А ты не такая как все.

— Теперь даже я в этом не сомневаюсь. — Хмыкнула презрительно и на спинку сидения опустила, закрывая глаза. — Я не хочу быть как все.

— Вот поэтому и не будешь. Потому что слышишь свои желания.

— Желания, которые не внушают доверия?

— Желания, которые делают тебя счастливой.

Да, наверно я действительно была счастлива. В этом споре, сидя в этой машине, делая то, на что не решилась бы ни с одним из других мужчин.

— Только ты знаешь меня такой. — Проговорила на грани слышимости.

— Я тебя об этом не спрашивал. — Дима шумно вздохнул, и, судя по голосу, отвернулся.

— А я тебе не отвечаю. Я просто хочу, чтобы ты это знал.

Он смягчился и нерешительно протянул ко мне руку, а я, почувствовав тепло, тут же её вокруг себя обернула, ластясь щекой, улеглась головой на его бёдра, свернувшись калачиком и тихо уснула, так и не дождавшись, что нас отвезут домой. А проснулась рано утром от настойчивых поцелуев, с которых и началась моя новая жизнь.

Глава 21

В редакции журнала косо на меня никто не посмотрел. Главный редактор и, по совместительству, владелец, лишь широко и добродушно улыбнулся, пожал мне и Диме руку, после познакомил с коллективом и вкратце объяснил суть работы. По договору меня приняли на испытательный срок в две недели, по истечении которых и будет решено, остаюсь я или нет, правда, потом добавил, что едва ли посмеет уволить жену своего хорошего друга.

Женя, редактор, помощником которой меня и назначили, была рада, казалось бы, любому, даже самому вшивому студенту, так принялась меня целовать. Чем-то напомнила Лию, наверно, неугомонной энергией и огнём в глазах.

— Да кому здесь интересно, чья ты жена и чья любовница! — Воскликнула она в первые десять минут нашего общения, быстро смекнув, что меня напрягает во всей этой истории. — Здесь куда не плюнь, каждый то любовник, то сожитель. Я, например, с главным сплю, но от этого зарплату больше получать не стала. Помощника полтора года прошу, потому что зашиваюсь, а он тебя только сейчас нанял и то, потому что его «попросили». Нет, ты понимаешь, я его, значит, прошу и ему всё равно, а твой Дима пришёл и на раз-два все вопросы утряс. Представляешь?!

— Мужской шовинизм.

— Да какой там шовинизм? Козлы они, вот и всё. А ты мне нужна, Галочка, очень нужна. — Распевала она соловьём вокруг меня, подливая кофе. — Вот я, ну, ты видишь какая я. — Она немного смутилась от проявления такого себялюбия. — На месте усидеть не могу. То же и со статьями. Десятки в голове рождаются, а записывать некогда. Я, правда, записываю, но на свободное место тут же становится новая идея, которую хочется выполнить ещё быстрее, чем приведу в порядок предыдущую. Вот и получается, что не успеваю ни черта! А корректировка и редакция это как раз по твоему профилю. Мужчины сказали, ты в издательстве работала. — Поиграла она бровями, указывая пальцем на стену соседнего кабинета. — А мне как раз этого порядка и не хватает. Ты не подумай, мы тебя в чёрном теле держать не будем, проявишь себя, сама писать сможешь. — Принялась она оправдываться, неправильно расценив выражение моего лица. — Кстати, сейчас журфак можно и на заочке закончить, чтобы всё тип-топ было. А там, глядишь, и Шах под тебя журнал-конкурент отгрохает, будем тогда одеяло перетягивать.

— Боюсь, я до этих жертв не доживу.

— Брось трусить! Отставить панику! — Отдала Женя приказы командным тоном. — А вообще, идём, я тебя со всеми лично познакомлю. — Засмеялась, и за руку потянула.

Что тут сказать, работалось трудно, но весело. Чтобы хоть немного представить себе схему создания журнала, я не раз спускалась в типографию, узнавала все мелочи и нюансы,

вникала в суть процесса. Дима злился и твердил, что заставит своего друга меня уволить, что мой рабочий день заканчивается как минимум на два часа раньше, и что скоро я перестану ночевать дома. Но Женя махнула рукой на все его угрозы и пригрозила любовнику, чтобы даже смотреть не смел в мою сторону, впрочем, все оставалось в пределах допустимых рабочих отношений.

По истечении испытательного срока меня взяли на постоянную работу и выделили не только официальную должность, но и стол, и стул, потому как до этого я пользовалась Женькиным в её отсутствие. Расстраивала меня только машинка, которая своим внешним видом отпугивала каждого, кто за время моей работы просил подбросить его в то или иное место. Глядя на покорёженный металл, многие ссылались на внезапно появившиеся планы или говорили, что в сумке ещё лежит последний жетон на метро, который непременно нужно использовать сегодня. И не то, чтобы меня особо заботило чужое мнение, но неприятно всё же было, поэтому я с решительным видом вошла к мужу в кабинет, когда он мученически пытался свести концы какой-то сделки.

— Дима, одолжи мне денег на ремонт машины. — Заявила я с порога и под пристальным недовольным взглядом продефилировала прямо к столу, нависая над ним.

— Ага, сейчас. — С обычной для этой темы иронией отозвался он и вернулся взглядом к своему отчёту.

— Ну, Дим, — я присела на столешницу, намеренно выставляя напоказ гладкую кожу ног. — Ну, Дим, она же портится...

— Раньше нужно было думать. — Развёл он руками, всем видом демонстрируя свой ответ: «Не знаю, что ты от меня хочешь, много дел. Как всегда много дел» — так и кричал каждый его жест.

— Ну, Дима... — Клянчила я, а чтобы ему было проще принимать решения, на столе развернулась к нему лицом, ноги на бумаги его поставила, чуть раздвигая. Дима с довольным видом откинулся на кресле, не переставая крутить в руке карандаш.

— У моей девочки что-то случилось? — Хмыкнул он понятиливо и хитро исподлобья посмотрел. — Переходишь к решительным действиям?

— Да. Свой расчётный лист увидела, поняла, что ждать бессмысленно. Дим, ты одолжишь?

— Нет. — Ответил он, улыбаясь, но говорил довольно твёрдо. — Я же сказал, учись отвечать за свои поступки. Скажи ещё спасибо, что ремонт ворот на себя взял.

— Пусть начальник охраны оплачивает, это он виноват! — Разозлилась я тому, что разговор при любых условиях всегда возвращался к одному и тому же. — И скажи, чтобы он перестал меня обижать!

— Боже, — воскликнул Дима, якобы переживая, — что он сделал на этот раз?

— Дим, вот тебе смешно, а я уже устала от его подколов. Что он себе позволяет?

— Ты так и не сказала, что же он сделал. — Напомнил Дима. Я разозлилась. Хотела со стола спрыгнуть, а он меня за щиколотки поймал, ноги на место расставляя. — Нет, красавица, мне так больше нравится!

— Вот ещё! — Передёрнула я плечами и обратно развернулась, Дима тихо посмеивался. — Он не воспринимает меня всерьёз. Каждый раз гадости говорит.

— Да что сказал-то? — Как всегда веселился Дима, прекрасно зная наши тёрки с начальником охраны Егором Кречетовым. У него даже имя соответствующее, словно на дыбах стоит!

— По-разному говорит, но смысл в том, чтобы я отправлялась в твою постель. Дим, поговори с ним.

— Я сейчас не понял, в чём тут гадость?

— Да уж точно не в постели! — Всплеснула я руками, не сдержавшись. — Дим, дело в том, что он позволяет себе говорить мне об этом!

— Нет, Галь, всё дело в том, что ты позволяешь ему говорить тебе об этом.

— Что значит, я позволяю? Он с первой встречи как начал, так до сих пор и указывает, что я не больше, чем твоя подстилка.

— Галь, он хоть раз тебя так назвал?

— Он на это намекает! — Подскочила я, краснея от недовольства.

— Галя, он хоть раз тебя так назвал?! — Повторил Дима с металлом в голосе, и я застыла.

— Нет!

— Поверь мне, если бы он считал тебя подстилкой, так бы и сказал. Егор не тот человек, который будет подбирать выражения.

— А почему я должна терпеть его подколы?

— Вы встречаетесь раз, максимум, два в день.

— Ровно столько же раз он говорит мне об этом.

— О чём?! — Не выдержал.

— Да ни о чём! Смысл вообще с тобой разговаривать, ели ты проблемы не видишь?

— Поговори с ним. — Мягче добавил Дима и отложил бумаги в сторону. — Ты реагируешь и он это видит, вот и подливает масла в огонь.

Я как всегда отвернулась в сторону, не зная, куда себя деть, а Дима подошёл и обнял меня со спины.

— Просто иногда нужно самостоятельно решать проблемы.

— Да, ты уже говорил, как с машиной.

— Нет, люди — это не машины. Здесь тоньше всё. Подход нужен. Он неплохой мужик, нравишься ты ему, вот и достаёт.

— Ты так спокойно говоришь об этом?! — Возмутилась я, а он рассмеялся, но плечи мои не отпустил, даже когда я повела ими, носом между лопаток уткнулся.

— Не в том смысле нравишься, Галь. У него дочка твоя ровесница.

— Это вовсе не значит, что я ему нравлюсь не в том смысле. А если он запал на меня и попытается отбить? Что тогда?

— А что тогда?

— Смотреть будешь, как он вокруг круги нарезает, и всё так же попросишь общий язык найти? Надеюсь, не в буквальном смысле?

— Если так, то физиономию начищу и вопрос решу. Но пока не так... попробуй сама. Учись общаться с людьми так, чтобы они тебя понимали. Это в жизни всегда пригодится.

— Ты обещал защищать меня! — Топнула я ногой, а Дима мои печи сжал, что фактически означало: «разговор окончен». — Денег на машину дашь?

— Я уже ответил и решения свои менять не собираюсь. — Жёстко оборвал меня он и отпустил, возвращаясь к своим делам.

Было уже достаточно поздно, впереди выходные, наверно, мне стоило просто съесть что-нибудь сладкое и подождать Диму в постели, но потянуло на улицу. Фонари в сумерках были недостаточно яркими, но мотыльки уже всю кружили, словно танцую. Я спустилась с

веранды, чтобы подойти поближе, но увидела у ворот Кречетова, он о чём-то разговаривал с молодым парнем из охраны, по повышенному тону стало понятно, что отчитывает или указания раздаёт. Не могу сказать, что тогда в моей голове щёлкнуло, но за руль своей недобитой машины села, ключ в замке зажигания провернула, и к воротам поехала, резко затормозив напротив мужчин. В приоткрытое окошко на довольный взгляд посмотрела, еле сдержалась, чтобы не скривиться.

— Егор Владимирович, — обратилась вежливо как никогда, — можно вас на минутку?

Он моргнул раз, второй, расплылся в дикой от накала эмоций улыбке, и к машине подошёл, голову к окошку склонил.

— Ну?

— Прокатимся? — Выдержала я его похотливый взгляд и кивнула на соседнее сидение. Волновалась смертельно, так руль сжала, что пальцы онемели, а он, словно меня чувствуя, взглядом окинул, прицениваясь, запах мой на расстоянии втянул, оскалился.

— Свободен. — Скомандовал подчинённому, глядя прямо мне в глаза. — Видишь, какая прекрасная дама приглашает меня на разговор тет-а-тет? — Повернулся к застывшему от вида этой картины парня. — Пшёл! — Рыкнул и когда тот вглубь территории направился, едва ли не вприпрыжку поскакал, через капот перекатился, себя демонстрируя, плюхнулся на соседнее сидение, и сверкнул на меня глазами. — Поехали малышка. Или хочешь, чтобы я повёл?

И с таким подтекстом произнёс, словно ноги мне раздвинул и войдёт сейчас. Да и смотрел так же. Правда, тут же отвернулся, как только рык мотора услышал. Возле ворот подал знак тому, кто сегодня на пульте, к слову, без его знака, меня никогда из двора не выпускали, словно он тут главный, а я вовсе и не хозяйка. Исключениями были случаи, когда Кречетова поблизости от ворот не было. Но за месяц таких исключений было всего два.

Я мчалась по трассе, не зная, куда еду, не зная, что хочу сказать, Кречетов тоже особо этим вопросом обеспокоен не был, включил музыку на радио по своему вкусу, иногда поглядывал на меня с интересом, но молчал. Минут через пять достал сигареты.

— У тебя тут курят? — Спросил с весельем в голосе.

— А тебя действительно это заботит? — Ответила ему в тон, но сквозившее раздражение не скрыть, Кречетов подмигнул, когда со мной взглядом встретился. Закурил.

— На самом деле нет. — Признался, заполняя салон автомобиля ядовитым дымом на выдохе. — Просто так спросил. И вообще, интересно было, что ответишь.

Показалась просёлочная дорога, ведущая к лесу, я резко на неё свернула и остановилась у опушки.

— Вылезай! — Скомандовала и сама как ошпаренная выскочила, перед капотом танцуя, дожидалась, как он соизволит присоединиться. Кречетов не торопился, всем своим видом показывая, что ему всё интереснее и интереснее.

Вылез, шагнул вперёд, стал напротив меня, широко расставив ноги, сигарету докуривал, но дым мне в лицо не пускал, в сторону отворачивался. Первым и не думал начинать. Меня ждал. А меня бесила его физиономия, напускное равнодушие и ощущение игры, забавы.

— Чего ты от меня хочешь? — Спросила неожиданно даже для самой себя, но с эмоциями справилась, в глаза ему посмотрела, Кречетов затаился последний раз, окуроч в траву выкинул, в сторону сплюнул, руками развёл.

— Не поверишь, малышка, о том же у тебя спросить хотел. Ты ведь меня сюда привезла. Разве нет? — И нагло ухмыльнулся. Скотина! Вперёд шагнул, расстояние сокращая. Я

благоразумно отступила. Вроде и понимала, что плохого ничего не сделает, не посмеет, но всё равно опасалась.

— Ты каждый раз цепляешься ко мне. Поддеваешь, подкальываешь, отвешиваешь пошлые шуточки. Считаешь это нормальным?

Он думал не меньше минуты, а я в это время не знала, что делать. Запахнула лёгкую кофту на груди, когда его взгляд туда опустил, чтобы прикрыть ноги в коротких шортиках ничего не было, и его взгляд на них пришлось стерпеть. Я стерпела. На что он довольно улыбнулся и голову набок склонил.

— С ума сойти, как быстро мы перешли на «ты». Чувствую, привыкаешь, это хорошо. — Погладил себя по подбородку, ухмыляясь, а меня тошнить начало от его жестов и слов.

— Ты никогда и не церемонился.

— Так, и сейчас не собираюсь. Ну, так как? Скажешь, что хотела или разговор это только предлог? — Он посмотрел на меня оценивающе, даже пристальнее чем за минуту до этого. Руки в карманы камуфляжных штанов спрятал, и корпусом чуть назад отклонился.

А я только теперь посмотрела на него как на мужчину. Не знаю, наверно, когда-то военным был, оттуда и любовь к камуфляжу, никогда его в другой одежде не видела. В кобуре на поясе охотничий нож, сам мощный, накачанный, не такой как Дима. Дима поплотнее будет, пообъёмнее, а этот крепкий, мышцы из-под одежды выпирают, на шее шнурок, не удивлюсь если на нём будет традиционный солдатский медальон. На голову выше мужа моего будет, ноги длинные, как у кенгуру, такими если ударить, костей не соберёшь. Всегда в специальной обуви с высокой шнуровой, в чёрной майке на лямках, как и сейчас. Пока его осматривала, увлеклась, а как про глаза вспоминала, тут же от стыда вспыхнула, не зная, что сказать в своё оправдание: он позволял себя разглядеть и наслаждался, понимая, что я взгляд оторвать не могу. Почему — мои проблемы. А сам факт на лицо.

— Ну как? Сойдёт? — Ухмыльнулся понимающе.

— Смотря для чего. — Спокойно ответила я, предпочитая нейтральный тон и ни к чему не обязывающие слова, он же умел перевернуть всё.

— А для чего приценивалась?

Я набрала в грудь побольше воздуха, чтобы, наконец, закончить этот фарс, и на всякий случай ещё на шаг отступила.

— Послушай и запомни, — процедила, но потом поняла, что не в том положении, чтобы свои условия диктовать, точнее, не так с ним нужно, и обороты сбавила, — я тебе не цыпа, не малышка, не красавица. Я жена твоего нанимателя и, обращаясь ко мне, помни об этом. Я не хочу выслушивать твои тупые шутки и такие же неумные высказывания в мой адрес, не хочу наблюдать твои ухмылочки и масляные взгляды. Понял? И если ты не можешь уважать меня, понимаю, тебе кажется, что не за что, так хотя бы изобрази это, чтобы и другие своё место знали.

Он напрягся.

— Другие это кто? — Бросил с вызовом и весь прямо задрожал от злости. Я испугалась.

— Твои люди.

— Не понял? К тебе подкатывал кто?

— Нет. Но, учитывая, какой ты подаёшь пример, до этого осталось недолго.

— А-а, — потянул он расслабленно и, действительно, плечи мягче расправил, появилась плавность линии, — по этому поводу можешь не волноваться. Если вякнет кто,

скажи — покажу, куда язык засунуть нужно. Что ещё?

— Что ещё? — Испугалась я его ревностного тона.

— Ну, какие ещё претензии будут?

— Никаких претензий. Оставь меня в покое.

— С чего бы? — Хмыкнул и посмотрел исподлобья, чувствовал, что я паникую, оттого и наступал. И мощь я его видела, и силу признавала. Потому что и то, и другое было неоспоримым фактом.

— Ни с чего. Просто. — Протараторила поспешно, а он прям расцвёл. Подбородок вверх задрал, по колючей от щетины шее поскрёб, а потом губы облизал, зная, что я это вычурное движение заметила.

— А может, ты мне нравишься. — То ли предположил, то ли у меня спросил, и руки в бока упёр. — Что тогда?

— Всё то же. Ты — наёмный работник, я...

— Кто? — Оборвал так резко, что я дёрнулась, испугавшись.

— Что?

— Кто ты?

Он смотрел на меня с вызовом, быстро приближался и уже в следующую секунду схватил за плечи и к машине подтолкнул, ещё через пару шагов я поняла, что стою впритык к боковой дверце, а Кречетов надо мной нависает. Он смотрел сверху вниз, чуть прижимая меня бёдрами к машине, пальцами старался аккуратно убрать волосы с лица. Аккуратно не получалось и он убрал их, широко проведя ладонью по моей щеке. Я обомлела. Только не от волнения. От страха.

— Ты — маленькая и слабая девочка. Красивая. — Произнёс без тени улыбки, вглядываясь в черты лица, расправляя волосы по плечам. К губам моим своими губами прикоснулся и попытался поцеловать, но на чужой запах я отреагировала мгновенно — укусила его, только Кречетов не отступил, засмеялся, укушенное место потирая. — Сладкая. Всегда такую хотел. — Склонился слишком близко. Настолько, что я в его шею упиралась, чтобы не дать снова к себе прикоснуться.

— Ты...т... ты с ума сошёл? Ты! — Упиралась я, но не кричала, грозно шептала, не понимая, почему всё так. Не должно так быть.

— А если и сошёл, то что?! Не могу? Не имею права? Рожей не вышел, чтобы дуреть от тебя? Только Шаху можно?!

Вжимался он в меня всё сильнее, кричал так, что уши закладывало, руки по сторонам от меня надёжным кольцом, а я даже глаза закрыть не могла. Видела, понимала, что нет страсти, нет того надрыва, который должен быть, но разум отказывался в это верить, когда горячее мужское тело буквально врезалось, подавляло, заставляло прислушаться.

— Теперь я его понимаю. — Кивал как заведённый. — Не верил, что так хотеть можно, что на стену лезть хочется, а с тобой по-другому и не получается. Горячая, гибкая, тело как пластилин в руках плавится, — подхватил под ягодицы, чтобы талию его обхватила и прижался ещё сильнее.

— Дима узнает, он тебя убьёт. — Прошептала, дрожа, а Кречетов даже не шелохнулся, не слышал меня, своё твердил.

— А что мне Дима? Почему ты с ним? Почему со мной быть не можешь, а? — Шептал, уже судорожно, губами по шее возил, по подбородку, не обращая внимания на то, что я отворачиваюсь, не хотела, чтобы лицо целовал, так он ниже спускался, там не

отвернёшься. — Чем держит?

— Пусти! — Толкала я его в грудь, давила шею, а он только улыбался, подбородок в сторону повернёт, мои руки надоедливые сбрасывая и снова в бой.

— Что у него есть такое, чего у меня нет? Толстый член? Так, и у меня не меньше. Карманы полные бабла? Так, и я для тебя, сколько скажешь в зубах принесу! Чем он тебя пташка к земле прибил? Чего я не знаю?

— Я люблю его! — Выкрикнула громко, но мой крик потерялся в шуме деревьев, растворился, будто и не было. Кречетов зло оскалился.

— А что есть любовь? Что ты вкладываешь в эти слова? Ну? Что? Ты нужна ему или может, он нужен тебе? Ни хрена вам обоим не надо. Топчетесь вместе, не знаете, что дальше делать. А Шах не умеет любить, не верит в чувства. Берёт то, что нравится, что унести может.

— Я люблю его. — Сказала и словно молния в глазах сверкнула, так ярко вокруг стало, Кречетов тоже заметил, отшатнулся, а потом по губам провёл. С нажимом, оттягивая нижнюю, слева-направо, сверху-вниз, пока я не отвернулась, гневно стреляя взглядом.

— Хочешь ты его, детка. И он тебя хочет. Вот и вся любовь. Или, думаешь, подо мной не кончишь?

И в один миг его пальцы, которые казались мне грубыми, шершавыми, пробежались по телу, вызывая знакомую дрожь. Я ужаснулась, и ведь ничего особенного, просто знает куда нажать, как надавить, прогнуть, но это не было возбуждением, это что-то иное, не такое острое, но подобное по ощущениям. А он в глаза смотрит и каждую эмоцию ловит, дыхание перехватывает, со своим смешивая.

— Если захочу, сама просить будешь, чтобы не останавливался.

— Я люблю его. — Прошептала, чуть не плача от бессилия, а Кречетов, довольный результатом, кивнул, впился в губы, вырывая то, что, по его мнению, положено, и с такой же силой отстранился, обтирая губы тыльной стороной ладони.

— Ты расскажешь мне, как можно любить человека, который о другой думает?

Я, не задумываясь, вlepила пощёчину и Кречетов отступил, щёку ту погладил.

— Вот и поговорили...

— С чего ты взял? — Прошептала, а он на шаг от меня отошёл, глубоко вдыхая, руки расставил широко, пытаясь объять необъятное, посмотрел в звёздное небо с редкими белыми облаками. — Что ты знаешь? Почему молчишь?! — Прокричала на грани возможности и сама к нему подлетела, по лицу снова ударяя, только в этот раз Кречетов не стерпел, за запястья меня схватил и потрянул хорошенько.

— Он сказал.

— Я не верю тебе, понял? Не верю. Ты ему просто завидуешь, потому что у него есть всё, а ты как пёс цепной, по команде прибегаешь. И всегда так будет, и люблю я его за то, что он не такой как ты и никогда не станет ноги о других вытирать!

— Что ты о нём знаешь, кроме того, что тебе знать положено?

— Я не буду этого с тобой обсуждать!

Развернулась и пошла к машине, за ручку водительской двери дёрнула, а Кречетов ударом ноги, совсем рядом с моим носом закрыл её.

— Не договорили. — Пояснил и снова ударил, когда я попыталась то же самое проделать.

— Я. Еду. Домой.

— Только если пешком. — Вызверился он и от машины меня оттолкнул.

Не знаю, что в этот момент в голове перевернулось, но я испугалась. Реально испугалась, как можно бояться незнакомого мужчины, встретив его на тропинке в тёмном лесу, как можно бояться дикого зверя, который оскалил пасть и вот-вот бросится на тебя. Как можно бояться того, кто смотрит сейчас с откровенным желанием и оно подтверждается не менее откровенно оттопыренным ремне брюк. Я сделала пару неуверенных шагов назад, а Кречетов в лице изменился. Я сделала ещё пару шагов, а он шеей повёл, разминая. Я бросилась бежать, а он, словно на охоте, дал мне фору, чтобы было веселее ловить добычу, чтобы адреналин в крови и азарт в глазах.

Я слышала своё дыхание и гулкое биение сердца, перед глазами непроглядная картинка, а позади ужасающая тишина. Спотыкалась, падала и снова вставала, чтобы бежать. Когда дыхание спёрло, а сердце стучало в горле, я остановилась, схватившись за голову. Я не знала, куда бегу и, главное, зачем. Не знала, бежит ли он за мной или смотрит в спину, мечтая просто пристрелить. Стояла, не двигаясь, всё так же держа свою голову, чтобы та не взорвалась от переполняющих её мыслей, а когда собралась с силами, чтобы повернуться и посмотреть туда, откуда бежала, заорала не своим голосом: он стоял за моей спиной и просто шагнул вперёд, с дьявольской улыбкой на губах.

Наверно, я кричала долго, так долго, сколько могла, наверно, я пыталась отбиться, потому что помню его безумную улыбку, и его руки, которые перехватывали мои ноги. Кажется, я умерла в ту секунду, когда больше не могла двигаться, а он нёс меня на плече, припевая одному ему известный мотив. Вскоре я увидела машину, мотыльков, которые толпой кружили у включённых фар. Кречетов поставил меня на ноги, толкнув грудью к холодному металлу, оттянул за бёдра чуть назад, а я снова попыталась сопротивляться. Тогда он легко скрутил меня одной рукой, другой продолжал лапать за задницу, что-то весело приговаривая, достал из кармана ключи. Открыл дверь, толкнул на заднее сидение автомобиля, я всё ещё попыталась отбиваться, а Кречетов прикрикнул что-то невнятное, но внушающее и я замерла, поджав ноги к подбородку. Зубы стучали, всё тело дрожало как от озноба, и я ничего не видела перед собой. Мы куда-то ехали.

Наверно, на какое-то время я уснула, отключилась, как отключается техника при перегрузках, а проснулась от сильной встряски: мы въезжали в наш двор. Я просто не могла поверить, что дома. Выскочила из машины, как только та остановилась, не оглядываясь, не говоря ни слова, если бы могла бежать — побежала бы, но могла только быстро шагать. Дима стоял на веранде, но ничего не сказал, только посмотрел, наверняка проводил взглядом. Через минуту я уже сдирала с себя одежду, желая поскорее смыть чужие прикосновения, и грязь, которая прилипла к коленям, когда я падала. Из открытого окна слышались голоса.

— Егор, я же просил тебя. — Сдержано, но строго произнёс Дима, в ту же секунду слышался смех Кречетова.

— Да помню я, — легко отмахнулся он, я подошла к окну, пытаюсь рассмотреть, что происходит, но мужчины стояли к дому слишком близко. Можно было видеть макушку Кречетова и Димино плечо. Не сказала бы, что намечается драка. Им, казалось, было весело Дима как всегда вёл себя чуть отстранённо. — Забавная малышка, шустрая, ты должен меня понять, как с такой не поиграть, а, Шах?

— Она моя жена. — Холод в голосе заморозил бы любого, но Кречетов продолжал веселиться.

— Красивая жена, Шах, горячая. Я чуть было не обжёгся. Смотри, что сотворила...

На несколько мгновений макушка из поля зрения исчезла, потом появилась вновь, Дима что-то проговорил по этому поводу, но слишком тихо, я не расслышала.

— Зачем?

— Она сама предложила прокатиться, а я просто не мог отказать. Никто бы на моём месте не отказался.

— Что ты ей сказал? — На этом Кречетов почему-то смолк. — Что ты ей сказал? — Повторил Дима и Кречетов дёрнулся, видимо, мой муж его схватил за руку.

— Ты сам-то долго молчать собираешься? — Спросил с укором, а Дима молчал. — Добрых людей на свете много, глядишь и просветят. Да и сама не дура, догадается, что к чему. Этого ждёшь?

— Не твоя забота.

— Дим, сколько лет знакомы, а ты всё одно и то же твердишь. Знаешь, я бы за такое по стенке тебя размазал, если бы ты моей дочке голову дурил. За Галку твою просто заступиться некому, этим и пользуешься.

— Она поймёт.

— А до того как поймёт, что чувствовать будет, а?

— Не полощи мне мозг, Кречет, всему своё время.

— Только это время не будет ждать, брат, пока ты с мыслями соберёшься, придёшь однажды домой, и не поймёшь, как в глаза ей смотреть. Вот тогда будет поздно. А сейчас нормально ещё. Ты умный, — вроде как похвалил и толкнул Диму в плечо кулаком, — мозги запудришь так, что не подкопаешься.

— Она поймёт. — Повторил Дима тише, так, словно для себя и они разошлись.

А я вдруг поняла, какой дурой себя выставила. Кречетов просто веселился, а я его слова всерьёз выслушивала. И всё же, не обманула интуиция: не было там страсти... Почему-то это открытие заставило меня улыбнуться. Даже их разговор под окном не занял должного места в нише для размышлений на ночь. Возможно, я просто устала, а может быть не хотела знать того, что знать ещё рано. И просто верила. Несмотря ни на что. Там, где нет доверия, ничего нет.

Дима пришёл, когда я уже минут тридцать как отмокала в горячей ванной. Посмотрел пристально, но на мою беззаботную улыбку ответил такой же улыбкой, только чуть более сдержанной. Пальцы в воду опустил, скривился.

— Не сваришься?

— Идём ко мне. — Протянула руку вместо ответа, Дима оглянулся на дверь.

— Работы много. Может, позже...

— Ну, вот, и закончился медовый месяц... Дим, у тебя жена молодая, всего-то шесть лет в браке.

Муж шутку оценил, поэтому манжет рукава по локоть закатал, и руку в воду погрузил глубже, чтобы напомнить, кто в доме хозяин. Провёл пальцами по внутренней части подставленного под ласку бедра, наслаждаясь выходящей из меня истомой, остановился у промежности и страдальчески вздохнул.

— Много работы, Галь...

— Интересно, а Егор Владимирович уже освободился? — Пальцы мужа замерли, убирать руку он передумал, изогнул бровь, выжидающе глядя на меня, а я притворно вздохнула.

— Между прочим, целовал меня, зажимал и клялся в вечной любви. — Чуть вздёрнула нос, сдерживая улыбку, а Дима приподнял и вторую бровь.

— Ну, про то, что зажимал и целовал, допустим, поверить я смогу, а вот насчёт вечной любви...

— Красивая женщина вдохновляет на подвиги, разве нет?

Я, игнорируя его пальцы, которые неуверенно раздвигали складки, чтобы аккуратнее войти, из ванной встала, демонстрируя тело во всей красе. Дима медленно поднялся следом, губы надул, потянулся за полотенцем.

— А ещё он обещал золотые горы и море блаженства. — Заметила как бы между прочим.

Дима закутал меня в полотенце, как делал иногда и, взяв на руки, помог из ванной выбраться. Аккуратно уложил на кровать.

— Но если у тебя столько дел, столько работы...

— Галя, отхожу ремнём и не гляну, что девочка. — Пригрозил и улыбнулся, когда почувствовал на шее мои руки, мои губы, и мою дрожь, переходящую к нему.

— Что ты со мной делаешь, а? Верёвки вьёшь, не напрягаясь, малыш. Когда взрослеть будем?

— Рядом с тобой мне это не грозит. — Ответила беззаботно, открывая грудь.

Я уже лежала на постели, призывно улыбаясь, а Дима всё никак не мог решиться, ни уйти, ни остаться.

— Если подождёшь меня минут тридцать, то пару часов тебе спать не придётся точно. — Дима оглядывался на дверь, чтобы улизнуть, а я намотала на кулак его галстук. Сказать кому — не поверят. А меня заводит эта мнимая власть над сильным мужчиной.

— Ты меня обманываешь! — Надула губы, капризная.

— Я тебя интригую. — Улыбался в ответ Дима, нежно поглаживая моё тело. Он умел приласкать, этим и притягивал. Знал, что обещает, а я знала, что получу.

— Хочешь предложить что-то новенькое?

— Ты не слышала, некоторых заводят розги и бамбуковые палки? — Прорычал он в мои губы, когда желание превышало допустимые пределы, а работы меньше так и не стало. — Приду — проверим.

— Ах, обещания, обещания... — Вздохнула я и намерено от мужа отвернулась, демонстрируя, как верно угадал Егор, упругую попу, заставляя мужа работать с двойным усердием, тут же получила по ней шлепок и засмеялась, зная, что Дима не удержится.

И я ждала его. Практически каждую ночь ждала. С ума сходила от нетерпения и предвкушения, потому что никогда не могла знать наверняка, каким будет в следующую минуту. А Дима чувствовал меня и давал то, что было необходимо. Иногда брал, именно брал. Жёстко и с каким-то животным остервенением. Иногда позволял мне быть главной и самой демонстрировать желания, а иногда был до предела нежен и мягок, настолько, что у меня никакого терпения не хватало дожидаться кульминации и приходилось просить, давить, уговаривать. Сама по себе семейная жизнь открылась с новой стороны. И в первую очередь это были обязанности.

Несмотря на то, что от уборки я фактически была освобождена, готовила всегда сама. Завтрак не в счёт, Дима настолько вошёл во вкус, что согласен был вставать пораньше, чтобы приготовить мне блинчики или оладьи, омлет или куриные котлеты, сварить утренний кофе. Я отвозила вещи в чистку и забирала их обратно, выгуливала собак, чтобы они ко мне

привыкали, закупала продукты, на неделю вперёд определяясь, что хочу увидеть на нашем столе. Уборку рабочего кабинета Дима также доверил только мне, потому как важные документы, находящиеся там, были под грифом «секретно». Я занималась сортировкой грязного и чистого белья, по выходным устраивала большую стирку. Знаю, для многих женщин в этом и заключается рутинная семейная жизнь, но разница в том, что я за свою работу получала поощрения. В виде цветов, выходов в ресторан, магазин, где могла насладиться жизнью, показать себя, мужа, на других не смотрела, потому что чужая жизнь оставалась не интересной.

Я смотрела в его глаза и таяла, чувствуя как строгий взгляд теплеет, мы держались друг друга за руку, переплетая пальцы, и могли так бродить по парку под недоумённые взгляды прохожих: вроде как женатые пары априори не знают, что такое романтика. Ходили в кино и ели мороженное, делали всё то, что многие считали обыденностью, просто эти многие не знают главного секрета: нужно быть вместе, чтобы было хорошо. И мне было хорошо всегда. А ещё я сделала для себя открытие: семейная жизнь это безумие. И в этом безумии Дима побеждает. Он помешан на сексе, он фанат секса и, кажется, это заразно. Меня иногда мучает вопрос: а как же он обошёлся без интима те десять дней, что ожидал моих признаний? В моменты, когда я расстроена, готова уличить его в измене, а когда всё хорошо, требую продемонстрировать способ избавиться от напряжения в паху. Дима с загадочной улыбкой отказывается, обещая показать, если я буду себя хорошо вести.

С Лизой за последние два месяца я так и не встретилась. Знаю, она пару раз звонила, но затевать никому не нужный разговор я не стала. Звонил и Антон, чаще пьяный, чаще ночью. Дима наверняка об этих звонках знал, но я хотела решить это сама и он позволял мне, глядя со стороны, контролируя. И, да, я привыкла к контролю, который мой муж с такой выразительностью во взгляде называет «заботой». Может, забота именно так и выглядит, но я настолько привыкла к этому, что иногда несколько раз предупрежу как, куда и во сколько, а главное, с кем иду. Хотя когда-то, не так давно, он говорил мне, что это не важно.

Что ещё изменилось? Наверно многое. Я и сама менялась рядом с ним. Дима заставлял стимулировать, а если я не хотела идти, то толкал в спину или и вовсе нёс на руках к прогрессу, к успеху, поддерживая в начинаниях и в ставшими привычными делах. С его лёгкой руки, дрожащими пальцами я кликала на кнопку мыши, отправляя некоторые стихи на конкурсы, как литературные, так и песенные, вступала в переписку с известными поэтами, с авторами блогов, с администраторами групп литературных талантов. Ему нравилось то, что я делаю, он не уставал повторять, что гордится. Наверно, растил во мне личность, по крайней мере, я явно чувствовала, что она растёт. Благодаря его заботам и стараниям.

И только иногда, оставаясь наедине с собой, я начинала болеть. В голову лезли глупые, ненужные мысли. Обрывки услышанных и подслушанных фраз, осколки эмоций, чьих-то косых взглядов. Я смотрю на своё кольцо и думаю, думаю, какую загадку оно скрывает, может скрывать, о какой женщине все так усердно твердят? Пытаюсь отогнать эти мысли, улыбаюсь, глядя на мужа, а потом долго не могу уснуть, растревоженная ими. А он молчит. Говорит, что любит, хотя делает это редко. Чаще Дима это показывает. Не покупает мои чувства, а заставляет раскрыться самой, чтобы решить, «да» или «нет» или, как я люблю говорить «чёрное» или «белое». Он знакомит меня со своими друзьями, с их семьями, детишками, вроде не давит, но я и сама вижу, что ему необходимо, к чему клонится, и я всё чаще могу для себя решить, что тоже хочу детей.

— Не спишь? — Улыбается он, глядя на меня с прохода дверей. В руках два бокала вина, в зубах вырванная из клумбы роза, а в глазах огонь, который не потушить, пока я рядом и все сомнения улетают.

Он удивлённо смотрит на меня, когда я отставляю бокалы в сторону, сначала свой, потом и его. Склоняется, чтобы поцеловать, но всё ещё не видит, чего я хочу, что могу ему дать. Замирает в миллиметре от приоткрытых губ, пытаюсь разглядеть истину в глазах, и тогда я сдаюсь окончательно.

— Я хочу, чтобы у нас был ребёнок. Не когда-нибудь. Скоро. Практически сейчас. Что ты думаешь по этому поводу?

Дима замирает лишь на секунду, обдумывая услышанное, а потом, как в замедленной съёмке, осторожно проводит руками по моему животу, нежно целует, проводя дорожку сверху вниз и улыбается, поглаживая пока ещё плоский и пустой сосуд.

— Спасибо. — Выдыхает, прислоняясь к нему щекой. А мне кажется, что я самая счастливая женщина на свете.

Так нежен он не был никогда прежде. Каждый взгляд, каждое движение, как ритуал, как заклинание, а мне оставалось лишь наслаждаться. И я чувствовала себя взрослой. Не такой взрослой как с Антоном, где вроде бы позволяла себя любить, а он вроде бы любил. Не такой взрослой, которая снисходительно наблюдала за вознёй окружающих людей. А просто взрослой женщиной, которая может принимать решения, чтобы сделать любимого человека счастливее. Эта ночь навсегда останется в моей памяти, потому что она важна, но не отношением друг к другу, а тем доверием, которое образовывалось внутри нас. Я ему верила, не боясь разочарования.

Глава 22

Это был один из немногих дней, когда я сумела встать раньше Димы. У него воскресный выходной, а у меня срочная сходка в редакции, да ещё и в семь утра. На улице ещё роса не сошла, мы ведь за городом, даже пение петухов казалось вполне реальным, ведь недалеко находилась деревня. Легко дышалось и улыбка сама собой расплзлась на лице. Хорошенько прогрев автомобиль, я подъехала к воротам, где меня неизменно встретил Кречетов, только после вчерашних подвигов он чувствовал себя ещё увереннее, ещё сильнее и страшнее.

— Ну, привет, куколка. — Облизнулся, облокотившись на дверцу. Улыбался вроде как всегда, но выглядел при этом иначе, словно добрее.

— Доброе утро, Егор Владимирович. — Улыбнулась я в ответ и едва ли не под губы ему подставилась, у мужчины даже лицо вытянулось от удивления.

— Ух ты, какие мы смелые, какие дерзкие. И давно повзрослели?

— Дурак вы, Егор Владимирович, и шутки у вас дурацкие. Знаете, как говорится: если не можешь изменить людей, измени своё отношение к их поступкам. Будем считать, что я приняла ваши условия. Что теперь делать будете?

— Драться за сердце дамы! — Воодушевлённо ответил он, уже упирался в машину увереннее, отставив пятую точку. Я продемонстрировала ему острые зубы.

— Врёте вы всё. Дима, когда я ему подробно объяснила, чем мы с вами занимались в ночном лесу, сказал, что многое возможно, но вот ваши обещания вечной любви до гроба...

— А разве я такое обещал? — Удивился мужчина, а я молча кивнула. — Значит, буду стараться соответствовать! — Похвастался, заразительно улыбаясь.

— Не стоит. Главное, не переиграйте, а то у Димы терпение хоть и железное, но и

металл гнётся. Не пропустите меня, значит? — Заметила, глянув на часы. Уже опаздывала, учитывая мою скорость.

— Куда ты на этой колыхаге собралась?

— Дима сказал, что виновна и должна ответить. Ремонт за мой счёт. А мой счёт пуст.

Я вышла из машины, чтобы оглядеть её вместе с Кречетовым. А что? Тот всё равно выпускать меня не торопился. Пожевала губами, пожалала плечами, когда он на меня несколько раз оборачивался.

— И не боится?

— За меня? Нет, что вы, Женечка под пытками признался, что в автосервисе заменили все повреждённые детали и даже вставили лампочки в фары.

— Ага, а вставить фары, значит, не обязательно?

— А как же наказание? — Напомнила я. — Нет, фары это уже за мой счёт. Не поверите, но Дима мне даже в долг не дал, представляете? Вот она, любовь его хвалёная. Но я не отчаиваюсь... — Притворно вздохнула. Так, для проформы, чтобы сноровку не потерять. Если в отношении машины Дима настроен категорически, то с остальными семейными вопросами мне приходится справляться хитростью.

— А больше и попросить помощи не у кого, можно подумать! — Надул он грудь колесом, выглядел обиженным. Я прониклась и задумалась.

— На себя, что ли, намекаете?

— А чем не подходящий кавалер?! — Возмутился Кречетов и засмеялся. — Давай, опускай свою попу на пассажирское сидение, подвезу тебя в город.

— Вот ещё!

— Давай, давай, сама всё равно опоздаешь. А я и машину на сервис загоню, прикинем, что да как.

— А мне, значит, без машины?

— Насколько я знаю, Женькины услуги для тебя всегда в первую очередь, так что не плачься. — И невежливо подтолкнул меня подальше от водительского места.

Поехали мы быстро, я только и успевала смотреть за резкими движениями Кречетова, мысленно успокаивая свою малышку, что это ненадолго. На разок, в крайнем случае, на два.

— Егор Владимирович, а это правда, что у вас взрослая дочь есть?

— Есть. — Посмотрел он на меня с улыбкой. На пару лет тебя старше.

— И жена?

— Любовница. — Поправил он меня, кивая.

— Молодая?

— А ты как думаешь? — Засмеялся.

— Не знаю. Ещё вчера я вас другим видела. Старым, грубым и, знаете, таким, волком-одиночкой. А как Дима про дочку сказал, что-то человеческое в вас появилось.

— И на том спасибо. — Крякнул он, головой неодобрительно покачивая.

— А интересно, какая она? — Я села в пол-оборота, прицениваясь к Кречетову, а он усмехнулся, видимо, сам к такому пристальному вниманию, которым обдавал меня, не привык.

— Кто, любовница?

— Да.

— Держи, смотри. — Протянул мне телефон, который извлёк из бокового кармана штанов. — Знаешь, как пользоваться? — Издевательски усмехнулся, когда я, скривившись,

смотрела на требуемую ячейку для пароля. — Три, восемь, девять, ноль.

Набрала комбинацию, быстро нашла папку с файлами, фотографии. Фото девушки меня, конечно, поразило, но я листнула дальше и на следующем девушка была другая, потом ещё одна, и ещё. Я на Кречетова покосилась с подозрением.

— Да вы бабник!

— А то! Только ты не туда залезла. Я тебе предлагал папки вызова посмотреть, там подписано Марусик и присвоена фотография.

— А эти кто?

— А эти просто скачанные с компа тёлочки. Свою карту памяти испоганил, твой муж мне эту и подкинул. — Гаденько улыбнулся.

Я сначала внимания на его слова не обратила, а потом дошла до фотографии с рыжеволосой девицей. Той самой, которая просила Диму не бросать её. Противно стало: понятно ведь, что не скачанные фотографии, а вполне реальные любовницы. Да ещё одна другой краше. Хотелось телефон вернуть, но ради приличия глянула и на его Марусика. Эффектная, кстати, женщина. Яркая, красивая, брюнетка. На фото не старше меня выглядела, но либо модель профессиональная, либо женщина в возрасте около тридцати, когда уже понимаешь свою цену и выставляешь её на обозрение. Цена высокая и Кречетов об этом знал. Наверно, на другую и не позарился бы. Так я ему и сказала.

— Специально мне телефон этот отдал, да?

— Ты сама спросила. — Серьёзно отозвался Кречетов, аппарат из моих рук выдирая, спрятал его обратно в карман. — А что касается тёлочек этих, можешь не париться, они на один раз. Не думаю, что для тебя это новость.

— Такие люди не меняются. — Отметила я и к окну отвернулась.

— А с чего ты взяла, что он «такой». Что, кстати, означает это определение?

— Бабник, значит, и я это озвучила.

— Да ладно, тебе чего париться? Ты жена, а это другая стихия.

— Не знаю, наверно, браки всё же должны быть равными, ну, или хотя бы близкими к этому. Вот, попадёт ему вожжа под хвост, и выпроводит меня откуда взял. Да ещё и детей отберёт. Сколько таких историй...

— Надеюсь, Дима о твоих высказываниях не услышит. — Произнёс Кречетов вместе дружеской поддержки. — Ты серьёзно? — Посмотрел в мою сторону, а я не могла ответить на этот вопрос. Серьёзно? Нет? Просто сказала, а если бы задумалась...

— Тут направо. — Кивнула на перекрёсток, Кречетов перестроился и включил поворотник.

— Не дури, таких как ты не бросают.

— Успокоил, ничего не скажешь. — Похлопала я его по плечу, отстёгивая ремень безопасности. — Значит, правду говорят, что гуляют с одними, а женятся на других. А где вы, кстати, с Димой познакомились?

— Я комбатом был в военной части, куда Шах распределился. Потом... потом на зоне вдвоём встретились, сдружились.

— Два сапога пара. — Поддакнула я. За ручку дёрнула, чтобы двери открыть, а Кречетов прокашлялся.

— И не думай о своих глупостях.

Я поняла, что издеваться у него выходит лучше, чем поддерживать, поэтому мило улыбнулась.

— А оно мне надо? — Хотела выйти, а потом... раз уж у нас такой разговор сложился, развернулась и в глаза ему посмотрела. — Ты говорил о женщине...

Он понял мою задумку с полуслова, поэтому сразу улыбку с лица стёр и головой покачал.

— Не по адресу, Галка. Что-то беспокоит, спрашивай у Шаха.

— Тайны Мадридского двора беспокоят. Когда все всё вокруг знают и только по углам шепчутся, на меня поглядывая.

— Так, и ты шепчешься. — Пожал он плечами. — Со мной, например. А такие вопросы открыто решать нужно. Напрямую.

— И на том спасибо. — Разозлилась я. — Кстати, спросить хотела, что же вы, за свои деньги ремонтировать будете? На каких условиях отдавать?

Кречетов на эти слова только головой покачал, словно на недалёкую, достал из бардачка документы, помахал перед моим носом.

— Женщинам, которые не знают, что такое автострахование, на дороге делать нечего. — Заявил с серьёзным видом и сам мне на дверь указал, пока я глаза круглые делала.

Только не успела из машины выйти, как на мужчину наткнулась. Гневный взгляд подняла, а это Антон стоит, ухмыляется. Меня ждёт?

— Ну, привет. — Дружелюбно улыбнулся он. Провёл кончиками пальцев по плечу, я отшатнулась, отвыкшая от его ласки.

— Проблемы? — Прорычал Кречетов из-за спины.

— О-о, а у тебя новый? Тоже муж? Или так, нагнул и разбежались? — Съязвил в миг потемневший Антон. До этого что-то другое сказать хотел, но, видно, не сдержался.

Больше сказать не смог ничего, Кречетов его согнул в три погибели и в сторону отвёл. Мне только кивнул, чтобы шла, не задерживалась, а я, как бы мне не хотелось остаться, понимала, что в моём присутствии и Антон выделяться начнёт и Кречетов постарается выделиться, поэтому и убежала.

Войдя в рабочий кабинет, застала Женю, курящую у окна. Она криво улыбнулась, кивнула в знак приветствия и тут же отвернулась обратно.

— Интересная ты женщина, Галина Дмитровская. — Потянула она вдруг, после чего окурок прямо о подоконник затушила и на своё кресло прыгнула. — Мужчина выются вокруг пачками. Этот кто? — Махнула головой в сторону окна, выходящего на проспект, распаковала новую пачку сигарет, закурила, смотрела сначала мимо меня, потом взгляд постепенно прояснился.

— Который?

— Тот, что привёз. Кречетов, кажется. — Безразлично пожала она плечами.

— Да, начальник охраны мужа или кто он там... Команды раздаёт, всё контролирует. Даже меня...

— И как?

— Что? — Не поняла я, но всё же головой тряхнула и шагнула к своему столу. Пока вещи раскладывала, листала органайзер, Женя смотрела на меня в упор.

— Горячий парень или так, фуфло?

— Горячий. — Хмыкнула я и повернулась, картина постепенно начала проясняться. Женя сидела напряжённая, глаза прищурены. — Ты знаешь его, Женя, я правильно поняла?

— Евгения Егоровна, если быть точной. Я думала он сдох давно.

— Что? — Растерялась я, а Женя едко улыбнулась, медленно из-за стола вышла. Нельзя

сказать, что я не поняла, что она имела в виду, называя своё отчество. — Зачем ты так?..

— Он бросил меня и я его ненавижу. — Проговорила резко, так, что мне только сглотнуть оставалось.

— Бросил?

— А он не говорил? Полкан. — Бросила с презрением. — Мать с хахалем застучал и из окна пятого этажа вышвырнул, не разбираясь, представляешь? И мать следом отправить хотел, да соседи спугнули. Ну, не спугнули, конечно, — усмехнулась она, затаилась так глубоко, что мышцы над ключицами запали, — привели в чувства, если быть точнее. Ему десятку впаяли, хахаль мамкин загнулся в больнице, так мама, знаешь, что сделала, чтобы ему отомстить? В детдом меня сдала, представляешь, *ука какая. — Глянула вдаль, а я отшатнулась от её взгляда, словно и он навредить может. — Типа дочка твари такой не должна быть счастлива. Оказалось, что не мама меня рожала, а тётка какая-то, не помню, что она там за бред несла, то ли Кречетов наследил и меня на руках в дом принёс, перед фактом поставил, то ли другой замут, но факт остаётся фактом.

Она снова и снова хмыкала, а я не знала, что ей сказать, что сделать, зачем она всё это мне рассказывает, стояла, опустив руки и молчала, не мешая.

— Ты спишь с ним?

— Я замужем, если ты вдруг забыла.

— Да? — Спросила она так, словно впервые слышала. — А смотрел так, будто спишь.

— У него есть любовница. — Женя округлила глаза, а я замаялась, прокашлялась. — То есть, Женя, не знаю, зачем тебе это сказала... он просто работает у нас. Не знаю, но... но мы только что разговаривали в машине, я спросила про его семью и он подтвердил, что у него есть дочь, — суетно рассказывала я, а потом набрала в грудь побольше воздуха, чтобы продолжить и задохнулась потоком, замерла... сдулась, опускаясь на жёсткий стул. — Я и подумать не могла...

— Считаешь, не похожи?

— Не знаю, пока не настолько пришла в себя, чтобы сравнивать. Ты... ты хочешь поговорить с ним?

— О чём? Он не приехал за мной, не искал меня, не писал письма... Я вообще думаю, что никому не нужна была, спасибо Макс, подобрал... — Упомянула она владельца журнала и зарылась пальцами в волосы. Пепел сигареты вот-вот грозился упасть на роскошные кудри, когда я вытащила тлеющий окурок и швырнула на стол, не боясь повредить гладкую поверхность.

— Что ты такое говоришь, Макс здесь вообще причём?

— А ты не знала, что он спит со мной, чтобы я из журнала не уходила? Незаменимых, конечно, нет, но... зачем тратиться на других, если можно совместить приятное с полезным и получить двойную выгоду?

— Женя, ты не права.

— В чём?! — Подскочила и сжала кулаки. — В чём? — С гримасой боли опустила обратно. — В том, что я в свои двадцать шесть сплю с сорокалетним мужиком от большой любви, на которую ему насрать? Или, может быть, в том, что отца своего ненавижу за его подлость? Я ждала, Галя, фамилию специально не меняла, хотя мне в детдоме зачем-то какую-то Мышкину приписывали. Какая из меня Мышкина? Да я любого порву. — Вскочила она и начала метаться по кабинету. И из журнала уйду. Не моё это, про модные тряпки писать. А Макс пусть удавится. Задолбал, козёл!

— Что ты взъелась? Всё хорошо, Жень, — попыталась я приблизиться и обнять, что ли, понять попытаться, но она как маленький ёж иголками поворачивалась, и на меня с презрением посмотрела.

— А Шах твой зачем на тебе женился, как думаешь? Неужели в любовь большую поверила? — Я отступила, вздыхая, а Женя согласно кивала, злобно сверкая взглядом. — Я не знаю, мне Макс рассказывал, была у него любовь. Такая, с большой буквы. Они тогда студентами были, у Макса родители с мамашей Шаха дружбу водили, вот и общались, по детской привычке. Это сейчас бизнес, выгоды, а тогда... — Рукой махнула, остановилась у окна и на пачку сигарет, оставленную на столе покосилась. Сплотнула, но не приблизилась, открыла окно на проветривание. — Тогда всё как в последний раз. Вот Шах твой и закрутил, с ума сходил, бесился, а она, та, которая с большой буквы, равнодушна была. Короче, он всю жизнь так и профукал, то ли её ждал, то ли... Да что там, никто не знает, что на самом деле случилось. Макс сказал, ты похожа на неё. Фигура, волосы, — покрутила пальцем вокруг своего лица, — мордашка ничего. А ещё молодая и здоровая. А мужикам в сорок лет что надо? Не знаешь?

— Ты просто разнервничалась...

— Ты тоже, — засмеялась она на мою попытку перебить, но потом понимающе закивала. — Знаю, какие дифирамбы могут петь, Макс мне тоже горы золотые обещал. Как видишь... с горы пока не скатилась, значит, впереди всё. — Втянула в себя прохладный воздух, нервно улыбнулась, чуть вперёд наклонившись. — Это я так себя успокаиваю. А ты... ты родишь ему, желательно, конечно, чтобы мальчик... чтобы было кому дело передавать. Девочка тоже ничего, но! Сама понимаешь... Галь, да использует он тебя... Думаешь, беспокоится, на работу устроится помог... а он же просто хотел, чтобы ты на виду была.

Я сжала зубы, воздух сквозь них втянула, Женька грустно улыбнулась.

— Что, мать, и тебя такие мысли посещали? Значит, не совсем пропащая. Сама-то чего хочешь, не задумывалась?

— Ты ведь хочешь увидится с отцом, да?

— С чего взяла? — Изменилась она в лице и спину выпрямила.

— Да так, просто... Подумала, что бы сделала, будь на твоём месте...

— На моём месте не весело.

— На моём, как мы только что выяснили, тоже не очень. Я своего отца в глаза не видела. В общем, — посмотрела прямо перед собой, — у Димы день рождения через неделю, а они, вроде как друзья, да и охрана всё же... Думаю, будет. Он говорил, что только самых близких собирает, вы с Максом тоже приходите, не знаю, как там по плану, но если что, я договорюсь. Вот и скажешь ему всё, что думаешь.

— Мне это не нужно. — Отвернулась она, передёрнув плечами.

— А ты не думай, нужно или нет. Просто приди и скажи, что чувствуешь. А он в любом случае в проигрыше.

— Не жалуешь ты моего батюшку, — Женя нервно скребла ногтем подоконник, выдавая напряжение, я, хоть и говорила о Кречетове, но думала совершенно о другом.

— А ты моего мужа.

— Я правду сказала. — Встрепенулась она, чуть повернув голову в мою сторону.

— Ты его не знаешь, — покачала я головой в ответ. Женя резко развернулась.

— Макс знает. Это не мои слова — его. А он словно о себе говорил, думал, что я дура влюблённая, не понимаю этого. Ладно, — Женя беззаботно улыбнулась, свой негатив

сбросив, — загрузила я тебя... глупая. Что там у нас по плану? — Глянула на настенные часы и нахмурилась. — У-у-у... Макс будет рвать и метать, десять минут как заседаем. Давай, сгребай свои наработки и шашку не забудь. Будем отмахиваться.

Женя засуетилась, замельтешила, и в ускоренном режиме из кабинета выбежала. Мне было не весело. Всё одно к одному. А сомнения... слишком скользкие, чтобы не пробиться к моим мыслям, слишком юркие, чтобы не навести там свои порядки. И я, буквально говоря, чувствую, как эти порядки меняют мою устроенную, налаженную атмосферу.

В конференц-зале собралась вся редакция, а на укоризненный взгляд Макса, Женя ответила заметным только мне и ему воздушным поцелуем, после которого он слишком уж явно сбился с мысли. Такое его поведение мало походило на рассказанный только что вариант истории, но часто женщины просто любят всё усложнять... И я на это очень сильно надеялась.

— Галя? — Передали мне слово, судя по направленным в мою сторону взглядам, а я и не знала, что говорить.

Обычно на подобных совещаниях слова не достаивалась, да и вообще присутствовала только по Женькиному капризу. Не мой уровень — говорили все вокруг, но с любовницей начальника мало кто решался спорить, к тому же Женя, не смотря на юный возраст, была профессионалом, который любит своё дело и знает, как превратить работу в удовольствие.

— Да-а? — Растягивая время, улыбалась я Макс, который смотрел на меня вместе с остальными.

— Вы витаете в облаках, — безобидно заметил он. — Евгения Егоровна тут с таким упорством расписывала ваши качества как начинающего журналиста, что едва ли не под вашим авторством вышли последние две статьи. Пристыдить меня пыталась, что в чернорабочих юные таланты держу. Вот, сижу, думаю, чем бы вас занять повеселее.

От его сладкого тона и, в частности, от смысла тех слов, которые говорил, многие присутствующие скорчили жуткие завистливые рожи. Понятное дело, их он только критикует. А я ведь жена хорошего друга, который, совершенно случайно, будет выступать нашим спонсором в последнем квартале года, и разместит свою рекламу на выгодных для нас условиях. Ну, вот, совершенно случайно! В общем, за меня все вокруг безмерно рады.

— Приятно слышать, но меня пока устраивает занимаемая должность. — Вежливо поблагодарила я, не теряя достоинства. По лицам сидящих за столом пробежалась ироническая усмешка.

— Надеюсь, ключевое слово здесь «пока». — Ответил Макс и нахмурился.

Выдержав ещё несколько торжественных секунд, мы перешли к обычному делу под названием «разбор полётов».

Забирать меня из редакции приехал мальчик из охраны. Имени его я не знала, но узнавала по очаровательным ямочкам на щеках. Он был едва ли ни единственным, кто, не споря, открывал ворота, не дожидаясь высочайшего соизволения моего личного надзирателя.

— Егор Владимирович сказал, что машина будет готова через неделю, не раньше. Женёк с Дмитрием Алексеевичем катается, так что с вами я буду. — Отчитался.

— Отлично. — Отозвалась я без особых эмоций.

— Мы сразу домой, никуда не поедем?

— Поедем. — Ответила я прежде, чем успела обдумать вопрос.

— Куда?

— Подруга у меня есть, Лиза. С ней поговорить хотелось бы. На Курчатова, пожалуйста.

Мой водитель услужливо кивнул и сразу свернул, следуя указанному маршруту. В конце концов, она ведь что-то от меня хотела...

Лиза встретила меня в ночной сорочке, с всклокоченными волосами и с не самым добрым взглядом.

— Не спится? — Понимающе улыбнулась и раскланялась, приглашая войти. — Тапки знаешь где, чай сама поставишь, пока я умоюсь, печенье, надеюсь, принесла, потому что у меня голяк. — Командовала, пока не закрылась в ванной, а я подумала, что как раз про печенье и не подумала. Вот такой вот каламбур...

— Ну, что сказать хотела? — Приткнулась она к дверному косяку кухни, глядя на меня со спины. Я обернулась, но не нашла, что ответить. И сама не знала, зачем приехала.

— Вспоминала о старой подруге? — Подсказала, ёрничая. — Да ничего, я не в обиде, с таким «заботливым мужем» и не такое случается. — Откровенно иронизировала она, медленно дефилируя к противоположному концу стола. Села, закинув ногу на ногу, посмотрела на меня с вызовом, улыбнулась и тут же отвернулась.

— Молчишь?

— Ты звонила... — Неуверенно начала я. — Наверно, нам нужно поговорить.

— Правда? Так думаешь? — Изогнула она бровь и отпила горячего чая. Скривилась и отставила в сторону. — Я уже без сахара пью. — И тут же голову вскинула. — Да. Поговорить нужно. Как жизнь молодая?

— Спасибо, хорошо. — Сдержанно ответила на её откровенный вызов.

— Да не уж-то? Хм... Извини, конечно, но я тебя умнее считала.

— Может...

— Не может. — Отрезала она, не желая знать моих доводов. — Знаешь, он молодец. Муж твой, я имею в виду. — Пояснила, поставила локти на стол близко друг к другу, подбородок повесила на скрещенные ладони. — Знаешь, что он мне сказал, когда к нам в издательство пришёл?

— Нет.

— Чтобы я исчезла. Растворилась. Не звонила и не писала. А самое главное, он рассказал мне, почему я этого не должна делать, представляешь? Говорит, не послушаешься — пеняй на себя. Отца вспомнил, должность его... Он сказал, если я буду мелькать перед его глазами, то не будет больше у отца должности.

— Дима не бандит.

— Да ладно? — Хмыкнула она, развеселившись, а потом, и правда, губы поджала. — Бандит, не бандит, а связей много. Нужных связей, Галя. Вот, слышала, и тебя устроил. Как, кстати, на новом месте?

— Мне нравится.

— Даже не сомневаюсь... — Я уже намеревалась ответить на её издёвку, но Лиза и сама отступилась. — Так вот, что я сказать хотела. Тот случай помнишь, когда пацаны пристали к нам? Это он их подослал, я уже потом узнала, что они вообще у него работают, представляешь? Это он попросил их пристать к нам тогда. Зачем? Хочешь ты спросить? — Подловила она меня с открытым ртом. — А затем, чтобы потом на меня всё и свалить. Так и сказал, что это я устроила и мальчишки подтвердят. Чтобы ты во мне усомнилась, чтобы верить перестала. Я сначала подумала, как же, свисти, а он ведь сказал. Сказал?

— Мы не обсуждали это. — Соврала я и глазом не моргнув, на самом деле, просто потерялась во всевозможных версиях и хотела получить время на передышку.

— Ну и ладно, я и сама хороша, накричала тогда на тебя. Про Антона... ты извини. Правду сказала, всегда он мне нравился, только вот тебя выбрал. А я готова уступить была, ну, а когда ты его выбросила, так бесцеремонно... В общем, не права и всё тут. После прихода твоего мужа все в издательстве на взводе были. Отцу тоже пригрозил, чтобы и смотреть в вашу сторону не смел. Только указания и раздавал, что говорить, когда ты придёшь, а что не говорить.

— Дима сложный человек, — начала я, хотя сложности в нём пока не видела, он легко шёл на уступки, помогал стать на ноги, но вот в такой интерпретации всё выглядело иначе, словно я и не знаю его совсем, — но...

А что «но», и не знала. Что я делаю? Хочу оправдать его? Перед кем? Зачем мне это нужно? Зачем это нужно Лизе? Поэтому рот закрыла и на неё уставилась, ожидая ответа, вопроса, чего угодно, только не молчания. Смотрел и верила. Ей верила, и мужу... Лизе, потому что знала её много лет и до сих пор была уверена в подруге, считала едва ли не сестрой. А Дима... ему я просто верила, потому что хотела, потому что любила. И наверно была готова на всё, чтобы он не оставлял меня больше. Этот разговор, он давал больше вопросов и ни одного ответа. Зачем приходила?

— Хочешь уйти? — Поняла она по выражению моего лица и на спинку стула откинулась. — Я пойму. Сложно разочаровываться в людях, которым поверил. А ты ему веришь, уж, не знаю, почему. Да и что ему от тебя нужно, тоже не пойму. — Я попыталась встать, чтобы уйти, а Лиза тон повысила. — Ты не подумай, в тебя можно влюбиться, только зачем создавать такую многоходовую комбинацию... Хотя, просто всё, отрезать тебя от старых друзей, знакомых, навязать побольше новых, чтобы ты потерялась. Временно утратила ориентир. Создать пару сложных ситуаций, потом помочь в их решении. Вот и весь секрет. Сколько мы с тобой романов перечитали, где всё по одной схеме?

— Мне пора.

Я уже вышла из кухни, когда меня догнал Лизкин голос.

— Ты просто помни, что мы у тебя есть. Я, Антон... он волнуется, потому и не отпускает. Поговори с ним, Галь, ему это нужно.

Я молча открыла верхний замок, нижний, Лиза оказалась в дверях.

— И... приходи, если муж позволит. Посидим, как раньше, поболтаем... секреты, сама понимаю, не расскажешь, — вздохнула, плечами пожимая, — но хотя бы я поделюсь наболевшим. С Валерой, кстати, рассталась. — Крикнула, в момент, когда я шагнула на площадку.

— Мне жаль, вы были красивой парой. — Ответила я, повернув голову в её сторону, а сама уже спустилась на ступеньку вниз.

Пока шла по лестничным пролётам, в голове не унимался шум. Слишком много всего, слишком противоречиво, чтобы анализировать. История чем-то похожа на политические игры, где никогда не догадаешься, кто прав, а кто виноват. И никто не подскажет, не поможет. А свидетели твердят одно и то же, смотря кто заплатил больше.

— Галина Анатольевна, вы не потерялись?

Я стояла напротив высокого улыбчивого молодого человека. Да, мой водитель... кажется...

— Вы хорошо себя чувствуете? — Улыбнулся он как по заказу, открывая заднюю дверь авто. Лишь на секунду я усомнилась, стоит ли садиться, смотрела на него внимательно. «Нет, парень просто выполняет свою работу, никаких тайн, никаких заговоров» — убеждала

себя. В момент, когда садилась, глянула на окно Лизиной квартиры, как делала много раз, уезжая от неё на такси и дёрнулась от неожиданности, потому что она тоже смотрела на меня. Как всегда. Но сердце билось быстро и сильно, а желание уехать поскорее, не покидало.

— Давай домой. — Скомандовала, когда улыбчивый парнишка сел, мелькая коротко стриженным затылком перед моим лицом.

По дороге домой долго думала, только не могла прийти ни к каким выводам. Я просто запугалась и не знаю, в какую сторону пойти, что согласиться потерять... Коня? Голову? Взяла телефон в руки, чтобы набрать номер, но застыла, глядя на тёмный экран, а тот и сам ожил. Бабуля беспокоилась. Непроизвольна улыбка тронула глаза и губы.

— Привет, ба. — Расслабилась я, зная, что ей могу доверять и не думать об этом. Устроилась на сидении удобнее, откинула голову назад, ослабляя тугую резинку на затылке.

— Привет, Галочка. Где ты? Дмитрий Алексеевич волновался, спрашивал, не у меня ли гостишь? — Наставническим тоном проговорила бабуля из чего следовало, что тон Дмитрия Алексеевича её не порадовал.

— Я сейчас к тебе заеду, там и обсудим. Вари кофе.

Посмотрела на парнишку, который, учуяв неладное, за что можно отдать ему должное, и улыбаться перестал.

— Дмитрий Алексеевич звонил, не так ли? — Вкрадчиво уточнила я, парень нахмурился. — И что же он получил в ответ?

— Адрес и ту скудную информацию, которую я узнал от вас. — Слова вызвали во мне не те ассоциации и парень пояснил. — Про подругу Лизу, которую вы давно не видели.

— Спасибо. Только, как вы поняли, сейчас не домой. К моей бабуле, здесь недалеко и если Дмитрий Алексеевич будет звонить... А, кстати, почему вы ему дали отчёт? Да, я понимаю, он наниматель и всё такое...

— В машине установлены датчики слежения на случай угона. — Перебил меня парень строгим голосом, но продолжил, только когда я перестала мысленно сопротивляться и закрыла рот, не намереваясь продолжить. — Та что, даже при всём желании...

— Я вас поняла. Можно ещё вопрос?

— Я весь во внимании. — Улыбнулся он, очаровывая ямочками на щеках, но в этот раз я не повелась. Улыбнулась ему: Ха! У меня тоже ямочки!

— А вам давали указания проследить за мной?

— Мне это озвучили как «присмотреть». — Понял он меня с полуслова и все вопросы на данном этапе закончились.

— О том, что я это спросила, вы тоже обязаны доложить?

— В принципе да, но могу и не упоминать.

— И на том спасибо. Сворачивайте, а слева во дворе третий подъезд. — Вяло уточнила я, оседая в кресло поглубже. В целом, ситуация нравится мне всё меньше и меньше.

Глава 23

К бабуле доползла ни жива, ни мертва, и сразу же схватилась за чашку с кофе. Тихо отпила, сделав всего несколько глотков, поёжилась от внезапно охватившего холода, а потом, как нахохлившийся воробей, посмотрела на бабулю.

— Ба, вот, ты мне скажи, нормально это, что все вокруг на него наговаривают, и даже больше: их слова очень похожи на правду, подтверждения которой я получаю с каждым днём всё больше и больше, а я продолжаю слепо верить и закрывать уши, глаза, затыкаю свою интуицию, отправляя её далеко и надолго, но зато счастлива в браке. — Без какой-либо интонации пролепетала я и плавно перевела взгляд с тапок на нахмуренные брови.

— Опять?! — Получила вместо воодушевления и опустила глаза в пол.

— Я просто не знаю, что мне делать.

Бабуля присела за стол, но к кофе не притронулась, забрала и мою чашку, чтобы я, как самый настоящий кофеман следовала за ярким ароматом.

— Ничего не делай. — Ответила мне, добившись сознательного взгляда. — Нет ничего надёжнее, чем открытый диалог. Думаю, тебе, как филологу, этот способ хорошо известен.

— А если я боюсь?

— Чего?

— Правды.

— Тогда выпей успокоительного и продолжай закрывать, затыкать и посылать.

— Но я так скоро с ума сойду! — Взвыла я, на стуле развернулась и намерено больно ударила головой о стену, надеясь, что у меня мозги на место встанут. — Они все против нас. — Надулась и принялась перечислять издевательским тоном: — Дима такой, Дима этакий и переэтакий. Он меня, конечно же, использует, потому что просто так я и даром никому не нужна. А как использует, так, конечно же, выбросит за ненадобностью, да я просто устала от всего этого, ба! — Закончила на одной ноте и на бабулю взглянула умоляюще. Она невозмутимо поправила очки.

— Галя, я тебя не понимаю. — Спокойно ответила на мой пусть тихий, но вполне эмоциональный взрыв. — Я помню, как ты выла, но не оттого, что тебя обидели или бросили, а оттого, что он ушёл и перепутать этот вой с каким-либо другим просто невозможно. Я помню твои безумные глаза, когда ты рассказывала мне, как он тебя заставляет, а ты, якобы, не хочешь. Я не забыла, как ты совсем недавно делилась своими переживаниями о том, что он подумает, глядя на твоё поведение в постели, а теперь скажи мне, с чего вдруг, именно сейчас, тебя заинтересовало чужое мнение? Мнение людей, которые не знают о вашей жизни ни-че-го? Мнение людей, которым поесть не дай, дай языками почесать? Не знаешь, что делать и не можешь говорить — чувствуй. Чувствовать ты можешь.

— А что я чувствую? — Отозвалась устало, даже глаза закрылись, а по телу прокатилась вязкая сладкая дремота.

— Хорошо тебе с ним или нет. Начни с этого.

— Ты знаешь, ба, я последнее время часто думаю, почему всё так. Так, как есть. Почему я с Димой, несмотря на все пересуды, даже несмотря на его перешёптывания с другими

весьма недвусмысленного характера: он от меня что-то скрывает. — Я выводила пальцем узоры на старинной клеёнке, не особо всматриваясь в проделанную работу. — Думала, думала, а потом вдруг поняла, что это не просто так. Не потому, что я какая-то тютя, которую куда поставили, там и стоит. А потому, что я хочу быть с ним. Мне это нужно в первую очередь. Даже не ему, а мне. — Посмотрела на бабулю, а та улыбалась. Умиrotворённо и беззаботно. — Я поэтому и приехала, посоветоваться: может, это я эгоистка и думаю о себе, может... может, это я держу его? А держу потому, что не хочу отпускать? Он нужен мне. Я скучала по нему. Да и вообще только сейчас чувствую себя целой. Когда Дима рядом. Он детей хочет и я тоже. — Вспомнилось отчего-то. — Значит, всё правильно?

— Правильно. От меня чего хочешь?

— Поддержки? — Наивно предположила я, а бабуля покачала головой.

— Подзатыльника хорошего ты хочешь, Галка. И себя, и его мучаешь. За что, спрашивается? Езжай к мужу и не ломай голову над проблемой, которой нет!

— Не могу, ба...

— Ну, что ещё? — Отозвалась она недовольно, так, словно хочет побыстрее избавиться. Я проделала характерный вдох носом, в сторону чашки с любимым кофе. Бабуля нахмурилась и отставила чашку подальше. — Ты что-то говорила про детей?

— Детей хочу. — Напомнила я и потянула руки к чашке. Тут же получила по ним удар мягким полотенцем.

— Вот и иди, займись делом. — Отвернулась, а потом резко повернулась обратно. — Что? — Удивилась, глядя на моё недовольное лицо. — Дети это всегда жертвы. С чего-то нужно начинать. — Вытянула голову в направлении кофе и эмоционально развела руками она, после чего сдержала мягкую улыбку. — Я считаю, что тебе просто не хватило какой-то самостоятельности и ты хочешь, чтобы важные решения приняли за тебя другие. Пора взрослеть, Галя. Хочешь быть счастливой — борись за своё счастье. Не умеешь бороться — учись это делать. Не хочешь учиться — просто повторяй за своим мужем и помни, ты у него тоже в каком-то смысле первая. И он познаёт основы брака вместе с тобой. Дмитрию Алексеевичу непросто и если ты, как женщина, в любом случае сможешь положиться на своего мужа, то ему баловаться некогда. Каждое принятое решение будет стоить очень дорого, а твой муж уже в таком возрасте, когда это слишком хорошо понимаешь, чтобы размениваться по мелочам. — Я слушала, затаив дыхание и открыв рот, не сразу уловив, что лекция по домострою подошла к концу. А бабушка совсем не педагогично фыркнула в мою сторону. — Ну, и чего сидим, кого ждём?

Получилось абсолютно искренне улыбнуться её напускной сердитости, я потянулась через стол и громко чмокнула в губы, удерживая за шею, чтобы не упиралась.

— Ты самая лучшая, ба!

— Подлиза. — Проворчала она в ответ и чтобы придать ускорения, встала из-за стола первая.

Вместе мы вышли в прихожую.

— У Димы скоро день рождения, будет неплохой повод посмотреть наш дом и как мы в нём живём. — Ненавязчиво предложила я, медленно продвигаясь к входной двери. Бабуля отчего-то раздражённо вздохнула. — Я не настаиваю, да и с друзьями он будет отмечать в ресторане, а уже чуть позже дома, с семьёй. Его родители, кстати, обещали приехать. Можно было бы познакомиться... — Продолжала я, не обращая внимания на, тускнеющее на глазах,

бабулино лицо.

— Я слишком стара для подобных мероприятий. — Отмахнулась она.

— Но я была бы очень рада.

— Как-нибудь в другой раз. — Неуверенно она сдавала позиции, потому как ранее категорически отказывалась идти в гости.

— Дима не против. — На всякий случай добавила, но бабуля снова отмахнулась.

— Он звонил уже, приглашал. Не знаю я, подумаю. Но ничего не обещаю. — Добавила скоро, словно предыдущих слов я не слышала. Махнула мне на прощание рукой и тихо прикрыла дверь.

А на улице, несмотря на жару, с явным воодушевлением на лице, меня ожидал водитель.

— Теперь домой. — Заверила я, опережая его и не позволяя открыть передо мной двери.

Дома настроение как-то поубавилось, как, впрочем, и уверенности в светлом будущем. Общая напряжённая атмосфера витала в воздухе. И все мои претензии тут же прокрались в голову, словно их кто-то на ухо нашёптывал. Диму я увидела на кухне, он что-то колдовал у плиты, при моём появлении, повёл плечами, но не обернулся, а я замерла, то ли любуюсь, то ли углубленно размышляя.

— Что-то хочешь сказать? — Полуобернулся он, не отрываясь от готовки, я аж на месте подпрыгнула, так на тот момент отвлеклась. Шагнула на кухню увереннее, опёрлась руками о излюбленную барную стойку, слегка на неё наваливаясь, Дима обернулся и взглядом будто бы повторил вопрос.

— Да... нет... с чего бы?

Он повернулся и кинул на меня более долгий, более строгий взгляд, чуть нахмурился, но тут же постарался расслабиться. Лицо разгладилось и выражало общее умиротворение. Притворщик!

— Я у бабули была.

— Молодец, как она? — Сухо, скупно на эмоции, немного напряжённо.

— Передаёт привет, сказала, что на день рождения не придёт. Я рассказала, что твои родители приедут, так она ещё больше отнекиваться стала. — Дима не отреагировал. — Как чувствует, — добавила я тише, а муж ухмыльнулся, было заметно, как дрогнули его плечи.

— Что ещё? — Уточнил с нажимом, а я разозлилась.

— Дим, а ты тогда правду говорил, про датчики слежения, отслеживание звонков, встреч, переговоров, маячки во всевозможных предметах и прочие шпионски штучки, да?

Он неспешно измельчил зелень, пальцами провёл по острому лезвию огромного тесака и только после этого повернулся ко мне, предварительно отшвырнув его в мойку.

— Тебя что-то напрягает?

— Я вопрос задала. Да и претензии тебе пока не выставляла.

— Ах, пока?! — Сложил он ладони перед собой, опёрся боком о столешницу, и мне, чтобы видеть его глаза, пришлось пересесть.

— Да, пока! — Проговорила громче положенного в ответ на его провоцирующий тон, тут же выдохнула, успокаиваясь. — Дим, а ты не мог мне позвонить и спросить, где я нахожусь? Зачем было... — Он посмотрел с вызовом, а у меня тут же губа затряслась от волнения. — Ты понимаешь, в какое положение меня ставишь? Вот, что он подумает? Что ты мне не доверяешь, что контролируешь? Совсем недавно о доверии говорил, Дима. А сам... сам... следишь, словно я повод дала. Я из редакции выйти не успела, как ты уже знал об этом, тут же позвонил и уточнил, почему мы не подъезжаем к дому. Я не понимаю этого!

— А вот это, я так понял, была претензия? Да?

— Да!

— Тогда отвечу по пунктам. Что ты там первое спросила? В какое положение я тебя поставил? Почему не позвонил? А ты мне позвонила, сказала, что планы меняются? Вчера сказала, что на полчаса и домой, но нет же, тебя на приключения потянуло! Что ты у неё забыла? Вот это? — Обвёл руками пространство вокруг? — Эту ссору? Она тебе напела какой я замечательный и как тебя прессую? Кажется, ещё сегодня утром тебя всё устраивало.

— Меня и сейчас всё устраивает. Я только хочу понять, зачем искать посредников, если я всегда на связи? Тебе это удовольствие доставляет?

— Какое на хрен удовольствие, Галя?! А такой вариант, как тот, что я не хотел тебя отвлекать? Как? Не устраивает? Что я не хотел мешать, зная, что если ты не дома, значит, по делам заехала? А рядом с тобой есть человек, который всегда должен знать, где ты. Да мне всё равно, общаешься ты со своей подругой или нет, я не запрещаю!

— Да не уж-то? — Обиженно отвернулась я, понимая, что и его версия не лишена смысла, но ведь признать это не так уж и просто, тем более мне, неуверенной в себе, закомплексованной и с запудренными мозгами, особе.

— Представь себе, да.

Ответил он, успокаиваясь, вспомнил о том, что тушилось всё это время в сковороде, резким движением выключил огонь и легко забросил туда всю нарубленную зелень, закрыл крышкой. Тщательно вытер руки полотенцем и только после этого, как-то устало опустил плечи.

— Я только посоветовал тебе, сказал, как будет лучше по моему мнению. Но это вовсе не значит... — Развёл руками. — Галь, давай не будем ссориться из-за ерунды, а?

Подошёл ближе, обнял, аккуратно сжимая руками моё тело чуть ниже лопаток. Прижался губами к виску.

— Я понимаю, что тебе сложно взять и полностью перестроить свою жизнь и не требую многого. Но просто... будь терпимее к моим заскокам. Ты же знаешь, что я тоже пытаюсь...

— Я знаю. — Тихо успокоила, прижимаясь губами в ответном поцелуе к его шее. — И, правда, не хотела говорить всего этого, но ты так напряжённо молчал, что ничего другого не оставалось, как напасть первой. И, нет, не хотела я нападать. Мне действительно было неприятно, что ты узнаёшь от других, где я нахожусь. Мне звони. — Впилась ногтями в твёрдые плечи, чуть поглаживая большими пальцами ткань футболки. — И не будет дел важнее, чем тебе ответить. А уж если не отвечу... — Улыбнулась, чувствуя, как он расслабляется под мой голос.

— Договорились.

Его руки, уверенно сжимая меня всё сильнее, спустились ниже, остановились, обхватив ладонями обе ягодицы, с наших губ одновременно сорвался тихий стон.

— Дим, а что ты такое вкусненькое приготовил? — Привстав на цыпочки, я вынырнула из-за плеча, его руки окончательно сжали меня, выдавливая даже писк, и только после этого приотпустил и медленно раскачал из стороны в сторону, как маленького медвежонка.

— Мясо. — Чувствительно укусил за мочку уха. — Ты ведь любишь мясо?

— Я очень голодная.

— Я не об этом спросил.

Мой взгляд плавно раскачивался из стороны в сторону, так же, как и мы с Димой в обнимку, пока не зацепился за массивную коричневую тубу на пустой столешнице.

— А бабуля сказала, что если хочешь детей, нужно уметь отказывать себе в чём-то. — Убеждала я себя вслух, хотя едва ли не руки тянула.

— Неужели ты решила отказаться от пищи? — Хмыкнул Дима, а я улыбнулась, говорить с ним о детях было слишком откровенно, слишком интимно, словно заглядывая за занавес.

— Нет. Мы с ней говорили о кофе. А сейчас я смотрю на просто огромную банку вкусного, только что помолотого кофе, и практически забыла о её совете.

— Брось, это не свежемолотый кофе, а обычный, растворимый, из супермаркета. — Откровенно смеялся надо мной муж, а я всё крепче прижималась к его шее своим лицом, провела по ней кончиком языка, а потом и вовсе прикусила.

— Твоя кожа пахнет этим кофе.

— Хочешь съесть меня?

— Нет, но я бы с удовольствием отправила тебя в душ, как самый настоящий внешний раздражитель. Потереть спинку?

— Нет, но пока я смываю этот запах, ты можешь по большому секрету сварить себе чашечку. Обещаю, что ничего не замечу. — Соблазнительно шептал он, пытаюсь оторваться от меня. А я только губы надула, сама его оттолкнула, тут же притягивая обратно, за края футболки. Выпятила грудь вперёд, дерзко смотрела в глаза.

— Хочешь сказать, что твоя жена слабачка? — Прорычала недовольно, Дима же улыбался одними глазами, оставаясь абсолютно серьёзным с лица.

— Скорее, моя сильная жена имеет некоторые слабости. — Поправил он, играя по моим правилам, с удовольствием поддавался на смешные по силе толчки и притягивания.

— У меня есть только одна слабость в этой жизни. — Обвела языком губы, откровенно соблазняя, а Дима, словно неосознанно повторил это движение, не отрывая взгляда от моего лица, не прикасаясь руками, но позволяя мне контролировать расстояние между нашими телами. И глубоко внутри зарождалась сладостная дрожь желания.

— Предложение потереть спинку всё ещё в силе. — Пропела ангельским голоском, на что Дима широко растянул губы.

— Предложение выпить кофе тоже.

— Ну, нет, Дим, — отбросила я своё соблазнение на задний план, — я серьёзно. Ты, кстати не думал. Что пора бы отказаться от алкоголя и... и чипсов, например.

— Я не ем чипсы. — Заверил меня муж, и я склонна с ним согласиться. — И вообще, — он мягко потянул меня на себя, подвёл к плите, на которой «доходило» блюдо, приоткрыл крышку, выпуская манящие ароматы, посмотрел на мои вспыхнувшие огнём глаза, — я считаю, что ко всему стоит подходить грамотно. Не стоит бросаться из крайности в крайность.

Небольшой ложной захватил пару кусочков мяса и подул сам, прежде чем предложить попробовать, я с удовольствием посмаковала, закрывая глаза от наслаждения.

— И не стоит себя ущемлять, потому что организм в состоянии стресса после перехода на правильное питание не будет рад новым потрясениям в виде беременности. Во всём нужна мера. Думаю, можно отказаться от кофе в обед и вечером, но с удовольствием выпить его утром. — Подкормил следующей порцией мяса, а я чувствовала себя ручным котёнком, готовой есть с его рук. Странное, но, кажется, приятное ощущение погружения в неизведанное. — Насчёт алкоголя, могу согласиться и отказаться от него, я не особо злоупотребляю и вполне могу обойтись без выпивки. Не думаю, что почувствую особую разницу. Да и вообще нам спешить некуда, стоит свыкнуться с мыслью, что наша семья

может измениться. Думаю, через год, два, мы вполне будем к этому готовы.

— Обалдеть, какие у тебя планы. — Открыла я глаза, возбуждённая услышанным. — Я тут матерью готовлюсь стать к следующему дню рождения, а он говорит год, два. — Смотрела на мужа ошалелыми глазами. — Дим, ты серьёзно?

Он мягко рассмеялся, придерживая меня за подбородок, коснулся губами губ, чуть пощекотав их, но так и не поцеловав.

— Я уже не в том возрасте, чтобы делать детей по первому желанию, Галь, да и ты, возможно, не готова.

— Нет, это не серьёзно. А как же девиз «видишь цель — иди к ней!»? Дим, ты меня просто удивляешь. Я тут голову ломаю, как мне успеть всё устроить, а ты с далеко идущими планами. Интересно... — Потянула, покачивая головой, Дима рассмеялся очередной раз.

— Я не сказал, что буду против, я просто не хочу, чтобы ты загоняла себя в угол.

— Вот ещё!

— Правда, — он, наконец, усадил меня за стол, обслуживая, поставил обеденное блюдо, разложил приборы, выложил на тарелку небольшую порцию мяса, которое буквально утопало в зелени, во вкусном соусе, налил бокал вина, на которое я покосилась с осуждением. — Галь, ты иногда ставишь себе цели и идёшь напролом к их достижению, не в каждом случае этот способ верный.

— Мне всегда казалось, что я, наоборот, слишком долго сомневаюсь, прежде чем принять решение.

Сама задумалась, в это время внимательно всматривалась в спокойное лицо мужа, в его неспешные движения, как он садится за стол, приступая к обеду, как сам делает глоток из отставленного мною бокала.

— Это да, но когда ты его примешь... берегитесь. Лес рубят — щепки летят. Вот это моя Галя выполняет программу максимум.

— Я просто не люблю бросать незаконченное дело, а терпения иногда не хватает и приходится себя торопить, чтобы интерес не угас.

— А ты, оказывается, увлекающаяся особа... — Прищурился он, облизывая губы, снова сделал глоток, чуть подался вперёд, в мои глаза заглядывая.

— Не настолько, чтобы не понимать, что делаю.

— А сейчас ты хочешь ребёнка. — Утвердительно кивнул он, словно посмеиваясь над этой идеей.

— Я считаю, что уже вполне готова к этому подвигу.

— Подвигу?

— Не смейся! Роды в наше время настоящий подвиг. Ты посмотри на женщин вокруг, как она трясутся за свою карьеру, за деньги, забывая о самом главном.

— А ты, значит, не боишься?

— Может, потому, что мне пока нечего терять? Особых достижений нет, дела всей моей жизни тоже, — рассуждала я, забываясь, и уже вовсю размахивала вилкой и ножом, погрузившись в свои планы. — К тому же, я не считаю, что моей единственной целью в жизни сделать себе имя и всё в таком духе.

— Хочешь сказать, что не тщеславна?

— Я хочу сказать, что не пробовала себя в роли матери, мне кажется, что видеть достижения собственного ребёнка намного важнее, чем свои. И я не из тех, кто относит беременность и роды к концу света. Здесь всё от многих факторов зависит, и, прежде всего,

от самой себя. Кто хочет добиться успеха, тому дети не помеха. Наоборот, хочется добиваться его, чтобы показать пример, положительный желательно. — Добавила, чуть смягчившись и вернувшись в реальность. Дима мне улыбался. — А что значат дети для тебя?

— Наверно это смысл жизни. Сначала ты живёшь для себя, потом для того, чтобы сделать свою женщину счастливой, потом... — Он засмеялся, увидев мой приоткрытый от удивления рот. — Потом для того, чтобы были счастливы твои дети. Ожидала услышать что-то другое?

— Не знаю. Мне непривычно видеть, как ты мечтаешь. — Засмутившись, я опустила глаза, словно меня на подглядывании поймали.

— А-а, понятно, — догадался Дима и вытянул губы, — ты видишь во мне прожжённого циника, который думает только о себе любимом.

— Не совсем так. Скорее, я привыкла, что ты себя таким показываешь. Согласись, ты не часто раскрываешься передо мной.

Я уже забыла о еде, забыла и бокале с вином, который Дима усердно проворачивал в руках, удерживая за высокую ножку, и готова была слушать его вечно.

— Ты не всегда готова поверить, что я настоящий.

— Хочешь сказать, что недооцениваю тебя?

— Скорее, переоцениваешь мои желания выделиться из толпы. Мне нужно гораздо меньше, чем я имею.

— Но ведь ты никогда не остановишься на достигнутом.

— Мне есть, куда расти. Да и остановиться... нет, это не для меня. Буду двигаться вперёд из банального желания не застрять на месте. Не люблю спёртый воздух вокруг, до рези в глазах знакомые лица, да и вообще, в движении жизнь.

— Я думала, тебе нравится быть лидером.

— Это, скорее, вынужденное положение.

— Но ты занимаешься бизнесом, в своём деле всегда нужно быть лидером, разве нет?

— Моё дело — это дизайнерское искусство. Ведение дел это как гарант успеха, как способ диктовать свои условия. Выгодное дополнение, но не основа.

— То есть, ты бы с удовольствием отказался от ведения дел в пользу творческой работы?

Дима с такой искренней радостью кивнул, словно он ребёнок, которого наградили вкусной конфетой за хорошие поступки. Сколько ещё я о нём не знаю?.. Но мысль, что деньги не есть смысл жизни, меня грела.

— Ведение дел в компании отнимает львиную долю времени и сил, так же я теряю способность мыслить красиво, создавать, фантазировать. Это мир строгих правил, где всем правят цифры. Нет такого понятия как «хочу», есть понятие «надо» и это понятие приходится уважать, мириться с ним. Я становлюсь жёстким, чёрствым, хотя предпочёл бы жить в своём мире, не задумываясь, откуда берутся деньги и на что они тратятся. Но так случилось, что мне приходится тянуть на себе всё, совмещать, чаще в ущерб результату. Для подпитки фантазии нужны впечатления, эмоции, что я тебе рассказываю, ты же и сама это прекрасно знаешь!

При упоминании о своих талантах, я стыдливо опустила глаза. Не умела как Дима рассуждать, хвалить себя, не важно, заслуженно или нет. Мне проще было принять похвалу или критику, чем высказать своё «я». Проще постоять в стороне и понаблюдать, чем громко заявить о праве быть.

— Почему же не сделаешь этого? Не остановишь выбор на том, что тебе нравится? Мне кажется, ты в том положении, чтобы выбирать. — Недоумевала я, а Дима улыбнулся.

— Вдохновение жестокая вещь, Галочка. Сегодня оно есть, а завтра уже нет. Сегодня ты любимец публики, а завтра тебя обойдут стороной и не вспомнят, кто ты есть.

— Но ты столько лет успешно совмещал то и другое, неужели боишься ошибиться в выборе?

— А ты? Почему ты продолжаешь работать на старом убитом компьютере, который не сегодня, завтра, скончается, а новый, современный аппарат, который быстро грузится, щадит твои глаза, стоит в сумке практически ни разу не использованный?

— Через тернии к звёздам. — Тихо призналась я, а Дима кивнул головой, предлагая продолжить. — Когда ты ютишься в маленькой комнатке со свечкой, можешь стать писателем, преодолевая трудности, запреты, но красивый лакированный стол не станет залогом успеха.

— Вот ты и ответила на свой вопрос. — Развёл он руками и допил вино из бокала. — Для результата не обязательно создавать тепличные условия. Чем больше трудностей, помех, тем выше твоё желание добиться цели.

— А мне казалось, ты другой. — Отметила я тихо, поражаясь своей пустой тарелке. Тоже развела руками.

— И ты даже не пытаешься узнать меня с другой стороны.

Прозвучало как укор, но Дима, скорее, просто констатировал факт.

Да, как же мне хотелось сказать, что он мягкий, нежный, чуткий, но при всём своём богатом внутреннем мире, он не был таким в жизни. Да, расчётливый, да, жёсткий и упрямый. Образ жизни и её законы накладывают отпечаток на нас самих. Кто-то, как я, живёт в придуманном мире, прячась за чужой спиной, кто-то вступает в открытое противостояние, как делает Дима, но ведь нельзя же винить его за то, что он такой. Я люблю его за это. За силу, за уверенность в своих действиях. Именно отсутствие таких качеств и настораживало меня в Антоне. Он был слишком податлив, чтобы стать главой семьи, слишком мягок, чтобы сказать категоричное «нет». Дима же, никогда не уступит, если будет считать себя правым. А когда нужно, решит за другого. За это и ценю, за это и уважаю.

Глава 24

— Что ты купила мужу в подарок?

— Галстук. — С гордостью ответила я Жене.

Обеденный перерыв затянулся по причине творческого кризиса, мы могли себе позволить посидеть в кафе дольше остальных, а что, если не сплетни оживляет воображение?

— А проявить фантазию?

— Это очень красивый галстук. — Пояснила я, раздражаясь.

— Неужели ты думаешь, что у Шаха мало галстуков? Или ты купила ему весёленький, с зайчиками в стрингах? — Подначивала она, а я продолжала злиться.

— Не мало и не весёленький. Обычный галстук. Но тот, который выбрала для него я. Разницу чувствуешь? Что-то, что подарено с положительными эмоциями, а не по долгу или статусу. И это в сто раз более ценное, чем купленный без души, пусть и дорогой предмет. У Димы очень красивые глаза, цвета млечного малахита. Он когда сердится, радужка становится более яркой, насыщенного оттенка, а тёмные разводы, вкрапления в ней, расплзаются, создавая неповторимый узор. Тогда они становятся тёмными, практически

чёрными. А если Диме хорошо и он расслаблен, если чему-то рад или доволен, то становятся такими ясными, словно в них солнышко поселилось. Вкрапления практически исчезают, оставляя лишь мелкие, практически не видимые глазу полосы и разводы. Как настоящий камень малахит. Очень красиво.

— Если бы я не знала Шаха, сказала бы, что ты в него влюбилась.

— Хочешь сказать, что в моего мужа нельзя влюбиться? — Возмутилась я, отставила стакан с соком подальше и даже руки перед собой скрестила, демонстрируя невербальный признак нежелания продолжать разговор, но ведь это Женька, ей по барабану, что я там невербально ей демонстрирую.

— Я хочу сказать, что для этого нужно полностью потерять тормоза. Да, возможно, он умеет быть идеальным, — задумалась и быстро добавила, — если очень постарается. Только он не идеальный. — Заключила, театрально закатив глаза.

— А я никогда и не говорила, что он идеальный. Причём здесь это?

— А при том, что ты не видишь очевидного. А потом будешь плакать, что надежды не оправдались.

— Нужно уметь разочаровываться в людях. Это нормальный жизненный процесс.

— Брось, тебя когда-нибудь предавали? — Язык чесался припомнить мою свадьбу, но усилием воли я промолчала.

— Нет. — Ответила твёрдо и в какой-то степени честно. — Но это не значит, что я теперь должна в каждом искать плохое.

— Но и идеализировать неверно.

— Ты слишком категорично ко мне относишься, Женя. Я понимаю, с каким мужчиной живу и...

— Правда? Ну, тогда не удивляйся, когда однажды он скажет, что между вами всё кончено. Он непостоянен, хотя, не спорю, ваши отношения бьют все рекорды. Но ты всё же таки жена, а это в корне меняет дело. — Я молча отвернулась. — Что, даже не будешь его защищать? — Усмехнулась Женя, прикуривая сигарету, сильно затянулась, глядя на меня. — Ты пытаешься отыскать светлые стороны там, где их нет.

— Я не вижу смысла убеждать тебя в обратном и... давай закроем эту тему, потому что выслушивать гадости о своём муже, мало кому покажется приятным.

— За правду не судят. — Улыбнулась она, глядя как я скоро собираю вещи.

— Не знаю, как ты, а я знаю, о чём мы будем писать статью. — Вместо этого хитро прищурилась я, а Женька, будучи слишком умной, чтобы спорить, тут же подскочила, опережая в дверях.

— Прощу, пани. — Склонилась, пропуская вперёд, и громко засмеялась, когда я продефилировала мимо с гордо поднятой головой.

На день рождения Димы бабуля всё же не пришла, отделалась поздравлением по телефону и пачкой кофейных зёрен, которые мой муж в то же утро оценил по достоинству. Смолот их, сварил кофе на газу, хотя сетовал, что с такими зёрнами нужно иначе. Рассказывал, как варят кофе на раскалённом песке, сколько раз нужно его заваривать, чтобы получалась «правильная» пенка, что делать с сахаром, чтобы тот не испортил вкус. В общем, подарком оказался доволен.

— Это тебе. — Затаив дыхание, я протянула подарочную коробку мужу и взглядом поторапливала открыть. Он же, молодец, интригу выдержал, распаковал и удивлённо замер.

— Галстук? — Спросил, словно подарок был похож на что-то иное. Больше слов не нашёл, молча разглядывал, ворочая скрученную ленту в руках. — Где ты его нашла? Удивительный цвет.

Раскрутил ленту, провёл по ней кончиками пальцев.

— Это шёлк? Необычный узор, похож на зелёный малахит. Минерал такой. — Пояснил, на что я снисходительно улыбнулась. — Знаешь, я ничего подобного в руках не держал, где ты такой отыскала?

— В Китае. — Похвасталась я, после чего Дима посмотрел меня с еле сдерживаемым смехом. — И не вздумай сейчас предположить, что я купила его на распродаже и оформила покупку экспресс почтой с бесплатной доставкой!

Дима рассмеялся в голос, сжимая плотную ткань в руках, прижал её к груди, пытаюсь остановиться, отдышаться, но всё равно продолжал выдавливать из себя громкий хохот.

— Галь, у тебя такое лицо сейчас было, словно ты так и сделала. Что? Решила сэкономить на любимом супруге?

— Нет, я действительно купила его в Китае три года назад. — Обиженно пробубнила я, а когда Дима успокоился и даже начал прислушиваться, тихо продолжила. — Мы на экскурсию ездили с группой. Я уже и не помню, кто предложил. Мальчик из сопровождения решил симпровизировать и не повёл нас по традиционным местам и сувенирным лавкам. Мы прошли по тихим улочкам, которых, казалось, в огромном городе невозможно было найти. В одном из магазинчиков я увидела этот галстук. Он, конечно, не ручной работы...

— Ещё бы они стали тебе такое втирать!

— Но краситель натуральный и узор получается уникальным при окрашивании, другого такого ты не найдёшь. Похожий, может быть, а такого нет.

— Так, допустим. А зачем ты покупала галстук три года назад? Насколько я понимаю, тогда одна была, а это вещица не из дешёвых... Кому подарить собиралась?

— Я когда его увидела, о тебе вспомнила. У тебя глаза такого цвета. Увидел раз — больше не забудешь.

И тут случилось что-то незабываемое, невероятное, но такое приятное, как бальзам на душу, событие. Дима растерялся, опустил глаза, а на щеках вспыхнул румянец. Не такой как бывает у меня, не такой яркий, не такой мощный, но безумно милый. Уже через пару секунд он взял себя в руки и усмехнулся, склонив голову набок, смело встретил мой взгляд, но, по-прежнему, не знал, куда себя деть.

— Я даже не замечал, — смутился снова, перебирая руками шёлк. — Спасибо. — Опустил взгляд к галстуку, а потом тут же на меня посмотрел. — Спасибо.

— Я его иногда доставала, закрывала глаза, прижимаясь к холодной ткани. Надеюсь, что и ты обо мне вспомнишь. — Проговорила сама для себя, потому что нужно было это сказать. — Глупо, конечно...

— Спасибо — это лучший подарок. — Перебил Дима, посмотрел на него ещё немного и аккуратно скрутил в валик. Крутит и на меня поглядывает. Вдруг от смеха прыснул и резко за плечи обнял, к себе притягивая. Так, обнявшись, мы присели на кровать. — Знаешь, как в анекдоте себя чувствую, в том, где тёща зятю подарила два галстука и он, чтобы ей приятно сделать, одел один из них.

— А-а, значит, второй не понравился! — Пожурила я его пальцем и Дима стал серьёзным, только глаза улыбались.

— Ты знаешь... — Прокомментировал и наступил какой-то ступор, у обоих. Когда

глядишь прямо в глаза и любые слова становятся лишними.

Он прижался губами к моим губам. Не целовал, только касался их, и продолжал в глаза смотреть.

— Я люблю тебя, ты ведь знаешь об этом?

— Знаю...

— И я никогда не забывал о тебе.

— Ты говорил...

— А ещё оказалось, что никто кроме тебя мне в глаза не заглядывал.

— А зря...

— Нам пора. — Опомнился он первым и немного сжал мои плечи, чтобы привести в чувства. — Ты так поедешь?

— Переоденусь. — Развернулась я, уже стоя у шкафа. Дима и не думал отвернуться.

— Ты меня смущаешь.

— Да не уж-то? — Хохотнул он и скрестил руки на груди.

— Представь себе!

Я попыталась закрыться от него халатом, наброшенным на обнажённые плечи, и не поняла, что происходит, когда Дима резко двинулся на меня, на ходу расслабляя узел галстука. Не говоря ни слова, развернул к себе и поцеловал, впиваясь в губы, удерживая за затылок, когда почувствовал, что я могу отстраниться. Мы оба судорожно вдохнули, когда воздух в груди закончился, и пришлось оторваться друг от друга, а Дима провёл ладонью по моему дрожащему, отзывающемуся на любые прикосновения телу.

— Значит, будем учиться. — Улыбнулся, потёрся носом о нос, ещё несколько раз прикоснулся к нижней губе, чуть оттягивая её в поцелуе.

— Чему?

— Не стесняться собственного мужа. — Погладил он меня по щеке костяшками пальцев. — Ты будешь ходить по дому обнажённая, а я буду на это смотреть.

— Я сгорю от стыда. — Уткнулась ладонями в его грудь, отталкивая. Слишком жарко рядом с ним, слишком сладостно и опасно. Можно не удержаться и провалиться в пропасть.

— Ты самая лучшая. Самая красивая. Необыкновенная. — Отступал он шаг за шагом к двери. — Другой такой нет. — Прошептал с каким-то щемящим чувством, с болью, так, что заставил меня нахмуриться и вздохнуть глубже ещё раз. — И я тебя люблю.

— Я тебя люблю. — Прошептала в ответ, когда дверь уже закрылась со стороны коридора. Он ушёл, зная, что я не могу сказать ему это, глядя в глаза.

А впереди нас ждал затяжной ужин с поздравлениями, подарками и похвалами. Несмотря на мелкие шалости, прибыли мы вовремя, так, что Дима успел раздать несколько распоряжений и рыкнуть пару раз на распорядителя вечера. Но в целом, всё проходило, как и задумано. Живая музыка, звон бокалов, вновь и вновь прибывающие гости. Лёха Кислый с Лией прибыли одними из первых и она тут же увела меня подальше, улыбаясь и подмигивая, полностью игнорируя взгляд Димы и Лёши.

— Сколько лет, сколько зим. — Ущипнула меня за талию, когда мы стояли в стороне. — Всего несколько недель не виделись, а ты уже совершенно другой человек, Галь. Что он с тобой сделал? Любил долго и упорно? Страстно, щемяще, незабываемо? — Прикусывала она губы, и закатывала глаза, словно о своём медовом месяце вспоминая. — Не представляешь, сколько раз порывалась вас навестить, Лёша отговаривал. Говорит, они там и без тебя знают, что делать! Нет, ну, ты представляешь?! Удался, значит, в прошлый раз мой

план, так?

— Удался. — Скромно кивнула я, взглядом пытаюсь найти мужа. Увидела в стороне с незнакомым мужчиной, успокоилась.

— А я тебе о чём? Им просто нужно грамотно себя предложить, завести, разозлить. Чтобы перчинка была, чтобы огонь в глазах и в брюках! — На эмоции она сжимала кулак, демонстрируя, как примерно выглядит эта самая перчинка. — Но ты просто супер. То всё измученная была. Понимаю, сомнения, всё такое, сложно. А теперь спинка ровная, глазки блестят. Ты на свадьбе так выглядела, я запомнила. Дима, кстати, фотографии свадебные тебе показывал? Супер получилась. Я как увидела — прослезилась.

— Фотографии? — Отстранённо отозвалась я.

— Конечно! Там такие кадры, такие взгляды! Вся Европа обзавидовалась. Каждый мужик думал, что это на него ты готова так смотреть. Дима не рассказывал, что ты была признана лучшей моделью по каким-то там их меркам??

— По чьим меркам? — Улыбнулась я, заметив в руках Лии бокал.

— По европейским. Там свои конкурсы, я как-то не очень вникала.

— Ты о чём вообще?

— Не рассказывал. — Констатировала Лия и закусила губу. — Значит, бить будет... — Задумалась, а потом мысленно рукой махнула, это так и проглядывалось в оживившихся глазах, в озорной улыбке, появившейся на лице. — Ну, Дима, когда свой бренд очередной раз представлял на европейском рынке, с рекламой никак определиться не мог. Всё ему не так и не то. Тогда только из тюрьмы вернулся, а тут такая удача. Вот, не вижу, говорил, твоих моделек, Курт. Курт — это его представитель в Великобритании. — Добавила для меня. — Не вижу их в этой коллекции, не тот взгляд, не тот посыл. И так две недели подряд. Тот уже кого только ему не присылал.

— А ты наверно за спиной стояла и видела, да? — Поддела я, аккуратно толкая плечом в её плечо, Лия шутку оценила и не обиделась.

— Лёша рассказывал. Но он у меня мастер рассказов! Так вот, капризничал Дима долго, пока этот Курт не послал его. Тогда так всё серьёзно, вплоть до того, что свою заявку отзывать хотел. А я, как узнала об этом, так и поняла: тоскует парень по тебе. Прислала Курту на почту пару твоих фотографий.

— У тебя-то они откуда?

— Так мы же их с Лёшей потом и забирали. Не в этом суть. — Отмахнулась, намекая, что рассказывать мешаю. — Фотки специально обработала, не сама, конечно, знакомого попросила, так тот дурень на радостях без лишних вопросов к Димке и пошёл. Чуть ноги унёс, как он мне потом отписался. Но дело было сделано! Тебя утвердили. И твоё личико, между прочим, три месяца украшало лучшие билборды и витрины.

— В смысле?

— В том смысле, что Дима использовал ваши фотографии для рекламы своей коллекции. Ты не представляешь, какое там всё красивое было. Безумно, безумно красивое.

— Ерунда какая-то. — Отрицала я то, что не могла объяснить, а Лия только кивала в такт моим отрицаниям.

— Ты спроси, он тебе обязательно покажет. — Поддакивала. — И ты даже представить себе не можешь, какую удачу ему принесла. Он просто помешан на тебе, это я как женщина говорю. Но я ведь думала, что ты для него как идеал, как что-то неприкасаемое, а теперь вижу, что ты для него любимая женщина. Признавайся, он часто тебе клянётся в вечной

любви? — Заговорщицки шепнула на ухо.

— Ни разу... — Отвечала я на автомате, о её словах размышляя.

— Значит, скромничает, боится спугнуть. Так, сюда Лёша идёт, не вздумай меня сдать!

— Так ты сама уже всех сдала. — Хохотнула я в ответ, глядя на то, как Лия пытается за бокалом спрятаться. В шутку, конечно, но выглядело забавно. Специально отворачивалась, словно Лёша мог мимо пройти. Другой такой нет, чтобы её не заметить...

— Не заболтала ещё тебя? — Спросил, жену за талию удерживая. Носом уже по её щеке водил. Так странно и непривычно видеть человека, который казался непробиваемым, вот в такой атмосфере нежности.

— Не говори глупостей. — Ответила ему чуть позже положенного.

— Дима ждёт. Неудобно: гости приходят, а он без тебя. — Ощупывал меня взглядом, так, словно боялся чего-то.

— Тогда я пойду.

— Иди. — Свободно кивнул, не пытаясь улыбнуться, не позволяя мне расслабиться, продолжал удерживать он взглядом.

— Эй, глазеть хватит! — Вмешалась, смеясь, Лия. — Меня сложно с Галей перепутать, я одна в своём роде красавица!

— Я знаю...

— Вот и всё. Чтобы на меня только смотрел!

Слышала я их спор, уходя. Диму подцепила под локоть, когда тот Макса и Женьку встречал. Они преподнесли в дар охотничье ружьё. Абсолютно бестолковый подарок, как по мне, мужчины перекинулись между собой понимающими взглядами. Женя смотрела несколько отстранённо, была замкнута, оглядывалась по сторонам, надеясь, что это не заметно, кивнула мне, пытаясь что-то спросить взглядом, а я голову повернула в ту сторону, где в последний раз Кречетова видела.

— Оставлю вас на минуту. — Улыбнулась она, пытаясь состроить беззаботный вид и пока Макс возразить не успел, упорхнула. Тому оставалось только вздохнуть, глядя вслед.

В общей сумме, человек тридцать, не больше. Многие из которых были мне знакомы, некоторых видела в первый раз. Был кто-то из партнёров по бизнесу, но Дима встречал их сам, без меня. К огромному стыду, я призналась, что толком не владею ни одним из иностранных языков, ломанный туристический английский не в счёт. А глупо улыбаться и кивать, как это делали некоторые из гостей, желая познакомиться с иностранцами, я не хотела. Дима был занят. В пене и в мыле, как бы я сказала, глядя со стороны, но вместо этого лишь улыбалась, то и дело, поправляя ему галстук.

Песни, пляски, закуски, пьяные беседы ни о чём. Я бродила среди незнакомых людей, стараясь казаться незаметной. Точно отмечая, что эти мероприятия не по мне. Периодически подходила к тем, с кем успела подружиться, временами глазела на своего мужа, чётко давая понять, с кем он пришёл. Временами вешалась ему на шею, изображая пьяное желание, но Дима всегда отделялся шлепком по ягодице, жёстким взглядом, обещающим мне все круги ада по приходу домой, скупым поцелуем в уголок губ.

Выпив пару бокалов вина, я раскрепостилась, развеселилась, беседы давались значительно проще. Могла беззаботно улыбаться, выслушивая комплименты и тогда уже Дима сам находил меня, чтобы шепнуть пару ласковых. Но в целом всё было в рамках приличия. Попался мне и какой-то итальянец в возрасте, он лепетал на русском со значительным акцентом, но понять его было можно. Рассыпался в комплиментах, топил

меня в лестях и заискивающих взглядах, в общем, старался произвести впечатление. Несколько раз в разговоре упоминал Диму, я слушала в пол-уха, поэтому особо ничего не поняла и только потом, когда он ушёл, до меня начал долетать смысл, при воспоминании обрывков фраз.

— Не скучаешь? — Томно прошептал Дима в мою шею, улыбнулся и надёжно сжал пальцами с боков, позволяя откинуться на своё плечо.

— Я к тебе хочу, Дим. Честно, немного иначе себе представляла этот вечер. — Прохныкала, закрывая глаза, пытаюсь разогнуть расплывающиеся перед ними круги, только что руками не махала.

— Мне отойти нужно, разговор серьёзный, потерпишь? — Моё тихое рычание было понятно без слов. — Полчаса и я весь твой. — Пообещал, проводя языком по краю уха, я задышала чаще, вцепилась пальцами в лацканы его пиджака, удерживая.

— Смотри, что ты мне обещаешь взамен. — Тут же опомнилась, незаметно просовывая руку за спину между нашими телами, царапнула ногтем на границе ремня брюк, Дима зашипел.

— Обещаю трахнуть тебя как в кино.

— В порнографическом, надеюсь? — Мурлыкнула, закусив край нижней губы, Дима внутренне задрожал.

— Как в самом жёстком порнографическом фильме. — Пообещал с придыханием, понимая, что делает со мной его голос, зная, как всё плавится внутри.

— И не боишься меня оставить в толпе мужчин в таком состоянии?

— Хорошо подумай, стоит ли меня этим дразнить. — Повернул лицо на себя, удерживая за подбородок. — Ведь замучаю.

— Даже не знаю, это угроза или стимул вести себя о-очень плохо...

У Димы глаза сверкнули знакомым мне огнём желания, а ребро ладони недвусмысленно прошлось меж ягодиц, заставляя сжаться снаружи и воспламениться изнутри.

— Будешь себя плохо вести — лишу девственности второй раз. — Усмехнулся моим округлившимся глазам и, пока я оставалась под впечатлением, быстро сбежал, а я так и не поняла, мне всё же хулиганить или нет?

Улыбка ещё долго не покидала лицо, для кого-то она даже могла быть загадочной. Для кого-то, но не для того, кто сам не раз оставлял женщину в таком состоянии. И уже совсем скоро стройная мужская фигура материализовалась передо мной, держа в руках два бокала шампанского. И этот мужчина точно знал, зачем держит его в руках. Подняв взгляд выше, я увидела лицо, которое едва ли могла забыть.

— Потанцуем? — Заманчиво предложил Олег, успев не только втолкнуть мне бокал в руку, но и поддержал локоток, чтобы я сделала вовсе не один глоток.

«Красивый» — мелькнуло в голове прежде, чем алкогольный дурман застлал разум и я раскованно, дерзко улыбнулась, принимая его предложение и прижимаясь всем телом.

— Почему такая нимфа и одна, где именинник? — Напевал он в такт музыке, уверенно вёл в танце, совершенно случайно прижимаясь ко мне пахом, задевая локоны губами, и проводя кончиками пальцев по моим ладоням, находящимся в его власти.

— У именинника очень много дел.

— Можно подумать... — Фыркнул на это Олег, прижимаясь сильнее, почувствовав некоторую свободу. — Деловой такой. Я бы не был так беспечен. — Коснулся губами моего уха, конечно же, снова случайно. — На его месте...

— А где жена?

— Конференция. — Закатил Олег глаза, видимо, это слово имело не только тот смысл, который знаком мне.

— Тоже оказалась слишком беспечна и отпустила тебя одного?

— Глупости. Про меня можно говорить как в романе: «но я другому отдана и буду век ему верна». — Склонил голову, словно умаявшись от данного обещания, резанул по мне непонятым, но будоражащим кровь взглядом.

— Почему-то я тебе не верю.

— Может оттого, что каждый думает в меру своей распущенности?

— А может оттого, что предмет твоей гордости сейчас упирается в моё бедро? — Приподняла я одну бровь, посмотрела в глаза, в которых, ну, ни капли раскаяния, только уверенность, которая сбивает с толку.

— У меня просто нет других вариантов. — Страдальчески вздохнул он. — Представляешь, что скажут завтра, если я отойду от тебя со стояком? Придётся нам танцевать, пока возбуждение не спадёт. Ну, или найти другой способ снять взаимное напряжение. — После моей усмешки, Олег провёл языком по своим губам. — Ведь нельзя быть на свете красивой такой...

Не скажу, что верила его словам, жестам, улыбкам, но тот заманчивый тон, которым они были сказаны, наводил какую-то смуту, какую-то растерянность и рассеянность. Он не такой как все. Он знает, что сказать и что сделать, чтобы женщина шла за ним. Смотрел на меня так, словно я единственная на планете всей. И взглядом этим обещал все райские блага. Не давал мне опомниться, отвлекая, то губами дотронется, то кончиками пальцев проведёт по коже, свободной от ткани платья. Дотрагивается, но не смеет взять, дразнит. И этой наигранной нерешительностью заставлял меня сделать первый шаг. К чему?

— Дима твой друг, ты же помнишь?

Упиралась я, когда понимала, что от его дружеских объятий мне уже нечем дышать или так только казалось?

— А может, я беспокоюсь за него и хочу лично убедиться в честности его супруги?

Спокойно вёл в танце Олег, не замечая моего сопротивления.

— Считаешь себя неотразимым?

— Для такой неискушённой девочки как ты? — Иронически усмехнулся он и поцеловал мои пальцы, которые аккуратно сжимал в своей руке. — Я видел, как ты смотрела на меня. — Прошептал на ухо и тут же отвернулся, улыбаясь особо заинтересованным в нашей паре лицам. Напомнил мне об одном факте, том, который долго не даёт мне спокойствия и я рискнула, сжала его пальцы в ответ.

— А если я задам тебе вопрос, ты ответишь на него честно?

— Надеюсь, это будет тот вопрос, который задают наедине?

— Не думаю, что захочу услышать ответ, стоя в толпе незнакомых мне людей.

— И даже рискнёшь скрыться со мной в одной из частных комнат?

— Даже рискну отвести тебя туда за руку, — пообещала я, глядя в хитрые горящие глаза, отмечая, как же он умеет пользоваться своей внешностью, своим мужским магнетизмом, — так что?

— Я весь во внимании. — Улыбнулся он, игнорируя толпу зевак и, прервав танец, быстрым шагом увёл меня в сторону коридора.

В маленьком зале на столе стояла бутылка шампанского, ассорти из фруктов и

несколько видов ароматного сыра. Олег быстро наполнил бокалы, не давая мне опомниться, и, произнеся короткий тост, предложил их осушить. Наедине он осмелел, свободно водил руками по моему телу, но не давил, не заставлял, а когда мы оказались на диване, слишком близко друг от друга, я с силой стянула узел галстука, зажимая его в кулак. Хищная улыбка не заставила себя долго ждать.

— Так вот ты каков... волк в овечьей шкуре... — Клацнул он зубами перед моим носом и наклонился так, чтобы между губами оставалось минимальное расстояние. — Спрашивай, дорогая. — Проговорил, шумно, напряжённо вдыхая воздух, смешанный с ароматом моих духов. И я продемонстрировала ему кольцо, которое заставило его нервничать в прошлый раз. Олег усмехнулся.

— Достойная партия для Шаха. — Потянул, глядя на меня оценивающе. — Выдержка... а... — Вытянул большой палец вверх, демонстрируя восторг. — Если честно, думал на следующий же день прибежишь, всё расспросишь. Как? Нормально спалось всё это время? Ты ведь слышала. Ты беспокоилась. Да весь этаж слышал, как бьётся в панике твоё сердечко, Галочка...

— Ты мне расскажешь?

— Что волнует мою крошку? — Как добрый дядюшка улыбнулся Олег и легко коснулся моей щеки большим пальцем, лаская. Взгляд переводил с губ на глаза, и когда уже почти поцеловал, сам же и отстранился. — Боишься его потерять?

— Ты мне расскажешь о кольце?

— У мужа спроси. — Неожиданно жёстко ответил он, и мои пальцы разжились сами собой, освобождая его шею. Олег встал, налил вина мне, себе, не отпуская взгляда выпил.

— Если бы я хотела спросить у него... Да и не ответит Дима.

— Правильно, — кивал Олег в такт моим словам, — и я бы не ответил. Сама подумай, зачем? Истерики, крики, претензии... Кому это нужно?

— Но я имею право знать.

— Знать что? — Изогнул он бровь. — Почему меня выбрала для разговора? Не я один знаю.

— Да. Ещё знает его мать... Слушай, Олег, ну, тебе что? — Умоляюще посмотрела я на вмиг охладевшего мужчину. — Знаю я, не знаю... тебя это не коснётся.

— Серьёзно? — Ухмыльнулся он, демонстрируя ледяное равнодушие, а потом практически сразу закрыл глаза и откинул голову назад. — Да ладно, Галь, не парься. Всё скажу, мне не сложно. Только... — Глаза открыл и на меня уставился. Прошёлся взглядом по телу, задерживаясь на губах, медленно поднял его к глазам. — Только ответь, честно, зачем он тебе?

— Дима?

Олег медленно кивнул.

— Я люблю его...

— А он?

— К чему эти вопросы?

— Не знаю, но ведь какой-то смысл в происходящем есть, — улыбнулся он и потянулся за очередной порцией вина. Глотнул, погонял глоток по рту, напряжённо прогнал через горло. — Когда Шах только из армии вернулся, девушку одну подцепил. Где — не спрашивай, никто не знал. Что их связывало — тоже. Только он на ней крепко завис. Сходил с ума в буквальном смысле. Знал я, что не его была. Или замужем или собиралась. Он тогда

весь из себя выходил, бесился, искал пятый угол. Толком сказать... я его с ней никогда и не видел, только фотография на столе в кабинете.

— В кабинете?

— Да, он уже тогда в компании работал.

— Значит, Лёша тоже знать будет?

— Кислый? — Олег махнул головой. — Не будет. В смысле о том, что была, наверняка знает, но на тот момент с нами не работал. Это я, как одарённая молодёжь штаны там просиживал, а финансы требуют мозголомки, вот Лёша и учился в институте, не отрываясь, зная, что его тёплое местечко ждёт. Он с Шахом со школы знаком был, но на время учёбы вроде как потерялись, а потом... быстро сошлись, к слову.

Олег повернулся ко мне спиной, измерил расстояние от одной стены до другой, вышагивая, остановился и в глаза посмотрел.

— Продолжалась вся эта канитель долго, полгода так точно. А потом, потом случилось что-то, что его заставило реально с катушек слететь. Он днём и ночью из мастерской не выходил, неделю, не меньше, проторчал там. А потом вышел, грязный, чумазый, с безумной улыбкой. И вроде как предложение ей сделать собирался. В руках держал это кольцо.

Я схватилась за украшение, словно оно обожгло меня, Олег криво улыбнулся.

— Но ведь оно у меня, значит, не сделал?

— Сделал. — Хмыкнул. — Ты наверно плохо его знаешь. Если Шах что-то задумал, отступить никогда не будет. Вот и в этот раз не отступил. Скандал тогда был грандиозный. Всё к развалу компании шло. Они с Сашкой чуть глотки друг другу не поперегрызали.

— С каким Сашкой, ты о чём сейчас? — Нахмурилась я, пытаюсь сообразить, что упустила, кусала губы, ломала пальцы, пока Олег смотрел на меня и тоже разглядывал. Сейчас с интересом.

— Он сделал предложение девушке своего брата. Ровно в тот день, когда это собирался делать сам Саша.

— У Димы есть брат? — Осела я и Олег хрюкнул от смеха. Раз, другой... рассмеялся в голос, прикрывая рукавом пиджака лицо.

— Господи, с кем связался... Галь, ты серьёзно сейчас? Конечно, у него есть брат! — Разозлился не понятно за что и крикнул. — Был, точнее... Тогда сразу всем понятно стало, почему Димочкину пассию не видел никто, это уже потом все вспоминали, как он за Сашкиной невестой волочился. Везде с ними. В общем... Через пару недель после ссоры Саша со своей девушкой в аварию попали, в страшную. Она сразу насмерть, Сашка ещё пару дней в коме пролежал. Шах сам не свой стал. Кольцо это на продажу выставил, себя почему-то винил, отстранился ото всех тогда, от родителей уехал. Несколько лет маялся, а потом как-то в один день всё изменилось. Вот, вчера один Шах, сегодня уже другой. Я не знаю, что повлияло. Я не знаю, что происходило до этого. А теперь вдруг вижу это кольцо на твоём пальце и... неправильно это. Нельзя так! — Выдохнул и нервно руками по волосам провёл, тут же ладонями глаза закрыл и наклонился. — Она кольцо тогда приняла, очень уж Шах просил, Сашка в бешенстве, а она... не знала, как всё исправить. А у тебя... словно с трупа снял! Чёрт! — Подскочил, шагнул вперёд и вернулся, на диван опадая. — С трупа и снял. Галь, честно, я не знаю, что всё это значит. В тот день и вовсе подумал, что он рехнулся. Смотрю на него и понять не могу... Ты похожа на неё. — Добавил и снова лицо закрыл. — Я сразу значения не придавал, только когда кольцо увидел — понял.

— Но... но ты же сказал, кольцо на продажу выставил, разве нет?

— Как выставил, так и снял. Ценители как с ума сошли. Новая технология, всё такое... деньги бешенные предлагали, а Шах снова закрылся. Сказал, что никому не продаст. Всё на фотку её смотрел и кольцо в руках крутил.

— На фотографию? А сейчас она где?

— Не знаю. То в офисе стояла, потом исчезла. Сразу как Дима изменился, так и исчезла. Полгода назад я рамку в вашем доме видел, в его кабинете. Но не на столе, там, на полке библиотечного шкафа. Там рамка особенная, по той же технологии сделана, что и кольцо. Её саму в пору на выставку везти. А фото не знаю, может... может, что другое уже её занимает. Подумал ещё тогда, что у него новый заскок. А потом он тебя привёл. На этом всё. Как, понравилась история? — Посмотрел на меня, просверливая взглядом, ножку бокала в руках сжал.

А я не знала, что ответить. Просто сидела и забывала как дышать. Сначала всё нормально было. Женщина... Я знала, что она была. Ничего удивительного. И, что таить, про кольцо догадывалась. Что оно ей принадлежало, но не так! Только не так! Сделал для помолвки? Как и мне подарил? Но почему? Только потому, что похожа? Всё иначе видится. И взгляды его странные, и действия. Он поэтому меня хотел, поэтому женился? От одной этой мысли страшно становится. Умерла... она умерла, как жутко, как больно... Я на кольцо своё посмотрела, отказываясь верить. Мой мужчина, моё кольцо! Только не получается. Не совпадает... не мой и не моё. Сначала бросило в жар, потом в холод, потом на лбу выступил холодный липкий пот, который я попыталась стереть ладонью, но ничего не выходило, он, словно выступал снова и снова. Я пыталась отдышаться, но сердце буквально выколачивало воздух из крови, сильно шумело в голове и она просто раскалывалась. В висках всё пульсировало, отзываясь болью в теле, в глазах, в мышцах. А слёз не было. А слёз не было! Только тихая растекающаяся по телу паника.

Я смотрела на Олега, на его метания, как он кривится, об этом вспоминая. Брат. У Димы есть брат... был. Чего ещё я о нём не знаю?.. Или, правильнее спросить, что я знаю о нём кроме того, что он позволил мне узнать? Тошнота, подступившая к горлу, не позволила сидеть на месте. Хотелось не просто идти, бежать хотелось со всех ног. Только бы не стоять, не ощущать на себе этот сочувствующий взгляд, не слышать его понимающие вздохи. Олег вяло улыбался, наблюдая за моими душевными терзаниями, изредка поглядывая на бутылку, решая, выпить ещё или на сегодня хватит. Он не мешал мне, не вставлял умные фразы и не комментировал, будто понимает, как мне сейчас тяжело. Тяжело ли? Нет, наверно это не то слово. Как бы себя чувствовал человек, по которому проехался камаз? Верно. Никак. Он бы чувствовал, что его больше нет. И меня нет. Той, которая вошла в эту комнату. Но есть другая. Та, которая сейчас сидит с желанием сделать что-нибудь запретное, то, что причинит боль. Пусть мне, но и ему. Только не было в этом смысла. Поэтому я встала, тут же села обратно, понимая, что не могу сделать и шага. Отдышалась, мысленно перекрестилась, встала снова, сжимала кулаки, пересиливая себя, и каждый новый шаг как поступок, как подвиг, как жизненно необходимый глоток. Боялась, что Олег остановит меня, что не позволит уйти, но не оглядывалась, а лишь шла вперёд.

Проходя через зал, даже улыбнулась каким-то людям, но едва ли могла назвать, кто они, сделав очередной шаг. На улице веяло прохладой, но ночной воздух не приносил облегчения, только усиливал дрожь, которая тысячами иголок вонзалась в тело и тут же отпускала, чтобы уколоть с новой силой. На стоянке Кречетов ругался с Женей, что-то тихо доказывал, удерживая за руки, она плакала. Но мне было всё равно. Именно сейчас мне было

действительно всё равно. И совсем недалеко наш автомобиль, даже ключ зажигания торчит, видимо, Кречетов так спешил оправдаться, что было просто не до этого.

Домой я доехала, точно зная, что собираюсь там делать: перевернуть его кабинет. Просмотреть всё вдоль и поперёк, чтобы видеть, знать, попытаться понять его. Я не хотела оправданий, я не хотела длинных речей, но и не могла больше делать вид, что всё замечательно, строить в одиночестве иллюзию счастья. В одиночестве, которое не отпускает. Много лет идёт со мной рука об руку, дышит в затылок, напоминая о себе, и теряется лишь для того, чтобы ударить с новой силой.

Глаза метались по полированным поверхностям дорогой мебели: ящики стола, полки, шкафы, старинный секретер. Руки непослушно двигали предметы, переставляя их с места на место. Папки, бумаги, документы... снова папки. Бутылки коньяка, джина, виски... набор бокалов и стаканов. Книги, журналы, старые газетные вырезки с цитатами слов знаменитостей... какая-то несуразица, какой-то бред. За гранью реальности, за пределами понимания. Наборы ключей, ручки, другая канцелярия. За считанные минуты идеальный порядок превращается в сумбур, стопки бесполезных вещей, предметов. Книги, разбросанные по полу, перевёрнутые картины, обнажающие сейф, код к которому я так и не смогла подобрать. Сумасшествие заразно, сумасшествие имеет чёткую грань, которую я перешагнула сегодня. И я безумна в своём желании доказать что-то...

Пытаясь отдышаться, привести мысли в порядок, я села в его кресло, медленно ворочая головой из стороны в сторону. Взгляд зацепился за нетронутый портрет. Мой портрет, который теперь не спрятан в тёмной комнате его мастерской, а стоит на центральном месте кабинета. словно магнитом меня потянуло к нему, только руки не взяли резную рамку, они чуть подвинули её, чтобы через мгновение потянуть на себя золотое плетение, инкрустированное драгоценными камнями. Чтобы через секунды посмотреть на фотографию, с изображением двоих мужчин и женщины. Она стоит между ними, беззаботно улыбаясь, и этой улыбкой словно награждает обоих. А я просто не верю своим глазам, я просто не верю тому, что вижу. И пытаюсь с силой зажать рот обеими ладонями, потому что кричать, выть хотелось, потому что всё поплыло перед глазами, потому что я знала всех троих, тех, которые сейчас смотрели на меня и улыбались...

Глава 25

Шах сканировал взглядом зал, безуспешно пытаясь отыскать среди приглашённых гостей хозяйку вечера. Неприятное чувство тревоги подступало к горлу и тут же отпускаяло, от понимания того, что здесь, на его территории, с ней ничего не могло случиться. Его не было около часа. Шестьдесят минут, за которые она обещала вести себя хорошо. В паху заныло от воспоминания, как Галя при этом выглядела. Как соблазнительно льнула к нему, доверчиво прикрывая дрожащие веки. Как маняще отдавалась, прижимаясь ближе, предвкушая момент, когда останутся наедине. Отношения медленно налаживались, стирая её страх, её сомнения, а он чувствовал себя с каждым днём всё более мерзко оттого, что обманывает, оттого, что не может объяснить.

— Нет, ну, это просто нечестно, пригласили, напоили, а сами разбежались кто куда. Дим, ну, что за подпольные переговоры? Праздник же! — Обижено дула губки Лия, вешаясь на шею, Шах на каждый из её обвинительных пунктов мог только покаянно склонять голову, в конце и вовсе рассмеявшись.

— Признаю, грешен. — Прижал её к себе за талию, хмыкнул, встретив грозный взгляд друга. Лёша тут же жену отобрал, прижимая к своей мощной груди. — Галю не видели, найти её не могу?

— А птичка-то упорхнула. — Заявила Лия и состроила глазки, демонстрируя, что далее рассказывать не намерена. — А мы, между прочим, скучаем тут без вас. Давайте уже, собирайтесь, и будем есть торт. — К мужу повернулась, глядя доверчиво. — Видела на кухне стоит. Вид — м-м, закачаешься. — Мечтательно прикрыла глаза. Шах терпеливо вздохнул и взглядом обратился к Лёхе Кислому.

— Да Олежка наш около неё тёрся. — Проговорил со смыслом. — О-очень настойчиво.

— Что значит тёрся? — Хмыкнул Шах, только все трое поняли, что это вовсе не от доброты душевной. А ещё его взгляд...

— А ты сам подумай, прикинув слова «Олег» и «тёрся». — С вызовом бросил ему Кислый. — Мне кажется, картинка должна свободно вливаться перед глазами.

На недоверчивый взгляд он только покачал головой, жену от себя отпуская, потому как кулаки Шаха сжимались вполне естественно и слишком быстро.

— Только слепой не заметил их дружеского общения. — Хмыкнул, издеваясь, Кислый, и провокационно изогнул бровь, когда Шах сделал выпад вперёд, схватил его за грудки и потрянул.

— Куда они пошли?! — Прорычал, еле себя сдерживая, и тут же метнулся в указанном направлении, расталкивая перед собой людей, которых совсем недавно встречал с улыбкой.

Олега он обнаружил очень скоро, а тот и не скрывался, пил водку, развалившись на диване. Один. Намётанным взглядом быстро прикинул, что не было ничего. Головой тут же потрянул, сбрасывая все ненужные мысли. А что могло произойти? Это же его Галя... его... Дёрнул на себя стул с высокой спинкой и сел, широко расставив ноги.

— Где она? — Спросил без предисловий, всматриваясь в пусть и пьяный, но слишком уж осмысленный для двух пустых бутылок взгляд.

— Да? Даже не спросишь, не оприходовал ли я её, а?

— Я уже задал интересующий меня вопрос. — Отметил холодно и на спинку откинулся. Расслабиться не получилось.

— А если я скажу, что не знаю, согласишься?

— А ты не знаешь?

— Как сказать... — Потянул Олег, задумавшись, почесал ставший колючим подбородок, от спинки дивана отлепился, усердно растирая лицо руками.

— Ты чего так надрался? — Спокойнее хмыкнул Шах, в руках повертел вино, отметил взглядом два бокала... значит, она действительно здесь была...

— Не согласишься, друг, повод есть.

— Какой?

— Понял, наконец, какая же ты тварь, Шах. Столько лет жил, и не видел, не хотел видеть, а сегодня вот просто не смог отвернуться.

— Что же тебя так разобрало, Олежек? Жена ведь заругает... — Притворно добрым голосом, в сопровождении такой же притворной улыбки, навис над столом Шах, пристально в лицо друга всматриваясь. Чувство тревоги подкатывало чаще, а отступало медленнее, цепляясь своими липкими лапками, мешая нормально дышать. Пришлось даже узел галстука ослабить.

— Со своей женой я разберусь. Мне твою жалко. Девчонка ведь совсем, Дим. Что же ты творишь, а? Она же... Представляешь, — усмехнулся, шею потирая, — она же любит тебя. Так и сказала, мол, люблю. А за что тебя любить можно? Я бы понял, если бы шлюхой оказалась, под стать тебе, я бы мог тебя понять, но ведь не так всё!

— Что ты несёшь?

— Я всё рассказал ей. — Прошептал с надрывом, глаза ладонями закрывая. Шах сжал зубы, но постарался сдержать лицо. Покачал головой, отрицая, на Олега посмотрел внимательно. — Дим, я ей всё рассказал. — Повторил громко и осмысленно. Теперь очередь Шаха закрывать глаза и нервно сглатывать. — Не хотел, думал, сами должны разобраться, но ты молчал, а она так смотрела... Сама про это кольцо спросила, понимаешь, сама! Значит, думала, значит, всё понимала...

— Что? Ты? Сказал? — Спросил он тихо, массируя виски напряжёнными пальцами. — Что ты сказал?! — Взорвался громогласным рыком, подскакивая с места. Схватил Олега за грудки, от дивана отрывая. — Что ты сказал? — Раскатился его голос угрожающе.

— Она имела право знать.

— Но ведь не от тебя! Ведь не от тебя же! — Сотрясал его, пытаясь что-то доказать.

— Противно просто, Шах. Противно, что скоты такие. Что она видела в жизни, кроме вранья твоего? А что ещё увидит? Или считаешь, что жить и знать, что тебя обманывают проще? Она ведь не глупая, всё понимала, только верила во что-то. В то, чего нет. Я сморю на неё и свою девочку вспоминаю. Но в кого она превратилась рядом со мной? Ответь мне ты. Ты ведь не хуже меня знаешь...

— Отомстить решил?

— Брось, за что? За то, что не такой, как ей нужно? За то, что ты согрел, когда замерзала? — Кулаки Шаха автоматически разжились, Олег плюхнулся на диван. Не особо чувствуя разницу. Всё так же задыхался. — Я никогда и никого кроме себя не винил. — Добавил тихо. — И тебе не советую.

Когда Шах отступил на несколько шагов и нахмурился, Олег поднял взгляд.

— Она могла домой поехать. Я рассказал ей про фотографию. Дим, отпусти её, а? Так

будет правильно.

— Не твоё собачье дело! — Сказал, как отрезал, в общий коридор вышагивая.

Уже набирал комбинацию цифр на телефоне. Ответ услышал практически сразу.

— Слушаю тебя молча и очень внимательно. — Буквально пропел Кречетов, заставляя всё больше раздражаться.

— Галя. — Всё, что смог выбрать из правильных слов.

— Знаю такую. Жива, здорова. Только... опоздал ты Шах. Раньше, раньше думать надо было.

— Где она?

— Как тебе сказать... — Кречетов смаковал, чувствуя напряжение на другом конце линии. — Дома. Если после всего она всё же назовёт твой дом своим.

— Она в кабинете? — Спросил, хотя знал ответ наверняка. Кречетов своим поведением бесил сегодня особенно сильно.

— В нём, родимом. Сидит, плачет.

— Зашёл к ней?

— Не рискнул. Недружелюбно она выглядела. Только вот ты скажи мне, Шах, я чего-то не знаю? Про первую любовь и всё такое, и на зоне наслушался, а вот тут сижу, смотрю на мониторы и чего-то не догоняю. Девочка явно знакома с твоей бывшей. Кто она?

Шах и сам глаза закрыл, к ближайшей стене приткнувшись, буквально завалился на гладкую поверхность, не чувствуя земли под собой. Усилием воли глаза разлепил, зубы сжал, чтобы в себя прийти.

— Её мать...

На несколько мгновений в трубке послышалась убивающая тишина.

— Егор, оставь свои мысли при себе, только не да ей уйти.

— Шах...

— Только не дай ей уйти! — Повторил с нажимом и отключился. Машина такси уже стояла у главного входа.

В доме было темно и пусто, и почему-то усилилось недавно забытое чувство одиночества. Только с ней рядом был не один. Только её улыбка радовала. Только осознание того, что в его жизни есть любимая женщина, не давало забиться в угол и стать конченным неудачником. Полоска света струилась из-под плотно прикрытой двери кабинета, войти в который хотелось, но, как ни странно это прозвучит, Шах боялся. Чего? И сам ответить не мог. Может, сделать ещё больнее, чем есть? Или того, что не поверит, усомнится, закроется от него и промолчит, хотя её будет распирать от эмоций... Специально тянул, не говорил ничего. Пытался выбрать момент, предугадать реакцию, подготовить, что ли. Чтобы к тому моменту, она и думать забыла о сомнениях. Чтобы как минимум трое детишек по полу бегали босыми ножками. Тогда бы простила и поверила. Сейчас же, даже не знал, что и как сказать.

Решительно выдохнув, Шах открыл дверь и сразу же упёрся в прямой осуждающий взгляд. Галя сидела в его кресле, подтянув колени к подбородку и заметно подрагивая. Опухшие красные глаза отозвались влажным блеском, как только с её губ сорвался тяжёлый вздох. А ему нужно было несколько секунд. Несколько секунд на то, чтобы оценить обстановку, только она их не давала. Огромные слёзы свободно катились по лицу, а она взгляд не отпускала и молчала. Словно знала, как его убивает её молчание. В горле

непривычно пересохло. Смешно даже, в обычной ситуации глотку бы рвал, что-то доказывая, а с ней не мог. Прикрыл дверь, шагнул чуть дальше, чем стояло первое кресло, и Галя тут же напряглась, выпрямляя спину. Маленькая безобидная девочка, которая сейчас казалась ещё моложе своих лет, она пыталась противостоять. Наивно и глупо, но так на неё похоже. Ещё с утра была похожа на бабочку, которая вот-вот расправит свои крылья. Теперь же её крылья, словно ошпаренные кипятком, уныло свисали, делая фигурку ещё более ранимой и хрупкой. На следующий его шаг отреагировала более остро, опустив ноги на пол, руками вцепилась в подлокотники кресла, но по-прежнему молчала, словно боясь сорваться. Когда Шах стоял вплотную к столу, подняла на него решительный взгляд, смахивая слёзы резкими порывистыми движениями.

— Вижу, не удивлён? — Презрительно хмыкнула.

— Я разговаривал с Олегом, да и Кречетов приехал следом за тобой. — Отозвался он, но не отлегло, и эта её холодность, некоторая безразличность, скорее, пугала, чем успокаивала.

Расстегнул пуговицы пиджака, сбрасывая его, сделал ещё пару шагов, на что Галя окончательно занервничала. Он понимал, что боялась его влияния, того, что не позволит выговориться, что просто прижмёт чувства, мысли, запрет под замок, озадачив совсем другими проблемами. Он мог. И, наверно, так даже было бы лучше. И только желание хотя бы сейчас быть честным не позволило поддаться эмоциям. Стал позади, уже замечая невольное движение дрожащих плеч, сбрасывающее, отдаляющее от себя.

— Позволишь?

Галя обернулась, но продолжала смотреть с осуждением, пыталась понять, какую игру он придумал на этот раз.

— Не нужно. — Отмахнулась жёстко, глядя на предложенный пиджак. Тут же отвернулась, отмечая этим, что разговор окончен, и стиснула зубы, когда ткань, хранящая чужое тепло опустилась на плечи.

— Но я ведь вижу, что тебе холодно. — Произнёс Шах максимально отстранённо, надеясь, что голос не дрогнул.

Пока отступал, в память врезались примеченные предметы, отдельно друг от друга лежащие на столе. Довольно-таки символично: портрет, фотография, кольцо. Замкнутый круг, который так хочется поскорее распутать. Вернулся к дальнему креслу, сел, стараясь принять максимально свободную позу, ответил на взгляд глаза в глаза.

— Я должен объяснить. — Сказал на удивление твёрдо. Тут же заметил, с какой скоростью принялась пульсировать тонкая венка на шее жены.

— Ты ничего не должен. — Галя даже попыталась улыбнуться, только эта улыбка больно полоснула по сердцу. Вымученная, выстрадавшая. Она сидела перед ним, пытаясь сказать, что не страшно, не больно, а может, даже всё равно. Как защитная реакция, чтобы не ударили сильнее. И он бы мог поверить, если бы это была не она.

— Я хочу, чтобы ты мне верила.

— Это ведь её портрет? Не мой. — Усмехнулась Галя, небрежно подталкивая вперёд бумагу в рамке, которую совсем недавно так трепетно ставила на книжную полку, желая знать, что Дима всегда смотрит на неё. Сейчас же...

— Она сказала, что никогда не будет со мной, но я могу оставить на память её портрет.

— Замолчи! — Подскочила девушка, со злостью сбрасывая со стола собранные предметы. Сорвала со своих плеч пиджак, швырнув его туда же. Пыталась стоять твёрдо и совладать с трясущимся подбородком, крепко сжимая челюсти.

— Такой как я нет. Больше нет. — Повторила слова, которые и у Шаха звоном в ушах отозвались. Сам с утра произнёс их. — Скажи, ты сожалеешь?

— Не глупи. — Покачал головой, стараясь успокоить.

— Жалеешь? — Голос дрогнул, как и всё её тело, желая согнуться в мучительной судороге. — Её бы хотел видеть на этом месте, да? А что, мог бы стать мне примерным папочкой. — Нервно улыбнулась, рассуждая. Это ли хотела сказать ему? Нет. Не это. Только увидев, иначе не получилось. — Как тебе? Её поймел и меня. Наверно заводит мысль, что всё равно урвал своё. Не так ли?!

— Не так всё, Галь.

— А я не верю тебе! Смотрю в глаза и не верю, Ди-ма! — Сорвалась на истерический крик, и тут же в панике, что выдала себя, закрыла лицо ладонями, которые через мгновение превратились в маленькие кулачки, сдерживающие не унимающуюся дрожь. — Как и другим не верила, когда говорили, что ничего не бывает просто так. Как глядя на себя в зеркало не верила, что ты со мной, что меня выбрал. — Шептала теперь, словно в безумии. — Когда все... все! Твои друзья, Дима... смотрели на меня с сочувствием, как на дурочку, которая влюбилась в монстра, а я отворачивалась, чтобы не замечать, чтобы делать вид, что не замечаю. И шла за тобой! Потому что ты звал. Потому что с тобой не страшно. А ты её видел! Её за собой вёл! — Закончила обвинительно и, кажется, на миг потерялась. Оглянулась, словно не зная, где находится, задыхалась рвано, взволнованно, обняла плечи руками, пытаюсь согреться. Посмотрела на мужа мутным взглядом, грустно улыбнулась, отступая назад. — Пытался ухватить за хвост ускользающую удачу...

Плечи дрогнули, голос сорвался, а улыбка всё больше наполнялась горечью.

— Я похожа на неё? — Спросила вдруг, а потом воровато оглянулась, губу прикусила, боясь увидеть в его глазах издёвку, смех. Но там было нечто большое и чёрное. Как боль. Это его ворон пробрался в самое сердце и теперь смотрит изнутри.

— Только внешне. — Ответил Дима и она снова отступила, пытаюсь сориентироваться. Он же, мог только смотреть, боясь принять неверное решение.

— Знаю. — Галя снова стала похожа на маленькую девочку, которой так боялась быть в его глазах. — Мама сильная была. Я не такая. Я слабая. — Ударила костяшками пальцев по столу и закусила губу, чтобы не заплакать. — Всегда была слабой. Трусливой. Всего боялась.

— Ты просто другая. — Прошептал Шах, но она его не услышала.

Посмотрела на фотографию, которая выглядывала из-под брошенного на пол пиджака, улыбнулась сквозь проступившие слёзы, себя пересиливая, присела, бережно перебирая пальцами брошенные в гневе предметы. Провела по тонкому стеклу, словно пыль стирая, на самом деле пытаюсь прикоснуться к чужому счастью, которое так заманчиво пронеслось сквозь годы на фото. Ведь они действительно были когда-то счастливы.

— Дядя Саша... — Переведя дыхание и наспех вытерев слёзы, Галя улыбнулась вполне искренне. — Я его таким и запомнила. Он всегда улыбался и говорил, что не стоит оглядываться на прошлое... Обещал показать мне весь мир и научить любить его. А мама смеялась, глядя его по плечу, потому что боялась спугнуть своё счастье... Почему всё так, Дим? Почему не по-настоящему? Я многого прошу? Я не заслужила свой кусочек счастья?.. Такие красивые...

Провела кончиками пальцев по довольным лицам и тут же закрыла глаза, прижимая холодную рамку к груди.

— Я уйти хочу. И забыть. — Проговорила ледяным тоном, глаза резко открыла, глядя в

одну точку. По сути, не важно, куда смотреть, только бы не на него.

Её поведение, так похожее на тихую истерику. Она не справляется с переизбытком эмоций, просто не знает, как себя вести, потому что запуталась. И сбежать казалось для неё самым простым выходом, но Шах так не считал. И потому, высоко задрав подбородок, дождавшись её робкого взгляда, сказал своё твёрдое «Нет».

— Ты вспоминаешь о ней, когда на меня смотришь? — Осела Галя на пол, прислонившись спиной к столу. Всё, что хотел в этот момент Шах, так это прижать её к себе, и долго не отпускать. Отогреть, оживить, заставить забыться. — Не ответишь?

— Зачем ты задаёшь эти вопросы, Галь? Тебе ведь больно...

— Но ты ведь не думал об этом, когда сказал, что я твоей женой стану. Поэтому тебе было важно первым быть? Главным мужчиной моей жизни. Потому что ты не мог простить им?

— Нет, не так.

— Нет? — Спросила, не в силах поверить, чуть приоткрыв в изумлении опухшие от надкусов губы.

— Не совсем так... — Раздражённо сжал он кулаки, вспомнив обещание, данное самому себе, рассказать всё как есть, как было...

— Знаешь, наверно я могла бы тебя понять... Если бы ты не заставлял меня верить, что всё иначе, по-другому. Но ведь тебе важно во всём быть первым. Главным, единственным. Зачем?

— Потому что я люблю тебя.

— Её!

— Нет, тебя, Галя. Её нет. Ты понимаешь, что её нет?! — Сорвался на откровенный крик, когда понял, что разговор не туда идёт.

— Иногда мне кажется, что и меня нет. А сейчас... сейчас чувство такое, что и ты так считаешь. С другим человеком проживаешь эту жизнь. Знаешь, я никак понять не могла, почему ты любишь смотреть на меня. Просто смотреть, не разрешая нарушать тишину. Потому что тогда сразу становится понятно, что это не она?

— Ты неправа, Галь. Во всём неправа. — Она встать попыталась, тогда Шах взглядом пресёк любые попытки к действию... — Да послушай же ты, наконец! Я с тобой живу, тебя люблю. Ты для меня самое важное в жизни и никогда... никогда я не представлял её на твоём месте. Я слишком хорошо знал, что... что...

— Что она никогда не будет с тобой. — Закончила за него Галя. Шах закрыл лицо ладонями. — Так спокоен... Неужели тебя всё равно?

— Кто-то из нас двоих должен контролировать ситуацию.

На это Галя не удержалась и хмыкнула, а Дима очередной раз отметил, как тяжело ей даётся это равнодушие. Ещё мгновение, чуть перегнуть и сломается. Уже почти сломалась, держится только потому, что на него не смотрит.

— Как всё это случилось? Как вы с ней познакомились? Ведь дядя Саша первым был, он больше года с ней встречался.

— Я расскажу, а ты постарайся меня выслушать, хорошо? — Галя кивнула. Скорее, обречённо, а может, просто устала. — И, прошу тебя, встань с пола. Замёрзнешь.

— Мне это не кажется таким уж важным...

Шах проглотил эти слова. Зажмурился, желая абстрагироваться от них, как это делает Галя. Но не смог, поэтому просто дождался, пока она выполнит его просьбу и только тогда

свой рассказ начал.

Глава 26

Я затаилась, ожидая, что сейчас мы перенесёмся в другой мир, в другую жизнь, но никак не ожидала увидеть того, что увидела. И Дима другим стал. Потому что он и есть другой. Я отвернулась и замолчала, пытаюсь если и не понять, то хотя бы выслушать. Так мне легче было... и ему.

— Я тогда только из армии вернулся. Родители против были, чтобы я в принципе служить шёл, но мне это было важно. Сашка ведь служил... а он для меня всем был. Авторитет. Пример правильно прожитой жизни. Во всём хотел на него походить, поэтому, несмотря на родительскую взятку, в военкомат пошёл. А когда вернулся, Сашка сказал, что с невестой познакомит. Я ещё пошутил тогда, не боится ли, что уведу. Всегда уводил. Девки у него были молодые, красивые. Глупые только, им бы потрахаться вдоволь, да бабла поиметь. Я им давал и то, и другое, щедро, не то, что Сашка. Они и велись.

Дима говорил, а мне было странно... так странно слышать от него такие слова, видеть, как он, не скрывая, восхищается другим человеком так же, как и я восхищалась своим мужем, Шах чувствовал это внимание, но не отвлекался. Его лицо посветлело, морщины разгладились и только возле глаз расхотелись лучиками, потому что он не переставал улыбаться.

— Я выглядел старше своих лет, прилично старше, поэтому большая игра началась лет... в семнадцать? — Припомнил он и усмехнулся. — Что-то вроде безусловного спора: он представлял меня своей пассии как брата, а дальше я включал все рычаги, чтобы добиться её. Кому-то хватало обаяния и сладких обещаний, кого-то нужно было прижать к стенке и задрать юбку... Все велись на меня. Потому что я был не таким как Сашка. Он рассудительный, серьёзный, ни одна бы его так просто не окрутила, а ведь у каждой его шлюшки были далеко идущие планы. Со мной казалось проще...

— Ты так говоришь... — Я скривилась, а Дима широко улыбнулся, но не посмотрел в глаза.

— Да, я не всегда был таким молчаливым, правильным, я тоже хулиганил и трахал всё, что движется. Удивлена?

— Это как-то не вяжется с моим представлением о тебе.

— У всех в жизни бывает молодость. У меня она была бурной. Возможно, если бы не я, такой бы она и у тебя была... кто знает? Так вот... Он привёл её в наш дом. Я ждал. Первое и главное отличие: он никого в дом не приводил, считал их не достойными, не в том смысле, что он и наши родители пуп земли... И сам ни к кому домой не ходил, держался на нейтралке. А тут объявил во всеуслышание, что невеста. Знаешь, даже как-то обидно стало... без проверки, без всего. А я ведь тогда отслужил, борзый стал, ещё хуже, чем был.

— Этого не отнять...

— Нацепил на лицо безразличие, маску цинизма, хотя тогда ещё не знал, что циники именно так выглядят, а когда в дом вошла она... не знаю, что произошло, только появилось жгучее желание стать рядом с ней вместо Сашки и назвать своей невестой.

— Но ей тогда уже было около тридцати...

— Двадцать восемь. — Фыркнул Дима, словно защищая. Я почувствовала себя предателем... — И плевать. Не скажу, что растерялся, но на какое-то время дезориентировался. А потом... наплевал и на все нормы приличия. Прямо за обеденным столом клеить её стал. Родители не особо понимали, что происходит, только Сашка... он

даже меня из-за стола вывел, объяснил, что Светлана здесь не для того. Представляешь, ни Алиса, ни Марианна, а просто Света. А мне казалось, что лучше имени и не бывает. В тот же вечер я сократил имя до Ланы, а она не была против. Она вообще себя правильно вела. Не отшивала, принимала моё внимание с достоинством, словно насквозь видела... хотя, наверно, и видела. Только я чувствовал, что всё не то, что не задеваю её. Я когда узнал, что она до сих пор в Сашкиной квартире не окопалась, надежду получил, не знал, что у Ланы дочь есть... ты... про семью не знал. Вперёд брата встречал её с работы, катал на машине, а она никогда не отказывалась, только всегда его предупреждала и ненавязчиво так, на меня глядя, сообщала, что сейчас мы и за ним заедем. Разве тогда я мог сказать, что не пушу?

— Наверно, с тех пор ты изменился.

— Повзрослел. Обстоятельства другие. Одно дело отбивать чужую девушку и совсем другое заинтересовать свою жену. — Он посмотрел на меня специально прямо и остро, так, чтобы не могла отвернуться. — И ты другая. Не лучше и не хуже. Просто другая.

— Мне казалось, человек всегда сравнивает. Разве нет? Ведь сравнивал. В чём?

— Считаешь, я смотрел на тебя, когда ты спишь и думал, настолько ли у тебя чёрные ресницы? Нет, не думал. Ты мягче, ты спокойнее, возможно, возраст, возможно, то, что я не дал тебе право выбора ещё тогда. Да и как ты можешь быть такой же, если у вас такие разные судьбы? Она рано вышла замуж родила и превратилась в мать-одиночку. Тут, хочешь, не хочешь, а жить научишься, у тебя же всё было иначе. Ты была свободна. У тебя было жильё, были деньги, ты могла посвятить себя учёбе. Она посвящала себя тебе.

— Считаешь, что я в этом виновата?

— В чём? В том, что твоя жизнь была легче? Брось, Галь, — скривился он, — я тебя не обвиняю. Я объясняю почему «нет». Замёрзла? — Спросил неожиданно, так, что я дрогнула. На самом деле жутко ёжилась, а кожаная обивка дивана отбирала последнее тепло.

— Это имеет значение?

Он, не отвечая на вопрос, подошёл, присел рядом, пытался согреть мои ладони, надёжно спрятав их в свои. Наклонился ближе к лицу и аккуратно улыбнулся.

— Галь, я тот же, что и вчера, сегодня утром, неделю назад. Я твой. Твой муж, мужчина, и я люблю тебя так же. Это ты изменилась, потому что знаешь чуть больше, чем раньше. Неужели не чувствовала, что люблю? Так осталось и сегодня.

— Любовь бывает разная. Сейчас мне кажется, что ты просто пытаешься догнать то, что ускользнуло от тебя тогда.

— Но ты — это не она.

— А если не вглядываться, не задумываться, то вроде одно и то же...

Хотелось оттолкнуть, хотелось закричать, а я шептала, разглядывая такие родные черты лица. Будто всю жизнь только его и ждала, а сейчас нашла и могу потерять. Дотронуться хотелось так, что пальцы горели, но не двигалась, не шевелилась, боялась, что всё исчезнет. А ещё я боялась, что он скажет мне «да, ты права». Вот смотрю на него, и кажется, уже смирилась. И пусть дальше говорит, что любит, пусть дальше врёт, а я готова закрыть глаза, только чувство такое, что сама воровка!

Смотрю, как он расстёгивает пуговицы рубашки, не понимаю, зачем, но молчу. А когда тонкая белая ткань ложится на плечи, не просто вздрагиваю, а озноб пробивает насквозь с такой силой, что меня на месте подбрасывает. А Дима внимательно смотрит, и губы его шепчут что-то, что невозможно разобрать, а потом он резко разворачивается, отворачиваясь к дивану спиной, сам на пол садится. И теперь на меня смотрит его ворон. Я не сдержалась и

дотронулась, чувствуя напряжение под своими пальцами.

— Ты наколол его после аварии?

Дима промолчал, опустил голову, накрывая её сверху замком из пальцев.

— Мы часто были втроём. Отдыхали, гуляли, обедали и ужинали. Сейчас я понимаю, что брат меня просто терпел рядом с собой, наверно Лана просила его быть мягче. С ней он и сам другим стал, как пластилин, что хочешь — то и лепи. А по жизни жёсткий, властный. Неуправляемый. Это он создал нашу компанию. Я разработал только логотип, в армии тогда был. Мне казалось весело, Шах, значит шахматы, а мы шахматные короли. Мы с ним. И только когда я Лану увидел, понял, как всё правильно придумал, потому что король ничто без королевы. Она была королевой. Умная, знающая себе цену. Себе и другим. Это важно. И Сашку она выбрала правильно, но тогда я смириться не мог. Чем дольше всё это тянулось, тем отчётливее понимал, к чему идёт. К свадьбе. Самое обидное, что Сашка это понимал не хуже.

Я когда только начинал пробовать себя в ювелирном деле, Саша сказал, что стану лучшим. Просто подбадривал, хотя художественный талант у меня был всегда. Но ведь рисовать это одно, а работать с металлом — другое. Кто-то становится хорошим инженером, кто-то художником, а я ювелиром. Он сказал, что когда решит жениться, я буду делать кольцо для его невесты. О свадьбе ещё не было и речи, а я чувствовал, что всё идёт не так. Был не единственным дизайнером и однажды случайно на рабочем столе своего напарника увидел эскиз кольца. Для королевы. Для шахматной королевы. Я всё понял без слов. Сашка в обход меня всё решил, потому что знал, что откажусь. Чёрт!

Дима запрокинул голову, макушкой касаясь моих подобранных коленей, кадык нервно дёрнулся, и глаза открылись.

— Я и до этого хотел сотворить для неё что-то необыкновенное, а как про помолвку узнал, так, в ту же ночь кольцо и сделал. А на следующее утро предложение. Она отказалась.

Напряжение повисло в комнате, я не знала, что сказать. Дима в одну секунду изменился и дело не в его молчании, не в напряжении, он просто сейчас был в другом месте, в другом времени... и не со мной.

— Лана смотрела на меня исподлобья, начала лепетать что-то, что она виновата, что не права была, а Сашка был прав. На кольцо даже не смотрела, нервничала, я не понял, что происходит, а она всё говорила и говорила. Пыталась успокоить, а я всё спрашивал «почему?». Не мог понять, не мог поверить, что это всё. Стоял и слушал её, даже не разбирая смысла этих слов. Тогда-то и увидел брата. Всё это время он смотрел на нас из своей машины. Лана не боялась его, точнее, за меня боялась. Только тогда я понял, что у них был не один разговор на этот счёт. Лана считала, что это мальчишеское, что я перебежусь и всё пройдёт, может, разочаруюсь, может, другую встречу. А вот Сашка знал, что я не такой, что своего добиваюсь, даже просто из принципа. А когда увидел в моих руках кольцо, то понял, что принцип здесь ни при чём.

Дима так говорил, что у меня сердце в груди разрывалось, столько чувств, эмоций, точно заново всё проживает. И этот тихий надрыв голоса, и язык, то и дело обводящий губы, крепко сцепленные в замок пальцы. Он сейчас ребёнком был, тем, который пережил первое в жизни разочарование.

— Мы подрались тогда. Впервые. Серьёзно. Раньше не дрались, потому что Сашка всегда был умнее. Он на десять лет старше, опытнее, разумнее. Он всегда умел охладить и свой, и мой пыл. А тогда не сдержался, да и я бился как последний раз. Не помню, кто

расцепил нас, а Лана стояла и смотрела на двоих, мы на неё. И когда она демонстративно пошла к брату, только тогда я всё понял. Понял... но не принимал её выбор. А потом точно взбесился. Доставал её по телефону, настаивал на встрече, наверно, брату она не рассказывала, потому что он и так на пределе был, если бы узнал, наверно, и убил бы. А потом Лана вдруг на встречу согласилась. В кафе договорились пересечься, возле её работы. Я ведь тогда в офисе компании не появлялся, Сашка сказал, что мне там делать нечего. Не то, чтобы выгнал, скорее, остыл и решил так наказать. Я естественно не понял. Злился на него, а когда получил этот шанс, обо всём забыл. Она была такая красивая, я насмотреться не мог. А потом увидел на её пальце своё кольцо. Только не на том пальце, Галь. Она специально показала это. Говорила, что я отличный парень. Что любит меня. Только не как мужчину. Как друга, брата, как надёжного товарища. Наверно до меня что-то дошло, потому что я согласился отступить. И больно было, и обидно, но отступил. Не потому, что хотел, потому что она так сказала. В тот вечер твоя бабуля с моими родителями ездила знакомиться, меня не было, оно и понятно. А Сашка кольцо увидел на пальце у Ланы и разразился скандал. Эта была их первая серьёзная ссора. Лана снимать кольцо отказалась. Так они и уехали, собираясь выяснить отношения наедине. В тот же вечер разбились на машине. Я только утром узнал, когда домой явился, а там пусто. Домработница не объяснила ничего толком, сказала, что у папы инсульт. Он всегда гипертоником был, ничего сверхъестественного, ещё и рекомендации не соблюдал...

Дима отвернулся в сторону, хотя до этого смотрел прямо перед собой, а я смотрела только на него. На его затылок. На плечи, которые борются между слабостью и уверенностью.

— А в больнице меня встретила мать. Влепила пощёчину, заплакала и упала в обморок. Из её руки выкатилось кольцо. Кольцо Ланы.

Он замолчал, а я глотала горячие слёзы. Всё плыло, плавилось, а я пыталась рассмотреть что-нибудь перед собой и не могла. Пережила это снова, рядом с ним. Понимала... нет, я могла только представить, что он чувствовал тогда. И внутри всё горело от боли не только за мать, но и за Диму. Как в замедленной съёмке видела, что он встал, подошёл к сейфу, который я так и не открыла, набрал несложную комбинацию цифр, после чего прозвучал долгий сигнал. Через пару секунд передо мной лежала коробочка, обтянутая белым бархатом, а Дима... он опустил на то же место и, плотно сжав губы, неотрывно следил за мной.

— Открой. — То ли предложил, то ли приказал, а у меня рука дрогнула. — Не бойся... — Как-то устало бросил он и отвернулся.

Я подняла крышку шкатулочки, где на крупной подушке лежало кольцо. Я, не понимая, посмотрела в сторону мужа.

— Это ведь другое... не моё...

— Конечно, другое. — Улыбнулся он, устало потянулся к брошенному в истерике колечку, поднял его с пола, посмотрел мне в глаза, предлагая протянуть руку.

— Но ведь похоже...

— Похоже, но не то! Твоё кольцо сделано специально для тебя. Смотри, — он приблизился, — вот эти лепесточки, видишь? Они словно новые, только прорезавшиеся, только готовятся раскрыться, а на кольце Ланы цветок раскрыт полностью. — Он аккуратно надел кольцо на мой палец, но руку не отпустил, продолжая придерживать в своей ладони. — Для меня это не побрякушка и не показатель финансовой состоятельности. Это

намного больше. То, что нельзя передать словами. И дарил я его для того, чтобы ты знала, что я рядом. И никогда бы не посмел...

— Спасибо. — Перебила, понимая, как тяжело даются слова. Дима криво усмехнулся и отпустил меня, отдаляясь.

— Это мать мне потом рассказала и про ссору, и про аварию. Я не понимал, я не верил, знаешь ведь, как это бывает, когда тебе говорят, что этого человека больше нет. Меня к ней не пустили. Твоя бабуля и не пустила. Только она влепила несколько пощёчин. Рыдала и била меня по лицу наотмашь. Не винила, просто не хотела, чтобы я приближался. А потом попросила... попросила, чтобы не приходил на похороны и я не пришёл. Подышал, выл, сам застрелиться готов был, а не пришёл. Саша умер на три дня позже. В тот день, когда её хоронили. Я сидел возле его койки в реанимации и смотрел, как он умирает. Тогда только понял, как всё это не важно, как глупо. И мне было страшно, что он может умереть. Наверно, сейчас скажу жестокую вещь, но... Лана... она была просто красивой девушкой, а Сашка моим братом. Тогда же я понял, что не любил... наверно не любил, а просто разрушил чужую жизнь из-за прихоти. Ты спрашивала про ворона... — Обратился он ко мне без паузы, без остановки. — Не за Лану клюёт... за брата. Потому что виноват.

— Никто не виноват... — Прошептала, а Дима голову руками обхватил и взвыл. В буквальном смысле взвыл, корчась от боли, сжимая кулаки, выбирая этими кулаками волосы.

— «Никто не виноват...» Последние слова... Это были его последние слова... когда Сашка в себя пришёл. Он помнил всё. Он всё знал, и что Ланы нет, и что меня все обвиняют он словно слышал это и сказал, что никто не виноват!

Мне казалось, что Дима плакал. Наверно так и было. Потому что он не хотел смотреть на меня.

— Сначала я жалел их, потом жалел себя, потом всех нас, и вдруг жалость закончилась... Пустота осталась. — Снова заговорил он, и от ледяного тона я вжалась в спинку дивана. — Я видел тебя. Ты стояла у могилки Ланы на кладбище. Такая тоненькая, хрупкая, но не плакала. Я рыдал, а ты не плакала. Тогда подумал, что ты сильная. Сильнее меня. Так и есть. Сейчас тебе так же больно как и мне, но ты держишься... а говоришь слабая...

— Ты...

— Нет, я не искал тебя, не следил за тобой. — Поспешил ответить Дима. — Наверно поступил малодушно, но предпочёл просто вычеркнуть всё это из жизни. Точнее, пытался себя в этом убедить. Погрузился в себя, в работу, ведь Сашки больше не было, а вести дела кому-то было нужно. Я думал, что он меня ненавидит, а он завещание на меня оставил. Чувствовал, нет — не знаю. Но в тот день, точно после нашей драки за Лану, он завещал, что всё должно принадлежать мне. Только я не знал, что и как. У меня было соответствующее образование, но в бизнесе нужна чуйка, знания. И получение этих знаний отнимало всё моё свободное время. Так прошли годы.

— Но ведь мы с тобой встретились...

— Первая встреча была случайностью. Не знал я, где Лана живёт. Никогда в дом не приходил, мне она важна была. И что ты её дочь, тоже не знал. Ты спрашивала, почему подошёл, так я тебе правду ответил. А вот вторая встреча... тогда, в клубе... Вот тогда узнал. И в мыслях не было, что та девчушка с улицы. Ты стала на Лану похожа. Во всём. Манера держаться, двигаться, говорить... Я накачался тогда прилично, только так напряжение и

снимал. И как сдвинулся, когда тебя увидел, а ты уйти попыталась, и завела этим с пол-оборота. Хотел только убедиться, что ты не бред, не моя галлюцинация, а когда догнал...

Дима резко ко мне повернулся, зубы сжаты, кулаки сжаты, глаза безумные.

— От тебя как от неё пахло, меня и понесло. Всё равно стало, только бы не упустить. Сжал тебя тогда, не знаю, если бы пацан тот рядом не проходил, и не отпустил бы. Я не спал с Ланой. Не прикасался, даже никогда не целовал. А на тебе сорвался, потому что знал, что жить нужно здесь и сейчас. А потом понял, что ты не она. Испугалась, отбиться пыталась — предложил цену. Знаешь, чтобы продлить иллюзию. Хотел тебя до безумия... то есть не тебя, конечно, — её. А потом, как сказали мне, что это ты, Галя. Я даже не понял, что он мне объяснить пытается. Какая Галя, какой двор? Память только обрывками всё выдавала. Видел тебя тогда девчушкой мелкой и меня как переключило. Вспомнил, что у Ланы дочку так же звали и всё на свои места стало. Знаешь, — он сжал мой подбородок, наклонился, но не коснулся, — тогда жизнь новыми красками заиграла. И я действительно стал за тобой следить. Не как маньяк, и не сам. Людей нанял, чтобы присматривали, чтобы не случилось ничего, слишком сладкая ты была. — Провёл большим пальцем по моим губам. — Даже не представляешь, скольким руки сломал, чтобы к тебе не приближались. Скольким слюни предложил подобрать. Бился за тебя насмерть.

— То есть?.. — Нахмурилась я, не понимая, а он жёстко усмехнулся.

— Ну, не думала же ты, что тебя не замечают? Замечали, детка, — потянул он, в глаза глядя, — сколькие тебя хотели, сколькие вздыхали вслед. Кто-то слова понимал, кто-то силу. Хочешь знать? Да. Для себя берёг. — Отрезал жёстко словом, заставляя меня от страха сжаться. — Мог соблазнить тебя, слишком уж ты любви тогда хотела, мог голову вскружить, мог просто трахнуть, но не делал этого. Потому что уже тогда понимал, что женой моей будешь. Поэтому не приближался, не пугал, хотя и не прав был. Да кто же знал, что не так всё пойдёт?.. Говоришь, не тебя видел — её? Права. Так и было. Хотел догнать то, что ускользнуло? Опять в точку. Смотрел на фотографии твои и с ума сходил оттого как похожа. Улыбка, глаза. Твои волосы... Даже голос похож. Вдохновение вернулось... Я ведь семь лет не мог брать в руку карандаш... Только управленцем был. Не свою жизнь проживал, а Сашкину. А потом на тебя посмотрел и всё изменилось. И создавать новое получалось самому, и идеи появлялись, и задумки. Я собой стал, ожил, словно второй шанс получил. Шанс на счастье. Так, кажется, ты говорила. А потом... авария эта, следствие... мой одноклассник дело вёл. Злопамятным оказался, тварь. Увёл я у него одну деваху, красивая была такая, что зубы сводило. И на выпускном оприходовал. Она не девочка оказалась, я-то и не расстроился, а вот Славик запомнил. Вот и встретились, что называется. Дело шил старательно, ничего не упустил. Насмерть с адвокатами бился, чтобы меня под подписку не выпустить, но там другие чины вступились. Вышел. Понял, что если сяду, тебя одну оставлю, вот и пришёл к вам домой обосновать всё. Бабуля твоя не узнала меня, только раз видела и то, сама не в том состоянии была, чтобы запомнить. А я, если захочу, умею быть убедительным. То, что не узнала, только на руку было. Не обещал я золотые горы, обещал счастливой сделать, и, если честно, не знаю, что убедило её, но она согласилась. Испугалась, конечно, сначала. И напора моего, и целеустремлённости, и того, с какими глазами о тебе говорил, но уступила. Сказала, что ты сама решить должна. То, что времени на ухаживания нет, так она не знала. Я сказал, что мы знакомы с тобой. Возможно, и не поверила, но шанс дала, спасибо ей за это. Так и получилось, что вместе мы.

— Зачем ты мне это говоришь?..

— Потому что ты должна знать. Чтобы понять меня, ты должна знать! — Сверкнули его глаза. Дима на коленях перед диваном стоял, на безумного похож был, но было в этом безумии что-то от того Димы, которого знала я.

Я отвернулась, рубашку его на плечи сильнее натягивая, и Дима отступил. Совсем немного, но нам обоим нужно было это пространство. Он на пол опустился, сел, чтобы на меня смотреть, ноги в коленях согнуты, локти в них упираются, а на лице улыбка. Нежная, тёплая, родная...

— Я задыхался от того, насколько близко ты стоишь, насколько всё нереально. И смотрела на меня так, что дух захватывало. — Продолжил он, улыбаясь. — Смесь страха, сомнения и желания попробовать. Остро, слишком обжигающе, чтобы отказаться. А потом... Не знаю, даже не могу точно сказать в какой момент так же остро я почувствовал, что ты — это не она. Другая. Не похожа на неё и всё, что было до этого — иллюзия, несбыточная мечта. Может, в ЗАГСе, когда поцеловал тебя, может... Нет, наверно потом. Ты смотрела на меня, пытаюсь поверить, не потому, что я — это успешный, богатый, не потому, что Шах. А потому, что я — это я, мужчина, стоящий рядом. Тот, о котором ты не знаешь ничего кроме редких непонятных мне впечатлений. А ты жалась ко мне, пытаюсь согреться там, где нет тепла. Но тепло было нужно тебе отдать, потому что ты его заслуживала. Оно было тебе необходимо. И в тот вечер, наверно я и сам начал оттаивать с тобой рядом. Но не потому, что на Лану похожа, а потому что собой оставалась. И было в тебе что-то другое, что и меня заставляло верить. И в ту ночь я с тобой был. Тебя хотел и тебя обнимал. И пока в тюрьме сидел о тебе думал — не о ней. И понял, наконец, что с ней было не так как с тобой, не по-настоящему.

— Ты запутался...

— Наверно, в чём-то ты права. Только не сейчас. Сейчас точно знаю, что мне ты нужна. Тебя люблю и с тобой хочу остаться. Ты не понимаешь? С Ланой влюблённость была, желание доказать, кому и что — неважно, главное цели добиться. А сейчас, когда ты рядом, и цели другие, и смысл. И не говорил, потому что не хотел делать больно. И мне важно, что ты сейчас чувствуешь!

— Я боюсь. — Призналась и глаза закрыла.

— Меня?

— Наверно, того, что однажды я тебя потеряю.

— Ты не уйдёшь?

Я отрицательно покачала головой.

— В отличие от тебя, я всегда любила только одного человека. — Сказала твёрже, чем хотела и от пробравшего холода, поднялась.

Рубашка соскользнула с моих плеч, оставляя после себя ощущение пустоты, словно не ткань, а муж от меня отделился, его тепло и его запах. Поднялась, подошла к окну, за которым темноту разрезал яркий свет уличных фонариков.

— Ты знаешь, что такое одиночество? — Спросила, зная, что Дима на меня смотрит, он промолчал и я голову чуть в сторону повернула. — Впервые я почувствовала себя одинокой, когда мамы не стало. Была бабушка, друзья, а мне чего-то не хватало. Любви, может быть... А потом я поняла, что это было не оно. Боль утраты, она была для меня всем, но это было не оно. — Повернулась к нему лицом, посмотрела зло. — Одиночество — это когда рядом нет тебя! — Прокричала изо всех сил. Чтобы знал, чтобы услышал, чтобы поверил.

Дима молчал и не моргал, в меня, в моё лицо вглядываясь, и я не сдержалась, бросилась

к нему практически бегом, за плечи обняла, желая больше обхватить, больше получить, чтобы весь мой был. Как безумная целовала плечи, волосы, затылок. Обнимала, царапаясь, словно потерять прямо сейчас могу, если не удержу.

— Не отдам...

Прижималась лбом к его лбу, губами к его губам.

— Не отдам! — Дрожала, потому что казалось, что не мой он. — Не отдам, не отдам! — Вцепилась в его затылок, чтобы на меня смотрел. Только на меня. Плакала, и губы тряслись, и подбородок. — Я верю тебе. И всегда буду верить только тебе. Потому что родной. Потому что без тебя меня нет.

А потом Дима сам так сильно сжал мой затылок, что искры из глаз, казалось, полетят, что стон боли невольно сорвался с губ, а он продолжал давить, в глаза смотрел и не дышал.

— Одиночество — это когда рядом нет тебя. — Повторил внушительно и прижал меня к себе, чтобы я слышала, как его сердце бьётся для меня, чтобы я знала это и никогда больше усомниться не смела.

Я ожила, только когда тёплые губы коснулись кожи на спине. Мы лежали на кровати в комнате Димы, а он медленно стягивал с меня платье, нацеловывая каждый выступающий позвонок, проводя по каждому языком, цепляя губами. И в целом мире не было счастливее человека, чем я. Он касался нежно, не желая причинит боль, поглаживая, но не смея надавить. Дима всегда чувствует, чего я хочу, всегда даёт мне это. А я не могу ответить, я могу только тихо постанывать, не желая дарить удовольствие, желая только его получать. В эту ночь всё вернулось. И он, и я... на шесть лет назад, в ту, самую первую, самую важную ночь. И я точно знала, что это был не обман, что можно повторить то, что я чувствовала, а именно, как растворялась в нём, как доверилась впервые, как в первый раз простонала в его губы. А на утро просто не могла свести ноги... совсем как в первый раз.

Глава 27

— Просыпайся, соня!

— НЕТ!

— Просыпайся, милая.

— НЕТ!

— Просыпайся, иначе работу проспишь...

— ДА!

Примерно по такому сценарию проходили последние пару месяцев нашей жизни. Никогда и подумать не смела, что в браке всё так. Или это у нас слишком гладко? Слишком идеально? Нет, есть и ссоры, есть недопонимания, но всегда между нами остаётся что-то большее, то, что мы никому не показываем. Дима как и прежде готовит завтрак, но уже не из бутербродов, а научился варить супы. Не скажу, что есть с утра суп предел моих мечтаний, но, зная, чьи руки трудились над ним всё утро, м-м-м... просто невозможно отказаться. У него намечается очередная выставка, как раз на конец недели, у меня на работе полный штить, который он так заумно называет стабильность. Кречетов развёл Женю на доверие, Женя развела Макса на предложение руки и сердца.

Почему Кречетов развёл? Да потому, что знал он и где его дочь, и как её найти. Знал он и всё о её жизни, только не признался в этом. Если верить Диминым словам, то папочка-уголовник не хотел портить репутацию сиротке, а если самому Кречетову, что мы строили, строили и, наконец, построили. В том смысле, что он очень рад обрести дочь, вне зависимости от обстоятельств и упорно делал вид, что искал-искал, и всё-таки нашёл. Почему Женя развела? Да потому что поставила вопрос ребром и написала вполне реальное заявление об уходе. А потом ещё сделала вид, что поверила этим двум мужикам, что они как лучше хотели. Один с репутацией, а другой, вроде как старый пень на двадцать лет старше не хотел портить жизнь. И всё у нас замечательно, и всё красиво, если бы не одно «но»: моя заикленность на беременности. Вот, хочу я ребёнка, подать мне его сюда! Не желая слушать объяснения врача о том, что нужно время, нужно, чтобы организмы привыкли друг к другу. В моём желании Дима меня поддерживает, в напористости — нет. А я и сама всё понимаю, но хочу настоящую семью, которой не бывает без детей.

— Фу-у... фасоль. — Сморщила я нос, глядя на свою тарелку, Дима улыбнулся.

— Но я ведь ел вчера твою спаржу, хотя терпеть её не могу.

— Тебе можно, а мне нужно есть вкусно. Разницу чувствуешь? Ты готовишься стать отцом, а я матерью. — Первая ложка прошла более-менее удачно, даже ничего и нигде не застряло, поэтому я осмелела. — И вообще, я ведь не знала про спаржу, а тебе про фасоль только вчера сказала. Или это такая подлая месть?! — Воскликнула возмущённо, громко ударяя ложкой о стол, благо салфетка приглушила звук. Дима исподтишка насмехался.

— Это всего лишь суп. Ешь, опоздаем.

— Не переусердствуй с заботой, дорогой.

— А я давно предлагал тебе отказаться от этой затеи. Правильное питание это, конечно, хорошо, но...

— Но кто-то слишком много болтает!

— А кто-то слишком усердно ищет проблему там, где её нет. Ну, правда, Галь. Успеется.

— Тебе тридцать семь! — Возмутилась я.

— Это не так много, как тебе кажется.

— Но и не так мало!

— Ты просто живёшь в состоянии стресса, какая там беременность, если с собой справиться не можешь?

— Ну вот, — швырнула я салфетку на стол и скрестила руки на груди, — теперь у меня вообще аппетит пропал.

— Я думаю, причиной этого является фасоль, а не мои слова. — Заметил Дима, вытирая салфеткой губы. Из-за стола встал, забрал из-под моего носа тарелку. Не могу не признать, что вздохнула в этот момент с облегчением. — Вот омлет. Как знал, что выкобениваться начнёшь. — Тут же на столе оказалась другая тарелка, а я вздохнула поглубже. Интересно, так бывает, что беременность ещё только предвидится, а меня уже тошнит?..

И по такому сценарию изо дня в день. Мне иногда кажется, что Дима просто отвлечь меня пытается, забирая на себя весь негатив. Ну и пусть, если ему так хочется... Правда, потом он филонит и в сексе, ссылаясь на усталость от ежедневных споров. Но в целом, я довольна.

Субботний вечер должен был стать знаменательным событием, поэтому, чтобы соответствовать, я отправилась в салон красоты, привести в порядок волосы и тело. Выбрала не тот, который теперь могу себе позволить, а полюбившийся ещё со студенческих времён, где качество проделанной работы в разы превышает её цену. Милые, улыбчивые девушки, положительное отношение к клиенту, какого бы достатка он не был, а так же приличная доля излишнего внимания обеспечена.

Когда солнце клонилось к закату, а внешний вид уже позволял показаться перед требовательной публикой, я вдруг столкнулась с Лизой.

— Галка, привет! — Весело крикнула она, заставляя меня обернуться. Я, в отличие от подруги, была более сдержана.

— Добрый вечер. — Улыбнулась более чем скромно.

Лиза осматривала меня словно под микроскопом, после чего одобрительно кивнула.

— Выглядишь зачётно. Замужество хорошо на тебя влияет.

— Спасибо, ты тоже не изменилась. — Выдержала я удар, Лизка, казалось, не обратила на это внимание. Уже держала меня под локоть.

— Давно не виделись, ты не звонишь, не заходишь. Значит, хорошо всё?

— Да, спасибо.

— А Шах как? Рад, наверно?

Я уже откровенно переминалась с ноги на ногу, пытаюсь улизнуть в сторону своей машины, но природная нерешительность и нежелание обидеть, как всегда брало верх.

— Пока не жаловался. — Вымученно улыбнулась. Не мешало бы ответить встречной вежливостью, но как-то язык не поворачивался. Впрочем, Лизу это не особо расстраивало.

— А я вот с Валерой рассталась. — Неуклюже она перевалилась с одной ноги на другую и пожала плечами. — Другую встретил, сказал, что я его не устраиваю.

— Да, я помню, ты говорила. Наверно, это даже к лучшему. Хуже, если бы к этому моменту ты была замужем и с тремя детишками на руках. — Пыталась поддержать я, но, видимо, неудачно, потому как улыбка Лизы всё тускнела, уверенность рассеивалась.

— Наверно. Спешешь куда-то?

— Да, сегодня у Димы презентация новой коллекции, он дизайнер ювелирных изделий.

— Да, — охотно ухватилась она за эту фразу, — Антон мне рассказывал. Как, кстати, не виделись с ним?

— Да нам нечего обсуждать. А ты? Я так понимаю, вы созваниваетесь?

— Даже иногда встречаемся. Сильно спешешь?

— Да...

— Ну, полчаса ведь у тебя найдётся, посидеть со старой знакомой?

— Четно говоря...

— Да ладно, не отказывайся. Когда ещё вот так встретимся? — Настаивала она, а я нервно поглядывала на часы. На самом деле, времени у меня хватало, я ведь собиралась ещё домой переодеться, только...

— А, давай. — Решительно махнула головой, хотя всеми фибрами души предпочла бы избавиться от этой компании.

Не знаю, что не так было, может, действительно давно мы с Лизой не виделись, может, я так сильно изменилась, но уже не могла представить, что мы можем вдвоём обсуждать, сидя за чашечкой кофе. Лиза же, моему согласию обрадовалась.

— Тут недалеко кафе есть. — Сообщила, оттягивая меня в противоположную от моей машины сторону. — Кухня так себе, но десерты приличные. Ты как? Не боишься расправиться?

— Дима говорит, что я скоро костями при ходьбе греметь начну.

— Да ладно, они всегда так говорят, а как только лишние полкило набрала, так и ворчат, что на корову похожа. Идём, — улыбнулась на моё сомнение, — здесь недалеко. Ты ведь спешешь.

Устроившись в кофейне, мы сделали заказ, посмотрели друг на друга, Лиза отчего-то опустила взгляд, нервно потеребила ворот блузки.

— Так, говоришь, хорошо всё? Не ссоритесь?

— Да, так. — Пожала я плечами, не имея понятия, зачем задавать один и тот же вопрос несколько раз.

— Может, и прибавление скоро ожидаете?

— Пока только думаем об этом. — Слукавила я, хотя, по сути, это тоже было своеобразной правдой.

— Я тут читала, что возраст родителей сильно влияет на возможность проявления пороков развития детей. Сколько твоему мужу?

— Он ещё не в том возрасте, когда влияет. — Довольно грубо ответила я и очень обрадовалась подошедшей официантке, с двойной искренностью поблагодарив её.

— Ты знаешь, полгода назад и подумать не могла, что мы с тобой, вот так, сидя за одним столом, не сможем найти друг для друга и пары искренних фраз. Всё как из пальца высосано. Извини меня, наверно, я тоже в чём-то виновата... — Она отпила кофе, я сделала то же самое. — Не нужно было тогда тебе про Диму всё это рассказывать.

— Всё в порядке. Мы с ним выяснили больше, чем достаточно и обсуждать эту тему далее...

— Да, не имеет смысла. Ты права. Как работа?

— Помощник редактора. Правлю статьи. У Жени они вылетают как из трубы, такие же чёрные и дымные. Приходится отмывать.

— Да? А я думала занимаешь руководящий пост. Слышала, что это вроде как знакомые твоего мужа?

— Да, но ты же меня знаешь, — на этом я почему-то смутилась, с чего вообще взяла, что Лизе интересна моя личность? Мы никогда не спорили и этого было вполне достаточно для мирного сосуществования. — В смысле, что я никогда не стремилась, да и дело для меня новое. Стоит немного освоиться.

— Да зачем? Туда сюда, дети пойдут, наверняка муж запрет тебя дома, не давая передышки. Будет как в поговорке: босая, беременная и на кухне.

— Иногда кажется, что это как раз моя мечта.

Напрасно проговорила я, Лизка на меня глаза вытаращила.

— Да? А мне казалось, ты фанат работы.

— Но для этого вовсе не обязательно ходить в офис. — Сказала я и язык прикусила. Не собиралась делиться с Лизой своими секретами, я и Диме не рассказала, что моими стихами заинтересовались.

— Ух, ты, что-то придумала? Тоже какой-нибудь бизнес?

— Скорее, занятие для души.

— Понимаю, понимаю... спешишь, наверно? — Улыбнулась она, а я как-то растерялась, сама слов подобрать не могла.

— Д-да, честно говоря...

— Да ладно, всё понимаю. Муж, новые друзья, заботы... — Вздохнула она.

— Просто сегодня важный для нас день, не хотелось бы подводить... — Я уже встать собиралась, но Лиза опередила.

— Ничего. Посидишь минуту, я макияж подправлю? — Подхватила она, а я, то ли радуясь скорому окончанию экзекуции, то ли ещё чему-нибудь, закивала как болванчик, глупо улыбаясь.

Минутка её, надо отметить, растянулась, я как раз посмотрела на манящий десерт, на недопитый кофе: только сейчас вспомнила, что не пью его после обеда и вдруг так захотелось диету эту глупую нарушить, что не удержалась и кусочек торта всё же ковырнула, сделала пару глотков, после чего почувствовала во рту прилив горечи, а следом и лёгкую тошноту. «Как не вовремя» — мелькнуло в голове и я прижала руку к ноющему желудку. Оглянулась: Лизы так и не было, к щекам прилил жар, руки, наоборот, казались замёрзшими, отчего я принялась сжимать и разжимать пальцы, разминая их.

— Извини, я долго. — Послышалось словно вдалеке и я посмотрела на Лизу затуманенным взглядом. Странно, мне казалось, что свои руки я видела отчётливо. Лизка молчала, вроде как меня разглядывая, а потом ближе наклонилась, руку на плечо положила.

— Галь, ты как? Бледная, как смерть. Случаем, не беременна? — Голос вроде и шуточный, но настороженность присутствует. — Всё в порядке?

— Голова кружится. Пройдёт сейчас. — Голос показался слишком тихим. — Я наверно Диме позвоню, пусть приедет.

В попытке найти сумку, я едва не рухнула со стула, хорошо Лизка поддержала.

— Давай, я сама найду. — Оттянула она меня на место. В сумке моей покопалась, достала телефон. — Как он подписан, найти не могу? — Спрашивала, по щеке меня хлопывая.

Мне показалось, подходила официантка, спрашивала, всё ли у нас в порядке, но Лиза её отослала.

— Не могу найти, номер не продикуешь?

— Там...

— Эй, Галя, Галка! Чёрт! Сейчас я позвоню Диме, он тебя заберёт. — Услышала я слишком резко, так, что голова раскалывалась, и пришлось закрыть уши ладонями, над столом склоняясь.

Знакомый резкий запах мужского одеколona и сильные руки я почувствовала, когда перед глазами разглядеть что-то не представлялось возможным. Оставалось только откинуть голову назад, чтобы как минимум не мешать. Это я почему-то понимала отчётливо, как и то, что меня вынесли на улицу: в лицо ударил порыв ветра, стало холодно. А значит, сознание не теряла, только была дезориентирована. Глупо... мне так плохо и такие умные слова на ум приходят... я даже почувствовала, как губы расползаются в улыбке, осознавая сей факт.

— Кислый, позвони ей ещё раз. — Очередной раз беспокоился Шах, глядя на входные двери галереи. Проход был пуст, презентация вот-вот должна начаться.

— Я звоню. Не берёт она.

Ворчал тот, не отнимая трубку телефона от уха.

— Звони ещё!

— Не кипятись. Никуда Галка твоя не денется. Я сейчас Кречетова наберу, пусть отследит местоположение. Может, она в пробке стоит, не слышит...

— Она к пяти обещала быть. Сейчас половина седьмого. — Бубнил он под нос, наверно для самого себя, нервничал.

— Дмитрий Алексеевич, сейчас начинаем.

— Две минуты. — Отмахнулся от помощницы, которая уже третий раз подходит, предупреждая.

— Так, не мельтеши, иди, начинай. Я как дозвонюсь или узнаю что, дам знать.

Шах нехотя посмотрел в сторону специально организованной трибуны, отчего-то скривился, но всё же махнул рукой и пошёл, раздавая вымученные улыбки, хотя губы никак не хотели складываться в нужный формат. Наверно, он бы и дальше пошёл, только боковым зрением заметил Кречетова, который, игнорируя дресс-код, пытался пробраться к нему. От взгляда начальника охраны сразу не по себе стало, точнее, слишком это взгляд говорящим был, чтобы его проигнорировать, поэтому, не дойдя до трибуны всего пару метров, Шах схватил под руку помощницу, к себе притягивая.

— Презентуешь ты. — Рыкнул на ухо, как приказ, который не обсуждается и стремительно направился в противоположную сторону, не проявляя ни малейшего интереса к происходящему событию, готовился к которому полгода.

— Что? — Выдохнул, теряя весь кислород в лёгких. Кречетов протягивал Шаху мобильный, который тот перед презентацией, сам же ему и отдал. Сжал зубы до судороги в челюсти и перевернул экран к себе. Взгляд стал каменным.

— Сообщение пришло двенадцать минут назад. Я уже напряг Олега он пробивает адрес отправителя. Запеленговал сигнал, Галя на своей квартире.

Шах несколько раз кивнул, прищурился, пытаясь выбрать оптимальный вариант решения. Молча двинулся к выходу, Кречетов шёл следом.

— Значит так, я за руль, ты... — Оглянулся, не находя нужных слов, медленно выдохнул, выдвинув нижнюю челюсть вперёд, судорога снова прошла по лицу, переходя в сдержанные желваки. — Ты на мой ноут, пусть Олег пришлёт файлы записи с её квартиры.

— Я сам поведу. — Попытался обогнать его Кречетов, но как только приблизился, отступил.

— Где твои люди, Егор?! — Шах резко развернулся, схватив друга за грудки, зло сотрясая, тянул на себя. — Где? Твои? Люди? — Прошипел, покраснев от напряжения и злости.

Шумно дышал, понимая, что не может разжать кулаки, спустя мгновение отшвырнул Кречетова от себя, по касательной задевая его нижнюю челюсть. Сцепил зубы и отступить попытался, нервно оглянулся, поджал губы, дёрнул узел галстука, срывая его с шеи, смял и выбросил на мокрый от моросящего дождя асфальт.

— Я за руль. — Повторил тихо, но так, что возражений не последовало.

Сначала они ехали в тишине. Наверно Шаху нужно было время, чтобы прийти в себя, только этого времени почему-то катастрофически не хватало. Он смотрел, как щётки убирают мокрые разводы с лобового стекла, как ручейки воды стекают с самого края, огибая его по периметру. Смотрел и бесился от злости. Костяшки пальцев побелели, но ни боли, ни напряжения он не чувствовал, возможно оттого, что это напряжение сделало из его тела единую стальную конструкцию, которая хотела ломать и крушить.

— Что там? — Спросил, когда нервы сдали: путь в несколько километров казался бесконечным.

— Пока тихо.

— Так, позвони! — Прокричал, оглушая. Кречетов поджал губы и сжал кулаки.

— Шах, Олег пришлёт информацию, как только она у него будет.

— Ты не слышишь меня? Я сказал звони! — Прошипел, на Кречетова взгляд переводя. Скривился в отвращении, ожидая действия. Резко нажал на тормоза, так, что впору выходить через лобовое стекло. Машину снесло к бордюру, но до столба она не добралась.

— Звони!

Ноутбук ожил, выдавая известие о новом сообщении. Шах дёрнул компьютер на себя, в тот момент как Кречетов оглянулся.

— До её двора сто метров. Будешь картинки разглядывать?

— Да пошёл ты! — Отшвырнул ноут на заднее сидение и завёл машину, мгновенно трогаясь с места.

Припарковались прямо на клумбе. Не теряя лишние секунды, Шах бегом бросился к подъезду, поднялся по лестнице и несколько раз дёрнул за ручку входной двери.

Кречетов догнал его уже на лестничной площадке: Шах стоял упиравшись лбом в ледяной металл двери. Сбитые костяшки на правой руке и сорванное дыхание.

— У меня нет ключей. — Прохрипел он, не поворачивая головы.

— Они есть у меня. — Выдохнул Кречетов и буквально силой оттолкнул Шаха к стене. — Входи.

В тёмной квартире было слышно только тиканье настенных часов. Шах ступил на ковёр гостиной комнаты и оглянулся. Вокруг было пусто. Прошёл дальше, медленно прокрутил ручку двери и застыл на пороге. В большой спальне, по центру кровати лежала Галя. Даже в темноте, которая нарушилась только ярким лунным светом, можно было разглядеть неестественную бледность на лице, размазанную по губам красную помаду — единственное яркое пятно. Разорванное платье лежало рядом с кроватью, на полу. Одна нога свисала, чуть не касаясь пола, вторая согнута в колене, между ними утрамбованное плотным валиком одеяло. Шах сделал несколько шагов, чтобы преодолеть это расстояние между ними,

склонился, пытаясь расслышать дыхание. Резко запрокинул голову, выпуская из груди обжигающий воздух.

— Галь? — Позвал тихо, склонившись, дотронулся до руки, выдохнул сквозь зубы, не решаясь подступить ближе. — Малыш? — Провёл ладонью по её руке, поглаживая предплечье, плечо, поправил спавшую бретельку бюстгальтера, свисавшую ногу, укладывая ровно, опустился рядом с ней на кровать. — Лапульки такие холодные... — Улыбнулся, поглаживая тонкие пальчики, сдвинул одеяло, окидывая взглядом обнажённое тело.

— Она спит? — Послышалось сзади, Шах безвольно пожал плечами.

— Я не знаю... Позвони... — Провёл ладонью по своему лицу, пытаясь стереть липкий страх, — позвони Докутовичу, скажи, мы сейчас подъедем, пусть подготовит палату, людей. И, — глянул на Кречетова, пытаясь сказать то, что никак не может с языка сорваться, — и пацана мне этого найди... Просто. Просто найди его.

— Шах...

— Подгони машину, мы сейчас спустимся. Только умою её...

— Дим, ты в порядке?

— В полном. Олег запись прислал?

— Видео файл, который при тебе пришёл.

— Хорошо. — Кивнул, только тело отказывалось слушаться, поэтому голова так и осталась висеть вниз. — Не трогай, я сам посмотрю.

— Дима...

— Всё хорошо, иди. Иди.

Кречетов ушёл и только тогда Шах скинул одеяло полностью, окинул тяжёлым взглядом, провёл ладонью по бедрам, по животу... пара синяков, ссадина, след от зубов на плече. Встал, но не отпустил её пальчиков, которые так и не отогрелись. Неуверенно пошатнулся, прежде чем взять безвольное тело на руки и отнести в ванную комнату. Умыл Галю, умылся сам и только тогда опомнился. Словно в себя вернулся. Закутал худое тельце в одеяло, захлопнул дверь ногой, не вспоминая, закрывается ли замок автоматом и быстрым шагом спустился вниз, где уже ждал Кречетов.

В больнице снова несколько отрешённо наблюдал за тем, как её тщательно осматривает врач, как берут анализы, как отвозят на каталке в палату. Через пол часа главный врач клиники профессор Докутович позвал его в свой кабинет.

— Что с ней? — Спросил без предисловий, профессор хмуро посмотрел и рукой указал на стул.

— Присаживайся, дорогой. Присаживайся. Жена твоя, я правильно понял?

— Жена.

— Что же ты так плохо смотришь за ней? — С ухмылкой уколол профессор, Шах отвернулся в сторону. — Ну, ладно, не обижайся, не для того сказано. Анализ крови показал большое присутствие синтетического наркотика. Название тебе ни о чём не скажет, он не применяется с целью подсаживания молодёжи. Так что, тебе, в некотором смысле повезло. Наркотик интересный, определённый эффект оказывает: вызывает лёгкие галлюцинации и сексуальное возбуждение, иногда приступы удушья, но, как и любой другой препарат данной группы, заканчивается крепким сном. Судя по дозе, проспит она ещё часа полтора. Все органы и системы работают, проснётся и ничего помнить не будет. Кажется, об этом ты спрашивал?

— Спасибо. — Шах поднялся со стула, упёр кулак в гладкую поверхность стола. — Я

заберу её домой.

— Не стоит. Там с дозой немного перестарались, приличная интоксикация, сегодня, завтра с утра, капельницы, и если у меня вопросов не возникнет, к обеду заберёшь.

— Хорошо. Я пойду к ней.

— Иди, только улыбку натяни, если вдруг проснётся. Тут уж придётся постараться.

— Что значит если? Вы же сказали полтора часа. Я правильно понял? — Напряжённая поза выдавала внутренне состояние, которое вполне успешно скрывалось за непроницаемым жёстким выражением лица.

Профессор усмехнулся и тоже привстал.

— Через полтора часа она может проснуться, но к тому времени будет уже десять. Биологические часы возьмут своё. Так что ты можешь и домой. Отдохнуть.

— Как получится. Спасибо. — Отозвался Шах, стоя лицом к двери, подержался за ручку, шагнул назад, становясь в пол-оборота. — Мы ребёнка планировали... я бы хотел получить консультацию гинеколога, не повредит ли...

— Гинеколога я тебе вызову, вопросы свои задашь, а если интересно моё мнение, то всё хорошо будет, пару недель, максимум месяц отдохните от своего активного планирования. А потом хоть сколько. Всё, иди. Иди, иди...

Массивные ладони легли на плечи Шаха.

— Мама как?

— Хорошо.

— Отец?

— Вам спасибо, выручили.

— Это хорошо, что женился. Это правильно. Сколько можно девочку ту вспоминать?..

— Я тоже так думаю. До свидания.

— Родителям привет. — Услышал Шах на прощание и кивнул, не оборачиваясь. Под палатой Гали уже сидел Лёха со своей женой, Кречетов стоял, искоса поглядывая на парочку.

— Дим, ну, как? Что случилось? Как только Лёша сказал, мы сразу к вам. — Тараторила Лия, вызвав непроизвольную улыбку троих мужчин.

— Всё хорошо, спасибо. Ничего страшного, просто отравилась. Завтра уже будет дома.

— Отравилась? До больницы? Это что же она такое ела? А может пила?

— А может и нюхала. — Окончательно развеселился Шах, приобнимая женщину за плечи. — Спасибо за столь чуткий подход, но, поверь, это не так сложно. Тебе, кстати, урок, как есть в разных забегах.

Лия металась между слишком лёгким в разговоре Шахом и слишком уж напряжённым мужем, поглядывая то на одного, то на другого.

— Может, нужно что? Хочешь, езжай отдохни, мы подежурим? Я переживаю, Дим, точно хорошо всё? — Не унималась она, то и дело поперёд дороги становясь, в глаза заглядывала.

— Да в порядке. Правда. Завтра Гале сама позвонишь, из первых уст узнаешь. Ну? Езжайте домой. Все устали, всем пора спать. Всё завтра.

Оттесняли её к выходу. Лия, отступала с неохотой, то и дело, в сторону Кречетова косясь, которому здесь точно не место, но сказать об этом не смела.

— Но если что понадобится, мы на телефоне. — Напомнила на всякий случай, сдавая позиции.

— Конечно.

— Лия, в машине меня подожди. — Улыбнулся ей Лёха в тот момент, когда та уже порог на лестницу переступила, посмотрела на него недоверчиво. — Я две минуты и иду.

— Я могу и остаться...

— Иди, Зайка.

Как только звук цокающих каблучков стих, Шах стёр выражение лёгкости на своём лице, взгляд потемнел, губы превратились в сплошную тонкую линию.

— А на самом деле? — Тут же уточнил Лёша, глядя в глаза, Шах поморщился.

— Ты слышал, что я жене твоей сказал? Вот и всё. Егор, комп в палату принесёшь. Сейчас. — Бросил, обернувшись, когда понял, что никто не сдвинулся с места.

— Что скажешь? — Хмыкнул Кислый, Кречетов почесал подбородок.

— А ты не видишь?

— Да уж не слепой. Произошло что?

Кречетов тяжело выдохнул, сощурился и молча к лестнице направился. Уже оттуда на Кислого обернулся, тот понял и направился следом.

— Да фотки ему на телефон прислали. Где Галя вроде как с бывшим пацаном своим обнимается, целуется. Сначала в кафе каком-то, потом снимки из окна дома напротив. Там, сам понимаешь, уже не про поцелуи. Он сорвался, пришёл, в квартире тихо, она лежит. Чем там её накачали, снотворным или наркотиками... Люди мои уже отработали, без её подружки, сучки, не обошлось. Как по мне, так там расчёт, видимо, на то был, что Шах свою презентацию срывать не будет, да и задержал он начало, сам знаешь. А к тому моменту, как приедет, Галя уже бы и в себя пришла. А там... кто ей поверит...

— Её... — Кислый почесал затылок, в сторону глядя, — в порядке всё? Что вообще там произошло?

— Не знаю. Шах запретил видеозапись с камер смотреть, а было или нет, мы по его реакции завтра поймём. Да и не наше это уже дело.

— Понятно. — Остановились они у машины Кислого. — Ты домой сейчас?

— Да какое там... Хоть бы к утру вернуться. Видишь же, на взводе весь, натворит чего...

— Ладно, на созвоне.

— Давай.

Кречетов дождался, пока машина отъедет с места и только после этого вернулся в больницу, в руках держал бомбу замедленного действия в виде компьютера с записью. Войдя в палату, осмотрелся, Шах не внушал доверия, но и остановить его вряд ли кому-то теперь удастся, поэтому только предупредил.

— Я за дверью буду.

— Мне всё равно. — Отозвался сипло и быстро загрузил запись.

На видео чётко видно как Галю принесли и швырнули на кровать, как пацан не справился с молнией платья и предпочёл просто разорвать его, как Лиза даёт последние указания, стоя в стороне.

— Да хватит драть, и так уже голая! — Подсказывала она громким шёпотом. — Ты ноги только повыше задирай, чтобы понятно было.

— А так не понятно?!

— Не кричи. Всё получится. Хотел её себе? Так, Шах уже завтра вышвырнет.

— Не убьёт? — Остановился Антон на секунду, глядя на обнажённое тело, тут же

посмотрел на Лизу. Та казалась слишком уверена в себе, чтобы ей не поверить.

— Вот ещё! — Фыркнула. — Из-за шлюхи какой-то руки марать... — Скривилась она. — Не станет он. На крайний случай попрессует немного, и выбросит. — Сама на подругу посмотрела, приценилась. — Так это и лучше даже, тогда она точно к нему больше не сунется. Такие чистоплюи, как Шах, обмана не прощают. Вот просто на дух не переносят.

— Он покалечить может... — Потянул Антон с жалостью, Шах аж проникся, кулаки сжал, глядя на запись.

— Ничего. Убить не убьёт, а на пластику носа ты ей насобираешь. — Рассмеялась, шторы раскрывая.

— Ты свет включи поярче. Как только выйду, я тебя наберу. — Бросила она, держа в руках профессиональный аппарат.

Галя с Антоном остались наедине. Вот тут Шах и задержал дыхание, смотрел на экран, не моргая, не шевелясь, он, казалось, весь там был. Слышал, Как Галя его имя шептала. Его — не этого сопляка, наверно, даже не понимала, что происходит, где она, с кем. После телефонного звонка отморозок этот на неё полез, бурную страсть изображая. Она ещё не отключилась, в сознании была, слушала, что он шепчет, обнимала, ластилась в ответ, льнула, прижимаясь всем телом. Шах не чувствовал ничего, кроме отвращения к пареньку. И, пожалуй, да, ещё желание уничтожить его и таких как он. Смотрел без особого интереса, просто как констатация факта. Как только прозвучал второй звонок, видимо, с оповещением, что дело сделано, Антон над Галей склонился. В губы поцеловал, засасывая каждую из них по очерёдности, заставляя отвечать ему, стонать, просить большего. Улыбался, когда она руки к нему тянула и жёстко за плечо укусил, чтобы кричала, оскалился.

— Как жаль, моя хорошая, что мы с тобой так и не попробовали пожестче... — Сжал грудь до её болезненного стога, Шах сжал подлокотник больничного кресла. — Но ничего... — Шептал, водя губами по животу. — У нас ещё всё впереди. Ты только потерпи немного. Я помогу тебе. Помогу уйти от него. Не любишь ведь...

Облизал каждый пальчик на её руках, прикусил кожу над выпирающими косточками таза, Шах до внутренней дрожи сжался, когда увидел гримасу боли на её лице, а этот урод смеялся.

— Ты просто запуталась в его паутине. — Гладил он её волосы. — Бедная, бедная бабочка... А когда придёшь ко мне, я не сразу прощу, нет, поэтому жить ты будешь на моих условиях, как я прикажу. Девочка моя. Красавица... Отдыхай, отдыхай, моя хорошая...

Крышка ноутбука хлопнула, Шах, крепко зажмурился. Тряханул головой и сквозь внутреннюю боль оскалился.

— Всё хорошо, Егор. — Выразительно прошептал губами, когда тот показался из-за двери. — Всё хорошо. Ты мне только найди его.

— Только фотографии?

Шах устало опустил голову и засмеялся.

— Егор, ты слышал, что я сказал?

— Я слышал, и кое-что в этой жизни ещё понимаю. — Бросил Кречетов, проходя вглубь палаты. — И поэтому настоятельно рекомендую, не двигаться с места. Я сам его найду и сам размажу по стенке.

— Да что ты... — Глаза Шаха сверкнули, улыбка наполнилась безумием.

— Шах...

— Нет, Егор Владимирович, ты серьёзно сейчас? После того, как они обсуждали, убью я

свою жену после, якобы, измены или только покалечу, предлагаешь лапки сложить и со стороны посмотреть?

— Мне сейчас кажется, что кого-нибудь ты сегодня точно убьёшь.

— Найди мне его. — Встал Шах, улыбаясь, подошёл к Кречетову. — И *уку эту. — Всунул в руки ноутбук, улыбка не спадала, перерастая в безумную, угрожающую. — У тебя час. А я за это время остыну. Ты как?

— Через час и поговорим. — Ухмыльнулся тот и, чуть задев Шаха плечом, из палаты вышел. Кто из них был более безумен, не мог сказать ни один, ни другой.

Кречетов вернулся ровно через час, Шах курил на улице, стоя в одной рубашке, не обращая внимания на продувающий насквозь ветер и чему-то улыбался. Когда друг остановился напротив него, улыбка стала шире. Окурок прямой наводкой полетел в урну, и, потирая кулаки, словно разминая их, походкой вразвалочку, он спустился вниз по ступеням.

— Где гуляем?

— Дома. Кажется, до него дошло, что всё не так гладко, я бы назвал это как «прячется». Она зажигает в клубе, накачалась. Мои люди сейчас присматривают за этим.

— Кто?

— Влад и Сергей.

— К ним. — Уверенно кивнул Шах, уже не сдерживая рвущегося наружу удовлетворения.

Возле клуба они простояли не больше часа, когда, шатаясь, в дверях показалась знакомая девушка. Шах только обернулся, обращаясь к ребятам, сидящим сзади.

— Поговорите так, чтобы поняла. — Кивнул в сторону Лизы.

— Пользовать? — Отозвался один из бритоголовых.

— Ага... пока не надоест. Она у нас горячая штучка... с фантазией. Вот и найдите этой фантазии достойное применение. — Мягко говорил, улыбаясь. — Вперёд.

Постояв ещё немного, можно было увидеть, как девушку толкают в машину и увозят, но Шах ждать не стал. К Кречетову повернулся, разрешая трогать с места. Въехали в знакомый посёлок, вдвоём из машины вышли. У высокого забора Шах нажал на кнопку домофона.

— Боря, открывай, разговор есть. — Проговорил в микрофон, когда голос старого знакомого услышал.

Борис встретил его на веранде.

— Другого времени для разговоров своих не нашёл? — Сплюнул в сторону, Шах смотрел на него, не отводя глаз.

— Так не с тобой разговоры разговаривать приехал. Сына видеть хочу. Кликни, а?

— Рехнулся? — Отступил Борис, явно соображая, что происходит, видел, каким сын вернулся, потому и поджал губы.

— Да ладно, Борь. Мужики решают мужские вопросы. Что такого?

— Какие ещё вопросы, Дим? Вы одну похлёбку не хлебали. Давай ты проспишься и утром приедешь.

— Нет, Борь, — засмеялся Шах, руку ему на затылок пристраивая, — тут, понимаешь, дело какое... твой недоносок жену мою обидел. Сильно. А слабых девушек обижать не культурно. Не считаешь?

Пальцы на затылке Бориса застыли в стальной хватке, тот глаза вытаращил, но не отступил.

— Какое обидел, Шах? Ребёнок бестолковый. Я тебя к нему не пускаю. Понял? И если

ты сейчас порог этого дома переступишь... это конец будет. Понял ты, нет? Конец. — Говорил он внушительно, зная свой вес в сфере бизнеса и зная цену своей поддержке, которой никто лишиться не хочет.

— Просто отойди. — Ухмыльнулся Шах, сам Бориса в сторону отталкивая и, оглянувшись, вошёл в дом.

Антон он нашёл лежащим на кровати. Тот смотрел порнуху, не забывая обслуживать себя. Кончал он, уже понимая, что в комнате не один.

— Я тоже рад тебя видеть. — Пробормотал Шах прежде, чем нанести первый удар. А дальше перед глазами только пелена.

Кровавое месиво прекратил Кречетов, силой оттаскивая Шаха от отключившегося парня.

— Я тебя уничтожу. — Услышал он вслед, уходя из дома, знал только одно: всё сделал правильно.

Глава 28

Во рту было сухо, горло першило. Глаза полностью отказывались подчиняться. Я чувствовала себя как после хорошей пьянки и сквозь мучающее похмелье пыталась попросить пить. Сейчас обычная вода казалась райским нектаром, и только осушив предложенный стакан, я пришла в себя. Ну, как пришла... подтянула тяжёлые руки и фактически силой разлепила веки, перед собой видела веселящийся взгляд малахитовых глаз.

— Кто-то вчера явно перебрал. — Прошептал Дима, зная наверняка, что произнеси это он чуть громче, моя голова раскололась бы на де части. Сквозь боль я улыбнулась.

— Боже, что это было... — Простонала, только язык не ворочался и вполне возможно, что до мужа это дошло в искажённом варианте. Но он улыбался, я знала это, даже учитывая, что мои глаза закрылись обратно.

— В какой забегаловке ты ела, Галь, отравление жуткое. Что мне с тобой делать?

— Это был малюсенький кусочек тортика... — Пробормотала я, чувствуя, что язык начал оживать и теперь шевелится увереннее.

— Кусочек тортика. — Проворчал он, губами коснувшись моего виска. — Напугала меня. Больше из дома ни ногой.

— Фу, ты курил! — Не знаю, жаловаться я пыталась или возмутиться, но, несмотря на возглас, даже не предприняла попытку оттолкнуть. Я улыбалась.

— Я перенервничал и еле пережил этот кошмар. — Шутливо вздохнул он, стараясь на меня не дышать.

— А я есть хочу.

— Тортик? — Хмыкнул Дима, я обиделась.

— Что угодно, только не фасолевый суп. — Надула нижнюю губу, Дима тут же щёлкнул по ней, поддевая.

— Ну-у, всё. Можно говорить врачу, что ты пришла в себя. Если уж мой суп вспомнила, то здорова. — Пригладил мои волосы. Очень аккуратно. И лишь почувствовав шпильки в причёске, я действительно испытала острую необходимость видеть его глаза.

— Дим, я испортила презентацию. — Подхватила на постели и огляделась по сторонам.

— Да ну, серьёзно? — Нахмурился муж и смотрел на меня с еле сдерживаемым смехом.

— Я в больнице?

— Да что ты... Просто забыла, как выглядит наша спальня.

— Ты издеваешься надо мной?

Я положила руки поверх одеяла и только тогда кивнула уверенно.

— Ты издеваешься надо мной.

Он сдвинул брови, точно как американские актёры, когда нужно изобразить нежность и прикоснулся большим пальцем к моей щеке.

— Маленькая и глупая. — Вздыхнул, поглаживая. — О чём ты только думаешь?.. Как чувствуешь себя?

— Сушит. А так неплохо. — Прислушавшись к себе, уверенно ответила я, потом, на всякий случай прислушалась ещё и тогда уже кивнула.

— Ничего не болит?

— Не-ет. Дим, а ты точно мне всё рассказал? Ничего не случилось? Ты старушку на улице не сбил, пока ко мне мчался? Слу-ушай, надо ещё Лизке позвонить спасибо сказать, хорошо, что она рядом была, правда? — Оживилась я, взглядом телефон отыскивая. Наверно, окончательно в себя пришла, потому что и ноги подобрала, усаживаясь по-турецки на кровати, Дима только чаще поглаживать мои руки принялся.

— Я уже отблагодарил. — Нехотя признался, лукаво поглядывая на меня снизу вверх.

— Да ну? Ты? Старый солдат, который не знает слов любви? — Я посмотрела на возмущённое нахмуренное лицо и окончательно подняла себе настроение, взъерошив успевшие отрасти волосы. Дима только недовольно фыркнул, устраивая голову на моих коленях. — Как хорошо, что я у тебя есть, да? Иначе совсем бы старичок со скуки загнулся.

— Да, уж, теперь мне это точно не грозит. — Не понятно к чему проворчал он и прислушивался к биению сердца.

— Честно говоря, я подумала, что беременна.

Дима вздохнул.

— А что? Признаки те же. Тошнота, головокружение, потеря сознания вследствие резкого падения давления. Дим, давай к врачу ходим.

— Кто о чём, а вшивый о бане. — Бубнил муж, плотнее утыкаясь лицом в мой живот. — Нет там ещё ничего, носом чую. — И несколько раз издал соответствующие звуки, блуждая носом по животу, вызывая смех и желание сбежать.

— Дурак, я же серьёзно. — Оттащила я его за уши от себя. Поморщила нос, скорчила рожицу и всё равно поцеловала, потому что люблю.

Спокойно мы жили недолго. Около месяца. Пару раз за этот срок я успела побывать с Женей в недолгих командировках, и как раз из одной такой поездки и привезла сильнейшее пищевое отравление. Кажется, из меня выходило даже то, чего и в помине не было, по крайней мере, сложилось именно такое впечатление. Диму с работы отзывать не стала, знала, что у них какие-то неприятности и все силы мобилизованы для достижения цели, пыталась справляться сама. Честно пыталась. Пока не проснулась очередной раз в холодном поту, а он рядом.

— Нет, ну, я, конечно, догадывался, что по тебе ясельная группа плачет, но не до такой же степени. — Сказал он тогда, проверил температуру, приложив ладонь к моему лбу.

— Нету. — Призналась я, хотя мне всегда было сложно признаваться, что я в болезни дошла до измерения температуры.

На самом деле болела редко, оттого и не привыкла хвататься за подручные средства. Да

у нас с бабулей из таблеток только «цитрамон» дома, и тот завалился! Вот я и пыталась скрыть краску на лице после шокирующего признания.

— А что есть?

Я вздохнула, припоминая всё, что было за день.

— Наверно, тебе лучше этого не знать.

— Да? И почему?

— Приятного мало. — Пояснила я и глубже в одеяла укуталась, озноб всё же ещё пробивал. — Но если ты согласишься полежать со мной, наверно, я не буду против.

— Ах, наверно! Так мне тебя ещё и уговаривать придётся?

— Глупости. Ты просо сделай вид, что сам этого захотел.

— Это кто такое сказал?

Я прям чувствовала, что мой нос — единственная часть тела, оставшаяся на поверхности, пострадает.

— Я сказал. — Прогнусавила, сдерживая улыбку.

— Ах, ты сказал?! Сейчас я тебя за это... А ну, иди сюда.

Но, вопреки ожиданиям, Дима нос не тронул, а просто сдёрнул с меня одеяло, заставляя кричать не своим голосом.

— Ну, мне же холодно! Ну, нельзя же так.

Просилась я, поджимая колени и пытаюсь отвоевать хотя бы клочок согревающей ткани.

— Иди со мной.

— Ты меня на улицу, что ли, тащишь?

— Ага, закаляться! — Пыхтел Дима, словно ему составляло какой-то труд перекинуть меня через плечо и спустится в таком виде по лестнице.

— Дима, это не серьёзно! — Пыталась возмущаться. — Дима... меня же сейчас стошнит. — Уже пищала я, реально чувствуя позывы и изо всех сил прикрывая рот руками. Смешная! Словно это помочь может.

Так и принёс он меня в ванную комнату на первом этаже, с каким-то нездоровым ожесточением принялся потрошить аптечку, пока не извлёк оттуда... Что он там извлёк?..

— Тест на беременность?

— Я жду. — Кивнул он на унитаз и скрестил руки на груди, от прохода меня оттесняя.

— Не при тебе же!

— А чем я тебя смущаю? — Хмыкнул он, закрывая дверь на замок изнутри.

— Дим? Ну, ты бы хоть инструкцию читал. По-русски же написано: использовать утром. — Подвела я ему пальцем буквы, отпечатанные на коробке жирным шрифтом. А у него просто непроницаемое выражение лица. — Ты знаешь сколько раз я уже в туалет сходила? — Прогнула я, изображая вопрос не только выражением лица, но и всем телом. Муж не оценил.

— Максимальной уступкой с моей стороны будет выйти и постоять под дверью. — Сразу предупредил он и взглядом сделал внушение. У меня перед глазами встали кадры из советского фильма «Катц предлагал сдать, предлагал сдать, предл...» — твердил один из героев.

— Ну, хорошо! — Пропыхтела я недовольно, уже выталкивая Диму за двери, зато он разулыбался. Как ребёнок, честное слово! Любой победе готов радоваться.

Только сосредоточиться не получалось.

— Дима, ты что, подслушиваешь под дверью?!

Не выдержала и прокричала я.

— Представь себе. А ты имеешь что-то против?

— Ты извращенец. — Оповестила его через двери.

— Да, но с каких пор тебя это удивляет? — Отвечал он, едва ли не в щёлку дверного проёма, тихо посмеиваясь.

— Ты мне мешаешь. — Прорычала я.

— Хорошо, жду тебя на кухне.

После этого я слышала тихие, вроде бы удаляющиеся шаги. Ага, так и поверила. На всякий случай подождала ещё минут пять, а как из туалета вышла, едва ли не взбесилась от злости: он действительно стоял на кухне и дожёвывал бутерброд. Хитрый жук! Это был мой бутерброд!

— Держи! — Ткнула ему тест-полоску между пальцев и полезла в холодильник.

Всегда говорила, что нет лекарства лучше, чем искреннее чувство. Вот и у меня так: муж на порог, и я здорова как лошадь. Ведь аппетит это первый признак выздоровления. Пока варганила что-нибудь съестное, вкусное и жутко не полезное, Дима уже успел надуть губы, на тест глядя.

— Две полоски. — И с каким-то особым достоинством и гордостью ткнул мне тест обратно.

— Где?

— Там есть только одно место, куда нужно смотреть. — Я как самое неразумное существо в мире смотрела на тест, не в силах найти среди всего те самые заветные две полоски. Даже пропустила момент, когда ушёл мой второй бутерброд. — И, кстати, никаких больше командировок. Я три дня голодный. Что будет на ужин?

— На ужин тебе будут ещё двенадцать тестов, которые остались у меня в запасе. — В ужасе проворчала я, удаляясь в туалет.

Что тут сказать... одиннадцать тестов против двух, что я всё же беременна.

— Жень, завтра прибыть не могу, позарез нужно решить одну проблемку. — Шептала я из туалета, куда по дороге успела и сумочку утащить. Женька громко рассмеялась.

— Нет, Дмитровская, вы там с мужем что, постели не поделили? Он десять минут назад Максу позвонил и сказал, что всё, плакали его черновые работы. Тебя только в офисе морить и то, по льготным условиям труда. Залёт, да?

— Что за глупости?! — Возмутилась я, расправляя спину. — Я замужняя женщина. И это не залёт, как вы, мадам, выразились, а естественный процесс в результате длительной семейной жизни.

— Что? Длительной? Да я с Максом два года душа в душу, а ты каких-то шесть месяцев...

— Спираль вытащи.

— Что?!

— Что слышала.

— Что?! — Послышался недовольный бас в трубке и я поняла, что Макс, оказывается, не в курсе. Связь прервалась ну, о-очень быстро. Зато я из туалета могла выйти с чистой совестью. Открыла, так сказать, истину, сдала подругу как стеклотару. У-ух! Какое замечательное у меня сегодня настроение.

— Ты оказался прав. — Шмыгнула я носом, вешая подбородок на активно колдующие у плиты плечо. Дима даже не обернулся.

— Надо тебе в помощь кухарку нанять.

— Я справляюсь!

— Я! Справляюсь. — Хмыкнул Дима и с плеча своего меня сбросил.

— Нет, я не поняла, ты что, не рад?! — Стукнула его по спине со всей силы. Не уверена, что Дима расчувствовался, но, судя по щекам, точно улыбался. — Твоя жена беременна, а ты не рад?! Я обиделась!

— На что? На то, что я своей любимой беременной жене ужин готовлю? Ладно, не буду.

Он тут же выключил конфорку, накрыл крышкой то, что только-только забурлило и я вмиг растеряла весь свой запал. Наверно, действительно расчувствовалась.

— Ну? — Ткнулся он своим носом в мой, пытаюсь его вздёрнуть. — Эй, это кто это такой маленький у меня тут надулся?

— Не сюсюкай! — Оттолкнула я его руку, которая вот-вот, да и придержала меня за трясущийся подбородок.

— Это кто это такой злючка у меня? — Сжал меня Дима с боков, не позволяя шевельнуться. Прижался губами ко лбу, раскачиваясь из стороны в сторону. — Я люблю тебя, родная. И я очень рад, что у нас будет ребёнок. Только давай ты не будешь сейчас зацикливаться, хорошо?

— Что ты имеешь в виду?!

— Ты же знаешь, что тест на беременность это, конечно, хорошо, но точнее чем осмотр врача, тебе результат никто не подтвердит.

— Мы завтра сходим, да?

— Да. С самого утра. Я уже записался на приём и отпросился с работы.

— Отпросился. — Фыркнула я. — Ты начальник, это у тебя все отпрашиваются!

— Если начальник в загуле, то и все остальные забросили работу. К тому же, у нас важное совещание. — С уверенностью заявил он. — Так что я отпросился до обеда.

— У тебя сейчас проблемы? Может, мы не вовремя? Может, давай я сама?

— Так! — Он остановил мой словесный понос одним взглядом. Ну... и прикрикнул. Совсем чуть-чуть. — Я уже обо всём договорился.

— Я могла бы и с Егором Владимировичем съездить.

— Щаз-з! — Зло прошипел Дима, вжимая меня в своё тело.

— И я есть хочу! — Вошла я в роль и решила ещё чуток покапризничать. Дима подхватил меня, поднимая над полом, мы быстро нашли более удачное решение, и через секунду я окольцевала его торс ногами, после чего была усажена на табурет и брошена на произвол судьбы. Дима же вернулся к готовке, поставив перед моим носом тарелку с фисташками.

— Как в пивбаре. — Отметила, а он снова улыбался.

К кабинету гинеколога Дима вёл меня за руку. Да что там вёл, практически тащил, некоторые дамочки оглядывались на нас. А пока мы стояли под кабинетом, так женщины, отсиживающие очередь под соседним, ещё и обляяли моего самого замечательного мужа, что сначала они, мужчины то есть, наделают дел, а потом девочек сопливых на аборт тащат. После таких замечаний я стояла смиренно и поглядывала на этих трещоток с недобрый прищуром. Откуда вообще в платных клиниках берутся очереди? Не понимаю. В кабинет меня вызвали уже минут через десять, Дима же остался ждать в коридоре.

— Здравствуйте. — Улыбнулась я миловидной женщине чуть за тридцать.

— Здравствуйте. — Улыбнулась мне она в ответ, вытирая руки полотенцем.

Я на неё смотрю — она на меня.

— А я думала, Дима меня к мужику тащит. — Брякнула вдруг, та улыбнулась шире.

— Имеете что-то против мужчин-гинекологов?

— Не то, чтобы, просто это как закон: лучшие гинекологи обязательно мужчины. А тут ещё и фамилия такая непонятная — Даниэлян.

— Кто меня спрашивает? — Громогласно оповестил высокий грузин, ну, или армянин, выходящий из соседнего кабинета, я, оторопев, на шаг назад отступила.

— Вот и дочирикалась... — Пробубнила под нос, врачу же, широко улыбнулась. — Я говорю лучшие гинекологи — это мужчины. — Повторила громче и увереннее. — Приступим!

— Приступим. — Хмыкнул он, а милая акушерочка присела за соседний стол. — Ну-с, — подыграл он мне, при этом забавно поведя бровями, — по какому поводу осмотр?

— Подозрение на взросление! — Как пионер объявила я, доктор Даниэлян нахмурился, но даже это выдавало в нём до мозга костей обаятельного мужчину.

— Половое созревание? — Сдержал он смех.

— Нет, это мы уже прошли. К сожалению, не с вами. А сейчас у нас следующая ступень: беременность.

— Ух, ты! Это кто же такую бойкую завербовал? Или сама кого охомутала?

— Нет, о чём вы. Не успела восемнадцатилетние отпраздновать, как пришёл мой суженый ряженный и сказал: давай женится. Как такому откажешь?

— Действительно. И что у нас с беременностью? — Подвёл он ближе к теме, всё же, время приёма не резиновое.

— Понятия не имею. Надеюсь, вы мне скажете! — Всё больше входила я во вкус.

— Да. Действительно, жаль, что период полового созревания без меня прошёл. Как знать, Машунь, — обратился он к акушерке, — может, это я бы сейчас за дверью брюки просиживал. Люблю таких бойких.

— Так всё в ваших руках. — Шла я за доктором Даниэляном хвостиком в смотровой кабинет, согласно кивнула после безмолвного предложения раздеться. — Как у вас, однако, всё просто! — Хмыкнула я, удивляясь своей покладистости. — Обаяли замужнюю женщину, в ресторан не пригласили, шампанским не напоили, а сразу раздевайся. Да так, что одним взглядом! Да вам уроки мастерства давать нужно. Знаете, занятия такие есть «Будущие Казанова».

— Боже, деточка, я сочувствую твоему мужу. Как он всё это терпит?

— Если вы о моей неземной красоте, то, да, туго ему приходится. А если о словесном поносе, то у меня сегодня первый день так. Наверно, энцефалопатия беременных. Обычно я молчун каких поискать. Даже клещами из меня слова не вытянешь.

— Спокойнее, молчун, — уложил меня доктор, чтобы я перестала на кресле ёрзать.

— А я вот сейчас смотрю на вас и думаю: может, это вы меня настолько возбудили? Тогда я вашим постоянным пациентом стану. Честное-причестное.

— Даже не знаю, радоваться мне этому или огорчиться. — Улыбнулся доктор Даниэлян. — Матка размером до пяти недель беременности, шейка не рожавшей, цилиндрическая, читая. — Продиктовал акушерке.

— Это хорошо?

— Что?

— То, что вы сейчас продиктовали.

— Это хорошо. Давай-ка, мой молчун, ложись, на УЗИ чудо твоё посмотрим.

— Думаете есть?

— Что-то определённо есть, а что именно, сейчас нам умный аппарат и скажет.

— В смысле? Вы меня так не пугайте. — Пригрозила я ему пальчиком, который он едва ли не проглотил, когда тот рядом с его губами оказался. — Хищник вы, доктор.

— Да. Хищник семейства кошачьих. А насчёт беременности, то с точностью можно сказать, только прослушав сердцебиение.

— А так не слышно?

Он посмотрел на меня... нет... просто как на не очень умную и явно нервную будущую мамашу.

— Не напрягайся, ты мне мешаешь. Задержка сколько?

— Не помню я. Вот, знаете, пока замуж не вышла, всё помнила, а потом...

— Я так понимаю, календарь у нас муж ведёт.

— Я на это очень надеюсь. Потому что календарь у него есть в многочисленных гаджетах, а так же в ежедневнике. Надо у Димы спросить. Давайте позовём! — Обрадовалась я своей идее, а доктор Даниэлян покачал головой, усмехаясь.

— Давай пока побудем наедине. Мне так больше нравится. — Мягко проурчал, так, что я растаяла. А ещё этот его влагалищный датчик... Странные ощущения.

— Ну, это, конечно, вы правы, не думаю, что мой муж особо обрадуется, если узнает, чем мы тут с вами занимаемся. Ролевые игры какие-то.

— Вот оно что? А я думаю, как это мне осмотр назвать. Так, чтобы приятнее звучало. — Издевался он, заразительно улыбаясь.

— Доктор Даниэлян, а вы женаты?

— Да!

На этот вопрос он ответил удивительно чётко и удивительно радостно. Наверно, часто отвечать приходится. Я этим мыслям улыбнулась, а он просто так сиял, тоже сему факту аплодируя стоя.

— Ну, а теперь ножки опускаем и можно звать мужа.

— Пусть ваша ассистентка позовёт, а то если я закричу, он подумает, что меня насилюют и дни ваши, доктор Даниэлян, будут сочтены.

— Хорошо, хорошо. Маша? Позови там нашего героя. Хотелось бы на него посмотреть. — Проговорил он, откровенно посмеиваясь, то ли над собой, то ли надо мной, а может, над всей ситуацией в целом.

С Димой доктора Даниэляна точно подменили, и не скажешь, что ещё несколько секунд назад флиртывал, сиял как самовар начищенный и подмигивал на каждом слове. Вот, что значит профессионал. И ведь действительно я его теперь не мужчиной, а врачом видела, без всякого подтекста. На чёткие вопросы он давал ясные ответы. Разговор двух мужчин поверг меня в небольшой шок, от которого я быстро оправилась. Ещё Дима запомнился. Его подкованность в данном вопросе, прямо появился очередной повод гордиться своим мужем.

— Сердцебиение положительное. — Констатировал доктор Даниэлян под удовлетворённый блеск Диминых глаз. И было в них что-то неуловимо незнакомое. Толика тщеславия, гордости, высокомерия и безграничной радости, которая выдавалась сдержанной улыбкой.

— Направления на анализы я написала, будете наблюдаться у нас? — Заглянула в комнату акушерка. Дима нехотя, но оторвал взгляд от монитора аппарата. Перевёл взгляд на

меня, прицениваясь к кивкам как по заказу и облегчённо вздохнул.

— Будем. — Улыбнулся ей скупой строгой улыбкой и неувидимо, чуть приметно, дотронулся кончиками пальцев до моего плеча. Просто невероятный жест, переполненный нежностью и заботой.

Глава 29

А потом понеслось... началась новая жизнь, с новыми правилами и законами. Нет, как с фарфоровой куклой со мной никто не обращался, но Дима настоял на нормированном рабочем дне, питанию по расписанию и сеансах связи буквально через каждые два часа. Думаю, мог бы он позволить себе звонить чаще, так бы и сделал, но дела требовали не меньшего, а иногда и большего внимания. У меня появились новые интересы, новые знакомые, увлечения и занятия. Старые проблемы быстро забылись и, казалось, были уже и не со мной. Я училась жить для себя, поступая по советам умных людей, которые говорили прямо, что с рождением ребёнка придётся не то, чтобы себя ущемлять, но хорошая мама и сама отдаст ребёнку большую часть внимания и заботы. Дни летели, беременность развивалась, доктор Даниэлян не мог на меня нарадоваться.

— Значит, боли уже не беспокоят? — Хмурился он, снимая перчатки. — Что с половой жизнью?

— Регулярная.

— И после полового акта вопросов не возникает?

— У меня нет. А что, есть повод для беспокойства?

— Я бы так не сказал, но кое-что мне действительно не нравится. На работе напряжение как?

— Отсутствует. Дима поговорил с непосредственным начальником. А как Дима разговаривает, вы в курсе.

— Это радует. Я имею в виду, что муж так заботится. Первенец?

— Со мной — точно да, а насчёт бывших возлюбленных говорит, что перед фактом его никто не ставил. Надеюсь, что да, действительно первенец. Скажите, а пол уже будет видно?

Доктор Даниэлян лишь ухмыльнулся.

— Кого хочешь?

— Не знаю. — Я вдруг задумалась. — Ни от кого не откажусь. Да и Дима не давит говорит, что пол ребёнка зависит от мужчины, а значит, ко мне претензий быть не может. На кого натрудились...

— Разумно. Значит, на следующем ультразвуке и узнаешь.

— Так долго ещё... — Скривилась я и покосилась на комнату с искомым оборудованием. Даниэлян этот взгляд пропустил самым наглым образом.

— Всего четыре недели.

— А я бы уже узнала...

— Галина, ты же умная женщина. — Возвысился он над столом, подбираясь ко мне поближе. За плечо приобнял, посмотрел, скептически изогнув бровь. — Понимать должна, что это лишнее излучение, а зачем оно тебе сдалось?

— Просто интересно. Я на занятия для беременных хожу, знаете, такие, психологические. Там как-то обмолвилась, что не знаю пол ребёнка, так они сначала на мой живот посмотрели, потом на меня и едва ли у виска не покрутили пальцем.

— Только не говори, что это тебя беспокоит. Мнение других не должно иметь к тебе никакого отношения.

— Знаю. Просто мнительная стала. Да и бабуля недавно приезжала, жаловалась, что все важные новости узнаёт исключительно от моего мужа. Тоже спрашивала, какие пинетки вязать. — Пожала я плечами и улыбнулась. — Самое смешное во всей этой ситуации то, что вязать она не умеет.

— Пусть вяжет зелёные. Они в любом случае подойдут. — Решительно выдохнул Даниэлян и похлопал меня по плечу как старого друга. — А я тебе посоветую недельку, может, две, воздержаться от тяжёлых физических упражнений, а то иногда такое впечатление, что ты пресс качаешь, прежде чем ко мне прийти. Только тонус у тебя какой-то плавающий. Прямо на глазах исчезает.

— Так это же хорошо!

— Хорошо будет, когда тонус перестанет появляться.

— Танец живота хоть можно?

— Танец — можно. — Подумав, ответил он. — Знаешь, — покачал головой, — наверно, ты единственная моя пациентка, которая не сложила лапки и вообще занимается хоть чем-нибудь развивающим. Вот и поводов для беспокойства нет поэтому. Танцы твои — это кровоснабжение органов малого таза, работа и прогулки — необходимая нагрузка для здорового организма. Чаще я всё же вижу, как женщины отказываются от всего, в буквальном смысле, принимая горизонтальное положение на ближайшие сорок недель. Так что, так держать. На приём через три недели, как раз и направления тебе необходимые выпишу.

— А...

— Мужу твоему я сам позвоню. Можешь не беспокоиться.

— Спасибо. Иногда мне кажется, что только вы и можете его в узде удержать.

Я уже и сумку свою забрала со стула и сапоги натянула, когда вдруг вспомнилось.

— Дима вам ничего не рассказывает?

Даниэлян нахмурился и поджал губы.

— Ты о чём?

— Ну... я за рулём сама. Дима против, сказал, что поговорит с вами. Вы ведь объясните ему, что можно?

— Вообще-то не желательно. — Понимающе потянул врач. — Но запретить я тебе не могу. Мои рекомендации ты слышала: нагрузки должны быть минимальны. В принципе, вождение относится к стрессогенным факторам, но мне кажется, что если отобрать у тебя руль...

— Я ему так и сказала, — перебила я, широко улыбнувшись, — что на курсы дайвинга пойду. Так Дима сейчас дуется и молчит. В общем, вы на моей стороне?

— Я на стороне здравого смысла. Хочешь так же беззаботно отходить вторую половину срока, придётся от чего-то отказываться. Скоро и сама это поймёшь.

— Вот, не радуете вы меня, доктор Даниэлян! До встречи.

— До свидания. — С придыханием проводил он меня, поистине, любимую пациентку. А вот я сама только во время беременности поняла, каково это, когда врач знает о тебе всё. Раньше не понимала, а сейчас вижу, что такое может быть. Главное, найти того, кто любит свою профессию, а не так, как было в моей консультации, где есть поток, а личность каждого отдельно взятого индивидуума не важна.

Не успела выйти из клиники, как совсем недавно упомянутая мною бабуля, дозвонилась на телефон.

— Галя, ты явно не собираешься ставить меня в известность относительно своих планов. — Без прелюдии начала она и я понимающе кивала, хотя видеть этого никто не мог.

— Привет, ба, что ещё ты узнала от Димы?

— Что ещё? Да если бы не Дмитрий Алексеевич, я бы и о твоей беременности только перед дверями роддома узнала. Какого, кстати, роддома? — С подозрением потянула она и стало ясно откуда ветер дует.

— Ба, я всего лишь рассматриваю варианты. Это Дима паникует раньше времени. Кстати, — отвлекающий маневр был лучшим способом ослабить нападение, — всегда спросить хотела, почему ты моего мужа называешь по имени и отчеству?

— Не знаю. — Вовлеклась бабуля, будто не заметив этого. — Как на пороге нашей квартиры его увидела, так и поняла, что это Дмитрий Алексеевич и никак иначе. Только ты меня не путай. Что там с Израилем?

— Ничего, ба, стоит. Никуда не делся. Я же сказала, что это лишь один из вариантов. Я и сама ехать никуда не хочу. Доктор Даниэлян сказал, что он практикующий акушер, так что с этим вопросов не возникнет. Буду у него рожать.

— Это точно? Это последняя информация?

— Конечно, ба! — Заверила я, словно решение действительно принято, даже языком поцокала, сетуя на её недоверие. — Извини, разговаривать неудобно, хочу в торговый центр зайти.

— Заезжай ко мне вечером, я чаю заварю, как ты любишь. — Смирилась она.

— Как приятно слышать, ба, особенно, если не помнить, что я не люблю чай.

— Дмитрий Алексеевич будет очень рад это услышать.

— Да, да, ба, всегда приятно знать, что рядом есть человек, который поддержит и поймёт. Готовь кофе! — Хмыкнула чуть громче, чтобы уж наверняка всё понятно стало. — Буду вечером, целую, пока.

Быстро отключилась я, уже стоя у красочной витрины с детскими игрушками. Никогда и ничего не покупала, только маленького плюшевого тигра, который занял достойное место в изголовье моей кровати. Всё же я оставалась суеверна в этом плане. Ходила, глазела на кроватки и коляски, на крохотные распашонки и красочные боди, но даже руками не трогала. Только тяжело вздыхала, на огорчение продавцов-консультантов. И сегодня, неспешно прогуливаясь по просторным магазинам, совершенно случайно увидела знакомое лицо, на душе вмиг потеплело, и я подошла ближе.

— Григорий Степанович, здравствуйте. — Радужно улыбнулась я бывшему начальнику, который неожиданно быстро постарел, кажется, ещё недавно слыл стилигой и сердцеедом, теперь же, грустные глаза выдавали в нём глубоко уставшего от жизни человека.

— Здравствуй, Галя. — Ответил он, окинув меня долгим взглядом.

— Как дела? Как Лиза? Давно не виделись, да всё руки не доходят ей позвонить, пригласить на чашку кофе. Вы всё так же работаете?

— Да, Галь, работаю. Лиза хорошо. Ей уже лучше. Ты как?

— Да... как видите... — Улыбнулась я, глядя на свой приметный живот. — Не болеете? Выглядите неважно. Не чужие люди, беспокоюсь. — Пояснила тут же, на кислую улыбку.

— Да как тут не болеть, когда такой беспредел творится? Так, у тебя хорошо всё?

— Да. Тоже работаю. Лиза, может, говорила, в редакции модного журнала. В принципе, нравится, но издательство вспоминаю с ностальгией. А что за беспредел? Чего я не знаю?..

— Оно тебе надо? — Невесело ухмыльнулся Григорий Степанович. — Тебе сейчас

только жить, да жизни радоваться. Куда да чужих проблем?

— Неправда. — Улыбнулась я, стараясь обаять, хотя и чувствовала, что не понимаю чего-то, но давний настрой на положительные эмоции не давал поддаваться влиянию. — Да и вы мне не чужие. Неприятно, конечно, получилось тогда, но когда это было? Правда? Да и не зря говорят, что всё, что ни делается, всё к лучшему.

Уловив нежелание Григория Степановича общаться, я понимающе отступила на шаг назад, огляделась, присматриваясь к самому магазинчику, в который забрела за ним следом. Взгляд невольно опустился на просторную белую ночную рубашку, которую он сжимал в руках, на пакет из аптеки за углом, наполненный разномастными коробочками, нахмурилась.

— Вы Лизе привет от меня передавайте, хорошо? — Попросила несколько заторможено, пытаюсь выдавить улыбку, только не получалось. Ощущение неприятного страха уже зародилось и справиться с ним не получалось.

Григорий Степанович отстранённо кивнул. Немного виновато улыбнулся и попытался обойти меня стороной, направляясь к кассе.

— Извините, Григорий Степанович, у вас что-то случилось? Может, нужна моя помощь? — Мужчина обернулся и так посмотрел, что язык к небу прилип. — Ну... или помощь вообще. Дима... Дима может помочь, если я попрошу. — Кинула вдогонку, не заметив потемневшего лица, ссутуленных плеч.

Григорий Степанович остановился посреди торгового зала и глубоко, судорожно вздохнул. Развернулся и подошёл ближе, скривив губы.

— Не знаю, Галь. Вот, просто не знаю, что делать... — Взлетели его руки и тут же опустились в беспомощном жесте. — И чья помощь нужна и может ли кто помочь... тоже не знаю.

— Да что случилось-то? — Не выдержала я, переходя на громкий подозрительный шёпот. Пытаясь всмотреться в его лицо, в грубые морщины, поселившиеся на нём.

— Не знаешь ничего? — Спросил он вроде и не удивлённо, но всё же с налётом обречённости.

— Мы с Лизой давно виделись, она не говорила ничего. Что-то с издательством?

— С Лизой. — Чуть приоткрылись его губы и лицо приобрело вид непроницаемой маски. — Знаешь, как ты ушла, всё наперекосяк пошло... — Ухмыльнулся он, всё же пошёл в сторону кассы и уже оттуда посмотрел на меня, будто разрешая идти рядом, быть ближе. Я, не особо понимая, что делаю, поплелась следом.

Григорий Степанович молчал, сжимая небольшие свёртки, свернул в уютное кафе, там же, в холле торгового центра. Заказал себе кофе.

— Будешь что-нибудь?

— Воздержусь. Не пугайте меня, Григорий Степанович, что с Лизой? Где она? Она в порядке?

— Если то, что осталось от моей жизнерадостной девочки можно так назвать, то да... в порядке. — Он так стиснул зубы, что скулы побелели, я нехотя, непроизвольно, отодвинулась от стола.

— Что-то серьёзное? — Спросила шёпотом, внутренне холодея от его слов, от его напряжения, от всей ауры беды и опасности.

— Её изнасиловали. Трое отморожков, затолкали в машину у дверей одного из клубов, несколько дней издевались, а потом просто выбросили в подворотне. — Сухо и скупно на

эмоции произнёс он, и именно от этого мне стало жутко. От того безразличия, которое просто напрашивалось, от той боли, которая за ним скрывалась, и от всей горечи, которая буквально кричала о себе. Неприятная дрожь прошла по всему телу, заставляя неосознанно кутаться в меховое пальто, висящее на спинке стула. — Она выглядела так, словно по ней бульдозер прошёлся, Галя. Ни одного живого места. Да я её просто не узнал! — Прокричал он, закрывая лицо ладонями, а я вздрогнула, тут же руки на живот положила, пытаюсь закрыться, отгородиться, отдышаться.

— Григорий Степанович?.. — Тронула ледяную ладонь, которая с тяжестью опустилась на стол.

— Нет, я пережил, правда. — Было чувство, что он оправдывается. — Это ведь давн было, словно в прошлой жизни. Осенью ещё, Лиза тогда как с цепи сорвалась, так и напрашивалась на неприятности. На работе практически не появлялась, всю ночь по клубам, по барам, я даже не знал, с кем она ночует... — Горько ухмыльнулся. — Валера тоже недолго выдержал такой жизни. Ты ведь помнишь Валеру?

Я, не задумываясь, кивнула, Григорий Степанович повторил моё движение, только совсем безжизненно, слишком безразлично.

— Он и сам объяснить не мог, что с ней происходит, и однажды просто сказал, что устал. Что ему жена нужна, а не блудливая шлюха. Лиза тогда рассмеялась ему в лицо, кричала, что он ей сто лет не нужен. Ты не подумай, — кинул на меня торопливый взгляд, — при мне всё было, не придумываю ничего.

— Мне Лиза сказала, что это он её бросил...

Зачем-то добавила я, наверно, просто не знала, как реагировать и что говорить. Не было у меня нужных слов.

— Это уже потом она его во всём обвинила. Потом... честно, я не знаю, когда её упустил. Дома пытался запирать... Бесполезно всё.

— Извините, если что не так, я действительно не знала...

— Это ты меня прости, — похлопал он меня по ладони, которая так и лежала по центру стола, я её одёрнула, но Григорий Степанович понял. — Наверно, чем-то подобным всё и должно было закончиться. Только, — он поглубже вздохнул, — только...

— Не нужно...

— Знаешь, а мне ведь даже не с кем поговорить. Оказалось, что кроме тебя у неё и друзей-то не было. Так...

— Всё образуется, вот увидите...

— Ты просто не видела её сейчас. Вот, две недели как из больницы забрал. Честно, даже не знаю, что и делать...

— Так плохо?

— Она как не живая. Ни с кем не разговаривает, врачи говорят, что это психологическое, ведь говорить она может. Это тогда, сразу, вместо крика только рот открывала и беззвучно плакала... Не узнавала никого. А когда появились силы сопротивляться... Она даже не понимала, что уже всё закончилось, что больше её никто не обидит, словно и не видит перед собой ничего. Брыкалась, выкручивалась из рук, падала на пол, сбивая только зажившие колени в кровь. Врач говорил, что внутри всё отбито, она практически инвалид. Практически...

— Но ведь есть реабилитация... медицина... сейчас такой уровень.

— Только при условии, что есть желание. — Пожал он плечами и уголок губ дёрнулся,

словно пытался поползти вверх. — А она не хочет. Не может терпеть эту боль...

— Знаю, я вряд ли пойму, но могу зайти к вам. Просто поддержать!

— Не стоит, Галь. Не нужно. Иногда она бывает агрессивна, сиделки не справляются, поэтому дома круглосуточно дежурит санитар... В твоём положении это просто небезопасно.

— Но ведь нельзя оставлять так!

— Не думай, я не сдался. — Улыбнулся Григорий Степанович. Практически как раньше. — Просто сейчас очень сложный период. Мы готовимся к пластике, нужно время, нужно терпение, Лиза, правда, отказывается. Только я её не слушаю.

— Ей тяжело, это нормально. Нужно найти хорошего психолога. Я хожу на курсы, там есть группы и для жертв пострадавших от насилия. Это помогает. Помогает не бояться.

Пытаясь подавить своими эмоциями апатию Григория Степановича, настаивала я, подпрыгивая на месте от досады.

— Она не хочет. Она закрылась в себе. Врач говорит, что Лиза ещё не готова, что ещё очень рано... не знаю.

— А их поймали? Тех, кто это сделал? — Вдруг пронзила меня отвратительная мысль. — Их ведь наказали, так?

— Никто ничего не видел, Галя. Никто. Ничего. Не видел. — Словно заученную фразу повторил он. — Или просто не хотел видеть. — Добавил устало и вздохнул.

— Но это не правильно, нужно бороться! Чтобы Лиза знала! Чтобы... — Задохнулась я потоком воздуха и закрыла рот, пытаюсь перевести дух, но Григорий Степанович достаточно жёстко и категорично покачал головой, опустил веки.

— Я не знаю, что это значит, но иногда, во сне, она говорит... шепчет одно и то же слово: «Я заслужила, я заслужила...». И мне страшно Галя, потому что она винит в этом себя. Не тех животных, которых ошибочно считают людьми, а себя, понимаешь?!

— Не знаю! — Я отклонилась к спинке стула, нервно притянув ноготь к губам. — Давайте, ну, я не знаю... устроим ей эмоциональную встряску! Соберёмся все вместе, чтобы она понимала, что не одна. Лиза просто запуталась в своей обиде, в этом унижении. А мы соберёмся вместе. Я Валере позвоню, уверена, он не откажет. Антон, Дина, Марина...

— Антона нет, Галя. — Прошептал Степан Григорьевич, а я не обращала на это внимание, уже была полностью погружена в свою задумку.

— Так мы позвоним ему! Пусть приедет. Мы друзья, просто каждый слишком увлёкся личной жизнью, так бывает, когда строишь новые отношения, но ведь друзья, на то они и друзья, чтобы всегда приходиться в трудную минуту... Где он?

Я даже телефон достала, собираясь набрать его номер. А ведь и действительно, уже месяца четыре как не звонит, а я и не задумывалась...

— Его нет. Совсем нет. — Я посмотрела на него, слушая механический голос автоответчика, извещающего, что абонент временно недоступен.

— Не доступен. — Согласилась, подозрительно косясь на телефон. — Ничего, я завтра обязательно...

— Тебя наверно не было в городе на Новый год, я правильно понимаю? — Я посмотрела на Григория Степановича, не понимая, к чему тот ведёт, но при этом промолчала.

— Да, мы ездили с мужем отдыхать, но при чём...

— Антон умер. Самолёт, на котором он летел в Таиланд, не приземлился, и покойся

где-то в океане. Его больше нет.

— Нет... — Покачала я головой, понимая, что этого просто не может быть.

— Теперь я понимаю людей, которые приносят плохие вести, Галя. Но это действительно правда. Все газеты, телевидение, радио пестрило сообщениями о смерти наследника. Я был у Бориса, так, он тоже не верил. Точнее, не поверил бы, если бы не разговаривал с Антоном перед самой посадкой, если бы не проводил его на самолёт, если бы... — Глядя на меня уставшими глазами Григорий Степанович, поджал губы. — Его просто нет. И... Галя, насчёт Лизы... не дави на неё. Не приходи. По крайней мере, пока. Я прошу тебя. Так всем будет лучше и тебе в первую очередь.

На этом он подозвал официанта и оплатил счёт, стараясь не смотреть в мою сторону. А я находилась в прострации. Мир вокруг рушится, а я этого даже не замечала. Посмотрела в одну сторону, в другую... За окном мирно прогуливались прохожие... Подступившая тошнота подавляла меня, заставляла вспомнить о том, что я жива. Я — жива! От пробежавшегося озноба меня передёрнуло, резко заболела голова и пришлось закрыть глаза руками, потому как радужные круги перед ними приобретали всё более чёткое очертание.

— Не хочу. Я так больше не хочу...

— Девушка, вам плохо?

Подняв голову, я увидела милovidного паренька в фирменном фартуке.

— Извините... воды, если можно. — Протрянула губами, которые отказывались шевелиться. Пальцы на руках онемели и я не могла ими пошевелить, а на лбу выступил холодный пот.

Спинка стула казалась спасительной стеной, которой мне сейчас так не хватало. Я пыталась дышать глубже, но тошнота то и дело подступала к горлу вновь. Я посмотрела на только что принесённый стакан воды.

— А можно с лимоном? — Попросила, понимая, что мой голос практически не слышен. Попыталась прокашляться, но парень услужливо кивнул и уже через полминуты передо мной стоял другой стакан. Сделав два глотка, я смогла вдохнуть свободно. Достала из сумочки телефон, пытаюсь найти в списке вызовов нужный.

— Алло, Егор Владимирович? Это Галя. — Бормотала невнятно.

— Слушаю.

— Я сейчас в торговом центре на Столичной, тут на первом этаже кафе. Не могли бы прислать человека меня забрать. Неважно себя чувствую.

— Я сейчас Шаху позвоню, он где-то недалеко. — Стандартным текстом отозвался Кречетов, заставляя меня пожалеть о том, что как всегда ему позвонила.

— Нет, нет, не стоит. Я подожду. Не хочу, чтобы Дима волновался.

— Галя! — Рыкнул тот предостерегающе.

— Ладно. — Проворчала. — Звоните кому хотите. Я буду здесь.

— Жди.

Не прошло и пятнадцати минут как на пороге кафе возникли две единообразные фигуры. Парни из Диминой охраны, которая вдруг усилилась за последние пару месяцев. Да, наверно это было хорошо, потому что я пока так и не пришла в себя, не определилась, как отношусь к тому, что случилось и вообще, зависла на стадии отрицания.

Ребята сопроводили меня до автомобиля и отвезли домой, где, сидя в одиночестве, я в полной мере ощутила всю ничтожность человеческой жизни. Наверно, это была небольшая истерика, потому что я не помнила толком, что происходило за последний час. Я переходила

из одной комнаты в другую, никак не могла найти место для раздумий. Точнее, было такое чувство, словно я что-то ищу и никак не могу найти. Были слёзы. Были рыдания. Было чувство пустоты и полнейшей ничтожности. И, в конце концов, мне было его жаль. Жаль молодого здорового парня, у которого, быть может, впереди были открытия и достижения, были свои цели и мечты, любимая музыка и футболка, приносящая удачу. И как глупо всё это закончилось. Нереально, словно и не с нами было. Я помню его улыбку, уверенный взгляд, как он грустил. А теперь ничего этого нет. Его нет, и больше никогда не будет. Что я чувствовала? Частичка меня умерла вместе с ним. Да. Сейчас я уже готова была поверить. Готова признать, но не могла смириться! Не могла понять, как такое произошло. Почему? Почему с ним? Этот Новый год... Мы собирались провести его вместе где-нибудь на берегу у тёплого океанского прибоя. «Мы». А теперь есть только я. И у меня существует другое «мы», своё. И семья, и будет ребёнок, и есть любящий муж... Ведь всё это могло быть и у него.

— Вот ты где.

Взволнованный голос мужа заставил меня резко дёрнуться. Тревожный взгляд внимательно прошёлся по фигуре, дважды возвращаясь к животу и, наконец, поднялся к глазам. Дима плотно сжал губы и сделал пару шагов навстречу, наверно, ожидая от меня того же. Но мои ноги идти отказывались. Впрочем, желания идти к нему тоже не было. Я всматривалась в его глаза, которые пытались внушить спокойствие в уверенную стойку, в строгий разворот широких плеч.

— Что здесь делаешь? — Уточнил он, понимая, что я веду себя странно. Пришлось оглянуться: я стояла в его мастерской напротив большой картины со своим изображением. Почувствовала резь и усталость в глазах: я смотрела на неё, не отрываясь, пытаюсь уловить что-то. Что-то такое, что с появлением Димы исчезло бесследно. Почему-то почувствовала себя вором, который попался на месте преступления.

— Что-то случилось? — Снова спросил он и сделал ещё один шаг вперёд. Прищур на глазах приобрёл угрожающий вид, подбородок чуть вздёрнулся вверх, как и каждый раз, выдавая недовольство. — Ты плакала?

Дима приблизился вплотную и едва ли его волновали выставленные вперёд ладони. Он просто подавил это вялое сопротивление, и, удерживая за подбородок, повернул моё лицо к свету.

— Ты плакала. — Произнёс утвердительно с лёгкой ноткой задумчивости. — Галя?..

Я снова встрепенулась, только в этот раз Дима крепко прижимал меня к себе. Слёзы непроизвольно покатались по лицу, а он, не выдавая эмоций, просто смотрел на влажное лицо, на тёплые солёные ручейки, на дрожащие губы. Смотрел и ждал ответа.

— Галя?..

Повторил, а в этот момент мои зубы застучали, а тело сотрясилось от сильного озноба. Одновременно с которым разливалось колючее тепло. Болезненное. Горькое. Слово отравленное.

— Тише, малыш, т-пш. Всё хорошо. Я с тобой, я рядом. — Принялся он приговаривать, поглаживая меня по волосам. И эта жалость... уже к самой себе, окончательно добила меня, заставляя не просто плакать, а пополам согнуться, заглушая рыдания вопли.

Я пыталась сказать. Точно пыталась что-то сказать. Едва ли что-то важное. Но для меня на тот момент ничего более значимого не существовало, и из горла вылетали только всхлипы, звуки, которые чередовались с заиканиями и снова переходили в продолжительный вой.

— Галя? Галя, ты меня слышишь? — Ясно раздавался в голове Димин голос. Спокойный, уравновешенный. Такой надёжный и родной. И я верила его спокойствию. Знала, что всё будет хорошо, что всё пройдёт, забудется, сотрётся, заменится на другие впечатления и обрывки произошедшего.

Уже окончательно успокоившись, позволила отнести себя на кровать комнаты, восстановила дыхание. А может, просто пережила очередную истерику. Очередной этап восприятия чужой смерти. Дима лежал за моей спиной, обдавал часть лица горячим дыханием, аккуратно водил ладонями по всем доступным для прикосновения местам моего тела, чуть дольше задерживаясь на животе, прислушиваясь.

— Антон умер. — Произнесла тихо и всхлипнула, еле сдерживая очередную порцию слёз. Дима пока молчал. — Дим, он давно умер. На Новый год ещё. Понимаешь? А я не знала. Я... Словно закрылась ото всего. Словно спряталась. Не хотела знать и не знала. А нужно... нужно позвонить. — Я резко развернулась в его руках, пытаюсь найти в глазах поддержку. — Нужно выразить соболезнования его отцу, матери.

Дима только слушал.

— Дай... дай мне свой телефон, у тебя ведь есть его номер, мне Егор Владимирович говорил, надо позвонить. Надо сказать, что мы просто не знали...

Но Дима смотрел в мои глаза, не желая поддаваться и как-то реагировать. И только когда я замерла, насквозь пронизанная страшной мыслью, он резко выдохнул и приподнялся, усаживаясь на кровати. Сцепил пальцы в замок и без намёка на сожаление произнёс:

— Я уже позвонил.

Я ошарашенно смотрела, пытаюсь сообразить, что значат эти три коротких слова.

— Я уже позвонил и принёс соболезнования, как и положено. — Пояснил чуть жёстче, напряжённо сжимая губы. — Галя, мы не просто знакомые, мы деловые партнёры, я узнал одним из первых. — Произнёс с металлическим звоном, уже заметив, что происходит со мной. Попытался дотронуться, но я отшатнулась.

— Ты знал и мне не сказал?.. Когда это произошло?

— Что ты хочешь знать, Галя? Чего ты этими вопросами добиваешься? Да, я знал. Да, я тебе не сказал! — Постепенно градус его голоса накручивался, тональность повышалась, раздражение усиливалось. — Потому что мне всё равно, что и у кого случилось, мне важно только то, что происходит в моей семье! Ясно тебе это или нет?! — Не выдержал Дима и больно сжал мои плечи, чуть встряхнув. Посмотрел на гримасу боли и тут же отпустил, нервно проводя рукой по волосам. — Я просто не хотел, чтобы ты нервничала. Я просто не хотел, чтобы ты переживала. Я... для меня нет никого важнее вас с малышом. Нет другого смысла жизни. И наверно то, что я скажу это страшно, но любого другого за вас отдам и ни на долю секунды не усомнюсь. Потому что нужно уметь делать выбор, Галя. И если ты сейчас мечешься, не зная, кого пожалеть, то я свой выбор сделал давно. И этот выбор моя семья. Моя жена и мои дети. И нет ничего такого, просто не существует, что заставит меня от вас отказаться. Это ты понимаешь?

— Почему ты мне не сказал? — Твёрдым голосом произнесла я и Дима просто озверел от этого тона. Побелел, прищурился. Повернулся ко мне всем корпусом, и набрал в грудь побольше воздуха.

— Да потому что ты не должна была знать! — Прокричал, оглушая этим криком. — Потому что я не хотел ни этого разговора, ни этих новостей! Всё! Его нет. И перемывать события двухмесячной давности просто не имеет смысла! Ты есть. Я есть. И это всё, что

должно тебя волновать на данный момент. Точка. Можешь считать, что этот разговор окончен! — Вызверился он и с кровати подхватился, оставляя меня словно оплётанную этой правдой. Словно я даже право не имею сочувствовать другим людям. Для него живу.

Так и сидела, боясь пошевелиться. А может, просто не понимала, зачем мне это нужно. Моё дело маленькое: вовремя лечь под него, родить ребёнка, любить и оберегать...

Дима ворвался в комнату, громко хлопнув дверью, и молнией метнулся обратно ко мне, как раз в тот момент, когда первая слеза упала на ладонь. Приткнулся носом к напряжённой спине и быстро заговорил.

— Прости, Галь, не так всё думал сказать. Просто тяжёлый день. До отвращения тяжёлый день! — Прорычал, не решаясь прикоснуться руками. — Не хотел говорить, потому что тебе лишний стресс ни к чему. А ты ведь из всего сейчас трагедию готова сделать. Что там твой Даниэлян говорит... гормоны... энцефалопатии беременных. Не нужно это было тебе тогда. Потом как-нибудь ты бы всё равно узнала, и я понимал это. Я просто хотел тебя защитить. Именно тогда. Поэтому и увёз.

— Увёз? — Услышала я лишь одно слово, за которое можно было зацепиться.

— Мы должны были на две недели позже вылетать. Там климат менялся, становился более благоприятным. Ты же помнишь, как закончилась эта сумасшедшая жара? Про Антона узнал и в тот же вечер путёвки обменял, чтобы оградить. Чтобы не узнала. Чтобы не плакала. Никого не подпускал, всем зубы на замке держать приказал, вернулись мы, только когда шумиха улеглась. Просто пойми одно: для меня важна ты и наш ребёнок. Всё остальное решится без непосредственного участия. Всё равно ничего нельзя было изменить, Галь.

Тёплые ладони легли на мои плечи, слегка массируя их, шею, позвоночник. Горячие губы коснулись кожи. Лёгкими поглаживающими движениями Димины руки спустились на мой живот, удерживая, не позволяя увернуться от ласки и его прикосновений.

— Галь, ты добрая, чувствительная, эмоциональная, ты хочешь заботиться о каждом и каждому сопереживать. Это нормально, тем более, сейчас, под действием гормонов. — Успокаивающе поглаживал он живот, постепенно укладывая меня рядом с собой, медленно опускаясь на матрац. — Ты думаешь о нём и это тоже нормально. Я не ревную, и не могу тебе запретить делать этого, но сам другой. И эмоции у меня другие и восприятие происходящего. Я не пытаюсь навязать тебе своё мироощущение, заставить принять свою точку зрения, я даже не пытаюсь объяснить, почему так или иначе. Ты же... — Он прижал ладони к моему животу чуть плотнее и дотронулся губами шеи. — Ты же пытаешься навязать мне своё мнение. Только не стоит этого делать. Не выйдет. Ты жалеешь его как человека, который был и вдруг его не стало, я могу тебя понять, но пожалеть его так же, прости, не смогу. Потому что я другой. И мысли мои другие. Просто прими моё право защищать тебя от того, что считаю не нужным, опасным. Всё будет так, как ты захочешь. Только прошу... не спрашивай, какими путями я добьюсь этого.

— Я всё равно позвоню его родителям, Дима. — Решительно заявила я, но губы не исчезли, ладони не напряглись, а дыхание не сорвалось. Дима всё понимал, как же правильно он всё понимал! Что не отступлюсь, что сделаю по-своему!

— Если тебе станет от этого легче... — Покачал он головой, притягивая меня к себе обеими руками.

— Спасибо.

Несмотря на чёткое решение, набрать номер телефона я смогла лишь на следующее утро, предварительно отказавшись от работы. Точнее, перенесла её на дом. Длинные гудки

не вселяли надежды, и когда на том конце трубки прозвучал грубый и уверенный голос, я даже испугалась.

— Борис Аркадьевич, доброе утро. — Собралась я, стараясь не запутаться в словах.

— Кто это?

— Это Галя Дмитровская... Я только вчера узнала про Антона... Примите мои соболезнования... Мне действительно жаль...

— Галина Шах? Я правильно понял? — Жёстко перебил он меня, я мысленно сосчитала до десяти.

— Да, вы правильно поняли.

— Что же... муж, значит, оберегает от плохих новостей, да?

— Да. Дима принял такое решение и...

— Что же... неожиданно. — Голос его немного смягчился, но я так и не могла выдохнуть, ожидая каждой следующей фразы как приговоры. — Спасибо, Галя Дмитровская. Знаешь, ты одна из немногих... пусть и спустя время... но позвонила и... — Он тяжело выдохнул, так, словно в сторону, а я закусил губу, ругая себя за то, что мой звонок словно соль на застарелые раны. — Просто спасибо. Ты... не обижайся на нас, если что. Всё в этом мире имеет свою цену. Для кого-то она вот такая... Спасибо.

— Извините...

— Всё в порядке. Удачи тебе.

— До свидания.

Борис Аркадьевич отключился, но я почему-то не почувствовала себя легче. Матери Антона звонить не стала, она всегда была эмоциональна, сейчас и подавно. Единственный сын. Её можно понять. Понимал их и Дима. Он до сих пор не пережил потерю брата. Понимает, только умеет перебороть себя и свои эмоции. Не позволяет себе быть слабым, уязвимым. И сейчас я понимаю, что вчера была неправа, заставляя его оправдываться, но тогда действительно словно предательство, это неведение...

Про Лизу упоминать не стала. Да и неважно Диме будет знать о ней. Она для него никто. Это мне подруга, а ему только помеха в достижении цели. Слабое звено, от потери которого ничего не зависит. Наверно я никогда не смогу, так же как и он, молча и без эмоционально выслушать о том, что происходит в соседнем доме, за соседней стеной, в семье твоих друзей. Не смогу, но и права не имею обвинять в этом своего мужа. Он живёт по жёстким законам, навязанным обществом, где если не ты, то обязательно тебя. Он боец, несмотря на то, что быть им не хотел. Он глава, несмотря на то, что предпочитал оставаться в тени. А ещё я им горжусь. За то, что умеет принять решения не только за себя, но и за меня. За любого другого человека, чья жизнь в его руках. Это дорогого стоит.

Глава 30

И всё проходит. Жизнь не стоит на месте. Спустя месяц и мои впечатления поутихли. Спустя два я уже об этом практически не думала. Лишь иногда, оставаясь наедине с собой, могла позволить себе поплакать, сожалея об утраченном. А спустя три месяца с головой погрузилась в новые хлопоты и заботы, к которым меня обязывало положение беременной женщины, любимой жены, будущей матери. Круг интересов с каждым днём рос всё больше и больше, роль кормящей мамы хоть и прельщала, но заставляла опасаться за определённую долю свободы. Забота мужа становилась всё более навязчивой, нервная система всё более расшатанной, а желание рожать наоборот уменьшалось в геометрической прогрессии. Особенно когда третий раз подряд, полагаясь на ложные схватки, я в панике отправлялась в

роддом. Там меня сразу успокаивали, сетуя на явно выраженные предвестники, даже предлагали полежать у них до ответственного момента, но такие новости радовали ещё меньше.

Очередной раз я поймала себя на мысли, что пора, второй час подряд не решаясь сдвинуться с унитаза. Потому что там схватки переживались на удивление легко и практически безболезненно. Ближе к четырём утра я поняла, что мне уже действительно пора и, не особо переживая, а, возможно, просто смирившись с мыслью неизбежного, решила привести себя в порядок. На шум воды из ванной прибежал и Дима, который последний месяц спал особенно чутко, но сегодня упал без задних ног и сразу же уснул.

— Господи, Галя, что ты делаешь? — Устало потирая лицо, взмолился он, опёрся рукой о стену душевой кабины, смотрел на меня как великомученик.

— Решила принять душ в четыре утра. — Обворожительно улыбнулась я, пользуясь передышкой между схватками. Брызнула на мужа водой, чтобы привести в чувства и готова была его пожалеть, когда он просто сполз вниз по стенке, закрывая лицо обеими ладонями.

— Ты сам отвезёшь меня в роддом или будить Кречетова?

— Опять?

— Думаю, сегодня уже наверняка. Не зря же я с двенадцати часов не сплю. Правда?

— Что?! — С вызовом посмотрел он на меня снизу вверх, злобно прищурившись.

— Говорю, ты сам или будить Егора Владимировича? — Спокойно отвечала, подставляя по струи воды мыльную спину.

— Что?! — Скривился он, медленно поднимаясь. — С двенадцати?

— Если быть точной, то с без пятнадцати двенадцати.

— Не понял? Ты... ты что тут мочалкой трёшь?! Ты понимаешь вообще...

Одним рывком он отключил смеситель и завернул меня в огромное полотенце.

— С-с-с... — Прошипела я, борясь с желанием вернуться к спасительному унитазу, но Дима слишком уж уверенно тянул меня в противоположную сторону. Не справляясь, просто схватил на руки, взглядом пытаюсь отыскать хоть какую-нибудь одежду.

— Я уже всё выбрала. Там. В ванной.

Указала пальцем, тут же была уложена на кровать, соглашаясь, что такое положение тоже относительно щадящее. Но унитаз всё же лучше.

Роддом встретил нас с распростёртыми объятиями, с сонными лицами и без доктора Даниэляна. Трагедия? Да не то слово. Всё вообще шло не по плану! Порадовал только результат осмотра: полное открытие шейки. Что это, я, в принципе, понимала, а ещё точнее знала, что за этим следует самое важное и, одновременно, страшное событие. Правда, врачи сумели скрасить мне это «самое» событие своими плоскими шутками и умными рекомендациями. Что ещё запомнилось... Через минуту после родов я сказала: «Больше никогда в жизни!». Через два часа, когда всё же перевели в палату: «Я хорошо подумаю, прежде чем согласиться». А увидев мужа с сыном на руках, я улыбнулась: «Когда идём за дочкой, папаша?!».

Наверно, так выглядит счастье. Наверно, так парит счастливая женщина. Наверно, так улыбается счастливый мужчина. А ещё прямо на языке вертится слоган: «И это моя семья». Я действительно полностью прочувствовала смысл этого слова. Семья — это забота, это уважение, это значит закрыть своей спиной любимых людей от бед, невзгод. Семья — это главное в жизни каждого человека. Момент, когда из одинокого «я», рождается могучее «мы». Когда смотришь в глаза любимого человека и понимаешь, что дороже в жизни нет и

быть ничего не может.

— И всё-таки характер у него Дмитрия Алексеевича. — Уверенно заявила бабуля, когда Иван схватил прядь аккуратно подстриженных волос, желая сделать из них обыкновенную паклю. — Если на что-то решился, то уже никогда не отступится.

Вместо ответа я терпеливо спасала бабулины волосы из малюсенького кулачка.

— Ну что ты мне скажешь, партизан? Папин сын?

— Конечно, папин. Всю ночь спать не даёт! — Поддакивала я, глядя на огромные глазки с искорками в них.

— Так у него наверно зубки, Галя. Пятый месяц всё-таки. Ты разбери мои подарки, там есть силиконовые игрушки, которые нужно грызть. Уверена, он быстро поймёт, что с ними делать.

— Ба, ну, ты просто открыла Америку! Конечно, зубки! Дай его сюда. — Я попыталась перехватить сына, но бабуля ловко увернулась, и не скажешь, что правнука дождалась.

— Ты мне так и не сказала, — она сама побрела в гостиную, из подарочного пакета извлекла несколько цветастых игрушек, — на вот, обдай кипятком. Только не вари, сказали, что они могут подплавиться. Ты мне так и не ответила, что там с Димиными родителями? Они хоть на внука взглянуть собираются?

— Они пообщались с ним по скайпу, ба. — Нехотя ответила я и скривилась, улучив возможность, пока меня никто не видит.

— Да? Хотят, чтобы внук сказал, что бабушка и дедушка это люди из монитора компьютера? Именно это они и услышат!

— Ба, это их выбор. Лично я против везти ребёнка на другой конец света только бы порадовать тех, кто, вроде как, и без нас рад. Дима меня в этом поддерживает.

— Я заметила, что Дмитрий Алексеевич слишком часто стал тебя поддерживать! — С укором произнесла она и мило улыбнулась внуку. — Это ведёт к деградации. К его деградации в первую очередь! — Подчеркнула, игнорируя мои круглые глаза. — Ты, кстати, когда последний раз была у косметолога? Выглядишь просто ужасно.

Я закатила глаза и подняла Ваньку с пола, когда бабуля предложила ему там размяться.

— Дима сказал, что я пропорциональна, а это самое главное!

— Дима просто жалеет тебя и, между прочим, зря. Это ведёт к деградации. К твоей деградации в первую очередь. — Подчеркнула она, улыбаясь, и придержала эту улыбку, не собираясь подталкивать меня к моей деградации.

— Ну, спасибо, ба. Кто как не ты поддержит и утешит?! — Я бросила быстрый взгляд в зеркало и тут же вернулась к разговору. Бабуля милостиво сделала вид, что этого не заметила.

— Если хочешь, я могу сидеть с Иваном Дмитриевичем, пока ты ходишь на тренировки и к косметологу. Волосы давно пора подстричь. Когда ты последний раз делала масляную маску? — Спросила таким тоном, будто раньше я делала их постоянно.

— Ба, я недавно родила, дай мне время передохнуть. Тем более, я всё ещё кормлю. — Привычно ныла я, делая вид, что всё это мне ни к чему, что не замечаю лишних шесть килограмм, пропорционально разложившихся по моему телу.

— Всё это отговорки. Вот, когда муж найдёт тебе достойную замену...

— Тогда он перестанет быть моим мужем, ба.

— Да, но и ты перестанешь быть его женой, что, согласишься, немаловажно. Такими

мужчинами не разбрасываются.

— Так говоришь, словно разбрасываются такими женщинами как я.

— Нет, а что в тебе особенного? Кроме, конечно, длинных ног, голубых глаз, собачей верности и редкого имени? Я вообще удивляюсь, что он в тебе нашёл.

— Ба, что это за наезд? — Подбоченилась я, становясь напротив, бабуля же, не особо по этому поводу переживая, мило сюсюкала с любимым внучком.

— Ничего дорогая, просто я пытаюсь спасти тебя от проблемы восьмидесяти процентов русских женщин, которые считают, что если уж затащила мужика под венец, то это навечно. Ты можешь быть хоть золотой, но это вовсе не значит, что рядом с ним не начнёт крутиться платиновая. И, даже если он и не сбежит, то изменить может очень просто только по той причине, что укусить с новой булочки, глазурь с которой ещё не осыпалась...

— Я поняла ба, сегодня же запишусь.

— Куда?

— Ни куда, а где. — Вознесла я указательный палец вверх. — Везде запишусь, ба, везде. К тому же, — теперь я открыто могла смотреть на себя в зеркало, утянула в талии свободную майку, привстала на цыпочки, — к тому же вот здесь, мне бы не мешало сбросить пару сантиметров.

— Ага, а ещё здесь, вот здесь и вон там. Галя, тебе нужно кардинально заняться своей внешностью!

— Сейчас дойдёт до того, что я стану старым и страшным, и Галя просто решит, что слишком хороша для меня. — Засмеялся за моей спиной Дима так, что получилось подпрыгнуть на месте.

— Дурак! Я так скоро заикаться начну и тогда уж точно никому не пригожусь, тебе в том числе! — Зло махнула я рукой, но он увернулся. Тут же схватил меня, приподнял над полом и закружил.

— Ты у меня самая красивая. — Проговорил в губы, будто бы целуя. Бабуля только изогнула бровь.

— Ну? И где мой богатырь? Иди к папочке, Ванька.

Дима тут же закружил довольного малыша, который считает папу манной небесной и радуется даже его голосу по телефону, не то, что уж папе лично.

— Рассказывай, как ты себя вёл? — Подтёр он слюни довольного сына салфеткой. — Мама тебя не обижала, нет? А ты маму?

Ваня забавно теребил Димины щёки, словно пытаюсь вывернуть их наизнанку и рычал. Дима рычал в ответ, изображая поверженного тигра.

— И кто это у нас такой сильный, кто это у нас такой смелый? А мама нам обед приготовила?

— Оля приготовила. Сейчас накрывает. — Подхватила я, очередной раз радуясь новой помощнице.

— А мой богатырь уже поел? Галь, он не голодный? — Дима нахмурился на моё возмущённое фырканье. — Что? Мама опять кормила кабачком? А мама пробовала сама его приготовить? Так ведь гораздо вкуснее. — Полностью вошёл он в манеру «говорю с женой-ребёнком одновременно». — Давай-ка мы попросим Олю и она запечёт нам вкусный кабачок.

— Дим, если он не ест специальный, с чего он будет есть домашний? Ну, Дим?..

Я забрала ребёнка, пока папин галстук не искупался в курином бульоне.

— Галь, Оле не трудно, а мы попробуем. Да, Оль?

— Конечно, Дмитрий Алексеевич.

— А я тебе говорила. — Подначивала на ухо бабуля, заставляя меня улыбнуться и приревновать.

— А я тебе говорила, что он у меня самый лучший! Ба!

— Молчу, молчу...

И так всегда, когда приезжает папа, Ванька готов есть хоть кабачок, хоть брокколи, только бы папа остался доволен. Дима естественно посмотрел на меня с превосходством, я же на него, со снисхождением.

— Звонили из детской поликлиники, они опять потеряли наши анализы. — Между делом сообщил он мне, выпивая привычную порцию свежевыжатого сока вместо чашки любимого кофе.

— Дима, Опять?!

— Не смотри на меня так, это же не я их потерял. — Замахал он рукой. — К тому же, давно говорил тебе наблюдаться в нашей клинике. Там есть хорошие педиатры. Не веришь мне — позвони своему Даниэляну, он обязательно кого-нибудь посоветует.

— Я уже спрашивала. У него жена детский врач.

— Тогда вообще не вижу в чём проблема. — Развёл он руками, раздражаясь. — Звони, записывайся. Номер телефона ты знаешь. Дубликаты исследований они присылают в районную поликлинику.

— Проблема в том, что мы платно делаем то, что...

— Что бесплатно делают из рук вон плохо. Это здоровье нашего ребёнка Галя, как можно быть такой безответственной?

— Я хорошая мать!

— Даже в этом не сомневаюсь, но ребёнку будут колоть пальчик четвёртый раз. Как думаешь, Ванька обрадуется?

— Они колют не больно. Там специальные детские скарификаторы.

— Не пререкайся. Лучше иди и звони. — Дима снова подобрался к сыну, который с удовольствием рассматривал подаренные бабулей машинки и кольца для зубов. — Ну, пока, мой богатырь. Папа постарается пораньше. — Подсунул он нос, за что сразу же по этому носу и получил.

— Ещё скажи спасибо, что бабуля не металлические купила. — Поцеловала я ушибленный нос.

— Спасибо вам, Дарья Максимовна за нашу счастливую старость. — Прокричал этот дурачок на весь дом и сбежал, пока я не добавила ему ещё и по лбу.

— Позвонить... Позвонить... — Тут же напомнила себе и уже на следующее утро записалась на приём к врачу Даниэлян.

— Ну... что я могу вам сказать... абсолютно здоровый малыш. Зубки режутся. Ванька, ты показывал маме свои зубки? — Улыбнулась врач, нажимая на подбородок с ямочкой. Как раз в этот момент я подумала, что у моего отца вполне мог быть такой же, с ямочкой, потому что ни Дима, ни его отец, подобного украшения не имели. — Вот, смотрите, две белые точки. Одна больше, а другая меньше. Это и будут ваши белоснежные зубки. — Улыбалась она, не забывая отвлекать Ваньку от процесса осмотра. То там погремущкой звякнет, то в противоположной стороне.

— Это нормально? В том смысле, что одна точка больше?

— Абсолютно. Просто с правой стороны зубик может пробиться раньше. Вы хотели сдать какие-то анализы? Я правильно поняла?

— Да. Самые обычные анализы. Общий крови и мочи. В нашей поликлинике их никак не могут найти. Три раза пересдавали. И, если можно, группу, а-то мы уже такие большие, а группу крови так и не знаем. — Качала я сына на коленях, пока он пытался стащить со стола яркую погремушку.

— Группу? Обычно этот анализ делают ещё в роддоме, вы зайдите в свою поликлинику, уточните.

— Да знаю, но уже уточняла. То ли они просто забыли этот анализ сделать, то ли сделали, но не вписали в карту новорождённого. Но его отсутствие — это факт.

— Хорошо. Направление я выпишу. Сейчас около девяти, можете сдать кровь из пальца и на группу. Моча?

— У нас с собой. — Улыбнулась я своей прозорливости и довольная результатом отправилась в лабораторию.

— Только на группу и резус из вены. — Предупредила меня лаборант, с опаской поглядывая на малыша, и тут же позвала в подмогу лаборантку из соседнего кабинета.

Моего Ваньку скрутили по рукам и ногам, быстро набрали необходимое количество крови. Только сын, на удивление, и не пикнул, лишь с интересом посматривая на медсестёр, которые не спешили отпустить.

— Вот и всё. Результат либо через два часа, либо уже завтра.

— Спасибо, мы завтра.

Дима уже ждал у дверей.

— Ты опоздал и не увидел, как стойко держался наш боец. — Похвалилась я, старательно поправляя капюшончик осенней ветровки. Сама укуталась в широкий шарф-хомут, Диме, который злостно игнорировал головные уборы, подняла повыше воротник.

— Результат мы завтра заберём, нам не к спеху. — Пояснила, усаживаясь сама. Дима только согласно кивнул.

— Куда сейчас?

— Домой. Я хотела к бабуле, она предлагала погулять в парке, который возле её дома, но мне кажется холодно. Ветер и вот-вот пойдёт дождь.

— Ты сделаешь из него стерильное дитя. Пацану нужны и вредные микробы.

— Хочешь выгнать нас на улицу?

— Хочу, чтобы Ванька подышал. — Спокойно отвечал на мой вызов Дима, перебирая маленькие пальчики, разглядывая, который пострадал.

— Мы можем погулять и во дворе. И ветра у нас нет.

— Это только если гулять под забором, а ребёнку простор нужен.

— Какой простор, он ещё даже не ходит?!

Дима повернулся ко мне и провёл пальцем по щеке, абсолютно дезориентируя. Облизнулся, глядя на губы, но не стал проявлять чувства при водителе, только посмотрел с досадой.

— Роль сварливой жёнушки тебе не идёт. — Замети тихо, улыбаясь только глазами.

— Мы поедем домой. — Всё равно настояла я, на что Дима мог только вздохнуть.

— Отвезу тебя к Дарье Максимовне, погостишь у неё. Дома сейчас... — Он так выразительно замолчал, что у меня закрались недобрые подозрения. — В общем, на

прослушку проверяют, у меня появился сливщик информации, хотелось бы быть спокойным. — Пояснил нехотя, на что я нахмурилась.

— Да, Галя. Давно. Уже больше года. — Предупредил мой следующий вопрос, чем тут же заставил поджать губы. — Только тогда объёмы были незначительные, можно было списать на совпадение, случай, удивительную проницаемость. Сейчас договоры сливаются подчистую и мне это не нравится.

— Ты кого-то подозреваешь? — Догадалась я по скорбному выражению Диминого лица.

Муж скосил взгляд в сторону водителя, затем отвернулся и посмотрел в окно, явно мучаясь в выборе, рассказать мне о своих подозрениях или...

— Пока всё на Кислого указывает. — Выдохнул Дима, ударяя кулаком по подлокотнику и сцепил зубы. С заднего сидения были отчётливо видны перекатывающиеся желваки.

— Но ведь ты сомневаешься, правильно? Он столько для тебя сделал... — Припомнила я Димины слова, только он разозлился ещё больше.

— Только это мне и мешает поехать в офис прямо сейчас и оторвать ему башку, Галя! — Прорычал он и закрыл глаза, стараясь сдержать рвущиеся наружу эмоции. — Только это и останавливает. Но если я узнаю...

— Не стоит обвинять человека до того...

— Это называется умным словом «презумпция невиновности», Галь. Чётко и ясно! Так что ты едешь к бабуле, не нужно тебе видеть всего этого и Ваньку пугать. К вечеру ребята закончат, Оля с Валентиной всё уберут, тогда и вернётесь.

— Может, мне Лие позвонить, отменить завтрашнюю встречу? Она в кафе приглашала.

— Не стоит. Я не хочу... огласки... лишнего шороха. Просто живи, как и прежде, думаю, день, два и мы во всём разберёмся. Я тебе обещаю.

Дима встряхнул мою правую руку, подцепив своей ладонью, прикоснулся губами к кончикам пальцев.

— Налево здесь, Толь. Мы по кругу едем.

Тем вечером домой мы так и не попали. Бабуля не стала расспрашивать, что случилось, хотя я догадываюсь, что Дима ей всё же позвонил и успокоил. А вот сюрприз ждал меня там, где я его ожидала меньше всего.

— Третья? — Удивлённо смотрела я в бланк анализов, на котором было чётко прописано В (Ш), резус фактор положительный. Я перевела взгляд на врача.

— Что вас так удивляет, Галина Анатольевна?

— Наверно, здесь какая-то ошибка... — Отложила я бумагу в сторону.

— Я, конечно, не могу отрицать человеческого фактора, но наша лаборатория очень редко ошибается. Чем вызвана такая реакция, я могу узнать? — Надвинула она на нос очки и сама просмотрела бланк. — Третья положительная. Всё верно.

— Да, но у меня вторая группа, а мужа первая. Если я правильно помню уроки биологии в школе...

— То у ребёнка просто не может быть третьей группы крови. — Понимающе кивнула врач и посмотрела на меня иным взглядом.

— Я думаю, это легко исправить, повторив анализ. — Замялась она. — Разумеется, за наш счёт...

— Дело не в этом.

— Да, да, я понимаю, но ситуация неприятная и если здесь наша вина, то мы просто

обязаны возместить ваши неудобства. Давайте только пока не будем поднимать шум...

— Я не собираюсь. Я просто хочу знать. — Твёрдо пояснила. — Выпишите мне новый бланк.

— Приходите с ребёнком в любое удобное для вас время. Лаборатория работает до восьми вечера, я позвоню, предупрежу, что анализ повторный, вы только не волнуйтесь.

— Да пока...

Откровенно соврала я и врач это поняла, поэтому и нахмурилась, провожая меня взглядом. Ну, а я... я тут же поехала за ребёнком, чтобы перебраться и, наконец, получить достоверный анализ крови. Только всего через несколько часов всё так же, с круглыми глазами, сидела в кабинете врача и глядела на точную копию предыдущего бланка, в котором значилась третья группа крови, резус фактор положительный.

— Но ведь такого не может быть, правда? — Закусывала я губу, уже не заботясь о том, как выгляжу со стороны. Как всегда во время волнения подступила тошнота, кровь прилила к щекам и даже ледяные ладони не могли их охладить.

— Ну, есть вариант, что неверно определили группу крови вам и вашему мужу... — развела она руками, так же переживая.

— Со мной всё точно. Несколько раз брали и-и-и здесь, у вас, — я схватила стакан воды и судорожно сделала два глотка, — в роддоме, опять же, три раза брали, не меньше. Да и всю жизнь я со второй.

— Тогда ваш муж. Как мы с вами вчера говорили?

— Ч-человеческий фактор. — Послушно кивнула я, пытаюсь унять дрожь.

— Вот видите, вы всё понимаете. Нужно только пригласить его сдать анализ крови.

— Да. Да, вы правы. Выпишите мне два бланка. На меня и на него.

— Только...

— Да, платно. Давайте три квитанции.

— Только вы так не волнуйтесь. Марик сказал, что вы его лучшая пациентка, думаю, и с этим справитесь. — На мой непонимающий взгляд, она добродушно улыбнулась. — Марик, мой муж. Доктор Даниэлян, если вам так удобнее.

— Да. Да. Хорошо. — Ответила невпопад, думая о своём.

— Только вы мужа не пугайте и сами успокойтесь. Всё будет хорошо, я вам обещаю. Банальная ошибка, не стоящая вашего внимания.

Телефонный звонок отвлек меня от медсестры, которая ровным почерком выводила мою и Димину фамилию на бланках.

— Галь, ну, где ты? Всё в порядке? Придёшь или мне уже не ждать?

— Лия?

— Только не говори, что ты забыла. — Звонко засмеялась она в трубку, вызывая невольную улыбку в ответ.

— Забыла, дорогая. Правда. Но если ты подождёшь ещё чуть-чуть...

— Я буду в торговом центре напротив кафе. Как подъедешь, набери. До встречи.

— Пока. Ну что там? — Тут же встрепенулась я, как только связь прервалась. Врач подоброму улыбалась и протянула мне два бланка-направления на анализ.

— В любое удобное для вас время. Вы хоть сейчас можете сдать. Муж — как придётся.

— Спасибо. Я завтра подойду. — Кивнула, намекая, что промедления в этом вопросе меня, мягко говоря, не устраивают и бесшумно прикрыла за собой дверь. Поднимая тяжёлый взгляд на длинный светлый коридор клиники, вдруг почувствовала себя безумно уставшей...

только поддержки пока ждать было неоткуда. Нужно только подождать. Совсем чуть-чуть.

С Лией мы встретились через полчаса, в её компании время всегда летело незаметно, так и сейчас, забавными женскими глупостями она буквально бетонным забором отгородила меня ото всех проблем, невзгод, и оставалось только умиляться её способности мыслить позитивно и никогда не сдаваться. Но ведь не бывает человека без проблем...

— Лия, а почему у вас нет детей? — Несмотря на все стоп-сигналы, мелькающие в голове, спросила я, улучив едва ли не единственную минутку её молчания.

— Что?

— Вы ведь давно вместе. Почему у вас нет детей? — Повторила я и проследила, как вдруг изменилась атмосфера вокруг неё, как заострились черты лица, как зажёгся взгляд.

— Не получается. Наверно, не отпускают старые грехи. — Усмехнулась тут же, словно поясняя. — Каждый из нас прилично накуролесил в молодости, вот сейчас и расплачиваемся.

Лия повзрослела. В моих глазах изменилась и она сама, и восприятие этой женщины. Я смотрела на тонкие пальцы, на узкие плечи, которые теперь едва заметно подрагивали.

— Но сейчас столько разных способов... с деньгами ведь это не проблема...

— А я не хочу способов. — Заявила она вызывающе и закурила. Я никогда не видела её с сигаретой. Теперь мне казалось, что я её совсем не знаю. Наверно, даже не пыталась узнать, полностью погружаясь в свои проблемы. — Лёша сказал, что это из-за него всё. А я не знаю. Просто жду, что когда-нибудь это случится. На вас с Ванькой смотрю и завидую белой завистью. Диме повезло с тобой. Ты хорошая.

— А ты? Неужели плохая? — Усмехнулась я, пытаюсь успокоить, Лия усмехнулась так же, но чуть острее была подача, чуть горчило послевкусие этой улыбки.

— Не плохая. Только на моей дорожке встречались немного другие мужчины. Вот до Лёши я и не знала, что такое забота, уважение. Я знала только что такое брать и давать. И что такое избавляться от ненужного. Хватит! Не хочу! Как там твоё сокровище? Не проголодался?

— Бабуля прикармливает его смесями, если меня долго нет. — Говорила я, всё ещё пытаюсь осознать, кто же сидит передо мной, а потом просто дотронулась до её ладони и чуть прижала, не позволяя вырваться.

— Всё хорошо, Галя. — Сдержала она срывающийся голос. — Всё хорошо. Тебя подвезти?

— За мной водитель уже приехал, спасибо.

— Да на здоровье.

Она как-то очень быстро собралась и подошла к выходу.

— Тебе куда? Налево? — Спросила только лишь для того, чтобы не молчать.

— Вон моя машина, как раз напротив.

— Ну, а мне налево. Мужу привет! — Бодро махнула она, улыбнувшись, как и всегда. Но сейчас я могла за этой улыбкой разглядеть что-то большее. Что-то значимое для неё, да наверно и для меня...

Но как только осталась одна, тут же вспомнила о своих делах, решение которым я не могу найти. Сложнее было придумать как, не вызывая подозрений, отправить Диму на анализ, но, как выяснилось позже, всё это было только маленькой верхушкой айсберга.

Глава 31

— Всё в порядке? — Улыбнулась я мужу, который укачивал малыша, сидя в моей бывшей спальне. Дима сейчас казался просто огромным. Огромным и добрым медведем.

Он посмотрел на меня исподлобья и устало улыбнулся, прижимая сына к груди сильнее, раскачиваясь чуть медленнее, и словно сам засыпал под этот маятник. Кивнул.

— Ты как?

— Всё хорошо. Была в клинике. Нужно сдать анализы на принадлежность к группе крови. — Выдала, не веря, что действительно это сказала. Дима нахмурился.

— Проблемы? У меня первая.

— Знаю. А у меня вторая, но я уже сдала. Завтра заедешь перед офисом, они работают с половины восьмого. Успеешь.

Я даже нашла в себе сил посмотреть в его глаза и приблизиться. Провела ладонью по тёмным волосам, взъерошивая их, заглянула в личико спящего Ваньки.

— Давай сегодня никуда не поедем, не хочется будить... — Взмолилась, умиляясь сладкому посапыванию. Дима ещё раз устало кивнул и аккуратно передал сына мне. Тяжело поднялся, позволяя уложить Ваньку к стене, потянул за узел галстука, ослабляя его.

— Пойду, разорю твою бабулю на пару полотенец...

А я, отвернувшись, пыталась перевести дыхание и унять бешеный ритм сердца.

В два часа дня, сидя в клинике, смотрела на точные данные в бланках анализов. Чувствуя виноватый взгляд врача и подступающую паническую тошноту. Практически слышала вопрос, который она всё ещё не решается задать.

— Галина Анатольевна, я, конечно, прошу прощения, но... — Я посмотрела на неё, высоко подняв и изогнув одну бровь, заставляя под этим взглядом ступешаться. — Вы уверены... в том, что именно ваш муж отец ребёнка?

Всё же выговорила она и я горько усмехнулась, уводя взгляд в сторону.

— Представьте себе, да! — Ответила с желчью, примерно представляя, что при этом происходит в голове женщины сидящей напротив.

Видимо, она всё же растерялась, услышав такой категоричный ответ, поэтому и кивнула несколько раз подряд, бросая на меня короткие косые взгляды, сглотнула, демонстрируя напряжённые жилы.

— Тогда у меня для вас только два варианта решения проблемы. То есть вариант решения может быть только один: тест на отцовство. А в вашем случае ДНК-тест на подтверждение и вас в роли матери.

— То есть?!

— Извините за прямоту, но либо у вашего ребёнка другой отец, либо это вообще не ваш ребёнок.

— Но...

— К сожалению, мы не можем отвечать ни за кого кроме себя самих. Так устроен мир. Вы рожали одна?

— Нет, ещё, — я сглотнула, ощущая, как всё внутри начинает гореть, — ещё три женщины. Два мальчика и девочка. К-кроме моего Ваньки. Я... я...

— В первую очередь не волнуйтесь! Давайте всё же сделаем тест. В нашей клинике подобные анализы не берут, мы только проходим аттестацию. Но я могу подсказать несколько хорошо зарекомендовавших себя лабораторий...

— Но как?.. — Ошарашенно смотрела я, разводя в стороны дрожащие руки, ведь только что мне сказали, что мой Ванечка... что он не мой сын!

— Успокойтесь. Я уверена, всему найдётся объяснение.

— Я не могу. Я не могу. — Воровато оглянулась я по сторонам, словно высматривая ходы для отступления. — Вы понимаете, что этого просто не может быть?! Что вы сейчас говорите?!

— Успокойтесь.

— Успокоиться?! — Подскочила я, едва не опрокинув стул? — Вы мне предлагаете успокоиться? Вы сами понимаете, что сейчас сказали?!

— Я должна была вам это сказать! — Сказала, как отрезала, она и только что кулаком по столу не ударила.

— Я... я... я не знаю... — Села я обратно, закрывая лицо ладонями. Эмоциональное отрицание сменилось слабостью, унынием и каким-то ноющим чувством безысходности. Я качала головой, ведя простую беседу с самой собой, закрывала глаза, пытаюсь отсчитать какие-то числа, цифры, даты. Только ничего не получалось.

— Галина Анатольевна, я могу вас понять, — попыталась врач найти нужные слова, буквально по крохе выдавливая их из себя, — но мы не можем бездействовать. Нужно идти вперёд и каждый последующий шаг будет логичен и целенаправлен. Только таким образом правильное решение будет найдено.

— Что нужно сделать? Что нужно от меня?

— Для ДНК анализа нужен волос, кровь, либо слюна. Как я понимаю, мужа вы пока не хотите ставить в известность? — Как-то скомкано удостоверилась она, и высоко задрала подбородок, встречая мой взгляд.

— Пока не хочу! — Жёстко ответила я, зная, о чём она думает. И не хочет, но эти мысли просто вытесняют все остальные.

— Тогда я дам вам несколько номеров ближайших клиник, и вы обратитесь, куда вам будет удобнее. Можете выбрать сразу несколько для автоматического подтверждения результата.

— Спасибо, я так и сделаю. — Холодно ответила, не желая ни продолжать этот бессмысленный разговор, ни выслушивать слова поддержки... или что она там хотела ими выразить?..

Я сдала анализы. Я ждала результаты изо дня в день. Я ни с кем не хотела встречаться, и только сын всегда оставался рядом.

— Я никому тебя не отдам. — Прошептала, заверяя маленькое беспомощное существо, заставляя его поверить.

Сжимала обеими руками, прижимая к себе, всматриваясь в пухлые складочки, в розовые губки, в любимое личико.

— Я никому тебя не отдам! — Кивнула самой себе, и до боли сжала зубы.

Дима не задавал лишних вопросов, хотя и видел, что со мной происходит. Он только присматривался и осторожно нащупывал темы, на которые я говорю без напряжения, без опаски.

— Ты себя хорошо чувствуешь? Всё время молчишь... — Как-то начал он за ужином. У

меня аппетит пропал напрочь, я отложила вилку в сторону.

— Всё хорошо, спасибо. Я плохо выгляжу?

— Не нужно показывать мне свои иголки.

Жёсткий голос заставил посмотреть мужу в глаза, а боковым зрением я заметила, как его рука сжимается в твёрдый кулак.

— Я просто хочу знать, всё ли у тебя хорошо. — Я промолчала, чем тут же вызвала волну неконтролируемого напряжения с его стороны. — Думаю, ты знаешь, что все отчёты о финансовых операциях приходят на мою почту?

Он замолчал, давая мне время вставить слово, но все мои слова в этот момент носили отнюдь нелицеприятный характер и направлены были на мою тупость и не дальнорукость. Об этом я действительно знала... но не подумала.

— Галя, ты посещаешь различные медицинские центры и оставляешь там немалые суммы. Не подумай...

— Дима, если ты мне не доверяешь, то можешь проверить, на что я трачу эти деньги. — Тут же оцетинилась я, но он только поджал губы.

— Если бы я тебе не доверял, то этого разговора просто не было бы, Галя. Я спрашиваю, всё ли у тебя хорошо. Или этот вопрос тоже заставляет тебя усомниться в моём доверии? — Осторожно и в то же время достаточно жёстко ставил он меня в рамки. Я могла только пасовать.

— А я могу не отвечать? Можно просто оставить меня в покое? Ненадолго? Без твоего вездесущего контроля?! Такое можно устроить?! — Не сдержалась я, но тут же смолкла, переводя дыхание. — У тебя ведь достаточно своих проблем, давай ты сейчас просто дашь мне небольшую передышку, хорошо? Я ведь здесь, с тобой. Ты... ты только немного разберёшься со своими проблемами и...

— Для меня нет ничего важнее семьи. — Глядя куда-то за мою спину продекламировал Дима, мне оставалось только закрыть глаза, чтобы пережить этот момент.

— Я знаю.

— А если знаешь, то я просто не вижу причин не доверять мне.

— Я доверяю, только...

— Только что?

— Не цепляйся к словам, Дим.

— Объясни. — Откинулся он на спинку стула, также забыв про ужин.

— Не дави на меня, пожалуйста. — Отвернулась я в сторону, не в силах выдерживать его взгляд.

— Я только спросил.

— А я ответила! — Набрала в грудь побольше воздуха, чтобы успокоиться и, снизив тональность до просительного тона, продолжила, облизав губы. — Просто ответила не так, как ты хотел услышать. Дай мне время...

— Для чего?

— Чтобы кое-что решить для себя. — Уклончиво ответила я, чем он остался недоволен и даже не пытался это недовольство скрыть.

— Что?

— Ну вот, ты опять...

— Что опять? Так скривилась, словно я в душу тебе влезть пытаюсь. — Пробубнил он, даже не догадываясь, как точно сказаны эти слова. — Галя, я понимаю, что сейчас отвлёкся

и не могу уделять вам с Ванькой достаточно внимания, но нужно только немного подождать и ты сможешь сбросить с себя большую часть обязанностей.

— Они меня не утомляют. — Оживилась я, понимая, к чему он клонит.

— Оля сказала, что ты практически не отходишь от ребёнка и никому его не доверяешь.

— Я просто хочу сама за ним ухаживать. — Принялась оправдываться я.

— Ты загоняешь себя в угол.

— Я хочу быть хорошей матерью.

— Если ты через неделю, месяц, или год устанешь от этого, то виноваты будут все.

— Меня всё устраивает.

— Я хочу, чтобы ты больше времени посвящала себе. Этого хочет каждая женщина.

— Я записалась и хожу на занятия.

— Даже тогда ты берёшь ребёнка с собой.

— Но гуляет с ним бабуля.

— Ты не отдыхаешь! — В очередной раз повторил Дима и просто поднялся из-за стола, устав от этого бессмысленного разговора.

Он прошёлся по столовой, обошёл меня со спины, коснулся ладонями плеч, чуть надавливая.

— Как только я утрясу дела, мы с тобой поедem отдохнуть.

— Ванька ещё маленький...

— Мы с тобой, Галя.

Я так резко обернулась, что едва не столкнулась с Димой лбом, благо он вовремя отклонился.

— Ты не идёшь мне навстречу и даже не пытаешься решать проблему, погружаясь в неё всё глубже и глубже. Возможно, тебе действительно нужно время подумать. Ваня останется здесь.

— Ты серьёзно?

— Малыш...

— Нет, ты это серьёзно?! Ты готов бросить ребёнка?

— Галь ты сейчас пытаешься истерить без повода.

— Я?!

Дима вымученно улыбнулся, вытягивая губы в одну сплошную линию, отвёл взгляд в сторону. Отпустил мои плечи и сделал несколько шагов назад.

— Галя, ты просто немножко потерялась в новой жизни. В роли матери и жены...

— Тебя что-то не устраивает?

— Только то, что ты не чувствуешь границ.

— Границ чего?

— Вот это я и пытаюсь сейчас выяснить, малыш. — Спокойно ответил на мой вызов Дима и вернулся за стол.

Он неторопливо разложил на коленях салфетку, наполнил бокал вином, сделал пару глотков, пытаясь продемонстрировать выдержку. Но под моим прямым взглядом не устоял, выругался сквозь зубы и громко поставил бокал обратно на стол, расплескав при этом вино на белоснежную скатерть.

— Ты нервничаешь, и мне это не нравится! — Заявил, словно выругался. Несколько раз глубоко вздохнул, расслабил мышцы лица, сбрасывая с них напряжение, сделал удачную попытку улыбнуться. — Тебе нужно время? — Я кивнула, он тут же повторил это

движение. — Хорошо. Будем считать, что я его тебе дал. Не буду задавать вопросов, приставать, контролировать. Хочешь попробовать делать всё сама — пожалуйста. Мешать не стану. Пообещай только одно: если ты почувствуешь, что не справляешься, что тебе нужна моя помощь...

— Спасибо.

Он сделал вид, что не заметил моей тихой благодарности, на самом же деле, пропустил её мимо ушей, проглотил вместе со своим непониманием.

— Когда придёт время вмешаться мне... всё будет так, как это делаю я. Ты знаешь.

— Всё будет хорошо.

— Мне остаётся только надеяться на твоё благоразумие, детка. Как только потеряешь эту тонкую грань, я поставлю тебя на место. Не посмотрю, что жена и тогда уже без обид. Будет так, как я сказал.

Я нерешительно встала из-за стола, сопровождаемая его пристальным взглядом, подошла ближе и приткнулась лицом к макушке.

— Ты у меня самый лучший, Дим. Ты ведь знаешь это?

— Поверю тебе на слово. — Хрюкнул он и невежливо отстранился, приступая к успешшему остыть ужину.

А потом дни полетели. Один хуже другого. Дима, казалось, уже не различал, когда находится на работе, а когда дома. Усилилась охрана, мне было настоятельно рекомендовано не выходить из дома. Муж переругался с Кречетовым, в кабинете едва не подрался с Лёхой Кислым, а однажды пришёл домой около двух ночи, был явно пьян, смотрел зло, но всё ещё сопротивлялся внутренней агрессии. Не разуваясь, не переодеваясь, прямой наводкой подошёл ко мне, надёжно взялся ладонью за плечо, удерживая, и отвёл в гостиную зону, где сел на диван, меня же, усадил ровно перед собой на кресло. Посмотрел в глаза.

— Галь, что происходит? — Тихо спросил он, безвольно сжимая кулаки. Его губы неестественно кривились, пытаюсь изобразить что-то... выдать хоть какую-нибудь положительную эмоцию, но ничего не выходило. Я молча сжималась перед ним, глядя в глаза в ответ. Дима перевёл дыхание, разрывая этот зрительный контакт. — Галь, сейчас такое время... — Он обтёр лицо ладонями так, словно пытается стереть с него весь негатив. — Время такое... дерьмовое!.. Когда всё буквально из рук валится. Утекает как вода. Когда ни на кого кроме самого себя нельзя рассчитывать, понимаешь?..

— У тебя что-то случилось?

— Ерунда! — Отмахнулся. — Бизнес... люди... всё это такая фигня по сравнению с тем, что происходит вот здесь. — Обвёл руками гостиную, взглядом — пространство над лестницей, вскользь прошёлся им по углам дома. — Здесь. В моём доме. А что у меня здесь происходит, а? Я ведь даже не знаю, о чём моя жена думает, Галь, это нормально?

— Дима, ты это из-за Лёши...

— Да какой на*уй Лёша, Галь?! Что у нас с тобой происходит... между мной и тобой, что происходит?! — Несколько раз, сопровождая свой крик, он со всей силы ударил кулаком по аккуратненькому деревянному столику, который подпрыгивал в такт этим действиям. Дёрнул меня на себя, усаживая рядом, и смотрел безумным взглядом. — Ты просто скажи, что у нас всё хорошо. Не нужно объяснений, оправданий. Скажи только, что всё хорошо. Так, чтобы я поверил. Я уже верю. Я хочу верить, ты только скажи. — Просил, молил он меня

взглядом, цепляясь, как утопающий за соломинку. Напряжённо проводя по моим плечам, сжимая их, не чувствуя при этом немереной силы.

Дима осторожно провёл языком по своим пересохшим губам и поднял взгляд так, чтобы с моим взглядом встретится.

— У нас всё хорошо. — Чётко и громко произнесла я. — У нас всё хорошо. — Повторила ещё громче, удерживая его лицо обеими ладонями. — Я люблю тебя. — Прошептала еле слышно и прикоснулась губам, не в поцелуе... в знаке согласия, верности, в понимании. — Дим, что всё-таки случилось? — Потёрлась я о его лоб, а он улыбнулся, выдохнул.

— Не парься, всё решаемо. Главное, что ты рядом. Главное, что вы у меня есть.

И я хотела быть рядом. Поддерживать его, защищать, наставлять, только бы он чувствовал, что за его спиной всё спокойно. Хотела, но не могла, потому что сама уже ни в чём не была уверена. Каждую ночь просыпалась в холодном поту, ожидая результаты. Смотрела, как муж с сыном играет и сжимала зубы, понимая, что всё это может закончиться в любой момент. Простудировала кучу литературы, консультировалась с профессорами и научными светилами, которые в один голос твердили: «Нет, не может быть», но продолжала верить. Умирала каждый раз, глядя как Дима улыбается Ванечке, как укачивает его на руках в три часа ночи, не подпуская меня, не вспоминая о том, что через пару часов самому придётся вставать на работу. Я уже знала ответ. Я уже понимала, что любой результат станет для нас приговором. Ударом, который придёт, откуда Дима не ждёт.

Глава 32

То самое утро началось совершенно обычно. Я проснулась от шума в комнате: Дима с Ванькой учились сидеть. Стимулом подняться служила любимая пиццалка.

— Тише, тише, мы разбудим маму. — Заговрщицки прошептал Дима, хитро поглядывая в мою сторону.

— Уже разбудили. — Констатировала я, сонно потягиваясь в кровати, и с умилением посмотрела на них. — Давно встали?

— В четыре. Галь, ты полночи ворочалась, думал, даже танком тебя не разбудишь. — Оправдался он, взял Ваньку на руки и пересел ко мне на кровать. — Что снилось?

— Не помню. Наверно, ничего...

— Ты разговаривала во сне.

— Да? Признавалась тебе в любви?

— Вроде как не хотела отдавать Ваньку. Обрывки фраз, но смысл я уловил. Что происходит? Малыш, я помню, что обещал, но даже моему ангельскому терпению подходит конец. Ты возишься в луже, думая, что это болото. Вместе мы это решим намного быстрее. Как думаешь?

Ванька только устроился удобнее, чтобы получить утреннюю порцию молока, как мне уже хотелось сбежать подальше. Но вопреки словам, Дима не давил взглядом, голосом, своим присутствием. Он аккуратно прижимался губами к похолодевшему лбу, поглаживал спину. Чуть отстранился, чтобы посмотреть со стороны.

— Удобно? Мне кажется, в такой позе ты не высидишь и пяти минут. Вань, — он погладил сына по плечу, за что сразу же получил крохотных кулачком, который пусть и нехотя, но ради благого дела оторвался от привычного занятия: массажируя маминую грудь. — Вань, маме нужно лечь, давай сын, будь мужиком. — Со смешком приподнимал он нашего карапуза, позволяя мне сесть удобнее, облокотится на подставленную подушку.

— На работу сейчас?

— К девяти. А ты как? Ничего сказать не хочешь?

— Дим, мы об этом говорили и...

— Да, только я лопухнулся и не обговорил сроки и все возможные передержки. —

Заявил он серьёзным тоном. — А ты этим бессовестно пользуешься, забывая, что всё тайное становится явным. И когда я всё узнаю сам, начну действовать топорным методом, невзирая на щепки, которые, можешь мне поверить, полетят.

И каждое его вроде в шутку сказанное слово, только стимулировало и дальнейшее молчание. Порождало ещё большие страхи и опасения. Это он и увидел в моём помрачневшем лице, потому и перекатился на другой бок, недовольно пыхтя.

— Буду поздно, можешь не ждать.

А я даже не пыталась узнать, обиделся ли он. Только «обиделся» это не то слово, которое подходит моему мужу. И то, что за то время, что я живу с ним, успела забыть, кто он такой. О его силе и власти. О его резком характере, который, оберегая, обходил мою ранимую натуру стороной. И что-то внутри подсказывало, что очень скоро я не просто узнаю, а лично, на себе прочувствую всю эту резкость, жёсткость, опасность, которую просто отказывалась замечать.

Дима вышел из ванной комнаты, выбрал подходящую одежду, на меня старался не смотреть.

— Собираешься куда? Может, попросить Олю, чтобы посидела с Ванькой? — Не понятно с чего уточнил Дима, а я напряглась, подмяла сына ближе, словно рука затекла и опустилась под одеяло.

— Планов не было, но если вдруг поеду, я и сама попрошу. А что?

— Лия захватить к тебе хотела. Лёша не говорил, но вроде какие-то хорошие новости, есть чем поделиться.

— Мне она не звонила.

— Может, ещё не успела? — Безразлично пожал он плечами, поправил булавку на галстуке. Гордо задрал подбородок, оценивая внешний вид свысока. — Я просто спросил. — Добавил, наверно для того, чтобы моя душа окончательно ушла в пятки и ближайшее время не показывалась. Только одно я знала точно: Дима сегодня не в духе и от прогулок в город действительно лучше отказаться.

Он подошёл к кровати, поцеловал в лоб сына, погладил по щеке меня, и только опущенный уголки рта и недовольно прищуренные глаза выдавали истинное напряжение.

— Удачного дня... — Прошептала я в ответ, но Дима никак не отреагировал. Через несколько минут от крыльца отъехал его автомобиль.

Уже в одиннадцать позвонили из одной лаборатории с известием, что результаты анализов готовы. Пока я собралась и доехала до города, позвонили и из другой. Ванька спал и посапывал в своей переноске, пока я дрожащими руками распечатывала оба конверта.

Истерический смешок стал первым признаком жизни после прочитанного. До боли закусенная губа — первое осознанное движение. Плотный липкий ком в горле, который удалось сглотнуть — попытка противостоять реальности. Я закрыла глаза и до боли натёрла их основаниями ладоней, что угодно, только бы они увидели то, что нужно. То, что должно быть, а не тот бред... 99,9%... Что... этого просто не может быть!

— Не может быть... — Тело передёрнуло от волны судороги. — Надо... надо позвонить... надо сказать Диме... это просто ошибка. Нелепая ошибка. Или это был не его

волос... да мало ли людей ходят по нашему дому... Наверняка это был кто-то из охраны. Да тот же самый Кречетов. — Бормотала я под нос, пытаюсь отыскать в сумке телефон. — Стоп!

Как только перед глазами сверкнул яркий дисплей с фотографией любимого мужа, мозги на место встали. Бред какой-то. Зачем... зачем звонить? Не было ничего. И теста этого не было. Ведь так просто не может быть, чтобы у Ванечки... что Ванечка не его сын. Но я ведь ещё из ума не выжила... Да это просто чья-то злая шутка. Всё из-за денег. Ну конечно! Мысленно я стукнула себя по лбу, хотя нужно было сделать это и практически. Как же я сразу не догадалась, что это просто конкуренты. Мало ли кому мы дорогу перешли? Бизнес, деньги, да просто наше семейное счастье! Это ведь правильно, это логично. Это всё объясняет. И клиника эта... всё можно купить. Всё и всех. Дима так говорит, а своему мужу я верю. Верю. Иначе не может быть. Мы семья. Мы — семья. Мы одно целое. И Ванька наш сын. Мой и его. Обернулась на спящего сына, розовые щёчки едва заметно двигались, когда он перехватывал воздух или сглатывал слюну.

— И глазки у тебя папины... и ногти. Ну... Дима же сам это сказал, я ведь не придумала, нет?

Дотронулась до тёплой ладошки, аккуратно провела по ней пальцем.

— И характер папин. Ты боец. Помнишь, он так тебя называл? И спать ты только с ним ложишься. Всегда папу ждёшь, да? Любишь папу? И я люблю. И не скажем мы ничего. Вот так. Вот так. — Дрожащим голосом бормотала я, желая услышать ответ.

Мысленно, да и словами, убедив себя в чём-то абстрактном, я улыбнулась, пытаюсь этой улыбкой унять дрожь в губах, дрожь в подбородке, закрыла глаза, отдышалась.

— Вот так. Всё хорошо. У нас всё будет хорошо.

Повернула ключ в замке зажигания и плавно нажала на педаль газа. Всё. Будет. Хорошо.

Кречетов меня встретил настороженным молчанием, проводил взглядом автомобиль до самого крыльца, лично зашёл в сторожку, чтобы закрыть ворота с пульта. На пороге топталась переодетая в не по погоде лёгкое пальто Оля, несколько раз оглянулась на дом, прежде чем решиться подойти ко мне.

— Оля, ты куда-то уходишь? Почему не предупредила? — Шёпотом поинтересовалась я, помогая отстегнуть детскую переноску от сидения. Она посмотрела на меня просто огромными глазами, потемневшими, каким-то возбуждённым взглядом.

— Дмитрий Алексеевич дома. Вас спрашивал. — Кратко уточнила она и потянула переноску на себя. Быстрыми шагами поднялась по ступенькам к двери.

Она всегда так делала. Только мой взгляд, вместо того, чтобы привычно проводить её, невольно потянулся к окнам гостиной, в которых отражался тусклый свет бра. Зачем Дима включил свет днём?

Затолкнув бумаги в бардачок машины, я пригладила сбившиеся волосы, ловкими движениями подвела размазанный на глазах макияж, достала из багажника пакет с покупками для Вани и решительно подошла к крыльцу. Пока разделась, в гостиную спустилась Оля, тихо перекинулась с Димой парой фраз и передала радио-няню, которую всегда устанавливала в комнате малыша. Когда я и сама вошла в комнату, всё изменилось. Именно всё. Потому что назвать что-то конкретное я бы ни за что не могла. Слишком резкий, слишком пристальный взгляд, моё сердце, которое предательски быстро стучало в груди, и подступившие слёзы. Слёзы маленькой девочки, которая даже сейчас готова искать защиту там, где её нет.

Он не просто смотрел, он ощущивал меня взглядом. А я дрожала внутренне и снаружи.

Смотрела на поджатые губы, на свободно лежащие на столешнице кулаки. Он только что обедал, а сейчас его ладони непроизвольно сжались. «Он всё знает!» — пронеслась в голове безумная мысль, заставляющая меня взвыть в голос. Дима на это приподнял одну бровь и жёстко улыбнулся, этой улыбкой обещая мне все круги ада.

— Привет. — Произнёс спокойно, а улыбка расплывалась, превращаясь в широкую, хищную, с долей азарта. Облизал губы и, понимая, что я не свожу взгляда с мощных кулаков, разжал их, укладывая руки ладонями вниз. Только прижал их к столу слишком сильно. Словно за эту поверхность держался.

— Не ответишь? — Наигранно удивился, отпил сок из стакана, стараясь сделать свои движения более плавными, но не получалось. По крайней мере, я не верила.

— Ты отпустил Олю...

— Иногда нам стоит побыть вдвоём. Ты так не считаешь? Где была? — Продолжил без паузы и перехода, я тут же отступила назад, оглядываясь на лестницу, ведущую на второй этаж.

А Дима, не желая давать мне передышки, подошёл вплотную, но не прикоснулся, заранее спрятав руки в карманах брюк. Стал в свободную позу, чуть отклоняясь корпусом назад, делая разницу в росте незначительной. А сама вальяжность жестов обманчиво маскировала немереную силу.

— Ты сказала, что никуда не собираешься. — Вроде и спросил, а вроде и упрекнул он, отпуская мой взгляд. Выдохнул, а потом несколько раз наполнил щёки воздухом и рывками выпускал его, имитируя дыхание трубача. — Не считаешь, что пришло время поговорить?

Я только покачала головой, скорее, оттого, что не находила слов. Да что там слова... у меня и мыслей-то в голове не было. Дима показательно вытянул губы, окидывая меня придирчивым взглядом.

— Суть в том, что стоит мне сделать один звонок, и уже через пять минут я узнаю куда, зачем ты едешь... Почему это от меня скрываешь.. — Смотрел внимательно. — И ведь самое отвратное во всей этой ситуации то, что понимаю я, ничего случиться не могло априори, но ведь ты что-то скрываешь... Вопрос: что?

Я закрыла глаза и приоткрыла губы, но ничего не вышло. Ни единого слова не слетело с них. Ни звука. Я просто не могла сказать это вслух. Произнести! Слабая? Да! Безвольная кукла? Наверно... Но я не могла!

— Ты сейчас дрожишь передо мной так, словно я могу тебя убить. Или просто ударить. — С обидой в голосе произнёс Дима и на шаг отступил, давая жизненно необходимое пространство. — Есть чего бояться?

Я покачала головой, отрицая, так и не смогла открыть глаза.

— Галь, я жизнь свою назад хочу. — Было слышно, как он сжал зубы, выпустил через них воздух. — Ту, когда приходя домой, радовался, потому что ты мне улыбалась. — Хрустнули кулаки. — Сейчас же, ты только отводишь взгляд, прячешь дрожащие руки, выходишь из комнаты, словно моё присутствие тебе неприятно. Я что-то не так делаю? Может, я тебя обидел? Так, ты предъяви. Отвечу.

— Прости...

— Есть за что просить прощения? — Ухмыльнулся и резко дёрнул меня за подбородок. Так, что и глаза мои открылись, и его неконтролируемую злость я смогла оценить, и понятную боль...

— За то, что чувствуешь себя виноватым. Прости.

— Долго будешь тянуть резину или ты ждёшь, что у меня остановится сердце и объяснять ничего не придётся? — Холодно улыбнулся он, отпустил мой подбородок так, словно оттолкнул. Резко развернулся на месте и тут же ко мне метнулся, подавляя своим присутствием. Навис, едва контролируя эмоции, руки специально за спину завёл, иначе уже сжал бы моё горло. А я молчу, потому что слов нет.

Пришлось несколько раз откашляться, пока голос приобрёл звучание. Я опустила взгляд в пол и протянула ему брелок сигнализации.

— В машине, в бардачке. Бумаги.

Ещё несколько секунд стояла с протянутой рукой, прежде чем Дима резким неосторожным движением дёрнул ключи на себя. Вернулся он быстро. Слишком быстро, я даже отдышаться не успела. И не было сил, чтобы плакать, биться в истерике, умолять дать мне время всё объяснить. Что объяснить? Наверно, я даже себе этого сказать не могла, но для него хотела попытаться найти эти слова. Ту истину, которую не знаю.

Дима плюхнулся на диван, обдав меня уличным морозом, шморгнув носом: нормальная реакция при переходе из тепла в холод и обратно. Несколько раз встряхнул примятые листы бумаг, выпрямляя, перевернул их обратной стороной, лицевой, пытаясь сконцентрировать внимание. А я медленно оседала на мягкий пуф. Смотрела на любимое лицо, на внимательный взгляд, который уже не первый раз пробежался по немногочисленным строчкам, пытаясь сообразить, что к чему. Не удивлена. Я и сама раз пять прочла, прежде чем признать правду.

Буквально в один миг его напряжение изменилось. Оно было и до этого, но иное. От злости, что ли... от негодования, обиды. Сейчас же это напряжение выдавало ступор. Он прочитал. Он понял. Только посмотреть на меня не решается.

— Я не знаю, как это объяснить. — Удивительно твёрдо прозвучал в тишине момента мой голос. Дима сжал лист бумаги в кулаке, продолжал смотреть сквозь меня.

— Зачем ты это сделала?.. — Отрешённо отозвался он и смял лист бумаги окончательно.

С умиротворением и убийственным спокойствием на лице положил его в, словно для этих целей, стоящую на столе пепельницу, с нижней полки стола извлёк замаскированную под маленькую свечу зажигалку, треск горячей бумаги ножом отозвался по нервам.

Я испугалась. Никогда в своей жизни так не боялась.

— Я тебе не изменяла. — Ответила поспешно, но Дима отрицательно покачал головой.

— Зачем ты сделала ЭТО? — Кивнул на догорающий лист, выделяя интонацией последнее слово, уже сминая в руках второй, такой же.

— Дима...

— Галь, ты только не нервничай, хорошо? — Обманчиво спокойно попросил он, прикрыл глаза, провёл по лицу ладонями, акцентируя внимание на зоне переносицы. Откинул голову назад, шумно выпустил воздух.

— Ты сейчас о чём?

— Прости. Всё не так должно было получиться.

— Ты знал? — Произнесла я, сама не понимая, откуда эти слова взялись в моей голове. Что они означали... что за собой скрывали...

Дима отрицательно покачал головой, скривился и задержал дыхание, выдохнул резко и так, словно боль из себя выгонял. Дышать стал часто и шумно. Губы облизывал. Упирался кулаками по обеим сторонам от своих бёдер.

— Не знал, малыш, правда... Я...

— Ты знал?! — Повторила я свой вопрос более осмысленно и уверенно. Достаточно громко, чтобы Дима пришёл в себя.

Так и получилось. Взгляд его стал ясным, целенаправленным, подбородок привычно выпятился вперёд, чуть приподнимаясь, глаза сверкнули.

— Я осознавал, что это могло произойти. — Жёстко ответил он и принял мой взгляд как вызов, ничуть не уступая. А я просто не понимала, что происходит и что означают эти слова. — Осознавал и очень надеялся, что этот разговор никогда не состоится. Идём.

Дима поднялся и направился в сторону кабинета, на меня не оглядываясь, что и понятно: конечно же, я пойду. Конечно же, я буду заискивающе смотреть в его глаза и, конечно же, с нетерпением переминаясь с ноги на ногу до тех пор, пока он не предложит присесть.

— Не стой, разговор будет длинным... наверно... — Оглянулся на меня. — Диван в твоём распоряжении.

— Минуту назад ты сам просил меня не тянуть резину. — Уколола я и ещё внимательнее наблюдала за его действиями.

Дима не спеша... нет, скорее, осторожно... да, его неторопливость была именно осторожной. Он подошёл к сейфу, набрав комбинацию из цифр и символов, открыл его, достал диск в прозрачной упаковке и загрузил в ноутбук.

— Это запись из твоей квартиры, Галя. В день открытия моей выставки, чуть больше года назад.

Он перевернул монитор ко мне, а сам удобно устроился в кресле, подпирая указательным пальцем подбородок, по-мужски закинув ногу на ногу. И пока я смотрела на экран, он, не отрываясь, смотрел на меня. И я чувствовала его взгляд, словно спусковой крючок, который вот-вот будет нажат. А на экране... я... Антон... мы в постели.

— Этого не было! — Подскочила, но Дима оставался холоден и беспристрастен, а взгляд... даже не знаю, как его описать... в нём не было обвинения, скорее, сожаление, наверно даже сочувствие. И я села обратно, ясно понимая, к чему он клонит, но продолжала смотреть на мужа. — Этого не было. — Повторила тихо, по сути, понимая, что где-то я ошибаюсь. Только вот где?

— Галь, так случилось, что это действительно произошло. Я не обвиняю тебя, ты была под действием наркотических средств. Более того, была уверена, что рядом с тобой я, поэтому и отвечала. Включив звук, сможешь услышать, как называешь парня моим именем.

Я покачала головой, отрицая очевидное, со злостью на мужа посмотрела.

— Ну... ну что ты сидишь?! — Подскочила, направляясь прямо к Диме, схватила его за ворот рубашки, несколько раз беспомощно потрянула, поражаясь спокойствию. — Что ты сидишь?! — Оттолкнула его от себя или, скорее, себя от него, вцепилась пальцами в волосы, сжимая голову с боков: я не верила. Я не верила, что это может быть правдой. Просто отказывалась верить. Приткнулась спиной к стене, не желая никого видеть, и закрыла глаза, скривившись от внутренней боли.

— Малыш, всё дело в том, что о произошедшем я узнал в тот же вечер. — Вздохнул Дима и напряжённо потёр ладони о свои колени. — Пока ты лежала в больнице, у меня было время это обдумать.

— Обдумать? — Не поверила я услышанному. Скривившись, посмотрела с обвинением. — «Это»? Так ты называешь то, что произошло? Просто «это»? Но ты ведё

знал, что я могу забеременеть... Дима... ты не хуже меня знаешь все числа, даты, когда можно ждать и когда может быть результат, а сейчас заявляешь, что у тебя было время обдумать «это»?!

Я задыхалась. От обиды, от возмущения. От предательства.

— Я консультировался с врачом и, принимая во внимание тот факт, что ты уже могла быть беременна... — Он поджал губы, — от меня... В общем, о экстренной контрацепции, к которой рекомендуют прибегнуть в подобных случаях...

— Дима, ты себя слышишь? Что ты несёшь? — Метнувшись к столу, я едва не налетела на него, не видя преграды, стукнула двумя кулаками по столешнице. — Ты проконсультировался? Рекомендуют прибегнуть?.. — Едва не взвыла с досады. — Да ты как актёр самоучка сейчас говоришь. Давно роль выучил?! Не думал, что я узнаю? А о чём ты вообще думал? О том, что будешь воспитывать чужого ребёнка?!

— Ванька мой. — Тихо прорычал Дима, но я не слышала, уже ушла в новую проблему, в трагедию!

— Но он отец! — Прокричала, сама непонимая, кого и в чём пытаюсь обвинить, но обвиняла, точно обвиняла.

— А я не отец?! Я — не отец?! — Взорвался Дима, готовый крушить всё на своём пути кинулся наперерез, когда я попыталась отступить, схватил меня за запястья, сотрясая в воздухе. — Я ждал, пока наш сын родится! Я слушал, как бьётся его крохотное сердечко! Я знаю, почему он плачет и как улыбается по утрам. Я отец! Я! — Резко оттолкнул меня, словно противно находится рядом. Сделал несколько стремительных шагов в сторону и тут же вернулся на место. — Он мой сын. Поняла?! Мой! И я никому его не отдам! — Махнул дрожащим от напряжения указательным пальцем перед моим носом.

Взглядом Дима метал стрелы и молнии, а я не готова была ему уступить.

— Ты не имел права решать за меня. Ты должен был сказать!

— О чём? — Бросил с вызовом, надвигаясь. — О том, что какой-то ублюдок изнасиловал тебя и ты можешь быть от него беременна? О том, что я не могу с ним ничего сделать потому, что не хочу огласки? Я убить его готов был, Галя! Я не дал бы ему жить в одном городе с нами и, можно считать, что смерть была лучшим выходом. Потому что он знал, с чем придётся жить!

Я нервно сглотнула, понимая, что Дима говорит серьёзно. Убить готов? Да... наверно так выглядят люди, которые могут убить...

— Но ты знал, что я беременна от него и ничего не сделал?

— Да не знал я, понимаешь ты это или нет?! — Сжал он моё лицо до боли, до звона в костях. Рука, удерживающая щёки задрожала от напряжения, только тогда он смог разжать пальцы. — Я не знал. Я своего сына ждал. Своего растил. Своего люблю и буду любить, потому что мой.

— Кто-нибудь знает? — Запоздало опомнилась я, но Дима отмахнулся.

Обернулся в поисках чего-то, схватил в руки лежащий на секретере телефон, швырнул на стол, покопавшись в файлах.

— Посмотри. Это мне прислали перед выставкой. Что-то вроде компромата, шантажа... не знаю. Просто хотели, чтобы я выставил тебя после измены.

На дисплее были выведены несколько фотографий эротической направленности. Я с Антоном в откровенных позах, словно в блаженстве закатываю глаза. Отшвырнула от себя мерзость, отворачиваясь.

— Даже не буду повторять тот бредовый план. Просто просмотрел запись с видеокamer в твоей квартире и всё стало ясно. Никто не знает, Галя. Я один смотрел. И один всё понял. Да я понял и раньше... когда... — Он растянул губы и широко провёл по ним влажным языком. — Как только одеяло с тебя стянул. Кречетов со мной заходил, но я отослал его... сам в ванной все следы смыл. Не хотел, чтобы ты знала, чтобы помнила. — Горько усмехнулся. — Свечку в церкви поставил, когда понял, что ты не соображаешь, что происходит. До последнего не знал, что осталось в твоей памяти. Но ты не помнила ничего. Ни-че-го. — Повторил чётко и громко, словно для самого себя. — И до последнего верил в то, что Ванька мой. Я ни на секунду не усомнился. Если бы мог сам забыть, забыл бы.

— Но ты не удивился. Сейчас... ты не удивился. — С ужасом проговорила я, Дима посмотрел на меня ровно. — Ты делал тест на отцовство и раньше?

— Нет. Зачем? — Прорычал, сжимая кулаки. — Я уже сказал, что ждал своего сына. Зачем мне какие-то тесты?

— Ты не можешь иметь детей? — Поразилась я своей догадке, Дима как-то сразу сник, уголки губ опустились.

— Могу, — произнёс неуверенно, — наверно... У меня нет детей, я всегда предохранялся и... Ты считаешь поэтому я не стал ничего проверять?

— Я у тебя спрашиваю. — Прошептала, не зная, в какую крайность брошусь в следующую секунду разговора.

— Галь, Ванька мой сын. Как ты понять этого не можешь? Так же, как и твой. Это не обсуждается. Это без вариантов. Я полюбил его ещё до появления на свет, так неужели какая-то бумажка может изменить моё к нему отношение? Какая-то глупая формальность?!

— Это не формальность. Это родство. Отцовство.

— Да бред это всё! Ты или отец, или нет, и это не тестами проверяется! Это в сердце... не знаю... в голове, в восприятии мира. Я — отец. И никто не сможет этого изменить.

Я медленно осела в стоящее рядом кресло. Наступил эмоциональный спад. Пустота. Хотелось просто закрыть глаза и сделать вид, что этого не было. Что это сон. Что ошибка.

— И прекрати себя мучить. Ничего не изменилось. Есть я, ты, наш сын. Мы любим его и друг друга. А ты сейчас сидишь с таким лицом...

Я не могла больше выслушивать этот бред, поэтому подскочила как ошпаренная, выбегая из кабинета. Где угодно спрятаться, только бы не видеть никого, не слышать его слов, его голоса. Он не имел права. Он не мог так со мной поступить! Закрылась в ванной, тут же услышала удар кулаком о дубовую дверь.

— Галя, открой! — Прозвучало как приказ. — Сейчас же! Ты слышишь меня или нет?!

Ряд оглушительно громких ударов посыпался на дверь ванной комнаты, но она только жалобно скрипела.

— Открой! — Не прокричал — взвыл, ударяя с каждым разом всё сильнее и сильнее, но дверь не поддавалась, и только спустя несколько минут, обессилев, он стукнул по двери последний раз. Тихо и отрешённо: приткнулся к ней лбом — поняла я.

И хотела открыть, но не могла, задыхалась от рыданий и жалости к самой себе. Понимая, что это мелочно, что не правильно, что не себя сейчас жалеть нужно, но не могла остановиться и плакала, закрывая рвущийся изо рта вой, обеими ладонями. Рыдала до тех пор, пока всю обиду со слезами не вылила, всё, отравляющую меня боль и горечь. К тому моменту поняла, что онемело всё тело, ноги, он неудобной позы затекла шея и до ужаса болела пятая точка, ведь я так и сидела на кафеле, не в силах подняться.

Потом только, кое-как придя в себя и пережив первый поток пробежавшихся по телу колик, смогла подползти к умывальнику, поднялась, опираясь на него, закусил губу, глядя на результат стараний и хотелось заплакать вновь. Опухшее лицо больше напоминало бочонок с прорезями для глаз... а иначе откуда бы текли слёзы?..

Умывшись ледяной водой, насухо вытерла лицо полотенцем, до красноты растирая его, до боли. Откинула за плечи намокшие пряди и легко дёрнула за щеколду. Дима так и сидел у двери, спиной упираясь в стену напротив, широко расставив ноги. Руки, пальцы которых были сцеплены в замок, безвольно свисали. Я опустилась рядом с ним на колени.

— Прости меня... пожалуйста...

Приткнулась лбом к плечу и смогла дышать только в тот момент, когда тяжёлая ладонь опустилась ко мне на затылок несильно сжимая, когда сухие тёплые губы коснулись виска, прижимаясь ко мне с затаённой болью.

— Прости. — Прохрипел Дима в ответ, и улыбка облегчения коснулась его лица.

— Ты можешь встать? — Потянула его на себя, а Дима беззвучно рассмеялся, опадая обратно к стене.

— Старость — не радость, малыш. Сейчас встану. — Кивнул, понимая, что я тот час же брошусь его поднимать.

Покряхтел для приличия, но на самом деле легко оттолкнулся от пола ладонями и поднялся, притягивая меня к себе за шею.

— Как же я испугался. — Покачал головой, снова ко мне приткнувшись. — Как же я за тебя испугался. Верить, нет... никогда себя таким беспомощным не чувствовал.

Он остановился посреди гостиной, меня остановиться заставил, за подбородок приподнял и пристально посмотрел в глаза.

— Никогда не смей отворачиваться от меня. — Произнёс фразу, с которой, по сути, и началась наша семейная жизнь. — Мне важно видеть, что ты рядом. Знать, что со мной.

А потом какая-то непонятная суэта заняла нас обоих, а у меня внутри, не знаю... тихая буря, словно зовёт кто-то, словно я что-то упустила, не заметила, не поняла.

Мы выпили по чашке чая. Молча. Не глядя друг другу в глаза. Дима слишком громко поставил свою на стол, выпрямил спину, открыл рот, чтобы что-то сказать, как меня вдруг осенило: Лиза. Лиза была со мной в тот вечер.

Ничего не объясняя, едва ли не бегом понеслась к кабинету. К компьютеру, к той записи. Что я хотела там увидеть, зачем, ради чего?.. Но я бежала, потому что чувствовала обжигающий душу обман. Секунды хватало, чтобы переключить запись на нужный момент, когда на экране мелькнула знакомая фигура.

— Лиза...

Обернулась, услышав шорох и отшатнулась от стола: Дима, с бокалом виски в руках, стоял в дверях. Оценив мою реакцию, испуг, он усмехнулся, подходя ближе. Тут же захлопнул за собой дверь, громко, ткнув в неё ногой. Немного насмешливо скривился, а потом закрыл глаза, отрицательно качая головой. С закрытыми глазами сделал ещё пару шагов мне навстречу.

— Господи, один ты знаешь, как бы я хотел, чтобы моя девочка всегда оставалась маленьким солнечным человечком. — Вздохнул, обращаясь куда-то вверх, а потом слишком резко глаза открыл, так, что я дёрнулась снова и оступилась, едва не упав, удержалась за поверхность стола. — Как бы я хотел, чтобы ты никогда не снимала розовые очки, улыбалась всему миру только потому, что он улыбается тебе в ответ. Га-ля...

Дима снова покачал головой и безвольным грузом рухнул в кресло. Вытянул ноги, распрямляя их на всю длину, сделал пару больших глотков, поморщился с непривычки.

— К сожалению, все мы рано или поздно взрослеем, малыш. — Проговорил осторожно и приложил к горящим щекам ледяной бокал. — Каждый испытывает на себе боль измен и предательств. И это действительно убивает частичку тебя. Не грусти. — Вздохнул и еле уловимо улыбнулся. — Всё у тебя ещё будет. И друзья настоящие... и жизнь...

Он говорил, а я смотрела и не могла поверить в мысли, блуждающие в голове, и они, словно капля воды, которая точит камень. Больно, раз за разом, ударяет в одну и ту же точку. И каждый последующий удар кажется сильнее предыдущего. Каждый последующий удар кажется на грани возможности переносимой боли. И перед глазами всё плывёт от понимания истины, которая всегда была на поверхности.

Я, прислонившись спиной к стене, медленно опустилась, подперев в итоге её у самого пола. Подняла плавающий взгляд. Медленно, чтобы не упустить ни единой детали. И он, такой знакомый и такой непонятный одновременно, сидел напротив, уже отчётливо понимая, что происходит.

— Спрашивай. — Холодно улыбнулся и развёл руками. Подобрался, принимая более естественную для себя, напряжённую позу, уперев локти в колени, ладонями подпер подбородок и для пущей убедительности кивнул мне, предлагая не медлить.

— Лизу изнасиловали. Примерно в это же время... Я разговаривала с Григорием Степановичем... Я...

Я ломала язык, пытаюсь подобрать слова, а Дима продолжал улыбаться. Только улыбка эта была чужой и опасной. Хищной. Угрожающей.

Он не удивился моим словам, не уточнил, не переспросил. Он знал об этом. Он знал об этом... Резко дёрнулся, убивая последние иллюзии, откинулся на кресле, приподнимая голову вверх. Потёр подбородок, явно отмечая, что пора побриться, перевёл взгляд на меня.

— Сворачивая на волчью тропу, будь готов жить по волчьим законам. — Пояснил просто. Так просто, словно карамелькой угостил. И посмотрел выжидающе.

— Это ты?

— По моей просьбе. Если ты это имела в виду. — Поправил, а я крепко зажмурилась, пытаюсь скрыть рвущиеся наружу слёзы.

— Этого не может быть. — Прошептала так тихо, что и сама не была уверена в этих словах. — Этого не может быть. — Повторила громче, но глаза так и не открыла. Я боялась увидеть его перед собой. Такого чужого. Жестокого. Он всегда был таким?..

— Оно того не стоит, малыш.

— Оно того не стоит. — Отозвалась я эхом. Глаза открыла, а Дима уже готов сорваться с места и не понятно, что его останавливает. — Оно того не стоит! — Проговорила уверенно, а он только жёстко усмехнулся.

— Что? Что не стоит? — Сверкнул огненным взглядом. — То, что мою жену изнасиловали?

Подскочил с места, подлетел, сильно ухватил меня за подбородок, заставляя задирать голову вверх.

— Твоих слёз не стоит? Этого разговора и того, что ты сейчас чувствуешь?! Не стоит?!

— Ты не мог этого сделать! — Прокричала, отталкивая руку в железном захвате. Увернулась от повторной попытки удержать моё лицо. Встала, удивляясь появившимся ниоткуда силам. — Ты не мог! Ты не такой!

— С тобой — не такой.

— А с другими?

— А с другими поступаю так, как они того заслуживают. — Тихо пояснил Дима, собрав эмоции в кулак. Отвернулся, немного отступая, как всегда давая мне место для манёвра: для побега либо нападения.

Я выбрала сбежать, поэтому и метнулась в сторону двери. Дима не позволил, крепко сжав плечо ладонью, силой вернул на место, выставляя перед собой. Я отмахнулась, чтобы снова попробовать уйти, но он только рыкнул.

— Мы не договорили!

— Я хочу проверить Ваньку. — Всхлипнула, понимая, что мне снова нужно время. Много времени. Наверно, я смогу понять, принять. Только не сейчас, сейчас я не найду оправданий ни ему, ни себе. И от этого так отвратительно себя сейчас чувствую.

— Он спит.

Дима оттолкнул меня к стене, сам вернулся к двери кабинета, чтобы закрыть её на замок. На стол, между нами, поставил рацию от радио-няни. Махнул рукой, предлагая продолжить.

— Я не могу...

— Да брось! Взросление процесс необратимый. Если оно началось, отступать уже поздно.

— Я не знаю тебя... — Призналась ему в своих страхах, Дима оскалился.

— Я такой же, как и вчера.

Я покачала головой, смахивая набежавшие слёзы, его же это только взбесило и он приблизился, отрывая руки от моего лица.

— Я такой же, как и вчера! Каким был год назад. С каким ты познакомилась. Что изменилось? Ты можешь дать мне ответ на этот вопрос?

— Я тебя не знаю. — Повторила на удивление чётко, Дима от досады только отшатнулся, но не отпустил. Развернулся, чтобы тут же посмотреть в глаза.

— Я люблю тебя. И это то единственное, в чём ты можешь никогда не сомневаться.

— О какой любви ты говоришь, если...

— Если что?! Я обидел тебя? Я сделал тебе больно? Я тебя унизил?

— Настоящий мужчина никогда не обидит слабую женщину. — Произнесла я фразу, глупее которой на тот момент просто придумать не могла и заплакала. Заплакала оттого, как сильно сжались его руки на моих запястьях, от того, каким злом сверкнули глаза.

Дима приблизился к моему лицу так, что шевеление его губ можно было легко ощутить собственной кожей.

— Настоящий мужчина никогда не даст в обиду свою семью. Ты — моя семья. И это всё то, что ты должна знать о настоящем мужчине. Наизнанку вывернусь, но тебя в обиду не дам. И никому другому не уступлю.

— Ты сам отталкиваешь меня.

— Просто прекрати себя жалеть. — Выдохнул Дима и отпустил, отступая. Присел на стол, потёр виски, скрестил руки на груди. — Давай не будем ничего усложнять. Нам двоим нужно время. Тебе, чтобы принять это, мне... мне для того, чтобы успокоиться.

Я обошла его стороной, чтоб выйти из кабинета, а Дима чуть повернул голову в мою сторону.

— И помни, что ты всегда останешься моей женой. — Посмотрел в глаза, а я уже и не

пыталась скрыть слёз, смотрела на него. — Никого дороже вас с сыном у меня не осталось. Я тебя люблю.

— И я тебя люблю... — Пошевелились мои губы, наверно даже против воли. Потому что это истина. Потому что буду любить несмотря ни на что.

Поддавшись на душившие меня рыдания, отвернулась и вышла, прикрыв за собой дверь. Тут же прислонилась к ней спиной, всем телом ощущая своего мужа, стоящего так же с другой стороны. И его обиду на моё непонимание. Но слёзы не помешали разглядеть странные тени в саду, людей в чёрных масках, которые ловко укладывают штабелями охрану, подают друг другу какие-то сигналы.

— Дима? — Постучала я обеими ладонями по двери, в которую вжалась от страха. — Дима, там какие-то люди! — Прокричала до боли в горле, хотя голос казался мне тихим.

Глава 33

Он всё оценил слишком быстро. Хватило буквально нескольких взглядов, чтобы сделать выводы и принять решение. Подошёл к пульта управления охранной сигнализацией и заблокировал все двери кроме центральной. Шумно дышал, посмотрел на меня несколько раз, вытянув губы, словно прикидывая что-то в уме, кивнул сам себе, подошёл к центральной двери. На мой крик ужаса обернулся и нервно улыбнулся.

— Всё хорошо, малыш. — Растянул непослушные губы. — Как только я выйду, выставишь сигнализацию, закроешь двери.

— Не нужно...

Я вцепилась в его руки, в рукава рубашки, в его взгляд, и готова была стать с ним одним целым, только бы не отпускать.

— Сделай, как я сказал. — Приказал тоном, не терпящим возражений.

— Я не могу...

— Ваньку смотри! — Прикрикнул, окончательно возвращая меня в реальность, и вышел на улицу.

Быстро набрав код и включив максимальный уровень защиты, оставалось только смотреть, как моего мужа фактически избивают, заламывая руки. Громкий крик я заглушила прикушенным до боли ребром ладони, рухнула на колени, реально понимая, что такое страх, что такое ужас. Я не могла слышать, что происходит на улице, но, казалось, что чувствую даже дуновение ветра. Как в замедленной съёмке видела его вывернутые в неестественной форме руки, удар ногой в живот, заставляющий согнуться, удар по внутренней поверхности коленей, заставляющий прогнать, опуститься на них. И человека. Единственного среди остальных, который не боялся показать лицо. Он смело шёл по заснеженной дорожке прямой наводкой к Диме, улыбался ему как старому другу, потирал ладони. Что-то сказал, а через секунду его улыбка исчезла, оставляя лишь звериный оскал, и перекошенное от злости лицо потемнело. Он кивнул одному из тех, кто держал Диму, мужчина, схватив моего мужа за шевелюру, заставил задрать голову и смотреть командиру в глаза. Тот, который был без маски, остался доволен, удовлетворённо ухмылялся, а затем посмотрел в мою сторону так, что лёд, казалось, пронзил тело насквозь. Умом я понимала, что он меня не видит, смотрит на опускающиеся металлические завесы, но всё тело передёрнуло от ужаса и страха. В панике я бросилась на второй этаж, к сыну, заперлась в его комнате и, только убедившись, что Ванечка спит, схватила в руки телефон.

Как набрала номер, не помнила. Да и чей набираю, тоже. Словно под действием инстинкта, а может оттого, что не знаю другого более близкого Диме человека. Алексей ответил сразу же, словно наготове был, словно ждал этого звонка. От уверенного грубого голоса, у меня даже язык онемел, а он и сам всё понял, выматерился в сторону.

— Где Шах? — Прорычал в трубку, а я захлебнулась потоком воздуха, поэтому вместо ответа получился лишь неопределённый всхлип.

Не плакала, но дыхание спёрло и говорить не получалось.

— Так, успокойся. Ты сейчас дома?

— Д-да. — Выдавила еле-еле, только головой кивала, не останавливаясь, а других слов

не получалось. — На Диму напали. Я не знаю кто, в масках все, с оружием. Охранников вдоль забора уложили, Егора Владимировича тоже не видно. Дима сказал в доме закрыться, сейчас тихо всё, наверно, его увезли, что мне делать? Я... я не знаю, что с ним, где он...

— Его задержали, Галь. — Хрипло, на выдохе, произнёс Алексей и на мгновение замолчал. — В офисе сейчас налоговая инспекция работает, все счета арестованы. Я просто не смог до вас дозвониться. Ты не волнуйся только, приеду сейчас, хорошо?

— Что значит задержали? Какая налоговая? Лёш, его как в колонии строгого режима заломали!

— Я приеду и всё тебе объясню.

— Да не нужно приезжать, узнай где Дима!

— Я знаю, где он. — Зло процедил Леша и я смолкла.

— Это ты устроил, да?

— Что?!

— Это ты?

— О чём сейчас?

— Мне Дима говорил!

— Я сам тебе сейчас скажу всё. Ещё раз повторяю: успокоилась, быстро! Вещи мужу собери, и дыши глубже. Так глубоко, чтобы к моему приезду мозг хорошо отфильтровал информацию. Полчаса у тебя есть!

Он так кричал в трубку, что, казалось, будь сейчас рядом, вообще убил бы. А я просто не знала, что делать, в беспомощности на ребёнка смотрела: Ванька уже крутился, вот-вот должен был проснуться, а я моргала, не решаясь расплакаться. Потом всё как в тумане, а я, дрожащими руками, когда всё внутри колотилось, пыталась успокоить ребёнка. Естественно он моё состояние чувствовал и нервничал ещё больше. Крутился. Упирался. Не хотел есть, пить, не хотел, чтобы держала на руках. А у меня от этого нервы ещё больше разыграли: Ванька есть согласился, с минуту грудь мучил, а потом снова в крик, я и не сразу поняла, что просто молока нет. Ещё два часа назад всё в порядке было, а сейчас грудь твёрдая, горячая и без молока. Из рук всё валилось, в результате две разбитые бутылочки, голодный кричащий ребёнок, а мне самой кричать в голос хотелось, и чтобы пожалел кто, чтобы защитил.

Лёша, вопреки обещаниям, только через полтора часа явился. Злой, взъерошенный, на меня волком смотрит, а губы поджаты и чуть вытянуты вперёд, словно выругаться хочет, точно так же Дима делает, поэтому я знаю.

— Дай сюда ребёнка! — Первое, что он сказал мне, сам Ваньку из рук забрал. Можно было сказать, что вырвал, только руки мои и без того разжались, а внутри словно облегчение ухнуло. Слезы из глаз покатались непрерывным потоком, а колотить стало так, что на расстоянии можно было услышать стук зубов друг о друга.

— Галя, успокойся. — Терпимо произнёс Лёша, но при этом поморщился. Не этого он ожидал.

Я спросить что-то хотела, а вместо слов, вой из горла вырывается. Отдалённо, через пелену слёз смотрела, как Лёша пытается с Ванькой справиться, укачивает, успокаивает, а тот ни в какую. Разрывается от крика.

— Он есть хочет. Там... на кухне...

Лёша понял и без моих воющих объяснений и на кухню двинулся, цыкнул языком, когда развал там увидел.

— Ты его смесью, что ли кормишь? — Послышалось, пришлось как-то в себя

приходить, да и первая волна паники потихоньку отступала.

— Шесть мерных ложек, Лёш, воду я залила, а насыпать...

— Да вижу я. Сказала бы, что в таком состоянии, я по телефону и не определил как-то. — Перекинул заинтересованного Ваньку на одну руку, правой отмерял необходимое количество сухого порошка. — Лию нужно было с собой взять...

— Лёш, где он?

Тот на меня волком посмотрел, обернувшись, пожевал губами, взгляд стрельнул на высокий табурет у барной стойки. Я себя пересилила и присела, а, скорее, взобралась на него, буквально распластавшись по столешнице.

— В СИЗО. Ты вещи собрала? Я просил тебя.

Ответом ему послужила вторая волна моего воя, рёва, истерики. Наверно Лёша хотел вклеить хорошую затрещину, так Ваньку с одной руки на другую перекидывал, но вовремя одумался, хотя, наверно зря. Что такое СИЗО, я могла судить только по просмотренным в юности фильмам о доблестных милиционерах, что, в целом, никакой информации не давало, но прозвучало ужасающе как-то, слово безвыходно.

— Иди и собери. Пару свитеров, штаны домашние, носки, бельё, бритвенные принадлежности, зубную щётку.

— Лёша, что ты такое говоришь?..

— Пока так.

— Что ты такое говоришь?!

— Не беси меня! — Прорычал он в ответ на мои причитания и зло зыркнул, мысленно уже разрывая на клочки.

— А я знать хочу! — Стукнула кулаком, окончательно его взбесив, после чего Лёша приблизился так, что нас одна лишь барная стойка и разделяла. Одной рукой он придерживал Ваню, вручив ему в ручки бутылочку со смесью, другой ухватил меня за ворот блузки и на себя потянул.

— Слушай сюда, говорю первый и последний раз: я тебе не Шах, истерик можешь не устраивать. Закидоны свои тоже забудь. Гвоздь в стену вобью, за шиворот тебя на него повешу и будешь у меня, как Буратино, до полного осознания своей вины висеть. А потом быстро пойдёшь и всё равно выполнишь то, что скажу. Усекла?!

Я молча смотрела в его глаза, пытаюсь взять себя в руки. Не слушала даже, просто уговаривала успокоиться. Ванька с бутылочкой не справился, и Лёша с такой заботой её поправил, что в моей голове реально что-то щёлкнуло, я активно закивала.

— Галь, я понимаю, что ты испугалась, — продолжил он добродушнее и на порядок спокойнее, — я сейчас тоже на нервах, но Диме нужна помощь. Пока в виде тёплых вещей. Что будет дальше — не знаю и на вопросы твои ответить тоже не готов. Среди нас вообще мало кто понимает, что происходит. Так что давай, по возможности, быстро сориентируемся, успокоимся и будем решать, что делать дальше. Время работает против нас, но и козыри есть. Договорились?

— Ты ему поможешь?

— Я сделаю для этого всё возможное. Адвокаты уже работают, нужных людей я напряг. К вечеру, в крайнем случае, к завтрашнему утру всё будет куда понятнее. Вопросы?

— Что нужно собрать?

Лёша выдохнул с облегчением, наверно, в душе ликуя, что я, наконец, пришла в себя.

На самом деле я была рада, что Лёша приехал, что он взял на себя определённую

ответственность, что вывел меня из панического транса и даже за то, что, в отличие от Димы, не холил и лелеял, а поставил перед жёстким фактом. Я себя даже почувствовала иначе. Соображать стала, всё как раньше, когда сама себе была хозяйкой. И его предложение пожить у них с Лией восприняла с охотой, мне нужна была поддержка, группа единомышленников, а ещё информация. Та информация, которой наверняка обладает Лёша, просто на данном этапе не планирует ей делиться.

Ночь была бессонной, и причиной тому как недавние события, так и взволнованный ребёнок. Молоко так и не появилось, поэтому Лия под утро забрала Ваньку к себе в спальню, чтобы я могла хоть пару часов отдохнуть, но глаз сомкнуть не получилось.

Лёши не было дома всю ночь и половину следующего дня. Вернулся он только к обеду. Растрёпанный, уставший и зой. Взглядом приказал мне не приближаться. А когда поел, позвал в свой кабинет.

В отличие от нас с Димой, жили они с Лией в городе, в просторной квартире, но едва ли были ущемлены в пространстве, здесь, скорее, кто что больше предпочитает, они выбрали более быстрый темп жизни, где всё на бегу. Квартира под такой ритм подстраивалась идеально. Кабинет, как и другие комнаты оказался просторным, но более официальным, представительского класса. Лёша сел во главе компактного, но наверняка удобного стола, жестом руки предложил сесть мне, и только после этого начал говорить.

— Даже не знаю, с чего начать, — невесело ухмыльнулся он, — наверно, начну с плохих новостей. «Пока мы были в пути, собачка могла подрасти» — говорят в таких случаях. Так и наши проблемы, Галина Анатольевна, подросли, пока мы разбирались с текущими вопросами. И если вчера Шаха арестовали до выяснения обстоятельств дела...

— Скорее уж, как закоренелого преступника. — Хмыкнула я, подытоживая увиденное вчера, Лёша терпеливо это пропустил сквозь себя.

— Сегодня с утра ему было предъявлено официальное обвинение.

— И в чём его обвиняют?

— Если опустить подробности и перейти к сути, то в финансовых махинациях, в том числе и с налогами. Что, кстати, объясняет такое задержание: у нас в стране лучше ты убей, чем укради у государства. Поэтому ты и видела то, что видела.

— Хорошо, с этим всё понятно. Ты, вот что мне скажи, ведь являешься финансовым директором, если я правильно запомнила. Вот и ответь, только честно, то, в чём его обвиняют...

Я начала помогать себе жестами, размахивая руками, но Лёша не спешил поддержать, только ухмылялся, так и дождался, пока я сдалась.

— Если сказать тебе с точки зрения руководителя финансов, то нет. Никаких нарушений не было, здесь Дима всегда работал по схемам своего брата, а тот был далеко не дурак. Что же касается фактов... — Я уставилась на него с перекошенным лицом, Лёша понимающе кивнул. — Если верить документам, которые мне не далее как сегодня утром предъявили в прокуратуре, то факт махинаций на лицо. Что происходит я сказать не могу, потому как даже не понял толком, откуда они эти цифры взяли. Но интуиция подсказывает, что раз уж они начали такую бурную деятельность, то явно не с фикцией на руках.

— Что значит, ты не понял?

— А то и значит, Галь. У нас работает целый штат сотрудников, которые занимаются денежными вопросами и, как бы тебе объяснить...

— При всём своём желании вы не сможете отследить нарушения, если они были

сделаны группой лиц, начиная от простого бухгалтера, и заканчивая крупным руководителем.

— Примерно так. — Щёлкнул он пальцами. — Это хорошо, что ты сообщаешь.

— Я столько детективов отредактировала, оно и не мудрено... — Вроде как похвасталась, на самом деле, улыбаться было нечему.

— В общем, пока в этом плане мы ничего не решим. Идёт следствие, я разгребаясь с документами, пытаюсь понять, откуда ноги растут.

— Так, а ты что-то говорил про хорошие новости...

— Они, как ни странно, тоже есть. — Ухмыльнулся Лёша, и потёр заросший подбородок. — В этом деле у заказчика может быть только две цели.

— Считаешь, что это могли быть конкуренты? — Встрепенулась я, понимая, что неспроста Дима уже год безуспешно пытался решить какие-то проблемы.

— Может, просто недоброжелатели, если такое выражение уместно... Результата у этого ареста может быть, как я уже сказал, два. В первом и во втором случае Шах теряет деньги. Если вину доказать удастся, ты и сама понимаешь, что это конфискация имущества, арест счетов и всё в таком духе, а если даже и не удастся, то финансовые расследования обычно довольно длительные и муторные. Полтора, два года — это минимум. Результат, в принципе, тот же: он теряет всё.

— И о чём это должно мне сказать? — Пыталась сообразить я, а в чём тут, собственно, хорошая новость. Лёша за этим наблюдал и буквально наслаждался моей растерянностью. Скривил губы, когда мой взгляд стал прямым и осмысленным.

— Можешь назвать это удачей, судьбой или интуицией, но ровно четыре дня назад ты стала владелицей всего его имущества, в том числе и определённого процента акций компании. Примерно представляешь, что это означает?

— Что у него нечего отнять. Но... акции... это не гарантии... — Развела я руками. — Даже я это понимаю.

— Да, да, любовные, остросюжетные романы, детективы, — понимающе ухмыльнулся он. — Всё-таки зря я сомневался в Димке, он явно знал, что делает, когда решил жениться. За презентабельной внешностью есть и голова, за него можно порадоваться.

Его слова я старалась пропустить мимо ушей, да и вообще, всё это было не так важно. Не сегодня и не в этой ситуации, поэтому терпеливо ждала окончания прелюдии. Лёша и это оценил, покивал головой, соглашаясь с моим правильным решением.

— Суть здесь, как ты правильно заметила не в деньгах и не в имуществе. И даже не в акциях. Что такое валюта без золотого запаса, не так ли?.. Вот и акции, без активов не имеют никакой цены. А все активы так же, четыре дня назад были переведены на счёт в одном надёжном банке. Счёт, как ты понимаешь, на твоё имя. Вот такая история, Галка. Как тебе?

— Не пойму, чему ты радуешься. — Заметила вполне справедливо, Лёша огорчился, но ненадолго. Крякнул что-то вроде «перехвалил», нахмурился и поглубже вздохнул.

— Без денег, малышка, ты не наймёшь адвоката, не дашь взятку и не откупишься. А полагаться только лишь на дружеские связи не стоит. В последнее время они обесценились и имеют вполне осязаемую связь с твоим финансовым положением. Впрочем, ты и сама скоро поймёшь это. Вокруг Шаха всегда много людей, сейчас они дружно от него отвернутся и этому никто не удивится.

— Мне это не интересно. Скажи, как ты собираешься действовать?

— Да, на самом деле просто всё. Как только я найду, где в наших бумагах ошибка, по ниточке можно будет дойти и до человека, которому всё это выгодно. Таких умников и сейчас можно в готовый список печатать, но кто-то всё же отличился. Я хочу знать кто.

— Мне надо поговорить с Димой. Встретиться.

Почему-то эта мысль посетила меня только сейчас. Раньше о другом думала. А сейчас, как вода, как воздух необходимо было услышать его, увидеть, поговорить. Лёша покачал головой. Немного осуждающе, взгляд стал хмурым.

— Не всё так просто.

— Но ведь я как жена могу попросить свидание. Одно. Мне немного нужно, Лёша...

— Ты не знаешь, о чём просишь, к тому же... следовательно... Галь, эта настоящая головная боль.

— Принципиальный, честный и взятки не берёт? — Ухмыльнулась я, наивно полагая, что таких давно не осталось, но взгляд Лёши стал более суровым, а губы снова чуть вытянулись вперёд.

— Не принципиальный, не честный и уж точно любит погреть руки на чужом добре, но, как бы тебе сказать... Личная неприязнь у него к Шаху.

— Разве так бывает? — Не поверила и тут же осеклась, вдохнула поглубже. — В таком случае можно добиться другого следователя, надо только... только...

— Только доказать его предвзятость. — Со слащавой улыбочкой помог Алексей и я сжала кулаки, которые всё это время прятала под столом. Зло на него посмотрела и откинулась на спинку стула. Он улыбаться перестал.

— Думаю, ты уже поняла, что это практически невозможно. А если сказать так, чтобы ты поняла, то поясню: следователь — Вячеслав Казанцев, бывший одноклассник Шаха. И невзлюбил он его не вчера и не год назад. Он его терпеть не может всю свою сознательную жизнь. Потому что Шах везунчик, как он его называл. Родился в богатой семье, одарённый, красивый мальчик. Девчонки за ним табуном бегали, стоило только внимание уделить, да и без внимания, тоже бегали. И получалось у того всё легко и просто, в то время, как мальчику, только-только переехавшему из провинции, приходилось каждый день доказывать своё право на существование. Вот и выработался у него инстинкт, что таких как Шах давить надо. А если сказать ещё нагляднее, то добавлю: первый раз Шаха засадил именно он. И там, поверь, было куда больше шансов выкрутиться. Как думаешь? Сильно Славика Казанцева порадовала новость, что Шах не просто не бывший зэк, а уважаемый в городе человек, с деньгами, между прочим, от которых уже карманы отвисли.

— Но ведь не всё же меряется деньгами...

— Ах, да, ещё ведь жена у Шаха молодая, да красивая. Такая, которая к лысеющему Славику и не подумает приближаться. Сына родила, культурной профессией обзавелась, не модель, какая-то. Что на это скажешь?

— Что это не по-мужски? — Уточнила я, а Лёша неприлично заржал, напоминая мне того самого Лёху Кислого, который словно тень появлялся за спиной Шаха каждый раз, когда требовалось морально раздавить человека.

Он упёрся костяшками кулаков в стол, приподнимаясь и нависая над ним, на меня волком посмотрел.

— Мой тебе совет, Галина: не лезь туда, куда лезть тебе не положено. Оставь мужские проблемы мужикам. И к изолятору ни под каким предлогом не приближайся. Это я тебе как друг говорю. Как мужик скажу доступнее: Казанцев тебя по стенке размажет и никто

помешать ему не сможет. Размажет только за то, что с Шахом спуталась. И после этой встречи долго ещё себя собирать будешь. Димке ты всё равно не поможешь, но и добивать его не стоит.

— Но мне нужно...

— Считай, что это я тебе его слова передал.

— Ты видел Диму? — Уцепилась я за кулак, который вот-вот собирался соскользнуть со стола, Лёша сцепил зубы и на ладонь мою надавил так, что пальцы сами собой разжались.

— Я знаю его столько лет, что, поверь, могу отличить женщину, на которую ему плевать от любимой. А ни один нормальный мужик любимую не подставит.

— Я просто сказать ему хотела...

Лёша приподнял брови, всем своим видом изображая внимание, мяться пришлось недолго, потому как он, в отличие от Димы нянчиться действительно не собирался, встал и только услышав моё сдавленное покашливание пожелал остановиться и милостиво бросил взор.

— Мы вчера поссорились, и если ты сможешь, то передай, что я не права была. Он всё делал правильно... Скажи ещё, что люблю.

— Он знает. — Выдохнул Лёша напоследок, перед тем, как оставить меня в кабинете одну.

Наспех приняв душ и приведя себя в порядок, Лёша снова уехал, а я даже не могла сказать наверняка, вернулся ли он в тот раз ночевать.

Примерно так же проходила и следующая неделя. Телефон звонил, не переставая, Лия его игнорировала и мне поднимать не советовала, Лёшу нельзя было поймать даже ночью, казалось, он теперь жил между офисом и СИЗО. В редких телефонных разговорах, когда он всё же поднимал трубку, говорил, что делает всё возможное, а всё невозможное оставляет адвокатам. Ещё через пару недель я услышала от него слово «залог», но надежды не оправдались и суд отказал. Потом... потом я наверно привыкла так жить. Как? Не знаю... то ли без Димы, то ли в понимании того, что я едва ли могу чем-то помочь, а может, привыкла к тому, что меня никто в эти дела не посвящает. Я жила Ванькой. Наверно, в этот момент мне обязательно было жить ради кого-то, занимать своё время, отдавать свою любовь. Оказывается, человек грустит, когда его чувства остаются не востребованными. А мне грустить не приходилось. Такого деятельного мальчугана стоило ещё поискать. Он уже начал усиленно ползать, стаскивать всё, до чего дотягивался, продолжал слюнявить края журнального столика, диванные пледы, любые выступающие края предметов. Любил поесть ночами, а так как грудное молоко у меня так и не появилось, то приходилось вставать, чтобы делать смесь. В общем, времени на глупости у меня не было. Я училась жить без мужа. Надеялась, верила, ждала, но уже училась жить без него.

Глава 34

Глупости нашли меня сами. Причём как-то неожиданно и не организованно. Близился конец февраля, следствие к тому времени шло уже почти два месяца, а я всё так же жила у Лии и Лёши. Рядом с ними мне было легче и спокойнее, к тому же, возвращаться в пустой дом не хотелось. Не хотелось видеть и людей, который совсем недавно нам улыбались, а потом вдруг позвонили и сказали, что работать и далее не намерены, то есть уволились без объяснения причин. А мне и не нужны были объяснения, всё и так ясно: кто боялся, кто-то считал себя выше этого, кто-то просто не собирался ждать с моря погоды. Спокойно отреагировал только Кречетов. Так, разве же кто-то ожидал другого? Егор Владимирович

основную часть времени проводил в нашем доме, а при каждой необходимости мне куда-либо выехать, сопровождал. Пусть даже пешком и в магазин. Наверно, это были личные поручения моего мужа...

Но в этот день я осталась совершенно одна. И даже Лия, которая управляла делами собственного салона красоты в последнее время только по телефону и из дома, куда-то ушла с самого утра. Мы с Ванькой проснулись на удивление поздно, около десяти часов, поели, почистили три зубика, умылись. Телефонный звонок раздался в момент, когда я намывала посуду. Ванька ползал где-то в ногах и только кусался, не позволяя отойти, но ответить пришлось, так как звонивший оказался более чем настойчив, перезвонив трижды.

— Слушаю. — Улыбнулась я сыну, отступая от него, ойкнула, когда малыш упал, и наклонилась его поднять, забыв про собеседника. Немного растерялась, услышав в трубке незнакомый мужской голос, вспомнила о телефонном звонке и отошла от ребёнка, чтобы больше не отвлекаться.

— Галина Анатольевна? — Отозвался мужчина ещё раз, потому как в первый я не ответила, только удивилась не понятно чему.

— Да, я вас слушаю.

Со стороны продолжала наблюдать за сыном.

— Следователь прокуратуры по особо важным делам Казанцев Вячеслав Дмитриевич беспокоит. Вы можете сейчас разговаривать?

Я насторожилась. Нет, не оттого, что он позвонил мне сам, по мобильному телефону и всё такое. Меня напрягал вежливый голос, приятный тембр, лёгкость, с которой он разговаривает, очередной раз поймала себя на мысли, что совершенно не разбираюсь в людях и показательно, для самой себя, нахмурилась.

— Да, я вас внимательно слушаю. — Ответила строго.

Следователь изменения в моём голосе уловил и я поняла, что улыбнулся.

— Не пугайтесь. — Засмеялся поистине бархатным смехом. — Просто совсем недавно обнаружил вашу заявку на свидание, сейчас как раз появилась такая возможность. Вы сможете прибыть к половине первого по нужному адресу?

— По какому ещё адресу, вы о чём? — Неосознанно я попятилась, словно разговаривала с женщиной не по телефону, а напрямую, только уперевшись спиной в стену опомнилась и расправила плечи.

— Я говорю о вашей заявке на свидание с мужем. Я ведь правильно дозвонился? Галина Анатольевна Дмитриевская?

— Да, это я, но....

— Шах Дмитрий Алексеевич, ваш муж...

— Я прекрасно поняла, кто вы и по какому поводу звоните, не поняла, с чего такая честь.

— Да ладно вам, мы же не звери, всё понимаем... В половину первого. Адрес, как я понимаю, вам известен. Передачу взять с собой можно, что именно, вы тоже в курсе, судя по регулярно поступающим коробкам на его имя. Пропуск для вас будет на вахте. Время я напомнил, до свидания.

И повесил трубку, не позволив мне задать ни вопросов, ни попрощаться в ответ.

Что тут сказать, естественно я загорелась идеей. Хотя чувства были смешанные, мысли спутанные, а посоветовать, как поступить, мне никто не пожелал, молчал, как назло и Кречетов. Только вот время шло, и действовать нужно было быстро.

Оставив Ваньку с бабулей, я отправилась в СИЗО, адрес которого мне действительно был хорошо известен, ведь не реже чем раз в неделю, просила Егора Владимировича привозить меня сюда, чтобы хоть так побыть рядом. Не знаю, как Диме, наверно вряд ли, а вот мне становилось легче. И силы покидали мгновенно, словно я их у серых стен оставляла.

Прибыла вовремя, осталось даже время на сомнения, которые всё же, меня терзали. Последний раз взглянув на себя в зеркало заднего вида и мысленно перекрестившись, вышла из машины. Уже тогда приняла решение. Важное. Одно: для себя и для него. Поэтому и голову сейчас держала максимально высоко, и взглядом пресекала любые попытки сделать лишнее движение в свою сторону. Похолодела изнутри, когда вели по тёмным серым коридорам, от которых веяло болью, криками, чужими поступками. Было страшно.

Согласившись на свидание, почему-то рассчитывала увидеть что-то вроде переговорной комнаты с телефонными трубками по обеим сторонам непроницаемого пластика. Такие, какие показывали в фильмах. Меня же завели в подобие какой-то камеры. Стол, два стула, высокое окно под потолком с металлическими прутьями, встроенными в толстую стену. Пыльное окно практически не пропускало свет, а тусклая лампочка, которая с отвратительным скрипом пошатывалась из стороны в сторону, словно от дуновения ветра, и вовсе заставляла окунуться в суровый преступный мир, которым пропитано здесь буквально всё.

Окинув брезгливым взглядом стены с неровной тёмной штукатуркой, я прошла в центр небольшой комнаты, в которой даже низкие потолки давили на сознание, я задыхалась, меня бросало в жар. Пришлось расстегнуть полушубок и стянуть тонкий шёлк с шеи, только тогда удалось протолкнуть неприятный липкий ком, ставший поперёк горла.

Затворы снаружи резко звякнули, тяжёлый засов с металлическим скрежетом протёр в петлях очередную неглубокую борозду, дверь с напряжённым скрипом отворилась, а весь небольшой проход тут же заняли широкие плечи. Я так растерялась, что даже не сразу поняла, что Дима стоит передо мной. Почему-то смотрела на отставленные кулаки в наручниках, которые ловкими движениями снимает один из конвоиров, на ноги, которые сделали один широкий шаг, на дверь, которая захлопнулась за спиной, при этом я дёрнулась от резкого звука. И только тогда взгляд поднялся к его лицу, к глазам.

Острый холодный взгляд с нехарактерным недоверчивым прищуром, упрямо поджатые губы, грубая тёмная щетина на впавших щеках. Но дело было не во взгляде и не в щетине. Он сам, словно один большой комок нервов, словно сплошная колючая стена, проволока с зубьями, готовыми рвать тебя по-живому. И ухмылка холодная, дерзкая, чужая... Хотелось попятиться, но я приняла этот вызов, и сделала один уверенный шаг вперёд. Дима ухмыльнулся одним уголком губ, склонил голову набок и прошёл к столу, присел лицом к двери, оставляя мне второе место. Расправил плечи, широко расставив локти на столешнице. Молчал. Всем своим видом призывал сесть напротив, и я сделала так, как было нужно. Снова посмотрела в его глаза, Дима на это испытующе глянул, чуть приподнял брови, изображая недоумение, вопрос, и кивком головы предложил говорить, не ожидая, наверно, что я растеряюсь. Пожевал губами, когда в течение минуты не было произнесено ни слова.

— Хорошо выглядишь, дорогая.

Мне пришлось беглым взглядом окинуть себя, по крайней мере, те участки, которые я могла увидеть. Да. Выглядела отлично. Дерзкий макияж, с акцентом на ярко выделенные губы, волосы собраны в высокий хвост — это то, что я запомнила из своего отражения. Под светлым норковым полушубком узкое, в зоне декольте и талии, платье, яркое, кричащее, с

широким многослойным подолом, длиной чуть выше колена, сапог на высокой шпильке. В дополнение к наряду, дорогие объёмные украшения, гордая осанка, упрямый взгляд. Я словно к бою готовилась. И билась с самой собой, пока сюда ехала. Теперь готова была противостоять мужу, и выдержала его упрёк с достоинством. На Димины слова изобразила бессмысленную улыбку, пожала плечами. На него бросила короткий оценивающий взгляд.

— О тебе такого сказать не могу. — Не стала скрывать правду и склонила голову набок, оценивая более степенно.

Чёткие морщины на лбу и в уголках глаз оттого, что часто хмурится, выделенная носогубная складка, сдвинутые на переносице брови. Взгляд не потухший, наоборот, при виде меня он словно загорелся новым огнём, новой силой. Но этот огонь испепеляющий, выжигающий нутро, который причиняет боль, не задумываясь о последствиях. Свободный тонкий пуловер с подтянутыми до локтя рукавами, сбитые костяшки пальцев, кожа на руках грубая, словно мозолистая. Непривычно видеть Диму таким.

В нём не было былого лоска, явно не доставало бриллиантовой булавки для галстука и запонок, о том, что ни галстука, ни сорочки не было тоже, я как-то не думала. Поза не напряжённая и не расслабленная, такая, словно он всем своим видом пытался показать, насколько параллельно относится к происходящему, но его выдавали детали. Может, чуть повышенный интерес ко мне... Он не мог насмотреться.

Молчание становилось неловким, как могло показаться со стороны, но нам было хорошо, комфортно. Дима подтянул к себе сцепленные в замок пальцы, откинулся на низкую спинку стула и едва заметно скривился, вспоминая, что это не его офисное кресло, только позу менять не стал. Смотрел с вызовом. Уничижаяще. Не хотел уступать ни в чём. Я провела языком по пересохшим губам, прежде чем сказать, но он перебил. Не слова — мысль.

— Как дела? — Голос чуть дрогнул, что заставило меня тяжело выдохнуть. Не так я представляла себе эту встречу, но и играть по его правилам не стала. Отрицательно покачала головой.

— Не нужно, Дим. Ты же понимаешь, что это ни к чему.

— Что не так?

— Да всё! — Выдохнула раздражённо и сама на спинку стула откинулась, в полной мере ощущая это неудобство, но, в отличие от Димы, упрямиться не стала и тут же села ровно. — Дим, ты только пойми меня правильно.

Он развёл руками, чуть усмехаясь одними губами. Взгляд оставался серьёзен и теперь словно ощупывал меня, больно впиваясь в каждый доступный участок тела.

— Всё сложно Дим. Я не так себе это представляла. — Он изобразил интерес, а я всё меньше хотела подбирать слова, а то, что готовила дома, как-то не вспоминалось. — Ты говорил, что будешь рядом, что поддержишь, защитишь... а что теперь?

Он опустил взгляд, усмешка стала кривой, немного растерянной.

— Теперь ты здесь, а я одна. — Ответила самой себе и за руки его попыталась тронуть. Он не позволил, кулаки на себя потянул, взгляд поднял, но теперь не выражал практически ничего. Безразличие.

— На всё нужно время...

— Я говорила, Дима, что этого времени у нас нет. Я не могу ждать, не хочу. Да и... зачем?

Собрала волю в кулак, чтобы взглянуть в его глаза.

— Лёша сказал, ты подписал документы. — Перешла к сути и его взгляд на секунду стал осмысленным, но лишь на секунду, потому что в следующее мгновение безразличие снова поглотило его. — Мне не нужно всё, но подумай о сыне. Какое будущее ты можешь ему сейчас обеспечить? Какую жизнь?

— Что ещё?

— Дима, я долго ждала...

— Всего два месяца. — Перебил он меня, но не резко. Просто констатировал факт, который мне пришлось проглотить.

— Два месяца это тоже срок. А я хочу жить, а не сидеть в комнате при запертой снаружи двери.

— Твои предложения?

— Отпусти меня.

Дима чуть приоткрыл губы, но вместо ответа с них слетел лишь презрительный смешок.

— Не так себе представляла будущее, да?

— Не так и не с тем мужчиной, который сейчас сидит напротив. Год... два... в кого ты превратишься за это время? А мне нужно жить. Мне нужно воспитывать сына.

— Моего сына, Галя.

— Сейчас это не так важно, как тебе может показаться. Всё ещё тысячу раз может измениться, но сейчас... — Я заломила пальцы, — сейчас нам нужно дать друг другу передышку. Время.

— Нет.

— Это был не вопрос.

— Я сказал «нет». — Сухо повторил Дима, смотрел на грязный стол, разделяющий нас, на свои руки, на вырез моего платья: куда угодно, только не в глаза.

— Дима, ты ведь не ребёнок и сам прекрасно понимаешь, что уже ничего не решаешь. Я не хочу заканчивать всё вот так.

— Как?

— Скандалом, ссорой, как хочешь назови. Мы ведь ещё можем договориться.

— Галь, — зарокотал он, странным смехом, — о чём?

— О том, что будет, когда ты вернёшься. — Посмотрела серьёзно, он, кажется, не особо впечатлился.

— А если это будет через месяц, через неделю... завтра?

— Не строй иллюзий, прошу. — Проговорила устало, с соответственной интонацией. Дима резко к столу наклонился, шею втянул, губы растянул в неприятной улыбке. А мне только лишь оставалось делать вид, что его не боюсь. Иначе он просто раздавит.

— Галь, что ты хочешь? Зачем пришла?

— Я уйду. — Проговорила одними губами, словно и нет у меня голоса, но он понял, потому что только на них и смотрел.

— Уже всё решила?

— Нет смысла ждать и...

Запнулась, когда Дима резко встал. Он смотрел на маленькое окошко металлической двери, я посмотрела туда же. Створка в этот момент глухо закрылась. Нас оставили наедине.

Теперь его ничто не ограничивало, и, аккуратно ступая по бетонному полу, Дима приближался ко мне. Ровно до тех пор, пока не стал за спиной. Ладони его опустились на плечи и слегка их сжали. В этот момент сжалась изнутри я вся. Но настойчиво боролась с

дрожью в теле, в голове. Независимо повела плечами, но ладони он не убрал. Одна рука съехала на шею, а затем, нежно обхватив её, потянулась выше, подпирая подбородок, заставляя меня задрать голову вверх. Сам Дима при этом склонился над моим лицом.

— Но ведь сейчас ты всё ещё моя жена. — Прошептал, касаясь дыханием губ. — Всё ещё моя, ведь так?

— Не нужно давить на меня. — Ответила вполне осмысленно.

Хватка на моей шее усилилась и сейчас я чётко ощущала каждый из его пальцев, которые сдавливали с боков, не обхватывая её, по мере возможности. Делал так, чтобы захват оказался болезненным, но не удушающим. Теперь для того, чтобы почувствовать мою нервозность, Диме не нужно было отмечать дрожь и читать испуг в глазах, моё тело разговаривало с ним напрямую. И учатившееся дыхание, избыток слюны, говорили не в мою пользу.

— Я скучал. — Прошептал, склонившись над ухом, тут же прикусил мочку и чуть дольше чем нужно задержался в этом жесте.

Рука с моего плеча съехала ниже и, грубо развернув полы шубы, с нажимом прошла по рёбрам вниз-вверх, сжала грудь, намеренно причиняя боль, губы с моих губ сорвали недовольное шипение.

— Не люблю, когда ты такая. — Произнёс с укором, всё так же, на ухо. — Сама разденешься?

При этом он попытался заглянуть в мои глаза, чтобы увидеть там что? Хотел ли он в них что-нибудь увидеть? Или это было для устрашения, для утверждения, что он идёт до конца?

Не получив достойного отпора либо любого другого ответа, Дима разочарованно вздохнул, поскрипел надо мной зубами и чему-то согласно кивнул.

— Вставай. — Приказал коротко и быстро.

Надо признаться я растерялась. Не поверила? Наверно так. Только и мне предстояло узнать его с другой стороны. С той самой, в которой я не маленькая девочка. Пометка: не ЕГО маленькая девочка. Поэтому, резко дёрнув меня вверх, за руку выводя из-за стола, хотя это можно было назвать как отшвырнул, Дима буквально вытряхнул меня из шубы и бросил дорогой мех на истоптанный пол камеры для свиданий. Голые плечи обдало холодом и я попыталась прикрыться, но мои руки слишком быстро были раскинуты в стороны. Дима наступал. Ровно до тех пор, пока я не стала спиной к грубой шершавой поверхности. А потом вжался в моё тело так, что в спину множеством иголок впились дефекты штукатурки, капли засохшей краски, возможно даже мелкие гвозди, наличие которых в этой стене, едва ли кто-то принялся бы оспорить.

— Не нужно. — Прошептала, забыв добавить просительный тон, который Диму наверняка бы повеселил, так безумно он выглядел.

— Я хочу тебя. Соскучился. А ты?

Пошло провёл языком по губам, оставляя после него широкую влажную линию. Глаза сверкнули удовлетворённым блеском, когда я скривилась от неприятных ощущений.

— Отвечай. — Приказал, больно сжав лицо с боков пальцами одной руки.

— Ты этим ничего не изменишь.

— Нет. — Легко согласился Дима, на лице мелькнуло какое-то подобие улыбки. — Но удовольствие получу. Причём двойное.

Провёл рукой по моему телу от груди к низу живота, жадно охватывая мягкие участки, впиваясь в кожу пальцами, сожалея лишь о том, что сейчас ему мешает моя одежда. Задрал

подол платья, больно надавил на промежность, срывая с губ недовольное шипение.

— Как неуважительно с твоей стороны, малыш, надеть на первое за два месяца свидание, колготки. — Неодобрительно поцокал он языком, смотрел при этом смешливым взглядом, легко касался губами моего лица. — Нехорошо...

Рванул тонкий капрон, раздирая его вместе с бельём. Я непроизвольно вскрикнула, но Дима вовремя зажал рот ладонью: окошко в двери скрипнуло, послышалось недовольное ворчание конвоира.

— Командир, дай с женой пообщаться. — С хмельным весельем в голосе кинул ему Дима через плечо и уверенный в том, что его услышали, полностью вернул внимание мне.

Скривился и впился в мои губы, вырывая положенный поцелуй, провёл костяшками пальцев по скуле, несильно надавливая, тем самым демонстрируя, что сейчас зависит от него.

— Дима...

— Молчи! — Прервал, не позволяя сопротивляться, говорить, думать. Мне можно только принимать то, что он готов дать.

Внимательно глядясь в моё лицо, стянул бретельку платья, с силой стягивая ткань, прикрывающую грудь вместе с бельём, провёл большим пальцем по белоснежной коже, особенно аккуратно дотрагиваясь до соска. Сжал грудь в ладони и странно вздохнул, опустил голову, чтобы отдышаться, а потом резко её вскинул и посмотрел прямо в глаза, а в них немой вопрос. Губы недоверчиво кривятся, а рука непроизвольно тянется обратно, чтобы подтвердить подозрения и он сжимает грудь снова, а пальцы то и дело сползают к соску, вытягивая его, надавливая, он даже глаза закрыл, не желая принимать этого. Там больше ничего нет и Дима не может отдышаться, с рыком дёргает меня на себя, чтобы в следующую секунду толкнуть в стену лицом. Оттянул на себя бёдра, провёл большим пальцем, раздвигая сладки и толкнулся. Резко и глубоко.

— Молчи! — Очередной приказ, когда с моих губ сорвался стон.

Только молчать не получается, потому что сладко и горько одновременно, потому что больно, потому что здесь, потому что так...

Я даже не поняла, почему голос пропал. Просто в одну секунду вместо стога с губ сорвался хрип, дышать стало нечем, а на шее, словно тиски сомкнулись. Диме не нужно было прилагать усилий, чтобы заставить меня замолчать, стоило только лишь перекрыть дыхание, как я замолчала сама. И он лучше меня чувствовал ту грань, на которой я балансировала: темнота в глазах сменялась коротким тяжёлым вздохом, боль на кратковременную тяжесть, а хрип — на короткий, но такой значимый для нас двоих стон. Я ловила воздух ртом, ломала ногти о шершавую стену, цепляясь за неё как за спасательный круг. Держалась под его безжалостным напором из последних сил, стирая ладони в кровь, но не сдавалась. Когда толчки стали сильнее, рука, сжимающая моё горло, ослабла, а Дима прижался грудью к спине, упираясь в стену своей ладонью. Просто накрыл мою, вдавливая её сильнее. И губы были так близко, что дыхание срывалось только от понимания этого.

— Молчи. Молчи. Молчи...

Продолжал судорожно шептать он, пальцы с шеи поднялись выше, ладонь больно сдвигала нижнюю челюсть, заставляя открыть губы сильнее, а пальцы не ласкали, они, так же грубо как и всё, что сейчас происходит, проникли в рот, надавливая на челюсть изнутри. И эта власть доставляла ему животное удовольствие. Распять меня своим телом, уничтожить своей властью, раздавить своим желанием.

Не чувство, не любовь, даже не секс. Просто его сила против моей слабости. Его воля против моего повиновения. Его желание против моей сущности. И он упивался этим желанием, силой, властью. И тем, что я не могу сказать «нет». Не смогу, не посмею, никогда не решусь. Через год, через два, через десять лет... ничего не изменится ни для меня, ни для него. Я понимала это. Он понимал.

Дима кончил достаточно быстро, не давая мне расслабиться ни на секунду, просто двигался до тех пор, пока пик наслаждения не накрыл. После недолгой пульсации, резко вышел и тут же отошёл на несколько шагов, глядя на меня со стороны. Просто смотрел, как пышная юбка медленно опадает вниз, как я, пытаюсь не издать ни звука, отдираю разодранные ладони от стены. Как переступаю через себя, чтобы не сжаться в клубок и не упасть прямо здесь, на этом грязном полу, не кричать в голос от боли и обиды. Он просто смотрел.

— Деньги принесла?

Я ошарашенно оглянулась, взглядом пытаюсь найти маленькую сумку-клатч, Дима этот взгляд понял и шагнул в сторону брошенной шубки. Нажал на клапан незатейливого замка и извлёк пачку бумажных купюр, которые я предусмотрительно сняла с карты. Повернул стопку, окидывая придирчивым взглядом, посмотрел в мою сторону с прищуром.

— Помаду вытри. — Кивнул, скривившись.

Раскрыл сумочку шире и пошло улыбнулся, подцепил одним пальцем аккуратно сложенное сменное бельё, облизал губы.

— Подготовилась, значит... Ну, ну... Одевайся. — Грубо приказал и стал так, чтобы спиной прикрыть окошко наблюдения для охраны. Швырнул сумку на стол, а я не сдвинулась с места. — Хочешь предложить мне отвернуться? — Предположил насмешливо и скрестил руки на груди.

Я ни о чём не думала в эти секунды. Наверно, задумайся, точно бы упала замертво от стыда. Чего-то подобного я действительно ожидала. Чего-то, но не этого. Грубо, пошло, словно и не со мной. А ещё узнала цену его словам, его любви... нашим отношениям.

Мысленно закрыв глаза, быстро переоделась, безразлично затолкнув в клатч порванное бельё, сделав несколько неровных шагов, подняла с пола шубу, тряханула, едва не выронив вновь, едва сама не упала туда, где только что лежал мех. Мысленно приказав не терять лицо, вскинула на Диму безразличный взгляд и чуть приподняла вверх брови, когда поняла, что он смотрит, не отрываясь. Протянула шубку вперёд, а он, ухмыльнувшись, подошёл и помог мне одеться.

— Губы. — Напомнил с озорным блеском в глазах. Это всего лишь маленькая игра. Такая же, как и вся наша жизнь. Игра на двоих. Игра, ценой для которой может стать свобода.

— Зеркала нет. — Пожала я плечами, протянула ему миниатюрный флакон.

Дима покрутил помаду в руках и посмотрел на меня исподлобья. Не торопился. Я поняла его и теранула по припухшим губам тыльной стороной ладони, оставляя на ней яркий след с тусклым блеском, задрала подбородок, отдавая себя в его руки. Пришлось стиснуть зубы, когда подбородок очередной раз оказался в железный тисках, глаза непроизвольно закрылись. Но уже через мгновение я почувствовала как шелковистая помада ровным слоем легла на губы, нежно, мягко. Движения словно ласкают любимую женщину. А потом едва уловимое прикосновение к коже шеи.

— Следы останутся. — Произнёс с затаённой жалостью. Тепло его рук исчезло, а

ощущение присутствия оставалось. — Переживёшь...

Отошёл Дима тихо, словно прокрался. Поставил флакон помады на стол. Я открыла глаза.

— Охрана!

Два мощных удара кулаком в дверь, заставили меня вздрогнуть. Пара характерных щелчков от закрывающихся наручников и Диму увели, оставив меня на некоторое время в одиночестве. Несколько минут с лихвой хватило, чтобы натянуть на грязные ладони узкие кожаные перчатки, шипением передавая ощущения от этого действия. С чувством опустошённости я подошла к столу, забросила помаду, защёлкнула замок и проделала то же самое, вызвав охрану негромким стуком.

Войдя в камеру, Шах буквально на секунду закрыл глаза и выдохнул. За этим действием наблюдали восемь пар глаз. Полная тишина. А уже спустя секунду стремительно и резко подошёл, склонившись над смотрящим. Положил перед ним стопку ещё пахнущих типографской краской купюр и буквально прорычал:

— Телефон.

Мало кто из присутствующих понимал, что происходит, но эти двое поняли друг друга без лишних слов. Поэтому практически сразу, сжимая в ладони доисторический аппарат со стёртыми кнопками из мягкой резины, Шах отошёл к окну. На разговор была всего минута и он молил бога о том, чтобы не ошибиться. Гудок прошёл и тут же он услышал чёткий и уверенный голос.

— Слушаю.

Дрожь, боль облегчения и в то же мгновение ярость застелила глаза, хрупкий пластик под силой захвата захрустел.

— Кислый... — Свинцовая тяжесть в голосе сделала его тихим, но слишком тяжёлым. — Галя в СИЗО и если через десять минут она отсюда не выйдет, я порву тебя на куски собственными руками. Ты меня знаешь... уничтожу тварь... — Зубы заскрипели от напряжения. — Как она вообще тут оказалась? Ты куда смотрел? Ты знаешь, что он может с ней сделать?! — Сорвался на откровенный крик и готов был взвыть от бессилия и понимания того, что от него сейчас ничего не зависит.

Он уже знал, для чего Галя здесь. И слишком хорошо понимал, чего может стоить его успех. Вся его грёбанная жизнь, которая другим казалась такой заманчивой.

Глава 35

— Галина Анатольевна, вам сюда. — Улыбнулся высокий мужчина в форме и я невольно засмотрелась.

Он стоял у приоткрытой двери и смотрел, как я приближаюсь в сопровождении конвоира. Смотрел, призывая своим взглядом и меня посмотреть на него, но я этого не видела. Только сейчас, когда поравнялась с ним, и даже сделала пару шагов вперёд, он окликнул и всё стало понятно. И чувство, что тебя изучают, с накопленной силой ворвалось в меня. Я ответила тем же. Посмотрела, изучая.

Высокий, крепкий, идеально выбритый и приятно пахнущий. Он стоял и осанкой мог затмить любого профессионального танцора. Гордая воинская выправка, взгляд свысока. Ему очень шёл этот взгляд. Пронзительный, но слишком колючий, я внутренне тут же поёжилась. Чтобы увидеть того, кто меня окликнул, пришлось немного развернуться. Так и стояла в пол-оборота, с широко распахнутыми глазами, глядя на человека... да, я уже понимала, кто стоит передо мной. И голос его я узнала.

— Казанцев Вячеслав Дмитриевич. — Догадливо улыбнулась, чем, признаться, следователя прокуратуры по особо важным делам, порадовала, он не стал этого скрывать и удовлетворённо кивнул.

— Свободен. — Прорычал на конвоира за моей спиной, а я, признаться, так увлеклась, что забыла о его существовании, передёрнула плечами. — Прощу. — Совсем другим, более мягким, но не менее решительным тоном, он пригласил меня войти в кабинет, после чего закрыл дверь на ключ.

На уровне подсознания я не ожидала от этого человека ничего хорошего, поэтому слишком чётко слышала звуки, улавливала не предназначенные для меня взгляды, полутона в разговоре, улыбки.

— Присаживайтесь, Галина Анатольевна, присаживайтесь.

Не дожидаясь меня, он уселся на коронное место большого начальника, и посмотрел с лёгкой насмешкой на мою оторопь.

— Вы не предупреждали, что будет допрос и повестки я не получала.

— Так это и не допрос. — Развёл он руками, продолжая скрыто веселиться. — Просто беседа.

— Дружеская. — Добавила я, отвечая ему примерно такой же улыбочкой, Казанцев оскалился.

— А это, дорогая моя, позвольте, я буду вас так называть? — Только не вопрос это был, а что-то больше похожее на приказ. — Так вот, дорогая моя, это будет зависеть только от вас.

— А что, дружить со следователем сейчас в моде?

— Дружить со следователем в моде ровно с тех пор, как такая профессия появилась. И не нужно строить из себя дуру, ты ею никогда не была. Присаживайся, Галочка, очень уж ты мне нравишься, чтобы просто так взять и отпустить.

— Отпустить? — Состроила глазки я, и похлопала ресничками, а он не впечатлился, уголок губ пополз вверх, но отнюдь не для улыбки.

— Твои плечи дёрнулись, как только прозвучал щелчок замка. Ключ, как ты уже успела заметить, сейчас там отсутствует. Могу даже сказать, что положил его в передний карман брюк.

— Это на тот случай, если я захочу его забрать?

— Малыш, — окончательно расслабился он и мягко улыбнулся, — ты сможешь его забрать только после того, как твои ноги побывают здесь и то, только в случае, что мне понравится. — Он недвусмысленно похлопал себя по погонам, не акцентируя внимания на том, как быстро перешёл с официального обращения на фамильярности. — В противном случае, есть вариант откровенного разговора двух достаточно умных людей, после чего я лично открою эту дверь.

— Даже не знаю, что мне выбрать. — Я закусил губу и решительно шагнула вперёд, как раз к противоположному от следователя концу стола. Склонилась над ним, упираясь в поверхность одним лишь указательным пальцем. — Но начнём мы всё же с разговора. — Растянула губы в неприятной улыбке и уверенно села на предложенный стул. — Спрашивайте!

Но он молчал, а я смотрела на него. Не как чужая жена, а как женщина. Красивый. Наверно, даже слишком. Тёмные волосы, уверенный взгляд насыщенный голубых глаз, широкие, правильной формы брови, идеально ровный нос, яркие, чуть припухшие губы. Рослый, крепкий, такой, рядом с которым ничего не боишься. Он объективно красивее моего мужа. И я говорю не про сегодняшний день, когда Дима явно в проигрыше, я говорю о внешнем виде вообще. Он следил за собой, причёска, аккуратные ногти, выглаженные рубашки и стрелки на форменных брюках. Наверняка был любимцем женщин, мужчиной, который не знает отказов. Карьерный рост, железная хватка в любых делах, будь то отношения или работа.

— Что?! — Усмехнулся он моему вниманию и чуть навис над сложенными перед собой руками.

В глазах азарт, он почуял добычу, ему нравится мой интерес.

— Да вот, — призадумалась, как правильно сформулировать ответ, — даже не знаю, что и сказать... Красивый.

— Что?..

— Красивый, говорю.

Утвердительно кивнула я и оживилась его явному замешательству.

— Не удивляйтесь, просто один человек сказал мне, что вы старый лысеющий неудачник, а теперь я вижу, что это не так.

Надо признать, Вячеслав Дмитриевич растерялся, на мгновение вспыхнул, но тут же эта энергия направилась в нужное русло, оставляя в покое его уши.

— Неожиданное начало разговора. — Скривил он губы и переложил стопку бумажных листов с одного места на другое.

— Извините, я что-то отвлеклась от основной темы разговора. Так, о чём это мы?..

— Я хотел бы поговорить о твоём муже.

— А-а... что о нём говорить... Хотя нет, один вопрос меня всё же волнует... В чём ваш интерес?

— Интерес?

— Ну, да. Только не говорите, что вы ярый борец за справедливость.

— Х-м...

— Нет, я вообще не о том. — Поторопила заверить. — Из достоверного источника... да, да, именно из того, который говорил о старом и лысеющем, я узнала, что вы с моим мужем старые знакомые. Только в его словах ваши отношения описывались довольно просто и ясно, впрочем, как и ваша, видимо, взаимная неприязнь. Только вот сейчас, когда я смотрю на вас, понять не могу, что из того правда. Давайте так. Ну, чтобы уже без лишней туманности.

— Знаешь, признаться честно, ожидал, что ты будешь ломать комедию и строить из себя овцу. Либо борзеть на глазах, такое тоже проходил, сейчас же даже не знаю, что и думать.

— Давайте поговорим как два умных человека. — Напомнила я его недавнее предложение и Вячеслав Дмитриевич не стал скрывать нервный румянец, выждал момент, пока кровь отольёт от лица.

— Умная... — Потянул не без удовольствия и откинулся на стул, принимая расслабленную непринуждённую позу.

Я так догадалась, что-то уже понял про меня, поэтому и успокоился.

— Бойся умных женщин. Так мне бабушка говорила. А Шах, значит, не боится... — Пожевал губами, посмотрел на меня, скосив взгляд исподлобья. — И всё ему сходит с рук... Хочешь знать мой интерес? Да просто всё. Терпеть его не могу, можешь даже не спрашивать почему — не отвечу. Наглая тварь, которая пролезет в любую дырку без мыла. — С устрашающим хладнокровием пояснил следовательно. — Думал, посидит, подумает, успокоится... а он как с зоны вышел, ещё выше взлетел. Как так происходит, не скажешь?

Ответа моего он и не ждал, о своём думал, разглядывал с интересом.

— Ты вот, например, почему с ним? Красивая умная баба, молодая. Чем тебя привлёк стареющий бывший зэк?

— Да он, вроде как у меня и не спрашивал. Как говорится, пришёл, увидел, победил. Взял за руку, привёл в свой дом, сказал, что это теперь и мой дом. Такой ответ вас устроит?

Засияла я с видом лампочки Ильича, следовательно напрягся.

— Дмитровская Галина Анатольевна. — Произнёс моё имя, смакуя. Резко вскинул на меня взгляд и дерзко улыбнулся. — Зачем ты к нему вернулась?

— Такой вариант как деньги, устраивает? — Посмела предположить я, следовательно удовлетворённо кивнул, позволяя продолжать эту тему. — Так вот, деньги. — Поджав губы, повторила я, сложила руки на груди и принялась за свой рассказ. — Жила-была я, горя не знала, росла, училась, попадала в свои детские неприятности. Но в один прекрасный день исполнилось мне восемнадцать лет. А ещё через день, пришёл в мой дом незнакомый дядя и сказал, что я стану его женой. Дядю звали таинственным прозвищем Шах. О том, что это не прозвище, а самая, что ни на есть, настоящая фамилия, довелось мне узнать из свидетельства о заключении брака. Потом была первая брачная ночь. Весьма занимательная для восемнадцатилетней девушки, которая об отношениях мужчины и женщины знала, лишь тайком подглядывая из-за угла. А ещё через день мужчина, а ныне мой муж, оставив отступные в виде квартиры, исчез на долгие шесть лет. Я, как вы понимаете, девочка наивная и точно так же наивно полагала, что на этом мои приключения закончились, муж сдволился и больше не появится никогда. Понемногу начала осваиваться, училась, дружила, встретила красивого перспективного мальчика, собиралась за него замуж. Но ведь не бывает всё так просто, согласитесь, и в день, когда перспективный мальчик сделал мне предложение выйти за него замуж, гражданин Шах пожелал вернуть своё движимое

имущество в виде красавицы жены обратно. Вернуть весьма недвусмысленно: пришёл, взял за руку и увёл, во всеуслышание объявив, чья я жена и что будет тому, кто посмеет позариться.

На секунду я замолчала, переводя дух, а потом взглянула холодно и зло.

— Дядя Шах, несмотря на свой опыт и статус, хотел простого человеческого счастья, но продержав красавицу жену рядом, понял, что ничего в этой жизни не даётся просто так и никого нельзя заставить полюбить. Но если любовь купить нельзя, то нежность и ласку вполне. Жена и сын. Семья. Это он поставил на кон. Он получал семью, я получала всё, что у него было.

— Деньги?

— Деньги. Согласитесь, это не самая большая цена за две разрушенные жизни. Мою и одного красивого мальчика, который тоже хотел свой кусочек счастья.

Следователь пристально посмотрел мне в глаза, а я, чтобы ему было лучше видно, села, повернувшись лицом.

— Я родила сына. Я стала хорошей женой. Верной и любящей. И в оговоренный срок, всё его имущество стало принадлежать мне.

Тут я не сдержала смехок.

— По иронии судьбы, сразу после подписания бумаг, дядя Шах снова оказывается в тюрьме. А я получаю всё. И деньги, и свободу. Как вам сюжет? Вот это и есть красиво. Это и есть справедливость. Не так ли?

Широко улыбнулась и расслабилась, слегка опадая на спинку стула.

— Он знал, что всё будет именно так. Он чувствовал. Каждый получает по заслугам.

Следователь внимательно выслушал, но едва ли решался сделать выводы. Смотрел, пытаясь уловить интригу, подвох. Смотрел и не видел. Не чувствовал. Решил пойти ва-банк, потому достал из портфеля планшет, несколько раз кликнул по сенсорному экрану пальцем и перевернул дисплей ко мне.

— Да... — Потянула, глядя на видеозапись моего общения с мужем. — Слышала я, что тайным эротическим желанием большинства мужчин является подглядывание, но чтобы убедиться наверняка... Вячеслав Дмитриевич, а вы ходок...

Он посмотрел на мои руки, которые я пристроила на столе, широко расставив локти.

— Покажи. — Кивнул на кожаные перчатки, я стиснула зубы. — Проблемы?

— Холодно тут у вас.

Я даже плечи потёрла для достоверности, хотя так и не сняла шубку. Вячеслав Дмитриевич не оценил и, перегнувшись через стол, с силой стянул перчатки. А чувство такое, словно и кожу с ладоней снял. Я зашипела, внутренне содрогаясь от резкой боли, но ладони спрятать не посмела.

— Да-а, — потянула, пошло облизываясь, — папочка любит жёстко.

— Думаешь, я тебя пожалею? — Склонил голову набок, пытаясь считать мои эмоции, а я безразлично пожалала плечами.

— Вряд ли. Жалость это не то, что красит мужчину. Это, скорее, признак слабости. Дима так говорил.

— Он удерживал тебя силой? — Подозрительно смягчился следователь, но я не повелась.

— У нас был уговор. И, несмотря на отсутствие бумажных страниц, скреплённых подписями и печатями юристов, каждый строго соблюдал правила. Потому что знал, какую

выгоду получит.

— Так просто?

— А зачем что-то усложнять?

— Но ты всё-таки родила ему сына. Значит, будешь растить его и видеть как...

— А вот тут, — перешла я на азартный шёпот, перебивая, перегнулась через стол, чтобы сократить между нами расстояние и сохранить сказанное в секрете, — тут начинается самое интересное. — Потянула не без удовольствия и зажмурилась от переизбытка адреналина, выделившегося в кровь.

Ощущая сладковатый привкус победы, я готова была заурчать, не скрывая триумфа, облизнула губы в яркой помаде, чуть приоткрыла их и наклонилась ещё ближе, чтобы прошептать едва ли не на ухо.

— Сын не от Шаха. — Произнесла, прикрывая рот ладошкой с одной стороны.

Замерла в таком положении, ощущая напряжение, исходящее от следователя, и, медленно оседая на место, не отводя взгляда от его глаз, продолжила.

— Был у меня любимый мальчик, любимый мальчик и остался.

Села, довольно и широко улыбнулась. Опустила взгляд, когда он понимающе хмыкнул.

— Никого нельзя заставить полюбить... Только об этом т-ш-ш. — Приложила палец к губам и уже не пыталась сдержать алчную улыбку.

— А если я расскажу ему?

— Только чтобы добить... — Безразлично отозвалась я, а он ухмыльнулся. — Что, хотите, чтобы и вас приласкала? — Мурлыкнула, протянула руку через стол и легко коснулась его щеки. Следователь отшатнулся, но в глазах читался вызов. — Сожалею и ничем не могу помочь...

— Я решаю, что ты здесь делаешь, а что нет.

Мне оставалось лишь отрицательно покачать головой, что я и сделала, выводя его из себя.

— Значит, придётся принять такое решение, которое не позволит вашей короне упасть. И... всё же... какой у вас в этом деле интерес?

— Разве я не ответил? — Изогнул он красивую бровь и сдавленно улыбнулся, скорее, пытался эту улыбку сдержать.

— Как это мелко... банальная ненависть...

— А если я отвечу «деньги»? Деньги — это достаточно веский повод?

— Деньги решают в нашей жизни очень многое.

— Значит, это действительно деньги. — Скривил он губы, чуть вытягивая их, о чём-то размышляя. — Борис Ковалёв. Если это имя тебе о чём-нибудь говорит.

Меня передёрнуло от мелкой дрожи, которая очень быстро переросла в озноб. Пришлось кутаться в шубу, чтобы хоть как-то переждать этот момент. Борис Ковалёв... Борис Ковалёв... Говорит ли мне это имя о чём-либо?.. Но почему он?..

На мгновение я растерялась. То самое мгновение, за которое следователь и зацепился, то самое, которое могло стоить мне слишком многого.

— Ирония судьбы, не иначе. — Глубокомысленно изрекла я и встала, Вячеслав Дмитриевич подскочил следом. В этой позе его и застал звонок стационарного телефона.

— Да. — Быстрый взгляд на меня. — Кто? — Напряжённый выдох и тут же надутые щёки, изображающие верх замешательства. — Не сейчас.

Только говорящий продолжал что-то судорожно тараторить в трубку. Слов не разобрать,

но интонация, давление, которое читалось в его речи, заставляли следователя хмуриться.

— Хорошо, пропусти. — Выдавил недовольно и сцепил зубы. Посмотрел на меня прямо. — Стерва.

На это я утаила рвущуюся улыбку и невинно похлопала ресничками. Пожала плечами.

— До свидания, Вячеслав Дмитриевич. — Проговорила медовым голосом, с весельем во взгляде наблюдая за тем, как он направился отворять дверь. — Только помните, всё, что было сказано между нами — секрет. Т-ш-ш. — Напомнила ровно за секунду до того, как дверь открылась с обратной стороны и в кабинет, наблюдая за растерянным от моего напоминания Вячеславом Дмитриевичем, вошли двое мужчин.

Лёша Кислый держался молодцом, практически не выказывая и доли бушующего внутри него презрения. Второй мужчина, как я поняла, адвокат, нацепил на лицо строгую самоуверенную профессиональную улыбку и оставался хладнокровен. Следователь не пытался уже изобразить ничего и лишь наблюдал за тем, как я мило улыбаюсь Диминым друзьям, словно минуту назад и не призналась в самом страшном преступлении, которое могла совершить женщина.

— Галина Анатольевна?.. — Сдержанно отозвался адвокат, на что я понимающе кивнула, прерывая зрительный контакт со следователем.

— Иду. До свидания, Вячеслав Дмитриевич. — Прошептала с придыханием на последних слогах. — До свидания.

И, резким выпадом, послала ему воздушный поцелуй, оставляя на ладони чёткий след губной помады. Вышла, вильнув воображаемым хвостом и, набирая темп по ходу, не успевала справляться с бушующими эмоциями.

Из здания КПП выскочила, не забрав оставленный документ, практически бегом направилась к знакомому автомобилю, запрыгнула на заднее сидение и захотелось разрыдаться от беспомощности. Но хватило меня на пару жалких всхлипов и влажный нос. Лёша сел на водительское кресло и только тогда обратился напрямую. Он ничего не говорил, он изучающе смотрел, ожидая, что я скажу первая. А у меня такое опустошение, такая усталость навалилась, что... ни то, что слова, дышать даже было трудно. Внутри стояло ясное желание уснуть и проснуться только когда всё это закончится.

— Что у вас произошло? — Наконец, спросил он, не отводя упрямого взгляда. Посмотрел на мои руки, которыми я судорожно сжимала тонкие перчатки, протянул свою, провёл большим пальцем по развёрнутой ладони.

— Я не знаю...

— Я не про Диму. Он звонил мне. Я спрашиваю про Казанцева. Что у вас с ним произошло? Что ты ему сказала? Я никогда не видел Славика таким растерянным.

— Знаешь, — я нервно усмехнулась, и вытерла нос, — если кто попросит меня исполнить свой монолог на бис, я не справлюсь... чистейшая импровизация. Лёш, а это правда, что ветер дует от Бориса Аркадьевича? Это он?

Лёша не ответил, отвернулся.

— Галя, ты же знаешь, что в мужские дела...

— Мы можем что-нибудь сделать? — Перебила я, понимая, что мне ответят.

— Подождать пока он разорится? — В шутку предположил Кислый и сам же этому грустно улыбнулся.

— Галь, если честно, то я просто не знаю, что делать. В суде у нас есть шанс выиграть. Причём не малый. Но пока он спонсирует следствие, дело не двинется с мёртвой точки. А

самое противное во всей ситуации то, что я не вижу причины. Не знаю, поему он на Шаха взъелся. Где Дима ему дорогу перешёл... — Развёл руками, импульсивно выбрасывая свои эмоции. — Но Ковалёв словно с цепи сорвался, я даже не могу добиться с ним встречи.

— Он в городе?

— Я слышал, что не вылезает из офиса. Ты же про своего бывшего слышала?

Я коротко кивнула, а Лёша мне вторил в этом жесте.

— С тех пор и бесится, никак пережить не может. Только я прошу тебя!.. — Тут же пресёк все мои мысли он резким возгласом и выдвинул руки вперёд. — Не лезь в это дело. Сейчас всё для сына делать должна. Я понимаю, тебе сложно...

— Дима в тюрьме, Лёш.. о каких сложностях ты сейчас говоришь? Всё хорошо, спасибо тебе огромное. И за то, что с нами, и за то, что поддерживаешь, но...

— Не лезь в это дело. — Прорычал он, уловив мой мимолётный взгляд, и завёл мотор. — Дима очень не хочет, чтобы с тобой и сыном что-нибудь случилось. — Оглянулся, вспомнил ради чего мы вообще собрались, и на глазах побагровел. — И если ещё раз выкинешь такой фокус... Я тебя предупредил. — Выдохнул сурово, но я сейчас думала совсем о другом.

Через полчаса быстрой езды, высадил меня у своего дома.

— Ваньку я у твоей бабки забрал, Лия сидит с ним. И я тебя прошу, не говори, где ты была.

— Я знаю, что она беременна. — Пояснила, когда Лёша набрал в грудь побольше воздуха и, буквально говоря, сдулся, услышав моё заявление.

— Просто не нужно ей ничего говорить. Всё. Я уехал.

— Пока. — Кинула я, уже глядя вслед отъезжающему автомобилю.

Постояла не больше минуты прежде, чем набрала номер её телефона.

— Привет, дорогая, это Галя, хочу попросить.

— Галя, Лёша мне голову оторвёт. — Понимающе простонала Лия в трубку, но тут же взяла себя в руки. — Ты что-то узнала? Что-то про Диму?

— Просто посиди с Ванькой, покорми его, я быстро.

— Так нельзя, Галь, скажи, куда едешь? Лёша чуть с ума не сошёл, пока твоя бабуля не дозвонилась. Что я ему сейчас скажу?

— Я вернусь раньше, обещаю.

И повесила трубку, пока доводы разума не пересилили безумство.

У ближайшего банкомата сняла необходимый минимум на такси в ту и обратную сторону, вызвала машину и уже через час стояла у дверей огромного офиса, в котором была всего один раз. В тот день я считала, что счастлива, держала под руку Антона и широко улыбалась его отцу. Сейчас мои колени дрожали, на лице залегали тени не проходящего беспокойства, а в голове полная каша и остатки сумбура, который и привёл меня к этому зданию в самом центре города.

Глава 36

— Девушка, вы к кому? — Остановил пусть и достаточно вежливый, но угрожающего вида секьюрити. Я попятилась назад.

— Ковалёв Борис Аркадьевич. Я бы хотела его видеть, он на месте?

— Как о вас доложить?

— Шах. — Проговорила на грани слышимости, мужчина нахмурился. — Галина Шах. — Поторопилась произнести громче, а сама уже чувствовала, как невидимые тиски

давят на меня сразу со всех сторон.

Нервно теребила нашейный платок, который теперь не могла снять, так как чётко ощущала следы недавней борьбы на коже. Не могла я снять и перчатки. Только воровато оглядывалась, не зная, чего ожидать. И когда секьюрити громогласно прокашлялся, привлекая внимание, подпрыгнула на месте.

— Вас ждут. — Коротко известил он и выписал одноразовый пропуск. — Это для лифта. — Пояснил, направляя кивком головы в нужную сторону.

На последнем этаже меня встретило какое-то странное запустение. А ещё я точно знала, что это не этаж головного офиса, но помещение не было заброшенным, скорее, более обжитым, более одомашненным. Шагнула вглубь, не забывая периодически озираться по сторонам. Светлые просторные коридоры со множеством картин на стене словно вели меня в нужном направлении.

— Проходи, дорогая. — Послышалось из-за спины и я в панике застыла на месте. Всё это время не замечала наблюдавшего за моим передвижением мужчину.

Борис Аркадьевич практически не изменился и лишь усталый взгляд выдавал истинный настрой.

— Здравствуйте. — Кивнула, поздоровавшись, он только усмехнулся и вышел ближе к свету.

Строгий, деловой, слишком решительный для ситуации. Осмотрел меня с нескрываемой насмешкой, указал рукой на огромный гостевой зал, к которому вели все, без исключения, коридоры этажа.

— Изменилась. — Констатировал. — Похорошела. Улыбка тебе к лицу, нужно больше улыбаться.

— Есть повод? — Остановилась я, не решаясь сесть напротив хозяина, в то время как Ковалёв вальяжно раскинулся в низком кресле гостиного гарнитура.

— Права, Галочка, как всегда права. Что? — Осмотрел с ног до головы? — И в мехах, и в шелках не сладко?

— Я никогда не стремилась к роскоши.

Немного подумав, он согласился, условно кивнув.

— Присаживайся, когда ещё вот так посидим, ведь не радуешь старика. Как дела? Дом? Семья? — Спросил, словно между прочим, а сам меня разглядывал и реакцию мою на его слова уловить пытался. Смаковал.

— Вам ли не знать... Борис Аркадьевич, это ведь вы заплатили за Димин арест, не так ли?

Перешла к сути, а Ковалёв, не довольный моей прямоотой крикнул. Немного размял плечи, скорее, чтобы отвлечься, нежели от затёкших мышц, шумно выдохнул, раздувая при этом щёки, развёл руками. Я тем временем приспустила полушубок с плеч, пытаюсь вздохнуть, только под пристальным взглядом это казалось не самым простым делом.

— Так, разве это в моих силах, Галочка? Да и...

— Я разговаривала со следователем. — Пояснила и Ковалёв неприятно улыбнулся.

— За благоверного просить пришла? — Нахмурился он и окончательно расслабился. Мог себе это позволить. Мы оба это понимали.

— Дима мой муж и я...

— Считаешь, он того стоит? — Перебил Ковалёв, глаза его блестели, а губы растянулись в прямую линию. Махнул рукой, не переждав моей заминки. — Не лезь не в своё дело. Вот

тебе мой совет, Галочка. Ты красивая девочка, вот такой и оставайся. Мужские дела, они, знаешь ли, приводят к морщинам.

— Я никогда не понимала, что вас связывает. Дима занимался...

— Металлом он занимался, дорогая моя. А не тем, что ты мне сейчас сказать хочешь. Остальное это так, для души, в наличии которой, я лично, глубоко сомневаюсь. А алюминий, к слову, тоже относится к ценным породам.

Я замолчала, а Ковалёва это повеселило.

— Рад, что смог открыть тебе глаза. Вот так, в разговоре, сколько ещё нового можно узнать о родном, казалось бы, человеку. А сколько тайн хранит Шах, даже мне не известно.

— Я хочу попросить вас отозвать людей.

— Проси! — Рывкнул он и сжал кулаки так, что я точно так же сжалась изнутри. — И хорошо проси. Подумай, что можешь предложить взамен его свободы. Есть ли у тебя что-то достаточно ценное.

Он говорил, скрипя зубами, а я только его боль видела. За Антона, за сына своего. И нас с Димой в чём-то винил, это и без слов понятно было. Поэтому у меня и слёзы на глаза наворачивались, что Ковалёва только больше злило.

— Думаешь, нужна ему? Любит? — Возмутился он, и едва ли на месте не подпрыгивал. — Да хрен там! Просто собственник жуткий. И никогда не примет того, что ты посмела другого выбрать. Думаешь, вернулся за тобой? Опять не угадала! — Ударил в ладони, разрезая этим звуком пространство. — Да случайность всё это. И ты, и Антон. По себе знаю, что, как своё увидишь в чужих руках, так удавиться хочется. Так и он. Через себя перешагнёт, из кожи вылезет, а докажет свою правоту. А чего ты хочешь? Чего хочешь ТЫ? Ты вообще сына моего любила? Замуж ведь собралась, в семью была вхожа. Ни одна до тебя и близко не стояла, а тут...

— В том, что случилось, никто не виноват. — Я старалась, чтобы голос мой звучал твёрдо. — В том, что случилось с Антоном.

— Да что ты знаешь о том, что с ним случилось?! — Взвился Ковалёв, окончательно оставляя фальшивые улыбки за кадром, с кресла вскочил, схватил меня за плечо, притягивая к себе. — Что ты о нём знаешь? Разве тебе до того было? О нём ты думала?! — Продолжал сжимать мою руку, шипя и проклиная в душе.

Тут же опомнился, отпустил, но не отошёл. Стал, уперев руки в бока, выпуская из груди распирающий её воздух.

— Тебе никогда меня не понять... — Сдался, закрыл лицо ладонями и тут же растёр его до красноты. — Так вот, я снова задаю тебе вопрос: что ты готова мне предложить взамен свободы Шаха?

От слов Ковалёва сквозило холодом, а от него самого жаром злобы, которая выжигала всё внутри.

Не знаю, о чём я подумала в тот момент, когда слышала его слова. Не знаю, думала ли я вообще или только чувствовала. Но руки сами собой нашли маленькую сумочку, которая успела потеряться в просторном кресле, извлекли из неё плоский телефон и, с едва различимым стуком, аппарат опустился на маленький журнальный столик. Ковалёв моргнул, глядя на него. Потом ещё раз. После его губы с отвращением скривились, а на скулах выступили желваки.

— Что это значит?! — Напряжённо прорычал он.

— Внук. — Прошептала я, окутанная теперь уже отнюдь не жалостью — страхом.

Чувствовала, как земля уходит из-под ног, как мужчина меняется в лице. И не хотела я помнить о данных Диме обещаниях, что ни одна живая душа об этом не узнает. Поджала ягодицы, руки уже давно сжимались в кулаках, а короткие ногти впивались в и без того разодранные ладони.

— Чей? — Осипшим голосом проронил Ковалёв и моё сердце сжалось ещё сильнее.

— Ваш.

Он не моргал, он даже не дышал, он просто смотрел на Ваньку, который улыбался с экрана телефона. На фото ему всего три месяца, он только научился держать головку и с удовольствием демонстрировал свои навыки на камеру. Напряжённо сморщенный лобик и огромные голубые глаза, на фоне отросших тёмных волосков. Ковалёв побелел, прежде чем взглянуть на меня.

— Не играй со мной, девочка. — Устрашающе медленно покачал головой. — Не смей. Слышишь ты меня или нет?! Не смей! — Проорал во всё горло, и сжал мою шею так, что в глазах потемнело. — Что это? — Послышалось сквозь эту темноту и практически нежное движение, он провёл большим пальцем по моей шее и тут же отпустил.

Он отпустил, а я не сразу поняла, что и сама ногтями вцепилась в его запястье, до крови впиваясь в кожу.

Ковалёв отошёл на шаг назад, схватил со столика телефон и принялся скоро листать фотографии, после чего просто швырнул аппарат на диван, что стоял в стороне.

— С чего ты взяла, что я поверю в этот бред? — Проговорил нервно, сам не сводил взгляда с телефона, который всего одним уголком выглядывал из-под подушки.

— Это правда.

— Правда?! — Зло сверкнул он глазами, глядя на меня? — И Шах ничего не заметил? Не понял? Он предательство за версту чует. Или, хочешь сказать, что позволил бы ему родиться? Как такое вообще возможно?

Ковалёв задавал вопросы, не особо задумываясь о их сути. Просто озвучивал мысли в том порядке, в котором они появлялись в его голове. Сам разволновался от их сумбурности и просто взял время для передышки. Отошёл в сторону, глядя в огромное панорамное окно с высоты офисного здания.

— Ты ответишь хотя бы на одни из вопросов? — Чуть повернул он голову в сторону, но так и не посмотрел, скорее, дал понять, что помнит о моём присутствии. — Ты ведь любишь Шаха. Не слепой, вижу. Не понимаю, правда, за что...

Усмехнулся, но тут же подобрался. Повернулся полностью и теперь ни одна деталь не ускользнёт от него.

— Ты сейчас понимаешь вообще, что будет, если мне соврала? Что я с тобой сделаю? — Прищурился он, а я старалась сидеть ровно. — Что я с твоим ребёнком сделаю, если ты мне соврала? Ты никогда больше его не увидишь и всё из-за чего? Неужели сделала выбор? Ребёнок тебе не нужен?

— Ванька мой сын и я никому его не отдам. И, чтобы вы знали... если предстоит делать выбор... я всегда выберу сына. Но сейчас просто прошу мне поверить. Не задавать вопросов, не спрашивать, как так получилось и почему, мне нечего вам пока ответить... просто...

Я в очередной раз запнулась и уже не смогла продолжить под давлением его взгляда.

— Когда он родился? — Жёстко и с какой-то нечеловеческой хваткой спросил Ковалёв, направляясь к рабочему столу, который стоял неподалёку и отделял рабочую зону от зоны отдыха.

— В начале июля, — Произнесла тихо, а тот уже принялся что-то отсчитывать, хмурясь и вглядываясь в цифры. — Только я не доносила две недели — Попробовала добавить, а он цыкнул.

— Значит, в октябре?

— Что?

— Ты забеременела в октябре. — Уже утвердительно кивнул он, и посмотрел так, что поджилки затряслись.

Мне оставалось только поддаться на эту уверенность и, приоткрыв рот, кивнуть, потому что звуков произнести я не смогла. Честно: не знала ответа на этот вопрос. Вот, просто не знала и всё. В один миг, от одного его взгляда из головы всё вылетело.

— Ну, конечно... иначе с чего... — Разговаривал он с самим собой, неверяще ухмыляясь. — Но как? То есть... Нет... Как так получилось? Ты...

— Я не знала. — Твёрдым словом отрезала я его терзания. — Прошу вас, не задавайте никаких вопросов, могу сказать только то, что... Один Дима знал, что так может случиться, что Ванька ваш внук.

— Ванька? — Ухватился он за эту информацию, как утопающий за соломинку. — Хорошее имя. Что, что, а в этом Шах соображает. Но он ведь мог...

Лицо Ковалёва несколько раз передёрнуло как в судороге, а в глазах начало проясняться.

— Конечно... Это многое объясняет. И то, что отдалился... и то, что не подпускал... Засранец! Вот, значит, как?!

Он принялся нервно пыхтеть и что-то искать на своём столе, а мне оставалось только наблюдать за его метаниями, боясь отвлечь.

— А что?! Тоже правильно. Мелкий ублюдок! Спрятать решил, да? — Бормотал под нос самому себе. — И я хорош... как мальчишка, как школьник повёлся.

Набрал номер на телефоне.

— Кислицын?.. Да, я. Что ты там говорил про бумажки свои?.. Что? Да, сейчас могу. Давай, давай, вихрем несись.

На меня посмотрел и широко улыбнулся.

— Почему здесь? Сын где? — Я, признаться, растерялась, не нашла, что ответить, а он уже довольно подбородок задрал. — Говорил же, в мужские дела не лезь! Вот ты и не лезь. Домой, к Ваньке.

Вызвал людей из охраны.

— Отвезёшь, куда скажет. — Кивнул в мою сторону, а я с места подскочила.

— Вы отзовёте людей?

— Вытащу. — Довольно оскалился. — Только для того, чтобы собственными руками задушить, вытащу. — Продемонстрировал мощные кулаки. — Засранец! Коль, представляешь? — Обратился к мужчине за моей спиной. — Внук у меня растёт. Богатырь!

На меня косо взглянул.

— Богатырь?

— Да...

— Ну, всё, иди, иди. Быстро такие дела не делаются. Но через неделю будет дома. Слово даю. — Загордился он возможностью говорить такие слова. — Телефон оставь! — Прикрикнул, когда я к дивану подошла. — Я завтра завезу. — Пояснил и словно благословил, так рукой махнул.

Я сидела в чужой машине и понять пыталась, что же произошло. Правильно ли поступила, что рассказала? Были ли у меня шансы Диме как-то иначе помочь? А что, если он Ванечку заберёт? — Кольнул испуг, но я тут же успокоилась, потому что не верила в это. Ковалёва практически не знала, но казалось, что не тот он человек.

Лёша явился домой к утру, попытался сдержать улыбку, но так и не смог. Сдержанно мне кивнул.

— Всё будет, Галь, прорвёмся!

А потом наступили самые тяжёлые дни ожидания. Вытащить Диму и приостановить дело за недостатком улик или что они там ещё придумали, было не так просто, как его туда отправить. Лёша говорил, что следователь упирается до последнего. Я кусала губы, ломала пальцы, локти, бродила из угла в угол, как только выдавалась свободная минутка. Только Ванька и спасал.

Ковалёв, как и обещал, приехал на следующий день, на Ваньку долго смотрел, вроде как сравнивал, примерялся. На руки взять так и не решился, но попросил волос для экспертизы, а я и не была против. В следующий раз вернулся через четыре дня совсем другим. С подарками, с цветами и со словами благодарности. Я плохо помню это время, да и вообще, как-то потерялась, запуталась. Из дома не выходила, на прогулку отправляла Лийку, а она только рада. Наверно, я жалела себя. Оттого и мучилась так, оттого и места не находила.

Практически не ела, похудела, я только и делала, что ждала, верила. Потеряла сон, наверно, стала похожа на зомби из фильма ужасов, потому что Лёша при виде меня неодобрительно качал головой. На все короткие «Что?» отвечал упрямо поджатыми губами.

Неделя растянулась в три, пошла четвёртая. Ничего не решалось, а узел, словно затягивался всё туже и туже. Ковалёв, глядя на меня, стал заметно нервничать и злиться, сам вызывался гулять с ребёнком, уговаривал отдохнуть, предлагал какие-то санатории, обещая присмотреть за Ванькой. Однажды едва ли не силой заставил поесть, правда, результатом такого давления стала рвота. Как он тогда кричал... А на самом деле не на шутку волновался и всерьёз беспокоился, грозясь сдать врачам.

Вскоре я и сама ощущала степень своей измотанности, спать хотелось всё время, еда по-прежнему не проходила, а утренняя тошнота на фоне голодания замучила в конец. Причина таких изменений обнаружилась достаточно быстро, и есть я стала через силу. Даже когда уже не лезло. Пыталась наверстать упущенное и вернуть себе человеческий вид. Ковалёв начал мне улыбаться, словно о чём-то догадался, а я не скрывала своей радости, купалась в ней. Теперь находилось время для всего, а жалость как-то поутихла, уступая время обычным заботам молодой мамы. Лия и Лёша не комментировали, хотя, на фоне своих переживаний, могли просто не догадываться.

В тот вечер никак не получалось уложить Ваньку. Он капризничал, плакал, сучил ножками, и столбиком стоял в кровати. Я отключилась ближе к полуночи, а как проснулась, Ванька спокойно лежал, укрытый толстым пуховым одеялом. В душе, недалеко от моей комнаты, шумела вода, хотя Лёша предпочитает ванную в другом конце квартиры, Лия же, вообще в это время спит крепким сном беременной женщины, отсыпаясь впрок. Это меня насторожило и я прислушалась. Вскоре вода стихла, а по полу послышались шаги босых ног. Дверь в мою комнату бесшумно отворилась и сомнений не оставалось.

Дима остановился у кровати и некоторое время просто смотрел, а я не решалась повернуться, дыхание затаила, губу закусил, чтобы не расплакаться на эмоциях, сжала

кулаками угол одеяла, цепляясь за него, закрыла глаза. Матрац заметно прогнулся, а в мою шею уткнулся прохладный нос, по линии подбородка прошлись мягкие горячие губы, а я только зажмурилась сильнее, боясь, что это сон.

— Прости, что разбудил. — Прошептал, крепко прижимая меня к себе, шарил по телу, не переставая осыпать лицо и шею мелкими поцелуями.

Мы затихли, прислушиваясь к дыханию друг друга. Его, мощное и шумное, размеренное. И моё, быстрое, поверхностное, вот-вот готовое сорваться. Собравшись с силами, я повернулась в кольце Диминых рук, крепко-крепко прижимаясь к нему, такому родному, любимому. Уткнулась носом в широкую шею, всхлипнула, сдерживаясь, потёрлась, пытаюсь прижаться плотнее, и не смогла сдержать слёз облегчения, радости... не знаю, чего там ещё было намешано, но лились они быстро, выходили легко, без истерик, так, словно всю мою боль с собой забирая.

— Ты Ваньку уложил?

— Он совсем взрослым стал. — Мягко усмехнулся Дима, глядя в сторону кровати. — Прихожу, а сын маму укачал и стоит как соловей, наблюдает. Не испугался меня, представляешь? Я думал, плакать начнёт, а он узнал. Лёха его тренировал наверно, да?

Он говорил так нежно, проникновенно, с затаённой радостью, с боязнью спугнуть счастье, просто слов нет, чтобы эти чувства выразить. Самый дорогой, самый главный в моей жизни. Он всё поймёт, простит, подскажет. Только с ним я могу расправить плечи, ощущаю себя под защитой. Слабой, ранимой, способной отдавать нежность, заботу и любовь. Поэтому сейчас, вжимаясь в его тело, дрожу от волнения, смешанного со страхом.

— Дим, я всё ему рассказала. — Призналась и замерла, Дима тоже дыхание задержал, пальцы ощутимо впились в мою спину. — Борису Аркадьевичу.

Ещё не больше секунды он молчал, прежде чем выдохнуть. Не облегчённо, но и обречённости я не почувствовала. Коснулся губами моих волос на макушке, а потом, так легко, словно напасти отгоняя, провёл по всей длине волос, останавливаясь на пояснице, чтобы прижать меня к себе.

— Я знаю. — Проговорил в подставленную щёку.

— Прости, я... я должна была что-нибудь сделать...

— Тише. — Посмотрел на меня внимательно, чуть отстранив, взял лицо в ладони. — Всё хорошо. Всё правильно. Ты молодец. — Коснулся губами носа и тут же внушительно посмотрел. — Ты всё правильно сделала, я горжусь тобой. Я не прав был, он действительно имел право знать.

— И что теперь?

— Ничего.

Дима снова прижал меня к себе. Показалось, для того, чтобы его глаза не видела, но я старалась не заострять внимание на предчувствиях.

— Я разговаривал с ним. — Продолжил чуть позже. — Долго. Нам нечего делить.

— Но ведь не будет как раньше, правда?

— Не будет. Будет по-другому. — Успокаивающе поглаживал меня по голове и тихо нашёптывал. — Так, как ты захочешь...

И эта фраза, как стартовый рывок была мне необходима, я подобралась, взглянула на мужа с надеждой.

— Дим, я тут насчёт работы думала, зачем тебе всё это? Бизнес этот, руководящая должность. У нас ведь всё есть. Ты... ты художник, ты мыслишь иначе. Помнишь, знакомил

меня с одним французом, ювелиром, говорил, что у него крупнейшая компания в Европе. Так вот, его люди недавно пытались выйти с тобой на связь, приглашали поработать в команде. Ты ведь об этом мечтал.

— Галя...

— Уедем, начнём всё с начала. — В азарте продолжала я, а Дима улыбался, я чувствовала это.

— Малыш, не сейчас. — Прижался губами к моим губам в нежном поцелуе. Провёл по ним языком, чуть раздвигая и вздохнул, вжимая в своё плечо, чуть раскачиваясь из стороны в сторону.

— Я ещё сказать хотела...

— Галя, детка, — выдохнул страдальчески, — всё будет так, как ты хочешь, но завтра. Я совсем немножко отдохну. Совсем чуть-чуть. — Попросил еле слышно и губами к макушке приткнулся. — А завтра с новыми силами...

— Хорошо. О том, что у нас будет дочка, я скажу тебе завтра.

Сказала и почувствовала, как мышцы каменеют, как руки сжимаются, а грудная клетка поднимается на вдохе.

— Что? — Возмутилась, упираясь в его грудь пальцами, но отстраниться Дима не позволил. — Не думал же ты, что твои подвиги в СИЗО останутся безнаказанными?

В уме я считала до десяти, а на деле пришлось пройтись и в обратной очерёдности, потому как соображал Дима долго, по-видимому, всю информацию ему действительно стоило выдать завтра и то, частями, небольшими порциями, приправляя их дюжиной хороших новостей.

Первое, что он сделал, так это носом о меня потёрся, вдыхая аромат волос, руки дали мне свободу, но ненадолго, буквально на несколько секунд, чтобы тут же прижаться к низу живота. Туда, где уже зародилась маленькая жизнь.

— Наверно, в таких случаях стоит напомнить, что я тебя люблю. Правда?

— Только поэтому сказал? Потому что так принято?

— Нет, — усмехнулся, — потому что я действительно тебя люблю. И живу ради вас. Ты простишь меня?

— За что?

— За то, что всё так.

— Как?

— Неправильно. Детей в постели делают, а не в вонючей камере. Не сдержался, правда. Как представил, что ты действительно можешь от меня уйти... Не знаю, какими силами поверил, что это представление. Он не тронул тебя?

— Скорее, тебе посочувствовал, Дим. Всё хорошо. Главное, что ты теперь со мной. Ванька так скучал...

— Боря сказал он уже стоит.

— Да наш сын и пойдёт скоро, и если папа не перестанет работать день и ночь, то обязательно это увидит.

— Как ты там говорила? Бросить всё?

Короткий сдавленный смех поглотила ночная тишина.

Эпилог

Мы вместе шесть лет. Те самый шесть лет, которые пропустили. Я смотрю на свою семью, на мужа и детей, и не хочется верить, что всего этого могло не быть. Каждый день

спрашиваю себя, такой ли я представляла эту жизнь? Да. Такой. С любимым мужчиной, с сыном и дочкой, с чужими родителями, которые стали мне как родные, приняв, пустив в свою жизнь. Это ведь хорошо, когда все счастливы. Когда живут одной большой дружной семьёй. И мы стали семьёй, ради нас, ради детей, ради успокоения души. Сегодня самый обычный день моей жизни. Домашние хлопоты, громкие крики и озорной детский смех, переполняющий дом — такие родные и любимые звуки, которые делают нас людьми. Счастливыми людьми.

— Я дома. — Донёсся громкий крик со стороны веранды. Дети, бросив свои занятия и уроки, бросились вниз по лестнице.

— Папа!

— Папа пришёл!

— А мы с мамой готовили борщ. — Гордо заявила Маринка.

— Папа, папа, а я сам собрал удочку. Ту, синюю, которую ты сказал, будем вместе собирать. Пойдём вечером на рыбалку?

— Сначала борщ! Папа голодный!

— А потом на рыбалку! Папа, ты обещал!

— А потом ты повезёшь на курорт маму выгуливать новые наряды. — Спустилась и я с лестницы, спасая Диму от непосед.

— Внимание! Диктую распорядок на ближайшие три часа: борщ, — погладил по голове Марину, — уроки, — строго глянул на Ваньку. — Да, да, сын, уроки. Потом проверяем удочки...

— Это спиннинг.

— Да. Проверяем спиннинг и идём рыбачить. Егор уже и машину подготовил. Иди, посмотри, что он тебе купил. Марина, разливай борщ, будем есть.

А пока дети разбежались в разные стороны, прижал меня к себе, зажимая между зубами мою нижнюю губу.

— А потом мы отправимся выгуливать новые мамины чулки. — Провокационно лизнул губы, отпуская захват.

— Вообще-то я говорила о платьях. — Заглянула я в глаза, в которых при виде меня не остаётся и доли здравого смысла, не выдержала и расплылась в довольно улыбке. Да. Моё счастье выглядит именно так. Когда все вместе. И когда в доме живёт любовь.

Конец.

Больше книг на сайте - Knigolub.net